This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Hear 147.2

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

4688

Отд. XVII № 6583 Шк.

БЕСѢДА

VIII

МОСКВА

1872.

Digitized by Google

КНИГА VIII-я.—АВГУСТЪ. 1872 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТДѢЛЪ I.

Стр.

I.—ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА.—**Н. И. Костомарова**. . . 5

II.—БОГАТЫРИ. Романъ въ трехъ частяхъ (Изъ временъ императора Павла). Часть 2-я, гл. I—V.—**Н. А. Часва** . 77

III.—ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ И РАБОЧИХЪ СОЮЗОВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.—**Н. В. Лысцева** 188

IV.—ЗАМѢТКА НА СТАТЬЮ Г. Д. МИРОПОЛЬСКАГО: «Раздробительная продажа вина, какъ источникъ земскихъ и городскихъ средствъ.—**А. К.** 215

V.—НАШИ МОНАСТЫРИ.—Гл. XI 223

VI.—ПѢСНЯ ФРАНЦУЗСКИХЪ РАБОТНИКОВЪ. Стихотвореніе.—**N.** 265

VII.—О СТАРОМЪ И НОВОМЪ ПУТЯХЪ ВЪ СРЕДНЮЮ АЗІЮ.—**Н. Середы**. 267

VIII.—КТО БЫЛЪ ВИНОВНИКОМЪ ПЕРВАГО РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ (Голосъ поляковъ—современниковъ событія). **А. Розова**. 287

IX.—ИЗЪ «L'ANNÉE TERRIBLE» (В. Гюго). Стихотвореніе.—**В. П. Буренина**. 338

ОТДѢЛЪ II.

X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Крестьянская реформа въ деревнѣ Коноховѣ (Владим. губ.).—**Д. Миропольскаго**.—Славянскій благотворительный комитетъ.—О необходимости технической школы на Уралѣ.—**А. С.**—РУССКАЯ ЗЕМЛЯ: Самаркандъ 1

XI.—НОВЫЯ КНИГИ: Предшественники Шекспира. Соч. Николая Стороженка. Т. I.—Исторія революціи 18-го марта. Соч. Поля Ланжалэ и Поля Корье. Ч. 1-я. Спб. 1872 г.—**W.**—Наше торговое счетоводство: «Общепонятная двойная бухгалтерія», пер. съ 38-го нѣмецкаго изданія. М. 1872.—«Самоучитель торговой бухгалтеріи», Сергѣя Иванова. М. 1872 г.—**В. Сафонова**. . . 48

Иностранная литература: L'homme-femme. Par. mr. Alexandre Dumas-fils. Vingt-troisième édition. P. 1872.—Am Denkmal Stein's. Festrede gehalten zu Nassau, 9 Juli 1872, Von Heinrich von Siebel.

Digitized by Google

БЕСѢДА

1872

Digitized by Google

Digitized by Google

„BESEDA"
1872.
8

БЕСѢДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ВТОРЫЙ

Книга VIII.—Августъ

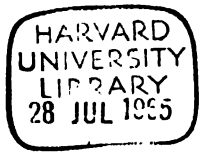
МОСКВА.
И. Г. Соловьевъ, Страстной бульваръ—главная контора журнала.
1-я Мѣщанская, домъ **Козлова**—контора редакціи журнала.

ОДЕССА.
Контора **Мосягина и К°**,
Дерибасовская улица, д. **Вагнера**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
А. Ѳ. Базуновъ, Невскій проспектъ—главная контора журнала.

Digitized by Google

A
PS. av 147.2 (1872 no. 8)
✓



15 + 2

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°.,
Большая Дмитровка, д. № 7.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА *).

СИМВОЛИКА РАСТЕНІЙ.

Б. КУСТАРНИКИ И ДЕРЕВЬЯ.

Роза—рожа (тамъ, гдѣ по чему-нибудь нѣтъ настоящей розы, ее замѣняетъ Rosa althea)—символъ красоты и забавъ. По пѣсенному міроззрѣнію, это—прекраснѣйшій цвѣтокъ на свѣтѣ. Скажи мнѣ правду, моя душа (въ нѣкоторыхъ варіантахъ этой пѣсни съ такимъ вопросомъ обращаются къ какому-то мальчику), какое растеніе лучше всѣхъ въ свѣтѣ: крещатый ли барвинокъ, пахучій ли василекъ или красная роза? На это слѣдуетъ такой отвѣтъ: крещатый барвинокъ устилаетъ сады, пахучій василекъ имѣетъ три запаха, а лучше розы, красной розы, нѣтъ ничего на свѣтѣ [1]). Дѣвица, хвалясь предъ матерью своею красотою,

[1]) Та скажи мині правду, мое серденя (въ др. варіантѣ: мале пахоля, въ третьемъ—обращеніе къ дубровѣ),
Надъ якую травину на світі нема!
Чи надъ той-то хрещатий барвінокъ,
Чи надъ той-то запашний василекъ,
Чи надъ тую червоную роженьку?
Хрещатенький барвиночокъ саді устіла,
Запашненький василечокъ три запахи ма,

*) «Бесѣда», книга V.

Digitized by Google

сравниваетъ себя съ полною розою [1]); прикладывая розовый цвѣтокъ къ своему лицу, дѣвица говоритъ [2]): еслибъ у нея было такое личико, то она бы могла выйти замужъ за цесаревича.

Рожа—символъ удовольствій, молодости. Предаваться живымъ забавамъ, веселости,—на пѣсенномъ языкѣ называется скакать въ рожу. Въ веснянкахъ говорится, что молодцы и дѣвицы скачутъ въ рожу и калину [3]), а старые дѣды и бабушки—въ колючки и въ крапиву [4]). Въ этомъ смыслѣ, въ свадебныхъ пѣсняхъ, братъ невѣсты, желая сказать, что сестра его еще молода и ей предстоятъ забавы и удовольствія молодости, выражается, что сестрѣ его не слѣдуетъ выходить замужъ, потому что уже процвѣтаетъ роза, а вмѣстѣ съ тѣмъ крещатый барвинокъ устилаетъ садикъ и пахучій василекъ поднимается до плетня [5]). Свадебное торжество въ пѣсняхъ изображается въ образѣ пути, усѣяннаго розами: по одному варіанту это путь на дворъ, гдѣ происходитъ пляска [6]), а по другому—въ церковь [7]).

А надъ тую роженьку,
А надъ тую червоную,
На світі нема!

[1]) Ти думаешъ, моя мати, що я не хороша,
А я, мати, такъ хороша, якъ повная рожа.

[2]) По загуменье червона рожа;
Надійшила туда красна панноньна,
Урвала собі червону рожу, та прикладала къ своему личеньку;
Коби жъ у мене таке личенько, ладила жъ бимъ ся за цисаронька!

(*Чт.* 1866. 1. 615).

[3]) То въ рожу, то въ калину,

[4]) То въ бодлаки, то въ крапиву.

(*Чт.* 1864. 3. 182).

[5]) Та нейди, сестрице, молодою заміжъ;
Та вже рожа процвітае,
А хрещатенький барвінокъ,
Устілае садочокъ,
А запашненький василечокъ
Изъ тиномъ рівняться.

(*Метл.* 205).

[6]) Ламліте роженьку,
Стеліть дороженьку,
Щобъ мягче ступати,
На двіръ танцовати.

[7]) Ламліте роженьку,

Digitized by Google

Рожа—украшеніе дѣвицы. Молодецъ спрашиваетъ дѣвицу: отчего она не откликалась къ нему, когда онъ ѣхалъ мимо ея воротъ; она отвѣчаетъ, что тогда цвѣла роза и она [1]) украшала себѣ ею волосы. Букетъ изъ розъ—подарокъ милому [2]); милый, ласкаяя свою возлюбленную, называетъ ее красною розою [3]).

Цвѣтущая роза означаетъ также здоровье. Женщина, отданная замужъ въ далекую сторону, пускаетъ по водѣ розовый пучокъ. Мать, увидя его и замѣтивъ, что цвѣты поблекли на водѣ, заключаетъ, что дочь ея больна [4]). Мысль, что отецъ бережетъ красоту и здоровье дочери, а напротивъ свекоръ не заботится въ равной степени о своей невѣсткѣ, выражается такъ: женщина говоритъ, что посадитъ розу и поставитъ сторожемъ своего отца,—сторожъ надежный: роза не ощипана [5]); то же препоручаетъ она свекру, но сторожъ оказывается ненадежнымъ: роза ощипана [6]).

Стеліть дороженьку
Нашому молодому
До Божого дому.

[1]) Чи ти чула, дівчинонька, якъ я тебе кликавъ,
Мимо твои ворітечка сивимъ конемъ іхавъ?
Ой хочъ чула, хочъ не чула—не озивалася,
Въ саду була, рожа цвіла, а я затикалася.
(*Метл.* 10).

[2]) Прийди, миленький, до мене,
Зівью тобі квітоньку
Зъ рожевого цвітоньку...

Или:

Дівчина по садочку ходила,
А за нею зілля рожа сходила.
Ой вирву я зъ того зільля квітку,
Та понесу свому милому даруньку.

[3]) Ой ти, дівчино, червоная рожа!

[4]) Ой зірву я зъ рожи квітку, та пущу на воду;
Пливи, пливи, зъ рожи, квітко, та до мого роду.
Ой приплила зъ рожи квітка, та й стала крутиться:
Вийшла мати води брати, та й стала журиться,
Либонь же ти, моя доню, недужа лежала:
Що вже твоя зъ рожи квітка на воді зовьяла.

[5]) Посажу я рожу, поставлю сторожу,
Поставлю сторожу, батенька мого;
Ой певна сторожа,—не щипана рожа,

[6]) Непевна сторожа,—пощипана рожа.

Digitized by Google

Въ весеннихъ пѣсняхъ и играхъ роза олицетворяется въ видѣ дѣвицы и ей придается мать. Тума (дѣвушка изъ помѣси татарской и малорусской крови) водила хороводъ; ведетъ, ведетъ и стапетъ, поглянетъ на дѣвицъ, всѣ ли дѣвицы въ хороводѣ. Нѣтъ одной рожи. Мать чесала рожу и научала ее: дочь моя, роженька, не становись близь тумы: тума сведетъ тебя съ ума: сожметъ тебѣ ручку, сниметъ съ тебя золотой перстень [1]). Варіанты этой пѣсни замѣчательны. Вмѣсто тума—поютъ также дунай [2]) и туманъ [3]), а въ варіантѣ, записанномъ въ Кіевской губерніи, сама мать называется рожею [4]), въ варіантѣ же изъ

---

[1]) Тума танчокъ водила;
Веде, веде та й стане,
На дівочокъ погляне:
Чи всі дівочки въ таночку?
Тільки рожи не мае;
Мати рожу чесала,
А чешучи навчала:
Донько моя, роженько,
Не становись край туми!
Тума зведе изъ ума,
За рученьку издавне,
Золотъ перстень издійме.
(Иногда еще прибавляютъ:
На суконьку наступить,
Черевички покаля),

[2]) Дунай танчикъ водивъ,
Веде, веде та й стане
. . . . . .
Донько моя, роженько,
Не становись край Дуная:
Дунай зведе изъ ума.

[3]) Туманъ танчикъ водивъ
. . . . . и пр.
Донько моя, роженько,
Не становись край тумана:
Туманъ зведе изъ ума!

[4]) Чи всі дівочки въ таночку.
Тільки рожівни не мае:
Рожа дочку чесала,
А чешучи навчала:
Донько моя, рожівно, и пр.

Digitized by Google

Воронежской губерніи рожа носитъ двойное и непонятное имя рожи-спажи (?) [1]). Мы не возьмемся разрѣшать, какая редакція правильнѣе. Что касается до олицетворенія розы и ея дочери вообще, то миѳологическую древность этого представленія едва ли можно подвергать сомнѣнію. Есть весенняя игра такого рода: одна дѣвушка представляетъ собою дочь рожи: она садится на землѣ; впереди ея садятся гуськомъ дѣвицы; одна дѣвушка не садится, но ходитъ и спрашиваютъ каждую изъ сидящихъ на землѣ дѣвицъ: не рожа ли она? Дѣвицы отвѣчаютъ: «ні», а когда очередъ дойдетъ до той, которая изображаетъ собою рожину дочь, дѣвицы поютъ: я рожина дочь, я какъ барышня! Гдѣ твоя мать?— Въ свѣтлицѣ на скамьѣ, вьетъ вѣнки [2]). Подобная игра есть у чеховъ. Дѣвицы садятся гуськомъ на землѣ; задняя называется Pani Růžová. Одна изъ дѣвицъ называется chodačka; она не садится, а ходитъ и спрашиваетъ сидящихъ; когда же дойдетъ до задней, которая называется pani Růžová, послѣдняя въ свою очередь спрашиватъ: чего тебѣ нужно?—Chodačka отвѣчаетъ: золотой ключъ отъ неба (chci zlaty klič od nebe).—Упали ключи въ колодецъ. Вытяни себѣ одинъ! (Upadly mi kliče do studne; vytáhni si ieden) говоритъ pani Růžovà.—Какой?—Крайній. Тогда chodačka беретъ за руку дѣвочку, сидящую напереди, ведетъ ее и заставляетъ становиться на колѣни передъ pani Růžová. Игра эта, отправляемая въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, искажена прибавленіями и перемѣнами, возникшими подъ вліяніемъ христіанскихъ представленій. Дѣвочка, которую берутъ за руку и водятъ, называется ангельчикомъ (andělíček). Chodačka всячески старается разсмѣшить ее, и если успѣетъ, то ангельчикъ дѣлается чортикомъ, а если ангельчикъ удержится отъ смѣха, то говорятъ, что онъ возносится на небо. Сквозь эти позднѣйшіе на-

---

[1]) Чи всі дівочки въ таночку?
Рожи-спажи не мае:
Мати рожу чесала,
А чешучи навчала:
Донько моя, роженько,
Не становись край Дуная.

[2]) Я рожина дочка,
Якъ паняночка.
Де твоя мати?—
Въ світлиці, на скамниці,
Вінки вье!

Digitized by Google

росты виднѣются, однако, слѣды древняго языческаго продолженія игры. Pani Růžovà спрашиваетъ ангельчика: на какую сторону онъ пойдетъ: на солнечную или на мѣсячную. Хороводъ разбивается на двѣ половины: солнечницъ (slunečnic) и мѣсячницъ (měsičnic); на челѣ первыхъ pani Růžovà, на челѣ другихъ chodačka; потомъ обѣ половины снова соединяются [1]). Черта эта заставляетъ насъ предполагать, что съ этой игрой нѣкогда соединялось почитаніе свѣтилъ. Самые ключи отъ неба показываютъ, что эта весенняя игра состоитъ въ связи съ тѣмъ представленіемъ объ отпираніи неба и земли, о которомъ мы говорили. Мать рожи, вѣроятно, одна и та же мать, у которой Урай (въ другихъ варіантахъ Юрій) проситъ ключей отъ неба. Еслибы мы не боялись скороспѣшныхъ заключеній, то признали бы эту мать рожи однимъ и тѣмъ же существомъ, что и весна, у которой дочь—весняночка.

Образъ чесанія матерью дочери, вѣроятно, составляетъ одну изъ чертъ исторіи древняго олицетворенія розы, и образъ этотъ до того усвоился народною поэзіею, что мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ сопоставленіе розы съ чесаніемъ дѣвицы. Такъ, въ одной веснянкѣ поется: въ долинѣ роза стояла; подъ розою дѣвица чесала русую косу, ожидала къ себѣ милаго [2]); въ свадебныхъ пѣсняхъ поется: братъ сестру расплетаетъ, все розу вспоминаетъ [3]). Что эти образы имѣютъ начало въ отдаленной древности, доказывается тѣмъ, что подобное встрѣчается въ словацкихъ пѣсняхъ: бѣлая роза процвѣтала; мать дочь заплетала [4]).

Роза является вмѣстѣ съ калиною признакомъ веселья. «Пойду я, говоритъ дѣвица, ущельемъ-долиною, сломаю розу съ калиною. Вѣтеръ вѣетъ, роза процвѣтаетъ. У моихъ воротъ игра-

---

[1]) Erben. Prostonarodni ceské pisni, a rikadla 68. О нѣмецкомъ олицетвореніи розы—Frau Rose—Mannhardts Germ Mythen.

[2]) Городе, городе, куди ти стоишъ ворітьми?
Чи на улицю широку, чи на долину глибоку?
А въ долині рожа стояла,
Підъ рожою дівочка русу косу чесала,
Къ собі миленького бажала.

[3]) Ой братъ сестру росплітае,
Все рожу помнпае.
(Метл. 204).

[4]) Бѣла ружа преквитала,
Матка дцеру заплетала.
(Nar. Sp. Koll 225).

Digitized by Google

етъ свистѣлка, а меня мать бранитъ, не пускаетъ на улицу. Я украдкою уйду и нагуляюсь. Я вѣдь не стара еще, я не погуляла; я еще молода—охотница гулять [1])». Образы срыванія розы и ломаніе калины сопоставляются съ раздумьемъ дѣвицы о томъ: выходить ли ей замужъ, или оставаться въ дѣвицахъ [2]). Замужняя женщина, тоскуя о минувшихъ дняхъ дѣвичества и о разлукѣ съ родными, встрѣчаетъ въ полѣ калину и розу, которыя припоминаютъ ей былое и заставляютъ заплакать [3]).

Есть пѣсня о превращеніи молодца въ розу, а дѣвицы въ калину [4]). Пѣсня эта въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее слышали, очевидно, варіантъ пѣсни о превращеніи молодца въ тернъ, а дѣвицы въ калину (см. ниже). Однако, едва ли можно съ увѣренностію сказать, что въ основѣ здѣсь лежитъ одно только миѳологическое событіе. Пѣсни могли смѣшаться, или, лучше сказать, пѣсня о тернѣ и калинѣ могла быть перенесена на розу и калину вслѣдствіе того, что существовала легенда, а можетъ-быть и пѣсня о превращеніи молодца въ розу, а дѣвицы въ калину, превращеніе же въ тернъ и калину составляло особую легенду. Это можно заключить изъ того, что и въ другихъ пѣсняхъ роза и калина сопоставляются съ мужескою и женскою двойственно-

---

[1]) Ой піду я яромъ-долиною,
Ой зломлю я, зломлю рожу зъ калиною.
Вітеръ повівае—рожа процвітае;
Підъ моими воротами свистілочка грае;
Мене мати лае, на улицю не пускае.
Я хочъ одкрадуся, та нагуляюся,
Бо я ще не стара, ще я не гуляла;
Ще я молоденька—гуляти раденька!

[2]) Ой піду я горою-долиною.
Знайду я собі роженьку зъ калиною;
Чи рожу рвати, чи калину ломати,
Чи замужъ ити, чи дівою зістати.
(*Чт. 1870. 4.155*).

[3]) Ой пішла вона горою не долиною,
Та й знашла вона роженьку зъ калиною.
Узяла вона роженьку пригинати,
Взяли ні дрібні слези обливати.

[4]) За твои рушниченьки, за твои гроши,
Ходімо повінчаймось: обое хороши.
Одъ моря до моря—ставъ кінь спотикатись.
Вернімось, дівчина, намъ не буде счастя.
Пішовъ казакъ дорогою, дівка долиною;
Зацвівъ казакъ роженькою, дівка калиною!

Digitized by Google

стію[1]). Съ расцвѣтшею розою сравнивается молодецъ казакъ. Такъ, напримѣръ, о знаменитомъ героѣ Уманской рѣзни, Максимѣ Залізнякѣ, пѣсня говоритъ, что онъ цвѣтетъ въ Украинѣ, какъ въ огородѣ роза [2]), тогда какъ нѣтъ примѣра, чтобы казакъ сравнивался съ калиною, которая есть исключительно женскій образъ.

Есть въ народной поэзіи странный образъ: роза, растущая на морозѣ; это—символъ любовнаго страданія [3]).

Калина, вообще, символъ женственности въ обширномъ смыслѣ. Вся духовная жизнь женщины—ея дѣвичество, невинность, любовь, замужняя жизнь, радости, горести, родственныя чувства—все находитъ себѣ примѣненіе въ калинѣ. Калина представляется слышащею, видящею, думающею и говорящею. Въ веснянкахъ спрашиваютъ ее, что̀ говорятъ о красотѣ молодцовъ и дѣвицъ, и калина даетъ отвѣтъ въ смыслѣ благопріятномъ для дѣвичьей и невыгодномъ для молодецкой красоты [4]).—Воображенію представляется, что калина находится въ какомъ-то раздумьи. «Что ты, калина, желаешь ли дождя, боишься ли суши, что грустна»? спрашиваютъ ее. «Нѣтъ», отвѣчаетъ калина, «я не желаю дождя, не боюсь суши, я такъ себѣ стою, да думаю: какъ мнѣ за-

---

[1]) Ишовъ козакъ зъ побережжа.
Ой якъ повная рожа,
А дівчина зъ долини,
Якъ червона калина.
Или:
Рожа одцвілася, калина почалася;
Козакъ оженився, дівка зосталася.

[2]) Максимъ козакъ Залізнякъ, козакъ зъ Запорожжа,
Процвітае на Вкраині якъ въ городі рожа.

[3]) Сію рожу по морозу, по снігові сходитъ,
Великое закоханье до біди приводитъ.
(Чт. 1866. 4. 361).

[4]) Ти, калино червоно,
Ти при лузі стояла
Ти чувала, видала,
Що вь Києві дзвонють,
А на ринку говорють?...
— Парубоцька краса
Въ дёгтю пуринае,
А дівоцька краса
Въ молоці пуринае,
Въ меду виринае.

Digitized by Google

цвѣсти» [1]). Калиновыя рощи (луга) сочувствуютъ положенію женщины и соболѣзнуютъ о ея несчастіяхъ. Въ пѣснѣ о женщинѣ, превратившейся въ кукушку, говорится, что когда она стала жалобно куковать, то калиновыя рощи стали отъ печали раскачиваться [2]). То же въ галицкой пѣснѣ объ Оленочкѣ, которую братъ хотѣлъ продать туркамъ; она умертвила себя, и турки съ досады стали рубить въ куски ея тѣло: тогда калиновыя рощи расколыхались отъ великой печали [3]). Образъ этотъ напоминаетъ «Слово о полку Игоря», гдѣ древо съ тугою преклоняется къ землѣ послѣ нечаянной смерти князя Ростислава.

Калина обыкновенно носитъ эпитетъ красной (червоной). Влюбленный молодецъ называетъ свою возлюбленную вмѣстѣ и полною розою и красною калиною [4]); дѣвица приравниваетъ калину къ своему лицу и говоритъ: ахъ, кабы я была такая, какъ эта горючая калина [5]).—Не меньше любимъ въ народной поэзіи и бѣлый цвѣтъ цвѣтущаго калиноваго деревца. Молодецъ, называя свою милую красною калиною, вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ ей названіе бѣлаго дерева, разумѣя цвѣтъ [6]). Калиновый цвѣтъ—ласкательное выраженіе въ обращеніи дочери къ матери [7]). Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста ломаетъ цвѣтущія вѣтви калины и спрашиваетъ отца: будетъ ли она,—разумѣется,

---

[1]) Червоная калино, чого въ гузі стоишъ,
Чи дожчу жадаешъ, чи суши ся боишъ.
Я дожчу не жадаю, суши не боюся.
Стою собі та гадаю, якъ зацвісти маю.

[2]) Якъ стала ковати, жалібно плакати,
Стали калинові луги зъ туги розлягати.

[3]) Ажъ ся калинові луги
Зъ великои дуже туги
Зачали ся розлигати
(*Чт.* 1863. 3. 40.)

[4]) Ой ти дівчино, червона калино,
Якъ мині на тебе дивитися мило!

[5]) Калиноньку ламала,
У пучечки въязала,
До личенька рівняла:
Ой колибъ я такая,
Якъ калина жаркая!

[6]) Червоная калинонька білее деревце,
Чомъ до мене не говоришъ, мое любе сердце?

[7]) Ой мати моя, калиновий цвітъ!..

Digitized by Google

послѣ свадьбы,—такая, какъ эта калина [1])? Здѣсь цвѣтъ калины—символъ дѣвичества и красоты, свойственной дѣвичьей молодости; сообразно съ этимъ выходъ замужъ и слѣдовательно окончаніе дѣвичьей жизни выражается отцвѣтаніемъ калины [2]); такъ какъ съ дѣвичествомъ совпадаетъ веселость, которая соединяется и съ любовью, то отцвѣтаніемъ калины выражается также и печаль дѣвицы по поводу разлуки съ милымъ [3]), а нецвѣтеніемъ калины обозначается вообще одинокая и грустная жизнь женщины. Убогая дѣвица, у которой при хатѣ нѣтъ ни забора, ни кола, говоритъ, что тамъ только стоитъ кустъ калины, но и та не цвѣла [4]). Калиновый цвѣтъ представляется съ свойствомъ утишать волненіе и томленіе сердца [5]).

---

[1]) Е у лузі калина
Білимъ цвітомъ зацвіла,
Йшли до неи дружки рвати,
Не дала си зламати.
Якъ прийшла Марусенька,
Наламала си квіту,
Калинового цвіту;
Пришла до світлоньки,
Поставила на стольчику,
Проти свого личенька,
Питалася батенька:
Чи буду я такая,
Якъ калиненька тая?

[2]) Добре було калиноньці та при водиченьці,
Добре було дівчиноньці та при матиноньці.
Калинонька одцвітае, цвітокъ опадае,
Йде дівчина відъ матінки, гараздъ ий минае.
(*Zeg. Pauli* 1. 71.).

[3]) Стоить калина—опавъ на ий цвітъ;
Десь мій миленький пішовъ крізь світъ.

[4]) Коло мого двора
Ні плота, ні кола,
Тільки стоить кущъ калини,
Та й та не цвіла!

[5]) По лужечку хожу, цвітъ калину ламаю,
Цвітъ калину ламаю, до серденька прикладаю,
До сердця прикладаю, бо дружини не маю.
Или:
Цвітъ калину ламала, до серденька клала.
Чи не перестане мое сердце тужити?

Digitized by Google

Возрастаніе калиноваго дерева примѣняется къ разнымъ положеніямъ женщины. «Гдѣ ты, калина, росла, что ты такая прекрасная, такая тонкая, высокая, широколистная?—Выросла въ лѣсу при источникѣ, близь холодной воды [1]). Спрашиваютъ затѣмъ дѣвицу: гдѣ она выросла, такая красивая, и слѣдуетъ отвѣтъ: у батюшки въ прохладѣ, на сладкомъ медку [2]). Робость и скромность дѣвицы сопоставляется съ положеніемъ калины, растущей въ укромномъ мѣстѣ, надъ водою [3]). Напротивъ, калина, растущая въ дурномъ мѣстѣ, надъ болотомъ, сравнивается съ глупою женщиною, которая полюбила пьянаго старика [4]).

Порханіе пташекъ по вѣтвямъ калины—ухаживаніе молодцовъ за дѣвицею [5]). Птички любятъ калину, ѣдятъ ея ягоды и даже надоѣдаютъ ей: калина просилась изъ луговаго лѣса въ дуброву: наскучили ей райскія пташки, обломали на ней зелень, поклевали ягоды [6]). На калинѣ вьетъ гнѣздо соколъ, поетъ

---

[1]) Де ти, калино, росла,
Щось така красна,
Тонка, та високая
Листомъ широкая?
—У лузі при криниці,
При студеній водиці.

[2]) У тата въ холодочку,
На солодкімъ медочку.

[3]) Чорвоная калинонька надъ водою стоишъ,
Молодая дівчинонько, щожъ ти ся ня боишъ?
Ой кобия не червона, я бъ ту не стояла,
Ой кобъ я не молода, я бъ ся тя не бала.
(*Zeg. Pauli.* 11. 173).

[4]) Ой у лузі при болоті калина,
Дурна була нерозумна дівчина:
Полюбила козаченька старого,
Веде зъ корчми пьяного.

[5]) Коло млина калина,
А по тій калині пташечки ходили;
То жъ дівочку молодці любили.

[6]) Просилася калинонька зъ лужейка въ діброву,
Бо вже мині надокучили райскиі пташкове,
Гільля мині поламали, ягідойки обдзюбали.
(*Рус. Вел.* 75).

Digitized by Google

соловей [1]), кукуетъ кукушка [2]), крячетъ даже воронъ [3]); послѣдній образъ сопоставляется съ плачемъ сиротки въ чужой сторонѣ.

Подъ калиною происходитъ любовное свиданіе, и казакъ, отправляясь къ дѣвицѣ на ночное свиданіе, привязываетъ своего коня къ калинѣ—символическому дереву [4]). Въ томъ же смыслѣ любовнаго значенія дворъ, гдѣ отдаютъ дѣвицу замужъ, представляется обсаженнымъ калиною и огороженнымъ терномъ, составляющимъ съ калиною, какъ увидимъ ниже, любовную пару [5]).

Колебаніе калиноваго деревца и наклоненія вѣтвей его къ землѣ—образы женской печали. Калина качается безъ вѣтки—это дѣвица за лозами убивается за своимъ милымъ [6]); калина наклонилась—это дѣвица задумалась: куда это дѣлась ея доля, а доля изъ-за моря откликается къ ней и говоритъ, что она несчастлива [7]); калина наклонилась надъ водою—это дѣвица беретъ

---

[1]) Стану гляну въ долину
На червону калину:
На червоній калині
Соловейко маленький
Въ его голосъ тоненький.

[2]) Заковала зозуленька въ калиновімъ лузі,
Тужить, тужить мое сердце за тобою дуже!

[3]) На могилі червона калина,
На калині чорний воронъ кряче,
На чужині сиротина плаче.
Ой у лузі, при дорозі, калина стояла;
Тамъ молода дівчина зъ козакомъ розмовляла.

[4]) Ой привязавъ кониченька къ червоніи калини,
А самъ пішовъ до дівчини на білі перини.
(*Метл.* 98.

[5]) Знати, Ганнусенько, знати,
Зъ котором вона хати:
Двіръ ні обтерненпй,
Калиною обсажений (*Zeg. Pauli.* 1—86).

[6]) Червоная калинонька безъ вітру хитається,
Молода дівчина за лозами за милимъ убивається.

[7]) Калина схилилася;
Дівчина зъулилася,
Де доля поділася.
Обізвалась доля
По тімъ боці моря:
Дівчина вродлива,
Та доля несчастлива!

Digitized by Google

воду и груститъ о молодцѣ [1]). Съ калиною, опустившею внизъ вѣтви, сопоставляется и несчастная въ замужествѣ женщина [2]), и жена чумака, оставшаяся съ дѣтьми, когда мужъ ея уѣхалъ въ дорогу [3]). Еще болѣе грустный образъ представляетъ калина почернѣвшая: съ нею сравнивается глубоко тоскующая женщина [4]). Женщина, принужденная жить въ чужой сторонѣ, которую уговариваютъ не печалиться, сопоставляется со сломленною и въ иномъ мѣстѣ посаженною калиною [5]). Женщина страдающая отъ невѣрности мужа, также сопоставляется со сломанною и брошенною калиною [6]). Подъ калиною вообще женщина ищетъ отдыха отъ житейскаго горя: подъ нею садится оплакивать свое горе и вдова съ ребенкомъ [7]), и молодая женщина, которую тяготитъ бракъ со старикомъ [8]).

---

[1]) Ой у лузі калина на воду схилилась;
Брала воду молода дівчина,
За хлопцемъ тужила,
Бо хлопця любила.

[2]) Червоная калинонька, чого гільля опускаешъ?
Молодая молодице, чого слёзи проливаешъ?

[3]) Въ темнімъ лузі калинонька, схилилися віти;
Покинувъ чумакъ жинкуй маленькиі діти.

[4]) Калина червона, чого почорніла?
Чи ти вітру боишся, чи дожчу бажаешъ?
Ой я вітру боюся, и дожчу бажаю:
Кого вірне люблю, за тимъ умираю!

[5]) Въ чистімъ полі стоить кущъ калини;
Ой я тую червону калину изъ корнемъ зломаю,
Та посажу червону калину въ себе крий віконця.
Рости, рости, червона калино, рости, не хилися;
Живи, мила, въ чужій стороні: живи, не журися!
Росла, росла червона калина, та й похилилася.
Жила, жила мила вь чужій стороні, та й зажурилася.

[6]) Ой возьму я червону калину,
Зломлю, зтрощу та й покину:
Зъ невірною дружиною
Я не живу, тільки гину.

[7]) Сама сяду підъ калиною
И зъ маленькою дитиною.

[8]) Пожену я сірі воли на широку на долину,
Сама піду спочивати підъ червону калину.

Digitized by Google

Но съ роскошно-растущею калиною сравнивается мать, родившая казацкаго сына—красавца [1]). Вѣтеръ, вѣющій на калину—образъ вниманія молодца къ дѣвицѣ. Но вѣтеръ вѣетъ. а калина не зрѣетъ: это приводится въ сравненіе съ тѣмъ, что казакъ любитъ дѣвицу, но не объясняется въ любви, потому что хочетъ свататься на ней впослѣдствіи [2]). Поспѣваніе калины — годность дѣвицы къ браку или вообще наступленіе времени брака. Въ свадебныхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ такой образъ: отецъ невѣсты подходитъ къ калинѣ; вѣтеръ не вѣетъ, солнце не грѣетъ, калина не спѣетъ. Подходятъ мать, братья, сестры—то же; но когда подходитъ къ калинѣ женихъ—и вѣтеръ вѣетъ, и солнце грѣетъ, и калина спѣетъ [3]). Женихъ подходитъ къ калинѣ, чтобъ срубить ее—это символъ брачнаго соединенія. Сперва подходятъ къ калинѣ свадебный староста и сваха; калина не дается имъ и говоритъ: не для тебя калина посажена, не для тебя Маруся изряжена; но жениху она говоритъ противное: для тебя калина посажена, для тебя Маруся изряжена [4]). По совершеніи вѣнчанія новобрачную сравниваютъ съ изрубленною калиною [5]). Когда же новобрачная оказывается цѣломудренною, тогда отъ ея имени поютъ: поѣду я въ рощу луговую по калину, сломлю вѣтку калиновую, да заткну себѣ за намитку: пусть моя калина вянетъ; пусть мои родные веселятся [6]).

Прихожу я підъ калину—калина зелененька,
Тяжко мині за старенькимъ, бо я молоденька.

[1]) Ой червоная калина весь лугъ закрасила;
Породила мати козацькаго сина,
Дала ему станъ хороший и чорниі очи.

[2]) На калину вітеръ віе, калина не спіе;
Козакъ дівчиноньку любить—заняти не сміе;
Ой тимъ ні не займае, що сватати мае.

[3]) И вітеръ віе, и сонце гріе,
И калина спіе.

[4]) Зъ підъ боку шабельку выймае,
Та на тую калину замеряе;
Стала тая калинонька промовляти:
За для тебе ся калина сажена,
За для тебе тая Маруся изряжена.

[5]) Січена калина, січена.
Наша Марьсчка вінчана.

[6]) Ой піду я у лугъ по калину,
Та й зломлю калинову вітку,

Digitized by Google

Ходить въ лугъ по калину и ломать ее—въ пѣсняхъ занятіе дѣвицъ. Въ одной пѣснѣ соколъ говоритъ: «гдѣ-то я буду вить себѣ гнѣздышко?—Въ луговомъ лѣсу при долинѣ, на красной калинѣ. Будутъ дѣвицы ломать калину, будутъ въ мое гнѣздышко засматривать» [1]). Дѣвица, жалуясь на свое несчастье, посылаетъ свою лихую долю заблудиться въ лѣсу, но лихая доля отвѣчаетъ ей, что какъ только дѣвица пойдетъ въ лѣсъ ломать калину, она тотчасъ за нее вцѣпится [2]). Мать молодца видитъ тропинку, по которой дѣвица ходитъ въ рощу по калину, и догадывается, что дѣвица любитъ ея сына [3]). Сломанныя вѣтви съ ягодами служатъ знакомъ любви: дѣвица бросаетъ ими въ казака [4]). Ходить по калину и не находить калины значитъ искать возможности видѣть милаго друга и не увидать [5]). Но сломанныя и связанныя въ пучокъ ягоды, подобно тому какъ и самое деревцо, служатъ также символомъ брака [6]). Для

Та застромлю за білу намітку.
Нехай моя калина вьяне,
Нехай моя родина гуляе.

[1]) Ой зажурився сивий соколонько:
Ой бідна моя головонька,
Ой дежъ я буду гніздечко свивати?
Ой у лузі, на долині на червоний калині:
Будуть дівки калину ломати...

[2]) Хочъ я піду, молода дівчино, въ лісі заблужуся,
А якъ підешъ калини ломати—я за тебе учиплюся!

[3]) Черезъ гору стежка, а въ гай по калину,
Тамъ дівчина ходила сімъ день по калину.
Ой дівчіно, дівчіно, чого гаемъ блудишъ?
Видай ти, дівчино, мого сина любишъ.

[4]) Ой на горі калина,
Тамъ дівчина ходила,
Калиноньку ламала,
На козака кидала.

[5]) Ой піду я, піду, въ зелений лугъ по калину,
Чи не зачую, чи не зобачу свою вірную дружину?
И калини не наломала,
И дружини не видала.

[6]) Чи я въ лузі не калина була?
Чи я въ лузі не червона була?
Взяли мене поломали и въ пучечки повязали.
Такъ доля моя!...

Digitized by Google

мужчины ломать калину или ходить по калину—значитъ способность къ супружеской жизни. Молодая женщина посылаетъ стараго мужа въ лѣсъ по калину и грозитъ покинуть его, если не наломаетъ онъ калины [1]). Въ этомъ же смыслѣ молодая женщина въ насмѣшку посылаетъ своего стараго мужа по калину, а сама тѣмъ временемъ вводитъ къ себѣ молодца [2]).

Калина представляется также посаженною на могилѣ. Жена говоритъ мужу: «Я умру, мой милый, умру, сдѣлай мнѣ кленовый гробъ, насыпь высокую могилу, посади мнѣ въ головахъ калину; пусть склоняются калиновыя вѣтви; ко мнѣ придутъ маленькія дѣти» [3]). На могилахъ двухъ супруговъ, которые пали жертвою злой матери, посадили калину и шиповникъ: вѣтка къ вѣткѣ наклоняется, а мать за дѣтьми убивается [4]). Калина на могилѣ означаетъ любовь. Дѣвушка, томясь отъ любви, говоритъ: посадите мнѣ, сестры, въ головахъ калину: пусть всѣ знаютъ, что погибаю отъ любви [5]). Калина, посаженная въ головахъ покойника, даетъ ему спокойствіе во гробѣ. Въ одной пѣснѣ дочь говоритъ матери, чтобъ она надъ нею посадила калину: будетъ прилетать кукушка и рано куковать, а ей въ землѣ будетъ легко лежать [6]). Казакъ, умирая въ чужой сто-

---

Чи я въ батька не дитина була?
Чи я въ батька не кохана була?
Взяли мене заміжъ дали, и світъ мині завязали...
Така доля моя!

[1]) Діду, діду! У лугъ по калину!
Якъ не підешъ, не наламишъ—далебі покину!

[2]) Піди, старий, бородатий, калину ломати;
Ой привела молодого тихенько до хати!

[3]) Ой умру я, мій миленький, умру,
Зроби, милий, кленовую труну.
Насипъ, милий, високу могилу,
Посади, милий, въ головкахъ калину,
Изъ калини щобъ схилилися віти,—
Прійдуть до мене маленькиі діти.

[4]) Посадили синові червону калину,
Молодий невістці зелену шипшину;
Гілка до гілки прихиляється,
Мати за дітьми убивається.

[5]) Посадіть мі, мои сестри, въ головкахъ калину,
Нехай кожний о тимъ знае, що зъ коханьня гину.

[6]) Посади, матінко, червону калину,

Digitized by Google

ронѣ, проситъ посадить въ головахъ калину: пташки будутъ прилетать, ѣсть калину, а казаку будутъ приносить вѣсти отъ родныхъ [1]).

Есть пѣсня о превращеніи въ калину дѣвицы, а ея возлюбленнаго — въ тернъ. Содержаніе этой пѣсни таково: казакъ любилъ дѣвицу, но люди разлучили ихъ. Казакъ тоскуетъ и хочетъ утопиться. Дѣвица говоритъ ему: «не топись, не губи души; лучше пойдемъ обвѣнчаемся, если меня любишь». Казакъ клянется, что любитъ ее. Они пошли вѣнчаться, но не застали дома священника. «Или твое несчастье, или моя несудьба!» восклицаетъ казакъ и приказываетъ запрягать коней. Они ѣдутъ вѣнчаться къ чужому священнику. Ѣдутъ они по одному полю, ѣдутъ по другому; какъ стали сворачивать на третье поле, сталъ спотыкаться конь. «Воротимся, дѣвица, сказалъ казакъ, намъ здѣсь не вѣнчаться». Казакъ пошелъ по горѣ, а дѣвица по долинѣ; казакъ сталъ на горѣ терномъ, а дѣвица въ долинѣ калиною. Вышла мать казака рвать теренъ, а мать дѣвицы ломать калину. Это не теренъ—это мой сынокъ! Это не калина—это мое дитятко [2])!

Туди буде, матінко, зозуля літати,
Вона буде, матінко, раненько кувати:
Мині буде, матінко, легенько лежати!

[1]) Казавъ собі насипати високу могилу,
Казавъ собі посадити въ головкахъ калину:
Будуть пташки прилітати калиноньку їсти,
Будуть мині приносити відъ родоньку вісти!

[2]) Чомъ дубъ не зелений? Листъ туча прибила.
Козакъ невеселий—лихая година!
Якъ мині, братці, веселому бути:
Любивъ я дівчину—розлучили люди.
Теперъ мині, братці, пароньки не буде.
Тільки мині пари, що очиці карі,
Тільки всей любови, що чорнні брови.
Чорні брови маю, та й не оженюся,
Хиба піду зъ горя зъ мосту утоплюся.
—«Не топись, козаче, бо душу загубишъ.
Ходімъ, повінчаймось, коли вірне любишъ».—
«Люблю тебе дуже... скарай мене Боже!..
Буду тебе ціловатв, поки сонъ изможе!»
Вже націловався и намиловався,
Якъ у саду соловейко та нащебетався!

Digitized by Google

Несмотря на признаки, указывающіе сравнительно-позднее составленіе этой пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ она поется въ настоящее время, основа ея древняя, какъ можно заключать изъ того, что совмѣстность терна и калины въ народной поэзіи довольно глубоко укоренилась. Такъ, напримѣръ, въ вышеприведенной свадебной пѣснѣ дворъ невѣсты представляется обгороженнымъ терномъ и обсаженнымъ калиною. Въ одной колядкѣ— фантастическій соколъ вьетъ себѣ гнѣздо и обкладываетъ его терномъ, а внутри кладетъ калину [1]). Въ другой пѣснѣ женщина, тоскуя о разлукѣ съ родными, говоритъ, что ея дорога къ роднымъ заросла терномъ, покрылась листьями, и калина нависла надъ нею [2]). Наконецъ, самый стихъ о превращеніи изъ приведенной выше пѣсни является съ измѣненіями въ другихъ пѣсняхъ уже не въ смыслѣ повѣствуемаго событія, но какъ поэтическое сравненіе [3]). Есть еще пѣсня о превращеніи,

---

Пішли вони вінчатись—нема попа дома!
«Чи твое несчастьтя, чи моя недоля,
Що ми не застали сёго попа дома?»
Зипрягай же, хлопку, коня вороного,
Поідемъ вінчатись до попа чужого.
Іхали ми поле, іхали друге,
На третьему полі ставъ кінь спотикатись.
«Вериімось, дівчино, намъ тутъ не вінчатись!»
Пішовъ козакъ горою, дівка долиною,—
Ставъ на горі козакъ терномъ,
А въ долині дівчина калиною!
Вийшла сина мати того терну рвати,
Дівчинина мати калини ломати.
Сежъ не терночокъ, се мій синочокъ,
Се не калина—се моя дитина!

[1]) На тимъ яворі сивъ сокілъ сидитъ,
Сивъ сокілъ сидитъ, гніздечко виватъ;
Обкладае го остримъ тернічкомъ,
Остримъ тернічкомъ, сухимъ бильячкомъ,
А въ середину—цвітъ та калинку.
(Чт. 1864 1. 64).

[2]) Терномъ поросла, листомъ припала,
Червоною калиною понависала.

[3]) Ишовъ козакъ по горі, дівка підъ горою,
Зацвівъ козакъ терномъ, дівка калиною.
Ой ти живешъ на горі, а я підъ горою,

Digitized by Google

гдѣ теренъ и калина играютъ хотя не главную, но важную роль. Это варіантъ пѣсни о женскомъ существѣ, бросившемся въ воду (см. выше о водѣ), которому дается имя Ганны. Здѣсь эта Ганна, бросаясь въ воду, произноситъ такія слова: «не ломать цвѣтовъ съ калины, не щипать на горѣ (а въ пѣснѣ о превращеніи казака въ теренъ онъ превращается на горѣ) терна. Цвѣтъ калины—Ганнино лицо, а теренъ—ея очи» [1]).

Въ народной поэзіи есть еще два образа, относящіеся къ калинѣ: это калиновый мостъ и калиновая стрѣла. Въ свадебныхъ пѣсняхъ поется, чтобы на пути къ посаду, на который съ особенною торжественностію сажаютъ новобрачныхъ, мостили калиновые мосты [2]). Точно тоже поется и о пути новобрачныхъ въ домъ жениха изъ дома невѣсты [3]). Другой случай, гдѣ является калиновый мостъ—жалоба состарѣвшейся дѣвицы на то, что ея молодыя лѣта минули. Она хочетъ догнать свои молодыя лѣта, догоняетъ ихъ на калиновомъ мосту и проситъ ихъ прибыть къ ней, хотя на часикъ, въ гости [4]). И тамъ и здѣсь калиновый мостъ—символъ молодой, здоровой, веселой жизни. Калиновая стрѣла упоминается въ одной пѣснѣ, въ которой описывается поединокъ между поповымъ и вдовинымъ сыновьями за дѣвицу [5]).

Ой чи тужишъ такъ за мною, якъ я за тобою.
Ой колибъ ти такъ за мною, якъ я за тобою,
Жили бъ, жили, мое сердце, якъ риба зъ водою!

[1]) Щобъ зъ калиноньки цвіту не рвати,
Та щобъ на горі терну не щипати:
Бо калиновий цвітъ—Ганнино личко,
А на горі теренъ—Ганнини очи.

[2]) А до того посаду пишного
Мостіть мости калинові.

[3]) Помостили мости
Зъ калиновои трости...

(*Метл.* 229).

[4]) Ой нагнала літа мои на калиновімъ мості,
Ой вернітесь, вернітеся, хочъ на часокъ въ гости!

(*Метл.* 364).

[5]) То тобі, поповичу, тая дівка:
Въ твоимъ сердці калинова стрілка.
Ой вдовинъ синъ, дарую тобі дивку;
Вийми зъ серденька калинову стрілку.
Ой якъ тяжко камінь підіймати,
Тяжче калинову стрілку виймати.

Digitized by Google

Вишня нѣсколько разъ является также женскимъ символомъ, хотя не въ такой степени, какъ калина. Часто вишня означаетъ дѣвицу [1]), иногда убогую и красивую [2]). Дѣвица чародѣйка, очаровавшая казака, сравнивается съ кудрявою вишнею—черешнею [3]). Произрастаніе ягодъ на вишнѣ сопоставляется съ дѣвичьею веселостью [4]). Дѣвицѣ нельзя ходить на улицу гулять, какъ вишнѣ родить ягодъ за холодомъ. Заохочивая дѣвицу къ веселости, обращаются къ зеленой вишнѣ [5]). Но вишня сопоставляется также и съ замужнею женщиною: вишня не пускаетъ листьевъ зимою, женщина плачетъ оттого, что у ней—невѣрный другъ [6]). Вишня сопоставляется также съ матерью и притомъ въ извѣстной намъ пѣснѣ—съ убогою, подобно тому какъ дѣвица убогая сравнивается съ вишнею [7]).

---

[1]) Ой якъ вишня, якъ черешня ягідками рясна;
Молоденька дівчинонька на личенько красна.

[2]) Богатая, губатая, та ще къ тому пишна,
Убогая, хорошая якъ у саду вишня.

Или:

По садочку хожу, черешеньку сажу;
Черезъ тебе, стара мати, нежонатий хожу.
Ой женися, мій синочку, женися, небоже,
Візьми собі убогую, то и Богъ поможе.

Или:

Осталась сирітонька,
Якъ вишенька зелененька.

[3]) Ой вишенько, черешенько, верхомъ кучерява,
Дівчинонька козаченька та й причаровала.

[4]) Ой вишенько, черешенько, чомъ ягідъ не родишъ?
Молодая дівчинонька, чомъ гулять не ходишъ?
Ой якъ мині та родити та за холодами;
Ой якъ мині гулять ходить та за воротами.

[5]) Рости, рости, вишенька, бо ти зелененька.
Гуляй, гуляй, дівчинонько, поки молоденька.

[6]) Ой вишенько, черешенько, чомъ листъ не пущаешъ?
Молодая молодице, чого слёзи проливаешъ?
Ой я листу не пускаю, бо лютую зиму маю;
Ой я слёзи проливаю, невірного друга маю.

[7]) Ой у саду вишня ягідки зродила;
Я зъ тобою, мій миленький, діточокъ сплодила.
Ой у саду вишенька поміжъ вишеньками;
Що я бідна зроблю зъ моими діточками

Digitized by Google

Въ пѣсняхъ встрѣчается и вишневый садикъ. Онъ—принадлежность жилищадѣвицы [1]) и ея любимое мѣстопребываніе. Тамъ она чешетъ свою косу [2]), поливаетъ и рветъ свои цвѣты, тамъ происходятъ и любовныя свиданія [3]). Вишневый садикъ—принадлежность хозяйственнаго комфорта. Старикъ, уговаривая молодую женщину полюбить ее, обѣщаетъ ей въ числѣ разныхъ удобствъ и вишневый садикъ [4]).

Береза—также женскій символъ; она особенно означаетъ замужнюю женщину и, между прочимъ, мать. «Вчера была красная калина, теперь стала бѣлая береза», поется о вышедшей замужъ дѣвушкѣ [5]). Есть пѣсня о превращеніи въ березу замужней женщины, которая терпѣла много отъ свекра, попрекавшаго ее каждымъ кускомъ хлѣба. Ея отецъ отправился рубить березу и узналъ въ ней свою дочь [6]). Но

---

[1]) А въ неи зъ сінечекъ, та двое дверечекъ
У вишневий садочокъ.

[2]) У садочку черешенька,
А підъ нею дівчинонька
Русу косу чесала.

[3]) Одрижу подружці, одріжу голубці, та ще й на сорочку;
Не стій зъ моимъ милымъ, зъ моимъ чорнобривимъ въ вишневимъ садочку!

Или:

Ой у садочку зелениі вишні;
Вийди до мене: ти мині підъ мислі.

Или:

Ночувала нічку въ вишневімъ садочку,
И зъ тобою, сивий соколочку

[4]) Куплю тобі хатку, та ще й сіножатку,
И ставокъ, и млинокъ, и вишневий садокъ.

[5]) Вчора була червона калина,
А теперъ стала білая береза.

[6]) Ось иде батенько березі рубати.
—Не рубай, батеньку, білои березі,
Бо я не березонька—я твоя дитинонька!—
«Ой коли дитина, чого такъ збіліла,
А коли береза, чого засмутніла?»
—Я въ батька була—сорвона калина,
А въ свекра стала—біла береза!
Замужній хлібъ добрий, тільки що вимовний;
Хто ёго роскусить, той плакати мусить;
Вкроивъ свекоръ лусту, якъ кленового листу,

Digitized by Google

есть другое превращеніе—утонувшей особы женскаго пола, —пѣсня, напоминающая Ганну и чуть ли не составляющую ея видоизмѣненія. «Братъ говорилъ сестрѣ: не становись на доску... Она не послушалась и утонула; а какъ утопала, сказала три слова: не руби, братецъ, бѣлой березы, не коси шелковой травы, не рви чернаго терна: бѣлая береза—это я, молодая, шелковая трава—моя русая коса, а черный теренъ—мои карія очи» [1]).

Въ рекрутской пѣснѣ береза, опускающая вѣтви, сопоставляется съ матерью, оплакивающею сына, котораго отдаютъ въ солдаты [2]). Дѣвица, уходя изъ родительскаго дома, срываетъ вершину съ березки и примѣняетъ ее къ своимъ родителямъ, остающимся безъ нея [3]). Женщина, идущая къ матери на совѣтъ, обращается къ березѣ по противоположенію символа тому, что онъ изображаетъ [4]).—Береза поставляется къ дубу, какъ мать къ сыну [5]) или сыновьямъ.

Питаеться мене—чи зъіси, невістко?
Не зъіла у хаті, зъіла за дверима,
Не зъіла сухого, облила слізами!

[1]) Казавъ братъ сестриці: не становись на кладку!
Сестриця не слухала, на кладку ступила,
Кладка схитнулась, сестриця втонула,
Якъ потопала, три слова сказала:
«Не рубай, братику, білои березонька,
Не коси, братику, шовковои трави,
Не зривай, братику, чорного терну:
Білая березонька—то я молоденька,
Шовкова трава—то моя руса коса,
Чорний теренъ—то мои карі очи.

[2]) Годі, березі, зеленій стояти,
Пора тобі, березо, гільля опускати;
Беруть, березо, молодця въ салдати;
За нимъ плаче его стара мати.

[3]) Іхала дівочка зъ підъ вінця,
Зломала березку зъ верхівця:
Стій, моя березко, безъ верха,
Живи, моя матінко, безъ мене.

[4]) Ой березо, березо,
Не стій край дороги.
Не шуми по діброві,
Бо я туди йтиму
До матінки на пораду.

[5]) Ой дубъ до берези верхомъ похилився;
Козаченько своій неньці низько поклонився.

Digitized by Google

Вѣроятно, въ смыслѣ же символа матери береза является въ такомъ образѣ: подъ березой сидятъ братъ съ сестрою,—братъ богатый, сестра бѣдная,—и сестра говоритъ брату: «одна насъ, братъ, мать родила, да не одно счастье намъ дала: тебѣ—роскошь, а мнѣ — горе» [1]). Въ такомъ же значеніи символа матери, въ одной галицкой пѣснѣ береза сопоставляется съ печальною матерью; которая носитъ на рукахъ плодъ беззаконной любви [2]).

Иногда береза примѣняется и къ дѣвицѣ. Со срубленною березою сравнивается невѣста [3]), а съ наклонившеюся березою [4]) дѣвица, плачущая по миломъ. Нигдѣ не встрѣчается любовнаго свиданія подъ березою, но есть случаи потери дѣвства; въ одной пѣснѣ поется: «подъ бѣлою березою дѣвица стояла, хорошая, чернява, бѣлолица» [5]), а потомъ описывается, какъ ее соблазняютъ и увозятъ. Въ другой пѣснѣ дѣвица сознается, что потеряла свой вѣнокъ, то-есть свое дѣвство, подъ березою [6]).

Мы знаемъ двѣ пѣсни, въ которыхъ береза представляется говорящею—въ одной съ дубомъ, въ другой съ кукушкою. Въ первой—береза хвалится своей корою, широкими листьями, вы-

---

[1]) Ой у полі підъ березою,
Тамъ сидить братъ зъ сестрою...
Одна насъ, брате, мама породила,
А не одно намъ счастя вдарила:
Тобі, брате, панованьня, а мині злидні...

[2]) А тамъ доловъ, на долині береза стояла;
Смутна мати на рученькахъ дитину тримала;
На поляні, на поляні шугай траву коситъ,
За шугаёмъ смутна мати дитиноньку носитъ.
(*Чт. 1866. 3.707*).

[3]) Мовила береза діброві:
Не стій, діброво, зашуми,
На мене, березу, не дивись;
Бо я сёгодня біла й зелена,
А завтра буду зрубана.

[4]) Зеленая березонька похилилася;
Дівчинонько за милимъ зажурилася.

[5]) Підъ білою березою дівчина стояла,
Хороша, чорнява, личкомъ білява.

[6]) Утратила свій віночокъ
Підъ білою березою,
Не пьяною, тверезою.

Digitized by Google

сокими вѣтвями, а дубъ говоритъ ей, что это все не она себѣ дала, а дали ей солнце, вѣтеръ и дождикъ [1]). Въ свадебной галицкой пѣснѣ съ березою, которая также хвалится своими достоинствами, сопоставляется дѣвица, которая хвалится своими косами, а дружки приписываютъ ея красоту попеченіямъ матери [2]). Въ другой пѣснѣ, гдѣ изображается разговоръ кукушки съ березою, кукушка спрашиваетъ: «что это ты, береза, не зелена»? Береза отвѣчаетъ: «какъ же мнѣ быть зеленою? Подо мною стояли татары; они обрубили вѣтви своими саблями, потоптали землю конскими подковами, доставали ключевой воды, поили своего пашу и говорили: паша, нашъ капитанъ! пойдемъ въ темный лѣсъ за ляхами. Эти ляхи—коварные люди; какъ поймаемъ, такъ мы ихъ на висѣлицу [3]).

---

[1]) Ой хвалилася березонька,
Що на мині кора та білесенька,
Що на мині листя та широкее,
Що на мині гільля та високее.
Ой обізветься зелений дубочокъ:
Ой не хвалися, біла березонька;
Не ти свою кору вибілила,
Не ти свое листя широчила,
Не ти свое гільля височила.
Вибілило кору яснее сонце;
Широчивъ листя буйний вітеръ;
Височивъ гільля та дрібний дожчикъ!

[2]) Не хвалися, дівочко, своими косами:
Не ти ихъ, дівочко, викохала,
Викохала ихъ рідна матінка.

[3]) У полі береза стояла;
На тій березі зозуля кувала;
Зозуля березі питала:
Чому ти, березо, не зелена?
—Ой якъ же мині зеленою бути:
Підо мною татари стояли,
Шабельками гільля обтинали,
Підкивками землю трахтували,
Кирничнои води добували,
Въ криштолові шклянки наливали,
Та свого башу наповали.—
—Ой ти башо, нашъ копитане!
Ходімо въ темний лугъ за ляхами;
А тиі ляшки зрадливі люде;
А якъ піймаемо—шибениця буде!

Digitized by Google

Береза, по народному вѣрованію,—любимое дерево русалокъ; онѣ любятъ качаться на березѣ [1]).

Къ женскимъ символамъ принадлежитъ *лещина* (орѣшникъ), встрѣчаемая въ пѣсняхъ, хотя и не часто [2]). Въ одной пѣснѣ лещина противопоставляется дубу, который, сообразно своей постоянной символикѣ, здѣсь ясно означаетъ молодца [3]). Въ казацкой пѣснѣ, молодецъ, уѣзжая въ степь, говоритъ своимъ роднымъ, что ему вымоютъ голову—дожди, а расчешетъ лещина, иронически выражая ту мысль, что, лишенный попеченія любимой женщины, онъ будетъ довольствоваться тѣмъ, что изображаетъ женщину [4]). Орѣхъ—символъ приглашенія къ любви [5]).

Къ разряду женскихъ символовъ можно причислить и тополь. Есть пѣсня о превращеніи въ тополь женщины, заклятой злою свекровью, въ отсутствіе сына. Возвратившись домой, сынъ спрашиваетъ мать, куда она дѣла его жену. Мать отвѣчаетъ: пошла пасти стадо въ поле. Сынъ говоритъ: «изъѣздилъ я Польшу и всю Украину, да невидалъ такого тополя, какъ у насъ на полѣ. Отъ яснаго солнца не краснѣетъ, отъ буйнаго вѣтра не чернѣетъ» (иначе: отъ буйнаго вѣтра не качается, отъ яснаго солнца не окрашивается).—«Возьми, сынокъ, острый

---

[1]) На грявій неділі
Русалки сиділі....
Сиділи русалки
На кривій березі;
Прохали русалки
У дівочокъ—сорочокъ,
У жіночокъ—намітокъ.

[2]) Зашуміла лещинонька,
Заплакала дівчинонька.

Или:

Зеленая лещинонька відъ сонця завъяла;
Невірная дружина світъ завьязала.

[3]) Таки дубъ, таки дубъ, таки не лещина;
Прибувавъ, ночувавъ хлопець молодчина.

[4]) Мене, мати, змиють дожчи,
А висушать буйні вітри,
А розчеше густая лещина:
О тожъ моя любая дівчина!

[5]) Вийду за ворота, роскушу орішокъ,
Роскушу орішокъ, та вийму ядерцс:
Вийди, вийди, дівчино, потішъ мое серце!

Digitized by Google

топоръ, руби тонкій тополь въ полѣ».—Какъ ударилъ первый разъ,—дерево зашумѣло, ударилъ въ другой,—издало гулъ, похожій на человѣческую рѣчь, а какъ ударилъ въ третій,—оно проговорило: «не руби меня, я—твоя милая. Это мать твоя такъ намъ надѣлала: маленькихъ дѣтокъ осиротила, тебя вдовцомъ сдѣлала» [1]). Есть еще иная легенда о превращеніи женской личности въ тополь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи есть обычай «вести тополю», обыкновенно отправляемый на троицыной недѣлѣ. Дѣвицы избираютъ изъ среды своей подругу, привязываютъ ей поднятые вверхъ руки къ палкѣ и водятъ съ припѣвами [2]). Быть-можетъ, этотъ обычай въ темной области миѳологіи окажется

---

[1]) Мати сина та оженила
Молоду невістку та зненавиділа.
Ой послала мати сина въ далеку дорогу,
Молоду невістку у поле до льону.
Випроважала та й заклинала:
«Не виберешъ льону—не приходь до дому.
Та стань у полі тонкою тополею!»
Ой приіхавъ синъ зъ далекои дороги,
Та й поклонився матери въ ноги.
«Матусю, матусю, де діла Марусю?»
— Не схотіла, синку, у домі робити,
Пішла у поле стадечка глядіти.—
«Изъіздивъ я Польщу и всю Украину,
Та не бачивъ тополі, якъ на нашімъ полі;
Одъ ясного сонця не почорвоніе,
Одъ буйного вітру та не почорніе».
(Иначе:
Одъ буйного вітру та не колихаеться,
Объ ясного сонця та не викрашаеться).
—Ой бери, синку, гострую сокиру,
Та рубай въ полі тонкую билину.—
Ой перший разъ цюкнувъ—вона зашуміла,
Другий разъ цюкнувъ—та загомоніла,
Третій разъ цюкнувъ—вона промовила:
«Не рубай мене, бо я твоя мила,
Се твоя матуся намъ такъ поробила,
Маленькиі діти та посиротила,
Тебе, молодого, вдівцемъ нарядила».

[2]) Стояла тополя край чистого поля.
Стій, тополенько, не розвивайсь,
Буйному вітроньку не піддавайсь!

Digitized by Google

въ связи съ великорусскою березкою, но въ малорусскомъ народѣ соединяется съ нимъ преданіе, что въ тополь превратилась дѣвушка, ожидавшая своею жениха въ степи на могилѣ (на курганѣ). Только при такомъ значеніи дѣлается понятнымъ въ припѣвахъ приглашеніе. обращенное къ тополю: «не развиваться»! Дѣвицы какъ будто хотятъ удержать ее отъ превращенія въ дерево. Слова: «не поддавайся буйному вѣтру»—заставляютъ предполагать, что, вѣроятно, силѣ вѣтра приписывалось самое превращеніе, какъ и теперь народное вѣрованіе приписываетъ вѣтру всякаго рода измѣненія съ человѣкомъ. Достойно замѣчанія, что и въ другихъ пѣсняхъ встрѣчаются сближенія вѣтра и тополя. Въ галицкой пѣснѣ поется, что буйные вѣтры вѣяли на тополь, но не свѣяли съ него листьевъ, пока не повѣялъ восточный вѣтеръ; такъ точно много молодцовъ ухаживало за дѣвицею, но никто ее не взялъ, пока не явился женихъ [1]). Въ другихъ пѣсняхъ тополь является при разныхъ положеніяхъ женской жизни. Напр., двѣ дѣвицы сопоставляются съ двумя тополями [2]); замужняя женщина говоритъ, что отецъ лелѣялъ ее когда-то какъ бѣлую тополь [3]) и свое несчастное замужство сравниваетъ съ рубленіемъ тополи [4]). Женщина, скучая въ чужой сторонѣ, жалуется, что ей не съ кѣмъ побесѣдовать, а мужъ говоритъ ей, чтобъ она пошла побесѣдовать къ двумъ тополямъ. «Уже я ходила и говорила,—отвѣчаетъ жена,—да ничего мнѣ не

---

[1]) Една була тополонька въ тімъ саді,
Една була дівчинонька въ тімъ домі.
Буйниі вітри віяли,
Зъ тополи листу не звіяли:
Ажъ восходовий вітеръ повіявъ.
Усі хлопці за дівчиною вважали,
А дівчиноньки не взяли.
А Ивасенько якъ наваживъ,
То й дівчиноньку собі взявъ.

[2]) Ой у полі дві тополі одна другу перехилю;
У городі дві дівчини—одна другу перепитуе.
Или:
Ой у полі дві тополі,
А въ козака дві дівчини....
(*Лавр. 115*).

[3]) Кохавъ мене батько якъ білу тополю. .

[4]) Та було бъ не рубити білои тополі;
Було бъ не давати до тяжкои неволі.

Digitized by Google

сказалъ тополь, не развеселилъ моего сердца [1]): здѣсь тотъ смыслъ, что женщинѣ хочется побесѣдовать съ женщинами, а мужъ въ насмѣшку указываетъ ей на тополь именно оттого, что въ его народномъ поэтическомъ воззрѣніи тополь символизуетъ женщину.

Грабина (грабъ—carpinus betulus), несмотря на то, что очень обыкновенное дерево въ лѣсахъ правой стороны Днѣпра, встрѣчается, однако, сколько намъ извѣстно, только въ одной пѣснѣ, которая есть не что иное, какъ варіантъ пѣсни о превращеніи женщины въ тополь, только тополь замѣняется грабиною [2]).

---

[1]) Чоловіче мій, дружино моя,
Вже я ходила, вже говорила.
До мене тополя не промовила,
На сердці печалі не розвеселила.

[2]) У полі крапивоньна жалливая,
У меня свекруха сварливая!
Журила невістку день и нічъ:
«Иди, невістко, одъ мене прічъ!
Иди дорогою широкою,
Та стань у полі грабиною,
Тонкою, та високою,
Кудрявою, кучерявою.
Туди итиме мій синъ зъ віська,
Буде на тебе дивитися,
Прийде до дому хвалитися».—
—Ой я, матінко, и світъ пройшовъ,
Та не бачивъ дива дивнішого,
Якъ у полі грабинонька
Тонка, та висока,
Кудрява, кучерява.—
«Ой бери, синку, гострую сокиру,
Та рубай зъ коріня грабину».
Перший разъ цюкнувъ—біле тіло,
Другий разъ цюкнувъ—кровъ дзюрнула,
Третій разъ цюкнувъ—промовила:
«Не рубай мене, зелененькую,
Не розлучай мене, молоденькую!
Не рубай мене зъ гілочками,
Не розлучай мене зъ діточками,
У мене свекруха розлушниця:
Розлучила мене зъ дружиною
И зъ маленькою дитіною!»

Digitized by Google

Липа встрѣчается въ пѣсняхъ чрезвычайно рѣдко, хотя это дерево не только повсюду растетъ, но и любимо въ домашнемъ быту. По одной купальской пѣснѣ можно ее примкнуть къ женскимъ символамъ. Она изображается утопающею и проситъ помощи у дуба, но дубъ говоритъ, что пусть ей помогаетъ кленъ, потому что онъ живетъ съ ней [1]). Въ одной пѣснѣ событіе о превращеніи женщины въ дерево отнесено къ липѣ (см. ниже о яворѣ). Въ другой, петровочной, подъ липою происходитъ свиданіе и разговоръ казака съ сироткою семилѣткою, загадывающею ему загадки [2]). Эта семилѣтка должна быть русалка, такъ какъ въ другой пѣснѣ подобныя загадки загадываетъ русалка дѣвицѣ.

Дубъ—символъ мужескій. Въ пѣсняхъ онъ постоянно означаетъ мужчину, преимущественно молодца. Въ купальскихъ пѣсняхъ прямо означаются красною калиною—дѣвицы, а зелеными дубами—молодцы [3]). Во многихъ пѣсняхъ дубъ сопоставляется съ различными положеніями молодца, напр. съ дубомъ зеленымъ

---

[1]) Ой на ріці на Дунаи,
Тамъ липонька потопае:
Та на верхъ гілочка випливае,
Вона дубочка прикликае:
Та подай, дубочку, хочь гілочку!
Та нехай тобі кленокъ дае,
Що вінъ зъ тобою вірно живе.

[2]) У городі підъ липкою
Стоявъ козакъ зъ сиріткою,
Сиріткою—семиліткою.
Куди ідешъ, проіжжаешъ,
Чи загадки не вгадаешъ?
А що росте безъ коріня?
А що вьеться по дереву?
А що біжить безъ прогону?
А що світить круту гору?
А що гріе безъ жарости?
А що лежить кінця нема?
Козаченько одгадуе:
Камінь росте безъ коріня,
А хмель вьеться по дереву,
Вода біжить безъ прогону,
Місяць світить круту гору,
Сонце гріе безъ жарости;
А шляхъ лежить—кінця нема.

[3]) Та йшли дівочки та по ягідочки;

Digitized by Google

сравнивается пріѣзжавшій къ женщинѣ и ночевавшій у нея молодецъ [1]). Густые листья на дубѣ—слова [2]) и мысли казака [3]), а опаденіе листьевъ—его безразсудство [4]). Съ печальнымъ казакомъ сопоставляется дубъ наклоненный [5]) или прибитый грозою [6]). Образъ дуба до того сроднился съ образомъ молодца, что дѣвица, заблудившись въ лѣсу, думаетъ сначала, что предъ нею дубъ, а оказывается молодой лѣсникъ [7]). Двое пирующихъ мужчинъ сопоставляются съ двумя дубами [8]).

Сухой дубъ сопоставляется съ казакомъ, котораго постигаетъ невзгода, напримѣръ, походъ, разлучающій казака съ его возлюбленною [9]), а также съ дурнымъ [10]) или съ развратнымъ [11]) мо-

---

Червоная калинонька—то дівочки;
Зелені дубочки—то парубочки.

[1]) Ой дубъ, таки дубъ.
Таки зелененькій;
Прибувавъ, ночувавъ
Хлопець молоденький!

[2]) Ой ти дубе кучерявий, гільля твое рясне,
Ой козаче молоденький, слово твое красне!

[3]) Ой ти дубе кучерявий, рясний листе на тобі;
Ой козаче, молоденький розумъ у тебе.

[4]) Ой ти дубе кучерявий, широкий листъ опаде,
Дурний козакъ молоденький—безъ разуму пропаде.

[5]) Зелений дубе, чего похилився?
Молодий козаче, чего зажурився?

[6]) Чомъ дубъ не зелений? Листъ туча прибила.
Козакъ невеселий—лихая година.

[7]) Яжъ думала, то дубъ зелененький.
Ажъ то стоить гайдай молоденький.

[8]) Похилився дубъ дубові;
Поклонився кумъ кумові,
За любую гостинойку,
За красную бесідойку!
Похилилась липа къ липці,
Поклонилась кума кумці.
(*Чт.* 1864. *I. 138—139*).

[9]) Розвивайся, сухий дубе, завтра морозъ буде;
Убирайся, козаченьку, завтра походъ буде.
Я морозу не боюся, таки розівьюся;
Я походу не боюся, вранці уберуся.
Таки зъ своею дівчиною та попрощаюся.

[10]) Сухий дубъ, сухий дубъ, сухий не зелений,
На що мене полюбивъ, коли ти мерзений.

[11]) Якъ изъ тебе, сухий дубе, зелений не буде,

Digitized by Google

лодцомъ; сухой дубъ противополагается зеленому, какъ немилый человѣкъ милому [1]).

Такъ какъ вообще въ пѣсняхъ природа часто радуется вмѣстѣ съ человѣкомъ и раздѣляетъ его горе, то и дубъ представляется въ близкихъ отношеніяхъ къ сердечнымъ ощущеніямъ человѣка. Въ любовныхъ пѣсняхъ говорится: когда мы сошлись и полюбили другъ друга, тогда сухіе дубы развивались, а когда мы разошлись, то и зеленые и молоденькіе усохли [2]).

Казакъ относится къ дубу, какъ къ мыслящему существу и спрашиваетъ: будетъ ли ему принадлежать любимая дѣвица [3]). Въ одной пѣснѣ дубъ противопоставляется отцу, а береза матери; сирота въ чужой сторонѣ говоритъ, что ему не къ кому пріютиться: пріютится онъ къ дубу, а дубъ—не батюшка; пріютится къ березѣ, а береза—не матушка [4]). Въ галицкой пѣснѣ съ паденіемъ дуба на дубъ сопоставляется ссора, возникшая у молодца съ его матерью [5]).

Есть въ народной поэзіи образъ—голубь, сидящій на дубѣ; въ одной пѣснѣ любовнаго содержанія голубь сидитъ на дубѣ—

Такъ изъ тебе, пройдисвіте, господарь не буде.
Пройдисвіте, зайдисвіте, всі дороги знаешъ,
На которе місце прийдешъ, то дівчину маешъ.

[1]) Сухий дубъ на долині, а зелений въ лісі,
Мене мати годувала, якъ ластівку въ стріси;
Мене мати годовала, въ папиръ завивала,
Молодцями вибирала, за нелюба дала.

[2]) Якъ ми зъ тобою спізналися,—
Сухи дуби розвивалися;
А якъ кохатися перестали,—
То й однолітки повсихали.

Или:

Доки ми ся та любили,
Сухи дуби цвіли,
А якъ ми ся залишили,
То й сирі повъяли.

(Чт. 1864 4. 338)

[3]) Іхавъ козакъ черезъ байракъ—помагай Бігъ, дубе,
Ой чи моя, чи не моя дівчинонька буде?

[4]) Прихилюся й къ дубочку
А дубочокъ та не батенько;
Прихилюся й къ березі,
А береза та не матінка.

[5]) Дубъ на дуба повалився;
Синъ зъ мамкою посварився

(Чт. 1870. 4. 196.)

Digitized by Google

на мужескомъ деревѣ, а голубка на женскомъ—на вишнѣ [1]). Въ другой—голубь своимъ гудѣньемъ, сидя на дубѣ, предсказываетъ казаку грозящее ему безчестіе [2]). Въ третьей описывается, какъ па дубѣ сидѣли два голубочка, потомъ снялись и полетѣли [3]). Въ иной пѣснѣ подъ дубомъ сидѣлъ голубь съ голубкою [4]); вдругъ казакъ убилъ голубя, а голубка тоскуетъ. Подобныхъ образовъ сидѣнія голубей на дубѣ можно привести еще нѣсколько: они замѣчательны потому, что имѣютъ соотношеніе съ тѣми двумя голубями, которые представляются сидящими на двухъ дубахъ, стоящихъ посреди моря [5]) (см. ниже о голубѣ). Это обломокъ миѳа о всемірномъ деревѣ, составляющемъ одну изъ крупныхъ чертъ первобытной арійской миѳологіи и отразившемся, между прочимъ, въ додонскомъ дубѣ древней Греціи, который, кажется, особенно близкимъ къ нашимъ дубамъ, такъ какъ здѣсь и тамъ играютъ роль голуби.

Въ малорусской поэзіи есть одна нерѣдкая форма—письмо, написанное на древесномъ листѣ и посылаемое къ роднымъ или близкимъ. Дубовый листъ упоминается при такомъ оборотѣ. Дѣвушка, потерявшая невинность, хочетъ извѣстить отца о своемъ несчастіи посредствомъ такого письма [6]).

---

[1]) Сидить голубъ на дубочку
Голубка на вишні;
Скажи мині, мое сердце,
Що маешъ на мислі.

[2]) Подивлюся я на дубъ чорними очима,
А на дубоньку сивъ голубонько гуде;
А на козака неславенька буде.

[3]) Ой на дубоньку два голубоньки
Ціловалися, миловалися,
Сизими крилечками обіймалися;
Знялись вони полетіли...

[4]) Підъ дубиною, підъ зеленою,
Сидить голубъ и зъ голубкою,...

[5]) Колись то було зъ початку світа,
Тоді не було неба, ні земли,
Неба, ні земли, немъ сине море,
А середъ моря та два дубойки,
Сіли упали два голубойки,
Два голубойки на два дубойки.

[6]) Пливи, доле, за водою,
А я у слідъ за тобою;

Digitized by Google

Кленъ (клінь-дерево) встрѣчается въ пѣсняхъ не часто, но изъ немногихъ мѣстъ видно его значеніе также въ качествѣ мужескаго символа. Съ кленомъ, разростающимся въ разныя стороны раскидисто, сравнивается казакъ, ухаживающій за дѣвицею и не обращающій вниманія на людскіе толки [1]). Въ одной казацкой пѣснѣ съ кленомъ сопоставляется предводитель отряда, котораго казаки похоронили, а съ онаденіемъ листьевъ съ клена—собственная погибель этого отряда безъ начальника [2]). Развитіе клена—прибытіе сына къ отцу, или ожиданіе отца [3]). Въ любовныхъ пѣсняхъ дѣвица поетъ, что кленъ зеленѣетъ тамъ, куда проѣзжаетъ ея милый, и вянетъ тамъ, куда проѣзжаетъ немилый [4]). Но въ пѣсняхъ болѣе играетъ роль кленовый листъ, чѣмъ само дерево кленъ. Въ веснянкѣ дѣвица хочетъ написать

Доплывемо до дубчика,
Та вирвемо по листочку,
Та спиплемо по письмечку,
Та пошлемо до батенька:
Нехай батько не турбуе,
И віночка не готуе;
Я свій вінокъ утратила и пр.

1) Ой у полі клинь-дерево різно,
Ходить козакъ до дівчини пізно.
Ой не ходи, козаче, до мене:
Буде слава на тебе й на мене.
Я неслави по вікъ не боюся;
Кого люблю, стану—обіймуся.

2) Росло, росло клинь-дерево, та у гору високо;
Закопали отамана въ сиру землю глибоко.
Росло, росло клинь-дерево, та й ставъ листъ опадать,
Зосталися гайдарики, сами стали пропадать.

3) Клинь-дерево розвиваеться;
Батько сина сподіваеться.

4) Ой куди мій нелюбий поіхавъ,
Ой туди трава полегла,
И клинь-дерево зовьяло,
И мое серденько зостряло....
Куди мій миленький поіхавъ,
Ой туди трава вже шовкова,
И клінь-дерево зелено
И мое серденько весело.

(*Метл.* 304).

Digitized by Google

на кленовомъ листѣ письмо къ отцу и просить его дозволенія погулять [1]). Дѣвица хочетъ закрыть кленовымъ листомъ слѣдъ своего милаго, чтобъ ея милаго другіе не любили [2]) (здѣсь, вѣроятно, разумѣется извѣстный способъ привораживанія посредствомъ слѣда). Съ кленовымъ листомъ сравнивается судьба новобрачной, удаленной отъ родительскаго дома [3]). Старикъ, вспоминая о своихъ молодыхъ лѣтахъ, спрашиваетъ: не завились ли они въ кленовый листъ [4]) и не полетѣли ли въ лѣса.

Въ пѣснѣ, въ которой разсказывается, какъ дѣвица, шедшая съ водою, прогнѣвила Бога, ходившаго по землѣ, тѣмъ, что не дала ему воды и назвала воду нечистою, она говоритъ, что въ воду нападало кленовыхъ листьевъ [5]).

Въ щедровкахъ поется, что на кленовомъ листѣ написаны имена солнца, луны и звѣздъ, которыя означаютъ хозяина, хо-

---

[1]) Ой піду я въ зелений лісъ,
Та вищиплю кленовий листъ,
Та пішлю післьонькы до батенька:
Чи звелить батенько гуляти.

[2]) Ой піду я у лісочокъ,
Вирву кленовий листочокъ,
Та прикрию слідочокъ,
Щобъ не припавъ слідочокъ,
Щобъ пташечки не ходили,
И слідочківъ не зробили,
Щобъ мого голуба сивого
Инши не любили.

[3]) Кленовий листочокъ!
Куди тебе вігеръ несе,
Чи въ гору, чи въ долину,
Чи въ чужую украину?
Молода дівчинонька!
Куди тебе батько оддае.
Чи міжъ турки, чи міжъ татари,
Чи въ чужую землю
У великую семью?

(*Метл.* 222).

[4]) Літа мои молодіи, де ся ви поділи?
Чи завились въ кленовий листь та въ лісъ полетіли?

[5]) Бо вода есть нечиста:
Нападало зъ клёну листа.

Digitized by Google

зяйку и дѣтей [1]). Въ пѣсняхъ того же разряда говорится о томъ, что чрезъ село везли кленъ; изъ него дѣлается церковь, въ которой три хоругви, принадлежащія молодцамъ, называемымъ по имени: имъ въ честь колядуютъ [2]). Всѣ эти неясныя черты о кленѣ и о кленовомъ листѣ указываютъ, что съ этимъ деревомъ соединялись нѣкогда особыя представленія, теперь уже угасшія и оставшіяся только въ обломкахъ.

Виноградъ—символъ дѣвическаго состоянія, молодости, а также веселости и благоденствія. Дѣвица у родителей проводитъ веселые дни юности для того, чтобы достаться мужу: это выражается образомъ разведенія винограда. Виноградъ ея вытопчетъ женихъ съ боярами. Дѣвицѣ жаль его. «Не жалѣй винограда, говоритъ ей отецъ,—пожалѣй о своихъ молодыхъ лѣтахъ. Минетъ твое веселое житье у батюшки» [3]). Подъ виноградомъ дѣвица

---

[1]) Ой по ріці, по осоці
Тамъ плавае кленовъ листокъ,
На тімъ листу написано
Три письмечка:
Перве письмечко—ясенъ місяць,
Друге письмо—ясне сонце,
Третье письмо—ясні зорі.

(*Метл.* 342).

[2]) Черезъ наше село
Клінь-дерево везено,
Високе, зелене,
А зъ того деревця
Висока церківця,
А у тій церківці
Три корогівці.

[3]) Ой ходила дівочка по городу,
Та садила собі виноградъ изъ приполу,
Та забула ворітечки зачинити,
Та мусила свого батенька упросити:
Ой зачини, мій батенько, ворота,
Не пускай Ивасенька зъ боярами,
Бо витопче садъ-виноградъ ногами.
Ой не жалуй, дитя мое, сихъ виновихъ вітъ,
Та пожалій, дитя мое, молоденькихъ літъ,
Що винниі квіточки зростуться,
Батенькови роскоши минуться.

Digitized by Google

рядится и любуется своимъ нарядомъ [1]). О дѣвицѣ красавицѣ говорится, что она родилась въ саду и выросла въ виноградѣ [2]). Дѣвица разговариваетъ съ своимъ виноградомъ и проситъ его расти, цвѣсти, родить ягоды, если она пойдетъ за милаго, и, напротивъ, не рости, не цвѣсти и не родить ягодъ, если ей суждено идти за немилаго [3]). Вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ, означающій дѣвичество, представляется пущеннымъ по водѣ: кто его поймаетъ, тотъ дѣвицу добудетъ [4]). Прибытіе жениха

---

[1]) Передъ ворітьми виноградъ росте,
А зъ підъ винограду та вода тече:
Тамъ Марусенька білилася,
Свого батенька просилася,
Чи хорошенько вбралася.

[2]) Вона въ саду родилася, въ винограду зросла.
Моли Бога, молодий козаче, щобъ за тебе пішла.

[3]) Ой у городі виноградъ саженъ,
Ой хто его садивъ? Молода Маруся,
А садючи та говорила:
Винограде, виноградочку,
Якъ не піду я за милого заміжъ,
Винограде, не приймайся,
У віточки не роспускайся;
А якъ піду за милого заміжъ—
Винограде, приймайся,
У віточки роспускайся!

Или:

Винограде, виноградочку,
Прошу тебе, не зіходь рано,
Прошу тебе, не цвіти красно,
Прошу тебе, не роди рясно.
Ви, гроночки, не гронітеся,
Ви зъ нелюбомъ не любітеся.
Винограде, виноградочку,
Прошу тебе зіходь рано,
Прошу тебе зацвіти красно.
Прошу тебе изроди рясно.
Ви, гроночки, гронітеся,
Ви, діточки, любитеся!

[4]) По садочку хожу,
Виноградъ сажу,
А посадивши поливаю,
А поливши нащипаю,

Digitized by Google

изображается еще и въ образѣ сокола, прилетѣвшаго въ садъ, гдѣ растетъ виноградъ,—тамъ онъ ищетъ голубки [1]).

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ показывается, что народное поэтическое міровоззрѣніе соединяетъ съ виноградомъ представленіе о благоденствіи. Такимъ образомъ, въ одной свадебной пѣснѣ говорится, что виноградъ стелется на доброе житье новобрачнымъ [2]). Въ одной галицкой колядкѣ виноградъ—символъ семейнаго счастья и зажиточности. Отецъ и мать дѣвицы и сама дѣвица, которая садитъ виноградъ, называются виноградными ягодами; дѣвицѣ желаютъ выйти за поповскаго сына (идеалъ болѣе богатаго быта для земледѣльцевъ), чтобы не работать, пить медъ-вино, да ключами позванивать, т. е. надзирать за хозяйствомъ [3]). Виноградъ—также образъ пиршества и празднества. Дѣвица бережетъ виноградъ и отгоняетъ отъ него райскихъ пташекъ, потому что для ея семьи онъ нуженъ на

А нащипавши вінка зівью,
Вінка зівью, на воду пущу.
Хто вінка пійме, той мене візьме.

[1]) Летить, летить соколонько черезъ садъ,
Та вдарився крилечками въ виноградъ,
Та вдарився крилечками та й питае:
Чи тутъ моей голубоньки не мае.

[2]) У вишневімъ саду виноградъ стелеться,
Нашимъ діткамъ на добрий битъ стелеться.

(*Гильтебр.* 207.)

[3]) Садъ підмітала, грядки копала,
Грядки копала, вино садила,
Вино садила, слово мовила:
Ой рости, вино, тонко, високо,
Тонко, високо—въ корні глубоко.
Ой не зродило но три ягодойці:
Перша ягодойка—еи матейка,
Другая ягодойка—еи батейко,
Третя ягодойка—сама молода,
Сама молода зарученая....
Ажъ до Люблина за поповогъ сина,
За поповогъ сина, щобъ не робила,
Щобъ не робила, мідъ-вино пила,
Мідъ-вино пила, ключьми дзвонила.

(*Чт.* 1864. 1. 92.)

Digitized by Google

свадьбу: для женитьбы молодцовъ и для выдачи замужъ дѣвицы [1]).

Виноградъ является преимущественно въ обрядныхъ пѣсняхъ, свадебныхъ и колядкахъ; въ прочихъ, бытовыхъ, мы встрѣчаемъ только выраженіе садъ-виноградъ [2]), подъ которымъ уже не разумѣется спеціально виноградной лозы. Это не болѣе, какъ поэтическое названіе всякаго сада, тогда какъ въ приведенныхъ нами выше примѣрахъ, взятыхъ изъ обрядныхъ пѣсенъ, несомнѣнно идетъ дѣло о виноградной лозѣ. Въ настоящее время этого растенія почти нѣтъ въ быту малорусскаго поселянина, но по извѣстію архидіакона Павла, сопровождавшаго патріарха Макарія антіохійскаго въ половинѣ XVII вѣка (The travels of Macarius, part. II. translat. by X. C. Belfour, p. 206—211), въ Малороссіи въ садахъ росли виноградныя лозы и даже дѣлалось изъ нихъ вино. Такъ какъ виноградъ является въ такихъ пѣсняхъ, которыя наиболѣе древни и наименѣе подвержены искаженіемъ и заимствованіемъ, то поэтому мы можемъ предполагать, что знакомство съ виноградомъ истекаетъ изъ далекой древности.

Изъ плодовитыхъ деревьевъ и кустовъ въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются—*яблоня*, *груша*, *тернъ*, *ожина* (ежевика). Яблочное дерево имѣетъ значеніе только по плодамъ. Яблоко—символъ любви и привѣтливости. Въ подольской колядкѣ поется, что дѣвица стерегла яблоки золотыя. Просилъ у ней отецъ, мать, братья; она не дала, говоря, что бережетъ ихъ для милаго [3]),

---

[1]) Зажурилася крутая гора,
Що не зродила шовкова трава,
Тілько вродився зеленъ виноградъ;
Красная панна саду стерегла.
Та налинули райски пташкове.
Ой ишша, ишша райськи пташечки,
Намъ того вина барзо потреба:
Есть у насъ синки—на женіньнячко,
Есть у насъ дочки—на даваньнячко.

[2]) Закотилося сонечко за садъ-виноградъ...

Или:

Черезъ садъ-виноградъ по воду ходила.

[3]) А въ ліску, въ ліску на жовтімъ піску,
Росла яблонька тонка, висока,
Тонка, висока, листомъ широка,

Digitized by Google

а когда пришелъ ея милый, она сказала, что теперь сниметъ яблоки [1]), потому что берегла для него. Этотъ мотивъ очень распространенъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи и въ Галиціи [2]). Въ угорской пѣснѣ дѣвица проситъ вѣтеръ свалить ей два яблочка—одно ей, другое милому [3]).

Дѣвица покачиваетъ яблоко по слѣдамъ милаго—это знакъ согласія на любовь [4]), тогда какъ по слѣдамъ стараго, немилаго она катитъ камень. Яблоко, подаренное милымъ, имѣетъ привлекающее свойство; молодецъ далъ дѣвицѣ яблоко: она

Зродила вона золоти яблочка.
Ябка стерегла гречная панна.
Прийшовъ до неи батенько ей:
Ой здийми, доню, золоті яблучка,
Бігъ ми не здійму, милому держу.

[1]) Оттеперъ здійму, бо тобі держу.

[2]) Чт. 1864. 1. 93; 1. 74.

[3]) Откіль соненько сходило,
Тамъ дівча яблонь садило.
«Росни, яблонько, високо,
Во сто вершеньковъ широко;
Квітни, яблонько, білено,
Родь мі яблочко червено,
Родь же мі едно, або дві,
Якъ мои личка обидві!
Подуй, вітроньку, зъ Дуная,
Сваль мі яблочко зъ конаря,
Сваль же мі едно, або дві:
Едно милому, друге мі.
Кому жъ я го мамъ даровати?
Даровала бы я го старому,
Не мило сердцу мому;
Лемъ го дарую молодому,—
То мило сердцу мому».

(Чт. 1866, 5. 729).

[4]) Ой по сліду старого
Покотила камінемъ,
А по сліду молодого
Покотила яблучкомъ;
Ой якъ мило та любо
Яблучкові котиться,
Ой такъ мило та любо
Молодому жениться.

Digitized by Google

раскусила первое и узнала его, раскусила другое—и полюбила его [1]). Яблоко также означаетъ вниманіе къ роднымъ [2]).

Въ веснянкахъ золотое яблочко является въ рукахъ таинственнаго младенца, котораго приносятъ или привозятъ къ воротамъ [3]) (О миѳическомъ значеніи золотаго яблока смотри у Аѳанасьева. Поэт. воззр. 11. 307). Съ яблокомъ сравнивается лицо красавицы [4]).

Груша не имѣетъ опредѣленнаго постояннаго значенія. Иногда съ опаденіемъ грушеваго цвѣта сравнивается скоропреходимость радостей [5]).

Въ угорскихъ пѣсняхъ есть пѣсня о томъ, какъ дѣвица, попрощавшись съ милымъ, ждала его столько времени, сколько онъ велѣлъ—два года, а потомъ, вопреки его заказу не ждать его долѣе двухъ лѣтъ, прибѣгла къ чарамъ и творила ихъ надъ сухою грушою. Это такіе чары, что мертвое тѣло заговоритъ [6]).

---

[1]) Одно твое яблучко роскусила,
Тебе, миленький, пізнала;
Друге твое яблучко роскусила,
Тебе, милий, полюбила.

[2]) Якъ будете по яблучку рвати—зірвіть и мое,
Якъ понесете до отця, до неньки—понесіть и мое.

[3]) Ой чимъ воно цятаеться?
Срібними орішками.
Ой чимъ воно підкидаеться?
Золотимъ яблучкомъ.

Или:

На стільчику малий панонько
Трома яблочками підкидаеться,
Двома орішками цятаеться.

[4]) Біле лічко якъ яблуко, стало якъ калина.

[5]) Ой на грушці білий цвітъ—та вже опадае.
Любивъ козакъ дівчиноньку—теперъ покидае.

Или:

На подвірочку грушечка щепка
Красно зацвіла, та не зродила;
Якъ зъ грушки щепки цвіточокъ паде,
Тожъ такъ удовинъ світочокъ иде.

(*Чт. 1864. 1 50.*)

[6]) За два роки го чекала,
А на третій чарувала....
Суху грушку подливала.

Digitized by Google

Въ силу этихъ чаръ надъ сухою грушей, въ четвергъ ввечеру (у литовцевъ въ это время особенно являются привидѣнія) явился къ ней умершій милый. Она удивилась, что у него лицо было блѣдно и волосы слеглись. Онъ зоветъ ее подъ черешню. Вдругъ запѣлъ пѣтухъ. Мертвецъ приказалъ ей идти домой не оглядываясь, а не то она погибнетъ [1]). Эта пѣсня, однако, намъ кажется не древняго происхожденія и если усвоена народомъ до какой-нибудь степени, то сложена на нѣмецкій образецъ. Баллады совсѣмъ не въ духѣ малорусской пѣсенности; никогда разсказы о мертвецахъ и чертяхъ не облекаются въ пѣсенныя формы. Притомъ въ западную южно-русскую пѣсенность вошла даже другая пѣсня, отчасти похожая на приведенную нами, но уже явно составленная по мѣркѣ Бюргеровой Леноры.

Теренъ, кромѣ приведеннаго выше превращенія молодца (см. выше о калинѣ), въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчается какъ образъ очей [2]). Дѣвица прикладываетъ теренъ къ глазамъ и говоритъ: еслибъ у меня были такія очи, я бы вышла замужъ за господчика [3]), а въ пѣснѣ объ утонувшей Ганнѣ, по нѣкоторымъ ея варіантамъ, въ теренъ превращаются ея очи [4]). Въ

Боже, Боже чьто за чари,
Же мертве тіло прогваритъ!
Въ четверъ вечуръ по вечери,
Не вистало и полночи,
Иде милий дуркаючи.

(*Чтен. 1866. 3. 709—710.*)

[1]) Якъ они тамъ посідали,
То когути заспівали.
Идъ до дому, моя мила,
Же бись ся не обизрила,
А скоро ся ти оглянешъ,
Та ти заразъ тамъ пропадешъ, и проч.

[2]) Чорні очи якъ терночокъ,
А брівоньки якъ шнуро чъ.

[3]) Урвала собі чорного терну,
Та приложила къ своимъ оченькамъ:
Коби жъ у мене такиі очи
Годила бимъ ся та панчеві.

(*Чт. 1864. 1. 83.*)

[4]) У лузі теренъ—Ганнины очи.

Digitized by Google

колядкѣ поется о золотомъ тернѣ, служащемъ какъ бы оградою господарю, котораго прославляютъ [1]).

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ говорится о терновомъ огнѣ или терновыхъ огняхъ, т. е. о горящемъ тернѣ [2]); между этими пѣснями особенно поразительна одна, въ которой изображается хороводъ около терноваго огня [3]). Далѣе разсказывается о какомъ-то княжичѣ (княжя) Иванкѣ, котораго панъ приказалъ посадить въ тюрьму. Если мы сопоставимъ съ иною пѣснію игру въ горѣлки или «горю дуба», то, быть-можетъ, не ошибемся, если сдѣлаемъ такую догадку, что въ глубокой древности языческіе хороводы отправлялись при горѣніи костровъ и для этого употреблялся, между прочимъ, тернъ, имѣвшій священное значеніе.

Верба (Salyx fragilis) въ пѣсняхъ—символъ сборищъ и свиданій, что вполнѣ сообразно съ бытомъ, такъ какъ это дерево растетъ не только въ огородахъ, но въ селахъ на улицахъ, при дворахъ, при плотинахъ,—вездѣ, гдѣ бываютъ сборища. Подъ вербою въ пѣсняхъ водятъ хороводы [4]), собира-

---

[1]) Ой славенъ, славенъ нашъ господарь,
Золотимъ терномъ обгородився.

[2]) Ой по горі, по горі,
Терновні огні,
Коло тихъ огнівъ
Дванадцять молодцівъ.

(*Чт.* 1863. 4. 157.)

Или:

Ой по горі, по горі
Терновиі огні,
А при тихъ огняхъ
Сидять чумаки.

[3]) А тамъ на лукахъ на барзъ широкихъ,
Тамъ же мі горитъ терновий огникъ,
Коло огня ходитъ широкий танецъ,
А въ таньці ходитъ княгня Иванко.

(*Чт.* 1864. 1. 57.)

[4]) Ой підъ вербою, підъ зеленою,
Ой тамъ круглий танецъ иде.

Или:

Стоить верба середъ села.
Рости верба, зеленька!
Підъ вербою та три дівчини, и пр.

Digitized by Google

ются улицы [1]), дѣвицы приманиваютъ къ себѣ молодцовъ [2]), женщины бѣлятъ полотна [3]). Въ веснянкахъ приглашаютъ дѣвицу обмести вербу и мѣсто подъ нею: туда пріѣдетъ и станетъ съ товаромъ молодецъ,—у него хорошія кольца; всѣмъ дѣвицамъ онъ продаетъ, а одной изъ нихъ даетъ даромъ [4]).

Въ другой пѣснѣ, петровочной, поется, что подъ вербою стоятъ кони осѣдланные, съ уздами и нагайками, совсѣмъ готовые—только сѣсть на нихъ, да ѣхать сватать дѣвицъ [5]). Здѣсь опять подъ вербою сборище. Подъ вербою — свиданія молодцовъ съ дѣвицами [6]), она — свидѣтельница и ссоръ женъ съ мужь-

---

[1]) Що на нашій улиці
Верба зеленіе:
Ой тимъ вона зеленіе.
Що челядь молода.
А на чужій улиці
Верба не зелена;
Ой тимъ вона не зелена,
Що челядь мерзена!

[2]) Підъ вербою дівочка
Русу косу чесала,
На молодцівъ моргала.

[3]) Ой підъ вербою, підъ зеленою
Тамъ молодиця біле білила.

[4]) Ой підъ вербою не метено,
Підъ зеленою не прометено.
Та встань, Настечко, ранесенько,
Обмети вербу чистесенько.
Ой тамъ Ивасько съ крамомъ стане,
Зъ крамомъ хорошимъ—зъ обідцями,
Усімъ дівочкамъ роспродае,
Дівці Настечці такъ дае.

[5]) Ой підъ вербою зеленою
Тамъ стоять коні посідлані,
И посідлані и поуздані,
И нагаечки почеплені,
Тильки сісти та поіхати,
У Високее дівокъ сватати.

[6]) На горі верба, підъ вербовъ вода,
Черпала ми еи дівча молода,
Дівча відъ води, козакъ до води,
Зачекай мя кгречна панно,
Дай конямъ води.

(Чт. 1865. 5. 150.)

Digitized by Google

ями [1]). Верба стоитъ на распутьи, все видитъ, все слышитъ, и къ ней обращается дѣвица, желая узнать, куда уѣхалъ ея милый [2]).

Верба, растущая на дворѣ дѣвицы, имѣетъ какъ бы приворотное значеніе. Вѣтреный молодецъ говоритъ любящей его дѣвицѣ, которой онъ измѣняетъ, чтобъ она посадила у себя близь воротъ вербу; онъ хоть пойдетъ и къ другой, а зайдетъ къ ней. Дѣвица отвѣчаетъ, что она садила и поливала, да не принимается верба, и сопоставляетъ это обстоятельство съ тѣмъ, что молодецъ, котораго она любила, отвращается отъ нея [3]).

Верба—признакъ собранія молодцовъ [4]), и запорожскій кошевой атаманъ собираетъ подъ вербою свою казацкую раду [5]). Верба примѣняется, сверхъ того, къ различнымъ положеніямъ женщины, и потому въ этомъ отношеніи сходится съ другими женскими символами изъ деревьевъ. Такъ верба, у которой вода подмываетъ корень, сопоставляется съ женщиною, вышедшею замужъ за старика [6]). Въ другой пѣснѣ, дѣвица, за которую

Или:

Есть у полі верба, підъ вербою вода
Тамъ дівчина воду брала,—козакъ коня веде.

Или:

Ой ти стоишъ підъ вербою, а я підъ другою:
Люди кажуть и говорють—не буть мині зъ тобою.

[1]) На дворі верба, підъ вербою калюжа,
Розсердилась жінка та на свого мужа.

[2]) Ой вербо, вербице,
Ти на роспутьті стояла,
Далеко чула, видала,
Куди іхавъ мій миленький?

[3]) Ой посади, молода дівчино, у воротъ вербу;
Ой я буду до другого йти, то й до тебе зайду.
Ой уже я садила, уже поливала, та не приймається;
Ой кого я любила, кого я кохала, той мене цурається.

[4]) Ой підъ вербою, підъ зеленою,
Стояла рада хлопцівъ громада.

[5]) Та стоить верба сама одна,
Та вона собі гостя мае,
Гостя мае, кошового:
Приіхавъ кошовий для порадоньки.

[6]) Ой не стій, вербо, надъ водою,
Непогожа вода підъ тобою;
У день и у нічъ пробувае,

Digitized by Google

бьются молодцы, сравнивается съ вербою, у которой гнутся вѣтви, да не переломятся [1]).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ съ наклоненною вербою сравнивается обвѣнчанная новобрачная [2]), а съ расколотою вербою—перебравшаяся изъ родительскаго дома въ домъ мужа [3]).

Верба сопоставляется не только съ женскимъ, но и съ мужескимъ лицомъ: «время тебѣ, верба, развиться, поется въ одной веснянкѣ,—время тебѣ, Ваня, жениться» [4]).

Въ пѣсняхъ встрѣчается шумъ вербъ. Въ казацкихъ пѣсняхъ и думахъ онъ является съ зловѣщимъ значеніемъ [5]). Въ любовныхъ пѣсняхъ онъ находитъ воспоминанія объ утраченной любви [6]), а съ опаденіемъ листьевъ съ шумящихъ вербъ сравнивается разлука съ милымъ [7]).

У тебе корінь висихае,
Зверху гільлячко посихае.
Козакъ дівку вговоряе:
Не иди, дівча, за старого:
Старий віри не діймае,
На улицю не пускае.

[1]) Ой ти, вербо зелененькая,
Та на тобі гольлячче гнеться!
Нехай гнеться, не поломаеться;
Таки на мні листъ знайдеться!
Ой ти, дівко молоденькая,
Чомъ за тебе молодці бьються!
Нехай бьються, та й поладяться,
А на мене нехъ не надіяться.
(*Гильт.* 82).

[2]) Схилилася верба зъ верху до коріня;
Вінчалася Маруся зъ ранку до полудня.
(*Метл.* 188).

[3]) Роскололася верба одъ верха до корене,
Взята Марійка, взята одъ отца, одъ матере.
(*Чт.* 1866. 1. 555).

[4]) Ой вербо, вербо, вербице,
Часъ тобі, вербо, розвиться;
Ой часъ тобі, Иваську, жениться.

[5]) То не верби луговиі зашуміли;
То безбожниі ушкали налетіли.
(*Укр. Д.* 25).

[6]) Шумлять верби, въ кінецъ гребли, що я насидила;
Нема теперъ того тута, кого я любила.

[7]) Шумлять верби, шумлять верби, а листъ опадае,
Жалуй мене, мій батенько, милий покидае!

Digitized by Google

Яворъ (Acer pseudoplatanus—чинаровидный кленъ; но именемъ явора въ другихъ мѣстахъ не называется какое-нибудь опредѣленное дерево, такъ что собственно это названіе исключительно пѣсенное и въ жизни неизвѣстно)—символъ печали, несчастія и грусти. Во всѣхъ почти пѣсняхъ, гдѣ только является это дерево—содержаніе болѣе или менѣе грустное.

Яворъ—свидѣтель смерти и убійствъ. Подъ яворомъ лежитъ убитый казакъ [1]); подъ яворомъ разбойники умерщвляютъ свою жертву [2]); подъ яворомъ казакъ застаетъ свою дѣвицу на свиданьи съ другимъ и убиваетъ соперника [3]). Сопилка, съ которою послѣдній ходилъ къ дѣвицѣ, называется яворовой. Образъ явора сопоставляется съ фактомъ погибели человѣка вообще [4]). Въ одной галицкой пѣснѣ мужъ убиваетъ свою жену, а оставшемуся послѣ нея ребенку дѣлаетъ изъ явора колыбель и оставляетъ младенца въ лѣсу [5]): здѣсь колыбель изъ явора—символъ безвыходнаго положенія покинутаго ребенка.

---

[1]) Підъ яворомъ зелененькимъ
Лежить козакъ молоденький,
Постріляний, порубаний.

[2]) Повели въ чисте поле зъ голими мічами,
Зняли зъ ёго головоньку підъ трома яворами.

Вацл. изъ Олеск.).

[3]) Ступай, ступай, сивий коню, зъ гори на долину;
Доганяймо підъ яворомъ молоду дівчину.
Та що жъ вона, пане брате, підъ яворомъ робить?
Ой тамъ вона зъ розлучникомъ на гуляньня ходить.
Допоможи, міцний Боже, розлучника вбити;
Най не ходить, де я хожу, дівчину любити.
Най не ходить, най не носить сопілки въ кишені!
Сопілочка яворова, денце ялинове.
Любилися, кохалися,—теперъ перестанутъ!

[4]) За воротьми въ папороті явіръ зелененький;
Загибъ, загибъ у Силниці Песехъ молоденький.

(*Чт.* 1862. 4. 315).

Или:

Ой у гаю, у гаю явіръ зелененький,
Загибае на чужині козакъ молоденький.

[5]) Завівъ ёго до лісойка,
Справивъ ёму колисойку
Зъ яворовогъ деревойка,

Digitized by Google

Гробъ иногда представляется сдѣланнымъ изъ явора [1]). Въ свадебной пѣснѣ, которая поется сиротѣ-жениху, яворъ сопоставляется съ гробомъ родителя, котораго сынъ призываетъ къ себѣ на свадьбу [2]).

Дѣвица подъ яворомъ теряетъ свое дѣвство и впослѣдствіи сожалѣетъ о своемъ безразсудствѣ [3]); несчастная плѣнница, растлѣнная татариномъ, даетъ знать родителю, чтобъ онъ не готовилъ ей приданаго, что она утратила его подъ яворомъ съ невѣрнымъ татариномъ [4]). Казакъ, лишивъ дѣвицу невинности, насмѣхается надъ ея горемъ [5]), играя на скрипкѣ подъ яворомъ.

Буде вітрець подувати,
Буде синокъ такъ думати,
Же гъ колише родна мати,
Буде дожчикъ покрапьяти;
Буде синокъ такъ думати,
Же го купатъ рідна мати.

(Чт. 1863. 4. 172).

[1]) Тешутъ, тешутъ яворину,
Козакові на домовину.

Или:

Ой скажу я собі явіръ зрубати,
Явіръ зрубати, домовину збудовати.

[2]) Ой прилетіли два голубоньки,
Та крикнули надъ яворомъ.
Ой заплакавъ Ивасенько
Надъ батьківськимъ гробомъ:
Ой прошу я тебе, мой батенько,
На весільячко до себе!
Ой радъ бц я соловейкомъ прилітати,—
Прилягла сира земля, та не могу встати.

[3]) Утратила свій віночокъ,
Черезъ дурний розумочокъ,
Підъ яворомъ зелененькимъ
Зъ козаченьвомъ молоденькимъ.

[4]) Най ся тато не турбуе
И посагу не готуе;
Я вже посагъ утратила
Підъ яворомъ яворинoмъ,
И зъ невірнымъ татариномъ.

[5]) Ой у гаю явіръ зелененький,
Підъ яворомъ козакъ молоденький.
Сидить собі, на скрипочку грае,

Digitized by Google

Подобный образъ встрѣчается въ пѣснѣ, въ которой злая мать научаетъ сына истязать жену [1]), которая, какъ описывается въ той же пѣснѣ, и умерла отъ побоевъ. Вода, текущая изъ-подъ явора—символъ плача [2]). Любовное свиданіе подъ яворомъ—образъ означающій печаль, возникающую послѣ свиданія [3]).

Яворъ въ пѣсняхъ нерѣдко изображается съ наклоненными вѣтвями надъ водою. Такой образъ примѣняется къ казаку, который, уѣхавъ въ Московщину, тамъ умеръ [4]). Тотъ же образъ въ пѣснѣ о Саввѣ Чаломъ, какъ символъ предчувствія наступающей бѣды [5]). Этотъ же образъ сопоставляется съ прекращеніемъ любви. Казакъ, самъ находясь въ чужой сторонѣ, откланялся дѣвицѣ,

---

Струна струні вірне розмовляе:
Нема вины вдовиному сину,
Звівъ зъ розуму молоду дівчину.
[1]) Підъ яворомъ козакъ молоденький
Стиха собі на кобзоньці грае;
Струна струні голосу додае,
Ой мати такъ сина научае:
Маешъ, синку, жінку молоденьку,
Не дай же ій роспусту тяженьку.
А зъ вечера комора бреніла,
А въ півночи нагайка шуміла,
На розсвіті миленька заснула.
[2]) Зъ підъ явора вода тече,
Тече вода річеньками,
Плаче мила слізоньками.
Или:
Зъ підъ явора вода тече,
По Михайлі мати плаче.
[3]) У городі зеленая яворина;
Ой тамъ дівчина зъ козакомъ говорила.
Зъ тобою говорю—не наговорюся,
До дому прийду—зъ жалю розібьюся.
[4]) Стоить явіръ надъ водою—въ воду похилився,
На козака пригодонька—козакъ зажурився.
Не хилися, яворонько, ще ти зелененький;
Не журися, козаченьку, ще ти молоденькій.
Не радъ явіръ хилитися—вода корні мие,
Не радъ козакъ журитися—та серденько ние.
[5]) Стоить явіръ надъ водою, въ воду похилився,
Іде Сава зъ Немирова, тяжко зажурився.

Digitized by Google

то-есть извѣстилъ ее, что разлучается съ нею навсегда [1]). Молодецъ, указывая на наклоненный яворъ, говоритъ, что если онъ не женится на той, которую любитъ, то навсегда останется не женатымъ [2]). Мужъ, недовольный своимъ супружествомъ, самъ себя называетъ яворомъ [3]), а ревнивый молодецъ сопоставляетъ мученіе своего сердца, возбуждаемое разговоромъ его возлюбленной съ другимъ молодцомъ—съ яворомъ, стоящимъ надъ водою [4]) и палимымъ солнечнымъ жаромъ. Привороженный молодецъ, страдающій отъ любви, идетъ спать подъ яворъ [5]). Молодецъ, пораженный горькимъ несчастіемъ, идетъ въ лѣсъ подъ яворъ оплакивать свое горе [6]). Яворъ помѣщается и въ саду: и здѣсь онъ—символъ грусти [7]).

---

[1]) Стоить явіръ надъ водою, въ воду похилився,
Изъ чужини до дівчини козакъ одклонився.

[2]) Коло млина яворина, явіръ похилився;
Якъ не возьму котру люблю—не буду женився!

[3]) Стоить явіръ надъ водою,
Повідае свою долю:
Моя жінка некрасная;
Людьски жінки якъ ластівки,
Моя жінка якъ жидівка.

[4]) Стоить явіръ надъ водою, въ нёго соненько гріе,
Ой не стій же, мила, зъ инчимъ на розмові,
Бо мні серденько мліе.

(*Чт.* 1863. 4. 286).

[5]) На добра-нічъ усімъ на нісъ,
Теперъ же я піду спати;
За воротами зеленъ явіръ,—
Тамъ я буду ночувати.
Ой чи явіръ, хочъ не явіръ,
Такъ зеленая ялина;
Міжъ усіма дівчатами
Одна дівчина мині мила.
Кличе мати вечеряти,—
Вечеренька мині не мила!

[6]) Ой піду я боромъ, боромъ,
Та стану я підъ яворомъ:
Явороньку зелененький!
Пропавъ мій вікъ молоденький!

[7]) У садочку явіръ зелененький,
Явіръ зелененький, козакъ молоденький,
Козакъ молоденький, тяжко зажурився!

Digitized by Google

Яворъ, являясь въ началѣ пѣсни, тѣмъ самымъ указываетъ на ея печальное содержаніе и вообще опредѣляетъ грустный тонъ всего послѣдующаго. Это мы видимъ, напримѣръ, въ колыбельной пѣснѣ, которая начинается словами: «надъ моремъ-Дунаемъ вѣтеръ качаетъ яворъ» [1]). Далѣе слѣдуетъ грустное чувство матери, воображающей себѣ, какъ она будетъ разставаться съ сыномъ, когда онъ пойдетъ въ войско. Такъ пѣсня о крово-смѣстителѣ, гдѣ разсказывается, какъ вдова бросила въ Дунай сына, а потомъ черезъ двадцать лѣтъ нечаянно вышла за него замужъ, начинается яворомъ: изъ-подъ явора выходитъ эта вдова и этимъ опредѣляется печальное и мрачное содержаніе пѣсни [2]).

Въ народной поэзіи мы встрѣчаемъ также яворовый листъ. Въ одной угорской пѣснѣ поется, что солдатъ томится въ неволи, и пѣсня начинается словами: широкъ листъ на дубѣ, а еще шире на яворѣ. Дубъ здѣсь—символъ молодца, а яворъ—несчастія, горести, сообразно содержанію пѣсни [3]). Въ одной галицкой пѣснѣ говорится: пошла-бъ я къ криницѣ за водою, да криница не чиста: нападало въ криницу листьевъ съ явора. Сдѣлайте, молодцы, калиновый мостикъ, вычистите изъ криницы яворовые листья [4]). Зная уже символизацію криницы и калины, а также и калиноваго мостика, смыслъ этой пѣсни, повидимому, зага-

---

[1]) По надъ моремъ-Дунаемъ
Вітеръ явіръ хитае.
Ой, сине мий Иване,
Дитя мое кохане!

[2]) По надъ моремъ глибокимъ,
Стоить явіръ високий,
А зъ підъ того явора
Вийшла вдова молода.

[3]) Широкий листъ на дубині,
А ще ширший на яворі.
Сидить жовніръ у неволі,
Сидить, сидить, тяжко здише,
Та й до тата листи пише.
(*Чт.* 1866. 1. 396).

[4]) Ой пила би'мъ та й водицю, водиця нечиста:
Нападало у кирничку яворовогъ листа;
Ой уробітъ, ледінчики, мостокъ калиновий,
Вичистити изъ кирнички листокъ яворовий!
(*Чт.* 1861. 4. 369).

Digitized by Google

дочный, дѣлается понятенъ: женщина хочетъ разогнать свою грусть и проситъ молодцовъ пособить ей.

Вещи изъ явора также имѣютъ печальное символическое значеніе: дѣвица, томясь сердечнымъ недугомъ и не находя себѣ ни въ чемъ покоя, говоритъ, что она хочетъ брать воду, но вода не берется, и ея яворовый корамыселъ сгибается въ дугу [1]. Въ свадебныхъ пѣсняхъ новобрачная, съ грустью разлучаясь съ родителями и родительскою хатою, называетъ свои сѣни яворовыми [2].

Объ этомъ деревѣ въ пѣсняхъ есть миѳическія исторіи: то яворъ съ другими деревьями выростаетъ изъ могилы и какъ бы изъ тѣла лица, похищеннаго насильственною смертью, то живая личность, гнетомая тяжелымъ горемъ, превращается въ яворъ. Одна пѣсня, говоря объ убитомъ казакѣ, заставляетъ выростать яворъ изъ его ногъ [3], а другая, галицкая, пѣсня разсказываетъ, что два явора выросли изъ ногъ убитой и погребенной дѣвицы [4]. Но гораздо полнѣе и связнѣе представляется исторія двухъ супруговъ, погибшихъ жертвою злой свекрови [5]. Послѣдняя, возненавидѣвъ свою невѣстку, хотѣла

---

1) Ой у бору воду беру—вода не береться,
Яворовий коромиселъ у дужечку гнеться.

2) Сінечки мои яворові,
Будете неметені:
Ненька старенька, а сестра маленька,
Я піду відъ батенька.

(*Метл.* 214).

3) Куди впали біли ноги,
Тамъ виросли два явора.

4) Де Настини біли ноги,
Тамъ виросли два явори.

5) Оженила мати сина молодого,
Та взяла невістку та не до любови,
Не білее личко, не чорниі брови,
Та не знала мати, якъ розлучати:
Послала сина до віська служити,
Нелюбу невістку до стадечка пасти.
Та послужи, синку, та два годочки,
А на третій до мене въ гостиночку прийдешъ.
Якъ прийшовъ же синъ у саму неділю,
Нелюба невістка въ самий понеділокъ.
Посадила сина та за стольчикомъ,

Digitized by Google

отравить ее, но сынъ выпилъ яду вмѣстѣ съ женою. И похоронили сына подъ церковью, а невѣстку подъ колокольнею. На могилѣ сына выросъ яворъ, а на могилѣ невѣстки бѣлый тополь. Мать приходитъ поминать сына и проклинать невѣстку и видитъ, что ихъ могилы стали придвигаться одна къ другой, а яворъ сталъ склоняться къ тополю. И мать сказала: вѣрно, дѣти, вы крѣпко любили другъ друга, когда верхушки ваши склонились одна къ другой. Галицкій варіантъ этой пѣсни, вмѣсто тополи, ставитъ на могилѣ невѣстки березу [1]), а варіантъ Гродненской губерніи—

Нелюбу невістку за скамницею;
Честовала сина и виномъ и медомъ,
Нелюбу невістку та отрутою.
Випьемо, жінко, по половинці,
Щобъ насъ поховали въ одній домовинці,
Та випьемо, жінко, по цілій чарці,
Щобъ насъ поховали обохъ въ одній ямці.
Якъ умеръ же синъ та у неділю,
Нелюба невістка та у понеділокъ.
Поховали сина та підъ церквою,
Нелюбу невістку підъ дзвиницею.
Вирісъ на синові зелений явіръ,
На невістонці біла тополя.
Стали ихъ молили та присуватися,
Ставъ явіръ до тополі та прихилятися.
Вийшла тоді мати сина поминати,
Нелюбу невістку та проклинати...
Либонь же ви, дітки, вірненько любились,
Що ваши вершечки до купки схилились!

1) На середъ села седіла вдова.
Ой мала жь вона сина Василя,
Ой мала жь вона, до школи дала,
Зо школи взяла, въ військо віддала,
Въ військо віддала, на війну післала...
Чекае рочокъ, не йде синочокъ,
Чекае другій, не йде синъ любий;
На третій рочокъ иде синочокъ,
Синочокъ иде, невістку веде.
Ой вийшла мати зъ новои хати,
Ой взяла жъ вона сина витати.
Винесла вона дві склянці вина,
А трета бутилька сама тротина.
До синонька пье червонимъ виномъ,
Невістці дае саму тротину.

Digitized by Google

липу [1]). Глубокая древность этой пѣсенной легенды доказывается общностью не только народной поэзіи другихъ славянскихъ народовъ, но и прочихъ, принадлежащихъ къ арійскому племени. Такъ, у сербовъ есть пѣсня, въ которой разсказывается, что двое любовниковъ были погребены вмѣстѣ и на могилѣ молодца выросло сосновое деревцо, а на могилѣ дѣвицы красная роза, и роза прильнула къ соснѣ. Въ старинной англійской

Синъ вина не пивъ, підъ коня вильявъ,
А тротиноньку по половинці;
Невістка пье, та й оплівае,
А синъ ся дивитъ, зъ коня ся хиляе.
«Знала сь насъ мати, якъ чаровати,
Знай же насъ, мати, вкупці сховати»!—
А мати сина не послухала,
Якъ сама хтіла, такъ ихъ сховала:
Сина Василя підъ оконцями,
А невісточку підъ воротцями;
На сину Василю соненько сходить,
По невістонці увесь миръ бродить;
На синонькові явіръ зелененькій
На невістонці біла березонька:
Береза росте, розростаеся,
Листъ до листонька привертаеся;
А явіръ росте, розрастаеся,
Листъ відъ листонька відвертаеся.
(Чт. 1863. 4. 186—187).

[1]) Мати сина оженила,
Да нивістку ни злюбила.
Дала сину каплунъ істи,
А нивістці чимирици;
Синъ жъ тое зознавъ,
Своюй милой істи ни давъ,
—«Іжмо, мила, пиродъ мое,
А потомъ будемъ істи твое,
Помремъ разомъ обое».—
Померъ синъ въ ниділю,
А нивістка въ понидількъ.
Кладуть сина въ церкви,
А нивістку на цвинтарі,
На синови виросъ зилёнъ яворъ,
На нивістци біла липа.
Яворъ стину пробивае,
Зъ липки листокъ доцягае,

Digitized by Google

балладѣ William and Margareth на могилѣ красавицы выростаетъ роза, а на могилѣ рыцаря баярышникъ (Miinstrelsy of the Bord. , 221). Подобные образы есть и въ скандинавской поэзіи. (Uldralgte dunskevis, p. 352). Замѣчательно, что въ нашихъ пѣсняхъ дерево на могилѣ невѣстки измѣняется: то тополь, то береза, то липа, а деревомъ на могилѣ мужа остается все одинъ и тотъ же яворъ.

Въ яворъ превращается живой человѣкъ: это молодецъ, котораго мать прогнала отъ себя. Извѣстные варіанты этой пѣсни—галицкіе: мать прогоняетъ сына за то, что въ пятницу—пѣлъ, въ субботу умывался (?), въ воскресенье завтракалъ. Сестра спрашивала брата, когда онъ пріѣдетъ гостемъ. «Когда камень пуститъ корень, а верба родитъ яблоки», отвѣчалъ ей братъ. Мать терпѣла два года, на третій пошла искать его и стала подъ яворомъ. Начала она рвать листья съ явора, а яворъ сказалъ ей: «не рви, родимая, листья—это мои волосы. Куда только ты, мать, ни посмотрѣла, верхи деревьевъ увяли. Куда, говоритъ яворъ, ты ни шла—за тобою кровавая рѣка бѣжала» [1]).

Листъ зъ листкомъ злипаеться,
Въ матки скипаеться.
«Доля жъ моя несчастлива,
Що я теперъ наробила,
Двое дитокъ потруила:
Одно дитя рожоное,
А другое сужоное.

(*Гильтебр. 64*).

[1]) Иди, синку, прічь отъ мене,
Най не маю гріхъ на тебе,
За пятничне співаненько,
За недільне сніданенько.
Пішовъ синокъ до сестроньки,
Та найстарша коня дала,
Середуща осідлала,
Наймолодша виправляла:
«Коли, брате, гостемъ будешъ?» —
—Тогди, сестро, гостемъ буду,
Та якъ камінь корінь пуститъ,
Та якъ верба ябно вродить.—
Терпіла рікъ, терпіла два,
А третого не стерпіла:
Пішла мати въ лісъ шукати,

Digitized by Google

Другой, также галицкій, варіантъ излагаетъ эту легенду нѣсколько иначе. Мать разсердилась на сына и прокляла его. Сынъ, разгнѣвавшись, простился съ сестрами и далъ имъ обѣщаніе тогда возвратиться, когда камень поплыветъ по водѣ, а перо потонетъ, когда солнце будетъ ходить обратнымъ путемъ.

Сынъ уѣхалъ сначала въ темный лѣсъ, а тамъ въ чистое поле: конь его превратился въ камень, а онъ самъ въ зеленый яворъ. Мать стала плакать о сынѣ и пошла искать его въ поле. Сталъ дождь капать; мать стала на бѣлый камень подъ яворъ; стали ее кусать мухи; она начала ломать вѣтви; тогда изрекъ ей слово яворъ: «о, мать проклятая! Ты не дала мнѣ проживать въ селѣ, не даешь и въ рощѣ стоять. Бѣлый камень—мой конь, зеленые листья—моя одежда, тонкіе прутья—мои пальчики». А мать растосковалась и разсѣялась прахомъ [1]).

Стала собі підъ яворець,
Та й узяла листье рвати,
А явіръ взявъ промовляти:
Не рви, ненько, та листьенько,
Бо то мое волосьенько!
Куди сь мати подивила,—
Всі вершечки увалила;
Куди мати, каже, пішла,
То кровава річка бігла.

(Ѳт. 1866. I. 385—86.

[1]) Въ неділю рано мати сина лала,
Мати сина лала, та й проклинала,
А синойко ся дай розгнівавши,
Казавъ старшій сестрі хліба напечи,
А середульшій коня вивести,
А наймолодшій коня всідлати.
Найстарша сестра хліба напекла,
А середульша коня вивела,
А наймолодша коня всідлала,
Коня всідлала, та й ся звідовала:
«Колижъ, братцю, къ намъ гостейкомъ прийдешъ?»—
—Озьми, сестрице, білий камінець,
Білий камінець, легкое перо,
И пусти ти ихъ на тихий Дунай:
Якъ білий камінець на верхъ виплине,
А легкое перо на спідъ упаде.
Подумай, сестро, що зъ сего буде?..
Коли сонейко на зопакъ зійде,

Digitized by Google

Есть еще одинъ варіантъ —угорскій, похожій на предыдущій, но здѣсь мать сама, проклиная сына, приказываетъ ему превратиться въ яворъ, а коню его въ камень. Это происходитъ на праздникъ русалій. Черезъ недѣлю мать пошла искать сына, искала на ярмаркѣ и не нашла, а возвращаясь домой ушла отъ дождя въ лѣсъ и тамъ узнала въ яворѣ своего сына [1]).

Втоди, сестрице, гостьомъ въ васъ буду.—
Навернувъ кояьомъ одъ схода сонця
И поіхавъ си въ темний лісочокъ.
Виіхавъ овінъ въ чистое поле,
Ставъ ту коничокъ білимъ камінемъ,
Вінъ молодейкий зеленимъ яворомъ.
Ой стала мати за сипомъ плакати
И пошла она его гледати:
Вийшла она въ чистейке поле,
Въ чистейке поле, въ болоничейко.
Ой ставъ еи дожчикъ кропити,
Стала она на білий камень,
На білий камень подъ зеленъ явіръ.
Ой стали еи мушки кусати;
Стала она галузки ламати;
Прорікъ яворець до неи словце:
«Ой мати, мати, мати проклята!
Не дала есь мі въ селі кметати,
Еще мі не даешъ въ полю стояти.
Білий камінець—мій сивий коничокъ,
Зелене листья—мое одіння,
Дрібни прутики—мои пальчики!—
А мати его ся розжаловала,
Та и на порохъ ся розсіяла.

1) На сами святи Русаля,
Мати синочька прокляла,
А якъ она го прокляла,
Та го до ліса послала,
Вигнала его до ліса:
«Иди ти собі до біса!
Жеби ти тамъ сталъ яворомъ,
А твій копичокъ каменемъ!»
Якъ тому тиждень переходилъ,
Матери жаль ся уробилъ:
«Ей Боже, Боже, Боже мой,
Ахъ, где ся подівъ тотъ синъ мой.

Digitized by Google

Въ пѣснѣ изъ Глуховскаго уѣзда жена прокляла своего мужа и велѣла ему превратиться въ яворъ; его конь долженъ былъ сдѣлаться горою, сабля—дорогою, шапка—кочкою, а синяя одежда чистымъ полемъ. Пошла вдова жать въ поле; дождь сталъ капать; она укрылась подъ яворъ и говорила: «яворушка зеленый! прикрой моихъ дѣтокъ-сиротокъ»! —Яворъ сказалъ ей: «я—не яворъ, я—твоимъ дѣтямъ батюшка; вспомни, какъ ты меня отправляла въ путь и проклинала» [1]). Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ, при всемъ ихъ

А буде ярмакъ на Левочи,
Пійду я, пійду плачучи,
Пійду я, пійду на него.
Глядати сина моего».
Ходитъ отъ краму до краму,
Смотритъ до очей каждому.
Треба ся домовъ вертати,
Не можь ту сина познати;
Якъ ишла домовъ, дощь падалъ,
Та ей до ліса тамъ загналъ.
А стала она подъ яворъ,
Вздихала: «Боже, Боже мой!
Ей яворъ, яворъ зеленний,
Якій ти красний, румений;
Таки на тобі голузки,
Якъ мого сина волоски,
Таки на тобі листочьки,
Якъ мого сина губочьки».
А яворъ ку ней промовилъ:
«Ой иди, мамо, ти домовъ,
Отъ тамо до дому своего,
Ужь я не пійду до него!
Идъ оганяти худобу,
Бо я до дому не пойду,
Я ту остану яворомъ,
А сивий коникъ каменемъ!»

(Чт. 1866. 3. 712).

[1]) Жона мужа виряжала,
Виряжаючи, проклинала:
«Бодай іхавъ, не доіхавъ,
Щобъ ему кінь горою ставъ,
А шабелька дорогою,
А шапочка купиною,
Сині сукні чистимъ полемъ,

Digitized by Google

разнообразіи, общимъ остается то, что въ яворъ превращается человѣкъ въ силу произнесеннаго надъ нимъ заклятія. Но въ археологическомъ отношеніи едва ли не важнѣе всѣхъ та пѣсня, гдѣ казакъ встрѣчаетъ на морѣ сиротку, которая закляла его въ яворъ, стоящій посреди моря. Мы уже приводили эту пѣсню.

Въ весеннихъ пѣсняхъ встрѣчается яворъ въ припѣвахъ къ такой пѣснѣ, въ которой, повидимому, нѣтъ ничего грустнаго. Но припѣвъ могъ быть отнесенъ и къ другой пѣснѣ, а не къ той, къ которой онъ принадлежалъ прежде. Въ купальскихъ пѣсняхъ является яворъ съ сосною, въ противоположеніе мужской личности женской. Молодецъ говоритъ, что онъ срубилъ яворъ и спугнулъ съ него трехъ соколовъ; эти соколы оказываются молодцами, которые вслѣдъ затѣмъ называются по именамъ; потомъ онъ срубилъ сосну и спугнулъ съ нея трехъ кукушекъ, которыя также оказываются дѣвицами съ собственными именами [1]). Здѣсь, какъ намъ кажется, проглядываетъ мрачное значеніе явора какъ и сосны: молодецъ срубилъ яворъ и согналъ съ него соколовъ, то-есть освободилъ молодцовъ отъ грусти и тоски и пустилъ ихъ веселиться.

А самъ молодъ яворонькомъ!»
Пішла вдова въ поле жати,
Стала хмара набигати,
Та й ставъ дожчъ накрапати.
Пішла вдова підъ явора,
—«Явороньку зелененькій!
Прикрий діти сирітоньки!»—
«Ой и я жъ не яворонько,
Я жъ тимъ дітямъ та батенько.
Згадай, якъ мене виряжала,
Виряжаючи проклинала!»

Метл. 291.

[1]) Нихто того не видавъ
Якъ я явора зрубавъ,
Три соколи зігнавъ:
Перший соколонько—молодий Иванько,
Другій соколонько—молодий Петрусько,
Третій соколонько—молодий Пархімко.
Нихто того не видавъ,
Якъ сосонку зрубавъ,
Три зозулі зігнавъ:
Першая зозуленька—молода Орися,
Другая зозуленька—молода Явдося,
Третя зозуленька—молода Настуся

Digitized by Google

Между галицкими пѣснями есть колядка, въ которой колыбель младенца Христа представляется висящею на яворахъ [1]); мы едва ли ошибемся, если объяснимъ, что присутствіе яворовъ здѣсь означаетъ земныя невзгоды и страданія, ожидающія Христа въ земной жизни, тѣмъ болѣе, что въ другомъ варіантѣ той же колядки жиды покушаются надѣлать зла младенцу [2]).

Но въ галицкихъ пѣсняхъ есть, однако, слѣды такого значенія явора, которое не сходится со всѣми приведенными примѣрами. Такимъ образомъ, въ колядкахъ поется, что среди двора стоитъ яворъ, на которомъ золотая кора и серебряная роса; прекрасная дѣвица обдираетъ золотую кору и стряхиваетъ серебряную росу, потомъ несетъ то и другое къ золотыхъ дѣлъ мастеру, чтобъ онъ сдѣлалъ золотую чашу и серебряный кубокъ: изъ чаши будетъ пить самъ Господь, а изъ кубка хозяинъ, въ честь котораго колядуютъ [3]).

---

[1]) А въ полю, въ полю два яворойки,
На яворонькахъ суть ретязойки,
На ретязойкахъ колисанойки,
Въ колисанойці Біжее дитя:
Колисала го Біжая мати,
Ей колисала, твердо заснула;
Прилетіли къ ней вірлове птаси,
Полетіли зъ нимъ ажъ підъ небеса.
(*Чт. 1864. 1. 43.*)

[2]) На тихъ яворахъ виситъ скобойка,
А въ тій скобойці колисанойка,
Въ тій колисанойці самъ милий Господь.
Тамтади лежитъ давна стежейка,
Товъ стежейковъ идетъ сімъ-сотъ жидівъ.
Едни мі гварятъ: заколишіме!
Други мі гварятъ: переверніме!
А треті гварятъ: зъ собовъ возьміме!
(*Чт.* 1864. 1. 41.)

[3]) Стоить явіръ посередъ двора,
На яворі золота кора,
Золота кора, срібная роса,
А уточила (?) красная панна,
Золоту кору, тай обтручила,
Срібную росу тай обтрусила,
И понесла до золотничка:
Ой золотничку, голубоньку,
Зроби мині золотий келихъ,

Digitized by Google

Въ другой колядкѣ наверху явора соколъ вьетъ гнѣздо; въ срединѣ дерева въ борти—пчелы, а у корня черные бобры; все это, какъ предметы богатства, предоставляется хозяину [1]) и хозяйкѣ.

Такимъ образомъ, въ обѣихъ этихъ колядкахъ яворъ является уже не съ обычнымъ своимъ мрачнымъ значеніемъ, а скорѣе представляется образомъ богатства. Но нельзя поручиться, чтобы здѣсь было одно и то же дерево подъ именемъ явора, тѣмъ болѣе что въ чешскихъ и словацкихъ пѣсняхъ яворъ является совсѣмъ не тѣмъ глубоко-грустнымъ символомъ, какъ въ южнорусскихъ, и можетъ-быть западно-славянское воззрѣніе отразилось здѣсь на западныхъ окраинахъ южно-русскаго племени. Наконецъ, надобно принять во вниманіе и то обстоятельство, что одно дерево могло замѣнить другое съ ослабленіемъ ясности миѳологическихъ воззрѣній. Такъ, въ чрезвычайно любопытной колядкѣ о сотвореніи міра (см. ниже о голубяхъ), въ одномъ ея варіантѣ—дубъ, въ другомъ—яворъ и, при соображеніи съ другими подобными образами, можно склониться къ тому, что яворъ замѣнилъ дубъ неправильно.

Лоза—также постоянный символъ несчастія и слезъ, чему не мало способствуетъ и созвучіе словъ, постоянно встрѣчаемое въ тѣхъ образахъ, гдѣ въ народныхъ пѣсняхъ является это дерево: лозы—слезы—примѣнительно къ разнымъ положеніямъ

Золотий келихъ, срібний кубокъ.
А зъ келиха самъ Господь пье,
А изъ кубка самъ господарь.

[1]) Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ,
Стоитъ ми, стоитъ зелений явіръ,
А въ тимъ яворі три користоньки:
Една ми користь—въ верху гніздонько,
Въ верху гніздонько, сивъ соколонько;
Друга ми користь—а въ середині,
А въ середині въ борти пчолоньки;
Третя ми користь—у корінячка,
У корінячка чорниі бобри.
Сивъ соколонько—пану на славу,
Ярі пчолойки—Богу на хвалу,
Чорниі бобри—та на шубоньку,
Та на шубоньку господиноньці.

(Чт. 1864. 1. 52.)

Digitized by Google

и дѣвицы и молодца, и замужней женщины, и казака и дѣтей [1]). Калина въ лозѣ—образъ несчастнаго замужства [2]). На пути казаку расцвѣтаютъ лозы—невзгода [3]). Дѣвица, не дождавшись милаго, сопоставляетъ себя съ лозами [4]). Лоза—страданіе отъ враговъ [5]). Ночевать въ лозахъ или подъ лозою—образъ бѣд-

---

1) Ви густиі лози розвивайтеся,
Ви дрибниі слізи розливайтеся.
Или:
Еще козакъ не заіхавъ за густиі лози,
Вже облили дівчиноньку дрібненькиі слёзи.
Или:
За густими за лозами
Плаче дівка слізеньками.
Или:
Десь мій милий далеко
За густими за лозами
Умиваеться слізами.
Или:
Пішли діти за лозами,
Виливаються слізами,
Тобі бъ, тату, такъ Бігъ давъ,
Якъ се ти насъ розігнавъ.
Или:
Ви, густиі лози, одхилітеся,
Ви, дрібниі слёзи, одкотітеся.
Или:
Заростало Запорожье густими лозами,
Та вмилися козаченьки дрібними слізами.

2) Ой у лозі калинонька въ лозі,
Теперъ моя головонька въ тузі.
А вжежъ въ лозі калинонька зацвіла,
А вжежъ мене мати за пьяницю дала.

3) Ой зацвіли густі лози
Козакові при дорозі,
Козакъ блудить, козакъ нудить.

4) Хилітеся, густи лози, відкіль вітеръ віе,
Дивітеся, карі очи, відкіль милий іде;
Хилилися густі лози, та вже перестали,
Дивилися карі очи, та й плакати стали.

5) Тяжко лозамъ хилитися черезъ береженьки;
Тяжко очамъ дивитися черезъ вороженьки.

Digitized by Google

ствія [1]). Лоза—постель утопленника [2]). Есть пѣсня, въ которой молодецъ бросаетъ свою возлюбленную въ Дунай и самъ обѣщаетъ за нею послѣдовать. Она, конечно мертвая, приплыла къ густымъ лозамъ [3]).

Хвойныя деревья: *ялина* (ель) и *сосна*—также печальные символы. Ель встрѣчается рѣдко. Въ пѣснѣ, которую мы приводили выше, говоря объ яворѣ, она равняется съ этимъ послѣднимъ и сопоставляется съ томленіемъ изнывающаго отъ любви молодца, которому и ѣда не идетъ на умъ [4]). Ель, въ другой пѣснѣ, является на могилѣ матери [5]) и здѣсь она имѣетъ только иносказательный смыслъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ обычая сажать ель на могилахъ. Въ иной пѣснѣ объ умершемъ казакѣ—она матеріалъ для гроба [6]). Въ свадебныхъ пѣсняхъ она—символъ смиренія, безгласности [7]).

---

[1]) Підъ лозиною всю нічъ почувала,
И зъ лозиною всю нічъ розмовляла:
Ой лозино, ти жовтий цвіте,
Пропала я, охъ мій бідний квіте!
Ой лозино, ой ти жъ зелененька,
Пропала я, та щей молоденька!

[2]) Моя постілонька у воді лозинонька.

[3]) Ой взявъ милий мілу підъ біленьки боки,
Пустивъ милу на Дунай глибокий.
«Пливи мила, миленька водою,
А я заразъ плину за тобою!—
Ой виплила, мила, за густиі лози,
Ой облили мене дрибненькиі слёзи!

[4]) Хочъ не явіръ, хочъ не явіръ,
Такъ зелена ялина;
Кличе мати вечеряти,
Вечеронька мині не мила.

[5]) Найшла въ полі ялину,
Матінчину могилу,
Или:
Тамъ въ долині ялина, тамъ вся родина,
Тамъ въ долині родина и мамина могила.
(Чт. 1863. 4. 263.)

[6]) Будешъ мати домъ яловий,
Темненькую хатинонъку,
Високую могилонъку.

[7]) Похилее дерево ялина,
Покірнее дитятко Маруся.

Digitized by Google

Съ сосною сопоставляется плачущая дѣвица [1]), еще чаще замужняя женщина [2]) и мать-вдова [3]). Женщина, скучая въ разлукѣ съ родными, воображаетъ ихъ гуляющими подъ вишнею [4]), а самую вишню помѣщаетъ подъ сосною, вѣроятно, знаменуя этимъ послѣднимъ образомъ собственную грусть о томъ, что она не

[1]) Ой стояла сосоночка напроти сонечка,
Ой плакала дівчинонька, сидя въ вікопечка.

[2]) Росла въ лісі сосна,
Тонка та виросла,
Пішла дівка замужъ,
Сімъ літъ не доросла,
Пішла молодая—
Така ні доленька лихая.

Или:

Віе вітеръ въ чистімъ полі,
По крутому береженку,
По жовтенькому пісочку,
По хрещатімъ барвиночку.
Вода сосну підмивае,
Горностай корінь підъідае,
Зверху сосна усихае;
На верхъ сосни пчоли вьються,
Въ молодои слёзи льються.

[3]) Ой сосенка, сосенка!
Дежъ ти такъ виросла?
Ой виросла я въ лужку,
При крутому бережку,
Заскрипіло деревце:
Я въ лугу стоючи заплакала,
Я, вдова, свого сина годуючи.

(*Гильтебр. 53*).

Или:

А не въ бору сосна зашуміла....
А то вдова старенькая зъ маленькими дітками говорила.

(*Метл. 547*).

[4]) Ой у саду сосна,
Підъ сосною вишня;
Тамъ моя родина
На гулянья вийшла,
Родина гуляе, мене не поминае.
Покладу я кладку на биструю річку;
Піуд до матінки хочъ у темну нічку.

(*Гильтебр. 54*).

Digitized by Google

съ родными. Казакъ, тоскуя въ чужой землѣ, въ Турецкой, говоритъ, что его занесла туда вода, которая пошла отъ сосны [1]). Сосна, колыхаемая вѣтромъ, возбуждаетъ у сироты думы о его лихой судьбѣ [2]). Ночевать подъ сосною—образъ горя и слезъ. Казакъ увезъ дѣвицу и спрашиваетъ ее: гдѣ она будетъ ночевать. Дѣвица говоритъ, что подъ сосною [3]), и потомъ—слѣдуютъ слезы [4]).

Сосна играетъ роль въ одной пѣсенной исторіи очень трагическаго свойства. Эта пѣсня о молодцѣ, который соблазнилъ дѣвицу, а потомъ увезъ ее въ боръ и привязалъ къ соснѣ, а сосну зажегъ. Пѣсня эта чрезвычайно распространена и перешла повсюду въ Великую Россію. Дѣйствующія лица въ этой пѣснѣ, по настоящей общеходячей редакціи,—донецъ и шинкарка. Собственно въ томъ видѣ, въ какомъ она поется, эта пѣсня кажется первоначально скорѣе великорусскою, донскою, зашедшею въ Малороссію, но мотивъ ея, именно сожженіе женщины, является въ чистой малорусской пѣснѣ о пани-Марусенькѣ. Послѣдняя пѣсня—временъ гайдамацкихъ: гайдамаки убили папа и пріѣзжаютъ съ вѣстію къ его женѣ, Марусѣ. Не всегда, но въ нѣкоторыхъ варіантахъ этой пѣсни, мы встрѣчаемъ описаніе, какъ казаки-гайдамаки сожгли Марусю, привязавъ ее къ соснѣ [5]). Въ

---

[1]) Ой сосно, сосно кучерява,
Изросла на жовтімъ пісочку,
На крутімъ бережечку;
Туди вода ишла,
Вона мене занесла
Въ чужу землю—въ Туреччину.

[2]) Вітеръ повівае, сосенку хитае.
Не хитайся, сосно, мині жити тошно!
Тошно на чужині, якъ на пожарині;
Ніхто не пригорне при лихій годині!

[3]) Ой де мемо ночовати, моя мила дівчино!
Ой підъ сосною підъ зеленою, мій нелюбе, зъ тобою!

[4]) Чомъ же ми ся повмиваемъ, моя мила дівчино!
Вмиемося—ти росою, я слізою, мій нелюбе, зъ тобою.
Що жъ ми мемо поснідковати, моя мила дівчино?
Ой ти ягодоньки, я слізоньки, мій нелюбе, зъ тобою!
(Чт. 865. 1. 200—20.)

[5]) Якъ взяли Марусю лугами—ярами,
Та повезли Марусю битими гиляхами,
Привязали Марусеньку до сосни плечима,

Digitized by Google

галицкихъ пѣсняхъ мы находимъ подобную нашей пѣснѣ, пѣсню о донцѣ, но вмѣсто донца тамъ дѣйствуетъ волошинъ: онъ соблазняетъ дѣвицу и увозитъ ее, при пособіи товарищей; пріѣхавши въ лѣсъ, ей приказываютъ стлать постель. «Меня, говоритъ она, моя мать еще не отдавала вамъ на то, чтобъ я вамъ стлала постель подъ зеленымъ яворомъ». Тогда волошинъ говоритъ: «встань кремень, выруби огонь! Зажигай сосну съ верху и съ низу! Гори, гори, зеленая сосна, теки, черная смола, на бѣлое тѣло шинкаркѣ, чтобъ ей не хотѣлось итти отъ насъ прочь» [1]).

Галицкій варіантъ, по языку и тону, не можетъ быть послѣдующимъ видоизмѣненіемъ пѣсни о донцѣ и шинкаркѣ, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ разряду колядокъ, пѣсенъ древняго склада. Поэтому, мы полагаемъ, что въ народныхъ пѣсняхъ мотивъ о сожженіи женщины, привязанной къ соснѣ, очень древній, быть-можетъ, относящійся къ миѳологическому періоду и, вѣроятно, онъ состоитъ въ связи съ словацкою пѣснію о сожженіи дѣвицы посредствомъ зажженной липы,—пѣснію, въ которой Колларъ видѣлъ либо принесеніе въ жертву, либо же

До сосни плечима, въ темний біръ очима;
Запалили сосну зъ верху до коріня.
Сосенка горитъ, Маруся кричитъ:
«Не есть ви козаки, есть ви гайдамаки!
Уже мое біле тіло та й попеломъ сіло;
Уже моя руса коса до гори димомъ пішла».
[1]) А вже вчинили дівчині зраду:
Ой ведутъ милю, та й ведутъ другу,
Ой на треті жъ би відпочивати,
Пустили жъ они коники пасти,
Казали еі все ліжко класти,
«Мене ще мамка ба и не віддала,
Щоби я зъ вами все ліжко клала.
Ой підъ яворомъ, підъ зелененькимъ,
Изъ Волошиномъ та й молоденькимъ».
—Устань кременя, викреши огню,
Запали сосну въ верху и споду:
Ой гори, гори зелена сосно,
Ой течи, течи, чорная смоло
Та на шенкарча, на біле тіло,
Щоби шенкарча прічъ не хотіло!

(Чт. 1864. 1. 88.)

Digitized by Google

древнюю кару, постигающую дѣвицу, утратившую невинность [1]), а можетъ-быть и казнь за волшебство.

Въ свадебныхъ обрядахъ сосна не имѣетъ, повидимому, того грустнаго значенія, какое ей придается въ пѣсняхъ; такъ, изъ сосновыхъ вѣтвей дѣлается вильце, убранное разными украшеніями и цвѣтами. Но сосна здѣсь означаетъ не себя, а другое дерево, и употребляется на вильце только зимою, потому что на вильце требуется дерево зеленое, а она одна въ это время года зеленѣетъ; если же свадьба бываетъ въ такое время года, когда можно достать иное зеленое дерево, то употребляютъ вѣтви яблони, груши, черемухи, калины. Вѣроятно, въ древности, для этой цѣли назначалась спеціально калина, такъ какъ и теперь калиновыми ягодами непремѣнно должно убираться вильце. Въ пѣсняхъ, принаровленныхъ къ обряду убиранія вильца, поется о калинѣ [2]), и намъ кажется, что сосна здѣсь стала замѣнять калину, что сдѣлалось уже при ослабленіи прежняго строгаго сознанія поэтической символики.

Говоря о соснѣ, мы не можемъ не упомянуть о чрезвычайно странной пѣснѣ, которой смыслъ для насъ совершенно непостижимъ. «За воротами, за праворотами (?) стоитъ сосна; она ярче сребра, прекраснѣе золота: въ этой соснѣ корабль плыветъ; въ томъ кораблѣ красная дѣвица; пришелъ маленькій мальчикъ: она на него засмотрѣлась; она поклонилась хоругви [3]). А я

---

[1]) Горела липа, горела,
Подъ нооу паненка седѣла;
Кедь на ню искри падали,
Вшецци младенци плакали.
(*Nar. Spiew.* 1. 429.)

[2]) Якъ ми вильце вили,
Всі лужечки сходили,
Червону калину поламали.

[3]) За ворітьми, за праворітьми,
Тамъ стоитъ сосна відъ срібла ясна,
Відъ срібла ясна, відъ злата красна,
А у тій сосні корабель пливе,
А въ тімъ кораблі кгречная панна;
Прийшло до неи мале пахоля,
Вона на ёго задивилася,
Короговці поклонилася.
А я гетмана перепрошу,
Тебе, молоду, замужъ возьму.

Digitized by Google

(говоритъ, повидимому, мальчикъ) гетмана упрошу, тебя молодую замужъ за себя возьму». Никакъ нельзя поручиться, чтобы тутъ и первоначально была сосна: могло быть, конечно, другое дерево, могли образы совсѣмъ перепутаться и исказиться, что, вѣроятно, и произошло.

Осина въ пѣсняхъ малорусскихъ почти не встрѣчается; только въ галицкихъ колядкахъ поется, что Божія Матерь шла черезъ гору съ Младенцемъ-Спасителемъ и стала на пути отдыхать; тогда всѣ деревья склонили свои вѣтви, но проклятая осина не поклонилась, а съ нею также показалъ строптивость и проклятый тернъ. За это проклятой осинѣ суждено трястись, а терну—колоть до страшнаго суда [1]). Это преданіе (совпадающее съ апокрифическимъ преданіемъ о поклоненіи деревьевъ Христу), повидимому, нѣмецкое, по крайней мѣрѣ оно существуетъ въ Германіи (см. Nork Mythol. der Volksg 951), и можно предполагать, что оно вошло въ Галицію отъ нѣмцевъ. Но есть другая пѣсня, гдѣ трясеніе осины происходитъ изъ другаго источника. Идетъ рѣчь о какой-то дѣвицѣ. Ея отецъ пашетъ землю и говоритъ: нѣтъ моей дѣвочки, нѣкому водить воловъ! Старшій братъ сѣетъ пшеницу и говоритъ: нѣтъ моей сестры, нѣкому носить пшеницу! Средній братъ собирается боронить и говоритъ: нѣтъ моей сестрицы, нѣкому водить лошадей! Старая мать ткетъ и говоритъ: нѣтъ моей дѣвочки, нѣкому навивать челноки. Меньшой братъ вынимаетъ пистолетъ и собирается за сестрой. Какъ только сестра это услышала, такъ отъ печали разсыпалась въ прахъ. Тогда черные вороны отправляли надъ нею погребеніе, а мелкія пташки хорошо пѣли. Поклонились деревья и коренья и всякое твореніе. Не поклонилась несчастная осина. Дрожи же ты, осина, отъ нынѣ до вѣка, до страшнаго суда [2])! Эта стран-

---

[1]) Стало ий ся стало галузья кланяти,
Бучья й корінья и всяке творінья,
Лемъ ся не вклонила проклята осика,
Проклята осика и прокляте терня.
Проклята осика! бодай ся трясла
До суду судного, до віку вічного;
А прокляте терня! бодай-есь-кололо,
До суду судного, до віку вічного!

[2]) Скоро того дівча скоро вислухало,
Заразъ ся одъ жалю на прахъ розсипало,
А чорни гаврани погрібъ одправляли,

Digitized by Google

ная пѣсня непонятна, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ начала содержанія, да кромѣ того, можетъ-быть, въ ея настоящемъ видѣ она смѣшалась съ другими пѣснями, но все-таки она показываетъ, что въ первой пѣснѣ о Младенцѣ-Христѣ трясеніе осины не христіанскаго происхожденія, а скорѣе этотъ образъ, будучи древнимъ языческимъ, приспособился къ христіанскимъ представленіямъ, и Богородица, какъ во многихъ другихъ пѣсняхъ, такъ и здѣсь, замѣнила какое-то другое миѳологическое лицо. Поэтому, несмотря на сходство съ нѣмецкимъ преданіемъ, образъ трясенія осины едва ли можно считать заимствованнымъ особенно въ болѣе позднее время.

Въ галицкихъ колядкахъ проклятымъ деревомъ представляется ива, и начало проклятія надъ нею отнесено къ страданію Христа. «Когда жиды мучили Христа, клали ему на голову терновый вѣнецъ, подпоясывали его ежевикою и хмѣлемъ и забивали ему подъ ногти щепки разнаго рода. Ни одно дерево не пошло подъ ногти, но согрѣшила червивая ива; она одна пошла подъ ногти, пролилась кровь, и самъ Господь проклялъ иву: чтобъ тебя, ива, точили черви отъ младости до старости, отъ корня до верхушки» [1])!

Вотъ, на сколько намъ извѣстно, всѣ растенія, какъ травянистыя, такъ и деревянистыя, встрѣчаемыя въ народныхъ пѣс-

---

А дрібни птачкове барзъ красно співали.
Вшитко ся кланяло древо и коріня,
Древо й коріня и вшитко створіня,
Лемъ ся не вклонила несчастна осина.
Бодай ся трепала одъ нині до віка,
Одъ нині до віка до віка вічного,
До віка вічного, до суда страшного.

(Чт. 1866. 3. 719.)

[1]) Якъ жидова Христа мучили,
Терновий вінокъ на голову клали,
Ожиною, хмельомъ вперезували;
Всякое древо за ногти клали;
Всякое древо за ногти не йшло,
Червива ива та й прогрішила,
За ногти пішла, крівцю пустила.
Червиву иву самъ Господь проклялъ.
Бодай тя, иво, черва точила,
Відъ молодости ажъ до старости,
Відъ корінячка ажъ до вершечка!

Digitized by Google

няхъ съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ символическимъ значеніемъ. Намъ остается указать еще на значеніе лѣса вообще.

Лѣсъ въ народныхъ пѣсняхъ является въ видахъ и наименованіяхъ: *луга* (лѣсъ на низменномъ мѣстѣ), *діброви* (дуброва), *гай* (роща), *лісъ* и *біръ* (боръ). Послѣдніе два вида въ пѣсняхъ встрѣчаются рѣже. Близость человѣка къ природѣ рѣзко выражается въ пѣсенныхъ отношеніяхъ къ лѣсу. Народное сердце очень любитъ его. Къ лѣсу обращаются, какъ существу способному принимать участіе въ человѣческихъ ощущеніяхъ. Молодецъ находится въ раздумьи: жениться ли ему или оставаться холостымъ; онъ обращается къ рощѣ за совѣтомъ[1]). Видя рощу въ опустошенномъ видѣ, спрашиваютъ ее: что это значитъ, а роща отвѣчаетъ, что была холодная зима; шло войско, ночевало подъ рощею и опустошило ее[2]). Дѣвица распрашиваетъ у дубровы: какая птица раньше встаетъ, какое растеніе лучше цвѣтетъ, кому худо, кому хорошо на свѣтѣ жить? Дуброва даетъ ей отвѣтъ[3]) (отвѣтъ о цвѣ-

---

[1]) Ой, гаю, гаю, рідний брате,
Порадь мене, гаю, що маю робити:
Чи мині жениться, чи такъ волочиться?

[2]) Чого, гаю, невеселий?
Чого, гаю, незелений?
Якъ я маю зеленіти:
Була зіма студеная,
Ишло військо великое,
Підо мною ночувало,
Корінняча потоптало,
Корінняча копитами,
А гільяча шабельками.

(*Гильтебр.* 34).

[3]) Зеленая дібрівонько, скажи мині правдоньку.
Котора пташина ранній уставае;
Чи той-то малий воробейко,
Чи той соловейко,
Чи сивая зозуля?
Малий воробейко устае раненько,
А той соловейко щебече раненько,
А сива зозуля трошки засыпае.
Зелена дібрівонько скажи мині правдоньку:
Кому красче, кому гірше въ світі проживати,
Чи бідній вдові, чи мужній жоні,

Digitized by Google

тахъ тотъ самый, какой мы привели выше, говоря о розѣ). Въ галицкихъ колядкахъ дуброва своимъ шумомъ даетъ знать охотнику, что въ ней есть дивный звѣрь[1]). Скорбное чувство ищетъ у рощи участія къ своему горю. Мать, разлученная съ сыномъ, обращается къ рощѣ и говоритъ ей, что у нея нѣтъ болѣе любимаго дитяти[2]). Дѣвушка, потерявшая дѣвство, бросаетъ въ воду вѣнокъ и посылаетъ его по водѣ въ лѣсъ, чтобы рощи тосковали съ нею объ ея горѣ[3]). Шумъ лѣса усиливаетъ печаль сиротствующаго въ чужой сторонѣ молодца[4]), и женщина, разлученная съ милымъ, проситъ дуброву не шумѣть тогда, когда она будетъ итти черезъ нее, а зашумѣть тогда, когда она будетъ отъ нея вдалекѣ[5]). Но есть пѣсня, въ которой, наоборотъ, безмолвіе рощи производитъ томительное чувство на одинокую и грустную особу, на-

---

Чи той прекрасній дівиці?
Бідна вдова хлібъ-силь заробляе,
Мужняя жона все склади складае,
А у тои дівиці и думки не мае.

[1]) Ой зашуміла зеленъ діброва,
Ой чожъ ти шумишъ, ой чожъ ти звенишъ?
Ой шумью, шумью, бо въ собі чую
Дивное звіря, тура-олена.

(Чт. 1864. 1. 84.)

[2]) Ой гаю мій, гаю!
Котору дитину
Кохала, любила—
У себе не маю!

[3]) Задай тугу зеленому лугу,
Задай жалю зеленому гаю!

[4]) Ой не шуми, луже, ти зелений гаю,
Не завдавай сердцю жалю, бо я въ чужімъ краю!
Бо я въ чужімъ краю, якъ на пожариніі;
Ніхто мене не пригорне при лихій годіни.

[5]) Ой не шуми, дібрівонько,
Та не шуми, зеленая,
У три ряди саженая;
Та не шуми надо мною,
Якъ я буду ити тобою.
Но зашуми тои хвилі,
Якъ я буду за три милі.

(Чт. 1863. 4).

Digitized by Google

ходящуюся въ чужомъ краю [1]). Переполненное грустью сердце хочетъ избавиться отъ тяжести и разсѣять грусть по лѣсу [2]).

Гай сопоставляется съ молодцомъ [3]), а разныя качества рощи—съ разными положеніями человѣка, напр. дубровы съ плачемъ дѣвицы [4]), шумъ «луга» съ думами казака, котораго волнуетъ мысль о предстоящей женитьбѣ и о горѣ, неразлучномъ съ семейною жизнію [5]). Густота лѣса сравнивается съ

---

[1]) Ой гаю мій, гаю, густий, зелененький!
Що на тобі, гаю, вітроньку не мае,
Вітроньку не мае, гільля не колише?
Братець до сестриці часто листи пише:
Сестро моя, сестро, сестро украинко,
Чи привикла, сестро, на Вкраині жити?
Ой брате мій, брате, треба привикати:
Одъ роду далеко—нікимъ наказати.

[2]) Ой роспущу тугу
Та по всему лугу!

[3]) Ой гай, мати, гай,
Гай зелененький!
Виізжае зъ Украини
Козакъ молоденький.

Или:

Ой иду я не берегомъ—лугомъ,
Изострінусь зъ несуженимъ другомъ.
Здоровъ, здоровъ, темний луже.
Здоровъ здоровъ, несужений друже.

Или:

Ой гай, мати, гай, гай зелененький,
Тимъ я тебе полюбила, що ти молоденький.

[4]) Зашуміла дібрівонька зелененька;
Заплакала дівчинонька молоденька.

Или:

Зашуміла дібрівонька, якъ ся развивала;
Заплакала дівчинонька, якъ ся віддавала.

[5]) —Ой не шуми, луже, дуже
Надъ моею головою!—
«Ой якъ мині не шуміти,
Буйний вітрець повівае?»
Ой задумавъ козакъ женитися:
Оженюся, зажурюся,
И зъ дітьми, зъ жоною
И зъ своею головою!

Digitized by Google

трудностію знать, что станется впередъ, или съ трудностію возвратить потерянное [1]). Развиваніе лѣса сопоставляется со сватовствомъ [2]), а рубка лѣса означаетъ сближеніе съ дѣвицею [3]).

Н. Костомаровъ.

---

[1]) Ой гаю, мій гаю, густий не прогляну!
Сама я не знаю, що робити маю.

[2]) Лугомъ иду, коня веду, розвивайся луже.
Сватай мене козаченьку, люблю тебе дуже.

[3]) Коло гаю конемъ граю, гаю не рубаю;
Люблю, люблю дівчиноньку, ні не займаю!

Digitized by Google

БОГАТЫРИ

Романъ въ трехъ частяхъ.

(*Изъ времени императора Павла*).

Часть вторая.

I.

По отлогому берегу довольно широкой рѣки, заросшей по краямъ тростникомъ и осокою, растянулась длинная цѣпь палатокъ, шалашей, черныхъ фургоновъ, зеленыхъ ящиковъ на колесахъ, телѣгъ русскаго лагеря. Темная, заслонившая половину небосклона, туча надвинулась на лагерь, выпуская впереди себя какое-то чудовище со львиною головою и двумя колоссальными лапами, вооруженными когтями; чудовище вырѣзывалось на другой половинѣ неба, ярко окрашенной, будто раскаленной заходящимъ солнцемъ, такъ грозно и зловѣще, что солдаты, собравшіеся кучками подлѣ шатровъ, крестились, посматривали на небо и толковали промежь собой: «это, братцы, не передъ добромъ». Солнце, какъ будто споря съ надвигающимся грознымъ мракомъ, зажигало умирающимъ лучомъ своимъ полу шатра, красный отворотъ мундира, стволы ружей, составленныхъ въ козлы, зеленую крышку пороховаго ящика.... Темная синева усиливалась рядомъ съ кровавымъ цвѣтомъ зарева, на которомъ змѣйками сверкали бѣловатыя молніи. Воздухъ былъ неподвиженъ; ни дождя, ни грома не было; но эта мертвая тишина была страшнѣе бури; она напоминала топоръ, занесенный надъ головою жертвы.

Вдоль широкой, гладкой дороги къ лагерю, звеня бубенчиками и подымая пыль, неслась, во весь опоръ, двумѣстная коляска цугомъ, четверкою; тосканецъ-ветуринъ, молодецки хлоная длиннымъ бичомъ и подергивая поминутно возжами двухъ переднихъ лошадей безъ вершника, замѣтно торопился уѣхать

Digitized by Google

отъ надвигающейся бури; сидящій рядомъ съ нимъ деньщикъ напяливалъ военную шинель. Въ коляскѣ сидѣлъ молодой военный, въ бѣлой фуражкѣ и въ шинели, рядомъ со старикомъ-генераломъ, съ косою и пуклями, тоже въ шинели и фуражкѣ.

— Грифъ, крокодилъ, чудовище какое-то.... Впрочемъ, голова-то львиная.... Смотрите: когти выпускаетъ, говорилъ юноша, повертываясь и указывая на плывущую тучу. — Двѣ лапы, голова.... Посмотрите....

— Да, изумительно. Я въ первый разъ видалъ такій величественный зрѣлище, отвѣчалъ старикъ съ нѣмецкимъ акцентомъ.—Доѣдемъ ли мы до дождя, ваше высочество? Не прикажете ли закрыть верхъ? спросилъ онъ уже по-французски.

— Доѣдемъ.... Ничего, отвѣчалъ юноша, продолжая любоваться тучею. — Да и что же намъ дождь? Мы вѣдь въ шинеляхъ... Va presto, amico *), будетъ гроза, обратился онъ къ ветурину.

— Уѣдемъ отъ грозы, altezza, отвѣчалъ, приподнявъ соломенную шляпу, ветуринъ и повернулъ четверку круто, прямо полемъ, къ лагерю.

Коляска понеслась вдоль линіи.

— Здорово, братцы! обратился къ солдатамъ молодой путешественникъ.

— Здравія желаемъ, ваше.... «Великій князь.... Его высочество, братцы.... Ура!»,—махая шапками, отвѣчали солдаты во слѣдъ прогремѣвшему экипажу. Впереди выбѣгали офицеры, солдаты изъ шатровъ; затрещали барабаны; всѣ кое-какъ построились, и скоро по долинѣ раскатилось громомъ русское «ура».

— Спасибо, братцы.... Благодарю, кричалъ, кивая головой, путешественникъ.

Миновавъ лагерь, коляска подъѣхала къ водяной мельницѣ, бѣлѣвшей у рѣки, и остановилась передъ плотиною.

— Фельдмаршалъ дома? спросилъ молодой гость у казака, выбивавшаго прутикомъ у крыльца знаменитый «родительскій» синій плащъ Суворова.

— Дома, ваше благор.... Ваше императорское высочество, отвѣчалъ казакъ.

Великій князь, сбросивъ шинель, выскочилъ изъ коляски, вбѣжалъ на плотину, посмотрѣлъ, какъ ребенокъ, на шумящія

*) Поѣзжай скорѣе, другъ.

Digitized by Google

колеса, на воду, наконецъ, обдернулъ мундиръ и степенно пошелъ на крыльцо отдѣльнаго каменнаго домика; генералъ, его спутникъ, поѣхалъ зачѣмъ-то къ лагерю. Суворовъ, ходившій, въ разстегнутомъ мундирѣ, взадъ и впередъ по сѣнямъ, увидя его, вздрогнулъ.

— Имѣю честь.... началъ-было, застегнувшись, пріѣзжій.

— Прошка.... Гдѣ ты, разбойникъ? Шпагу!... Пропалъ.... Погубилъ.... Погубилъ.... Шляпу! кричалъ фельдмаршалъ, бѣгая изъ угла въ уголъ по сѣнямъ.—Его высочество....

Кудрявая, вѣчно растрепанная, голова Прошки высунулась изъ-за двери сосѣдней комнаты.

— Скорѣй, разбойникъ!... Погубилъ! Подъ арестъ посадитъ.

— Да она вотъ, въ углу стоитъ, ваше сіятельство; сейчасъ вѣдь сняли, отвѣчалъ Прошка, метнувшись въ уголъ сѣней.

— Гдѣ у меня? Ну, погубилъ, зарѣзалъ безъ ножа, суетился фельдмаршалъ, торопливо засовывая въ портупею поданную, наконецъ, шпагу.—Шляпу, злодѣй!... Перчатки!... Войска его императорскаго величества....продолжалъ онъ, вытягаясь.—Шляпу, перчатки, варваръ! обращался онъ шепотомъ къ суетившемуся Прошкѣ.—Отрядъ князя Багратіона имѣлъ счастіе....

— Я знаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ, улыбаясь, великій князь.—Я видѣлъ диспозицію. .. Позвольте мнѣ обнять васъ.

Суворовъ кинулся обнимать пріѣзжаго, цѣловалъ въ плечо, причемъ великій князь краснѣлъ и конфузился.

— Теперь, началъ вдругъ, вытянувшись во весь ростъ Суворовъ,—ваше высочество, пожалуйте къ фельдмаршалу.

Пропустивъ впередъ себя молодаго гостя, старецъ вошелъ за нимъ въ комнату и заперъ на ключъ дверь. Къ мельницѣ подъѣхала четверомѣстная коляска и нѣсколько верховыхъ: это была свита, состоявшая человѣкъ изъ восьми молодежи. Молодые люди вошли въ сѣни и размѣстились—кто на складныхъ стульяхъ, кто на чемоданѣ, стоявшемъ подлѣ одной изъ стѣнъ, въ ожиданіи выхода фельдмаршала и великаго князя.

Черезъ полчаса щелкнулъ замокъ, дверь отворилась; въ дверяхъ показался великій князь съ разстроеннымъ лицомъ и вытирая украдкою платкомъ слезы; фельдмаршалъ провожалъ его съ низкими поклонами. Свитскіе вскочили со своихъ мѣстъ и вытянулись; увидя ихъ, Суворовъ выпрямился и сердито проговорилъ:

— А вы, мальчишки, вы будете мнѣ отвѣчать за его высоче-

Digitized by Google

ство. Если вы еще разъ допустите его дѣлать то, что онъ дѣлалъ,—я васъ отправлю къ государю.

Затѣмъ, опять съ тѣми же низкими поклонами, фельдмаршалъ проводилъ великаго князя до его комнаты, въ томъ же домикѣ, на противоположной сторонѣ сѣней.

Великій князь Константинъ Павловичъ (это былъ онъ) находился уже съ мѣсяцъ при арміи; онъ провинился тѣмъ, что при одной изъ переправъ (черезъ По, близь Мадонна дель Граціа) отказался сѣсть въ лодку, пустился вплавь на лошади и чуть не утонулъ; кинувшійся казакъ едва могъ вывести изъ воды его лошадь. Великій князь ѣхалъ подъ именемъ графа Романова; Францъ предлагалъ ему отправиться въ Швейцарію, къ австрійскому корпусу, которымъ командовалъ эрцгерцогъ Карлъ, но императоръ Павелъ приказалъ ему быть при Суворовѣ. Въ Вѣнѣ великій князь присутствовалъ при совершеніи брачнаго акта сестры съ венгерскимъ палатиномъ Іосифомъ.

Боясь наскучить однообразіемъ картинъ, мы не описываемъ великолѣпнаго въѣзда фельдмаршала въ Туринъ и появленія его, со свитою, въ разубранной цвѣтами ложѣ туринской оперы; залитая огнями зала была набита разряженными дамами и кавалерами въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ. «L'angelo custode dell'Italia» *), какъ звали старца-героя итальянцы, болѣе получаса раскланивался, при появленіи въ ложѣ, въ отвѣтъ на восторженные крики: «evviva Suworoff! Evviva Paolo primo!» Мы миновали бы совсѣмъ историческія лица и событія, еслибъ они не вліяли, не воспитывали лицъ, стоящихъ на первомъ планѣ нашего разсказа. Въ жизни все находится, болѣе или менѣе, въ связи: общее народное горе, міровое событіе отразится неминуемо на личности частнаго современника, какъ отражаются солнечные лучи и въ безграничномъ океанѣ, и въ едва замѣтной каплѣ утренней росы, висящей на лепесткѣ полеваго растенія. Судьба ведетъ не даромъ человѣка тѣмъ или другимъ путемъ, избираетъ его, а не другого, въ участники или свидѣтели совершающихся міровыхъ переворотовъ; одного шлетъ она въ бѣдный семейный уголъ, поучая лишеніями, бѣдностью или же кроткимъ свѣтомъ счастья; другого посылаетъ на опасное поле битвъ, вѣщая поученіе смертоноснымъ грохотомъ орудій; кого, какъ мать, она находитъ нужнымъ баловать и нѣжить,—

*) Ангелъ-хранитель Италіи.

Digitized by Google

кого, какъ строгій отчимъ, поучать, иногда тяжкимъ, бичеваніемъ. И какъ ни возмущайся человѣкъ противъ ея распоряженій, не устоитъ онъ противъ нихъ, пойдетъ, куда она, всегда къ его же пользѣ, отдаетъ на выучку. Не одной тактикѣ, терпѣнію, любви, искусству всепрощенія научилъ русскихъ С.-Готардъ; они вернулись изъ похода далеко не тѣми, какими шли въ походъ; съ тяжкими ранами, они оттуда, изъ похода, вынесли много сокровищъ, пригодившихся потомъ на черный день Россіи.

Въ нашъ лагерь появлялись толпы туристовъ англичанъ, живописцевъ, корреспондентовъ журналовъ; шитые и не шитые кафтаны, изысканныя прически знатныхъ и простые наряды незначительныхъ путешественниковъ толпились въ пріемной фельдмаршала рядомъ съ военными, австрійскими и русскими, мундирами. По почтѣ летѣли оды и кантаты герою, вмѣстѣ съ пасквилями и каррикатурами, присылаемыми республиканцами. Депутація отъ священной коллегіи, управлявшей тогда, за отсутствіемъ изъ Рима папы, дѣлами римской церкви, пріѣзжала изъ Венеціи къ фельдмаршалу съ просьбою «защитить достояніе св. Петра отъ хищныхъ якобинцевъ». Величавый, упитанный кардиналъ, стоявшій во главѣ депутаціи, говорилъ длинную латинскую рѣчь; описавъ ужасное положеніе церкви, кардиналъ довольно неловко олицетворилъ разсказъ о явленіи Даніилу архангела: «et levavi oculos meos, et ecce vir» *), говорилъ ораторъ, взглянувъ своими заплывшими глазами на фельдмаршала, стоявшаго передъ нимъ съ шляпою въ рукѣ и лентою Маріи-Терезіи черезъ плечо. Суворовъ сморщился, но дослушалъ длинную рѣчь. Отвѣтивъ по-итальянски, что всегда готовъ служить доброму дѣлу, фельдмаршалъ заткнулъ уши и убѣжалъ въ другую комнату съ словами: «лживка, лукавка, лесть; воняетъ; отворите окна». Депутація была въ августѣ, а 30-го сентября матросы Ушакова съ итальянскими ополченцами уже расхаживали по улицамъ вѣчнаго города, выгнавъ республиканцевъ, и русскій солдатъ стоялъ на часахъ у Капитолія.

Въ одно время съ депутатами, въ лагерь пріѣхалъ князь Борисъ; молодому путешественнику хотѣлось посмотрѣть военныя дѣйствія Суворова и повидаться съ Катеневымъ, но послѣдняго онъ не засталъ, такъ какъ онъ еще не возвращался отъ Лагоца. Фельд-

*) Я поднялъ глаза, и се передо мною мужъ.

Digitized by Google

маршалъ, знавшій молодаго князя еще ребенкомъ, не вдругъ узналъ его, но потомъ обнялъ, спросилъ объ отцѣ и радушно пригласилъ погостить въ главной квартирѣ. Отчасти молодаго князя уговорилъ съѣздить въ лагерь монсиньоръ, думая, не будетъ ли онъ полезенъ депутаціи, какъ сынъ стараго знакомца князя и княгини; ихъ сіятельства теперь довольно часто упоминали о своемъ знакомствѣ съ героемъ. Князь Борисъ раза два пробовалъ заговаривать съ Суворовымъ о депутатахъ, но фельдмаршалъ отдѣлывался молчаніемъ. Князь поселился въ городкѣ, неподалеку отъ главной квартиры, и примкнулъ къ свитѣ великаго князя, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ. Его представили великому князю.

— Почему вы не въ военномъ мундирѣ? спросилъ его великій князь.

Борисъ отвѣчалъ, что болѣзнь лишаетъ его этого счастія.

А туча, знай, наплывала на лагерь; крупныя капли дождя, какъ пули, застучали въ зыбкія кровли палатокъ; акаціи, подлѣ домика и мельницы, нагнулись подъ ударомъ налетѣвшаго вѣтра, сорвавшаго соломенную шляпу съ зазѣвавшагося мужика съ мѣшкомъ за дюжими плечами. Фельдмаршалъ вышелъ на крыльцо, поглядѣлъ на тучу, заслонившую зарево заката и, обратясь къ стоящему подлѣ него Багратіону, сказалъ пророчески: «вотъ, Петръ Иванычъ, во славѣ я и въ почести; кузинъ королевскій, въ лентахъ весь, да въ брилліантахъ. Государь милостивъ.... Чего бы еще, кажется?... А грустно. Погляди, надъ головой-то туча»... Багратіонъ ничего не отвѣтилъ на это; Суворовъ повернулся и пошелъ, повѣсивъ свою сѣдую голову, въ комнаты. Не знаю, понялъ ли тогда Багратіонъ намекъ фельдмаршала, а это былъ намекъ: надъ знаменитою, геніальною головой, дѣйствительно, сбиралась сильная гроза; ее-то и завидѣлъ издали фельдмаршалъ. Багратіонъ озабоченно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и, сложивъ на груди руки, сѣлъ на каменныя перила крылечка. Онъ пріѣхалъ на военный совѣтъ, назначенный въ этотъ вечеръ фельдмаршаломъ. Скоро начали съѣзжаться къ домику генералы въ колясках, каретахъ и верхами.

Фельдмаршалъ, запершись на ключъ, лежалъ на диванѣ въ своей комнатѣ; всѣ знали эту его привычку и на цыпочкахъ ходили по сѣнямъ, толкуя межъ собою вполголоса. Послѣ часовой почти бесѣды съ самимъ собою, Суворовъ выбѣжалъ изъ комнаты уже въ мундирѣ, бодрый и веселый, какъ человѣкъ

Digitized by Google

удачно разрѣшившій трудную задачу. Въ ту же минуту вышелъ изъ своей комнаты великій князь, и фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ въ комнату, гдѣ уже все приготовлено было для совѣта.

Всѣ усѣлись около стола съ двумя восковыми свѣчами и разложенною картою. Рядомъ съ фельдмаршаломъ сѣлъ великій князь; Багратіонъ задумчиво раскладывалъ лежавшія на столѣ кукурузныя сѣмечки; пріѣхавшій только-что Милорадовичъ заспорилъ о чемъ-то съ однимъ изъ австрійскихъ генераловъ. Наконецъ, совѣщаніе открылось. Суворовъ, объяснивъ расположеніе войскъ, замолчалъ и вслушивался въ рѣчи генераловъ; великій князь записывалъ что-то серебрянымъ карандашомъ въ своемъ сафьянномъ бумажникѣ; Багратіонъ молча продолжалъ передвигать кукурузныя зерна. Казакъ, стоявшій у дверей, судя по рѣшительному выраженію лица и глазъ, твердо помнилъ данное ему приказаніе не впускать никого въ комнату, гдѣ шло совѣщаніе. Совѣтъ продолжался не болѣе часа. Фельдмаршалъ поднялся изъ-за стола; онъ былъ необыкновенно веселъ и прочелъ вслухъ, сочиненный имъ, приказъ въ стихахъ:

«Es lebe Säbel und Baionett,
Keine garstige Retraite» *).

и окончилъ, указавъ на Края, стоявшаго у окна съ сигарою;

«Reserve nicht hält,
Weil da Bellegarde und Krai der Held» **).

Въ комнатѣ было душно; всѣ вышли на крыльцо. Ночь была темная; лилъ дождь; перекаты грома раздавались вдали; по временамъ сверкала молнія. Князь Борисъ, несмотря на грозу, пріѣхалъ изъ городка узнать, когда будетъ сраженіе. «Если это не тайна», прибавилъ онъ, здороваясь со свитскими и съ Милорадовичемъ, съ которымъ познакомилъ его фельдмаршалъ.

Странно было видѣть его худощавую, изящную фигуру въ сюртукѣ и пуховой бѣлой шляпѣ среди мундировъ.

— Ты точно адвокатъ изъ Парижа, князь, замѣтилъ ему, здороваясь, фельдмаршалъ.

Великій князь ушелъ къ себѣ въ комнату; князь Борисъ ушелъ, со свитою его высочества, въ палатку, разбитую подлѣ домика. Свита великаго князя выдѣлялась рѣзко изъ толпы

*) Да здравствуютъ сабля и штыкъ! Не надо отступленій.

**) Резервъ не задержитъ, потому что тамъ Бельгардъ и герой Край.

Digitized by Google

боевыхъ генераловъ щегольскимъ покроемъ платья, чистымъ французскимъ выговоромъ, перчатками и придворными манерами. Австрійцы держали себя предъ всѣми немного свысока; они слушали даже горячія рѣчи фельдмаршала со скрытою, но замѣтною для пристальнаго взора, ироніей, съ какою взрослый человѣкъ слушаетъ восторженнаго, даровитаго, но неопытнаго, увлекающагося юношу.

Прошка подалъ водку; генералы, выпивъ по рюмкѣ пастойки, воротились въ залу совѣщаній, гдѣ уже накрытъ былъ столъ; подлѣ прибора хозяина стояли горшечки съ душеною говядиной, обычнымъ кушаньемъ фельдмаршала; всѣ сѣли за столъ. Разговоръ продолжался о предстоящей утромъ битвѣ; это былъ первый дебютъ, только-что прибывшаго, юнаго французскаго полководца Жубера. Во время ужина Прошка подавалъ Суворову пакеты, присылаемые изъ отрядовъ, изъ лагеря; входилъ раза два толстякъ Фуксъ, секретарь фельдмаршала, съ какими-то бумагами.

— Какъ ты надоѣлъ мнѣ, Яковъ Борисычъ!.. обращался къ нему фельдмаршалъ.

— Нельзя, ваше сіятельство. Завтра васъ не изловишь, не подпишете; а нужно отправить немедленно, оправдывался Фуксъ, поправляя очки и объясняя вкратцѣ содержаніе бумаги.

— Да, завтра не до чернилъ; кровь польется, говорилъ фельдмаршалъ, подписывая бумагу.

Ужинъ продолжался не долѣе получаса; фельдмаршалъ, по окончаніи, раскланялся и ушелъ въ спальню; генералы тотчасъ же разъѣхались.

Князь Борисъ остался ночевать у своихъ знакомцевъ, свитскихъ; его помѣстили въ отдѣльной деревянной бесѣдкѣ, стоявшей за мельницею, въ небольшомъ садикѣ. Оставшись одинъ, князь записалъ карандашомъ въ своемъ дневникѣ, что Асти (городокъ, гдѣ жилъ онъ)—родина поэта Алфіери, написалъ имя скульптора статуи св. Петра, которою онъ любовался въ баптистеріи собора, зѣвнулъ и разлегся на желѣзную складную кровать, уступленную ему однимъ изъ адъютантовъ великаго князя. Наканунѣ онъ получилъ письмо отъ матери; она писала, что маркизъ на дняхъ долженъ выѣхать изъ Неаполя и надѣется скоро быть въ Венеціи. Суворовъ спрашивалъ его, за кого выдана сестра, и на отвѣтъ его замѣтилъ: «жаль, что иностранецъ». Фельдмаршалъ, жившій послѣднее время въ деревнѣ,

Digitized by Google

не встрѣчалъ маркиза въ Петербургѣ. Непривычный къ усиленному движенію на воздухѣ, князь тотчасъ заснулъ, не дотронувшись до золотообрѣзной богословской книжки, взятой-было имъ съ собою. Чѣмъ свѣтъ, разбудилъ его барабанъ; деньщикъ адъютанта уже суетился около мѣшка съ бѣльемъ князя; серебряный кофейникъ кипѣлъ на столѣ.

— Что, не уѣхали еще? спросилъ, вскочивъ съ кровати, князь.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство. А скоро ѣдутъ. Я васъ будилъ раза два, отвѣчалъ деньщикъ.—Сейчасъ придетъ парикмахеръ.

— Не надо.... Я не буду убирать голову.... Что, мою лошадь привели? говорилъ князь, принимаясь умываться.

— Какой-то итальянецъ, съ лошадью, стоитъ.... Онъ спрашивалъ ваше сіятельство.

Князь наскоро выпилъ чашку кофе, положилъ книги въ мѣшокъ и, надѣвъ шляпу, выбѣжалъ изъ бесѣдки. Въ кучкѣ конвойныхъ казаковъ желтѣла соломенная шляпа его городскаго хозяина и вмѣстѣ содержателя ословъ и верховыхъ лошадей; съ низкими поклонами, онъ подвелъ князю тощаго, гнѣдаго, энглизированнаго коня.

— А не боится ли она выстрѣловъ? спросилъ князь, занося ногу въ стремя.

— Будьте покойны, exellenza, отвѣчалъ хозяинъ коня.—Выѣзжена такъ, хоть сейчасъ подъ фельдмаршала.... Я ее купилъ изъ ремонта.... Она была подъ французскимъ генераломъ.... Генералъ убитъ, и вотъ только почему я могу служить вамъ этою лошадью, окончилъ онъ, приподнявъ шляпу и оправивъ жиденькую гриву коня.

Князь поискалъ глазами своихъ знакомцевъ свитскихъ, но никого кромѣ казаковъ не было.

— Что, великій князь уѣхалъ? спросилъ онъ у казаковъ.

— Уѣхали, ваше благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ, поглядѣвъ насмѣшливо на бѣлую шляпу, гороховый сюртучокъ и лакированные маленькіе, со шпорами, сапоги князя.

Князь тронулъ лошадь и поѣхалъ шагомъ по грязной, отъ вчерашняго дождя, дорогѣ, въ надеждѣ встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь. Казаки расхохотались, кивая ему вслѣдъ.

— Это что за фармасонъ? спросилъ одинъ, закидывая поводъ на шею своей лошади.

Digitized by Google

— Это, братъ, твоя смерть за тобой пріѣхала, отвѣчалъ другой, вскочивъ молодецки на лошадь.—Али не видишь?

— Французской царь это. Вишь, носъ повѣсилъ.... Выгнали... Знать не понравилось, острили казаки, поглядывая на крыльцо, гдѣ стояли уже верховые кони для фельдмаршала и его свиты.

Солнце еще не всходило; за туманомъ не видать было ни лагеря, ни войскъ; вдали трещали барабаны. Въ сторонѣ отъ дороги, на лугу, вертѣлись на одномъ мѣстѣ два всадника: одинъ—молодой, цвѣтущій юноша, въ голубомъ фракѣ съ металлическими пуговицами, въ узкихъ палевыхъ панталонахъ, запущенныхъ въ коротенькіе сапоги съ кисточками, въ высокой, плюшевой, бѣлой шляпѣ; другой—человѣкъ лѣтъ за сорокъ, широкоплечій и сутулый, въ коричневомъ широкомъ сюртукѣ, въ черной, низенькой пуховой шляпѣ, изъ-подъ которой высовывался черный шелковый мѣшокъ съ косою; послѣдній держалъ поводья своего рыжаго, съ вытертою гривою, коня, какъ держитъ гирлянду танцовщица, исполняя мудреное pas des fleurs. Всадники точно вальсировали, вертясь на одномъ мѣстѣ. Князь, поровнявшись съ ними, осадилъ свою лошадь и приподнялъ шляпу. Коричневый сюртукъ хотѣлъ отвѣтить на поклонъ, но въ это время стукнулъ вдали пушечный выстрѣлъ; тяжелый рыжій конь поднялся на дыбы; всадникъ схватился за коротенькую гриву и припалъ къ шеѣ лошади.

— Нѣтъ, братъ, Тимоша, я слѣзу, какъ ты хочешь. Вишь, вѣдь, одеръ какія штуки дѣлаетъ, произнесъ коричневый сюртукъ, когда лошадь, побалансировавъ на двухъ заднихъ ногахъ, опустилась, наконецъ, на всѣ четыре.

— Да попытаемся, можетъ-быть, и пойдутъ, образумятся, отвѣчалъ голубой фракъ, улыбаясь и понукая коблуками своего воронаго.

— Жди, образумятся.... Погоди-ка, вотъ начнутъ жарить.... Одна зѣвнула, и то онъ, вишь, козла какого сдѣлалъ.... Нѣтъ, братъ, я слѣзу. Поѣзжай, если хочешь, одинъ, а я отведу его, рѣшилъ коричневый и спустился съ своего буцефала.

— Позвольте спросить, вы русскіе? обратился, приподнявъ снова шляпу, князь.

— Русскіе, отвѣтилъ приземистый коричневый кавалеристъ, стаскивая поводья съ длинной и прямой шеи лошади.—Русскіе.

— Поѣдемте, умолялъ молодой спутникъ, захохотавъ и обнаживъ бѣлые, какъ слоновая кость, зубы —Онъ только сначала

Digitized by Google

у васъ заартачился. Обойдется.... Садитесь; ѣдемъ.... Любопытно.

— Нѣтъ, ни за что не сяду... Ну тебя, отвѣчалъ коричневый, снявъ шляпу и отирая потъ платкомъ съ испуганнаго еще лица.—Я вѣдь тебѣ говорилъ, наймемъ ословъ, али телѣжку. «Нѣтъ, лошадей приличнѣе». Вотъ-те и приличнѣе... Веди вотъ его, чорта, двѣ версты по солнцу, сердито прибавилъ онъ, поглядывая на коня, озирающаго поле.

— Князь Тунгусовъ, проговорилъ Борисъ, пристально вглядываясь въ коричневаго.

— Какъ, князь Тунгусовъ, вы сказали, кажется? отвѣчалъ, тоже пристально вглядываясь въ молодаго человѣка, коричневый.—Борисъ! Боринька!

Но князь уже слѣзъ съ лошади и кинулся обнимать его; коричневый три раза поцѣловалъ его и, попятившись, осмотрѣлъ съ ногъ до головы, причемъ князь покраснѣлъ немного.

— Никакъ бы не узналъ. Какъ вы выросли! началъ онъ.— Какъ вы-то меня узнали?

— Вы перемѣнились мало, отвѣчалъ князь.

— Ну, этого нельзя сказать....

— Надя замужемъ.

— Какъ замужемъ? За кѣмъ?

Князь сказалъ. Коричневый нахмурился.

— Маркизъ.... произнесъ онъ, сдвинувъ густыя, черныя брови, причемъ образовались двѣ большія складки надъ его орлинымъ носомъ.—Католикъ, стало-быть?

— Да, католическаго вѣроисповѣданія, робко отвѣтилъ Борисъ.

— Жаль, жаль это.... Славная она.... Жаль, повторялъ старый знакомецъ, поглаживая щетинистый, не бритый подбородокъ.—И гдѣ же она?... Тоже за границею?

— Да.... Она въ Венеціи.... Отецъ и maman тоже тамъ, отвѣчалъ Борисъ.

Между тѣмъ голубой фракъ, покачиваясь на своемъ ворономъ конѣ, отъѣхалъ подальше, боясь помѣшать разговору встрѣтившихся знакомцевъ. Въ это время мимо проѣхалъ рысью, по дорогѣ, фельдмаршалъ на своей донской лошадкѣ; за нимъ скакала свита, побрякивая саблями. Князь и его новые знакомцы почтительно приподняли шляпы. Суворовъ отвѣтилъ на поклонъ и взглянулъ на нихъ.

Digitized by Google

— Вотъ онъ, произнесъ коричневый, слѣдуя глазами за удаляющимся фельдмаршаломъ,—«воевода»,

«Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ,
Вождь бурь полночнаго народа,
Девятый валъ—въ морскихъ волнахъ».

Между тѣмъ, отдѣлившись отъ свиты, кто-то, на буланомъ конѣ, понесся во всю прыть къ выступающему изъ рѣдѣющаго тумана лагерю; грянула музыка, и черныя, стройныя массы пѣхоты двинулись къ бѣлѣющему за рѣкою городку, блестя колеблющеюся стальною щетиною.

— Какъ вы попали сюда? спросилъ князь своего новаго спутника, пристально всматривающагося въ даль и въ идущее войско.

— Я какъ попалъ? Да ѣду въ Россію изъ Гейдельберга, гдѣ начинялъ себя нѣмецкою премудростью.... А сюда заѣхалъ, вотъ, посмотрѣть на Суворова... Боже мой! почти вскрикнулъ онъ, когда показались клубы дыма съ городка и вмѣстѣ съ громомъ орудій вдали раздалось непрерывное «ура».—Пошли.... Вотъ ужасъ-то, прибавилъ онъ, потянувъ поводъ своей лошади, опять затанцовавшей при звукѣ пушечныхъ выстрѣловъ.—А знаете.... Я трусъ, не умѣю владѣть оружіемъ, а что-то такое дѣлается и со мной.... Пошелъ бы за ними.... Стыдно глядѣть издали, будто на представленіе... Поѣдемте лучше къ намъ на квартиру, въ Асти... Право же совѣстно...

— Нѣтъ, я останусь, возразилъ голубой фракъ, внимательно всматриваясь въ окутавшійся дымомъ городокъ и въ темныя массы войска, движущіяся по зеленому лугу.

— Ты—живописецъ, тебѣ нужно... Ну, а намъ что глядѣть? Люди идутъ на смерть, а мы любуемся... Пойдемте, князь... Вы гдѣ остановились?

Князь сказалъ; оказалось, что онъ живетъ черезъ домъ отъ нихъ. Борисъ предложилъ дойти до мельницы, гдѣ была его коляска; коричневый согласился, и они отправились по дорогѣ, ведя въ поводьяхъ, вздрагивающихъ отъ канонады, лошадей.

— Кто это съ вами? спросилъ князь.

— Ахъ, я забылъ васъ познакомить. Это—живописецъ, русскій нашъ.... Даровитѣйшій мальчикъ.... Его выгнали французы изъ Рима.... Я познакомлю васъ.... Но это ужасъ, говорилъ онъ, поминутно останавливаясь и принимаясь всматриваться

Digitized by Google

въ клубы дыма вдали.—А? Посмотрите. Вѣдь это адъ! Боже мой, сколько еще звѣрскаго-то въ насъ—въ людяхъ, въ человѣчествѣ! Не дикари ли мы? А вѣдь стоимъ на порогѣ девятнадцатаго столѣтія, кричимъ о просвѣщеніи и общемъ братствѣ....

Черезъ полчаса старые знакомцы, отдавъ хозяину князя верховыхъ лошадей, катились въ двумѣстной коляскѣ парою, по гладкой дорогѣ, къ Асти; оба они часто оглядывались назадъ, на застилавшееся все больше и больше широкими пластами дыма поле, съ обозначающимися по временамъ то коннымъ полкомъ съ пестрыми флюгерами на копьяхъ, то длинною цѣпью орудій, передвигающеюся на рысяхъ съ одного мѣста на другое; изъ-за грохота выстрѣловъ прорывалось «ура». «Ужасъ», произнесъ спутникъ князя, когда коляска повернула вправо и поле битвы исчезло за холмомъ, покрытымъ виноградниками. На вершинѣ холма стояла кучка мальчиковъ, весело разговаривавшихъ и толкавшихъ другъ друга съ небольшаго обрыва подлѣ дороги.

— Вотъ предметъ для картины, началъ коричневый, любуясь на ребятишекъ.—Въ виду тысячи смертей, играющіе беззаботно дѣти....

— Какъ я радъ видѣть васъ! взявъ его за руку, произнесъ князь.

— И я радъ.... Радъ душевно.... Такъ, Надинька, вы говорите.... Да; жаль, что.... Славная.... Золото, а не душа, вѣдь, эта дѣвушка, задумчиво произнесъ философъ, пожавъ руку князя.— Жаль, что въ такое время вышла она за иностранца, прибавилъ онъ.—Страшное время, князь! Вѣдь это Вавилонъ великій поднялся, продолжалъ онъ.—И вѣдь всѣ, всѣ ему кланялись «и любы дѣяша» съ нимъ. Вѣдь не другихъ, а себя приходится бить, противъ себя бороться. Вѣдь, во всѣхъ насъ онъ завелъ гнѣздо свое. Вотъ, вѣдь, что страшно, закончилъ мыслитель, выходя изъ коляски, остановившейся у небольшаго домика, гдѣ квартировалъ князь.

Пока, усѣвшись у окна на плетеныхъ стульяхъ, встрѣтившіеся друзья перебираютъ, какъ листки старинной книги, свои прошедшіе годы, проведенные вмѣстѣ и не вмѣстѣ, мы познакомимъ читателя съ лицомъ, мелькнувшимъ передъ нимъ еще въ началѣ нашего разсказа. Старый знакомецъ князя Бориса, Гаврило Даниловичъ Заозерскій, былъ тотъ самый баккалавръ, который жилъ года четыре наставникомъ въ домѣ князя Тунгусова. Сынъ сельскаго бѣднаго священника, Гаврило Данило-

Digitized by Google

вичъ рано покинулъ для семинаріи родное село свое въ одной изъ сѣверныхъ губерній Россіи; вскорѣ лишившись родителей, онъ съ тѣхъ поръ не бывалъ въ немъ; кончивъ курсъ въ семинаріи, Заозерскій съ нѣсколькими алтынами, во фризовой шинели, подаренной архіерейскимъ пѣвчимъ-пріятелемъ, пѣшкомъ отправился въ Москву и поступилъ сначала въ славяно-греко-латинскую академію; выдержавъ экзаменъ на баккалавра, онъ не удовольствовался этимъ и слушалъ естественныя науки и математику въ университетѣ. Жилъ Гаврило Даниловичъ уроками и переводами для издаваемыхъ тогда журналовъ съ скучнѣйшими названіями: «Другъ юношества» и т. п. Въ кругу издателей онъ познакомился съ Новиковымъ въ Москвѣ и Лабзинымъ въ Петербургѣ, куда переѣхалъ потомъ на жительство. Содѣйствію послѣдняго, между прочимъ, онъ обязанъ былъ поѣздкою на казенный счетъ въ чужіе края. Заозерскій скоро сталъ извѣстенъ въ мыслящемъ кругу столичнаго общества. Въ поношеномъ фракѣ, въ синей, толстой епанчѣ своей, неизмѣнной зимою и лѣтомъ, съ курчавыми волосами, запрятанными кое-какъ въ черный шелковый мѣшокъ, съ нахмуреннымъ лицомъ и густыми черными бровями, Гаврило Даниловичъ являлся всюду— въ аристократическій домъ, въ студенческую квартиру, на чердакъ какого-нибудь мыслителя Малопесковскаго переулка, въ академію, на университетскій диспутъ, не замѣчая насмѣшекъ свѣтскихъ людей, наконецъ, привыкшихъ къ чудаку Заозерскому. Говорилъ онъ хорошо, но нѣсколько тяжеловатымъ слогомъ; жилъ на хлѣбахъ у какого-то дьякона; единственнымъ занятіемъ его было чтеніе; деньги тратилъ онъ исключительно на покупку книгъ, которыхъ бо́льшую половину бросалъ тотчасъ по прочтеніи; даже плату за переводы Гаврило Даниловичъ бралъ нерѣдко книгами. Работая въ журналахъ, онъ, большею частію, вращался въ кружкахъ издателей и ближайшихъ сотрудниковъ ихъ, но и оттуда исчезалъ нерѣдко на мѣсяцъ, на два, удаляясь, точно на Синай, внутрь себя: эти одинокіе дни проводилъ онъ или на своей квартирѣ, лежа съ книгою на «удобномъ канапе», какъ называлъ хозяинъ его, дьяконъ, жесткій, кожаный диванъ краснаго дерева, или бродилъ по книжнымъ магазинамъ. Лагерь дѣльныхъ борцовъ съ новымъ движеніемъ западной мысли, къ которому болѣе тянулъ, если не совсѣмъ принадлежалъ, Заозерскій, былъ не многочисленъ. Кромѣ того трудно было стоять одинокимъ воинамъ, вооруженнымъ тяжеловатымъ языкомъ,

Digitized by Google

противъ остротъ Волтера, иногда дѣйствительно меткихъ, иногда пошлыхъ, но все-таки смѣшныхъ для большинства, какъ всякая каррикатура на предметъ возвышенный. Подмѣтить изящное, положительное въ предметѣ можетъ не всякій, а изуродовать изящную вещь съумѣетъ любой недоросль, не только Волтеръ, съ его громаднымъ умомъ, къ сожалѣнію, оскопленнымъ-ради сатиры; за смѣхомъ и рукоплесканіями большинства едва слышенъ былъ голосъ этихъ философовъ, квартировавшихъ гдѣ-нибудь на Сѣнной или на Самотекѣ. Всѣ ихъ труды, всѣ эти «Други просвѣщенія юношества», рядомъ съ недурными переводами Тацита, Тита Ливія и т. п., ѣстъ моль въ нашихъ библіотекахъ; а между тѣмъ на сѣрыхъ листкахъ этихъ, мѣстами, правда, скучныхъ, книжекъ высказано много такого, надъ чѣмъ не безполезно задуматься даже нашему времени. «Борьба, «ведомая ими», какъ замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ современныхъ писателей, «была такъ значительна и своеобразна», что не худо бы выслушать нашему времени жаркія исповѣди самихъ борцовъ, оставшіяся на листкахъ ихъ сѣренькихъ журналовъ.

Безчисленные переводы и статьи Гаврилы Даниловича, носившіе тоже мудреныя и тяжеловатыя названія: «богачъ и сластолюбецъ древняго Рима» и т. п., испещрены были живыми примѣчаніями о древнемъ мірѣ, о христіанствѣ, о наукѣ; статьи эти помѣщались въ прибавленіяхъ къ газетѣ, въ журналахъ, большею частію безъ подписи переводчика или сочинителя, и потому литературное имя Гаврилы Заозерскаго такъ и кануло въ Лету. Князю Тунгусову рекомендовалъ Заозерскаго Лабзинъ, насилу уговоривъ Гаврилу Даниловича принять званіе педагога въ сіятельной семьѣ. Княгиня глядѣла на неказистаго баккалавра какъ на ученаго, котораго, «что дѣлать, надобно терпѣть, для пользы дѣтей, въ домѣ», какъ терпятъ люди запахъ камфоры, персидской ромашки, въ своихъ бобровыхъ воротникахъ, изъ необходимости предохранить дорогой мѣхъ отъ моли; особенно же ей не нравилось панибратство баккалавра съ людьми и дворовыми: у Гаврилы Даниловича была привычка усѣсться гдѣ-нибудь на крыльцѣ флигеля, въ застольной, на заднемъ крыльцѣ дома—и цѣлые часы толковать съ дворовыми. Княгиня была убѣждена, что эта привычка баккалавра «вращаться въ средѣ простолюдиновъ» есть одинъ изъ прирожденныхъ признаковъ его незнатнаго происхожденія.

Digitized by Google

— Отчего вы лучше съ нами не побесѣдуете, чѣмъ сидѣть на заднемъ крыльцѣ съ лакеями? спросила разъ княгиня баккалавра за обѣдомъ

— Да тамъ какъ-то уютнѣе, больше правды, отвѣчалъ Заозерскій.—Вонъ у васъ передъ террасою липки подстрижены, фонтанъ, статуи стоятъ. Ложь какая-то во всемъ. Природа обезображена. А посмотрите-ка у заднихъ крылецъ: все растетъ свободно, и говорится какъ-то лучше, и дышется свободнѣе.

— Вы—оригиналъ, замѣтила, разсмѣявшись, княгиня.

— Вѣроятно, отвѣчалъ Заозерскій.—Я и люблю все оригинальное, а вѣдь ваша терраса съ фонтаномъ и статуями—копія.

Княгиня разсердилась и велѣла мужу сдѣлать замѣчаніе учителю, чтобъ онъ былъ осторожнѣе и не позволялъ себѣ вольнодумства при дѣтяхъ. Князь не сдѣлалъ замѣчанія, но сказалъ женѣ, что распекъ баккалавра. «Знаю я, какъ ты распекаешь», замѣтила мужу княгиня и долго, съ мѣсяцъ, была сурова съ учителемъ. Гаврило Даниловичъ, впрочемъ, врядъ ли замѣчалъ эту суровость и по-прежнему за обѣдомъ доказывалъ, что французы много принесли вреда Россіи и русскому языку своими модами и пустозвонствомъ.

Около Заозерскаго всегда собиралось человѣкъ пять-шесть молодежи, студентовъ академіи, университета, учениковъ академіи художествъ; живой умъ и искренность влекли къ нему магнитомъ молодыя сердца, всегда жаждущія правды, любви и свѣта. Особенно благоволилъ онъ къ музыкантамъ и живописцамъ; сознавая въ себѣ недостатокъ художественнаго воспитанія, онъ бродилъ часто по эрмитажу, по заламъ академіи, и развилъ въ себѣ вкусъ и пониманіе изящнаго.

Разставшись съ домомъ князя Тунгусова, Гаврило Даниловичъ исчезъ. Князь Борисъ узнавалъ о немъ, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, но ничего не могъ узнать вѣрнаго; теперь они встрѣтились въ первый разъ послѣ разлуки въ Раздольевскомъ домѣ. На разспросы князя о томъ, гдѣ жилъ онъ и что дѣлалъ, баккалавръ отвѣчалъ, что объ этомъ не стóитъ говорить, и перевелъ разговоръ на настоящія политическія дѣла.

— Можно ли толковать, говорилъ онъ,—о своихъ личныхъ, маленькихъ, дѣлишкахъ подъ этотъ потрясающій громъ міровыхъ событій? Вѣдь это вре́мя апокалипсическое, продолжалъ онъ, заложивъ руки назадъ и принимаясь ходить по комнатѣ,— Мы, русскіе, все шутили, ублажали Дидро, къ Руссо писали

Digitized by Google

приглашенія, мы играли огнемъ.... И если послѣ этого урока русская мысль не воспрянетъ, не пойдетъ своею дорогою, я положительно отказываюсь вѣрить въ ея будущее.

Проговоривъ это, ораторъ сердито поглядѣлъ на князя, сидѣвшаго подлѣ окна, и долго молча расхаживалъ изъ угла въ уголъ: воспользовавшись этою паузою, князь попробовалъ спросить опять: гдѣ же вы были за границею?

— Во многихъ мѣстахъ былъ, отвѣчалъ баккалавръ.—Былъ въ Веймарѣ, познакомился съ Гёте

Князь съ любопытствомъ вытянулъ шею, заслышавъ имя поэта, начинавшаго дѣлаться современною пиѳіею.

— Долго вы прожили въ Веймарѣ?.... Имѣли, вѣроятно, рекомендательное письмо къ Гёте? говорилъ князь.

— Дня два... Зачѣмъ письмо? отвѣчалъ Гаврило Даниловичъ.— Я просто пришелъ къ нему, какъ мыслитель къ мыслителю, для бесѣды. Долго не пускали меня, но, наконецъ, сжалился должно-быть, принялъ веймарскій олимпіецъ. Я пришелъ-было къ нему съ возраженіями.

— Что-жь, онъ ихъ выслушалъ, отвѣтилъ? спрашивалъ князь.

— Выслушалъ и спросилъ: «много-ли инородцевъ въ Россіи», отвѣчалъ, разсмѣявшись, баккалавръ.—Онъ, по всей вѣроятности, меня принялъ за сумасшедшаго. Какъ-де такъ, русскій, варваръ, дикарь, явившись ко мнѣ, великому германцу, смѣетъ возражать?... Къ нему, вѣдь, всѣ являются съ поклонами, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и трепетомъ. Я страстно, вѣдь, любилъ германскую возраждающуюся поэзію, продолжалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ Заозерскій;—отъ Шиллера, Гёте я ждалъ многаго, но не дождался. И Германіею овладѣлъ геній философіи вѣка....

— Вы все тотъ же!... замѣтилъ, улыбаясь, князь.

Ему припомнились жаркіе споры Гаврилы Даниловича съ de ля Вале, въ Раздольѣ.

— Все тотъ же. Поздно мѣняться мнѣ, отвѣчалъ баккалавръ, поглаживая свой небритый подбородокъ.—Холоднымъ, безучастнымъ свидѣтелемъ заблужденій я не могъ быть никогда, и не могу...

Ораторъ замолкъ. Князю мелькнула мысль подѣлиться съ нимъ своими умственными страданіями, но почему-то ему вдругъ сдѣлалось стыдно признаться, что его занимаютъ вопросы религіозные, и вмѣсто исповѣди думъ своихъ онъ спросилъ:

— Куда вы отсюда?

Digitized by Google

— Я?... Въ Россію. Лабзинъ вызываетъ меня за чѣмъ-то. Да и срокъ паспорту кончился давно. Я и здѣсь контрабандою... отвѣчалъ баккалавръ.

— На Венецію?

— Да, вѣроятно.

— Такъ поѣдемте вмѣстѣ. Я завтра ѣду, говорилъ князь.

— Пожалуй; но куда же я дѣну юношу, художника?... Мы было условились вмѣстѣ.

— Всѣ вмѣстѣ и поѣдемъ. У меня экипажъ просторный, отвѣчалъ князь.

— Пожалуй; вотъ поговоримъ.... Дойдемте до нашей квартиры. Онъ, надо полагать, вернулся, проговорилъ баккалавръ, надѣвая свою мягкую, широкополую шляпу.

Князь тоже взялъ свою шляпу и пошелъ вслѣдъ за Гавриломъ Даниловичемъ въ сѣни.

— Вотъ оно, ворчалъ мыслитель, выходя на улицу и вслушиваясь въ усиливающійся вдали громъ орудій.—Нѣтъ, теперь нуженъ другой пѣвецъ, который, какъ говоритъ нашъ Державинъ,

«Видѣлъ бы, что очи тлѣнны
Не возмогутъ созерцать,
И внималъ, что уши бренны
Неудобны въ слухъ внимать»....

— Какой же пѣвецъ, по-вашему, нуженъ? спросилъ князь, не совсѣмъ понявъ отрывокъ изъ Державина, извѣстнаго ему по двумъ-тремъ одамъ.

— Какой? спросилъ баккалавръ, остановившись на крыльцѣ.— У котораго бы вмѣстѣ съ такою головою, какъ у Гёте, было пламенное сердце; который бы возскорбѣлъ скорбію ангела при видѣ вотъ этой бойни, какую мы съ вами видѣли и слышимъ издали. Вотъ этотъ бы возмогъ ударить по сердцамъ могущественною пѣснію,—ударить такъ, что все бы пало ницъ передъ Царемъ царей, всѣ бы соединились въ общемъ, хвалебномъ гимнѣ Ему.... Но.... для этого мало singen такъ, какъ Vogel singt. Такія пѣсни добываются молитвами, тяжкимъ трудомъ, какимъ трудились христіанскіе подвижники.... Въ нашемъ Державинѣ были и есть залоги для сей хвалебной пѣсни.... Онъ смогъ бы, кажется мнѣ, грянуть новую пѣснь, но онъ промѣнялъ кимвалъ и трубы на тихострунную гитару, перерядился въ пестрый нарядъ Анакреона и поетъ двусмысленныя похвалы красоткамъ....

Digitized by Google

Князь не совсѣмъ понялъ горячую проповѣдь баккалавра; неуклюжій, тяжеловатый слогъ оратора вызвалъ даже легкую улыбку на губахъ бывшаго его питомца.

— Vous partez aujourd'hui, mon prince? спросилъ вышедшій на крыльцо щеголь, новый камердинеръ Бориса.

— Ce soir, отвѣчалъ князь.

— Зачѣмъ это вы француза-то наняли? спросилъ баккалавръ, осмотрѣвъ съ головы до ногъ, расшаркивавшагося передъ нимъ, француза.

— Да, такъ.... За границею трудно съ русскимъ слугою, отвѣчалъ, смѣшавшись нѣсколько, князь.

Они вышли на улицу. Заозерскій квартировалъ на постояломъ дворѣ, въ двухъ шагахъ отъ князя.

— Вотъ и наше жилище, произнесъ баккалавръ, остановясь противъ воротъ, надъ которыми красовалась, вырѣзанная изъ дерева и ярко раскрашенная четверка цугомъ, заложенная въ фуру; на одной изъ лошадей сидѣлъ извощикъ въ широкополой шляпѣ, курткѣ и бѣлыхъ чулкахъ, съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ; такія вывѣски еще и нынче можно встрѣтить въ верхней Италіи и южной Германіи.

— Пройдя уставленнымъ повозками и военными фурами дворомъ, пришедшіе вошли въ нумеръ. На полу валялись кожаные мѣшки путешественниковъ; на столѣ лежала папка съ рисунками. Пушечная пальба усилилась вдали; стекла дребезжали отъ выстрѣловъ.

— Кажется, ближе пальба, замѣтилъ князь, вслушиваясь въ перепалку.

Въ это время въ комнату вошелъ хозяинъ двора, совершенно въ такомъ же нарядѣ и даже схожій лицомъ съ деревяннымъ извощикомъ надъ воротами.

— Французы отступаютъ, signori, началъ онъ, расшаркиваясь съ ловкостью ученаго медвѣдя.—Отступаютъ.... Храбрый народъ—русскіе, продолжалъ онъ, обращаясь то къ князю, то къ ученому.—Храбрый народъ. Новый главнокомандующій ихъ убитъ....

— Убитъ, убитъ, потвердилъ по-русски, вбѣгая въ комнату, молодой художникъ.—Жуберъ убитъ, продолжалъ онъ, поставивъ на столъ шляпу и отирая платкомъ потъ, катившійся градомъ съ лица.—А меня чуть не взяли въ плѣнъ наши казаки, прибавилъ онъ, расхохотавшись.

Digitized by Google

Хозяинъ поклонился и вышелъ.

— Какъ такъ? Да ты вѣдь говоришь по русски-то, я думаю? спросилъ баккалавръ.

— Я увѣрялъ ихъ, что я русскій. «Нѣтъ», говорятъ, «не выпустимъ безъ начальства». Спасибо, офицеръ какой-то ужь выручилъ. Вотъ онъ мнѣ и сказалъ, что французы разбиты, Нови взятъ, а Жубера убили.

— Позвольте познакомить васъ... Князь Тунгусовъ... Художникъ Е..., проговорилъ баккалавръ.

Князь подалъ руку живописцу.

— Ну, а ты самъ-то сражался что ли? спросилъ, улыбаясь, Заозерскій.

— Чѣмъ мнѣ?... Ресфедеромъ развѣ? отвѣчалъ, разсмѣявшись, художникъ.

— А гдѣ Петруша Катеневъ? спросилъ баккалавръ князя.

— Онъ на эскадрѣ Ушакова. Раненъ былъ, и тяжко, мнѣ говорили въ главной квартирѣ... Лежалъ, но теперь, говорятъ, выздоровѣлъ и скоро долженъ воротиться въ армію, отвѣчалъ Борисъ, взявшись за шляпу.

— Куда же вы? спросилъ Заозерскій.

— Я съѣзжу проститься и поблагодарить за гостепріимство въ главную квартиру... Сейчасъ вернусь, и поѣдемте, отвѣчалъ князь, пожавъ руки баккалавру и художнику.

Воротясь на свою квартиру, князь сѣлъ въ коляску и велѣлъ ѣхать въ главную квартиру. Подъѣзжая къ полю битвы, онъ то и дѣло встрѣчалъ повозки, набитыя ранеными; фуры, орудія нѣсколько разъ загораживали дорогу; слышались слабые стоны; изъ одной повозки высунулось больное, измученное лицо; солдатъ, шедшій подлѣ, подалъ манерку, и раненый, перекрестясь, принялся жадно тянуть воду. Нервная дрожь пробѣжала у князя при взлядѣ на худыя, страдальческія лица раненыхъ. «Кончится ли когда-нибудь эта рѣзня», думалъ молодой человѣкъ, подъѣзжая, наконецъ, къ мельницѣ. Около домика, гдѣ жилъ фельдмаршалъ, никого не было. Князь вышелъ изъ экипажа и взошелъ на террасу; двери комнатъ были отворены. Князь обошелъ весь флигель; на полу валялись разорванные конверты, пустые кульки, клочки сѣна.

— Гдѣ же фельдмаршалъ? спросилъ по-итальянски князь, возвратясь на крыльцо, рабочаго, тащившаго мѣшокъ отъ мельницы.

Digitized by Google

Рабочій снялъ шляпу.—Всѣ уѣхали... Туда, въ Нови.

— И великій князь?

— Всѣ... Tutti *), отвѣчалъ работникъ, опустивъ мѣшокъ на землю.

Князь, постоявъ на крыльцѣ, подошелъ къ плотинѣ; поле дымилось; около мельницы расположилась бивакомъ сотня казаковъ. Князь подошелъ къ нимъ узнать, гдѣ главная квартира, но, не добившись никакого толку, сѣлъ въ коляску и велѣлъ ѣхать домой. Дымъ, ставшійся по долинѣ, закрывалъ почти совсѣмъ укрѣпленія и башни городка, лежащаго у подошвы зеленѣющей горы. Коляска князя, миновавъ поле, повернула влѣво и исчезла за холмомъ, покрытымъ виноградниками. Это было четвертое августа, день знаменитаго боя подъ Нови, день знаменитаго урока, даннаго Суворовымъ Жуберу,—урока, за который молодой ученикъ заплатилъ жизнію. Сраженіе началось въ четвертомъ часу утра и кончилось въ девять. Неимовѣрныхъ трудовъ стоило союзнымъ войскамъ, подъ непрерывными навѣсными выстрѣлами съ горъ, изъ орудій ядрами и картечью, аттаковать французовъ, занимавшихъ вершины; послѣ двухъ-трехъ нападеній французы были сбиты съ горъ въ лощины. По отзывамъ самихъ французскихъ писателей, эта новая побѣда Суворова разрушила всѣ надежды французовъ и упрочила обладаніе союзниковъ Италіею.

Но крамола и перья нашихъ союзниковъ дѣйствовали несравненно сильнѣе французскихъ орудій и штыковъ; тотчасъ послѣ сраженія Суворовъ отправилъ подполковника Кушникова къ Павлу съ просьбою уволить его отъ командованія. «Повелѣнія, поминутно присылаемыя изъ гофкригсрата», писалъ фельдмаршалъ Растопчину, «разстроиваютъ мое здоровье; я здѣсь не могу продолжать службу. Хотятъ управлять дѣйствіями за тысячу верстъ, а не знаютъ, что каждая минута на мѣстѣ заставляетъ оныя перемѣнять. Болѣе писать слабость не позволяетъ. Я духомъ изнуренъ; я скоро, можетъ-быть, долженъ буду искать убѣжища въ какомъ-нибудь хуторѣ или въ гробѣ». Отвѣчая на это, графъ Растопчинъ писалъ, «что удалить войска изъ Италіи—это дать французамъ снова занять ее. Куда дѣнутся плоды великихъ дѣлъ вашихъ?... Оканчиваю тѣмъ», писалъ канцлеръ, «что молю васъ со слезами и на колѣняхъ у

*) Всѣ.

Digitized by Google

ногъ вашихъ: останьтесь и побѣждайте. Вамъ ли ждать соучастія въ славѣ отъ тѣхъ, которые дожили, а не дослужились до званія генераловъ? Съ вами Богъ и русскіе». Посылая копію съ письма Кобенцеля, Растопчинъ прибавляетъ: «я ему говорю: нужны дѣла, а не слова. Между союзными дворами должны существовать дружба, правота и откровенность».

Суворовъ колебался, но судьба и Вѣна рѣшили за него иначе, не внявъ умнымъ совѣтамъ канцлера: черезъ четыре-пять дней послѣ взятія Нови фельдмаршалъ получилъ приказаніе изъ Вѣны идти съ русскою арміею въ Швейцарію. Въ письмѣ одному знакомому, отъ двадцатаго августа, онъ пишетъ: «Я съ недѣлю въ горячкѣ, хотя на ногахъ. Развалинъ сокрушеннаго храма видѣть не могу». Не знаю, съумѣетъ ли читатель переселиться въ душу фельдмаршала, понять, что чувствовалъ онъ, получивъ это приказаніе военнаго совѣта; художникъ пойметъ его, хотя отчасти, представивъ, каково бы ему было, еслибы кто-нибудь разорвалъ, уничтожилъ, разбилъ на мелкіе куски его долголѣтній трудъ, картину, статую; но у художника есть утѣшеніе въ возможности возобновить, хотя уже не съ тѣмъ жаромъ и огнемъ, какіе даются только при первомъ выполненіи, взлелѣянный годами думъ, сомнѣній и надеждъ,—образъ. Суворовъ не имѣлъ и этого утѣшенія. Сооруженный усиліями, жизнью, кровью, страшными потерями честныхъ рабочихъ, храмъ разрушенъ навсегда однимъ мановеніемъ вѣнскаго военнаго совѣта. И не одинъ фельдмаршалъ, не одна русская армія вздрогнули,—вздрогнула вся, поднявшаяся отъ Вероны до Сициліи страна,—вздрогнула, какъ орелъ, смертельно раненный въ ту самую минуту, когда уже онъ запустилъ мощныя когти въ грудь ненавистнаго, разграбившаго его родное гнѣздо, ворога. Русскіе офицеры, образовывавшіе въ Тосканѣ, Римѣ народныя ополченія, тѣмъ же повелѣніемъ Вѣны были отозваны съ своихъ постовъ; ополченіямъ велѣно разойдтись тотчасъ же.

Почти три четверти столѣтія отдѣляетъ насъ отъ описываемаго, но невозможно безъ негодованія читать страницы памятниковъ, гдѣ записана эта потрясающая повѣсть предательства и козней. Припомнимъ, что оно совершено было въ ту самую минуту, когда короли посылали то и дѣло благодарственные и поздравительные рескрипты герою, называли его братомъ, изъявляли желаніе «служить въ арміи безсмертнаго Суворова»,—когда депутаты городовъ несли ему золотыя шпаги, осыпан-

Digitized by Google

ныя брилліантами, Англія выбивала въ честь его медали, и со всѣхъ концовъ освобожденной страны летѣли благодарственные адресы ему—«герою, ангелу-хранителю Италіи». Но зависть всегда тамъ, на вершинѣ, впивается въ грудь генія. Превращеніе лавроваго вѣнка въ терновый сдѣлалось чуть не закономъ, повторяясь отъ вѣка. Напрасны поучительные уроки; выслушивая ежедневно ужасающую быль крестныхъ страданій, толпа сейчасъ же послѣ проповѣди кидаетъ каменьями въ одинокаго борца, стоящаго за правду и святыню истины.

Не съ большимъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ легонькая коляска князя Бориса помчалась отъ опустѣвшей квартиры фельдмаршала, пара тяжелыхъ крестьянскихъ лошадей подвезла къ мельницѣ экипажъ, въ родѣ нашихъ помѣщичьихъ бричекъ былаго времени; ветуринъ, остановивъ одною рукой лошадей, другою приподнялъ свою войлочную шляпу и произнесъ: «вотъ и квартира главнокомандующаго». Изъ-подъ кожанаго волчка брички вынырнулъ Аѳанасій; надѣвъ ваточный свой картузъ, онъ спустился на землю, осмотрѣлся кругомъ и, обратясь къ бричкѣ, проговорилъ: «быть не можетъ, чтобы здѣсь была главная квартира. Онъ насъ завезъ невѣсть куда, разбойникъ». Изъ-за волчка показалось лицо Катенева.

— Да отчего же быть не можетъ? спросилъ онъ.

— Оттого же, отвѣчалъ Аѳанасій.—Вы видите—ни души нѣтъ. Эй, землякъ! крикнулъ онъ, увидя проѣзжавшаго мимо казака,—не знаешь ли, гдѣ квартира фельдмаршала?

— Назвать не умѣю, а знаю... Вонъ у городка, отвѣчалъ молодой, еще безбородый казакъ, осадивъ лошадь.

— Далеко? спросилъ Катеневъ.

— Версты четыре верхомъ, отвѣчалъ казакъ,—а на колесахъ и всѣ пять наберутся.

— А не дадутъ мнѣ казаки лошади? спросилъ Катеневъ.

Казакъ почесалъ затылокъ и, посмотрѣвъ сначала на Катенева, потомъ на свой бивакъ, дымившійся вдали, нерѣшительно проговорилъ:

— Наврядъ, ваше благородіе... Да и лошади притомѣли.

Червонецъ, вынутый изъ кармана Катеневымъ, поправилъ дѣло: казакъ согласился добыть коня. Эта щедрость разбѣсила Аѳанасья.

— Ищите его теперь, говорилъ онъ барину съ дрожащими губами, наблюдая казака, поскакавшаго къ биваку.—Бѣшеныя у васъ деньги-то!...

Digitized by Google

Подошедшій мельникъ, сѣдой, полновѣсный старикъ въ рубахѣ и чулкахъ, съ коротенькою въ зубахъ трубочкой, объяснилъ, что онъ знаетъ, гдѣ квартира, и готовъ дать провожатаго. Катеневъ полѣзъ-было обратно въ бричку, но ветуринъ отказывался везти дальше изъ боязни на обратномъ пути наткнуться на военные отряды, не всегда церемонные съ обывателями. Катеневъ велѣлъ вынуть чемоданъ и вещи изъ брички. Аѳанасій ворчалъ, поглядывая на бивакъ, но казакъ не возвращался. Наконецъ, мельникъ добылъ гдѣ-то осла для вещей и провожатаго.

— Нѣтъ ли другаго осла или лошади? спрашивалъ Катеневъ мельника.

Но мельникъ, пожимая плечами, говорилъ:

— Не найдете, signore; ни за какія деньги не найдете... Всѣ лошади забраны подъ армію.

— Вамъ куда, ваше благородіе? спросилъ, ведущій въ поводу лошадь къ биваку, старый, съ косматою, длинною, съ просѣдью бородой казакъ.

— Въ главную квартиру, отвѣчалъ Катеневъ.—Я заплачу...

Казакъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы своими впалыми глазами и поглядѣлъ на свою лошадь.

— Червонецъ хочешь? спросилъ Катеневъ.

Аѳанасья передернуло.

— Садитесь напередъ, а я сзади; доѣдемъ, ваше благородіе.

Катеневъ вскочилъ на лошадь, а казакъ помѣстился чуть не на хвостѣ, сзади, изобразивъ собою похитителя красавицы, и тронулъ лошадь.

— Постойте... Петръ Тимоѳеичъ? кричалъ сиплымъ голосомъ Аѳанасій. — Я не найду... Уѣхалъ!... Вѣдь это полоумный какой-то, прости Господи...

Мельникъ явился съ проводникомъ и осликомъ.

— Слышь, брудерхенъ... знаешь ли? Суворовъ... Руссъ генералъ?... Понимаешь? спрашивалъ, отирая потъ съ лица, взволнованнымъ фальцетомъ, Аѳанасій.

— Si, si... Я знаю, отвѣчалъ проводникъ, здоровый парень, взваливая на осла чемоданъ.

—Смотри же... Вы все знаете... А послѣ запоешь: «ка-ло-са». Положись на вашего брата.

«Ка-ло-са» было передѣланное на русскій манеръ: qui lo sa (кто его знаетъ). Читатель видитъ, что спутникъ прапорщика

Digitized by Google

сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи въ иностранныхъ языкахъ. Погонщикъ навьючилъ ослика, крикнулъ «via», и спутники отправились полемъ. Аѳанасій, понюхивая табакъ, думалъ про себя: «а сдеретъ же онъ съ насъ! Какъ это не поторговался, ни что. Вѣтеръ въ головѣ... Молодо—зелено».

II.

Было воскресенье. Солнце калило мраморныя стѣны дворцовъ и плиты набережныхъ венеціанскихъ каналовъ. Маркиза выходила отъ обѣдни изъ греческой церкви съ своею Дуняшею; княгинѣ нездоровилось, и она осталась дома; стараго князя мучила подагра; князь Борисъ былъ еще въ лагерѣ. Ливрейный лакей, шедшій съ богомолками, отсталъ, раздавая крейцеры толпѣ нищихъ, собравшейся около маркизы, въ которой она сразу разглядѣла богатую форестьерку. Накинувъ кружевной вуаль, маркиза остановилась въ тѣни, чтобы подождать слугу; Дуняша оправила ей платье; въ эту минуту къ нимъ подошелъ мужчина лѣтъ тридцати, въ полувоенномъ нарядѣ, и, приподнявъ черную, широкополую шляпу, спросилъ на плохомъ французскомъ языкѣ:

— Я имѣю честь говорить съ маркизою ди-Сальма?

Маркиза утвердительно наклонила голову.

— Волонтеръ, ротмистръ Трояни, продожалъ незнакомецъ.— Я имѣю къ вамъ, маркиза, письмо отъ вашего родственника, Катенева. Сейчасъ же уѣзжая по неотложному дѣлу изъ Венеціи, я долженъ былъ отказать себѣ въ чести явиться къ вамъ въ отель и осмѣливаюсь здѣсь передать вамъ письмо вашего родственника.

Маркиза взяла пакетъ и спросила, здоровъ ли Пьеръ. Ротмистръ отвѣчалъ, что теперь здоровъ и, вѣроятно, воротился къ фельдмаршалу, но былъ довольно тяжко раненъ въ плечо пулею и лежалъ около мѣсяца въ квартирѣ Лагоца.

— Вы говорите, онъ былъ тяжко раненъ? спросила молодая женщина.

— Да; но пулю вынули, не повредивъ плеча, и онъ теперь дѣйствуетъ рукою совершенно свободно, отвѣчалъ ротмистръ.—Таково наше ремесло, маркиза... Военному такъ же трудно уберечься отъ пули, какъ трубочисту отъ сажи, рисуясь и задумчиво поглаживая свои темнорусые усы, добавилъ ротмистръ.

Digitized by Google

— Вы его увидите скоро? спросила маркиза.

— Нѣтъ, маркиза, отвѣчалъ посланный.—Мы жили съ нимъ вмѣстѣ около двухъ мѣсяцевъ, подружились, но теперь не знаю, встрѣтимся ли; можетъ-быть, и не встрѣтимся вовсе. Такова участь насъ всѣхъ, военныхъ—сближаться для того, чтобы разъѣхаться на вѣки.

Маркиза поблагодарила и пошла своею дорогою. Ротмистръ расшаркался, снявъ шляпу, и направился въ другой конецъ узенькой улицы шагомъ, напоминающимъ величественное удаленіе за кулисы трагика послѣ заключительной строфы раздирающаго, оглушительнаго монолога.

— Отъ кого это? спросила Дуняша, стоявшая поодаль во время разговора госпожи съ ротмистромъ.

— Отъ Пьера, отвѣчала маркиза.

Положивъ не распечатанный конвертъ въ шелковый маленькой ридикюль, висѣвшій на рукѣ, молодая женщина вошла въ гондолу; черезъ полчаса, отдавъ просвирку и поздоровавшись съ матерью, она уже сидѣла въ своей комнатѣ. Распечатывая письмо, она мысленно упрекнула себя, зачѣмъ не сказала о немъ матери; на поднявшійся въ головѣ ея, затѣмъ, вопросъ: «почему не сказала», маркиза не отвѣтила, такъ какъ нельзя считать отвѣтомъ краску, мгновенно появившуюся на лицѣ молодой женщины въ ту минуту, когда она разломила гербовую печать пакета. «Вы мнѣ позволили писать вамъ, Nadine», такъ начиналось французское письмо прапорщика, «но ужь, конечно, не такія письма, какъ это, продиктованное горемъ, столь тяжкимъ и безвыходнымъ, что, мнѣ кажется, оно бы оправдало меня въ глазахъ вашихъ, еслибы вы имѣли о немъ хотя малое понятіе. Я знаю, вы произнесете, прочитавъ письмо мое: «дитя, ребенокъ», но и у дѣтей есть свои, и нерѣдко тяжкія, страданія. Вы это знаете очень хорошо сами. Посылая это письмо, я прошу у васъ какъ милости, какъ умирающій отъ голода куска хлѣба, отвѣтьте: любите ли вы меня хоть немного? Я ничего не думаю предпринимать, но отвѣтъ вашъ мнѣ необходимъ; не отвѣтивъ, вы поступите безчеловѣчно. Вы знаете меня и, слѣдовательно, знаете, какихъ усилій стоило мнѣ написать вамъ этотъ вопросъ,— вамъ, передъ кѣмъ я благоговѣю. Когда мы были дѣтьми, я любилъ васъ какъ сверстницу, но никогда не думалъ, что эта привязанность, этотъ теплый лучъ дѣтской дружбы такъ разгорится. Вы не виноваты въ этомъ, но не виноватъ и я... Я бѣ-

Digitized by Google

галъ отъ васъ; вы этого не знаете, но это правда... Я не хотѣлъ заѣзжать къ вамъ передъ отъѣздомъ за границу, рѣшившись нарушить правила приличія, и не заѣхалъ бы, еслибы не встрѣтился съ княземъ. Письмо это посылаю съ однимъ честнѣйшимъ человѣкомъ, который ухаживалъ за мною во время моей болѣзни отъ полученной раны въ плечо. Онъ ничего не знаетъ; и хотя онъ далъ мнѣ слово передать вамъ пакетъ наединѣ, но я все-таки дрожу за васъ, не надѣлалъ ли я вамъ непріятностей. Изъ этой рѣшимости писать, все-таки, вамъ, вы можете убѣдиться, что мнѣ не легко, что мнѣ необходимо знать то, о чемъ я васъ спрашиваю. Адресъ: въ Верону, банкиру С., для передачи, въ главную квартиру фельдмаршала, П. Т. Катеневу. Я не застрѣлюсь, не буду искать смерти, но буду думать о васъ всю жизнь, до гроба».

Прочтя письмо, маркиза едва могла спрятать его обратно въ конвертъ дрожащими отъ волненія руками; слезы катились по блѣдному лицу. Отперевъ шкатулку, она спрятала письмо и, закрывъ лицо обѣими руками, оперлась на мраморный столикъ. Кто-то легонько постучался въ запертую на ключъ дверь комнаты, но маркиза, не оборачиваясь, продолжала плакать. Ей на сердце точно надвинулась, наконецъ, плававшая долго вдали разбросанными облаками, темная туча; и передъ этимъ кое-гдѣ сверкали, правда, молніи, но гроза могла пройти стороною; не поверни сюда, на нашу кровлю вѣтеръ, туча погрозила бы издали и повернула, уплыла въ даль дальнюю. Но что же дѣлать теперь? Идти ей прямо на встрѣчу, или спрятаться, затворить ставни, вытерпѣть удары, не глядя на сверкающія змѣйкою, неотвратимыя молніи? Впустить въ хижину путника, нежданно стукнувшаго въ дверь съ мольбой, или оставить его на проливномъ дождѣ и стужѣ?... Нѣтъ, лучше не впускать; пусть разрывается отъ жалости сердце по немъ, бездомномъ бѣднякѣ, можетъ, больномъ и безнадежно. «Терпѣніе, надежда, вѣра», схватилась женщина, какъ схватывается за оторванную доску утопающій; но вотъ доска перевернулась и идетъ ко дну подъ рукою пловца, утомленнаго до изнеможенія. «Это уже не призракъ; это оно, опредѣлившееся чувство... оно», думала молодая женщина, отвалясь къ низенькой спинкѣ стула и разсматривая розовыя ноготки свои. «Видно, не вытравишь его ничѣмъ изъ несговорчиваго сердца».

Старинный стихотворецъ, на моемъ мѣстѣ, не утерпѣлъ бы

Digitized by Google

и изобразилъ залетѣвшаго нечаянно купидона въ скромную комнату молодой маркизы, заставилъ бы его пустить стрѣлу ей въ сердце и потомъ наблюдать изъ-за ширмъ, что будетъ дѣлать уязвленная жертва. Амуры тогда были необходимы въ поэзіи, какъ въ наше время куры на деревенской улицѣ. Современнымъ поэтамъ строжайше воспрещены миѳологическіе образы и аллегоріи. «Пиши голую правду», требуютъ читатели, «анатомируй, разлагай, какъ химикъ газы, чувство; показывай какъ на ладони, ясно и опредѣленно, все, что происходитъ на сердцѣ влюбленнаго». Снимай чарующую синеву съ волшебной дали, живописецъ, и покажи имъ ясно все, что есть подъ этой ненаглядною, полусказочною завѣсой... Какъ въ ландшафтѣ пространство, такъ отдаляетъ время отъ меня прекрасную натурщицу; смягченные его рукою, свѣтъ и тѣни ея портрета уводятъ изящный женскій образъ въ очарованную область тѣней, улетучивая въ легкую дымку тяжелыя складки свѣтло-голубаго атласа. Боишься прикоснуться грубою рукою къ старому холсту: исчезнетъ, улетитъ видѣніе. Гдѣ же тутъ писать подробнѣйшій и обстоятельный отчетъ о состояніи, пронзеннаго когда-то меткою стрѣлою купидона, сердца?

Оправившись у зеркала, маркиза отперла дверь, чтобъ идти внизъ завтракать; проходя мимо письменнаго столика, она остановилась и поглядѣла, съ едва замѣтною улыбкою, на висѣвшій противъ него силуэтъ Катенева; снявъ осторожно пыль платкомъ съ выпуклаго стекла, прикрывавшаго блѣдно-розовый гипсъ, маркиза легонько вздохнула и пошла изъ комнаты. Внизу, у лѣсенки, Дуняша гладила кружевной воротничокъ и напѣвала вполголоса, не замѣчая, стоящей на верху, госпожи:

«Вѣтерокъ, прерви молчанье,
Тихо другу прозвучи,
Что ты видѣлъ грусть, рыданье,
Но о комъ и чьи,—молчи».

Мы смѣемся давно надъ этими пѣсенками, волновавшими, въ былое время, сердца нашихъ дѣдовъ и бабушекъ, но такъ же точно, вѣдь, посмѣются надъ бренчаньемъ и нашей, современной, лиры наши правнуки. Пощадится весьма немногое, и кто поручится, что лежащій передъ читателемъ разсказъ не вызоветъ снисходительно-насмѣшливой улыбки у перелистывающей его, еще не родившейся теперь, красавицы.

Digitized by Google

Маркиза спустилась, и дѣвушка перестала пѣть; обѣ онѣ по чему-то вдругъ вспыхнули.

— А переодѣваться, что же вы, къ обѣду? спросила, горничная, поставивъ утюгъ.

— Рано еще, Дуняша, отвѣчала маркиза, не глядя на горничную, и исчезла въ аркѣ двери, увѣшанной окаменѣвшими цвѣтами.

Войдя въ гостиную и взглянувъ на строгое лицо княгини, маркиза смутилась. Отрадный, грѣющій лучъ радости, на минуту блеснувшій на сердцѣ, исчезъ, и снова заныло, замерло раненое молодое сердце. «Долгъ!» говорило безъ словъ величаво-неподвижное лицо матери. «Да; надобно вырвать, хоть и съ болью, цвѣтокъ, выросшій на неуказанномъ мѣстѣ. Это мой долгъ», отвѣчала мысленно маркиза на безмолвную рѣчь княгини, углубленной въ чтеніе иностранной газеты. И какъ послушное дитя, у котораго отняли любимую картинку, сидѣла она въ бархатномъ креслѣ, поглядывая, сквозь навертывающіяся поминутно слезы, то на кончикъ своего атласнаго башмачка, то на величественное лицо матери, выражающее добродѣтель, ничѣмъ непоколебимую. «Скорѣе улыбнется бронзовый антикъ, чѣмъ ея сіятельство», думалъ скульпторъ Рашетъ, начиная лѣпить бюсть, еще молодой тогда, княгини. «Она, вѣроятно, даже спитъ съ достоинствомъ», размышлялъ взбѣшенный холодомъ лица художникъ, обкладывая мокрыми тряпицами свой глиняный эскизъ, по окончаніи скучнѣйшаго сеанса.

Маркизѣ, вообще, послѣднее время было тяжело, подчасъ невыносимо, вдвоемъ съ матерью, и она ожидала съ нетерпѣніемъ возвращенія брата; отецъ большею частію разъѣзжалъ съ визитами. Ей хотѣлось подѣлиться многимъ съ матерью, кинувшись съ жаркими слезами на ея грудь; но скорѣй разогрѣлась бы мраморная грудь Юноны, стоявшей въ нишѣ княжескихъ сѣней, чѣмъ грудь этой величественной, неприступной женщины. Маркиза знала хорошо, что ея мать способна только разсердиться, но никогда не унизила и не унизитъ себя до снисходительной улыбки, лаская изрѣдка разубранною бриллiантами рукою блѣдную щечку дочери. Эта аристократически-холодная наружность княгини и плѣнила въ юности князя Тунгусова, съ ногъ до головы придворнаго; вводя подъ руку свою молодую супругу въ модные салоны, ко двору, онъ испытывалъ чувство довольства командира, ѣдущаго на парадѣ во главѣ блещущихъ латами и шишаками трехъ-аршинныхъ кирасировъ.

Digitized by Google

— Сегодня въ ночь, или завтра утромъ, по моему разсчету, долженъ воротиться Борисъ, произнесла княгиня, перегибая листокъ газеты.

— Да, онъ писалъ, что выѣхалъ, отвѣчала дочь, повертывая на пальцѣ маленькій перстень.

Водворилось молчаніе. Черезъ полчала гостиная стала наполняться: это былъ пріемный день княгини. Прежде всѣхъ, пыхтя и задыхаясь, ввалился польскій панъ, въ своихъ коротенькихъ шароварахъ и красномъ, полиняломъ кунтушѣ; приложившись къ рукѣ княгини, онъ подставилъ и маркизѣ свою потную, лоснящуюся лысину, поцѣловавъ ее сначала въ щеку, а потомъ въ маленькую ручку; по совершеніи этого подвига, панъ, отдуваясь и жалуясь на жару, опустился на диванъ подлѣ хозяйки.

— А князь? спросилъ онъ, отираясь и отмахиваясь платкомъ.

— Онъ у себя... Сейчасъ выйдетъ, отвѣчала княгиня, продолжая читать.—Его все мучитъ нога. Слышали вы новости?

— Да... Нови, мувятъ, взятъ, отвѣчалъ панъ на польско-русскомъ языкѣ.

— Но это далеко не все, продолжала княгиня:—Суворову велѣно выступить съ русскою арміей немедленно въ Швейцарію.

— Какъ выступить? спросилъ панъ, причемъ оплывшее лицо его приняло глупое выраженіе только-что проснувшагося младенца.

— Выступить; очень просто, отвѣчала, довольная впечатлѣніемъ сообщенной новости, княгиня.—Вотъ сегодня долженъ воротиться Борисъ; вѣроятно, услышимъ отъ него подробности.

Панъ былъ плохой политикъ, но это извѣстіе поразило и его; все еще отдуваясь отъ усиленнаго движенія при подъемѣ на лѣстницу и при лобызаніи дамскихъ ручекъ, онъ вытаращилъ сѣрые глаза и долго молча смотрѣлъ на княгиню. Онъ жилъ постоянно въ Рагузѣ; въ Венецію пріѣхалъ лечиться отъ одышки, и больше по родству и знакомству, нежели по убѣжденію, принадлежалъ къ образовавшейся партіи магнатовъ, замышлявшихъ освобожденіе Польши чрезъ русское правительство. О Суворовѣ онъ относился: «онъ естъ дикарь, варваръ, но вилькій полководецъ».

— Та ее-жь возьмутъ снова французы, Италію, проговорилъ онъ, наконецъ, собравшись съ силами.

Княгиня пожала плечами и, развернувъ газету, проговорила:

— Припомните, что фельдмаршалъ открылъ себѣ путь въ Ге-

Digitized by Google

ную. Черезъ пять-шесть дней, я увѣрена, не было бы ни одного француза во всей Италіи.

Панъ опять выпучилъ младенчески глаза и, всплеснувъ коротенькими руками, отвалился къ спинкѣ дивана.

— Слышали? обратился онъ, на исковерканномъ французскомъ языкѣ, къ монсиньору, входящему въ гостиную.

— Слышалъ, отвѣчалъ монсиньоръ, поклонившись дамамъ и доставая изъ кармана табакерку.—Слышалъ, слышалъ, повторилъ онъ, сухо откашлявшись и понюхавъ табаку, причемъ въ комнатѣ пронесся мимолетный запахъ резеды.—Il ne s'agit que de procurer un peu d'immortalité *), прибавилъ онъ, осмотрѣвшись предварительно, нѣтъ ли въ гостиной австрійца.

— Да; но вы знаете, австрійцы этимъ не ограничатся, отвѣчала, тоже по-французски, княгиня.

Монсиньоръ вмѣсто отвѣта опустился въ кресло и сухо кашлянулъ. Въ гостиную влетѣлъ, оправляя пукли, австрійскій генералъ-стратегикъ, и разговаривавшіе смолкли.

— А князь Борисъ? спросилъ стратегикъ, раскланявшись со всѣми и развалясь въ креслѣ.

— Сегодня мы его ждемъ, отвѣчала княгиня.—Объясните намъ... почему это русскихъ двинули въ Швейцарію? Это для меня—латынь.

— Я бы удивился, еслибъ ихъ не двинули, отвѣчалъ генералъ, небрежно мотая золотою цѣпочкою.—Есть у васъ карта?

Маркиза развернула лежавшую на столѣ ландкарту; генералъ подъѣхалъ на своемъ креслѣ къ столу и началъ водить по картѣ указательнымъ пальцемъ, обогнутымъ толстымъ перстнемъ съ чудовищнымъ бриллiантомъ, объясняя, гдѣ находятся французы и какъ должно дѣйствовать Суворову. Монсиньоръ, вытянувши свой худощавый станъ, внимательно слѣдилъ за пальцемъ генерала. Въ гостиную вошла среднихъ лѣтъ, низенькая, квадратная, не то съ бѣлокурыми, не то съ сѣдыми локонами, дама; княгиня поднялась и взглядомъ попросила пана уступить вошедшей мѣсто на софѣ; панъ торопливо поднялся и, выбираясь, чуть не повалилъ мраморный столъ, толстымъ своимъ чревомъ, на стратегика; монсиньоръ, поклонившись, понюхалъ табаку, угостивъ запахомъ резеды собесѣдниковъ, и снова принялся слѣдить за пальцемъ генерала. Вошедшая усѣлась

*) Дѣло идетъ о томъ, чтобы добыть себѣ немного безсмертія.

Digitized by Google

и, отмахнувъ ленты своего куафюра, заговорила на распѣвъ, окидывая въ то же время испытующимъ взоромъ сидящихъ. «Comte Orloff, Разумовскій ma dit, la duchesse va venir a Vienne», распѣвала гостья, въ промежуткахъ улыбаясь и пожимая руку маркизѣ... Mais vous êtes bien logées ici... Et votre mari Nadine?

— Онъ еще въ Неаполѣ, отвѣчала маркиза, принужденно отвѣчая улыбкою на улыбки посѣтительницы.

Княгиню видимо обрадовало посѣщеніе квадратной дамы. Гостья принадлежала къ небольшому числу тѣхъ избранныхъ, имя которыхъ не произносится и даже не печатается иначе, какъ съ прибавленіемъ: «извѣстная»; упоминать фамилію этихъ счастливицъ тоже считаютъ излишнимъ; ихъ просто называютъ: «извѣстная Татьяна Юрьевна». Около именъ этихъ дамъ всегда являются, какъ спутники около свѣтила, громкія имена— Дидро, Волтеръ, Prince de Ligne, Державинъ; безъ упоминанія объ этихъ дамахъ дѣло не обходится въ біографіяхъ, и особенно въ примѣчаніяхъ къ твореніямъ поэтовъ. Онѣ, какъ фамильныя повивальныя бабки, помнятъ всѣ мелочи, всю обстановку, при которыхъ рождались творенія стихотворцевъ; я не ручаюсь, однако, за то, чтобъ отшедшіе поэты поблагодарили своихъ новыхъ, усердныхъ, издателей за ту безцеремонность, съ которою послѣдніе пришиваютъ прямо къ стихамъ, брошенные поэтомъ, варіанты, вмѣстѣ съ извѣстіями о полученныхъ сочинителемъ табакеркахъ, орденахъ и перстняхъ.

— Вы не читали его оды на ordre de S-t Malte? Да, что вы? говорила гостья, повертывая къ княгинѣ свое коротенькое туловище.—C'est un chef d'oeuvre. Себя превзошелъ.... Je vous dis, превзошелъ себя Гаврило Романовичъ, продолжала она, приходя въ экстазъ и потрясая бѣлокурыми локонами.—Я вамъ сегодня же пришлю.... У меня есть....

Речетъ,—и флотъ сквозь волнъ несется,
Велитъ,—и громомъ твердь трясется,

декламировала гостья, изображая пухлою, коротенькою ручкой, какъ трясется твердь.

— Sublime.... Я говорю тебѣ, превзошелъ себя Державинъ.... Вы знаете, вѣдь онъ былъ страстно влюбленъ въ графиню Литта.... Вотъ откуда этотъ огонь, добавила дама.

— Стыжусь, но этой оды я не знаю, отвѣчала княгиня.

Маркиза сидѣла, потупивъ глаза, въ своихъ креслахъ; ей

Digitized by Google

какъ-то совѣстно стало за гостью, когда она представляла, какъ трясется твердь, и маркиза очень рада была, что изъ гостей одинъ только дремавшій панъ понималъ нѣсколько по-русски.

Въ гостиную вошелъ, опираясь на свою палку, старый князь; поцѣловавъ руку у гостьи, князь сѣлъ; дама была старая его знакомая; они говорили другъ другу: «ты», что возбуждало нѣкоторую зависть къ мужу въ княгинѣ; счастіе быть на «ты» съ одною изъ этихъ избранницъ, имѣющихъ обыкновенно вѣсъ и случай при дворѣ, давалось далеко не всякому.

Перебравъ всѣхъ знакомыхъ, напомнивъ для чего-то другъ другу, кто изъ нихъ на комъ женатъ (князь зналъ, кто кому какъ доводится, тверже таблицы умноженія), собесѣдники коснулись политики.

— Ахъ.... A propos, запѣла гостья.—Суворовъ отказывается отъ фельдмаршальства, просится въ отставку; мнѣ говорилъ Тугутъ.

Австріецъ вслушивался въ разговоръ, окончивъ свои стратегическія поясненія монсиньору.

— Можетъ-быть, онъ вынужденъ къ тому.... замѣтилъ онъ.

— Не думаю.... Такъ объясняетъ самъ онъ, конечно; но.... перебила дама, продолжая уже по-французски,—при всемъ его умѣ, геніи, онъ вѣдь немножко сумасбродъ. Онъ увлекается, не хочетъ знать политики.

Австріецъ одобрительно кивнулъ головой; дама еще увѣреннѣе продолжала:

— Онъ воинъ, но политика (при этомъ она потрясла отрицательно своимъ коротенькимъ указательнымъ пальцемъ), политика—не его дѣло. Тутъ онъ—профанъ.... Я говорила объ этомъ съ Разумовскимъ, и онъ тоже согласенъ со мною...

— Но, позвольте, возразила-было княгиня, — мнѣ кажется, тутъ дѣло не въ политикѣ. Послать въ Швейцарію войска....

— Стало-быть нужно, перебила гостья съ достоинствомъ, прибавивъ:—тутъ все въ связи... Какъ не политика? Я и объ этомъ говорила, далеко прежде до похода изъ Италіи, съ Тугутомъ.

И гостья принялась хлестать именами Тугута, Дитрихштейна, принца Карла, приплетя тутъ же, для чего-то, давно умершаго министра Кауница. «Кауницъ», заключила она, «былъ и будетъ однимъ изъ величайшихъ политиковъ». Монсиньоръ возразилъ, что Кауницъ жертвовалъ слишкомъ иногда интересами союзниковъ для Австріи. Гостья обидѣлась и спросила, вставая, кня-

Digitized by Google

гиню вполголоса: «кто это»? Княгиня представила монсиньора. Оказалось, что гостья встрѣчалась съ нимъ въ Вѣнѣ, у Разумовскихъ, что, почему-то, помирило тотчасъ ее съ монсиньоромъ; выходя изъ гостиной, она очень любезно погрозила ему, сказавъ: «нѣтъ, монсиньоръ, не нападайте на моего любимца, старика Кауница».

Вслѣдъ за гостьей уѣхалъ и стратегикъ.

— Умная женщина, замѣтила княгиня монсиньору, когда возвратилась съ княземъ въ гостиную, проводивъ гостью.

— У!... промычалъ князь, приподнявъ голову и брови.—Это министръ, не женщина.

Монсиньоръ кашлянулъ своимъ сухимъ кашлемъ, поклонился и пошелъ изъ гостиной, скромно придерживая, развѣвавшуюся отъ движенія, шелковую свою мантію. Княгиня тоже удалилась въ свои комнаты; князь, поцѣловавъ дочь и зачѣмъ-то разсказавъ ей, что Татьяна Юрьевна, во время коронаціи императора, стояла «на второмъ репозэ», уѣхалъ съ визитами.

Маркиза ушла къ себѣ наверхъ; доставъ изъ бархатнаго портфеля листокъ почтовой бумаги съ золотыми, подъ короною, буквами M. S., она взяла перо и задумалась; въ отвѣтъ на полученное письмо довольно было написать ей одно слово—сердце уже продиктовало его, но разумъ сдерживалъ робкую, трепещущую руку; откинувшись къ овальной, рѣзной спинкѣ стула, она положила перо и сложила на груди руки. Положеніе бѣдной женщины напоминало положеніе сказочнаго Ивана-царевича, пріѣхавшаго къ двумъ дорогамъ, съ надписями на столбахъ: «направо поѣдешь,—тебя убьютъ; налѣво,—коня лишишься и самому не сдобровать». А между тѣмъ чистый почтовый листокъ, лежавшій на столѣ, напоминалъ, что не отвѣтить жестоко, что нужно написать то ли, другое ли. «На что ему необходимъ отвѣтъ?» думала маркиза, принимаясь перечитывать, чуть не въ десятый разъ, странное письмо. «Вѣдь онъ знаетъ, что я не предприму ничего, что я поручила себя и судьбу свою волѣ Божіей. На что же ему нужно знать, что переношу я? Изъ любопытства что ли?» проговорила почти вслухъ молодая женщина, вытирая платкомъ, бѣгущія по блѣднымъ щекамъ, слезы. «Я не застрѣлюсь, не уничтожу себя», дочитала она и тутъ же подумала: «а въ огонь, подъ пули кинется, я знаю.... Что же мнѣ дѣлать съ нимъ, бѣднымъ?»—Послѣ получасовой тяжкой думы, маркиза взглянула на висѣвшій въ углу золотой обра-

Digitized by Google

зокъ, перекрестилась и раскрыла, лежавшее на столѣ, маленькое, оправленное въ финифтяный окладъ, евангеліе, прочла нѣсколько строкъ, и около тысячелѣтняго текста обвилась безконечная вереница думъ, гаданій, какъ обвиваются, переплетаясь межь собой, длинные грозды виноградной лозы около узорной арки вѣковаго зданія. Снявъ медальонъ со стѣнки, она поцѣловала его, и на овальное, прозрачное стекло закапали горячія и чистыя, какъ струйки родниковой воды, слезы; сердце сжималось при мысли о бѣдахъ, о горѣ, прямомъ и неизбѣжномъ послѣдствіи для обоихъ, отдавшихся запрещенному чувству, и ускоренно билось, зажигая румянецъ на лицѣ, при лукавомъ лучѣ надежды, блещущемъ молніей, безъ ея вѣдома, въ юной, взволнованной душѣ. «Не бойтеся», прошептала сквозь слезы маркиза, припоминая раскрывшуюся страницу, какъ будто слова ангела относились не къ пастухамъ, а къ ней. «Не бойтеся: я вамъ благовѣствую радость». «А развѣ устрояющій все ко благу не въ силахъ все перемѣнить и преложить печаль на радость?» рѣшила маркиза, осторожно обмакнувъ перо въ хрустальную чернильницу.

«Я получила письмо твое», писала по-русски маркиза. «Если ты вѣруешь, то будешь беречь себя; кто вѣруетъ, тотъ и надѣется; Богъ устрояетъ все къ лучшему. Я разогнула евангеліе предъ тѣмъ, какъ отвѣчать тебѣ, и вотъ открылось какое мѣсто: «не бойтеся: я вамъ благовѣствую радость». Молись, и я буду молиться. Повѣрь, все устроится къ лучшему; какъ мнѣ ни тяжело, ни грустно, но у меня есть предчувствіе, что все устроится. Больше не пишу. Увѣдомляй хоть изрѣдка, черезъ maman, о себѣ. Видѣлся ли ты съ Борисомъ? Господь съ тобой. Прощай. Помни же мою просьбу: береги себя». «Твоя», написала-было она, но тотчасъ тщательно затушевала это слово, замѣнивъ: «другъ твой и кузина».

Перечитавъ раза два, она запечатала письмо, надписала адресъ и позвонила.

Вошла Дуняша.

— Отнеси это письмо на почту сама. Чтобы не знала maman.... прибавила, покраснѣвъ, маркиза.

— Что вы ему писали? спросила Дуняша, посмотрѣвъ на адресъ.

Она читала и говорила немного по-французски, благодаря гувернанткѣ княжны, француженкѣ, которой еще дѣвочкой прислуживала.

Digitized by Google

— Какая ты любопытная... А развѣ ты знаешь, что онъ писалъ ко мнѣ?

— Не знаю.... Знаю только одно, что онъ васъ любитъ, брякнула дѣвушка и разсмѣялась.

— Вотъ въ этомъ-то и бѣда, Дуняша, серьезно заговорила маркиза.—Я боюсь, какъ бы онъ не надѣлалъ чего надъ собой.... Вотъ почему я и писала ему.... Надо поберечь бѣднаго....

— Вы не успѣете переодѣться, перебила Дуняша. — Переодѣньте платье, а потомъ я отнесу.

Маркиза согласилась и стала переодѣваться.

— А вы? спрашивала горничная, оправляя складки палеваго тяжелаго платья,—вы-то его.... любите?

— Ты всегда говоришь вздоръ.... Болтунья, отвѣчала маркиза, вспыхнувъ какъ огонь и застегивая браслетъ на дрожащей рукѣ.

— А вѣеръ? спросила Дуняша.

— Я возьму.... Ступай же.... Отнеси на почту.

Дуняша вышла, прибравъ въ комнатѣ. Маркиза поглядѣла въ окно на синѣющій, тихій, какъ зеркало, каналъ и вышла въ столовую; тамъ уже похаживали князь и польскій панъ около закуски, потирая руки. Вошла княгиня; маркиза слегка вздрогнула при появленіи матери; ей было неловко: въ первый разъ она рѣшилась послать письмо безъ ея вѣдома, рѣшилась на поступокъ, о которомъ надо молчать, скрывать. «Но какъ же объяснить maman?» раздумывала юная маркиза. «Объяснить — это поднять цѣлую бурю упрековъ и.... заслуженныхъ ли? Разстроить, сложить въ постель maman». И въ воображеніи возстала цѣлая картина семейной грозы, съ княгинею на первомъ планѣ, перевязавшею голову бѣлымъ платкомъ, пропитаннымъ уксусомъ; даже запахъ спирта, употребляемаго въ минуты огорченій княгинею, уже послышался маркизѣ; она опять вздрогнула, когда Дуняша, войдя зачѣмъ-то въ столовую, шепнула ей: «отправила». Сѣли за столъ. Маркиза не слыхала общаго разговора; провѣряя свой поступокъ, она перечитала мысленно, нѣсколько разъ, отправленное письмо и осталась довольна имъ. «Но съ этихъ поръ», повторила она себѣ, «ни слова ему больше не пишу, что бы тамъ ни было. Онъ самъ пойметъ, я знаю, каково мнѣ, и не будетъ тревожить меня объясненіями.... Дѣла нельзя поправить.... Остается терпѣть.... Я замужемъ», окончила она сквозь навернувшіяся слезы.

Digitized by Google

Княгиня была не въ духѣ: князь получилъ письмо отъ управляющаго, что оброки сберутся развѣ черезъ мѣсяцъ. Панъ ѣлъ, завѣсившись по уши салфеткою, отдувался и былъ тоже не особенно разговорчивъ. Говорилъ одинъ князь, разсказывая, у кого онъ былъ, и что вся Венеція толкуетъ о выступленіи русскихъ изъ завоеванныхъ областей.

— Въ этомъ виновато кругомъ наше посольство въ Вѣнѣ и особенно Разумовскій, рѣзко перебила плавную рѣчь мужа княгиня.—Вольно же имъ любезничать съ австрійцами.

Это было сказано отчасти изъ желанія кольнуть пріятельницу князя, австрофилку, отчасти сказать непріятное словцо мужу, бывшему безъ ума отъ Разумовскаго. Князь понялъ это, но не возражалъ, зная, что возраженіе—вещь не безопасная, когда его сіятельная супруга поднимется лѣвою ногой съ постели.

Обѣдъ кончился. Панъ задремалъ уже въ концѣ стола и, проглотивъ чашку кофе съ ромомъ, тотчасъ уѣхалъ. Княгиня съ мужемъ и дочерью усѣлись въ гостиной.

— Но что маркизъ? заговорила княгиня, оставшись въ своей семьѣ,—маркизъ нашъ? Я, наконецъ, не знаю, что и думать.... Ѣздитъ; бросилъ жену....

У маркизы заныло сердце; точно осенній вѣтеръ, поднявъ сухіе, желтые листья, повѣялъ ей на душу, пророча вереницу безсонныхъ ночей, темныхъ и длинныхъ, оглашаемыхъ завываньемъ и однообразнымъ стукомъ ставней или неплотно притворенной двери; а утромъ—непроглядное, затянутое пеленою сѣрыхъ облаковъ, будто, вѣкъ свой, безплодно плачущееся на кого-то, небо.... И такъ, непрерываемою цѣпью потянутся не дни, не мѣсяцы, а годы, десятки лѣтъ, вся жизнь до той минуты, когда замретъ и перестанетъ биться навсегда измученное сердце.

— Вѣроятно, дѣла, ma chere, замѣтилъ, зѣвая, князь.

Эта тема была не новая; княгиня всегда избирала ее для бесѣды съ семьянами, когда была не въ духѣ; но въ послѣднее время чаще и чаще начинала она рѣчь объ этомъ, такъ какъ положеніе молодой замужней женщины, живущей врознь съ мужемъ, начинало занимать общество, окружающее княжескую семью, подымало многочисленные толки, догадки, объясненія, сплетни, которыя долетали, разными путями, до княгини, разумѣется, въ искаженномъ и увеличенномъ видѣ; ея сіятельство

Digitized by Google

озабочивало сильно не внутреннее тяжкое состояніе дочери, а опасеніе, какъ бы не утратила маркиза, подобающаго ей, высокаго положенія въ обществѣ.

— Mon Dieu, что-жь это за безконечныя дѣла? отвѣчала княгиня мужу.—Дѣла есть у всѣхъ, но нельзя же, бросивъ для нихъ жену, рыскать цѣлые мѣсяцы.... И почему не объяснить тебѣ, мнѣ, ей—что это за дѣла? Мы могли бы посовѣтывать, помочь.... У насъ есть связи.... Въ томъ же Неаполѣ я могла бы дать ему письма къ Ушакову, и мало ли къ кому изъ нашихъ... Нѣтъ, это начинаетъ тревожить меня, и не на шутку.... Напиши ему, обратилась она къ дочери.

Маркиза вопросительно взглянула на мать.

— Напиши, продолжала княгиня,—что вотъ, такъ какъ его дѣла задерживаютъ тамъ, и что дальнѣйшее пребываніе мое и твоего отца за границею и дорого, и, наконецъ, какъ на это посмотрятъ, я не знаю, при дворѣ, въ обществѣ,—такъ какъ онъ думаетъ: нельзя ли тебѣ переѣхать къ нему въ Неаполь? Теперь въ Италіи покойнѣе. Въ Неаполѣ король. Ты можешь изъ Венеціи, изъ Генуи переѣхать моремъ. Я могу попросить Ушакова; онъ для меня не откажетъ, дастъ корветъ даже, если переѣздъ опасенъ. Вѣдь что-нибудь надо же.... Надо же когда-нибудь выйти изъ этого position fausse *); вѣдь начинаютъ говорить объ этомъ въ обществѣ. Хоть бы вотъ эдакой вопросъ тебѣ вдругъ: «et votre mari»? А votre mari и не думаетъ. Дѣла!... Да у кого ихъ нѣтъ? Однако, никто не бросаетъ жену.... Напиши, и посильнѣе. Покажи потомъ мнѣ свое письмо, кончила княгиня, поднимаясь съ креселъ.

Маркиза сидѣла какъ на горячихъ угольяхъ, перебирая кисейный кончикъ батистоваго платка.

— Да; напиши, ma bonne amie, повторилъ князь, пригладивъ волосы дочери и поцѣловавъ ее въ голову.—Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это экстравагантно съ его стороны.... Какъ это, вдругъ, уѣхать и....

Княгиня вышла на балконъ.

— Мы не поѣдемъ на острова? спросилъ князь, остановившись въ дверяхъ.

— Какіе острова... Ты видишь, я разстроена, отвѣчала княгиня, опустившись въ кресла на балконѣ.

---

*) Ложнаго положенія.

Digitized by Google

Князь помялся на одномъ мѣстѣ, понюхалъ табаку и пошелъ къ себѣ въ комнаты. Маркизѣ доложила Дуняша, что ее ждетъ учитель живописи.

«Что я буду писать?» думала бѣдная женщина, поднимаясь по лѣсенкѣ въ свою комнату. До сихъ поръ она ограничивалась приписками въ письмахъ матери обыкновенно о томъ, гдѣ вчера были, что видѣли, кто навѣщалъ ихъ; теперь ей надо упрекать въ холодности того, чью холодность она считаетъ даромъ, милостью, ниспосланною ей Создателемъ. «Вотъ наказаніе», раздумывала маркиза. Она даже припомнила какой-то текстъ, говорившій: «чѣмъ провинился, тѣмъ и казнись», и подумала: «ужь это не за отправленное ли тайкомъ отъ maman письмо меня наказываетъ Богъ письмомъ же?» Maestro съ реверансами подалъ ей палитру и уставилъ въ стаканѣ букетъ, съ котораго писала маркиза. Ученица сѣла за мольбертъ; блѣдная, какъ полотно, она сама напоминала лилію, посаженную въ фарфоровую вазу и начинающую сохнуть и вянуть въ душной комнатѣ. О, еслибы Богъ послалъ дождя и воздуха и перенесъ въ родную почву умирающій цвѣтокъ! Онъ ожилъ бы въ день, два; въ немъ много еще юныхъ силъ и жизни.

III.

Въ дождливую, темную ночь, по грязной дорогѣ, вьющейся по знаменитымъ пустыннымъ болотамъ между Римомъ и Неаполемъ, тащилась двумѣстная карета четверкою, цугомъ, безъ вершника; почтарь похлопывалъ бичомъ, закрывшись съ головою суконнымъ грубымъ плащемъ отъ дождя и порывистаго вѣтра; фонари у козелъ кидали красноватый слабый свѣтъ около экипажа, только усиливая окружающую темноту; усталыя лошади лѣниво шлепали по лужамъ, вязли въ грязи и мало обращали вниманія на покрики и хлопанья возницы. Въ каретѣ сидѣли двое: одинъ—толстый, небольшаго роста, остриженный подъ гребенку, католическій монахъ; другой, растянувшійся во весь свой длинный ростъ, сухощавый, плотно завернутый въ плащъ, былъ старый знакомый читателя, маркизъ ди-Сальма.

— Раньше завтрашней ночи мы не доберемся до Рима, замѣтилъ маркизъ, зѣвнувъ и выглянувъ въ открытое окно кареты.

— Еслибы завтра добраться, signore marchese! отвѣчалъ

Digitized by Google

хриплымъ теноркомъ духовный.—А я думаю, къ Риму на станціяхъ мы не отыщемъ лошадей, и.... И, продолжалъ онъ, подчуя себя въ промежуткахъ табакомъ,—и просидимъ, или ночуемъ, чего добраго, на одной изъ станцій. Время тревожное, signore marchese. За грѣхи ли за наши Богъ такъ прогнѣвался, или....

— За добродѣтели, докончилъ маркизъ, отвалившись опять въ уголъ кареты.

— Нѣтъ, не за добродѣтели, а....

— За что же? спросилъ маркизъ.

— Кто это знаетъ? продолжалъ толстякъ, поглядѣвъ въ окошко.—Судьбы Божіи, signore marchese,—тайна.

— Но не для васъ, не для духовенства. Вы вѣдь находитесь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ небомъ и херувимами, отвѣчалъ, зѣвая, маркизъ.

— Избранные лишь, signore marchese, избранные, простодушно отвѣчалъ монахъ,—eliti *), а не всѣ... Далеко не всѣ, signore marchese, закончилъ онъ, вздохнувъ и помотавъ изъ стороны въ сторону коротенькимъ, не гнущимся отъ толщины, указательнымъ пальцемъ.

Оба замолчали. Усталая четверка, продолжая шлепать по грязи, дергала по временамъ карету такъ сильно, что она колыхалась, какъ дѣтская колыбель, на своихъ высокихъ рессорахъ; вдали, на правой сторонѣ дороги, блеснулъ и тотчасъ исчезъ огонекъ.

— Огонь!... замѣтилъ маркизъ.

— Да, кажется, подтвердилъ монахъ, поглядѣвъ въ окошко.

Путники переглянулись.

— Можетъ-быть, это.... кто ихъ знаетъ? Да, огонь.... Вонъ опять блеснуло что-то, робко проговорилъ монахъ, какъ будто отгадавъ мысль маркиза.

— Eh, via, via! лѣниво понукалъ лошадей почтарь.

Усталая четверка пробовала прибавить ходу, дергала экипажъ, но черезъ минуту опять тащилась шагомъ по скользкой дорогѣ; вдали засвѣтились, вмѣсто одной, три огненныя точки; то перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто, то исчезая, онѣ словно подмигивали ѣдущимъ.

— Быть-можетъ, пастухи? спросилъ нерѣшительнымъ тономъ маркизъ, высунувшись изъ окошка.—Что это за огни, amico? А? обратился онъ къ почтарю.

---

*) Избранные.

Digitized by Google

— А дьяволъ ихъ знаетъ, сердито отвѣчалъ, поеживаясь отъ холода и сырости, ямщикъ.—Можетъ-быть, ветурины или солдаты.

Лошади встали. «Via!» крикнулъ почтарь, хлопнувъ бичомъ; четверка дернула и опять остановилась. Вдали послышался спѣшный конскій топотъ; путники вслушались и опять переглянулись; маркизъ откинулся въ уголъ.

— Ѣдетъ кто-то, робко замѣтилъ монахъ, поглядывая въ окно со стороны маркиза.—Э, вонъ и фонари ближе. Santa Maria! А, marchese?...

Маркизъ опять высунулся изъ окна, но ничего не отвѣчалъ на вопросъ спутника. Огни, обгоняя другъ друга, приближались къ экипажу; четверка, послѣ многократныхъ ударовъ бичомъ и понуканій, пошла нога за ногу; вдали послышались голоса и шлепанье лошадиныхъ копытъ по грязи и лужамъ.

— Ну, что? Видите что-нибудь? спрашивалъ монахъ.

Маркизъ молчалъ.

— Стой! раздалось въ нѣсколькихъ шагахъ, и черезъ нѣсколько минутъ косматая, тяжело дышущая, лошадиная голова появилась у окна кареты.

Маркизъ отшатнулся.

— Стой, corpo di diavolo! крикнулъ кто-то, что есть силы, пьянымъ, надорваннымъ голосомъ.—Долой, почтарь!

— Santa Maria, пролепеталъ дрожащимъ шепотомъ монахъ.

Почтарь остановилъ лошадей и безпрекословно полѣзъ долой съ своего мѣста; толпа конныхъ съ фонарями окружила экипажъ.

— Eh dove? Da Napoli, a Roma? спросилъ одинъ изъ всадниковъ, слѣзая съ лошади.—Почта? Это не онъ....

— Онъ, отвѣчалъ прежній хриплый голосъ.—Кто ѣдетъ?

— Forestieri, путешественники, отвѣчалъ изъ угла кареты, не показываясь, маркизъ.

— Inglesi, lordi... Si... Теперь самъ чортъ не разберетъ, кто со своимъ, кто съ чужимъ паспортомъ, замѣтилъ, расхохотавшись, охрипшій.

— Такъ выходите изъ кареты... Presto, скорѣй... Намъ некогда, кричало нѣсколько голосовъ.

— Да; потрудитесь... Ayez la complaisance... Можетъ-быть, принцы крови, fratelli... И потому повѣжливѣй, издѣвался охриплый.

Монахъ отворилъ свою дверцу и полѣзъ изъ экипажа; маркизъ,

Digitized by Google

доставъ что-то изъ кармана кареты, высунулся изъ окна, но тотчасъ же спрятался опять, когда у самаго его носа сверкнула вдругъ серебряная ручка и граненый стволъ лазариновскаго пистолета.

— Живѣй, signori... Безъ реверансовъ, прямо къ дѣлу... Здѣсь не салонъ... Мокро и холодно... Бррр... говорилъ хриплый.

Маркизъ едва могъ отворить дрожащею рукою ручку дверцы; хриплый голосъ былъ хорошо знакомъ ему.

— Сейчасъ, сейчасъ, лепеталъ монахъ, оступившись со скользкой подножки прямо въ грязь.—Marchese?

— Что, слышишь Пецца? Га... Фра-діаволо.... не побился я съ тобою объ закладъ... Не онъ?.. Что? крикнулъ, засмѣявшись и закашлявшись, охриплый.—Ну, excelenza... выходите, продолжалъ онъ, нагнувшись съ лошади и отмахнувъ дверцу кареты.— Просимъ покорнѣйше. Я говорилъ—аристократы.

— Faccia in terra! крикнулъ кто-то...

Маркизъ ступилъ на подножку; охриплый соскочилъ съ лошади и подхватилъ его подъ руку.

— Не поскользнитесь, signore marchese, говорилъ охрипшій.— Здѣсь не паркетъ... Осторожнѣе.

— Faccia in terra! Вамъ говорятъ, повторилъ опять кто-то изъ толпы.

Почтарь и монахъ растянулись лицомъ внизъ на грязной дорогѣ.

— Вотъ такъ, продолжалъ хриплый, спустивъ на землю маркиза.—Eh come sta marchese? А? прибавилъ онъ, расхохотавшись и опять закашлявшись.

— Ей, padre... нѣтъ ли у тебя писемъ? спрашивалъ, нагнувшись, между тѣмъ, къ монаху, соннымъ голосомъ, широкоплечій, бородатый бандитъ.

— Есть, есть письмо къ капеллану Maria magiore... Онъ родственникъ... Вотъ я.... говорилъ, приподнимаясь, дрожащимъ голосомъ монахъ. Доставъ изъ-за рясы бумажникъ и порывшись въ немъ, онъ, стоя на колѣняхъ, подалъ какой-то пакетъ.

— А денегъ много? шепнулъ бородатый, освѣтивъ бумажникъ фонаремъ.

— Какія деньги у монаха? Вотъ пара скуди есть, отвѣчалъ бѣднякъ, раскрывая опять бумажникъ.

— А ты ужь грабить? раздался чей-то басъ. Не можешь... Руки чешутся, corpo di diavolo!

Digitized by Google

— Не грабить, а... оправдывался бородатый,—надо же обыскать... Нѣтъ ли документовъ какихъ, политическихъ...

— Политикъ.... проговорилъ басъ.—Faccia in terra, padre... Посвѣтите-ка кто-нибудь... Надо обыскать карету.

Монахъ опять растянулся подлѣ почтаря, недвижно лежащаго посреди дороги. Криплый, отдавъ сосѣду поводъ своего коня, положилъ обѣ руки на плеча маркизу и, уставясь ему въ глаза, проговорилъ:

— Ну что, узнали своего воспитанника? Ге, что-жь вы молчите?

Маркизъ, блѣдный какъ полотно, стоялъ, потупивъ глаза передъ бандитомъ; старый знакомецъ или, какъ самъ онъ называлъ себя, «воспитанникъ» маркиза былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ блѣднымъ, изношеннымъ лицомъ, опушеннымъ бѣлокурою, рѣденькою бородкою и длинными, висящими изъ-подъ высокой шляпы, волосами; стиснувъ тонкія губы, онъ пристально посмотрѣлъ въ лицо своей жертвѣ и судорожно оттолкнулъ ее; маркизъ пошатнулся, но устоялъ на ногахъ.

— Вотъ гдѣ пришлось намъ встрѣтиться, signore marchese, вмѣсто отцовскаго палаццо... И этому, вы сами знаете, этому я обязанъ вамъ, говорилъ молодой человѣкъ, запустивъ руки за кушакъ, намотанный по плисовой куртке, и покачиваясь изъ стороны въ сторону; проговоривъ это, онъ засмѣялся отвратительнымъ, злобнымъ смѣхомъ и закашлялся.—Да; вамъ, mio caro... вамъ, повторилъ онъ нѣсколько разъ, прерывая свою рѣчь усилившимся кашлемъ. Микеле... слышишь? Fra-diavolo!... Что-жь ты не полюбуешься... на эту гадину? окончилъ онъ, ударивъ кулакомъ въ грудь маркиза; маркизъ охнулъ и завернулся съ лицомъ въ плащъ.

— Успѣемъ, налюбуемся, отвѣчалъ басъ.—Возьмите вещи маркиза... Эй, почтарь, подѣлись съ нами одной лошадью... Мы, пожалуй, отдадимъ ее тебѣ завтра... Знаешь остерію di Pigeone? Тамъ и получишь... Отпрягай.

Почтарь поднялся и началъ откладывать одну изъ переднихъ лошадей; монахъ лежалъ, какъ пластъ, среди дороги.

— Вставай и ты, padre santo, продолжалъ басъ.—Будетъ тебѣ держать примочку на животѣ.

Монахъ нерѣшительно поднялся и, сложивъ на брюхѣ руки, всталъ въ сторонѣ отъ дороги, потупивъ голову; трое бандитовъ обыскивали карету; выкидавъ изъ нея мѣшки, они отдирали

Digitized by Google

сукно и принялись распарывать подушки; почтовыя лошади радовались, вѣроятно, довольно продолжительному, неожиданному роздыху; почтарь, отдавъ коня, спокойно укладывалъ возжи подъ намокшую подушку козелъ; ему, какъ видно, подобная тревога была не въ диковину. Сидѣвшій на конѣ и завернувшійся въ длинный плащъ, бандитъ кричалъ поминутно: «скорѣе», поеживаясь отъ холода и моросившаго все еще дождя. Хриплый, передавъ маркиза товарищу, отошедшему отъ монаха, полѣзъ на лошадь; въ это время маркизъ развернулъ плащъ и выстрѣлилъ почти въ упоръ въ своего стараго знакомца; конь вздрогнулъ; молодой бандитъ, выдернувъ ногу изъ стремени и опустившись на землю, постоялъ съ минуту и, оборотясь къ маркизу, расхохотался и проговорилъ:

— Это нехорошо, маркизъ!... Давайте пистолетъ... Кажется, не задѣло?.. Хорошо, что такъ... Это неблагородно... Мы не обыскивали васъ, а ты...

Маркизъ швырнулъ пистолетъ на землю и полетѣлъ самъ навзничь отъ удара въ високъ, нанесеннаго бывшимъ воспитанникомъ.

— А?... Какова гадина!... Свяжи-ка его дядя... кушакомъ... Назадъ, подлецу, руки, прибавилъ онъ, вскочивъ на лошадь.

Рыжій, приземистый мужичина, снявъ съ себя кушакъ, сбросилъ съ маркиза плащъ и скрутилъ ему на спину руки такъ, что затрещали локти; маркизъ не произнесъ ни слова во время этой операціи и, стиснувъ зубы, стоялъ въ своемъ длинномъ гороховомъ сюртукѣ безъ шляпы, сбитой разбойникомъ.

— Не оцарапала? спросилъ верховой.

— Нѣтъ, пролетѣла мимо... Лошадь попятилась, а то бы пришлось откладывать разсчетъ мой съ нимъ до того свѣта, отвѣчалъ, закашлявшись и оправляясь на сѣдлѣ, хриплый.

— Садись... Полѣзай, padre sanctissimo, на свое старое гнѣздо, произнесъ верховой, раскуривая трубочку.—Почтарь, на козла!.. Да не давайте воли языку... У насъ друзья есть всюду... Услышатъ,—не ручаюсь, чтобы не заткнули глотку докащику... Садись.... На коней.... Карета маршъ!... A rivederla padre, buon voyagio.

— A rivederla, signori *), вашъ слуга, повѣрьте, я умѣю мол-

*) До свиданія, господа.

Digitized by Google

чать, гдѣ это нужно, проговорилъ уже смѣлѣе, высунувъ изъ окошка свое круглое лицо, монахъ.

— Ну, bene, bene, отозвался верховой, раскуривая въ фонарѣ трубку.

Карета тронулась; маркиза подняли и посадили на почтовую, отнятую лошадь; всѣ пятеро вскочили на коней, и кавалькада, свернувъ съ большой дороги, поскакала рысцою вязкимъ болотомъ. Лошадь маркиза тащили въ поводу; она поминутно вязла, спотыкалась; маркизъ, съ связанными локтями, едва держался безъ сѣдла на худой, мокрой спинѣ лошади.

— Что, безпокойно, marchese? говорилъ хриплый. — Что дѣлать. Не стрѣлять бы... Впрочемъ, вояжъ не дальній... мили четыре, толковалъ онъ, поминутно шпоря и осаживая свою сухую, рыжую лошадь.

Николо Матчи (такъ звали молодаго знакомца маркиза) былъ побочный сынъ одного виконта богача, эмигранта, француза; фамилію «Матчи» онъ получилъ отъ матери, крестьянки изъ Калабріи, увезенной въ молодости, во время путешествія виконта, тихонько отъ ея семьи, во Францію. Виконтъ, еще задолго до революціи, занемогъ, и доктора посовѣтовали ему навсегда поселиться въ южной Италіи; устроивъ свои денежныя дѣла, положивъ часть денегъ въ лондонскій банкъ и продавъ земли въ Вандеѣ, онъ купилъ себѣ землю на Исхіи (островъ подлѣ Неаполя) и, выстроивъ роскошнѣйшую виллу, поселился въ ней. Громадный ростъ, огромный парикъ сухощаваго виконта и его странный итальянскій выговоръ помнили всѣ, еще не такъ давно, въ Неаполѣ; аристократъ до мозга костей, онъ былъ въ то же время волтеріанецъ; жениться на увезенной крестьянкѣ было для него не мыслимо. Трое сыновей, изъ которыхъ второй было Николо, жили съ нимъ на виллѣ, но въ отдѣльномъ корпусѣ, подъ надзоромъ француза гувернера; по праздникамъ мальчики должны были являться къ отцу, а въ день его рожденія произносить или пѣть, написанные гувернеромъ, стихи, подъ заглавіемъ: «гимнъ облагодѣтельствованныхъ благодѣтелю», или «праздникъ благодарныхъ сердецъ» и т. п. Любимицею отца была пятилѣтняя дочь, оставшаяся послѣ смерти матери двухлѣтнимъ ребенкомъ; дѣвочка помѣщалась въ комнатахъ рядомъ съ спальнею отца, и старикъ вставалъ ночью каждый разъ, заслышавъ, что ребенокъ плачетъ; утромъ онъ не иначе, какъ при себѣ, позволялъ завтракать ребенку; француженка-нянька весь день должна бы-

Digitized by Google

ла проводить съ дѣвочкою на глазахъ у виконта; во время рѣдкихъ выѣздовъ въ Неаполь по дѣламъ, на недѣлю, на двѣ, съ виллы ежедневно должны были доставляться нянькою съ курьеромъ подробнѣйшія бюллетени о томъ, что дѣлалъ, ѣлъ, долго ли спалъ ребенокъ; а въ случаѣ нездоровья дочери, виконтъ кидалъ всѣ дѣла и тотчасъ возвращался съ двумя-тремя врачами, для совѣта съ постояннымъ, живущимъ съ нимъ на виллѣ, докторомъ. Дѣвочку одѣвали какъ куклу, и несмотря на то, что гардеробомъ ея заняты были три большія комнаты, три-четыре, выписанныя изъ Парижа, швеи шили съ утра до вечера ей новыя платьица, воротнички, пелерины изъ тонкихъ, точно паутина, венсенскихъ кружевъ. Дѣвушка была не хороша собою, смугла, но черные большіе глаза напоминали дикую красоту матери, похожей на цыганку; она точно такъ же, какъ и покойница, швыряла, разсердившись, туфлею въ отца, ломала въ куски игрушку въ нѣсколько червонцевъ, только-что выписанную отцомъ, и старикъ, не сказавъ ни слова, уходилъ и молчалъ цѣлый день, какъ убитый; дочь четырехъ лѣтъ уже хитрила и кокетничала, какъ двадцатилѣтняя опытная метресса. Люси (такъ звали дѣвочку) боялась одного Николо; сыновья обѣдали съ гувернеромъ и только по праздникамъ допускались къ столу виконта, но могли гулять въ паркѣ и иногда вечеромъ заходить въ домъ; встрѣтивъ Люси гдѣ-нибудь въ отдаленномъ уголкѣ парка, Николо кидался на нее, какъ тигренокъ, таскалъ за курчавые волосы, дралъ за уши; нянька бранилась, оглядываясь поминутно, нейдетъ ли виконтъ; дѣвочка дрожала и тихо плакала, не смѣя пикнуть.

— Что, дьяволенокъ, присмирѣлъ? насмѣхался Николо.—Не будешь важничать? «Не буду», шептала сквозь слезы дѣвочка.— И няньку не будешь царапать? спрашивалъ Николо.—«Не буду», отвѣчала Люси, стоя передъ братомъ, крѣпко державшимъ ее за ручонки.

Маркизъ не зналъ этихъ продѣлокъ сына и удивлялся, что Люси подходитъ и садится на колѣни къ Николо,—словомъ, только съ однимъ Николо баловница будто шелковая.

— Это магнетизмъ, объяснялъ онъ гувернеру.—Посмотрите, изъ него выйдетъ замѣчательный магнетизеръ, говорилъ виконтъ, помѣшанный немного на Месмерѣ.

Гувернеръ соглашался, хотя зналъ очень хорошо способъ, употребляемый воспитанникомъ для усмиренія строптивыхъ, испытавъ его самъ на себѣ: пятнадцатилѣтній питомецъ разъ, съ глазу на

Digitized by Google

глазъ, задалъ своему ментору такую потасовку, что старикъ пролежалъ съ недѣлю въ кровати; изъ боязни лишиться куска хлѣба, бѣднякъ смолчалъ и, только косясь на Николо, съ этого дня избѣгалъ дѣлать ему замѣчанія, говоря: «вы, Nicolas,—о, вы не минете висѣлицы».—«Меня повѣсятъ на той самой, на которую вздернутъ тебя, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, республиканцы», отвѣчалъ обыкновенно на это воспитанникъ. Гувернеръ хватался за свою трость, но Николо, какъ кошка, влѣзалъ на дерево и продолжалъ оттуда передразнивать француза. Любимцемъ гувернера былъ старшій, Henri, силачъ, широкоплечій, но необыкновенно смирный, до страсти любившій чтеніе; Henri и учился лучше всѣхъ; забившись куда-нибудь въ уголъ парка, или улегшись въ уединенномъ заливцѣ острова въ рыбачью лодку, съ книгою и булкою въ карманѣ, юноша не являлся иногда по цѣлымъ днямъ въ комнату; меньшой, мальчикъ лѣтъ шести, былъ еще на рукахъ у няньки, прежней своей кормилицы, и жилъ больше у нея въ деревнѣ, съ крестьянами. Изрѣдка отецъ спрашивалъ: «а гдѣ же Jean? Вѣрно, въ деревнѣ; надо бы его привезти,—его научатъ тамъ дурнымъ манерамъ». Мальчика привозили, но дня черезъ три нянька, взявъ его съ собою на праздникъ мѣстной Мадонны, опять оставляла гостить у себя въ хижинѣ; Жану было привольнѣе тамъ; цѣлые дни онъ рылся на морскомъ берегу съ ребятишками и собиралъ, во время отлива моря, разноцвѣтныя раковины и молюски. Виконтъ по смерти жены все меньше и меньше занимался сыновьями; онъ и при ней смотрѣлъ на нихъ, какъ смотритъ не особенно рачительный хозяинъ на ежегодный приплодъ отъ коровъ и овецъ, смотритъ какъ на дѣло очень обыкновенное. Однако, по совѣту одного стараго графа, посѣтившаго его, старшаго, Henri, виконтъ отправилъ на восемнадцатомъ году въ Боннъ, въ іезуитскую школу. Николо продолжалъ жить на волѣ, шатаясь съ ружьемъ по окрестностямъ. Познакомившись на охотѣ съ двумя-тремя молодыми неаполитанцами изъ высшаго класса, юноша сталъ отпрашиваться изрѣдка, а потомъ чаще, у отца въ Неаполь; старикъ, услыхавъ два-три княжескихъ имени въ числѣ знакомыхъ своего воспитанника, началъ охотно отпускать его и давалъ деньги на костюмъ и на «мелкіе депансы». Николо зажилъ припѣваючи, если не всегда въ аристократическомъ, за то всегда въ веселомъ обществѣ различныхъ матушкиныхъ сынковъ, игроковъ, танцовщицъ королевскаго театра и искатель-

Digitized by Google

ницъ доходныхъ приключеній. Виконту представлены были, какимъ-то евреемъ, два векселя въ нѣсколько сотъ червонныхъ каждый; онъ поморщился, пожурилъ Николо, но велѣлъ заплатить, замѣтивъ гувернеру: «et notre petit coquin ne se gêne pas? Dites lui, qu'il n'est pas si riche». Николо, вѣроятно, не совсѣмъ вѣря этому, задолжалъ опять; на этотъ разъ отецъ и благодѣтель, заплативъ, объявилъ въ газетахъ, что съ купцомъ Николо Матчи (Николо былъ приписанъ въ неаполитанское купечество) онъ никакихъ дѣлъ не имѣетъ и не платитъ по его обязательствамъ; три тысячи франковъ въ годъ виконтъ продолжалъ однакожь давать на депансы воспитаннику; жить продолжалъ Николо по прежнему на виллѣ, напиваясь по временамъ съ гувернеромъ, съ людьми виконта, и гоняя на его верховыхъ лошадяхъ по окрестностямъ; виконтъ смотрѣлъ сквозь пальцы на воспитанника, разъ даже заплатилъ за разбитую имъ въ одной изъ сосѣднихъ остерій посуду, но вычелъ изъ назначенныхъ трехъ тысячъ.

Въ это время съ эмигрантомъ познакомился въ Неаполѣ, чрезъ одного француза, маркизъ, служившій тогда въ придворной королевской канцеляріи; маркизъ нуждался тогда въ деньгахъ и сначала предложилъ свои услуги для исполненія въ Неаполѣ различныхъ порученій виконта, а потомъ, переѣхавъ почти совсѣмъ къ нему на виллу, забралъ въ руки все его хозяйство; восхищаясь Люси и магнетизируя, склоннаго къ ипохондріи, стараго холостяка, маркизъ сдѣлался лучшимъ другомъ богача. Николо видѣлъ ясно, что маркизъ обманываетъ старика; маркизъ побаивался его, съ своей стороны, услыхавъ отъ гувернера, что Николо сбирается вздуть его и разсказать о его плутняхъ виконту; чтобъ обезопасить себя, маркизъ повелъ другую тактику: онъ началъ убѣждать старика дать Николо образованіе, увѣряя, что онъ обладаетъ замѣчательными способностями и ведетъ безпорядочную жизнь отъ недостатка серьезныхъ занятій; виконтъ задумался и рѣшился, наконецъ, отправить воспитанника въ Парижскій университетъ съ маркизомъ, который ѣхалъ въ Парижъ, назначивъ въ годъ содержаніе, вмѣсто трехъ тысячъ франковъ, двѣнадцать. Николо, которому давно надоѣла жизнь въ виллѣ подъ отцовскимъ, хотя и слабымъ, надзоромъ, кинулся на шею маркизу, расцѣловалъ его, сказавъ, что ошибался, считая его подлецомъ, и полетѣлъ съ нимъ во Францію. Маркизъ, вмѣсто преподавателей и учителей для приготовленія

Digitized by Google

къ университетскому курсу, въ Парижѣ ввелъ своего молодаго кліента, тотчасъ по пріѣздѣ, въ кругъ молодыхъ авантюристовъ и женщинъ, живущихъ на чужой счетъ, которыми кишила королевская Франція. Матчи скоро освоился въ этомъ кругу; маркизъ, увѣривъ его, что онъ будетъ получать и больше содержанія, пробывъ съ мѣсяцъ въ Парижѣ, воротился въ Неаполь и насказалъ виконту, что его воспитанникъ изумляетъ учителей способностями и успѣхами. Виконтъ улыбнулся, подумывая про себя: «и не въ кого быть ему дуракомъ; шалунъ.... но это тоже у насъ родовое». Старшій воспитанникъ учился очень хорошо у іезуитовъ и, не пріѣзжая домой, жилъ безвыѣздно въ Боннѣ. Устранивъ врага своего, маркизъ принялся обдѣлывать дѣла свои: огромный капиталъ виконта, лежавшій въ лондонскомъ банкѣ, былъ вынутъ и пристроенъ въ частныя руки въ Неаполѣ. Эмигрантъ самъ не выѣзжалъ болѣе изъ виллы; прежній врачъ былъ удаленъ и вмѣсто его маркизъ отрекомендовалъ магнетизера итальянца. Люси также давалось меньше воли; она слушалась пожатія плечъ маркиза и удивляла отца своею кротостью и послушаніемъ. Старики-слуги, прибывшіе изъ Вандеи со старикомъ, были отпущены и замѣнены новыми, отрекомендованными маркизомъ; виконтъ сталъ хилѣть, и отосланный камердинеръ написалъ старшему Матчи въ Боннъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ отцу, который, того гляди, усыновитъ маркиза и передастъ ему все имѣніе; камердинеръ писалъ и къ Николо въ Парижъ, но письма къ послѣднему перехватывались и доставлялись маркизу. Николо Матчи другой годъ роскошничалъ въ Парижѣ, посѣщая, между прочимъ, демократическіе клубы, гдѣ брань аристократамъ была ему особенно по сердцу. Актрисы и гризетки были въ восторгѣ отъ него; нашумѣть, проѣхать верхомъ у экипажа, въ кавалькадѣ, осмѣять нахала аристократика никто такъ мастерски не могъ, какъ «le vicomte au naturel» (такъ Матчи былъ извѣстенъ между актрисами и entreténues *).

Николо нерѣдко переодѣвался туристомъ-англичаниномъ, монахомъ, обладая необыкновенною способностью мѣнять манеры, голосъ, походку, выговоръ; однажды, переодѣтый дамою, въ одномъ изъ безчисленныхъ республиканскихъ клубовъ, онъ разыгралъ роль польской княгини, сочувствующей республикѣ, такъ ловко, что члены клуба, гдѣ ораторствовалъ Матчи о своей дальней родинѣ,

*) Содержанками.

Digitized by Google

долго не хотѣли вѣрить, что это была шутка. Деньги отъ отца присылались довольно аккуратно; банкиръ виконта заплатилъ долгъ въ тысячу франковъ, сдѣланный Николо. Молодой человѣкъ торжествовалъ, не предвидя грозы, собиравшейся надъ отцовскою виллою и его собственною головою. Маркизъ изрѣдка писалъ ему, что все обстоитъ благополучно и даже обѣщалъ упросить старика усыновить Henri и Николо.

Между тѣмъ старшій братъ, получивъ письмо камердинера, собрался съѣздить въ Неаполь; ученый не столько заботился о себѣ, сколько о меньшемъ братѣ и сестрѣ, которыхъ любилъ; участь избалованной Люси, огненной по натурѣ своей, особенно безпокоила его; ему уже видѣлась мрачная будущность, пропасть, въ которую можетъ упасть дѣвочка, попавъ въ руки мошенниковъ. Кстати, онъ кончилъ свой курсъ и думалъ послушать лекціи въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Простившись съ своими наставниками, которымъ контора виконта аккуратно уплачивала условленную за ученье сумму, Henri выѣхалъ изъ Бонна и явился на виллѣ. Маркизъ не ожидалъ его пріѣзда; разсчитывая на любознательность и безпечность ученаго, погруженнаго въ свои книги, онъ думалъ, что онъ вовсе не вернется на родину. Henri нашелъ отца сильно измѣнившимся; старикъ опустился, впалъ въ дѣтство, похудѣлъ; правая рука и нога отнялись, и старика возили въ креслахъ по аллеямъ парка; Люси подросла, брала уроки у учителя одной изъ неаполитанскихъ школъ, посѣщавшаго три раза въ недѣлю виллу; дѣвочка едва узнала брата; о маркизѣ она отзывалась съ уваженіемъ и уже кокетничала передъ нимъ, понявъ, что старикъ—его игрушка. Henri оглядѣлся. Поселившись въ старомъ флигелѣ, гдѣ жилъ меньшой братъ уже съ другимъ гувернеромъ—итальянцемъ, Henri, черезъ маркиза, приглашаемъ былъ постоянно къ столу виконта; старикъ сначала прослезился, узнавъ сына, но потомъ едва удостоивалъ его отвѣта на тотъ или другой вопросъ; Henri замѣтилъ это, но молчалъ; наконецъ, онъ рѣшился приступить къ дѣлу, и приступилъ прямо, по-своему: явившись въ одно утро въ кабинетъ маркиза, онъ объявилъ ему, что если онъ не уберется въ двадцать четыре часа съ виллы, то онъ выживетъ его черезъ полицію; маркизъ отвѣчалъ сдержанно, что онъ подумаетъ и, вѣроятно, уѣдетъ, но не въ двадцать четыре часа, такъ какъ потребуется, по крайней мѣрѣ, недѣля для того, чтобы привести въ порядокъ находящіяся у него бумаги и при-

Digitized by Google

ходо-расходныя книги виконта. Henri ушелъ, и маркизъ принялся приводить въ порядокъ, вмѣсто приходо-расходныхъ книгъ, собственныя дѣла свои. Къ несчастію Henri, за мѣсяцъ до его пріѣзда, въ комнату старика-эмигранта, ночью, неожиданно ворвался калабрезецъ, братъ увезенной старымъ ловеласомъ дѣвушки; откуда взялся онъ—никто не зналъ; у входа виллы появились вмѣстѣ съ нимъ человѣкъ тридцать вооруженныхъ сорванцовъ; явившійся, заперевъ дверь, потребовалъ отъ эмигранта нѣсколько тысячъ лиръ за сестру; старикъ, лежавшій въ постелѣ, хотѣлъ позвонить, но приставленный къ груди пистолетъ заставилъ его замолчать и выдать вексель на требуемую сумму; бандитъ, положивъ вексель въ карманъ куртки и пожелавъ покойной ночи виконту, вышелъ, и ватага съ пѣснями отчалила, на разсвѣтѣ, отъ берега. Маркизъ далъ тотчасъ же знать объ этомъ въ Неаполь, но тамъ уже было не до того, чтобы преслѣдовать грабителей; король выѣхалъ изъ города, и шайки республиканцевъ, въ ожиданіи французовъ, грабили, во имя свободы, дома приверженцевъ его величества. Это происшествіе было теперь на руку маркизу: онъ, не задумываясь, объявилъ, подъ строжайшимъ секретомъ, старику, что онъ отравленъ, показавъ остатки выпитаго шеколада съ осадкомъ арсеника; ложка оставшагося завтрака была тотчасъ дана котенку, и тотъ издохъ: виконтъ, боявшійся смерти, блѣдный, принялся глотать противоядіе, а арестованный Henri отправленъ былъ, въ тотъ же день, въ тюрьму въ Неаполь; въ портфелѣ его маркизъ отыскалъ письмо изъ Франціи отъ одного изъ итальянскихъ эмигрантовъ, и молодой человѣкъ обвиненъ былъ предъ юнтою, начинавшею свои дѣйствія, въ измѣнѣ королю и отечеству. Черезъ два мѣсяца виконтъ умеръ, а маркизъ исчезъ; дѣвочку и мальчика выгналъ изъ виллы новый владѣлецъ-еврей, торговавшій винами. Henri сидѣлъ въ острогѣ. Мальчика и дѣвочку пріютила кормилица, къ которой пришли они полунагіе и голодные. Въ Неаполѣ всѣ, занятые предстоящимъ, разгорающимся день ото дня возстаніемъ, поговорили недолго объ этомъ случаѣ; всѣ обвиняли Henri. Маркизъ разсказывалъ, что виконтъ былъ вовсе не такъ богатъ и что въ послѣднее время нуждался въ самомъ необходимомъ; что онъ изъ своего кармана посылалъ въ Боннъ и Парижъ деньги сыновьямъ, и еслибы зналъ, гдѣ младшія дѣти, съ охотою пристроилъ бы ихъ, несмотря на свои скудныя средства. Затѣмъ маркизъ исчезъ изъ Неаполя, и о виконтѣ вспоминали одни, доживавшіе въ нищетѣ, чуть не подаяніемъ, свой вѣкъ, вандейцы, бывшіе слуги.

Digitized by Google

Николо, подлетѣвъ однажды утромъ, въ щегольскомъ фіакрѣ, къ дому своего парижскаго банкира, вбѣжалъ, насвистывая, на лѣстницу конторы, но сходилъ съ нея повѣся носъ и кусая ногти; ему объявили, что изъ Неаполя, изъ конторы отца, получено распоряженіе остановить выдачу денегъ по случаю кончины виконта. Молодой человѣкъ, подумавъ минуты двѣ, сѣлъ въ фіакръ и велѣлъ ѣхать къ одному изъ своихъ пріятелей-роялистовъ, жившихъ въ Парижѣ подъ чужимъ именемъ изъ боязни республиканцевъ; занявъ у него двѣ тысячи франковъ съ роспискою на банкира отца, Николо, въ тотъ же день, уѣхалъ въ Неаполь. Но тамъ если забытъ былъ виконтъ, то не забыто было имя Матчи: маркизъ постарался возвести предъ юнтою Николо Матчи въ степень опаснѣйшаго республиканца, а потому прямо съ таможни, гдѣ еще держались королевскіе чиновники подъ защитою гарнизона, Николо былъ взятъ и отправленъ въ заключеніе на одинъ изъ кораблей, такъ какъ въ тюрьмахъ не было мѣста: тысячъ до двадцати заподозрѣнныхъ уже содержалось въ Неаполѣ.

Возстаніе разгорѣлось со вступленіемъ французовъ; тюрьмы были разбиты поднявшимся народомъ, и Матчи Николо и Henri очутились на свободѣ; Henri, не зная гдѣ братья, пошатался по Неаполю и уѣхалъ во Францію искать себѣ куска хлѣба уроками или работою въ журналахъ, не переставая развѣдывать письмами, черезъ крестьянъ въ Исхіи и немногихъ знакомыхъ въ Неаполѣ, гдѣ находятся его братья и сестра; въ Парижѣ онъ сошелся съ Лагоцемъ и вмѣстѣ съ нимъ воротился въ Италію. Читатель съ нимъ еще встрѣтится не разъ на страницахъ разсказа.

Николо тоже не отыскалъ никого изъ своихъ; семья кормилицы, куда являлся онъ за свѣдѣніями, бѣжала куда-то вмѣстѣ съ другими крестьянами, испугавшимися французовъ; на отцовской виллѣ было кругомъ заперто... Николо, пѣшкомъ, отправился въ Калабрію и присталъ къ первой шайкѣ бандитовъ, прикрывавшихся знаменемъ политическихъ дѣятелей и поборниковъ свободы; нѣкоторыя изъ этихъ шаекъ дрались противъ французовъ, примыкая къ ополченіямъ, но большинство ихъ пробавлялось грабежомъ проѣзжихъ купцовъ, почты; съ мѣстными жителями сорванцы ладили и щадили ихъ. Отряды Прони, Микеле Пецца (прозваннаго Фра-діаволо) даже пользовались нѣкоторымъ уваженіемъ у простонародья; романы, оперы опоэтизировали нѣкоторыхъ изъ начальниковъ брави, какъ, напримѣръ,

Digitized by Google

Фра-діаволо; но предъ познакомившимся поближе съ ихъ похожденіями, большею частію отличавшимися невѣроятнымъ звѣрствомъ, ореолъ, созданный художниками, исчезаетъ; если и была у нѣкоторыхъ изъ нихъ доля мужества и великодушія, то она далеко не перевѣшиваетъ дикости и варварства, выглядывающихъ изъ-подъ живописнаго костюма и иногда лоска худо понятой цивилизаціи.

Николо Матчи, съ своею дерзостью и способностью, переодѣваясь жандармомъ, мужикомъ, бариномъ, водить за носъ королевскую полицію, скоро прославился между бродягами и сошелся съ Пецца; дядя, братъ матери, услыхавъ фамилію Матчи, отыскалъ его, и они зажили вмѣстѣ; удалый поступокъ дяди съ виконтомъ, разсказанный имъ племяннику въ первое же свиданіе, разсмѣшилъ Николо и сразу расположилъ его къ единственному родственнику по матери.

Маркизъ уѣхалъ въ Россію. Николо не зналъ ничего о немъ, гдѣ онъ, пока маркизъ не напомнилъ о себѣ тѣмъ, что Николо чуть было не схватили опять въ Неаполѣ въ одномъ картежномъ домѣ; заслышавъ, что англичане возвращаютъ короля, маркизъ изъ Венеціи явился въ Неаполь. Юнта работала, поддерживаемая кардиналомъ Руффо и англичанами, соединившимися во имя общей ненависти къ французамъ; король, опасаясь въѣзжать въ городъ, жилъ на англійскомъ кораблѣ; полиція работала надъ очисткою столицы отъ подозрительныхъ личностей; тридцать тысячъ было схвачено и засажено по тюрьмамъ, подваламъ и кораблямъ. Русскій адмиралъ Ушаковъ напрасно уговаривалъ англійскаго адмирала Нельсона дѣйствовать не круто; именемъ короля арестовали, судили, вѣшали, вооружая болѣе и болѣе народонаселеніе и «патріотовъ»; пользуясь ненавистью къ республиканцамъ, королевское правительство натравливало простонародье на противниковъ короля и подняло неслыханное кровопролитіе, нѣсколько сдержанное русскимъ отрядомъ, посланнымъ въ городъ Ушаковымъ. Вырвавшись изъ когтей маркиза, пожелавшаго, изъ понятной боязни, отдѣлаться, во что бы то ни стало, отъ неумолимаго врага,—Николо Матчи окружилъ своего бывшаго опекуна сѣтью своихъ агентовъ и нетерпѣливо выжидалъ, какъ тигръ, когда ему бросаютъ кролика, случая съ нимъ расправиться и узнать что-нибудь о сестрѣ и братьяхъ; онъ думалъ даже, что они давно отправлены на тотъ свѣтъ маркизомъ. Ожесточенный противъ аристократовъ и богачей, лично за себя, онъ стоялъ

Digitized by Google

на сторонѣ простонародья, считая его такимъ же обиженнымъ, какъ самъ, но сочувствовалъ французамъ, какъ разрушителямъ старыхъ порядковъ; знакомый по слухамъ съ умственнымъ направленіемъ республиканскихъ партій, онъ уважалъ въ немъ одно—это зовъ къ истребленію аристократовъ. Въ сочувствіи къ Франціи онъ расходился даже съ Пецца, съ народомъ, желавшимъ королей, и, конечно, съ Лагоцомъ, имя котораго дѣлалось болѣе и болѣе, съ каждымъ днемъ, народнымъ въ Италіи. Николо говорилъ, что онъ созданъ мстить аристократамъ, и будетъ мстить имъ съ кѣмъ угодно—съ народомъ, съ французами, съ англичанами, хоть съ самимъ чортомъ. Надломленный нравственно, онъ былъ разбитъ и тѣломъ; ночи, проведенныя за картами, виномъ, похожденія съ женщинами, драки, дуэли—взяли свое, наградивъ его злою, хотя медленною, чахоткою; нравственно онъ похожъ былъ на вѣтку шиповника, на которой обиты листья и цвѣты и остались однѣ колючки; все, что было въ немъ добраго, живаго, умерло, уступивъ мѣсто одной раздражительности и злости, ничѣмъ, и какъ будто намѣренно, не обуздываемой. Пецца выпускалъ его, какъ бульдога, заслышавъ о проѣздѣ знатнаго семейства; для Матчи эти случаи были праздниками: онъ придумывалъ каждый разъ новыя истязанія неповиннымъ жертвамъ, жарилъ на огнѣ дѣтей, женщинъ, безъ всякой причины, узнавъ, что они принадлежатъ къ знатной фамиліи; ужасы, какіе производилъ надъ этими несчастными Николо, заставили, наконецъ, самого, тоже не слишкомъ человѣколюбиваго, Фра-діаволо скрывать отъ своего товарища проѣзды знатныхъ путешественниковъ и высылать другихъ для поживы въ подобныхъ случаяхъ. Николо пьяный любилъ хвастнуть, что онъ уйдетъ къ французамъ, что у него много друзей между республиканцами и что онъ въ годъ навѣрное будетъ генераломъ, почему товарищи и Пецца прозвали его маршаломъ. «Что, mareschiallo, опять пьянъ?» спрашивалъ Пецца, едва державшагося на конѣ, каждый разъ послѣ какого-нибудь набѣга, Николо. Николо вздрагивалъ, хватался за стиллетъ, но товарищи хватали его обыкновенно за руки, и сцена оканчивалась новою попойкою, послѣ которой Матчи засыпалъ подъ столомъ, или на сѣновалѣ остеріи, гдѣ ночевала шайка. Въ Неаполѣ были у бандитовъ свои агенты, для развѣдыванія дѣйствій полиціи и юнты, казнившей то и дѣло, и нерѣдко невинныхъ, оклеветанныхъ какими-нибудь доносчиками, имѣвшими личные счеты съ заподо-

Digitized by Google

зрѣнными; бандиты являлись теперь часто въ видѣ защитниковъ невинности, отбивая у зазѣвавшейся стражи колодниковъ; народъ по деревнямъ и селамъ теперь, не столько изъ боязни, сколько изъ сочувствія къ нимъ, какъ къ своимъ защитникамъ, принималъ ихъ и укрывалъ отъ жандармовъ и другихъ преслѣдователей. Словомъ, въ южной Италіи шла сумятица; ею-то и думалъ воспользоваться, вѣроятно, маркизъ для обезпеченія себя отъ враговъ своихъ; явившись къ Руффо, благодаря браку съ русскою княжной, онъ былъ представленъ королю, адмиралу Нельсону, его любовницѣ, знаменитой Эммѣ Ліонэ, водившей за носъ адмирала; по несчастію, маркизъ задумалъ съѣздить въ Римъ за какими-то справками; его снабдили жандармами, каретою изъ придворныхъ сараевъ, но черезъ три станціи отъ Неаполя карета рухнула, а жандармы исчезли; они были, безъ церемоніи, задержаны на постояломъ, гдѣ пришлось имъ ночевать. Маркизъ, оглядѣвъ экипажъ, убѣдился, что рессоры подпилены, и струхнулъ; ѣхать назадъ въ Неаполь онъ считалъ болѣе опаснымъ; нанявъ на станціи другую карету и, чтобы замаскироваться, подобравъ спутника—монаха, ѣдущаго въ Римъ, онъ отправился далѣе, думая ускользнуть отъ разбойниковъ, между которыми, впрочемъ, никакъ не ожидалъ встрѣтить своего стараго знакомаго; бумаги поважнѣе и деньги онъ отправилъ съ почтою впередъ, а небольшую сумму, бывшую съ нимъ, думалъ отдать, буде нападутъ, безъ сопротивленія; ночью они не ѣхали, но грязь и плохія лошади заставили ихъ, на этотъ разъ, запоздать въ дорогѣ. Матчи въ первый разъ прозѣвалъ маркиза, проспавъ назначенный его помощниками часъ, пьяный, въ сосѣдней остеріи: но на этотъ разъ, какъ видѣлъ читатель, Николо былъ исправнѣе.

Образъ дѣйствій маркиза и самоуправство бандитовъ были не исключеніемъ въ страшные дни, переживаемые тогда Италіей; личные счеты, семейныя старыя ссоры, пользуясь неурядицей, не гнушались никакими мѣрами и средствами, для того чтобъ отмстить враждебной сторонѣ; доносы, клевета, удары изъ-за угла стиллетомъ—все было пускаемо въ ходъ, по свидѣтельству современнаго итальянскаго историка; рознь политическихъ убѣжденій поддавала жару людямъ, задумавшимъ сводить, въ это время, свои личные счеты; положеніе разоренной страны было страшно. Толпы поднявшагося простонародья, безъ одежды, безъ хлѣба, бродили изъ мѣста въ мѣсто, пробавляясь гдѣ подаяніемъ, гдѣ грабежомъ; личная месть, надѣвъ маску сторонни-

Digitized by Google

ка короля и порядка, злодѣйствовала, какъ мы сказали, путемъ доноса; клевета часто поневолѣ принималась за правду слѣдователями, заваленными работою, и тысячи стариковъ, женщинъ, дѣтей стонали въ тюрьмахъ, въ ожиданіи казни. Въ разоренныхъ семьяхъ простолюдинка-мать, иногда за кусокъ хлѣба, отдавала дочь-красавицу на поруганіе. Образованная молодежь, ненавидя кардинала Руффо, сдѣлавшагося викаріемъ короля въ Неаполѣ, и смѣло объявляя себя за французовъ, шла на плаху за республику. Русскіе, именно капитанъ Белле, войдя съ небольшимъ отрядомъ въ Неаполь, пытались водворить тишину, но англичане, Нельсонъ, стоявшій подъ Неаполемъ съ эскадрою, въ соединеніи съ королемъ и Руффо, дѣлали свое, продолжая преслѣдованія и увеличивая этимъ смуту. Это былъ тотъ самый Белле, о которомъ сказалъ императоръ Павелъ: «онъ меня хотѣлъ удивить, такъ и я его удивлю». Павелъ послалъ ему, состоявшему въ чинѣ капитана, аннинскую ленту.

— А не грѣхъ сдѣлать глотокъ, другой, говорилъ Матчи, потянувъ изъ фляжки, висѣвшей у него на ремнѣ.—Звѣрь красный... А, Микеле? Охота хоть куда, острилъ онъ, завертывая пробку фляги и расхохотавшись своимъ наглымъ смѣхомъ.

Стало свѣтать. Маркизъ качался на лошади, со связанными крѣпко назади локтями; ватага ѣхала то шагомъ, то рысью; лошади вязли иногда въ болотистой почвѣ. Проѣхавъ съ часъ болотами и кустарникомъ, кавалькада остановилась на дорогѣ у стоящей одиноко каменной остеріи. Пецца свистнулъ: изъ дверей остеріи вышли двое: одинъ—лѣтъ сорока, съ всклокоченною черною бородою, заспанный; другой—рыжеватый парень лѣтъ двадцати, тонкій и неимовѣрно длинный. Пецца соскочилъ съ лошади, отдалъ поводья длинному, распахнулъ плащъ и принялся разсматривать маркиза; на рябомъ, какъ вафельная доска, лицѣ его показалась нахальная улыбка; хлопнувъ по плечу, тоже спрыгнувшаго съ коня, Николо, онъ проговорилъ: «ну, поздравляю, amico... Это правда, что праздникъ тебѣ. Тебя учить нечего, но я совѣтую все-таки не торопиться и придумать угощеніе, какъ можно повкуснѣе, высокому посѣтителю». Сказавъ это, онъ прищурилъ сѣрые глаза свои, посмотрѣлъ еще разъ на истомленную, жалкую фигуру плѣнника и ушелъ въ двери остеріи. Маркизъ, конечно, и безъ этихъ словъ очень хорошо зналъ, въ какія руки попался. Одинъ изъ бандитовъ помогъ сойти плѣннику съ лошади и, обратясь къ Николо, спросилъ: «ну, mareschiallo, куда его»?

Digitized by Google

— Вотъ, дядѣ отдай... Дядя, отведи ему квартиру, отвѣчалъ Матчи, отдавая лошадь чернобородому.—А вы похорошѣли, маркизъ, прибавилъ онъ, приподнявъ за подбородокъ обнаженную голову плѣннаго, и ушелъ въ остерію.

Рыжебородый, широкоплечій бандитъ пригласилъ маркиза слѣдовать за нимъ, отворилъ ворота и повелъ на дворъ; остальные бродяги, сбросивъ вьюки съ сѣделъ на крыльцо остеріи, поѣхали куда-то дальше. Рыжебородый, между тѣмъ, введя маркиза на темный, крытый дворъ, отворилъ желѣзную дверь, заскрипѣвшую на ржавыхъ петляхъ, взялъ плѣнника за плечи и толкнулъ его. Маркизъ полетѣлъ съ каменной лѣстницы и грянулся на песокъ, не имѣя возможности помочь себѣ связанными руками. Дверь затворилась съ прежнимъ скрипомъ; плѣнникъ оглядѣлся, перевернувшись кое-какъ на спину; узкій лучъ свѣта, падавшій сверху изъ небольшаго окна съ рѣшеткою, помогъ разглядѣть ему, что онъ лежитъ въ сыромъ подвалѣ. Маркизъ зарыдалъ, поднялся на ноги, но тотчасъ опять упалъ на влажный песокъ, замѣнявшій полъ подвалу.

Рыжебородый воротился въ остерію; хозяинъ (чернобородый, вышедшій на встрѣчу пріѣхавшимъ) разводилъ огонь въ очагѣ; Пецца разбиралъ пачку писемъ, вынутыхъ изъ чемодана маркиза; Матчи лежалъ на кровати, противъ очага, и поминутно кашлялъ.

— Что, прибралъ? спросилъ онъ, улыбнувшись, увидя рыжебородаго.

— Прибралъ... Куда бы спрятать ключъ? отвѣчалъ рыжій.

— Давай сюда... я къ сердцу привѣшу, говорилъ Матчи Онъ взялъ ключъ и привязалъ его къ кушаку ремешкомъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ.—А надо допросить, гдѣ Люси, этотъ дьяволенокъ, и Джованни? Henri съ монахами, надо быть... Онъ былъ книгоѣдъ, ученый. Знаешь, кого бы я еще желалъ теперь имѣть у себя въ лапахъ, дядя? — Отца-покойника, виконта, говорилъ Николо, повертываясь на кровати.—Впрочемъ, ты его потѣшилъ передъ кончиною. Я не могу безъ смѣха вспомнить твоего разсказа... Вотъ, я думаю, выпучилъ глаза monsieur vicomte... Ай дядя! Какъ это пришло тебѣ въ голову?

Рыжебородый потупилъ глаза и скромно произнесъ, разставивъ руки:

— Такъ и пришло. Стало-быть осѣнило свыше.

Матчи расхохотался; дядя былъ острякъ и гордился этимъ.

Digitized by Google

Погрѣвъ у огня руки, онъ попросилъ хозяина нацѣдить ему стаканчикъ аквавитки и принялся набивать изъ кожанаго, засаленнаго кисета коротенькую деревянную трубочку.

— И получилъ сполна по векселю? продолжалъ Матчи.

— Еще бы не получить, отвѣчалъ дядя, раскуривая трубку у очага.

— Я бы, на мѣстѣ маркиза, изловилъ васъ, замѣтилъ Пецца, продолжая рыться въ чемоданахъ.—Стоило дать знать банкиру, тотъ бы арестовалъ того, кому вы продали вексель, и дѣло въ шляпѣ; а вы болтались бы на висѣлицѣ.

— А маркизъ давно бы гнилъ гдѣ-нибудь на кладбищѣ, перебилъ дядя, швырнувъ уголь съ трубки въ очагъ.—Мы вѣдь тогда оставили ему письмо, гдѣ убѣдительнѣйшимъ образомъ просили не безпокоить себя преслѣдованіемъ насъ, иначе...

— Это—другое дѣло, замѣтилъ Пецца.

— А то какъ же? проговорилъ рыжій, принимая отъ хозяина стаканъ съ водкою.—Я думаю, всякому пріятнѣе сидѣть вотъ за такимъ стаканчикомъ у огонька, чѣмъ мотаться на перекладинѣ, на утѣшеніе жандармовъ и муниципальной сволочи.

Матчи дремалъ. Пецца потѣлъ, потирая себѣ лобъ, надъ какимъ-то письмомъ, отысканнымъ въ чемоданѣ маркиза. Рыжій, потягивая аквавитку, завелъ разговоръ съ хозяиномъ, мрачнымъ, неговорливымъ человѣкомъ, судя по короткимъ отвѣтамъ на вопросы, предлагаемые собесѣдникомъ. Ружья и сабли сорванцовъ были куда-то спрятаны; на каменномъ полу грязной остеріи валялись тюки, вѣроятно награбленнаго, имущества; около стѣнъ лежали бочки; бродяги, въ своихъ намокшихъ сапогахъ и крестьянскихъ плисовыхъ курткахъ, скорѣе походили на зажиточныхъ торговцевъ скотомъ, какихъ и доселѣ встрѣчаешь въ Калабріи и около Рима, чѣмъ на грабителей.

— А пріятная погодка, проговорилъ Матчи, приподнявшись съ подушки и поглядѣвъ въ окошко, въ тусклыя стекла котораго барабанилъ дождикъ.—Неужто мы поѣдемъ, Микеле?

— Поѣдемъ... Нужно поразузнать мнѣ кое-что, отвѣчалъ Пецца, продолжая разглядывать рукопись. — Но... не разберешь ли ты? прибавилъ онъ, швырнувъ письмо съ пакетомъ на постель Матчи.—Святый Игнатій, со всѣмъ своимъ ученымъ орденомъ, запутался бы, какъ въ тенетахъ, въ этихъ каракуляхъ... Такой поганый, и навѣрно бабій, почеркъ.

Digitized by Google

Николо развернулъ письмо и, прочитавъ нѣсколько строкъ, захохоталъ, повернувшись такъ, что кровать заскрипѣла.

— Не, fratelli, началъ онъ, синьоръ marchese нашъ женатъ. И это пишетъ, надо-быть, signora madre его супруги. «Мы ждемъ васъ; маркиза не знаетъ, что и думать о вашемъ долговременномъ отсутствіи». Ге, ге... Вонъ оно. «Пишите». А адресъ?... Адресъ гдѣ же? Это досадно! Подписано: «Venetia». Не сказано кому... Да какъ, кому? разсуждалъ чтецъ, перелистывая письмо. «Madame la marquise di Salma. Venetia».. Ге, ге... Микеле, вотъ, братъ, штука. Завожу переписку съ маркизою и приставляю рога маркизу. А, Микеле? Какъ ты думаешь, полюбитъ, если я, на первый разъ, пошлю ей свой портретъ въ миніатюрѣ—а? Не безобразенъ я ужь черезчуръ—а? Похожъ на селадона,—какъ по-твоему?

— На почтовую клячу больше, чѣмъ на селадона, по-моему, отвѣчалъ Пецца, подойдя къ очагу и выколачивая трубку.

Матчи принялся дочитывать письмо:

— «Наши войска отступаютъ въ Швейцарію». Какія? Русскія, стало-быть, войска? обратился къ Пецца чтецъ.

— Какъ такъ въ Швейцарію? переспросилъ Пецца, обернувшись къ чтецу.

— Ну, что-жь такое? Да... Вотъ: «en Suisse», пишетъ почтенная матрона.

— Это скверно, сотро di Вассо, замѣтилъ, нахмурясь и закуривая трубку, Пецца.—Это подлѣйшее извѣстіе, прибавилъ онъ, уставясь въ окно.

— Прекрасное извѣстіе... Съ австрійцами скорѣй управятся французы, чѣмъ съ этими медвѣдями, которые лѣзутъ прямо на пули, сдуру, и берутъ все-таки крѣпости. А бараны, народъ нашъ, имъ ревутъ: «liberatori», началъ Матчи, вскочивъ съ постели и закинувъ назадъ свои рѣдкіе бѣлокурые волосы.—Французы.... Французы все-таки бьютъ аристократію, продолжалъ онъ, запустивъ руки за кушакъ и расхаживая по кабаку.—Они прогнали короля... Ты убѣдишься самъ, что всѣ эти ополченія, арматы святой вѣры—гиль....

Хозяинъ мрачно посмотрѣлъ на Матчи и улыбнулся; Пецца продолжалъ стоять противъ окна; рыжебородый попросилъ еще стаканчикъ аквавитки, допивъ послѣдній глотокъ уже поданнаго и сплюнувъ въ сторону.

Digitized by Google

— Я не знаю, почему ты противъ французовъ, Пецца, противъ свободы, противъ разума, ораторствовалъ Николо, любившій щегольнуть своею образованностью.—Я самъ не охотникъ до нихъ, но я уважаю ихъ какъ орудіе, какъ средство возстановить республику въ Италіи. Вотъ мы увидимъ, что сдѣлаетъ этотъ вождь оборванцовъ, Лагоцъ.

Грязная остерія скоро превратилась изъ разбойничьяго притона въ обыкновенный заѣзжій дворъ съ кабакомъ; толпы мужиковъ, прохожихъ и проѣзжающихъ входили и выходили въ отворенныя двери; дождь пересталъ; у крыльца стояли повозки, лошади, навьюченные зеленью, мѣшками ослы. Народъ толковалъ, собравшись кучками, на площадкѣ передъ остеріею. Двое, судя по костюму, купцовъ бранились съ ветуриномъ, насажавшимъ въ ветуру, вмѣсто четырехъ, чуть не дюжину пассажировъ; ветуринъ защищался, задавая корму лошадямъ, и увѣрялъ, что добавочные пассажиры изъ одного съ нимъ города и даже состоятъ съ нимъ въ свойствѣ, какъ будто купцамъ въ ветурѣ могло сдѣлаться отъ этого просторнѣе; чернобородый, молчаливый хозяинъ едва успѣвалъ, при помощи рыжаго, длиннаго работника, разносить фляжки мѣстнаго (nostrale) кислаго вина и рѣзать кусочки лошадинаго сыра, все прибывавшимъ, посѣтителямъ. Матчи улегся опять, какъ дома, на кровать и скоро захрапѣлъ; Пецца ушелъ въ чуланъ и улегся тамъ; рыжебородый, сидя у очага и потягивая водку, дружелюбно разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ посѣтителей; проѣзжіе толковали, большею частію, о ярмаркѣ, куда пробирались они—кто за покупками, а кто съ намѣреніемъ сбыть куль овса, мѣру каштановъ, французскій солдатскій мундиръ, ружье и саблю, гдѣ-то и какъ-то пріобрѣтенные; другіе ѣхали и шли просто послушать новостей, стекающихся, какъ извѣстно, со всѣхъ концовъ на сельскій рынокъ, и проиграть полсотенки байоковъ въ лоттерею съ соблазнительною афишею: «пятьдесятъ лиръ за полбайока». Въ числѣ путешественниковъ были и путешественницы, большею частію беззубыя старухи, съ узлами тряпья, связками чулокъ, синихъ фуфаекъ и корзинами какихъ-то травъ, плодовъ и овощей. Нѣсколько зажиточныхъ крестьянъ, продавцовъ овса и ячменя, усѣвшись у крыльца за столикомъ, толковали о предстоявшихъ барышахъ, потягивая вино и покуривая трубочки.

— А правда ли, что патрона смѣнили въ Неаполѣ, fra? спро-

Digitized by Google

силъ одинъ изъ зажиточныхъ, обращаясь къ монаху, стоявшему опершись на палку, не подалеку отъ стола.

— Правда, отвѣчалъ, зѣвая, монахъ.

— Какого патрона? спросилъ одинъ изъ крестьянъ, остановившись на крыльцѣ и дожевывая кусокъ сыра.

— Какого?... Сенъ-Дженаро. Выбрали, вѣдь никакъ, святаго Антонія? Такъ, padre? отозвался зажиточный.

Монахъ утвердительно кивнулъ головой и опять зѣвнулъ во весь ротъ.

— Сенъ-Дженаро, заговорила сердито старуха, сидѣвшая на крыльцѣ и перевязывавшая свой узелъ;—Сенъ-Дженаро надо было давно смѣнить. Зачѣмъ онъ пустилъ въ Неаполь французовъ?.. Ну, зачѣмъ? Смѣнили... По дѣломъ ему, говорила старуха, хлопнувъ костлявою рукою, для чего-то, по узлу и поправивъ, чуть не слетѣвшую при этомъ, головную косынку.— Попробуй-ка они придти при святомъ Антоніи....

— А что-жь? И при Антоніи придутъ, замѣтилъ, доѣдавшій сыръ, крестьянинъ.

— Нѣтъ не придутъ при этомъ, при святомъ Антоніи, сердито продолжала почитательница новаго патрона.—Этотъ шутить не любитъ. Это не Сенъ-Дженаро. Этотъ ихъ такъ шугнетъ, что полетятъ штиблеты съ французской погани. Я знаю хорошо святаго Антонія. Онъ вѣдь у насъ въ деревнѣ.... нашъ патронъ. Мы его знаемъ, святаго-то Антонія.

Крестьянинъ не возражалъ и ушелъ къ своему ослику; старуха, кряхтя и охая, взвалила узелъ за спину и потащилась по грязной дорогѣ, продолжая бормотать: «нѣтъ, этотъ... Это не Сенъ-Дженаро... У этого запляшутъ окаянные... Святый Антоній имъ не спуститъ... Этого будутъ помнить... Кто другой, а мы вѣдь не сегодня родились, знаемъ святаго-то Антонія...»

Патронъ города былъ дѣйствительно замѣненъ, по желанію народа, святымъ Антоніемъ; духовенство, экспатрировавъ святаго Яннуарія, провозгласило Антонія покровителемъ Неаполя.

Часу въ девятомъ остерія опустѣла; Матчи съ рыжебородымъ ходили въ подвалъ къ маркизу; что происходило тамъ—не извѣстно; до проходившаго мимо хозяина, сквозь немного притворенную дверь, донесся раза два звукъ, похожій на производимый здоровою пощечиной, и вслѣдъ за нимъ слабый стонъ. Хозяинъ мало обратилъ на это вниманія и продолжалъ отмѣ-

Digitized by Google

ривать овесъ для лошадей удалыхъ своихъ постояльцевъ; онъ даже улыбнулся, когда Матчи съ дядею вышли, наконецъ, изъ подвала, и, обернувшись къ нимъ, произнесъ, разставивъ руки: «а плюхи двѣ, corpo di Вассо, были здоровыя». Рыжебородый разсмѣялся и, отнеся въ подвалъ сыръ, хлѣба и фляжку вина и хлопнувъ по плечу, сидѣвшаго около ясель, племянника, проговорилъ: «да полно горевать... Найдутся. А и не найдутся, что-жь дѣлать? Всѣ умремъ. Пойдемъ-ка лучше выпьемъ». Николо вскочилъ и, опершись на дядю, вздохнулъ и сказалъ: «жаль дьяволенка мнѣ; дѣвчонка пропадетъ. Огонь, бѣдовая, а умная». Черезъ полчаса Матчи былъ пьянъ, какъ стелька, и храпѣлъ на сѣновалѣ постоялаго двора.

Около полудня Пецца сидѣлъ на вороном, косматомъ конѣ; Матчи, выспавшись и подкрѣпившись стаканомъ аквавитки, влѣзъ на свою рыжую, сухопарую лошадь и выѣхалъ вслѣдъ за Микеле на дорогу; рыжебородый стоялъ съ трубочкою на крыльцѣ и, посматривая на отъѣзжающихъ, объяснялъ хозяину остеріи происхожденіе и свойства сухопараго коня племянника:

— Мать заплачена была не дешево. Онъ, съ виду, вишь какой одеръ, а скачетъ — не догонитъ пуля, говорилъ рыжебородый, прижимая загорѣлымъ большимъ пальцемъ пепелъ въ своей деревянной носогрѣйкѣ.—Лошадь—огонь; чортъ, а не лошадь, продолжалъ онъ, поглядывая на удаляющихся рысью всадниковъ.

— А припадаетъ все-таки, гляди, на правую ногу, замѣтилъ хозяинъ, уходя въ дверь кабака.

— Ни-ни... Нисколько не припадаетъ, возразилъ рыжій, не замѣчая, что слушатель давно ушелъ.—Я дамъ себя повѣсить, если эта лошадь припадаетъ на ногу,—прибавилъ онъ и, увидя, что хозяина нѣтъ, поплелся, нѣсколько пошатываясь, въ остерію.

Погода разгулялась; день былъ однако сѣрый; по небу бродили облака; солнце, изрѣдка и не надолго выглянувъ изъ-за нихъ, снова скрывалось, будто играя въ прятки съ землею. Верстахъ въ пяти отъ остеріи, въ стоявшую одиноко на горѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ небольшой деревни, церковь возвращалась процессія: женщины и дѣвушки, въ бѣлыхъ расшитыхъ платкахъ на головѣ и кружевныхъ фартукахъ, несли иконы; два патера,—одинъ толстый и краснолицый старикъ, другой высокій, молодой, съ потупленными долу очами,—шли въ облаченіи передъ процессіей; два мальчика въ красныхъ

Digitized by Google

стихаряхъ, показывая другъ другу языки, несли шандалы съ потухшими свѣчами; сзади валила громадная пестрая толпа крестьянъ, крестьянокъ и оборванныхъ мальчишекъ; нѣсколько богомольцевъ и богомолокъ стояло на колѣнахъ подлѣ дороги; по лугу, около деревни, были раскинуты шатры, украшенные зеленью и флагами, и стояли подвижные, на двухъ колесахъ, магазины съ платками, лентами, войлочными шляпами, сапогами, ожерельями изъ бусъ, шитыми серебромъ корсетами, какіе носятъ доселѣ, сверху платья, крестьянскія дѣвушки въ Италіи; низенькій, плѣшивый, совершенно круглый лекарь-шарлатанъ разставлялъ въ своей подвижной аптекѣ баночки и стклянки съ притираньями, дающими необычайную свѣжесть лицу, и элексирами отъ ревматизма и другихъ немочей, «удручающихъ», какъ гласила безграмотнѣйшая афиша, «человѣка на пути земнаго его странствія»; на каменномъ, высокомъ крыльцѣ одного изъ домовъ моталось громадное полотно съ надписью: «лоттерея»; кучки старухъ, толпившихся около крыльца, протягивая костлявыя руки съ мѣдными монетами, обращались съ криками: «biletti» къ пожилому господину въ парикѣ и свѣтло-зеленомъ фракѣ, суетившемуся около колеса и ящика; дѣвочка, лѣтъ шести, одѣтая въ измятое, засаленное кисейное платьице, предназначенная, вѣроятно, для выниманія счастливыхъ и несчастливыхъ жребіевъ, сидѣла на плетеномъ стулѣ подлѣ кассы, доѣдая черствый ломоть хлѣба съ сыромъ и созерцая толпу своими черными глазами; у домовъ и около палатокъ толпились верховыя лошади, ослы, каретинки и просторныя ветуры пріѣзжихъ гостей; процессія исчезла въ широкихъ дверяхъ церкви; толпа надѣла шляпы и, раздѣлясь на кучки, побрела къ ярмаркѣ.

Пецца и Матчи шагомъ подъѣзжали къ палаткамъ. Микеле раскланивался, отвѣчая на поклоны нѣкоторыхъ изъ крестьянъ и торговцевъ; двоихъ изъ хозяевъ шатровъ даже спросилъ онъ: «come sta?» На что послѣдовалъ отвѣтъ: «ma come?! Такъ себѣ... Ни худо, ни хорошо; такъ, понемногу, синьоръ Микеле». Спрошенные боялись, какъ видно, отвѣтить прямо, что дѣла хороши, изъ уваженія къ ремеслу, внимательнаго къ нимъ, знакомца. «Ecco i bravi», шептали попадавшіяся дѣвушки, поглядывая искоса на бандитовъ, важно, молодецки подбочась, пробирающихся шажкомъ черезъ толпу на своихъ взмыленныхъ, храпящихъ коняхъ.

— Это не брави; это скупщики быковъ, возражала какая-нибудь изъ подругъ.

Digitized by Google

— Ну, нѣтъ, не скупщики.... Гляди—серебряные пистолеты... Нѣтъ, ужь не скупщики.... спорили дѣвушки, не совсѣмъ хладнокровные къ удальцамъ, о вѣжливости и отважныхъ подвигахъ которыхъ такъ много имъ разсказывали и разсказываютъ матери и бабушки.—У скупщиковъ нѣтъ такихъ красивыхъ кушаковъ, а fazzoletta *) вонъ на молодомъ.... Такой красивой fazzoletta не надѣнетъ скупщикъ..

— Это брави, щебетала одна изъ крестьянокъ, ударивъ букетомъ по плечу, идущую съ ней рядомъ, подругу.—И молодой какой!... добавила она; и, вѣрно, въ юномъ воображеніи потомъ возстала цѣлая картина живописныхъ похожденій удальца, нисколько не похожихъ, разумѣется, на грустное прошедшее истасканнаго, полупьянаго Николо Матчи.

Соскочивъ съ сѣделъ и отдавъ лошадей подбѣжавшему мальчишкѣ, Пецца усѣлся съ своимъ спутникомъ за отдѣльный накрытый столикъ, подлѣ каменной одно-этажной тратторіи, набитой биткомъ горланившимъ народомъ; camerieri подбѣгали къ столикамъ, разставленнымъ на дворѣ, сновали на крыльцо и съ крыльца съ дымящимися порціями макаронъ, говядины con patate, testa di mongana и другими обычными въ сельскихъ итальянскихъ гостиницахъ яствами; хозяинъ тратторіи, высокій, толстый человѣкъ въ какомъ-то сизомъ полуфракѣ, снявъ феску и погладивъ потную лысину, расшаркался съ Микеле, какъ съ знакомымъ, величая его черезъ слово «signore cavaliero». Пецца держалъ себя съ достоинствомъ, раскланиваясь съ отвѣшивающими ему поклонами прохожими, какъ раскланивается богачъ-помѣщикъ съ поселянами-сосѣдями.—«Ну, что, вымѣнялъ лошадь, amico? Сошлись съ Баттистомъ. Ге»? удостоивалъ онъ вопросомъ нѣкоторыхъ. Крестьянинъ отвѣчалъ; Микеле обращался къ другому, не дослушавъ отвѣта перваго; Матчи, потягивая вино, читалъ засаленный листокъ «Coriere di Napoli». «Микеле Пецца».... шептали незнакомые, проходя мимо стола и косясь на знаменитаго бандита. Безчисленные разсказы, съ преувеличеніями и искаженіями, о его подвигахъ уже начинали ходить по всей Италіи; жители мелкихъ мѣстечекъ и деревень, слушая былины о томъ, какъ жегъ одного синьора на огнѣ, битыхъ два часа, Фра-діаволо, побаивались не на шутку славнаго разбойника, плохо надѣясь на защиту

*) Платокъ.

Digitized by Google

мѣстныхъ властей, безсильныхъ при всеобщей неурядицѣ. Пецца зналъ это и съ нахальною важностью посматривалъ на толпу, покуривая caporale изъ своей короткой трубочки; въ толпѣ было нѣсколько переодѣтыхъ изъ его шайки; продавая ружье, платокъ, лишнюю лошадь, бандиты разузнавали, нѣтъ ли жандармовъ въ окрестностяхъ, не ѣдетъ ли зажиточный торгашъ съ мѣшкомъ, туго набитымъ старыми червонцами. Вышедшій съ гостями, послѣ сытнаго завтрака, изъ своего дома толстый патеръ тоже приподнялъ легонько шляпу, проходя мимо стола, гдѣ сидѣлъ Пецца. «Храбрый народъ и... и, какъ хотите, amatori dell'Italia», произнесъ довольно громко святой отецъ, ощупывая мѣшокъ съ нынѣшнимъ сборомъ, лежавшій у него за пазухой.

— Здравствуй, Микеле, проговорилъ высокій, мрачный человѣкъ съ палашомъ у бедра и съ бѣлымъ полотнянымъ крестомъ на шляпѣ.

— Э... Ты откуда? спросилъ Пецца, протянувъ ему руку.

— Я?... Изъ Анконы, отвѣчалъ мрачный.

Читатель видѣлъ его мелькомъ у Лагоца.

— Ну, что тамъ?

— Скверно, отвѣчалъ мрачный, сѣвъ на порожній стулъ.

— Гдѣ Лагоцъ? спросилъ Пецца.

— Онъ тамъ... Его чуть не взяли въ плѣнъ французы.. Раненъ.

— Жаль, произнесъ Матчи, вскинувъ голову и отшвырнувъ газету.

— Что «жаль»? спросилъ знакомый Пецца.

— Жаль, что не взяли... Это фантазёръ, полоумный... Чего онъ хочетъ? Что онъ сдѣлаетъ съ этими баранами, отвѣчалъ Матчи, указавъ головою на толпу.

Мрачный смѣрялъ своими впалыми глазами съ ногъ до головы Николо и молча началъ набивать изъ кисета свою маленькую трубочку. Пецца сложилъ на груди руки и проворчалъ: «предатели найдутся; французы хорошо заплатятъ за его голову». Мрачный закурилъ трубку и отвернулся въ сторону. Матчи болталъ на ту же тему. Пецца, посмотрѣвъ на пистолетъ, выглядывавшій изъ-за кушака, посовѣтовалъ ему быть осторожнѣе и помолчать. Николо всталъ и, надѣвъ шляпу, вмѣшался въ толпу; онъ зналъ, что Пецца не задумается влѣпить ему пулю въ лобъ или распороть грудь турецкимъ, неразлучнымъ съ

Digitized by Google

нимъ, кинжаломъ. Мрачный, нагнувшись къ Пецца, спросилъ, кивая на Николо: «кто это»?

— Это одинъ пріятель мой, знакомый..... помѣшанный на Франціи, отвѣчалъ Пецца.—А ты куда отсюда?

— Не знаю, отвѣчалъ мрачный и опять сердито отвернулся въ сторону.

— Неужто свои продали? спросилъ послѣ короткой паузы Микеле.

— Свои.... По намъ стрѣляли... отвѣчалъ мрачный, вставъ со стула.—Ну, однако, прибавилъ онъ, протянувъ руку Пецца.

— Куда же ты?

— Нужно... Пора въ дорогу... Меня ждетъ не подалеку тутъ попутчикъ, отвѣчалъ мрачный.

Пецца хотѣлось разузнать многое отъ встрѣтившагося знакомца, но тотъ отдѣлывался такими двусмысленными отвѣтами, что трудно было изъ нихъ понять что-либо. Пецца дрался раза два-три съ калабрезцами противъ французовъ и съ тѣхъ поръ считалъ себя однимъ изъ важныхъ борцовъ за свободу родины и глубокомысленнымъ политикомъ. Поглядывая на бѣлый крестъ на шляпѣ пріятеля, обозначавшій принадлежность его къ священной рати кардинала Руффо, заподозрѣнной въ сочувствіи дворянству, онъ, наконецъ, спросилъ:

— Однакожь, какъ ты не боишься носить явно этотъ знакъ? Народъ не очень жалуетъ васъ, поборниковъ дворянскихъ привилегій.

— Я сниму этотъ знакъ и отдамъ въ руки самому кардиналу, сердито отвѣчалъ мрачный.—Онъ обманулъ насъ всѣхъ... Armata собралась, не зная вовсе, что онъ стоитъ за nobili... Кардиналъ—хамелеонъ, а я не мѣняю цвѣта ни лѣтомъ, ни зимою... Я трусомъ не бывалъ, и если я разъ надѣлъ его, то и буду носить, закончилъ онъ, взявъ подъ мышку палашъ.—Addio.

Сказавъ это, мрачный исчезъ въ толпѣ. Пецца допилъ стаканъ и, закуривъ новую трубку, продолжалъ разсматривать толпу; подлѣ лоттереи какая-то старуха рвала на мелкіе куски билетъ съ криками:

— Подлецы, предатели! Я бы ихъ перевѣшала на мѣстѣ короля... Это—обманъ, мошенничество, а не лоттерея.

Обступившая старуху толпа хохотала; господинъ во фракѣ, продолжавшій стоять у кассы, обращаясь къ толпѣ съ крыльца, говорилъ:

Digitized by Google

— Вы видѣли, signori, что обмана нѣтъ... Вотъ человѣкъ предъ вами, выигравшій двѣсти скуди, говорилъ онъ, указывая на здоровеннаго мужика въ бѣлой рубахѣ, почтительно раскланивавшагося съ крыльца, для чего-то, съ публикою.

Влѣво отъ лоттереи, подлѣ театра маріонетокъ, стояла плотная кучка крестьянъ и женщинъ, потѣшаясь сценою, изображавшею битву калабрезца съ французомъ; калабрезецъ дулъ, разумѣется, республиканца нещадно палкою, причемъ высокій киверъ, къ удовольствію толпы, то и дѣло слеталъ съ каррикатурной головы француза; мѣстами въ толпѣ, люди, вѣроятно болѣе склонные къ глубокомыслію, судили о политикѣ:

— Нѣтъ, еслибы не воротили отъ Рима калабрезцовъ, дѣло бы пошло лучше; они дрались какъ львы, хоть бы на фортѣ Vigliena въ Неаполѣ, signori, говорилъ хозяинъ трактира, вытирая потъ съ своего круглаго лица и поглядывая на кучку подпившихъ калабрійцевъ, стоявшую не подалеку, въ коричневыхъ курткахъ своихъ, съ трубками.

— И калабрезцы ничего не сдѣлаютъ, когда... возразилъ длинный и сухой, какъ палка, сердитый старикъ, въ длинномъ суконномъ сюртукѣ и въ соломенной, потемнѣвшей отъ времени и дождей, шляпѣ.

— Что же, «когда»? спрашивалъ, пріосанясь, трактирщикъ.

— А тоже... Нельзя здѣсь говорить, а..., отвѣчалъ длинный, нюхая табакъ.

— Почему же нельзя? допрашивалъ хозяинъ тратторіи, кидая успокоивающіе взгляды на окружающую спорившихъ толпу, какъ бы желая выразить: «здѣсь, кажется, все честные люди».— Почему же?

— А потому, что... Вотъ почему, отвѣчалъ осмотрительный худощавый и, положивъ табакерку въ карманъ, неожиданно повернулся и зашагалъ по направленію къ маріонеткамъ.

— Вотъ странный человѣкъ, замѣтилъ, разставивъ руки, содержатель тратторіи.—Нужно же объяснить... Нельзя—и баста... Престранный человѣкъ... Вотъ вы и спорьте съ такимъ удивительнымъ человѣкомъ, опять обратился онъ къ окружающей толпѣ, подвинувшейся-было ближе, чтобъ яснѣе слышать рѣчь политиковъ.

— Un poeto! крикнулъ кто-то вдали.

— Poeto, poeto! подхватили въ толпѣ... Импровизаторъ

— Poeto... А..., проговорилъ Пецца.—Хозяинъ, получи...

Digitized by Google

Послушаемъ, что за poeto, окончилъ онъ съ ироническою усмѣшкою.

Швырнувъ, подскочившему съ поклонами, хозяину червонецъ. Микеле всталъ, обдернулъ свою куртку и неторопливо пошелъ за толпою, валившею съ словами: «improvisatore... Пусть споетъ... Послушаемъ... Гдѣ, гдѣ онъ»?—Толпа робко раздвинулась, увидя шагающаго важно, съ своею трубкой, Пецца. «Не безпокойтесь», обращался къ приподымавшимъ шляпы Пецца, выбираясь однако напередъ, гдѣ на опрокинутомъ чанѣ сидѣлъ широкоплечій человѣкъ въ рубахѣ и, оглядывая публику, строилъ гитару. «На стулъ... Не видно... Дайте ему стулъ»! кричала толпа. Кто-то притащилъ стулъ; поэтъ, уставивъ его на импровизованной сценѣ, сѣлъ и послѣ прелюдіи- запѣлъ баритономъ, акомпанируя себѣ гитарою... Толпа подвинулась поближе къ чану. Поэтъ усилилъ голосъ и запѣлъ:

«Una nube nera viene
L'Italiano ciel scurar!
Ma non fulmini,—catene
Traditrice, vuol gettar!

—

Già al Tibro sta, pestando
Del nemico il corsier,
E sul foro venerando,
Già si spilga, sventolando,
La bandiera stranier!

—

Non amplesso piu fraterno,
Non la gioia famigliar!
Ma calunnia, ma scherno,
S'ode come nell'averno,—
Le catene strascinar!

—

Dell' amor fraterno priva
Già non vuol fruttar il suol!
Ov' il canto si sentiva—
Delle tombe muto duol!

—

Libertà! il raggio santo
Spegni tu dov'è furor!
Madre bella! Tu nel pianto
Vivrai secoli ancor!

—

Digitized by Google

Тучей черною измѣна
Надъ Италіей плыветъ,
Ей оковы вражья плѣна,
Будто молніи, несетъ.

—

Конь пришельца мнетъ копытомъ
Тибра славные брега,
И надъ форумомъ маститымъ,
Дѣдомъ, внуками забытымъ,
Знамя высится врага.

—

Не согрѣтая любовью,
Не даетъ плодовъ земля,
И пустѣютъ, братней кровью
Обагренныя, поля.

—

Вмѣсто мирнаго объятья,
Слезъ и искреннихъ рѣчей,
Клевета въ семьѣ, проклятья,
Звонъ предательскихъ цѣпей.

—

Нѣтъ, лучу святой свободы
Въ домѣ гнѣва не сіять!
Bella madre, знать не годы,
А вѣка тебѣ стенать!..

— E vero... Non e vero... Viva il re!.. Виватъ республика!.. Долой... Bravo, poeto.... E vero... Правда! загамѣла толпа, когда импровизаторъ, допѣвъ послѣдній куплетъ, сталъ спускаться съ возвышенія.—E vero, громко произнесъ Пецца, выбираясь изъ толпы къ лошади, которую вывелъ на дорогу трактирный мальчишка. «А что?—Ну, кто измѣнники? Скажешь: не вы? Ну?» наступалъ одинъ изъ калабрезцевъ на широкоплечаго мужика съ купленною имъ только-что косою на плечѣ.—«Ну?»...

— Muojano i tradittori! оралъ кто-то громовымъ голосомъ въ толпѣ...—E vero, poeto... Non e vero... Это измѣнникъ. Бей ихъ! гамѣла толпа.

Грянулъ ружейный выстрѣлъ, сверкнуло нѣсколько ножей; народъ заревѣлъ какъ дикій звѣрь, и началась общая свалка. Николо хохоталъ, сидя, въ сторонѣ отъ толпы, на своей рыжей лошади. «Бей ихъ! Бей ихъ измѣнниковъ,—кричалъ народъ,—«грабителей...» Человѣкъ двадцать калабрезцевъ, прижав-

Digitized by Google

шись къ одному изъ домовъ, выстрѣлили раза два изъ пистолетовъ и кинулись въ толпу съ кинжалами. «Бей... Зажигай деревню!»—Гдѣ-то рыдала женщина. Купцы проворно завѣсили свои палатки; патеръ бѣгомъ пустился къ своему дому; трактирщикъ кричалъ прислугѣ, чтобы затворяли трактиръ. Хозяинъ лоттереи исчезъ съ крыльца съ своею кассою, оставивъ дѣвочку у колеса; малютка рыдала на голосъ, прижавшись въ уголъ балкона. Драка усилилась.

— Ну, не бараны ли? обратился съ хохотомъ Николо къ Пецца, влѣзавшему на своего коня.—Что онъ такое спѣлъ имъ? Я не слыхалъ... Мы играли въ кости съ однимъ изъ торгашей, и, чортъ бы его взялъ, онъ-таки порядкомъ меня обчистилъ...

Микеле проворчалъ что-то сквозь зубы, повернулъ лошадь и поѣхалъ шагомъ по дорогѣ.

— Николо! Ты? спросилъ высокій, широкоплечій человѣкъ, завернутый въ черный, изодраный плащъ.

— Я, я—Николо... А что? спросилъ, обернувшись къ подошедшему, Николо.—Какъ? Henri... Ты это?

Но въ это время трое калабрезцевъ на лошадяхъ, вырвавшись изъ толпы, чуть не сшибли съ ногъ его рыжаго коня. Одинъ изъ налетѣвшихъ, вытянувъ Николо хлыстомъ по шляпѣ, захохоталъ и поскакалъ во весь опоръ прямо кустарникомъ.

— Это что? Нѣтъ, я тебя достану, негодяй, вскричалъ озадаченный Николо.

Поправивъ сдвинутую на сторону шляпу, онъ понесся за обидчикомъ, пустилъ ему въ догонку два выстрѣла, но пуля не попала въ калабрезца; онъ исчезъ, вмѣстѣ съ своими спутниками, подъ горою. Николо вернулся; драка еще шла; толпа крестьянъ тащила по землѣ чей-то трупъ и кричала: «бей, рѣжь ихъ, предателей».

— Гдѣ этотъ... вотъ въ плащѣ, что сейчасъ меня окликнулъ? обратился Николо къ Пецца, наблюдавшему съ дороги свалку.

— Кажется, вонъ по дорогѣ пошелъ, отвѣчалъ Пецца.—Это поэтъ, импровизаторъ...

Николо сунулся въ толпу на лошади, оглядѣлся и, не сыскавъ чернаго плаща, пришпорилъ лошадь и понесся по дорогѣ. Пецца съ видомъ знатока, покуривая трубку, любовался побоищемъ; иногда, приподнимаясь на стременахъ, онъ подавалъ даже совѣты бойцамъ: «зачѣмъ стрѣлять? Ножомъ его или прикладомъ... Вотъ такъ... Стòитъ ли тратить порохъ для всякой сволочи».

Digitized by Google

IV.

Катеневъ, какъ знаетъ уже читатель, вернулся въ главную квартиру; недѣли двѣ лежалъ онъ съ увязаннымъ лубками лѣвымъ плечомъ, поврежденнымъ не сильно, по счастію, скользнувшею пулей. Не столько, кажется, искусству русскаго врача, сопровождавшаго эскадру, страстнаго любителя пикета и шахматовъ, сколько молодости и природѣ обязанъ онъ былъ тѣмъ, что въ такой короткій срокъ плечо зажило, и прапорщикъ, произведенный, по возвращеніи въ армію, въ подпоручики, сбросилъ повязку съ руки и хотя и съ болью еще, но владѣлъ ею какъ правою; въ петлицѣ у него висѣлъ Георгій, на который подпоручикъ, снимая и надѣвая мундиръ, смотрѣлъ не безъ удовольствія; съ полученнымъ отъ маркизы письмомъ влюбленный юноша не разставался, перечитывая и разсматривая его, въ свободныя минуты, съ чувствомъ похожимъ нѣсколько на то, какое испытываетъ сановникъ, перечитывая въ десятый разъ рескриптъ, гдѣ говорится о его «полезной и неутомимой дѣятельности». Маркиза какъ ни тщательно затушевала слово «твоя», но глазъ влюбленнаго добрался-таки, сквозь тонкіе и частые штрихи, до буквъ и прочиталъ, запрятавшееся подъ рѣшетку, словно шалунъ-дитя подъ кресла, слово; юный герой держалъ себя бодрѣе, хотя не думалъ ничего предпринимать; ему довольно было знать, что его любятъ; «а любитъ», думалъ юноша, «хотя и пишетъ *другъ твой*; но нельзя же ей мнѣ кинуться на шею... Нѣтъ, видно это вѣдь, что любитъ», продолжалъ фантазировать новоиспеченный подпоручикъ, чертя укрѣпленія, или переводя нѣмецкій рапортъ, присланный фельдмаршалу. Лагоцъ, прощаясь, просилъ Катенева не забывать его; раненые, они дня три лежали вмѣстѣ въ городкѣ и даже въ одной комнатѣ (Лагоцъ былъ легко раненъ въ ногу), но боль плеча и поминутные посѣтители генерала помѣшали Катеневу распросить, какъ ему ни хотѣлось, народнаго вождя о его прошломъ. Объ измѣнѣ онъ разъ спросилъ Лагоца: «правда ли, что его чуть не отдали свои французамъ», но Лагоцъ отвѣчалъ, что это—пустые слухи и измѣны никакой не было. Ратмановъ уѣхалъ на другой день приступа къ эскадрѣ, откуда прислалъ

Digitized by Google

тотчасъ же русскаго врача; Джованни и ротмистръ не отходили отъ подпоручика; первый бѣсилъ Аѳанасья, прыгая ему на плеча и разъ разсыпавъ табакъ изъ табакерки дядьки; впрочемъ Аѳанасій хоть и бранилъ его чертенкомъ, но полюбилъ за участіе и вниманіе къ барину. До Фано ѣхалъ Катеневъ на русскомъ военномъ суднѣ. Жизнь подпоручика опять потекла по-старому; только теперь его не откомандировывали, а заставляли работать въ канцеляріи фельдмаршала, подъ руководствомъ иногда кого-нибудь изъ адъютантовъ, иногда Фукса, секретаря Суворова.

Тридцать перваго августа русская армія, утромъ, въ семь часовъ, потянулась изъ Тортонской, только-что взятой, цитадели къ С.-Готарду. Читатель пусть не ждетъ подробныхъ реляцій о побѣдахъ и передвиженіяхъ.... Разскащику болѣе дороги душевныя побѣды и движенія изображаемыхъ лицъ; о нихъ-то, чтобъ остаться вѣрнымъ своей задачѣ, и поведетъ онъ, какъ съумѣетъ, рѣчь. Прощаясь съ австрійскимъ войскомъ, Суворовъ обратился къ нему съ послѣднимъ приказомъ; мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ него; «желаю увѣрить всю армію», говорилось въ приказѣ, «въ моемъ неограниченномъ уваженіи,—увѣрить, что не нахожу словъ, чтобы выразить вполнѣ, сколько я доволенъ всѣми и сколько сожалѣю о разлукѣ съ такимъ благоустроеннымъ и неустрашимымъ войскомъ. Никогда я не забуду храбрыхъ австрійцевъ, которые почтили меня своею довѣренностію и любовью,—воиновъ побѣдоносныхъ, содѣлавшихъ и меня побѣдителемъ». Разлука была трогательная. Позабывъ все, Суворовъ плакалъ, обнимая сослуживцевъ. Край, Цахъ, Карачай тоже плакали. Представивъ всѣхъ къ наградамъ, фельдмаршалъ писалъ къ императору Францу, что утвержденіе наградъ сочтетъ онъ личною, ему самому оказанною, милостью. Такъ разстался Суворовъ съ австрійцами.

Садясь съ Милорадовичемъ въ коляску, фельдмаршалъ перекрестился и произнесъ:

— Когда сюда я ѣхалъ, помнишь ты, читалъ: «да будетъ воля Твоя»; теперь, слава Богу, довелось прочесть, мнѣ грѣшному: «и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ»:

— Ваше сіятельство пропустили: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь», замѣтилъ Милорадовичъ.

Фельдмаршалъ разсмѣялся и всю станцію толковалъ: «помилуй Богъ, ты правду сказалъ, Миша; славы много, а фуражу бо-

Digitized by Google

гатырямъ не хватитъ, врядъ ли хватитъ до Беллинцоны. Суворовъ часто выходилъ изъ экипажа и ѣхалъ версту-другую верхомъ на казачьемъ конѣ, разговаривая съ солдатами; день былъ пасмурный; почти непрерывно моросилъ дождь. Катеневъ, ѣхавшій за коляской Суворова въ одной изъ повозокъ, оказавшейся лишнею для походной канцеляріи, тоже выходилъ и шелъ иногда пѣшкомъ, вслушиваясь въ рѣчи фельдмаршала.

Вдумываясь въ положеніе героя и увидя, какъ онъ расплатился и расплачивается съ врагами, молодой человѣкъ бодрѣе какъ-то несъ грузъ собственнаго своего горя. «Что-жь оно», невольно думалось ему, «предъ этимъ положеніемъ одинокаго старца, страдающаго не за одного себя, а за весь этотъ бѣдный, полуголодный и полуодѣтый, безотвѣтный людъ, ввѣряющій его могучей волѣ жизнь и смерть свою?»—Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе влюблялся онъ въ великаго старца, считая счастливымъ тотъ день, когда удавалось слышать отъ него привѣтливое слово или поцѣловать его худощавую руку.

Подъѣзжая къ одной изъ станцій, подпоручикъ отпустилъ свою бричку и пошелъ пѣшкомъ до станціи; по дорогѣ тянулась баттарея; худыя, разбитыя лошади едва плелись по песчаной дорогѣ и поминутно вставали.

— Не замай ихъ вздохнутъ.... Дай имъ маленько отдышаться, покрикивалъ чей-то, знакомый подпоручику, сиплый голосъ.

Катеневъ догналъ орудія и увидалъ Сергѣева; онъ стоялъ въ изношенной эпанчѣ на краю дороги и заботливо поглядывалъ то на хвостъ, то на голову идущей мимо баттареи.

— Петръ Тимоѳеичъ! Вы? спросилъ онъ, увидавъ Катенева и обнаживъ улыбкою рядъ своихъ неровныхъ и неказистыхъ зубовъ.

— Я.... Здравствуйте.

Они обнялись. Катеневъ обрадовался старому спутнику, точно родному.

— Вотъ ужь не ожидалъ, началъ Сергѣевъ.—Вѣдь вы къ эскадрѣ, говорятъ, были командированы.

— Былъ, отвѣчалъ Катеневъ.

— Каковы дѣла-то—ась? перебилъ Сергѣевъ.—Говорятъ, герцгерцогъ-то удралъ.... Наши одни остались тамъ, въ Швейцаріи.

Герцгерцогомъ Сергѣевъ называлъ эрцгерцога Карла, командовавшаго въ Швейцаріи и, дѣйствительно, удалившагося оттуда,

Digitized by Google

оставивъ малочисленныхъ русскихъ лицомъ къ лицу, подъ Цюрихомъ, съ французами; вѣсть эта, разнесшись въ Италіи, возбудила сильное негодованіе въ суворовцахъ.

— Да.... Слышалъ я.... Что будетъ и съ нами, Богъ знаетъ, отвѣчалъ Катеневъ.—Ну, а вы какъ? Не ранены?

— Богъ сохранилъ. Вотъ видите, пожалованъ ротнымъ. На безрыбьи и ракъ—рыба, добавилъ онъ, размѣявшись.—Дорого мнѣ, что самъ отецъ нашъ, лично, подъ Тортоною, меня поздравилъ. Нѣтъ, братъ, на этого не налегай: онъ и такъ изо всей силы тянетъ, обратился онъ къ ѣздовому, стегавшему передоваго, работавшаго отъ чистаго сердца, коня. Другаго-то пугни.... Вотъ такъ. Ему по дѣломъ: вишь, онъ дернетъ, да и на попятный. Вишь, требуха цыцарская.... А вы? Опять, знать, въ свитѣ? обратился онъ, водворивъ порядокъ, къ Катеневу.

— Покуда въ свитѣ, да стыдно какъ-то.... Тутъ идутъ вотъ на дождѣ, а ты ѣдешь баричемъ въ повозкѣ.... Хочу проситься въ строй, отвѣчалъ Катеневъ.

— Это чувствованіе у васъ, сударь, хорошее, а только мой совѣтъ вамъ—не проситься, замѣтилъ на это Сергѣевъ.

— Отчего? спросилъ подпоручикъ, думавшій наоборотъ, что Сергѣеву понравится, задуманный имъ, планъ перейдти съ строевые.

— Оттого же.... Гдѣ васъ назначили, поставили—и стойте.... Вотъ поглядите-ка: великій князь, извините, не вамъ чета, а куда пошлетъ фельдмаршалъ, ѣдетъ, отвѣчалъ Сергѣевъ.—Онъ знаетъ, Александръ Васильевичъ-то, будьте благонадежды, кто и куда годенъ. Что такое? обратился онъ къ артиллеристу, поглядывавшему на колесо одного изъ орудій.—Не ось ли, храни Богъ?

— Нѣтъ, спицы расшатались, ваше высокоблагородіе, отвѣчали солдаты.—Надо чинить... Такъ не доѣдетъ.

— Кузнеца бы надо, толковала прислуга, собравшись около орудія.—Стой!

— На что кузнеца-то? Веревкой какъ-нибудь перевязать, захлопоталъ Сергѣевъ.—Гдѣ тутъ отыщешь кузнеца? Наколи клинушковъ,—топоры есть у насъ,—да и подбей. Постойте. Стой!

— Стой, стой! повторили фейерверкеры и три офицера, состоявшіе при ротѣ, и орудія остановились.

Солдаты принялись улаживать колесо.

— Очень, очень радъ, что встрѣтилъ васъ, толковалъ Сергѣевъ Катеневу, не спуская глазъ съ починяемаго колеса.—Я вѣдь долженъ былъ идти съ обозами, въ обходъ тутъ гдѣ-то, да по-

Digitized by Google

задержался за починкою лафетовъ. Видите, какова посуда-то у насъ, прибавилъ онъ, улыбаясь.—Ну, вотъ и ладно. А то кузнеца, закончилъ Сергѣевъ, любуясь починеннымъ колесомъ.—Маршъ. Съ Богомъ!

Рота тронулась, постукивая лафетами. Катеневъ простился съ старымъ знакомымъ и пошелъ тропинкою, ведущею къ станціи.

— Что князь? (Суворовъ былъ пожалованъ уже княжескимъ достоинствомъ), спросилъ Катеневъ у Прохора, рывшагося въ коляскѣ, въ которую закладывали свѣжихъ лошадей.—Какъ его лихорадка?

— Получше, кажется.... Что-жь станешь съ нимъ? Часа четыре ѣхалъ подъ дождемъ, въ одномъ мундирѣ, отвѣчалъ Прохоръ, сердито хлопнувъ дверцею.—Развѣ его уговоришь?...

Сказавъ это, безсмѣнный камердинеръ фельдмаршала вошелъ на крыльцо и исчезъ въ дверяхъ станціоннаго домика; подпоручикъ подошелъ къ своей повозкѣ, въ которой Аѳанасій перекладывалъ чемоданъ, чуть ли не въ пятый разъ, изъ опасенія, что онъ оботрется; нѣсколько свитскихъ, выйдя изъ станціоннаго дома, ходили взадъ и впередъ, разговаривая вполголоса: свита, солдаты, сопровождавшіе походную канцелярію писцы, деньщики—всѣ были грустны, не разговорчивы; проходившіе мимо, поминутно, батальоны солдатъ тоже были невеселы; иные вступали въ мѣстечко съ пѣснями, но пѣсня звучала не такъ, какъ прежде: что-то принужденное слышалось въ удаломъ покрикѣ и посвистѣ запѣвалы, и отсырѣвшій бубенъ стучалъ будто лукошко.

— Прибавь шагу, братцы! раздавались, между тѣмъ, голоса ротныхъ и ефрейторовъ.

Солдаты поддергивали ранцы и мѣшки и, перекидывая съ плеча на плечо ружья, почти бѣжали, перепрыгивая черезъ лужи, образовавшіяся на дорогѣ отъ лившаго, съ самаго выхода изъ Тортоны, почти непрерывно, дождика.

Въ запискахъ и реляціяхъ похода не встрѣчается извѣстій о настроеніи русской арміи, неожиданно двинутой съ поля побѣдъ въ Швейцарію, откуда доносились далеко не утѣшительныя вѣсти. Солдаты мало или почти ничего не знали о положеніи дѣлъ, но у нихъ было смутное предчувствіе чего-то недобраго впереди, можетъ-быть родившееся при видѣ поддѣльнаго спокойствія и сдержаности рѣчей, знавшихъ ближе дѣло начальниковъ. Катеневъ зналъ объ отступленіи эрцгерцога Карла, о близкомъ недостаткѣ фуража, и сердце юнаго воина обливалось кровью при

Digitized by Google

мысли, что ждетъ впереди это, идущее безъ ропота, полубосое, обносившееся войско.

Подпоручикъ, сложивъ на груди руки, поглядывалъ на полки, идущіе усталымъ шагомъ по серединѣ улицы; изъ оконъ, съ крылецъ, жители мѣстечка робко глядѣли тоже на идущее войско. Дождь пересталъ; солнце садилось, озаривъ вершины лѣсистыхъ горъ, стѣною обступившихъ городъ; раздался звукъ пастушьяго рожка; изъ одного изъ переулковъ поплелись коровы и нѣсколько козъ, позванивая колокольчиками и привѣтствуя ревомъ и блеяньемъ знакомую улицу; намокшій пастухъ, подгоняя стадо, глядѣлъ съ любопытствомъ на солдатъ, столпившихся около толстаго швейцарца, угощавшаго ихъ водою. Проѣхала коляска фельдмаршала, и подошедшій Аѳанасій пригласилъ подпоручика садиться въ бричку. Катеневъ сѣлъ, швейцарецъ тронулъ пару рысистыхъ коньковъ, и бричка полетѣла, подпрыгивая и дребезжа по мостовой. Солнце опять ушло за облака; опять заморосилъ несносный дождикъ. Аѳанасій застегнулъ мокрый фартукъ, понюхалъ табаку и, посовѣтовавъ соснуть барину, привалился въ уголъ и черезъ минуту захрапѣлъ. Катеневъ выглянулъ изъ-за фартука: вправо синѣло, сквозь сырую мглу, озеро; около дороги, лугомъ, плелась шажкомъ на мокрыхъ лошадяхъ, сотня казаковъ, завернувшись въ шинели; вдали трещалъ барабанъ. Подпоручикъ завернулся крѣпче въ эпанчу, такъ какъ съ воды, отъ озера, потянулъ довольно рѣзкій свѣжій вѣтеръ, и скоро послѣдовалъ благому примѣру своего спутника. Утромъ, часовъ въ пять, Аѳанасій разбудилъ его; подпоручикъ открылъ глаза: высокіе дома стояли вокругъ; толпа швейцарцевъ толковала съ ямщикомъ; кучка казачьихъ лошадей стояла подлѣ повозки, понуривъ головы, словно совѣщаясь о чемъ-то.

— Гдѣ мы? спросилъ, протирая глаза, Катеневъ.

— Вставайте... Гдѣ? Пріѣхали, отвѣчалъ Аѳанасій.

— Да куда пріѣхали?

— Ну, ужь куда, это.... «Навѣрно», что ли какое, говорилъ Аѳанасій, заворачивая къ козламъ мокрый фартукъ («Навѣрно» было передѣланное Таверно, куда они пріѣхали),—Богъ его вѣдаетъ... Вставайте.... Вотъ напасть: здѣсь, сказываетъ Прохоръ, повозки велѣно бросить и всю кладь.... Вставайте-ка, да разузнайте.... Хоть одинъ вьюкъ бы взять.... Я подыскалъ бы, купилъ лошадь, коли ужь....

— Да на что вьюкъ-то? спросилъ Катеневъ, вылѣзая изъ повозки.—Ты можешь здѣсь остаться, при обозѣ.

Digitized by Google

— Да развѣ обо мнѣ тутъ рѣчь? сердито началъ Аѳанасій.—Что-жь вы въ одной рубашкѣ что ли поѣдете? Вѣдь, говорятъ, полѣзутъ вонъ куда, продолжалъ онъ, показывая на синѣющія за стѣнами домовъ горы,—на самыя, что ни на есть, вершины... Какъ тутъ безъ лишняго бѣлья, али безъ обуви? Ступайте, разузнайте: что и какъ. Вотъ видите крыльцо-то.... это наша квартира; я къ Василью Лукичу перенесъ вещи. А вонъ красный-то домъ.... Видите? Тамъ всталъ фельдмаршалъ. Разузнайте, да приходите поскорѣй. Я кофей заказалъ хозяйкѣ.

Катеневъ обдернулъ мундиръ, прицѣпилъ шпагу и пошелъ къ дому, около котораго стояла, уже безъ лошадей, коляска фельдмаршала; съ крыльца и на крыльцо сновали офицеры, деньщики, казаки, писаря съ пакетами; всѣ суетились; каждый спрашивалъ и никто не отвѣчалъ, какъ это бываетъ въ первыя минуты неожиданной тревоги. Катеневъ обратился къ одному изъ адъютантовъ съ вопросомъ: «скоро выѣдетъ отсюда фельдмаршалъ?»—«Ничего не извѣстно», отвѣчалъ, записывая что-то на лоскуткѣ карандашомъ, адъютантъ и убѣжалъ изъ сѣней на крыльцо. Катеневъ постоялъ минутъ пять, повертѣлся и пошелъ къ себѣ на квартиру; дорогою его догналъ толстякъ Василій Лукичъ, полковникъ-грекъ, къ которому пристроился съ чемоданомъ и вещами Аѳанасій.

— Вотъ такъ дѣла, говорилъ, переваливаясь, какъ утка, и пробираясь черезъ лужи, толстякъ полковникъ.

— Я не стѣсню ли васъ, Василій Лукичъ?... началъ-было Катеневъ.

— Нисколько, батюшка; радъ, отвѣчалъ новый сожитель подпоручика.—А знаете ли вы, въ какомъ мы положеніи? шепнулъ онъ на ухо, взявъ подъ руку Катенева.—Только не говорите покуда никому: обѣщанный провіантъ и мулы для артиллеріи не прибыли еще въ Таверну.

— Но, можетъ-быть, еще прибудутъ? спросилъ, остановившись отъ неожиданной и нешуточной вѣсти, подпоручикъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что въ мулахъ отказано, отвѣчалъ опять шепотомъ полковникъ, взбираясь на крыльцо, при помощи своей палки.

— Ну что, Петръ Тимоѳеичъ? спросилъ Аѳанасій, увидавъ полковника и своего барина.

Онъ хлопоталъ съ какою-то старухой около кофейника.

— Какой тутъ вьюкъ!... отвѣчалъ Катеневъ, швырнувъ на столъ

Digitized by Google

шляпу, но замолчалъ, вспомнивъ просьбу полковника не говорить никому о недоставкѣ провіанта.

— Такъ я и зналъ! То-есть, вы безъ хлѣба насидитесь, оставь васъ однихъ, началъ сердито дядька и, обратясь къ полковнику, отдувавшемуся отъ ходьбы, на диванчикѣ около стола, продолжалъ уже слезливымъ тономъ и кланяясь: Василій Лукичъ, явите божескую милость, поговорите.... Ну, какъ это безъ вьючной лошади? Вѣдь это опаршивѣетъ въ одномъ бѣльѣ, звѣринецъ заведетъ....Вы извольте сообразить: сырость, непогодь.... Мы лошадь купимъ, только бы дозволили.

— Погоди. Уладимъ послѣ совѣщанія.... Скажи моему Васькѣ, отвѣчалъ полковникъ,—чтобы напомнилъ мнѣ.

— Слушаю, отвѣчалъ, успокоясь, Аѳанасій и принялся наливать кофе, жестомъ отпустивъ старуху.

— Бывалъ я, сударь мой, въ походахъ, продолжалъ Василій Лукичъ, разстегнувъ мундиръ и наливая на блюдечко кофе,—и въ Польшѣ былъ, и въ Турціи; раненъ былъ, разъ между мертвыми тѣлами сутки лежалъ, но эдакой напасти, какъ въ этотъ разъ, могу сказать, не видывалъ.

— Это истину вы изволили сказать, Василій Лукичъ, подтвердилъ Аѳанасій, накрывая кофейникъ.—Въ Туретчинѣ, помилуйте, мы праздновали. Народъ тамъ проще что ли... А здѣсь, вѣдь это, живой въ гробъ ложись....

— Ты развѣ былъ въ Туретчинѣ? спросилъ полковникъ, познакомившійся только въ этотъ походъ съ дядькою Катенева.

Аѳанасій разсмѣялся, оправилъ для чего-то височки и, самодовольно взглянувъ на полковника, произнесъ:

— Вы спросите лучше, ваше высокородіе, гдѣ я не былъ?

На улицѣ стукнулъ два раза барабанъ, и музыка грянула маршъ.

— Вотъ авангардъ, значитъ, выступаетъ въ Беллинцону, замѣтилъ Василій Лукичъ.—Сходи-ка, братъ, узнай, пріѣхалъ ли великій князь и начался ли совѣтъ.

Аѳанасій взялъ свой ваточный, засаленный картузъ, добытый имъ изъ чемодана, по случаю холода, почистилъ его рукавомъ и, объяснивъ для чего-то, что картузъ купленъ въ Варшавѣ и вотъ служитъ до сихъ поръ, вышелъ изъ комнаты; въ Италіи старикъ, какъ видѣлъ читатель, носилъ изорванную соломенную шляпу, вымѣненную на голенища у солдата въ лагерѣ на Аддѣ.

Digitized by Google

— Вотъ положеньице, сударь! началъ полковникъ, раскуривая трубку.—Безъ хлѣба, безъ одежи, въ чужой землѣ съ тридцати-тысячною арміей...

Катеневъ молчалъ, сложивъ на груди руки.

— Вотъ я бы ихъ послалъ сюда, этихъ, не выговоришь.... гофкригсратовъ. Узнали бы тогда, каково распоряжаться за тысячи верстъ... Каково у него на сердцѣ теперь, у отца нашего!... проговорилъ, помолчавъ, полковникъ и прослезился.

Катеневъ зналъ, что Василій Лукичъ слезливъ, но теперь горе старика его сильно тронуло.

— Въ его-то лѣта эдакіе удары! продолжалъ, покачивая головою, старикъ.—Я—вѣрующій человѣкъ, не фармасонъ нынѣшняго вѣка, а право, иногда глядишь, глядишь да и возропщешь: «что же это», думаешь и впрямь, «ужь не оставилъ ли насъ Богъ, не позабылъ ли о насъ грѣшныхъ»?

Допивъ чашку, полковникъ вышелъ на крыльцо; за нимъ пошелъ и Катеневъ. Звуки марша слышались еще вдали; пѣхотный полкъ стоялъ посреди площади въ какой-то нерѣшимости; одни изъ солдатъ болтали, опершись на ружья, другіе же, сидя на мостовой, переобувались, боязливо разсматривая подметки сапогъ и штиблетъ, благопріобрѣтенныхъ, вѣроятно, отъ непріятеля; офицеры сидѣли на сосѣднихъ крыльцахъ; нѣкоторые курили, другіе дремали, завернувшись въ плащи и привалившись къ стѣнкѣ или периламъ; сотни двѣ казаковъ верхами пробирались шажкомъ мимо пѣхоты.

— Куда вы? спросилъ полковникъ.

— На фуражировку, отвѣчалъ казачій офицеръ, подстегнувъ лошадь.

— Вотъ оно!... замѣтилъ полковникъ.—Добывай, гдѣ знаешь. Ну, дѣла, прибавилъ онъ, возвращаясь въ комнату.

Вошедшіе едва успѣли сѣсть, какъ явился Аѳанасій.

— Никакого толку не добился, началъ онъ.—Суета такая, упаси Господи. Совѣтъ, надобно полагать, идетъ; великій князь ужь съ полчаса пріѣхали.

— Да ты бы Прохора спросилъ, замѣтилъ полковникъ.

— Какой тутъ Прохоръ, сударь!.. Сыщешь Прохора; офицеры, полковники стоятъ, ждутъ—не добьются толку. Должно, скоро поѣдемъ... Стали лошадей сѣдлать для свиты. Дороги никакой, мнѣ казачій урядникъ сказывалъ, дальше нѣтъ, толковалъ Аѳанасій.—Что-жь это? На край свѣта что ли мы заѣхали?

Digitized by Google

Полковникъ разсмѣялся.

— Да какъ же, сударь, продолжалъ Аѳанасій,—гдѣ это видано? Дороги нѣтъ... Это разсказать кому, въ глаза наплюетъ; скажетъ: «врешь». Сторонка, чтобы ей!...

Произнеся эту іеремiаду, старикъ опять отправился на рекогносцировку въ квартиру фельдмаршала; его пуще всего безпокоило запрещеніе брать вьюки въ Беллинцону, куда шли фельдмаршалъ и армія. Полковникъ, зѣвнувъ раза два, прилегъ на ситцевый диванчикъ и задремалъ. Катеневъ досталъ завѣтное письмо маркизы, прочелъ его и, бережно положивъ на старое мѣсто въ карманъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Полковникъ, новый спутникъ подпоручика, былъ обрусѣвшій грекъ; при вступленіи русскихъ въ одно отнятое у турокъ мѣстечко, его, девяти-лѣтняго мальчика, нашли чуть не умирающаго съ голода, больнаго, въ виноградникѣ; турки перерѣзали всю семью его, подозрѣвая отца въ шпіонствѣ; мальчикъ, спрятавшись въ виноградникѣ, спасся; солдаты взяли его въ лагерь, гдѣ онъ попался на глаза Румянцеву; фельдмаршалъ взялъ его, опредѣлилъ въ корпусъ, и мальчикъ вышелъ офицеромъ въ армію; тяжко контуженный въ бокъ и раненый въ правую руку, Василій Лукичъ вышелъ въ отставку и жилъ у одного сослуживца, въ Петербургѣ, получая пенсіонъ; Суворовъ, встрѣтясь съ нимъ передъ итальянскимъ походомъ, уговорилъ его поступить вновь на службу и состоять при немъ; Василій Лукичъ сначала отнѣкивался, но, наконецъ, согласился. Суворовъ игралъ съ нимъ въ свободное время въ шахматы; главная же обязанность, возложенная, впрочемъ, самимъ Васильемъ Лукичомъ на себя, была посмотрѣть сѣно, овесъ, провизію, привезенные для фельдмаршала, присмотрѣть, чтобы не рано и не поздно закрыли печи въ квартирѣ; фельдмаршалъ любилъ тепло и, слѣдуя пословицѣ: «паръ костей не ломитъ», приказывалъ даже въ лѣтнее время протапливать свою комнату; не любили Василья Лукича только Прошка и поваръ, нерѣдко получавшіе отъ него выговоры за небережливость и безцеремонное обращеніе съ кошелькомъ фельдмаршала; за это и прозвалъ Василья Лукича Суворовъ «экономкою». Полковникъ любилъ фельдмаршала «больше чѣмъ отца», какъ говорилъ онъ самъ, и часто надоѣдалъ даже ему своею излишнею нѣжностью; слезливый отъ природы, онъ при каждой неудачѣ или радости, постигшихъ «отца и благодѣтеля», какъ звалъ онъ фельдмаршала, плакалъ, что

Digitized by Google

смѣшило всегда Суворова. Когда фельдмаршалъ бывалъ не въ духѣ, адъютанты упрашивали полковника: «Василій Лукичъ, поплачьте... Авось его сіятельство развеселится». У Василья Лукича была одна страсть—къ флейтѣ; игралъ онъ со слуха и довольно плохо, но готовъ былъ свистѣть на своей флейтѣ битые сутки, чѣмъ не мало надоѣдалъ сослуживцамъ, обреченнымъ нерѣдко въ походѣ жить съ нимъ черезъ перегородку, а то и въ одной комнатѣ. Эта страсть къ музыкѣ послужила поводомъ фельдмаршалу дать ему второе прозвище: «волшебная флейта», подъ которымъ онъ и извѣстенъ былъ въ средѣ, сопровождавшей, во время итальянскаго похода, Суворова. Фельдмаршалъ любилъ чудаковъ подлѣ себя; такъ въ польскій, или турецкій, походъ онъ возилъ съ собою, въ качествѣ чтеца, нѣмца, кандидата богословія, уговаривая его, вмѣсто пасторской каѳедры, занять мѣсто эскадроннаго командира. Василій Лукичъ имѣлъ небольшія деньжонки и ссужалъ сотнею-другою рублей, до жалованья, неразсчетливую молодежь, состоявшую въ свитѣ. «А подтрунивать не станете надъ старикомъ?» спрашивалъ онъ обыкновенно обращающихся къ нему съ этими просьбами; офицеръ краснѣлъ, извинялся, но по отдачѣ должной суммы не выдерживалъ и позволялъ себѣ колкое словцо насчетъ музыкальныхъ способностей или экономическихъ соображеній Василья Лукича; старикъ обыкновенно отмалчивался. Катенева любилъ онъ за то, что тотъ никогда надъ нимъ не насмѣхался.

— Пожалуйте Василій Лукичъ, Петръ Тимоѳеичъ, говорилъ Аѳанасій, запыхавшись вбѣгая въ комнату.—Совѣтъ кончился... Надо-быть, скоро уѣзжаютъ.

Полковникъ поднялся съ дивана, протеръ глаза, взялъ шляпу и, опираясь на свою камышевую трость, пошелъ, въ сопровожденіи подпоручика, къ квартирѣ фельдмаршала.

Въ исторіяхъ войнъ извѣстія о передвиженіи ограничиваются обыкновенно краткимъ: «такого-то числа, утромъ или вечеромъ, армія выступила туда-то»; военному историку, занятому, главнымъ образомъ, планами и дѣйствіями полководца, некогда и не зачѣмъ живописать картину подъема... Читателю, особенно незнакомому съ походною жизнью, представляется она поэтому нѣсколько иначе, чѣмъ бываетъ на дѣлѣ; онъ, вѣрно, воображаетъ себѣ, что, подъ стройные звуки марша, идутъ стройными рядами полки; командиры молодецки сидятъ на своихъ красивыхъ коняхъ; мѣстные жители махаютъ шляпами и напутствуютъ благопоже-

Digitized by Google

ніями покидающихъ ихъ воиновъ. На дѣлѣ не всегда бываетъ такъ; скорбный же путь богатырей къ Швейцаріи, не говоря уже про С.-Готардъ, уже совершенно не похожъ на церемоніальные, веселые походы въ лагерь и изъ лагеря, знакомые ближе мирному гражданину.

На улицѣ полковникъ и подпоручикъ едва пробрались межъ табуна лошадей, на которыхъ вьючили казаки, перебраниваясь межъ собою, мѣшки съ провіантомъ, съ запасами для поддержанія и для прекращенія человѣческой жизни, полевыя орудія; дальше два офицера отбивали одинъ у другаго фуру, заложенную парою тощихъ казенныхъ лошадей; каждый изъ состязавшихся былъ правъ, желая уложить поскорѣе на нее своихъ трехъ-четырехъ солдатъ, упавшихъ на походѣ отъ изнеможенія; старуха-швейцарка бѣгала, съ оханьемъ и сдержанною бранью, около своего крыльца, отыскивая двухъ курицъ, попавшихъ, какъ-то невзначай, въ ранецъ пѣхотнаго солдата, преспокойно насыпавшаго корешками, изъ кармана панталонъ, свою коротенькую трубочку; въ сторонкѣ, у крыльца главнокомандующаго, тузилъ одинъ изъ свитскихъ деньщика, забывшаго отвести въ кузницу, расковавшуюся на походѣ, верховую лошадь; прислуга чуть не стукалась другъ съ другомъ лбами, бѣгая изъ трактира и обратно въ трактиръ, съ порціями бифштекса и котлетъ для проголодавшихся высоко и не высокоблагородій; швейцарецъ-проводникъ, приведшій двухъ ословъ, объяснялъ мимикою одному изъ унтеръ-офицеровъ, что ему не додано десяти крейцеровъ, на что неторопливый, бравый унтеръ-офицеръ отвѣчалъ· «не понимаю я, камрадъ, по-вашему»; вдали затрещалъ барабанъ, и десятокъ солдатъ, схвативъ, стоявшія въ козелкахъ, ружья, подбѣжали въ припрыжку къ строившемуся на площади отряду и встали каждый на свое мѣсто. «Маршъ, маршъ, ступай!» раздавалось тамъ и сямъ. «Поручикъ Алексѣевъ! Гдѣ поручикъ Алексѣевъ? Къ полковнику», оралъ гдѣ-то маіорскій повелительный баритонъ, съ хрипомъ, пріобрѣтеннымъ на поприщѣ командованія.

Полковникъ и Катеневъ, привыкшіе ко всему этому и не имѣвшіе намѣренія писать ни романа, ни картины изъ военнаго быта, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на эту тревогу, вошли въ сѣни и въ комнату, гдѣ собралась вся свита и командиры. Фельдмаршалъ съ жаромъ говорилъ что-то: «единодушіе, мужество, громады неприступныхъ горъ...» разслушали

Digitized by Google

вошедшіе, остановившись въ дверяхъ. Великій князь уже уѣхалъ какъ объяснилъ имъ Фуксъ, пробиравшійся сквозь толпу съ бумагою къ фельдмаршалу. Василій Лукичъ, однако, не преминулъ прослезиться, хотя разслышалъ мало изъ рѣчи Суворова, что подтверждалось поминутными вопросами старика-«экономки», обращенными къ Катеневу: «что такое?... Что сказалъ его сіятельство?»—Минутъ черезъ пять пріемъ кончился; всѣ присутствующіе крикнули: «ура», и фельдмаршалъ быстро вышелъ изъ комнаты; толпа раздвинулась. Проходя сѣнями и увидя полковника, Суворовъ кивнулъ ему и произнесъ: «Василій Лукичъ, не позабудь взять флейту». Сѣвъ на лошадь, фельдмаршалъ рысью поскакалъ съ двумя адъютантами и казакомъ. «Здравія желаемъ!» загудѣло вдали, въ отвѣтъ на обычное: «здорово богатыри!» фельдмаршала.

— Гдѣ же мнѣ быть? спросилъ самъ себя Катеневъ, озираясь на расходившихся съ крыльца генеральство и полковниковъ.

— А я искалъ васъ, произнесъ, хлопнувъ его по плечу, молодцоватый молодой генералъ, одѣтый хоть сейчасъ на балъ или на блестящій придворный спектакль въ петербургскомъ эрмитажѣ.—Вы мнѣ понадобитесь... Я просилъ фельдмаршала, чтобы васъ откомандировали ко мнѣ.

Катеневъ поклонился и робко произнесъ: «да вотъ, ваше превосх....».

— Что за превосходительство... Меня зовутъ Михаилъ Андреичъ, перебилъ генералъ, натягая перчатку.

— Не знаю, добьюсь ли лошади, докончилъ Катеневъ.

— Послушайте... Мироновъ, дайте казачью лошадь подпоручику, произнесъ генералъ, обращаясь къ адъютанту, толковавшему съ деньщикомъ.

Адъютантъ приложилъ руку къ шляпѣ; генералъ молодецки вскочилъ на красивую, энглизированную, карюю лошадь и поскакалъ вслѣдъ за фельдмаршаломъ.

— Такъ я могу надѣяться? спросилъ, обратясь къ адъютанту, подпоручикъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ адъютантъ, отсчитывая деньщику деньги.—Урядникъ!...

Объяснившись съ подошедшимъ урядникомъ, Катеневъ отправился вслѣдъ за Васильемъ Лукичомъ къ своей квартирѣ. Тамъ, у крыльца, увидѣлъ онъ, сквозь толпу, чуть-чуть не драку; изъ-за хохота вьючившихъ лошадей казаковъ раздавался сиплый, обрывавшійся отъ гнѣва, голосъ Аѳанасья:

Digitized by Google

— Такъ вы бы прежде мнѣ сказали... Бога вы не боитесь! кричалъ старикъ.

— Тебѣ говорено: «не вьючь», оправдывался бородатый казакъ, упершись одною ногою въ бокъ хохлатой лошаденки и потянувъ веревку вьюка такъ, что лошадь чуть не полетѣла на его сторону.—Стой, чортъ! ободрилъ ее казакъ и началъ молча вязать узелъ.

— Петръ Тимоѳеичъ! обратился Аѳанасій, увидавъ барина.— Василій Лукичъ, прикажите отыскать... Нашъ чемоданъ пропалъ... Это разбой... Помилуйте...

— Да не пропалъ, отозвался казакъ, ударя по вьюку рукою такъ, что конь присѣлъ и помоталъ головою, какъ бы въ подтвержденіе, что крѣпко сидитъ вьюкъ, не свалится.

Казакъ, однако, не повѣривъ подтвержденію лошади, толкнулъ обѣими руками вьюкъ и, кинувъ поводъ одному изъ солдатъ, проговорилъ, наконецъ: «на вотъ теперь, отводи ее».

— Какъ не пропалъ?... толковалъ между тѣмъ блѣдный, какъ смерть, Аѳанасій.

Но изъ средины табуна молодой солдатикъ тащилъ уже лысаго, рыжаго конька, и старый дядька кинулся, какъ оперный любовникъ къ примадонѣ, изображающей его любезную, къ чемодану, колебавшемуся на спинѣ лошади.

— Купи гдѣ-нибудь лошадь, сказалъ Катеневъ.

— Да гдѣ же я тутъ куплю? горячился старикъ.—Помилуйте.

— Да вы не безпокойтесь, ваше благородіе, заговорилъ казакъ, принимаясь отдѣлывать другую лошадь.—Оставьте на этой; ничего не пропадетъ... Вѣдь чемоданъ въ обходъ пойдетъ, а не за вами?

— Не за мной, отвѣчалъ Катеневъ.

Аѳанасій было заспорилъ, но, наконецъ, согласился ѣхать въ обходъ и, отвязавъ чемоданъ, принялся отбирать бѣлье, необходимое для барина на время его разлуки съ нимъ и чемоданомъ. Уладивъ дѣло съ вьюкомъ, затруднительнѣйшее и скучнѣйшее изъ всѣхъ неудобствъ похода, Катеневъ вошелъ въ комнату; толстякъ-полковникъ сидѣлъ на диванѣ у стола, меланхолически подперевъ голову рукою.

— А жаль, что опоздали мы.... Какъ говорилъ-то отецъ, толковалъ полковникъ.—«Единодушіе, мужество... вѣра»... Вотъ ужь, истинно, тронетъ всякаго; будь, кажется, хоть камень,— почувствуешь, продолжалъ Василій Лукичъ, любуясь разрознен-

Digitized by Google

ными отрывками рѣчи, какъ любуется не знатокъ, но любитель музыки, непонятными аккордами мудреной «музыки будущаго».

— Лошадей привели, доложилъ Аѳанасій.—Я привязалъ мѣшокъ съ бѣльемъ къ вамъ за сѣдло, Петръ Тимоѳеичъ. Глядите же, не растеряйте... Вотъ вамъ записка, что отпущено, прибавилъ онъ, подавая лоскутокъ бумаги съ довольно мудреными, начертанными тупымъ карандашомъ, гіероглифами.

Подпоручикъ сунулъ записку въ карманъ. Аѳанасій, развязавъ зубами замшевый, засаленный кошелекъ и отведя въ сторону Катенева, пересчиталъ и передалъ ему десятокъ червонцевъ, причемъ не преминулъ сказать нѣсколько словъ о томъ, «что не надо тратить денегъ по-пустому».

— А въ случаѣ недостачи, ужь не оставьте, Василій Лукичъ, не откажите... обратился онъ къ полковнику.

— Съ голоду не умремъ... Поѣдемте, отвѣчалъ Василій Лукичъ.—Съ хозяйкою я расплатился.

— Такъ я вамъ долженъ, началъ-было подпоручикъ.

— Сочтемся, отвѣчалъ толстякъ и, перекрестясь, полѣзъ на казачью лошадь.—А смирна? спросилъ онъ урядника, охорашивавшаго неказистаго коня.—Я, братъ, кавалеристъ плохой....

— Теленокъ, ваше высокородіе, отвѣчалъ урядникъ, подбодривъ лошадь нагайкою и подводя хохлатую гнѣдую лошаденку, доставшуюся подпоручику.

— Прощайте, Петръ Тимоѳеичъ, пожалуйте ручку, кричалъ Аѳанасій, не спуская глазъ съ лошади съ чемоданомъ, хотя около нея стоялъ на-сторожѣ деньщикъ Василья Лукича, тоже ѣдущій съ обозомъ, при вещахъ.—Глядите же, берегите себя... съ деньгами поосторожнѣе... Прощайте, Василій Лукичъ, не оставьте, въ случаѣ чего...

Но полковникъ ничего не отвѣчалъ, весь погрузившись въ наблюденіе за своею лошадью, защищавшеюся ногами и хвостомъ отъ мухъ.

— Что-жь это она брыкается? Лягаетъ.... Не съ норовомъ ли ты мнѣ далъ? спросилъ онъ урядника.

— Это она отъ мухъ, ваше высокородіе, отвѣчалъ, разсмѣявшись, казакъ.

Всадники, въ сопровожденіи казака, тронулись мелкою рысцей; табунъ вьючныхъ лошадей поплелся тоже, но въ противоположную сторону; вьюки и часть артиллеріи должны были обходомъ идти къ Цюриху. Подпоручикъ, не безъ удовольствія, къ вечеру

Digitized by Google

догнавъ свиту, разстался съ своимъ толстымъ спутникомъ; Василій Лукичъ, послѣ трехминутной легонькой рыси, задыхался и упрашивалъ ѣхать шажкомъ; а отъѣхавъ двѣ, полторы версты, слѣзалъ съ коня, ложился на траву и, закуривъ трубку, принимался оплакивать положеніе арміи; эти краснорѣчивые плачи старика, не принося никакой существенной пользы находившемуся, что правда, въ незавидномъ положеніи войску, задерживали иногда на цѣлый часъ путешественниковъ; оставить полковника съ казакомъ, уѣхавъ впередъ, Катеневъ считалъ невѣжливымъ, а Василій Лукичъ на всѣ его убѣжденія ѣхать и не терять времени отвѣчалъ: «успѣемъ; насъ никто не гонитъ... Время у насъ, сударь, не купленное».

Догнавъ, наконецъ, свиту и фельдмаршала, Катеневъ ночевалъ у одного изъ адъютантовъ и на другой день, утромъ, сидѣлъ въ небольшой комнаткѣ у простаго, деревенской работы, стола и срисовывалъ карту. По комнатѣ расхаживалъ молодцеватою походкою, съ трубкою, поглядывая поминутно на щегольскіе свои ботфорты со шпорами, красивый человѣкъ лѣтъ тридцати, въ бѣлой голландской рубашкѣ и рейтузахъ; на спинкѣ тростниковаго стула растопыренъ былъ новенькій генеральскій мундиръ, а подлѣ шпаги и бѣлой фуражки лежала лента.

— Такъ неужели, братецъ, нѣтъ у насъ, такъ-таки, ни одного червонца? спросилъ онъ, остановясь противъ старика-лакея, въ гороховомъ сюртукѣ, переминавшагося у дверей съ ноги на ногу.

— Ни гроша, Михаилъ Андреевичъ, отвѣчалъ слуга, принявъ почтительно-величественную позу, обличавшую сразу воспитаніе, полученное въ многолюдной прихожей знатнаго екатерининскаго, барина.—Вчера вѣдь вы изволили сами приказать раздать солдатамъ на стоянкѣ послѣдніе восемь червонцевъ... Вы извольте сообразить, откуда же имъ быть въ настоящее время? закончилъ слуга, кашлянувъ какъ бы для того, чтобы придать болѣе силы и убѣдительности своимъ, и безъ того трудно опровержимымъ, доводамъ.

— Скверно!... замѣтилъ, ловко повернувшись на каблукахъ и взъерошивъ рукою курчавые, не пудреные, русые волосы, молодой генералъ.—Мой Богъ, не хорошо Сергѣй. Но это передъ деньгами, продолжалъ онъ, расхохотавшись звонкимъ смѣхомъ и принимаясь снова расхаживать, поглядывая на лаковые свои ботфорты.—Ну что, mon cher, идетъ дѣло на ладъ? обратился онъ, остановившись у стола и взглянувъ на работу Катенева.—Да вы ужь не отдѣлывайте очень-

Digitized by Google

то... Отлично... Бросьте. Давайте лучше потолкуемъ, прибавилъ онъ, отдавъ трубку слугѣ и положивъ руки на плеча подпоручика.

Катеневъ поднялся съ своего стула, окинувъ раза два глазами конченную работу; слуга ушелъ въ переднюю; хозяинъ сѣлъ въ ветхое кожаное кресло, помнившее, можетъ-быть, Вильгельма Теля, и произнесъ, запустивъ руки въ карманы рейтузъ:

— Не худо бы теперь позавтракать, mon cher, но такая поганая исторія со мной...

— Сейчасъ, отозвался слуга изъ-за перегородки, отдѣлявшей переднюю.

— Что «сейчасъ»? спросилъ, выпрямившись и прислушавшись къ голосу камердинера, хозяинъ.

— Сейчасъ подамъ завтракъ, отвѣчалъ, постукивая ножами, слуга.

— А... это дѣло... Давай, давай. отозвался хозяинъ.

Слуга внесъ на тарелкѣ кусокъ сыру, бѣлый хлѣбъ, двѣ рюмки и бутылку рейнвейна и проговорилъ, уставляя завтракъ на столъ:—А эдакъ нельзя, воля ваша, Михаилъ Андреевичъ.... Это никакихъ денегъ не достанетъ—давать встрѣчному и поперечному...

— Tais toi, traitre, продекламировалъ хозяинъ тѣмъ пошибомъ, какимъ декламировали прежніе трагики Корнеля и Расина.—У тебя, братецъ, страсть ворчать. Не угодно ли? обратился онъ, наливая рюмки, къ Катеневу.

Молодцоватый, молодой генералъ былъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, «русскій Баярдъ», какъ называли его, рыцарь безъ страха и упрека; воспитанникъ гёттингенскаго университета, слушатель Канта, потомъ учившійся военнымъ наукамъ въ Мецѣ и Страсбургѣ, Михаилъ Андреевичъ остался студентомъ до самой своей смерти. Въ Гёттингенѣ, Мецѣ, Страсбургѣ жилъ онъ то русскимъ бариномъ, расплачиваясь съ извощиками золотомъ, покупая античныя статуи, картины, то сидѣлъ безъ табаку, питаясь съ двумя людьми, камердинеромъ и крѣпостнымъ парикмахеромъ, въ долгъ у хозяйки квартиры, что не мѣшало ему, впрочемъ, острить и хохотать по-прежнему. Иногда даже, въ эти черные дни, приглашалъ онъ вдругъ человѣкъ тридцать гостей къ себѣ на вечеринку, ни слова не сказавъ Сергѣю, своему кассиру и камердинеру. «Помилуйте, Михаилъ Андреевичъ», говорилъ озадаченный такимъ сюрпризомъ старикъ; «какіе гости? У насъ ни хлѣба нѣтъ, ни кофею».—«Мой Богъ! Я не о хлѣбѣ,

Digitized by Google

братецъ, тебѣ и говорю, а о шампанскомъ», объяснялъ Михаилъ Андреевичъ. Сергѣй бѣжалъ убѣждать погребщика, трактирщика-сосѣда, и вечеринка дѣлалась на славу.—«Ну вотъ видишь», замѣчалъ Милорадовичъ, провожая подъ утро гостей,—«на свѣтѣ, братецъ, ничего нѣтъ невозможнаго». Щеголеватость и страсть къ живописному наряду у Милорадовича вытекала вовсе не изъ фатовства, а изъ чувства изящества; онъ ненавидѣлъ трусость, какъ говаривалъ самъ, «потому что она не живописна»; страсть рисоваться передъ непріятелемъ была у него въ связи со страстью къ картинамъ и статуямъ. Слишкомъ нецеремонный, подчасъ, съ кредиторами, Михаилъ Андреевичъ отдавалъ послѣднюю копѣйку бѣдняку, сыпалъ пригоршнями червонцы раненымъ, плѣннымъ. «Миша выметаетъ деньги, ежедневно, точно соръ», говаривалъ про него Суворовъ, знавшій его съ дѣтства. Михаилъ Андреевичъ былъ избалованъ отцомъ (бывшимъ намѣстникомъ въ Малороссіи), любившемъ его безъ памяти; но своею расточительностью выводилъ онъ изъ терпѣнія отца и получалъ отъ него въ каждомъ почти письмѣ выговоры. Кто-то изъ иностранцевъ, посѣтившихъ тогда Россію, замѣтилъ, что ни въ одной странѣ онъ не видалъ такого избалованнаго сословія, какъ русское екатерининское дворянство. Милорадовичъ, одинъ изъ обломковъ этого времени, былъ не одинокое явленіе въ тотъ вѣкъ; порокъ жить безпорядочно и не по средствамъ, безцеремонность съ кредиторами—эти черты и привычки были у всѣхъ почти, но замѣчены въ немъ потому, что человѣкъ онъ былъ замѣтный.

— Набей мнѣ трубку, обратился къ своему слугѣ Михаилъ Андреевичъ.—Вы кушайте, а я схожу, навѣщу нашего больнаго... Что, докторъ былъ у него?

— Былъ два раза, отвѣчалъ Сергѣй, набивая трубку.

Хозяинъ ушелъ въ сосѣднюю комнату.

— А кто это боленъ? спросилъ Катеневъ.

— Гусаръ, берейторъ нашъ, который около лошадей, отвѣчалъ камердинеръ.

Катеневъ ничего не понималъ: «берейторъ....» На дворѣ, онъ видѣлъ, стояли въ щегольскихъ попонахъ съ вензелями три верховыя превосходныя лошади; на вопросъ его: «чьи онѣ?» солдатъ отвѣчалъ: генерала Милорадовича. «А между тѣмъ ни гроша денегъ, самъ говоритъ, нѣтъ», раздумывалъ подпоручикъ, отрѣзывая кусокъ сыру. Согласовать такую обстановку съ такимъ крайнимъ безденежьемъ не только знавшій издали Милорадовича до сихъ

Digitized by Google

поръ подпоручикъ, но и близкій знакомый нашелъ бы, разумѣется, немного затруднительнымъ.

— У него жаръ опять.... И въ этомъ виноватъ ты, братецъ. Отчего ты ему не далъ вчера мою шаль? проговорилъ Михаилъ Андреевичъ, возвращаясь къ своему гостю.

— Помилуйте, сударь, защищался Сергѣй, подавъ трубку и высѣкая огонь.—Турецкую, дорогую шаль дамъ я солдату!...

— Не разговаривать!... Отнеси сейчасъ же, крикнулъ генералъ, весь вспыхнувъ и топнувъ ногою такъ, что длинная бутылка закачалась и вѣрно бы слетѣла со стола, еслибы не была подхвачена Катеневымъ.

Слуга положилъ зажженый трутъ на трубку и, доставъ изъ чемодана шаль, не прекословя, понесъ ее больному.

— Скотина, прошепталъ сердито въ слѣдъ ему хозяинъ и, обратясь къ подпоручику, извинился въ своей горячности.—Безчеловѣчный народъ, продолжалъ онъ.—Берейторъ, старый мой сослуживецъ, заболѣлъ... Лихорадка и скверная... И представьте, боленъ недѣлю человѣкъ, а мнѣ только вчера сказали...

Милорадовичъ ушелъ, спустя нѣсколько минутъ, опять къ больному. Катеневъ вынулъ свой альбомъ и отъ нечего дѣлать сталъ рисовать; изъ-подъ карандаша явился, какъ живой, Василій Лукичъ на казачьей лошади.

— Похоже, замѣтилъ расхохотавшись, взглянувъ на рисунокъ, воротившійся Милорадовичъ.—Нарисуйте мнѣ его съ флейтою; онъ играетъ всегда зажмурясь... Вы помните?

— Я знаю, отвѣчалъ подпоручикъ, и, къ удовольствію Михаила Андреевича, минутъ черезъ пять, на оторванномъ листкѣ альбома появился полковникъ уже въ образѣ виртуоза.

Милорадовичъ хохоталъ какъ дитя.

— А не секретъ? Можно мнѣ посмотрѣть ваши эскизы? спросилъ онъ, перелистывая книжку.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ Катеневъ, немного сконфузившись.

— Вы мастеръ... Очень хорошо сдѣлана лошадь... Это Денисовъ? Ну, не совсѣмъ похожъ, замѣтилъ Милорадовичъ, разсматривая акварельныя картинки подпоручика.—А эта женская головка? Мой Богъ!... Это моя знакомая, произнесъ онъ, вглядываясь въ головку маркизы, прикрытую для чего-то сепіею.

— Это моя кузина, отвѣчалъ Катеневъ.

— А зачѣмъ же вы краснѣете? спросилъ Михаилъ Андреевичъ, взглянувъ съ улыбкою на вспыхнувшаго вдругъ подпоручика.

Digitized by Google

— Краснѣю? Я не покраснѣлъ, кажется... А впрочемъ, можетъ-быть, вино, объяснилъ Катеневъ.

Къ счастью подпоручика, въ комнату вошелъ въ это время сухой, маленькаго роста, одноглазый и рябоватый офицеръ съ необыкновенно живыми, часто неожиданными, тѣлодвиженіями.

— У насъ отнимаютъ муловъ, ваше превосходительство... Говорятъ, наняты только до здѣшняго мѣста; проводники ужь сбрасываютъ орудія и поклажу, заговорилъ безъ остановки и безъ знаковъ препинанія, съ оживленными жестами вошедшій.

— Врутъ... Мулы должны быть наняты дальше, вскрикнулъ Милорадовичъ.—Сходи и узнай, гдѣ Вейратеръ, обратился онъ къ Сергѣю.

— Онъ у фельдмаршала, Михаилъ Андреевичъ, зачастилъ опять одноглазый офицеръ.—Я былъ у него: онъ говоритъ: до Беллинцоны мулы наняты.

— Мундиръ, закричалъ Милорадовичъ, вскочивъ съ своего мѣста.—Подлецы! кричалъ онъ, надѣвая мундиръ.—Я самъ имъ говорилъ... продолжалъ онъ, схвативъ фуражку и выбѣгая изъ комнаты.

Офицеръ побѣжалъ за нимъ. Слуга посмотрѣлъ въ окно, зѣвнулъ и вышелъ въ переднюю, прошептавъ про себя: «оказія».

Катеневъ, спрятавъ альбомъ, взялъ шляпу и вышелъ на крыльцо; противъ домишка, занимаемаго Милорадовичемъ, у фельдмаршальскаго крыльца, стояла толпа швейцарцевъ-проводниковъ, снявъ шляпы и понуривъ головы; офицеръ, въ бѣломъ австрійскомъ мундирѣ, поминутно выбѣгалъ къ нимъ и, потолковавъ, опять исчезалъ въ дверяхъ двухъ-этажнаго дома, занимаемаго фельдмаршаломъ: проходившіе мимо офицеры, замѣтно, были озабочены. «Проводники, запасы...» доносилось иногда до слуха подпоручика. Цѣлый день шла бѣготня и тревога; солдаты молча сидѣли или стояли кучками на улицѣ городка; табунъ развьюченныхъ муловъ гоняли изъ мѣста въ мѣсто погонщики; сновали взадъ и впередъ на своихъ лошадкахъ казаки. Наконецъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, Милорадовичъ воротился; онъ былъ не въ духѣ, ругался, кричалъ, придирался къ Сергѣю, озабоченному отправкою верховыхъ лошадей и больнаго берейтора назадъ къ обозу. Въ комнату поминутно вбѣгали адъютанты, писаря, казаки.

Перевалило за полночь, когда Милорадовичъ сѣлъ на казачью лошадь и выѣхалъ. Катеневъ, прикомандированный къ нему,

Digitized by Google

присоединившись къ свитѣ, состоявшей человѣкъ изъ пяти, поѣхалъ за нимъ, тоже на казачьей лошади; свита толковала дорогою о непріятныхъ новостяхъ, полученныхъ изъ корпуса Римско-Корсакова, находящагося близь Цюриха.

— А мы куда идемъ? Къ Цюриху? Въ обходъ или черезъ горы? спросилъ подпоручикъ у ѣдущаго рядомъ, необыкновенно длиннаго, адъютанта.

— Сколько я знаю, черезъ горы, отвѣчалъ адъютантъ.

Въ темнотѣ, вправѣ отъ ѣдущихъ, сквозь изморось, свѣтились огоньки казачьихъ пикетовъ и впереди, точно движущійся маякъ, бѣлѣлъ картузъ Милорадовича.

V

Что можетъ быть скучнѣй венгерской пушты *)? А все бы я глядѣлъ, въ сѣрый осенній день, въ ея безбрежную даль, то зеленѣющую, желтую, то засинѣвшую, сверкнувшую вдругъ озеркомъ, выглянувшимъ, какъ зеркальцо, изъ-за увядшей, бурой и густой, осоки. Пусто; чернѣетъ одинокая чарда—корчма, съ полуразвалившеюся тесовою крышей; колодецъ съ поднятою къ верху длинною жердью; кое гдѣ, чуть видный отъ земли, кустарникъ растянулся по болоту; ястребъ задумчиво плыветъ подъ сизымъ облакомъ; пастухъ-словакъ, въ черной, широкополой шляпѣ и плащѣ, опершись на свою длинную палку, стоитъ, что одинокій памятникъ давно забытой старой были; рядомъ съ нимъ дремлетъ хохлатый песъ-овчаръ, всегдашній, неразлучный другъ и собесѣдникъ пастуха въ безмолвной, какъ могила, пуштѣ. «Тоска вѣдь, а не наглядишься», говорятъ туземцы.—«Я ѣду въ пушту», скажетъ вамъ венгерецъ, сѣдлая длинногриваго коня, и непремѣнно покрутитъ свой длинный усъ; улыбка непремѣнно озаритъ суровое и загорѣлое лицо его. А чего, чего не видывала пушта на длинномъ вѣку своемъ! Видала битвы, грабежи, цыганъ, шайки удалыхъ молодцовъ, измѣны, народнаго поэта, подъ пестрымъ рубищемъ бродячаго комедіанта, въ корчмѣ внимающаго грустному напѣву родной пѣсни, сбирающаго здѣсь, здѣсь въ пуштѣ, эти молніи-слова и звуки, которые, сорвавшись съ звонкихъ струнъ, летѣли иск-

*) Такъ называется степь въ Венгріи.

Digitized by Google

рой по всей Венгріи, чтобы зажечь и стараго и малаго любовью къ родинѣ, къ этой широкой, грустной пуштѣ.

Сентябрское утро было ясно, но туча, подымаясь тамъ, надъ темно-синею далью, грозила проницающимъ осеннимъ дождикомъ, холоднымъ, безконечнымъ, скучнымъ, будто нравоученіе ворчливой мачихи; воздухъ былъ ясенъ и прозраченъ, какъ это бываетъ осенью послѣ дождя. По грязной дорогѣ, извивающейся черною лентой межь пустынныхъ болотъ, ѣхали другъ за другомъ, почти шагомъ, двѣ высокія кареты въ восемь лошадей: четыре врядъ и по двѣ цугомъ, съ однимъ вершникомъ; за ними, отставъ довольно далеко, тащились двѣ венгерскія брички четверками; огромные колеса каретъ вязли въ грязи; грузные, расписанные кузовы качались на высокихъ рессорахъ и ремняхъ изъ стороны въ сторону. Навстрѣчу ѣдущимъ, краемъ дороги, пробирались, перепрыгивая черезъ лужи, человѣкъ пять мальчиковъ и старикъ съ цимбалами на ремнѣ; два черные, длинноволосые, лѣтъ, можетъ-быть, по шестнадцати, шли впереди съ кожаными мѣшками за плечомъ, изъ которыхъ выглядывали головки скрипокъ и концы смычковъ; третій, постарше всѣхъ, вслѣдъ за солистами тащилъ за ручку на плечѣ, красный какъ огонь, віолончель, съ придѣланною внизу длинною подставкою; позади шли двое: одинъ, бѣлокурый, съ волынкой подъ мышкою, былъ весь обвѣшанъ длинными и коротенькими дудками, а другой, рябой, невзрачный мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, доѣдая кусокъ чернаго хлѣба, несъ треугольникъ и полдюжины проволочныхъ мышеловокъ; увидѣвъ ѣдущихъ, бродячіе художники остановились и сняли свои войлочныя, коричневыя шляпы.

— Voyez, voyez! Les musiciens ambulants, произнесла, высунувшись изъ кареты, съ рѣзвою улыбкою, женская, почти дѣтская, бѣлокурая головка, съ личикомъ, напоминающимъ головки кисти Грёза.—Il faut qu'ils, jouent, Josephe. Непремѣнно... Я хочу ихъ слышать, говорила она то по-русски, то по-французски, обращаясь къ своему спутнику, красивому молодому человѣку, въ синей коротенькой венгеркѣ; молодой человѣкъ дернулъ снурокъ, и экипажъ остановился.

— Sage dasz sie spielen, обратился онъ къ егерю, соскочившему съ козелъ.

Нѣмецкій выговоръ молодаго путешественника обличалъ природнаго Вѣнца. Егерь, почтительно приподнявъ свой зеленый, съ золотымъ позументомъ, картузъ, отвѣтилъ: «sehr wohl, jhre

Digitized by Google

Hoheit» и подошелъ къ музыкантамъ. Артисты, надѣвъ шляпы, вытащили изъ мѣшковъ скрипки; старикъ усѣлся на кочку съ цимбалами, волынщикъ раставилъ дудки, віолончелистъ воткнулъ подставку въ дернъ, и черезъ двѣ минуты походный оркестръ, по знаку перваго скрипача, грянулъ вербунку. Ямщикъ поправилъ на бокъ свою шляпу и, покручивая усы, поматывалъ длиннымъ бичомъ, вслушиваясь въ знакомый мотивъ роднаго, бѣшенаго танца; молодая путешественница, высунувшись изъ окна, смѣялась и, поминутно обращаясь къ спутнику, говорила: «C'est unique!. Прелесть... Браво, браво». Скрипачи, поглядывая изъ подлобья на знатныхъ слушателей, съ важностью виртуозовъ, нарѣзывали рѣзвый танецъ; сѣдой цимбалистъ выдѣлывалъ дроби, звенѣлъ колокольцемъ, гудѣлъ литаврами на металлическихъ, ржавыхъ струнахъ своего инструмента.

— А пѣсню, пѣсню... Dites, qu'ils jouent une chanson nationale, проговорила дѣтскою скороговоркой дама, поправивъ кружевную маленькую шляпку.—Не правда ли, какъ хорошо? Есть что-то своеобразное въ мотивѣ. Ne c'est pas? крикнула она, высунувшись изъ окна.

Изъ задней кареты выглянула молодая дама и утвердительно кивнула головою. Спутникъ передалъ, между тѣмъ, желаніе своей сосѣдки гусару, соскочившему съ запятокъ и оглядывавшему рессоры экипажа. Музыканты настроили скрипки и, переглянувшись, заиграли грустную, протяжную мелодію; цимбалы, будто похоронный колоколъ, глухо вторили пѣснѣ.

Это ее, грустную пушту, рисуетъ звукъ... Откуда эта связь, связь неразрывная нѣмой природы съ пѣсней, вырвавшейся, почти безъ вѣдома, изъ сердечнаго тайника пѣвца-туземца? Слушаешь,—и тѣ же думы-грёзы налетаютъ на душу, какія ей несутся съ молчаливаго простора пестрой пушты... Вотъ завылъ, слышите, осенній вѣтеръ, дождь моросить; вотъ вдругъ пахнуло не надолго чѣмъ-то весеннимъ, запахомъ цвѣтовъ, березки, сочныхъ травъ; а вотъ опять взяла васъ за сердце тоскливая, не прерывающаяся ни на минуту, ни весной, ни лѣтомъ, однообразная и жгучая, какъ горе бѣдняка, и тяжкая, будто разлука навсегда съ родимою стороной, съ своими, нота.

Молодая женщина слушала молча, отвалясь въ уголъ кареты.

— Какая грусть... Грустно-то какъ. Боже! Это грустнѣе еще нашихъ русскихъ пѣсенъ, проговорила она вполголоса по-русски, закрывъ глаза маленькою ручкой, обтянутою свѣжею лайкой.

Digitized by Google

— Довольно, произнесъ по-венгерски, озабоченно взглянувъ на свою спутницу и бросивъ червонецъ музыкантамъ, молодой путешественникъ.

Пѣсня, смолкая тише. тише, вдругъ словно улетѣла туда, далеко, гдѣ надъ синею лентою дали растетъ темная туча, грозя осеннимъ дождемъ, вѣтромъ и холодомъ. Экипажъ тронулся; бродячій оркестръ, крикнувъ: «эльэнъ», помахалъ шляпами и весело побрелъ своею дорогой.

Юная путешественница была наша русская великая княжна Александра Павловна, а спутникъ—мужъ ея, эрцгерцогъ и венгерскій палатинъ Іосифъ, братъ императора Франца. Молодые возвращались изъ Вѣны въ Офенъ, посѣтивъ два дальнія свои помѣстья. Это уже былъ не первый пріѣздъ ихъ въ Венгрію. Офенъ уже былъ знакомъ нѣсколько мѣсяцевъ съ эрцгерцогинею и успѣлъ полюбить ее. Въ Вѣнѣ молодая эрцгерцогиня произвела на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе: привѣтливая ко всякому, не любившая церемоній и этикета, строго соблюдавшагося при чопорномъ вѣнскомъ дворѣ того времени, эрцгерцогиня затмила на первомъ же балѣ многихъ красавицъ, не говоря уже о некрасивой императрицѣ Терезѣ. «Comme elle est belle!» зашептали во всѣхъ концахъ, когда эрцгерцогиня вошла въ залу подъ руку съ императоромъ. Францъ, говорятъ, былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ великой княжны съ его первою женою Елизаветою, родною сестрой матери великой княжны, императрицы Маріи Ѳеодоровны. Кто знаетъ, можетъ-быть эти раздавшіяся похвалы, прежде всего, кольнули въ сердце не красавицу Терезу; она продолжала звать ее: ma bonne amie, цѣловать въ лобъ, но въ черныхъ глаза самолюбивой неаполитанки всѣ, съ первой встрѣчи съ новою родственницей, замѣтили какой-то зловѣщій блескъ; а на челѣ ея каждый разъ появлялись тучи, когда неосторожный придворный принимался восхвалять при ней красоту эрцгерцогини.

Въ Офенѣ были назначены императоромъ маневры; эрцгерцогъ, въ этотъ разъ, ѣздилъ приглашать Франца и Терезу въ Офенъ; но тотъ и другая, неожиданно, отказались, отговариваясь неотложными занятіями; маневры были отмѣнены; большую часть идущаго въ Офенъ войска эрцгерцогъ воротилъ на ихъ квартиры. Посѣтивъ имѣнія, эрцгерцогъ и эрцгерцогиня останавливались иногда посмотрѣть мѣстныя войска и нерѣдко принуждены были ночевать въ венгерскихъ, сербскихъ селахъ и

Digitized by Google

деревняхъ. Народъ и особенно православные сербы валили толпами изъ дальнихъ деревень, заслышавъ, что ѣдетъ «съ Русіи дочь царская»; окруживъ высокую карету, сербы приходили въ неописанный восторгъ, когда эрцгерцогиня заговаривала съ ними по-русски; нѣкоторые подносили ей медъ, яйца, вино, ягоды.

— Кад смо те видили, кано сунце насъ огріяло [1]), толковали старики, опершись на свои длинные посохи и любуясь дочерью царя русскаго.—Фала Богу, кой те е послао у нашу землю [2]).

— Оглушили мы тебя, извинялась толпа, когда венгерская прислуга палатина принималась оттирать сермяжниковъ отъ экипажа, замѣчая имъ, что шумъ и говоръ ихъ безпокоятъ эрцгерцогиню.—Устала ты, говорили тогда крестьяне.—Далеко си ишо, да видишъ нашу краину [3]).

«Россія, русскій»—слова, донынѣ чарующія серба и особенно простолюдина; около этихъ словъ вьется у него столько надеждъ, что становится страшно русскому при мысли: выполнимъ ли мы хоть малую часть долга, возлагаемаго на каждаго изъ насъ этою жаркою любовью искреннихъ сердецъ? Поможемъ ли сбыться хотя долѣ этихъ упованій? Почти это же чувство заговорило въ юномъ сердцѣ дочери русскаго царя, когда она, краснѣя, благодарила за любовь бѣдныхъ, но богатыхъ упованіями и надеждами новыхъ младшихъ семьянъ своихъ. И новымъ свѣтомъ озарялось въ глазахъ влюбленнаго супруга вспыхивавшее, при этихъ простыхъ словахъ привѣта, румянцемъ лицо стыдливой, молодой подруги.

Мы не будемъ описывать двухнедѣльнаго путешествія молодыхъ супруговъ, парадовъ, встрѣчъ въ городкахъ съ неизбѣжною, скучнѣйшею, латинскою рѣчью старшаго пастора,—иллюминацій съ запахомъ свѣчнаго сала, съ вензелями и рисунками, отличающимися больше усердіемъ, нежели вкусомъ устроителей,—пира, на широкую руку заданнаго примасомъ Батіани, въ его роскошномъ лѣтнемъ дворцѣ, окруженномъ зеленью и виноградниками, уже увѣшанными спѣлыми, золотыми кистями;—мы прямо съ одинокой пушты перенесемъ читателя и экипажи въ Офенъ, на мостъ, перекинутый черезъ Дунай, на оживленныя улицы города, не ожидавшаго, впрочемъ, такъ рано палатина. Офенъ ждалъ его дней черезъ пять, вмѣстѣ съ царственною че-

---

[1]) Когда мы тебя увидали, точно солнце насъ обогрѣло.

[2]) Хвала Богу, пославшему тебя въ нашу землю.

[3]) Ты ѣхала издалека, чтобы посмотрѣть нашу сторону.

Digitized by Google

тою, и приготовлялъ роскошнѣйшую иллюминацію для встрѣчи; прибитые на стѣнахъ домовъ, на балконахъ, воротахъ и заборахъ деревянные щиты, вензеля, транспаранты—напоминали первую корректуру, имѣющей явиться въ свѣтъ, хвалебной оды: тамъ буква выскочила изъ строки, знакъ восклицанія перевернулся въ верхъ ногами, ять влѣзла не въ указанное мѣсто, а точка съ запятой, безъ зазрѣнія совѣсти, лѣзетъ въ несвойственную ей должность двоеточія. Два толстяка, изъ членовъ магистрата, завидя экипажъ эрцгерцога, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ приподняли свои широкополыя шляпы, а подошедшій къ нимъ третій, оправляя свой громаднѣйшій парикъ, гордость сосѣдняго цирульника, даже произнесъ, здороваясь съ сочленами: «да какъ же это такъ? Вѣдь палатинъ хотѣлъ быть вмѣстѣ съ королемъ»? (Высшее и среднее сословія въ Венгріи называютъ королемъ императора; простой народъ называетъ его «csásár»). Кареты, не обративъ однакоже вниманія на это недовольство членовъ магистрата, надѣявшихся, вѣроятно, припрятать сотенку-другую гульденовъ отъ пыланія щитовъ и плошекъ, изображающаго неугасимый пламень вѣрноподданнѣйшихъ сердецъ городскаго населенія, простучавъ мостомъ, въѣхали задними воротами на дворъ замка, занимаемаго палатиномъ. Смеркалось, но дворецъ былъ не освѣщенъ; только внизу, въ швейцарской, мерцалъ огонекъ. Заслышавъ стукъ экипажей, старикъ-швейцаръ выбѣжалъ на крыльцо и, хлопнувъ себя раза два, зачѣмъ-то, по длиннымъ поламъ сюртука руками, убѣжалъ снова въ переднюю. Эрцгерцогъ вошелъ подъ руку съ женою въ просторныя сѣни, полуосвѣщенныя одною лампою.

— Извините, ваше высочество, мы не ждали, бормоталъ, бѣгая изъ угла въ уголъ, толстый швейцаръ.—Карлъ, Іоганнъ! кричалъ онъ, выбѣжавъ на крыльцо.

Черезъ дворъ, въ припрыжку, бѣжалъ въ одномъ фракѣ, опираясь на трость, въ огромномъ парикѣ и на необыкновенно тонкихъ ножкахъ, худенькій, съ озабоченнымъ желтымъ лицомъ, гофмейстеръ; вбѣжавъ въ сѣни, онъ остановился въ почтительномъ отдаленіи и началъ выдѣлывать па, очень похожіе на тѣ, которые выдѣлываютъ актеры, выражая благодарность, благосклонно аплодирующей имъ, публикѣ.

— Aber lieber, Ритманъ! Не стыдно ли вамъ, въ ваши лѣта, такъ бѣгать? Вы совсѣмъ задохлись, проговорилъ эрцгерцогъ.

Гофмейстеръ, съ ловкостью танцмейстера, преклонилъ колѣно и какъ-то на лету поцѣловалъ руку эрцгерцогини.

Digitized by Google

— Но, мы никакъ не думали, ваше высочество, чтобы вы такъ скоро... Я получилъ послѣднее письмо вашего высочества, оправдывался старикъ-придворный, задыхаясь и роясь въ карманѣ фрака.—Оно...

— Я измѣнилъ маршрутъ, отвѣчалъ эрцгерцогъ, поднимаясь съ женою по освѣщенной уже лѣстницѣ.

Лакеи бѣгали по комнатамъ взадъ и впередъ со свѣчками, и черезъ пять минутъ дворецъ былъ освѣщенъ; запылали камины, а на бельведерѣ развѣвался бѣлый флагъ съ гербомъ палатина Венгріи.

Дворецъ эрцгерцога немногимъ отличался отъ богатаго помѣщичьяго дома, но, отдѣланный заново для новобрачныхъ, глядѣлъ привѣтливо; въ бѣлую, небольшую гостиную эрцгерцогини, черезъ полчаса, гофмейстеръ ввелъ католическаго, длиннаго и тонкаго, патера, съ женственнымъ, розовымъ лицомъ и пожилаго уже русскаго священника, одѣтаго въ рясу; тогда, въ Вѣнѣ, наши духовные носили свою обычную одежду и не подбирали волосъ съ тѣмъ мастерствомъ, съ какимъ это дѣлаетъ современное православное духовенство при миссіяхъ; гофмейстеръ, озабоченнымъ взоромъ окинувъ комнату, вышелъ; гости встали подлѣ окна.

— Вотъ сюрпризъ, заговорилъ по-нѣмецки, улыбаясь и взявъ подъ мышку свою пуховую, съ загнутыми полями, шляпу, патеръ.—И вы, patre, не имѣли свѣдѣній?

— Не имѣлъ, отвѣчалъ, тоже свободно по-нѣмецки, русскій священникъ.—Я только-что воротился изъ садика, продолжалъ онъ,—какъ вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ дочь: «ихъ высочества», говоритъ, «пріѣхали».

— Да; неожиданно... Я думалъ приготовить, все-таки, короткое привѣтствіе, говорилъ, краснѣя, патеръ,—и набросалъ бы, но такъ какъ ждали императора, то думаю себѣ: епископъ долженъ произнести...

Въ это время вошла хозяйка въ свѣтло-голубомъ атласномъ платьѣ; ласково поклонившись патеру, она подошла къ благословенію; священникъ благословилъ ее, и эрцгерцогиня, сѣвъ въ кресло, жестомъ пригласила сѣсть и гостей.

— Вы насъ, вѣрно, не ожидали? заговорила по-французски хозяйка.—Мы и сами не думали такъ скоро быть... Но ихъ величества объявили, что не могутъ быть въ Офенѣ раньше зимы; ихъ остановили дѣла... Вѣну вы знаете... Насъ утомили балы, вечера, и мы поспѣшили вырваться.

Digitized by Google

Патеръ, погладивъ шляпу и поправившись въ своемъ креслѣ, отвѣчалъ на рѣчь эрцгерцогини, выразивъ улыбку сожалѣнія:

— Да, ихъ величества въ настоящее время, должно-быть, очень заняты: продолжительная война, сношенія съ дворами—все это отнимаетъ много времени у нашего милостиваго монарха.

Недавно взятый ко двору, патеръ проговорилъ свое, не особенно меткое, замѣчаніе такимъ сдержаннымъ, тихимъ гласомъ, какъ бы боясь оскорбить слухъ высокой собесѣдницы, что эрцгерцогиня не слыхала и половины сказаннаго.

— Да, императоръ очень занятъ, подтвердила она и, обратясь къ русскому священнику, спросила:

— А ваша дочь здорова?

Священникъ, поблагодаривъ за милостивое вниманіе, отвѣчалъ:

— Она первая сообщила мнѣ о пріѣздѣ вашего высочества.

Въ дверяхъ показалась красивая фигура палатина; раскланявшись съ гостями, онъ поправилъ бѣлокурые усы, удивительно шедшіе къ правильно-овальному лицу его, и сѣлъ подлѣ жены; лакеи подали чай; къ обществу присоединились, вошедшіе вслѣдъ за эрцгерцогомъ, гофмейстеръ и адъютантъ, здоровый, съ грубоватыми манерами и очень молодой венгерецъ.

— Et notre marquise? спросила священника, взявъ чашку, хозяйка.

— Она здѣсь въ Офенѣ, ваше высочество, отвѣчалъ священникъ;—но какъ я ни убѣждалъ ее переѣхать ко мнѣ, не могъ убѣдить, и она живетъ въ гостиницѣ.

— Я очень рада... Мы съ ней давно знакомы, дѣтьми играывали вмѣстѣ въ Гатчинѣ, проговорила эрцгерцогиня, и будто легкая тучка пробѣжала по молодому, свѣжему ея лицу.

Гофмейстеръ, замѣтивъ это, озабоченно поглядѣлъ на нее, на ея чашку и потомъ на подававшаго печенья лакея, вѣроятно, полагая, что недовольство ея высочества возбуждено неловкостью или несовершенствомъ сервировки. Эрцгерцогу доложили о пріѣздѣ коменданта Офена; онъ вышелъ въ сопровожденіи адъютанта въ пріемную. Маленькіе дворы часто стараются походить на большіе, но во дворцѣ эрцгерцога, какъ ни хлопоталъ гофмейстеръ о строжайшемъ этикетѣ, было уютно и просто; эта простота, не совсѣмъ нравившаяся гордымъ венгерскимъ магнатамъ, поддерживалась единодушно хозяиномъ и хозяйкою; эрцгерцогиня часто садилась за клавесинъ и пѣла; ея нотный альбомъ такъ и остался раскрытымъ на русской пѣснѣ: «Ахъ, скучно

Digitized by Google

мнѣ на чужой сторонѣ». Цѣніе нерѣдко вызывало изъ кабинета мужа, если никого у него не было; онъ садился подлѣ жены и, опершись на спинку ея стула, задумчиво слушалъ, перелистывая ноты; садовникъ-сербъ безцеремонно являлся съ первою, созрѣвшею въ парникѣ, дынею, и тутъ же оправлялъ цвѣты на окнахъ; карликъ, одѣтый гусаромъ, смѣло вбѣгалъ къ хозяйкѣ съ жалобою на камеръ-юнгферъ, приколовшихъ разноцвѣтный бантикъ къ его полуаршинному долману; во дворцѣ устраивались концерты, вечера, на которыхъ танцовали экосезы подъ негромкіе аккорды клавесина.

— А я вамъ покажу планъ новаго моего сада въ имѣньи, говорила священнику, позвонивъ и велѣвъ подать планъ изъ кабинета, эрцгерцогиня.—Вы вѣдь любитель.

Священникъ принялся внимательно разсматривать планъ; патеръ тоже, изъ вѣжливости, заложивъ назадъ руки, посматривалъ на листъ, испещренный разноцвѣтными колерами и надписями по-французски: «аллея, газонъ, бесѣдка».

— Но какая мѣстность!... Да, вы были, вѣдь, говорила хозяйка;—садъ на горѣ... внизу рѣчка съ островкомъ... Я думаю на островкѣ построить швейцарскій домикъ...

— Постройте русскую избу, ваше высочество, съ рѣзьбою, полотенцами, возразилъ священникъ.

Эрцгерцогиня кивнула утвердительно головой.

— Правда... Прекрасно, отвѣчала она по-русски.—Вотъ карандашъ... Напишите, вмѣсто chalet, по-русски: «изба».

Гофмейстеръ, вышедшій-было къ эрцгерцогу, вошелъ и доложилъ, что пріѣхала маркиза ди-Сальма, но боится, не потревожитъ ли она, въ день пріѣзда, ея высочество.

— Нисколько... Bitten sie... И послушайте... ей надобно сегодня же къ намъ переѣхать во дворецъ, проговорила хозяйка.

Гофмейстеръ поклонился, но, выйдя изъ гостиной, нахмурился и, покачавъ головою, прошепталъ: «удивительна мнѣ иногда эрцгерцогиня... Сегодня... Какъ это сдѣлать сегодня, когда...» Но, увидавъ маркизу въ пріемной, онъ вытянулся и, выразивъ на худощавомъ лицѣ своемъ улыбку, предложилъ руку и ввелъ пріѣзжую, уже съ сіяющимъ лицомъ, въ гостиную. Послѣ обычнаго тогда придворнаго поклона, маркиза подошла къ рукѣ эрцгерцогини; хозяйка поцѣловала ее и, взявъ за обѣ руки, усадила противъ себя.

— Ну, какъ вы, начала она то по-французски, то по-русски.— Et votre maman? Вашъ мужъ гдѣ?

Digitized by Google

Гостья едва успѣвала отвѣчать на множество вопросовъ, дѣлаемыхъ ей хозяйкою; священникъ и патеръ откланялись и вышли.

Русскій священникъ былъ Самборскій, духовникъ и постоянный спутникъ Александры Павловны; онъ жилъ сначала въ Лондонѣ; знаменитый въ свое время знатокъ ботаники и сельскаго хозяйства, онъ былъ совѣтникомъ эрцгерцогини и въ устройствѣ сада, разбиваемаго въ ея имѣньи, въ Венгріи. Его участіе къ сербамъ и содѣйствіе православнымъ приходамъ до сихъ поръ памятны въ Венгріи. Бракъ великой княжны возбудилъ мечты и упованія не въ однихъ венгерскихъ сербахъ; сербы турецкіе, участвовавшіе въ войнѣ противъ Турціи съ австрійцами и русскими, искали и находили нерѣдко защиту при дворѣ эрцгерцогини черезъ Самборскаго. Римско-католики косились на него, но уважали, зная о его близости, какъ духовника, къ супругѣ палатина.

Передъ ужиномъ маркиза была представлена эрцгерцогу; за столомъ, кромѣ хозяевъ, присутствовали гофмейстеръ, фрейлина, племянница воспитательницы хозяйки, и адъютантъ, живущій во флигелѣ дворца.

Кажется, не далеко отъ нашего описываемое время, а между тѣмъ все, начиная отъ высокихъ, пудреныхъ, дамскихъ тупеевъ съ жемчужными нитками, подвѣшенными по бокамъ, и кружевными легкими наколками до люстръ и жирандолей съ гранеными хрустальными подвѣсками,—словомъ, вся обстановка далеко была не похожа на нынѣшнюю; фарфоровые пастухи и пастушки на солонкахъ, расписанный сервизъ, агатовыя ручки ножей и вилокъ, вазы vieux saxe для плодовъ, венеціанскій хрусталь съ гербами, перламутровыя пуговицы фраковъ съ миніатюрными пейзажами, встрѣчаясь теперь только въ музеяхъ, переносятъ живо въ то время, которое отдалено не годами, а непостоянствомъ вкуса, покоряющагося безпрекословно капризной повелительницѣ—модѣ. Съ улыбкою чуть-чуть не сожалѣнія о наивности щеголихъ смотритъ нынѣшняя красавица на старинный уборъ, считавшійся когда-то изящнымъ и красивымъ, не думая о томъ, что черезъ двадцать-тридцать лѣтъ съ такою же снисходительною усмѣшкой будетъ поглядывать на ея наряды ея дочь или хорошенькая внучка.

За ужиномъ хозяйка и хозяинъ старались занимать гостей, но гости замѣчали облачко, то и дѣло набѣгавшее на прекрас-

Digitized by Google

ное лицо хозяйки, и тревожные, озабоченные взгляды эрцгерцога, поминутно имъ кидаемые на жену. Маркиза, гофмейстеръ и адъютантъ хотя и видѣли ясно грустное настроеніе хозяевъ, но не знали причины его; фрейлина, прибывшая съ ними вмѣстѣ изъ Вѣны, судя по потупленному взору и грустной улыбкѣ, съ которою отвѣчала она на вопросы маркизы, очень хорошо знала, какіе гостинцы привезли изъ Вѣны высокіе хозяева вмѣстѣ съ новою робою и великолѣпнѣйшимъ сервизомъ, подареннымъ имъ императрицею. Тотчасъ послѣ ужина всѣ разошлись; маркиза уѣхала въ свою гостиницу; она была приглашена эрцгерцогомъ переѣхать во дворецъ, а завтра посмотрѣть парадъ, назначенный, вмѣсто маневръ, войскамъ, стоявшимъ подлѣ Офена.

Утро было сіяющее; на широкой полянѣ, за Офеномъ, выстроились войска; надъ темными квадратами пѣхотныхъ полковъ, стоявшихъ посрединѣ, развѣвались трехцвѣтныя знамена съ вышитыми и написанными образами Богоматери; два полка гусаръ съ разноцвѣтными штандартами, съ надписями: «за отечество», «ne bántsd á Magyart» (не тронь маджара), и полуэскадронъ сербовъ, тоже на коняхъ, стояли по обѣимъ сторонамъ пѣхоты; въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ войска пестрѣла толпа зрителей; по гладкой дорогѣ, вьющейся отъ раскинутаго города, неслись экипажи съ разряженными дамами, скакали всадники, амазонки, извощичьи фіакры; изъ толпы экипажей выдѣлилась открытая коляска четвернею цугомъ, безъ вершника. «Эрцгерцогиня, палатинъ!» заговорили въ толпѣ, мимо которой, полемъ, крупною рысью пронеслась четверка и остановилась у кучки верховыхъ лошадей, охорашиваемыхъ берейторами; въ коляскѣ сидѣли эрцгерцогиня, маркиза, фрейлина и палатинъ. Стоявшіе сзади, два гусара откинули подножки; эрцгерцогъ, высадивъ жену, помогъ ей сѣсть на сѣраго, въ яблокахъ, коня, вскочилъ самъ на своего каряго венгерца, и молодая чета галопомъ полетѣла къ войску. Украшенная голубою, андреевскою лентою, шитая золотомъ, грудь малиноваго амазонскаго платья, расшитый золотомъ же, темнозеленый ментикъ эрцгерцогини, бриллiантовыя броша и перо на ея маленькой гусарской шапочкѣ горѣли на солнцѣ; грянула музыка, барабаны, и громкое «эльенъ» публики и войска огласило поле, когда красивая пара, осадивъ лошадей, поѣхала

Digitized by Google

плавною рысью мимо фронта; маркиза съ фрейлиною, подвинувшись въ экипажѣ къ войскамъ, любовались не столько войсками, сколько, въ самомъ дѣлѣ необыкновенно красивою, молодою четою. Поздоровавшись съ войсками, эрцгерцогъ и эрцгерцогиня встали среди поляны, во главѣ съѣхавшейся многочисленной, нарядной свиты, и войска двинулись мимо, подъ звуки музыки; проходила пѣхота, гусары ѣхали то шагомъ, то рысью.

Но вотъ, пришпоривъ своихъ крутошеихъ коней, огненныхъ питомцевъ пушты, закусивъ коротенькія трубки гусары понеслись вихремъ, съ гиками, по широкому полю; будто приросъ маджаръ къ крылатому коню, почуявъ вдругъ въ себѣ, на этомъ бѣшеномъ скаку свою степную, южную породу.... Стрѣлою, пулею несется, разметавъ густую гриву, конь.... Нѣтъ, мало ѣздоку... «Гей! Жару»! крикнулъ онъ, ударивъ острой шпорой скакуна, ужь мечущаго не дыханье, пламя изъ широкихъ ноздрей, сверкающаго изъ-подъ косматой чолки черными, какъ уголь, и налившимися кровью и огнемъ, свирѣпыми очами. Куда? Куда несешься ты, маджаръ, давъ волю огненной, степной своей природѣ? Въ пылу своей народной гордости, ты позабылъ, что человѣчество—одна семья, едино стадо съ однимъ небеснымъ, вѣчнымъ Пастыремъ. Пусть возведетъ поэтъ твой очарованныя очи туда, на небосклонъ, синѣющій не надъ одною пуштою; на яркой синевѣ его блистаетъ солнце, грѣя и озаряя весь Божій міръ, не одну Венгрію. Вотъ сербы понеслись на своихъ борзыхъ коняхъ, грянувъ тысячеустное «живіо» русской красавицѣ. Не Марко ли кралевичъ, на своемъ крылатомъ Шарцѣ, понесся впереди, въ расшитой золотомъ, шелками курткѣ, сверкнувъ острою саблею и звонко грянувъ изъ обдѣланной на диво въ серебро прадѣдней пушки—джевердана?

Парадъ окончился. Послѣ непродолжительнаго завтрака, къ которому были приглашены и маркиза съ фрейлиною, заданнаго военными въ раскинутой палаткѣ, эрцгерцогиня и эрцгерцогъ сѣли въ экипажъ и поѣхали въ Офенъ, мимо толпы, машущей шляпами, платками, подъ громкій крикъ: «эльенъ, живіо, слава».

Когда коляска палатина, обогнувъ круглый газонъ передняго двора, остановилась у подъѣзда, дворъ былъ уже уставленъ экипажами; на крыльцѣ, въ швейцарской, на лѣстницѣ толпились, пробираясь въ пріемную, мущины, дамы, духовныя особы, такъ какъ назначенъ былъ пріемъ послѣ парада у эрцгерцога и эрцгерцогини; послѣдняя пошла къ себѣ переодѣться; пала-

Digitized by Google

тинъ прямо прошелъ въ свою пріемную; дамы проходили въ сосѣдній, дамскій залъ; наконецъ, вышла эрцгерцогиня; нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ перешли въ ея залъ. Епископъ православной, офенской епархіи, первый, въ сопровожденіи Самборскаго подошелъ къ хозяйкѣ; благословивъ ее, онъ отошелъ къ другимъ дамамъ, уступивъ свое мѣсто католическому бискупу, упитанному, высокому человѣку, съ лицомъ, обличающимъ скорѣе страсть хорошо пожить, съѣсть, выпить, чѣмъ тяготѣніе къ постничеству и лишеніямъ. Поздравивъ хозяйку, очень ловкою французскою фразою, съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ путешествія и мимоходомъ доложивъ, что въ Офенѣ постоянно возсылались и возсылаются мольбы Всевышнему о сохраненіи драгоцѣннаго здоровья ихъ высочествъ, бискупъ потупилъ взоры и, перебирая кольца золотой цѣпочки, на которой висѣлъ его докторскій крестъ, началъ сдержаннымъ голосомъ такую рѣчь:

— Я осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ вашего высочества покорнѣйшую мою просьбу.

Хозяйка вопросительно взглянула на него.

— Дѣло вотъ въ чемъ, продолжалъ бискупъ:—къ слушанію греческой обѣдни, отправляемой въ дворцовой церкви вашего высочества, допускаются сербы и другіе не греческаго, но римско-католическаго исповѣданія.

— Мнѣ кажется, serenissime, возразила, вспыхнувъ, хозяйка, и въ римско-католическихъ церквахъ, во время обѣденъ, не препятствуютъ присутствовать людямъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

— Несомнѣнно, отвѣчалъ бискупъ.—Но мы, по возможности, стараемся не допускать, чтобы наша собственная паства, и особенно необразованная часть ея, посѣщала церкви другихъ исповѣданій, и вотъ на какомъ основаніи: народъ глупъ, народъ, ваше высочество, не зная хорошо тезисовъ, находится въ заблужденіи, а именно: слушая обѣдню на понятномъ ему языкѣ, онъ думаетъ, что это и есть его вѣра.

— Я не смѣю дѣлать вамъ нравоученій, возразила съ легкою ироніею хозяйка, но, мнѣ кажется, мѣры къ устраненію этого заблужденія могутъ быть приняты исключительно самимъ католическимъ духовенствомъ: ему слѣдуетъ объяснить народу тезисы и отправлять богослуженіе на языкѣ ему понятномъ.

Бискупъ замялся, но черезъ минуту, поднявъ голову и съ

Digitized by Google

важностію погладивъ свой жирный и гладко выбритый подбородокъ, отвѣчалъ:

— Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ вашего высочества, но съ точки зрѣнія, съ которой смотритъ, напримѣръ, на употребленіе латинскаго языка въ богослуженіи духовенство, можно возразить многое.... Но возраженія эти слишкомъ спеціальны, слишкомъ сложны и утомительны, чтобъ я сталъ обременять ими вниманіе вашего высочества.

— Я смотрю съ точки зрѣнія здраваго смысла, serenissime, рѣзко замѣтила, быстро пожавъ плечами, эрцгерцогиня.

Этимъ движеніемъ и быстрыми переходами отъ милости къ гнѣву Александра Павловна очень напоминала отца своего, императора Павла.

Бискупъ потупилъ глаза, сухо поклонился и съ лицомъ обиженнаго человѣка, извиняясь передъ всѣми, выбрался черезъ толпу дамъ и духовенства въ пріемную эрцгерцога. Хозяйка заговорила съ дамами, но сквозь обычную ея любезность и привѣтливость проглядывало ясно неудовольствіе, возбужденное приведеннымъ разговоромъ. Палатинъ обошелъ дамъ, и пріемъ кончился.

— Ты вспылила на что-то, ласково замѣтилъ онъ женѣ, когда они остались одни.

— Да.... Я послѣ разскажу тебѣ, хотя.... не стòитъ и разсказывать.... Это такой вздоръ, объясняла эрцгерцогиня, сѣвъ въ кресло и обмахиваясь костянымъ вѣеромъ.

Вечеромъ, маленькій колоколъ придворной церкви благовѣстилъ ко всенощной, такъ какъ былъ канунъ Воздвиженія; эрцгерцогиня прошла въ церковь внутренними покоями, въ сопровожденіи маркизы и фрейлины; на парадной, узкой, внѣшней, лѣстницѣ церкви толпилось человѣкъ шестьдесятъ сербовъ, большею частію изъ низшаго сословія, заглядывая въ стеклянную дверь освѣщеннаго небольшаго храма; швейцаръ, стоявшій внизу, впустилъ еще человѣкъ пять и опять загородилъ широкимъ своимъ туловищемъ дверь. Раздалось пѣніе; хоромъ, состоящимъ изъ восьми человѣкъ придворныхъ пѣвчихъ, привезенныхъ изъ Россіи, управлялъ молодой регентъ, ученикъ знаменитаго Турчанинова. «Хвалите Господа съ небесъ», стройно пѣлъ хоръ. И нужно было видѣть, какъ, опустивъ сѣдую голову, вслушивался въ слова хвалебной пѣсни колѣнопреклоненный старый сербъ; подлѣ него высилась мощная фигура черногорца, къ

Digitized by Google

роднымъ пріѣхавшаго въ Пештъ; градомъ катились слезы у богатыря на бѣлый казакинъ и изъ взволнованной, могучей груди то и дѣло вырывалось: «фала Богу великоме». А впереди стояла, будто ангелъ, надежда юная славянъ, внимая чудной молитвѣ родной церкви «о единеніи».

Священникъ, обходя съ кадиломъ храмъ, пошелъ и на площадку лѣстницы, гдѣ висѣлъ образъ Богоматери; не успѣлъ приблизиться онъ къ двери, какъ гофъ-фурьеръ принялся гнать богомольцевъ съ лѣстницы; смирные сербы вышли и остановились-было на дворѣ дослушать всенощную, но два полицейскіе солдата, думая угодить фурьеру, ворвались въ толпу и принялись гнать бѣдняковъ къ воротамъ палками; одни оборонялись, отталкивая осторожно полицейскихъ, другіе, почесывая спины, ушли; въ это время подъѣхалъ Новаковичъ, сербъ, ротмистръ, состоявшій при эрцгерцогѣ; обругавъ, не къ мѣсту, не ко времени услужливыхъ стражей порядка, онъ вошелъ въ церковь и доложилъ о происшедшемъ, послѣ всенощной, шедшему на встрѣчу женѣ, эрцгерцогу. Палатинъ вышелъ изъ себя; проводивъ эрцгерцогиню, по счастію не слыхавшую шума на дворѣ, Іосифъ приказалъ позвать гофмейстера; спросивъ его: «чье это распоряженіе» и получивъ въ отвѣтъ: «не знаю», палатинъ вспылилъ еще больше и чуть не выгналъ изъ кабинета озадаченнаго старика, настрого приказавъ, чтобъ этого впередъ не было.

Гофмейстеръ, немного покривившій душой въ отвѣтѣ своемъ, что не знаетъ, кто велѣлъ выслать сербовъ отъ всенощной, всталъ въ тупикъ; въ этотъ разъ подстрекнулъ его, правда, бискупъ, но онъ самъ давно добирался до этихъ негодяевъ, которымъ, вѣроятно, чтобы посмѣяться надъ ними, разъ позволили ихъ высочества придти къ обѣднѣ; онъ не могъ переварить въ своей, помѣшанной на этикетѣ, головѣ, какъ можно, чтобы простолюдинъ стоялъ даже въ сѣняхъ придворной церкви.

Сербы на другой день, несмотря на вчерашніе не слишкомъ гостепріимные проводы, привалили къ обѣднѣ, но встали-было на дворѣ; вдругъ, къ удивленію ихъ, швейцаръ отворилъ настежъ двери и пригласилъ войдти на паперть; богомольцы робко пошли, крестясь и недовѣрчиво поглядывая на швейцара; двери въ церковь тоже были отворены, и чтеніе ясно было слышно, доносясь, вмѣстѣ съ запахомъ ладана, до паперти. Разсказы объ этой обѣднѣ ходили долго по Угорью; они напоминали разсказъ славянъ, побывавшихъ въ Царьградѣ у св. Софіи, записанный нашимъ Несторомъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, lieber Herr Staatsraht, говорилъ между тѣмъ, въ этотъ день вечеромъ, гофмейстеръ, распивая бутылку стараго токая съ своимъ пріятелемъ, отставнымъ секретаремъ обергерихта,—намъ, старикамъ, пора убираться на покой; мы не годимся никуда при этихъ, нынѣшнихъ, порядкахъ. Въ наше время чтобъ осмѣлилось лѣзть во дворецъ простонародье, при старомъ герцогѣ?...

Гофмейстеръ, говоря о прежнихъ порядкахъ, часто употреблялъ фигуру умолчанія; такъ и теперь, не договоривъ періода, онъ только сжалъ кулакъ и молча взглянулъ на собесѣдника; и собесѣднику было совершенно понятно, что могло случиться съ простонародьемъ, попавшимъ во дворецъ при старомъ герцогѣ. Австрійцы, находившіеся въ свитѣ палатина, вообще, не могли переваривать, какъ это эрцгерцогиня, и съ его высочествомъ, ходитъ иногда послѣ обѣдни во флигель, къ русскому попу и кушаетъ у него пирогъ, испеченный поповскою дочерью; ихъ также изумляло, какъ ея высочество могла, дорогою, взять на руки крестьянскаго ребенка на одной изъ станцій и держать, покуда молодая маджарка, мать, цѣдила изъ боченка вино для его высочества; даже въ эрцгерцогѣ австрійцы замѣчали значительную перемѣну послѣ женитьбы; двадцати-трехлѣтній юноша до поѣздки въ Петербургъ держалъ себя важно, ходилъ точно во фронтѣ, танцовалъ какъ старикъ, едва передвигая ноги.

Наше время особенно падко на тенденціи; попадись описываемые факты въ руки другаго, болѣе дѣловаго писателя, онъ бы возвелъ и палатина и великую княжну въ званіе дѣятелей, борцовъ за демократическія начала, за славянскій вопросъ и такъ далѣе. И какъ бы исказилъ тенденціозный писатель эти двѣ привлекательныя личности; оба они были, просто, прекрасные, полные жизни, молодые люди; русское общество, дворъ, гдѣ много было уважаемыхъ всѣми людей не знатнаго происхожденія, лучше всякихъ нравоученій научили великую княжну видѣть во всякомъ человѣкѣ и въ простолюдинѣ—ближняго. Есть даже два сочиненія ея; онѣ напечатаны въ журналѣ: «Муза» и незнакомы почти никому: это два небольшіе дѣтскіе разсказа съ запахомъ школьной комнаты, но въ нихъ, сквозь дѣтскіе пріемы, свѣтится уже любовь къ бѣдняку, къ низшему; такое воспитаніе и пріучило молодую царскую дочь, безъ всякаго разсчета, любоваться и ласкать красавца-мальчика, невзирая на то, что его мать была, какъ выражались тогда, «подлаго» происхожденія, и

Digitized by Google

не запирать передъ простыми единовѣрцами дверей своей дворцовой церкви. Нѣтъ, навязавъ черты холоднаго разсчета, я исказилъ бы прекрасный, незабвенный образъ женщины, наивностью и искренностью привязывавшей всѣхъ къ себѣ, кто приближался къ ней,—привязывавшей, говорятъ, съ первыхъ же двухъ-трехъ словъ, впервые видѣвшаго ее человѣка. Старый гофмейстеръ, постоянно удивлявшійся, какъ эрцгерцогиня, при своихъ блестящихъ способностяхъ, не умѣетъ, какъ слѣдовало бы, себя поставить, вѣроятно, страшно бы разсердился на меня за эти похвалы искренности и наивности ея высочества, но прибавить или измѣнить что-либо въ ея портретѣ я не рѣшаюсь, при всемъ моемъ уваженіи къ памяти почтеннаго гофмейстера.

Маркиза, между тѣмъ, со страхомъ ожидала возвращенія матери изъ Вѣны, куда отправилась княгиня узнавать о маркизѣ, переставшемъ вовсе писать, и о томъ, какъ смотрятъ въ Петербургѣ на долговременное пребываніе ея и князей за границею; княгиня ѣхала въ Офенъ съ цѣлію просить эрцгерцогиню ходатайствовать передъ императоромъ о дозволеніи маркизу воротиться въ Россію. Ужасъ маркизы былъ такъ великъ, что стукъ каждой кареты, подъѣзжающей ко дворцу, куда маркиза переѣхала, заставлялъ ее вздрагивать; она знала, что невозможно убѣдить непреклонную княгиню отложить опасную попытку, и не могла безъ слезъ подумать, что вотъ скоро, можетъ-быть, эта ласковая, добрая эрцгерцогиня оттолкнетъ ее, какъ наглую просительницу, требующую отъ нея невозможнаго. Кто знаетъ, за что онъ высланъ? «Великая княжна (такъ по привычкѣ мысленно звала ее маркиза) напишетъ, по добротѣ своей, отцу; императоръ разгнѣвается. Въ какое положеніе поставимъ мы себя передъ ней?» думала маркиза ночи на пролетъ, не сообщая своихъ думъ даже повѣренной тайнъ своихъ, Дуняшѣ; горничная замѣчала тяжкое настроеніе госпожи и врядъ ли не догадывалась о причинѣ его. На счастье, въ Вѣнѣ задержали, дольше положенной недѣли, княгиню денежныя дѣла и, между прочимъ, пришедшіе изъ подмосковной, «ходоки» съ слезною жалобою на бурмистра; княгиня разбранила трехъ путешественниковъ-мужиковъ и, для объясненія съ ними, выписала князя изъ Венеціи. «Выдрать бы ихъ, матушка, ваше сіятельство», говорила, пришепетывая, Прасковья, раздѣвая княгиню. «Вотъ бы они и узнали, какъ по заграницамъ-то шататься». Обвиняемый мужиками, бурмистръ приходился съ родни Прасковьѣ и поэтому

Digitized by Google

пользовался ея особеннымъ расположеніемъ. Объясненіе съ пріѣхавшимъ нарочно изъ Венеціи княземъ тоже не много принесло пользы; разсказавъ разъ десять подробно зѣвающему князю въ чемъ дѣло, ходоки, видя, что онъ ничего не понялъ, отступились и, почесавъ затылки, обругали единодушно себя дураками: «и впрямь, дурачье мы, братцы», толковали они, стоя у подъѣзда отеля: «перли эдакую даль невѣдомо зачѣмъ, за пустымъ дѣломъ. Какъ ты ему втемяшишь? Вишь онъ какой, Богъ съ нимъ. Только табакъ свой нюхаетъ. Что станешь дѣлать»?

— Я разузнаю это дѣло, напишу, говорилъ, между тѣмъ, князь, отпуская ходоковъ, рѣшившихся, наконецъ, шествовать обратно, во свояси.—А вы эдакихъ глупостей впередъ не дѣлайте. Какъ это, вдругъ, пѣшкомъ идти за границу, въ Вѣну?

— Да вѣдь у насъ колясокъ нѣтъ, ваше сіятельство, замѣтилъ на это одинъ изъ мужиковъ.

— Дуракъ, братецъ, ты. Никто тебѣ не говоритъ про коляски, сердито перебилъ его князь.

Ему они давно порядкомъ надоѣли, являясь каждое утро, точно привидѣнія; кромѣ того, ему стыдно было, когда слуги гостиницы поглядывали на лапти и неказистые сапоги и сермяги крестьянъ, впуская ихъ въ кабинетъ князя. Дѣло кончилось тѣмъ, что княгиня разсердилась на мужа за то, что онъ не разузналъ, въ чемъ жалоба, и ходоки, какъ не солоно хлебали, отправились въ Россію, тѣмъ же способомъ пѣшаго хожденія; какъ они шли, не зная ни одного иностраннаго языка, не умѣя читать, а слѣдовательно и разбирать заграничныя деньги, извѣстно одному Богу да русскому крестьянину. Маркиза разсказала о ходокахъ эрцгерцогинѣ за обѣдомъ; разсказъ повторялся долго цѣлымъ Офеномъ; прибавилось даже новое слово въ словарѣ офенскаго общества: «die chodoken».

Въ Офенъ чуть не ежедневно пріѣзжали курьеры съ письмами отъ императрицы-матери изъ Петербурга; она увѣдомляла дочь, что императоръ весьма огорченъ поступками союзниковъ; иностранныя, исключая австрійскихъ, и русскія газеты вторили письмамъ; появлявшіеся во дворецъ палатина двое-трое русскихъ изъ лагеря, пріѣзжавшій изъ Теплица графъ Орловъ, удаленный отъ двора и жившій за границею съ роскошью екатерининскаго вельможи, молчали изъ деликатности, по между ними и австрійцами очень замѣтно было обоюдное охлажденіе. Эрцгерцогиня была разстроена всѣмъ этимъ до того, что пре-

Digitized by Google

кратила пріемы; доктора опасались даже за ея здоровье; во дворцѣ, вмѣсто прежней непринужденности, всѣ притихли; между придворными замѣчались натянутость и холодность отношеній.

Наконецъ, пріѣхала княгиня; старый князь изъ Вѣны отправился братно въ Венецію, куда возвратился уже князь Борисъ изъ своей поѣздки на мѣста военныхъ дѣйствій; княгиня въ Офенѣ остановилась въ отелѣ; маркиза продолжала жить во дворцѣ, но ежедневно ѣздила къ матери.

— Не распрашивала тебя эрцгерцогиня о мужѣ? обратилась княгиня къ дочери передъ поѣздкою во дворецъ, оглядывая въ зеркало свой высокій тупей, только-что взбитый парикмахеромъ.

— Нѣтъ, не распрашивала, отвѣчала маркиза.

— Удивительно; писемъ нѣтъ, какъ нѣтъ отъ него, вѣдь, болѣе мѣсяца, озабоченно говорила княгиня.—И къ вѣнскимъ друзьямъ своимъ,—я видѣлась со всѣми,—ни къ кому не пишетъ.

— Вотъ я и думала, поэтому, робко начала дочь,—не лучше ли намъ подождать до полученія извѣстій....

— Что подождать? спросила княгиня, прилѣпляя мушку на лицо и не совсѣмъ разслушавъ вопросъ маркизы.

— Подождать утруждать ея высочество, съ прежнею робостью повторила дочь.

— Mercі, насмѣшливо отвѣчала княгиня.—Мы прожились; я не знаю, чѣмъ мы расплатимся въ Венеціи. Не прикажешь ли продать, для вашей милости, еще имѣнье?.. Одно мы продали, и чуть не даромъ, благодаря безтолковому твоему родителю. Ждать... Какъ это глупо!

Княгиня, при помощи Прасковьи и Дуняши, пріѣхавшей нарочно изъ дворца, одѣлась скромно, «путешественницею», какъ она опредѣлила свой костюмъ, стоившій однако ей въ Вѣнѣ около тысячи; часу въ двѣнадцатомъ она сѣла съ дочерью въ придворную карету маркизы. «in Schloss», крикнулъ лакей, вскочивъ на запятки, и экипажъ застучалъ по мостовой. У маркизы замерло сердце, когда карета, перелетѣвъ черезъ мостъ, подъѣхала ко дворцу. Эрцгерцогиня была уже одѣта и вышла тотчасъ же, когда доложили о княгинѣ; мастерски изогнувъ свой, еще довольно стройный, несмотря на лѣта, станъ, слегка придерживая тяжелое шелковое платье, княгиня подошла къ рукѣ ея высочества и проговорила красивое французское привѣтствіе. Перевести его на русскій затрудняется разскащикъ; по-русски врядъ ли даже возможно передавать подобныя привѣтствія,

Digitized by Google

легкія, какъ яблочный пирогъ, или, вѣрнѣе, какъ пущенный изъ соломенки ребенкомъ мыльный пузырь, блещущій всѣми семью цвѣтами радуги, но не оставляющій послѣ себя рѣшительно ничего, кромѣ мгновеннаго запаха мыла.

— Я не знаю, какъ благодарить ваше высочество, продолжала по-французски княгиня, когда хозяйка усадила ее на желтое канапэ въ маленькой гостиной,—за милостивое вниманіе, которое вы благосклонно оказываете моей несчастной дочери.

— Я васъ прошу оставить маркизу погостить у насъ, отвѣчала эрцгерцогиня, такъ какъ маркиза сообщила ей, что мать торопится въ Венецію.—Я надѣюсь, что ей не будетъ у насъ скучно.

Княгиня отпустила новую благодарственную фразу, похожую опять на мыльный пузырь.

Доживемъ ли мы до того времени, когда русскому повѣствователю, рисуя картину современнаго ему русскаго высшаго общества, можно будетъ обойдтись безъ французскаго или англійскаго языка? Русскому же щеголю или дамѣ прошедшаго столѣтія, очутись они какимъ чудомъ въ такой, возможной же когда-нибудь на Руси, гостиной, пришлось бы нанимать переводчика. Мнѣ, не шутя, разсказывалъ одинъ изъ помнившихъ время Александра I-го, какъ одна дама изъявляла сожалѣніе о томъ, что было вавилонское столпотвореніе: «не будь вавилонскаго столпотворенія, говорила будто бы дама, вѣдь, всѣ бы говорили по-французски».

Послѣ непродолжительнаго разговора о Вѣнѣ, о послѣднемъ вечернемъ пріемѣ, или какъ тогда называли cercle, у императрицы, на которомъ имѣла счастіе быть ея сіятельство, о новомъ русскомъ посланникѣ, назначенномъ въ Вѣну, вмѣсто Разумовскаго, объ отдѣланной за-ново миленькой дачѣ Кобенцеля въ Гиццингенѣ, о неудавшейся иллюминаціи въ Шенбрунѣ,— княгиня, извиняясь скорымъ отъѣздомъ, приступила къ изложенію своей просьбы.

— Ваше высочество, можетъ-быть, изволили слышать объ этомъ афронтѣ, въ день самой свадьбы, говорила она уже по-русски.

— Да... Мнѣ говорила maman, отвѣчала эрцгерцогиня.—Но что за причина? Вы не знаете? спросила она.

Маркиза была во все время этого разговора какъ на угольяхъ; бѣдная женщина то блѣднѣла, то вдругъ вспыхивала вся,

Digitized by Google

чувствуя, по временамъ, что у нея темнѣетъ въ глазахъ, ходятъ кругомъ букеты гобеленовыхъ обоевъ, пестрые квадраты шахматнаго паркета, мраморный столикъ передъ канапе и бронзовые арапы, въ углахъ комнаты, поддерживающіе канделябры.

— Въ томъ-то и дѣло, что не знаю ничего, ваше высочество... Какое-нибудь недоразумѣніе... У него, какъ и у всѣхъ, есть враги, отвѣчала, прослезившись, княгиня.—Если же, наконецъ, онъ дѣйствительно заслужилъ гнѣвъ императора, мы бы желали знать... Чѣмъ виновато это бѣдное созданіе, cette pauvre creature, продолжала княгиня, указывая на дочь.

Pauvre creature чуть не упала въ обморокъ; по счастью, у нея хлынули слезы; эрцгерцогиня взяла ее за руку и сама заплакала.

— Будьте увѣрены, княгиня, отвѣчала она,—я сдѣлаю все... Вы можете вполнѣ разсчитывать на мою дружбу....

Княгиня хотѣла упасть на колѣни, но эрцгерцогиня не допустила ее.

— Я узнавала въ Вѣнѣ, продолжала княгиня,—и всѣ отзываются о немъ съ лучшей стороны... Я могла ошибиться и... если ошиблась, Nadine можетъ винить одну меня, прибавила она сквозь хлынувшія снова слезы.

— Нѣтъ, я не буду винить васъ, maman, ни въ какомъ случаѣ, возразила маркиза.—Вы желали моей пользы... Сохрани меня Богъ отъ этого...

Княгиня поцѣловала ее въ лобъ и поднялась съ своего кресла.

— Вручаю ея судьбу милостямъ вашего высочества, произнесла она сквозь слезы, откланиваясь.—Будьте ей ангеломъ хранителемъ...

Эрцгерцогиня, взявъ за обѣ руки маркизу, ободрительно улыбнулась и повторила нѣсколько разъ: «Богъ милостивъ... Утѣшьтесь. Все поправится... Богъ милостивъ».

Маркиза кинулась цѣловать ея руки.

Ж. Чаевъ.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ

ПРОМЫШЛЕННЫХЪ И РАБОЧИХЪ СОЮЗОВЪ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ *).

IV.

Мы видѣли, какъ развитіе цеховаго строя въ ремесленной и промышленной жизни средневѣковой Европы привело къ образованію рабочихъ союзовъ въ формѣ дотолѣ неизвѣстной, въ формѣ свободныхъ ассоціацій. Эти ассоціаціи, по справедливости, могутъ быть названы современными гильдіями, потому что какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ въ виду защиту слабыхъ противъ грубой силы, въ чемъ бы послѣдняя ни олицетворялась—въ формѣ ли меча, или капитала. Но нигдѣ такъ наглядно нельзя видѣть образованія и развитія этихъ союзовъ (Geverkvereine), какъ въ Англіи. Въ этой странѣ, прежде чѣмъ въ другихъ, при дезорганизаціи старыхъ союзовъ,—дезорганизаціи, при которой личность работника оставалась беззащитною отъ всѣхъ угрожающихъ его существованію случайностей,—явилась потребность, крайняя, безотлагательная, сплотиться рабочимъ силамъ въ новыя корпораціи. Такъ какъ цеховой строй не могъ быть не только удовлетворительнымъ, но, скорѣе, тормозящимъ строемъ при громадномъ развитіи фабричнаго и заводскаго производства, въ которомъ не было мѣста домашней промышленности, имѣющей въ основѣ своей цехи, то каниталистскіе классы, стоявшіе во главѣ промышленнаго и политическаго движенія XVIII

*) «Бесѣда» №№ 4 и 7.

Digitized by Google

вѣка, разрушили ихъ. Рабочая сила изъ сгруппированной силы разложилась на первоначальные разрозненные элементы, которые при этомъ могли служить предметомъ самой беззастѣнчивой эксплуатаціи капитала. Но какъ въ химіи разрозненные элементы стремятся къ образованію изъ себя сплоченныхъ тѣлъ, такъ и въ соціальной жизни рабочіе, какъ единицы, въ силу потребности самозащиты, стали создавать изъ себя корпораціи. Но мы уже видѣли выше, что вырожденіе, слѣдовательно, и дезорганизація цеховъ начались далеко раньше XVIII вѣка, а потому, конечно, и рабочіе союзы вышли вначалѣ далеко не организованными, но прошли длинный рядъ измѣненій. Такъ, мы въ Англіи, еще при Елизаветѣ, встрѣчаемъ законы, которыми стараются опредѣлить отношенія рабочихъ къ хозяевамъ. Это такъ-называемые законы объ ученикахъ; они касались всего ремесленнаго строя своего времени.

По этимъ законамъ никто не могъ заниматься какимъ-либо ремесломъ, если онъ не пробылъ извѣстное число лѣтъ въ ученьи (семь лѣтъ). Въ ученики же могутъ быть приняты только тѣ, родители коихъ владѣютъ извѣстнымъ имуществомъ, и, кромѣ того, молодые люди, достигшіе только 21 года, могли быть принимаемы въ ученики. Хозяинъ или мастеръ, имѣющій трехъ учениковъ, обязанъ имѣть одного работника. Рабочее время было строго опредѣлено; оно было не одинаково, смотря по времени года: такъ, лѣтомъ рабочее время продолжалось 12 часовъ, а зимою оно оканчивалось вечерними сумерками. Размѣръ платы опредѣлялся, на весь годъ, мировыми судьями и городскими властями. Всѣ недоразумѣнія между хозяевами и учениками рѣшались какъ первыми, такъ и вторыми властями. Законы Елизаветы обезпечивали положеніе работника, ибо опредѣленіе размѣра платы давало возможность трудящимся классамъ получать одинаковое содержаніе, несмотря ни на какіе промышленные кризисы. Не всѣ, однако, ремесла подчинились закону Елисаветы. Можно всѣ ремесла той эпохи подвести подъ три категоріи, относительно подчиненія или неподчиненія этому закону: 1) Одни ремесла подчинялись закону Елизаветы, 2) другія, въ формѣ цеховаго строя, получали, на основаніи королевскихъ указовъ, свои корпоративныя права и, наконецъ, 3) были такія, которыя жили свободною жизнію, не стѣсняемыя никакими хозяйскими или корпоративными ограниченіями. Послѣднія-то ремесла и были по преимуществу тою сферой, въ которой развились рабочіе союзы.

Digitized by Google

1. Фабрикація шерстяныхъ тканей издавна считалась однимъ изъ первыхъ англійскихъ производствъ. Въ немъ прежде всего достигли значенія цехи. Въ послѣдствіи коалиціи рабочихъ этой фабрикаціи были нерѣдки, особенно съ эпохи распространенія машинъ; но этимъ коалиціямъ не доставало одного—хорошей организаціи. Коалиціи вызывались нерѣдко уклоненіемъ фабрикантовъ отъ закона Елизаветы. Статья, требующая опредѣленія рабочей платы мировымъ судьей, оставалась пустою буквой, и ее давно никто не выполнялъ; мало того, хозяева ввели обычай платить товарами вмѣсто денегъ. Послѣднее особенно возбуждало негодованіе рабочихъ и приводило ихъ къ коалиціямъ. Частыя столкновенія рабочихъ съ хозяевами заставили законодательную власть обратить на это вниманіе, и въ самомъ дѣлѣ, въ 1723 году, былъ изданъ законъ, которымъ, во-первыхъ, запрещались коалиціи рабочихъ противъ своихъ хозяевъ и, во-вторыхъ, отмѣнялся обычай платить рабочимъ натурой. Въ слѣдующемъ же году подтвержденъ былъ законъ объ опредѣленіи на годъ размѣра рабочей платы въ шерстяной фабрикаціи. Возстановленіе этого закона, столь нелюбаго хозяевамъ, заставило послѣднихъ подать петицію парламенту, въ которой они жаловались на то, что рабочіе оставили мастерскія и заставляли силою другихъ дѣлать то же, и что такія *возстанія* рабочихъ принесли большіе убытки странѣ—отъ 15.000 до 20.000 ф. стерл. Всѣ эти недоразумѣнія и столкновенія рабочихъ съ хозяевами не приводили первыхъ къ образованію изъ себя постоянныхъ или продолжительныхъ союзовъ: коалиціи прекращались съ того момента, какъ исчезали вызвавшія ихъ причины. За начало образованія постоянныхъ союзовъ нужно считать эпоху перехода шерстяной фабрикаціи изъ домашняго очага къ большимъ фабрикамъ,—эпоху, въ которой фабриканты хлопотали объ отмѣнѣ закона королевы Елизаветы. Первое извѣстіе объ образованіи болѣе или менѣе постояннаго союза относится къ 1794 г. Введеніе машинъ въ фабричномъ производствѣ уменьшило количество рабочихъ рукъ; рабочіе въ большомъ числѣ были, какъ говорится, выброшены на улицу. Съ цѣлію самозащиты, рабочія шерстяныя фабрики образовали изъ себя родъ клуба. Цѣлью послѣдняго было помогать рабочимъ, въ случаѣ лишенія работы, снабжать его путевыми деньгами для поѣздки въ другую мѣстность, если въ его мѣстности было мало работы; затѣмъ клубъ имѣлъ кассу, изъ которой выдавались рабочимъ

Digitized by Google

субсидіи во время болѣзни или на погребеніе умершихъ. Но, чтобъ имѣть право на ту или другую помощь отъ клуба, рабочій долженъ получить свидѣтельство отъ общества своей мѣстности въ своей добропорядочности.

Состояніе шерстянаго производства въ эпоху перехода его изъ отдѣльныхъ домовъ въ большія фабрики и введенія машинъ отчетливо и вѣрно очерчено въ одномъ изъ парламентскихъ отчетовъ отъ 1806 г. По этому отчету можно составить себѣ понятіе о состояніи и другихъ производствъ, кромѣ шерстянаго, въ эту эпоху.

Въ прошломъ столѣтіи шерстяныя издѣлія производились большею частію на дому ремесленниками. Послѣдніе жили по деревнямъ и имѣли лошадь, на которой возили на рынокъ или на фабрику свои издѣлія. Въ окрестности Лидса считалось такихъ ремесленниковъ до 3.500.

Каждый мастеръ долженъ былъ пробыть семь лѣтъ въ ученьи. Законъ королевы Елизаветы не былъ впрочемъ извѣстенъ ни хозяевамъ, ни рабочимъ; семилѣтній срокъ ученія соблюдался, какъ стародавній обычай. Кромѣ учениковъ и рабочихъ, которыхъ приходилось по три на одного ученика, въ производствѣ принимали участіе жена и дѣти хозяина. Хозяинъ училъ самъ ученика ремеслу. Если ученикъ самъ имѣлъ въ виду сдѣлаться хозяиномъ, то хозяинъ знакомилъ его также съ правилами, какъ покупать хорошіе матеріалы. Въ послѣднемъ случаѣ ученикъ вносилъ при своемъ поступленіи въ ученье извѣстную денежную сумму. По окончаніи учебнаго срока, ученикъ могъ, конечно, оставить своего хозяина, но обыкновенно онъ оставался у него одинъ или два года въ качествѣ подмастерья.

Перейдемъ теперь къ отношеніямъ рабочихъ къ хозяевамъ.

Рабочіе обыкновенно нанимались на годъ и получали квартиру, столъ и до 10 ф. стерлинговъ ежегодной платы. Случалось часто, что иные работники жили у своихъ хозяевъ но двадцати и болѣе лѣтъ. Въ случаѣ какого-либо кризиса, не было примѣра, чтобы рабочіе массами, какъ нынѣ, лишались работы и выгонялись изъ мастерскихъ; нѣтъ, они продолжали работать у своихъ хозяевъ въ надеждѣ на лучшія времена. Хозяева считали своимъ долгомъ поддерживать въ нуждѣ тѣхъ, которымъ они обязаны были своимъ благосостояніемъ въ лучшія времена. «Хозяева и рабочіе», говоритъ одинъ хозяинъ въ парламентской коммиссіи, составленной по поводу вопроса о положеніи того времени рабо-

Digitized by Google

чихъ, «связаны между собою такъ любовно, что они не пожелали бы отдѣлиться другъ отъ друга».

Главнымъ центромъ всего шерстянаго производства служили суконные рынки (Tuchhall), гдѣ хозяева продавали издѣлія своихъ семей. Въ Лидсѣ было два такихъ рынка. Мѣста на этихъ рынкахъ принадлежали мелкимъ ремесленникамъ, и больше двухъ мѣстъ нельзя было имѣть въ собственности. Они продавались только въ случаѣ смерти. Если же кто не имѣлъ собственнаго мѣста, то за каждую положенную имъ штуку сукна платилъ шесть шиллинговъ. На этихъ рынкахъ качество и количество суконъ изслѣдовалось и измѣрялось особыми выборными, которые строго наблюдали за всѣми правилами, введенными въ ремесло. Никакой мастеръ, не пробывшій опредѣленнаго срока въ ученьи, не имѣлъ права нести свое издѣліе на рынокъ.

Введеніе машинъ совершенно измѣнило весь строй какъ шерстянаго, такъ и другихъ производствъ. По близости рѣкъ и озеръ выстроились цѣлые ряды большихъ фабрикъ. На эти фабрики приносили шерстяные ткачи свои издѣлія для ихъ окончательной обработки, потому что машины были крайне дороги и не всякій въ состояніи былъ пріобрѣсть ихъ. Необходимоость ходить на фабрики отнимала не мало времени у ремесленниковъ. Рядомъ съ домашнею промышленностью образовалась на западѣ Англіи система «богатыхъ ткачей», которые прямо изъ-за границы покупали шерсть и передавали ее работникамъ для обработки или у себя, или на дому у нихъ.

Настоящіе работники, какъ при мелкомъ производствѣ, такъ и при крупномъ, не имѣли никакой собственности. Они-то образовали тотъ контингентъ, который переполнилъ фабрики, построенныя капиталистами-купцами.

Измѣненіе въ системѣ производства шерстяныхъ тканей повлекло за собою измѣненія въ положеніи рабочихъ. Изъ нихъ главное состояло въ томъ, что законъ объ опредѣленномъ срокѣ ученія для подмастерья мало-но-малу былъ оставленъ. Напротивъ, на большихъ фабрикахъ ввелся обычай брать неученыхъ работниковъ, такъ какъ задѣльная плата послѣднихъ была далеко ниже платы ученыхъ. Кромѣ того, стали принимать на фабрики женщинъ и дѣтей,—послѣднихъ въ раннемъ возрастѣ.

Сначала какъ мастера, такъ и рабочіе не противодѣйствовали такой перемѣнѣ; но когда массу дѣтей, не окончившихъ ученья учениковъ или вовсе не ученыхъ рабочихъ, наконецъ, женщинъ

Digitized by Google

оставили безъ хлѣба, тогда-то образовался въ 1796 г. въ Галифаксѣ союзъ суконщиковъ противъ нарушенія старыхъ обычаевъ въ суконномъ производствѣ, такъ-называемый «институтъ». Другая цѣль этого союза была помощь больнымъ рабочимъ. Галифакскій союзъ включалъ въ свой составъ рабочихъ многихъ другихъ мѣстъ. Каждое потрясеніе, каждый кризисъ чувствовался рабочими сильнѣе, чѣмъ прежде: большія фабрики пріостанавливали свои работы, распускали рабочихъ и оставляли ихъ безъ куска хлѣба. Что положеніе рабочаго класса ухудшилось, это доказываетъ увеличеніе налога на бѣдныхъ. Положеніе хозяевъ домашнихъ мастерскихъ было не многимъ лучше рабочихъ. Иные изъ мастеровъ-хозяевъ стали простыми работниками. Все это заставило рабочихъ принимать мѣры противъ новой системы.

Такъ какъ въ Англіи, по закону 1800 г., были запрещены коалиціи рабочихъ или хозяевъ—все равно, то рабочіе, подъ видомъ дружескаго общества, образовали союзъ, съ цѣлью заставить крупныхъ фабрикантовъ подчиниться законамъ, изданнымъ для шерстяной промышленности. Фабриканты, въ свою очередь, подали петицію парламенту объ отмѣнѣ этихъ законовъ. На основаніи этой петиціи парламентъ пріостановилъ на время дѣйствіе ихъ, а въ 1809 г. они вовсе были отмѣнены. Тогда рабочіе образовали изъ себя «общество суконщиковъ, съ цѣлью поддержанія правилъ и порядка въ своемъ производствѣ». Отъ каждаго, входящаго въ составъ этого общества, требовались два условія: соблюденіе старыхъ порядковъ и запрещеніе учиться въ одно и то же время двумъ разнымъ ремесламъ. Кромѣ своей главной цѣли, «общество» также имѣло цѣлью помогать больнымъ, погребать умершихъ. Каждый членъ его обязанъ былъ вносить опредѣленную сумму 5—6 шиллинговъ. Когда это общество постановило на общемъ собраніи своихъ членовъ подать петицію парламенту о возобновленіи закона объ ученикахъ, то фабриканты призвали своихъ рабочихъ и отказали тѣмъ изъ нихъ, кои состояли членами «общества». Работники становились все больше и больше во враждебныя отношенія къ фабрикантамъ, парламентъ не обращалъ вниманія на ихъ петиціи, утѣшая ихъ тѣмъ, что старая система на столько крѣпка, что ей нечего бояться новой, и коалиція работниковъ стала хроническимъ явленіемъ. Кромѣ союзовъ по шерстяному производству, образовались также союзы между рабочими другихъ производствъ. Такъ, въ Ливерпулѣ образовался, далеко раньше общества суконщиковъ,

Digitized by Google

союзъ корабельщиковъ, цѣль котораго было противодѣйствовать отмѣнѣ законовъ объ ученикахъ. Но были союзы, которые образовались еще въ XVIII вѣкѣ,—это союзы суконо-шляпниковъ, портныхъ. Послѣдніе союзы, однако, не имѣли характера постояннаго общества: они составлялись для извѣстной цѣли (напр., принудить мастеровъ къ той или другой нормѣ платы, или заставить держать ихъ извѣстное число учениковъ)—и какъ только эта цѣль достигалась, то и союзъ прекращался. Теперь переходимъ къ ремесламъ второй категоріи.

2. Въ 1663 г. англійскій король, Карлъ II, далъ многимъ ремесламъ, въ томъ числѣ производству чулокъ, самостоятельное право управляться на своихъ собственныхъ началахъ,—однимъ словомъ, онъ далъ имъ право корпораціи, т. е. чулочники могли постановлять свои собственныя правила и за нарушеніе ихъ опредѣлять извѣстныя наказанія. Въ изданіи того или другаго правила принимали главное участіе хозяева. Послѣдніе, въ началѣ XVIII вѣка, ввели обычай держать неограниченное число учениковъ, такъ что часто на одного рабочаго приходилось десять или больше учениковъ.

Рабочимъ такой обычай былъ крайне невыгоденъ, потому что при немъ большое число рабочихъ оставалось безъ хлѣба, и вотъ въ 1710 г. они обратились въ цехъ съ просьбой — установить нормальное отношеніе между рабочими и учениками. Цехъ отклонилъ отъ себя такую просьбу; рабочіе, доведенные до отчаянія, взбунтовались, разрушили до 100 чулочныхъ мастерскихъ и выбрасывали изъ оконъ хозяевъ и учениковъ. Перепуганные хозяева обѣщали подчиниться закону королевы Елизаветы объ ученикахъ; но такое обѣщаніе было только временное, и при первомъ случаѣ возобновлялся обычай держать неограниченное число учениковъ. Волненіе между рабочими достигло той степени, что за выбитіе рамъ въ мастерскихъ законодательство грозило смертью.

22 мая 1745 г. цехъ издалъ, наконецъ, правило, вводящее старыя ограниченія по отношенію къ количеству учениковъ, но фабриканты и хозяева подали петицію въ нижнюю палату на цеховое постановленіе, какъ на такое, которое узаконяетъ монополію и стѣсняетъ промышленность. Палата вняла голосу фабрикантовъ, и цехъ былъ лишенъ возможности поддерживать свои постановленія и черезъ это терялъ вліяніе на подвѣдомое ему ремесло.

3. Рабочіе, видя безсиліе цеха, потерявъ надежду на него, должны

Digitized by Google

были подумать о средствахъ самозащиты. Вслѣдствіе этой потребности къ самозащитѣ, рабочіе образовали изъ себя союзъ, или «общество чулочниковъ съ цѣлью взаимной помощи», въ среднихъ графствахъ Англіи. Въ Нотингэмѣ это общество достигло такой силы, что вліяло на парламентскіе выборы. На выборахъ 1778 г. оно провело своего кандидата почти безъ борьбы на депутатскую скамью. «Общество чулочниковъ» не разъ вело борьбу противъ фабрикантовъ и хозяевъ; такъ, оно подало петицію нижней палатѣ въ 1779 г. 2 февраля. Составлена была коммиссія для изслѣдованія петиціи, и это изслѣдованіе раскрываетъ передъ нами то положеніе, въ которомъ находились рабочіе чулочники: ихъ задѣльная плата была крайне ничтожна, между тѣмъ какъ жизненные припасы чрезвычайно дороги; плата понизилась до 6 шиллинговъ въ недѣлю. Разъясненія коммиссіи привели къ тому, что общій съѣздъ рабочихъ и хозяевъ въ Дублинѣ постановилъ норму платы, ниже которой нельзя было уменьшать послѣднюю.

На основаніи доклада коммиссіи парламентъ рѣшилъ издать законъ, который регулировалъ бы чулочное ремесло и уменьшилъ бы разнаго рода злоупотребленія, вкравшіяся въ него мало-по-малу. Билль объ этомъ законѣ былъ принятъ при первомъ чтеніи почти единогласно. Во время преній по поводу его, одинъ изъ членовъ нижней палаты справедливо замѣтилъ, что введеніе правилъ въ чулочное ремесло утретъ слезы бѣдныхъ и жалкихъ семействъ, которыхъ единственное средство къ существованію—вязаніе чулокъ. Но хозяева возбудили въ своемъ классѣ сильную агитацію противъ билля, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ при третьемъ чтеніи былъ возвращенъ, по рѣшеніи большинства 52 противъ 18. При этомъ нельзя не вспомнить замѣчанія Адама Смита о томъ, что въ спорахъ рабочихъ съ хозяевами почти всегда берутъ перевѣсъ послѣдніе.

Возвращеніе билля повело къ сильному волненію между рабочими. Послѣдніе толпами ходили по Нотингэму, жгли дома и мастерскія тѣхъ фабрикантовъ, которые, по ихъ мнѣнію, вліяли на неудачный исходъ билля. Больше 300 мастерскихъ было разрушено. Фабриканты, въ страхѣ, дали обѣщаніе что они готовы хлопотать объ устраненіи стѣсненій рабочимъ, если послѣдніе успокоятся. Миръ былъ возстановленъ, но фабриканты плохо сдержали свое слово: они образовали изъ себя союзъ для противодѣйствія рабочимъ и обнародовали къ публикѣ адресъ, въ коемъ

Digitized by Google

угрожали, что перенесутъ свое производство во Францію, гдѣ рабочіе довольствуются небольшою платой.

Положеніе рабочихъ какъ въ этомъ производствѣ, такъ и въ другихъ, между тѣмъ, становилось все хуже и хуже; задѣльная плата находилась въ полной зависимости отъ произвола хозяевъ. Петиціи рабочихъ въ парламентъ не приводили ни къ какимъ результатамъ, потому что всякій билль объ опредѣленіи нормы задѣльной платы если и проходилъ въ палатѣ общинъ, то проваливался въ палатѣ лордовъ. Тогда рабочіе чулочнаго производства со всѣми его вѣтвями составили изъ себя союзъ съ цѣлью защиты отъ эксплуатаціи своихъ хозяевъ. Такому примѣру послѣдовали рабочіе и другихъ ремеслъ. Вначалѣ всѣ эти союзы принимали какъ бы форму дружескаго общества (Triendly society), вѣроятно, для того, чтобъ обойти законъ 1800 г. о коалиціяхъ.

Сейчасъ нами разсказанные факты повторились и въ ремеслахъ, свободныхъ отъ всякой регламентаціи, напр. у набойщиковъ, шелковыхъ ткачей и проч. Борьба между хозяевами и рабочими за законъ королевы Елизаветы,—борьба, тянувшаяся почти цѣлое столѣтіе, потому что первоначальныя уклоненія отъ этого закона встрѣчаются еще въ началѣ XVIII в.,—кончилась тѣмъ, что этотъ законъ былъ окончательно отмѣненъ въ первой четверти текущаго столѣтія, несмотря ни на какія петиціи парламенту со стороны рабочихъ. Парламентъ въ этомъ случаѣ поступилъ такъ, какъ желали тѣ, кого онъ представляетъ, т. е. тѣ 2.000 фабрикантовъ, которые подписали петицію объ отмѣнѣ этого закона; ему не было дѣла до 300.000 рабочихъ, тѣмъ болѣе, что за отмѣну стояли какъ бы люди мысли, люди новой возникающей науки, созданной Адамомъ Смитомъ. Они говорили, что промышленность должна быть свободна, что законъ Елизаветы—остатокъ средневѣковой рутины; но, проповѣдуя свободу промышленности, они забывали, что государство есть такой общественный организмъ, въ которомъ всѣ интересы должны находить себѣ защиту и покровительство; законъ же Елизаветы охранялъ интересъ большинства населенія. Но въ этомъ случаѣ и пресса, увлеченная новою теоріей, пѣла въ униссонъ съ фабрикантами: интересы рабочихъ не нашли себѣ мѣста на столбцахъ тогдашнихъ англійскихъ газетъ.

Съ отмѣной закона Елизаветы наступила полнѣйшая дезорганизація; сила и случай стали властителями промышленнаго

Digitized by Google

міра; рабочіе искали своего спасенія въ коалиціяхъ или союзахъ; но законъ 1800 г. о коалиціяхъ запрещалъ ихъ. Открылись насильственныя дѣйствія со стороны рабочихъ. Наконецъ, въ 1824 г. нѣкто Іосифъ Юмъ внесъ въ парламентъ билль объ отмѣнѣ закона 1800 г. Отмѣна его давала рабочимъ возможность защищаться посредствомъ союзовъ, которые, подобно старымъ гильдіямъ, должны были служить основой новой промышленной организаціи. Перейдемъ теперь къ развитію этихъ союзовъ въ соціальной жизни Англіи нашего вѣка.

V.

Съ того момента, какъ рабочіе впервые составили коалицію противъ хозяевъ (съ начала XVIII до начала XIX вѣка), англійскіе рабочіе союзы пережили три разнородныя фазы своего развитія. Первая обнимаетъ собою время, въ которое старый строй промышленности хотя и держался юридически, но уже появились признаки его разложенія. Вторая открываетъ собою тотъ періодъ, въ который рабочіе ведутъ постоянную борьбу противъ законодательнаго запрещенія всякаго рода коалицій. Въ этомъ періодѣ мы встрѣчаемъ союзы почти во всѣхъ ремеслахъ. Характеристическія черты этой фазы: страшная нужда рабочихъ, строгая тайна организаціи ихъ союзовъ, узкость и односторонность ихъ направленія, наконецъ, попытки прибѣгать даже къ насилію. Отмѣна закона о коалиціяхъ въ 1824 г. открываетъ собою третій періодъ развитія союзовъ. Послѣдніе получаютъ юридическую санкцію, становятся общественнымъ институтомъ, средствомъ къ нравственному и политическому развитію рабочихъ.

Каждый, кто близко къ сердцу принимаетъ интересы рабочаго сословія, кто знакомъ съ современною организаціей союзовъ, съ радостью скажетъ, что время насилій и узкой политики послѣднихъ миновало; что если встрѣчаются недостатки въ этихъ союзахъ, то это потому только, что таковъ законъ органическаго развитія; что ни въ природѣ, ни въ соціальной жизни не встрѣчается примѣровъ, гдѣ какой-либо организмъ сразу сталъ бы на высшую ступень развитія.

Типомъ высшей организаціи рабочихъ союзовъ является нынѣ организація соединеннаго союза желѣзныхъ механиковъ въ Англіи (the Amolgomoted Society of Engineers). Разсказать исторію

Digitized by Google

этого общества, его развитія—это разсказать современную исторію рабочихъ союзовъ; показать историческое развитіе типа какого-либо общественнаго явленія—это показать развитіе самого явленія. Тогда только становится понятнымъ какое-либо явленіе изъ какого угодно міра—естественнаго, соціальнаго, нравственнаго или умственнаго, когда намъ покажутъ характеристическія черты его, такъ-сказать, типъ. Итакъ, очертимъ въ этой главѣ историческое развитіе соединеннаго союза желѣзныхъ механиковъ. Исторія его распадается на два періода: первый періодъ обнимаетъ собою его организацію, второй—его дѣятельность.

Желѣзные механики первоначально основали небольшое общество 27 іюля 1826 года въ Манчестерѣ, подъ именемъ «дружескаго союза механиковъ» (the Friendly Union of Mechanics). Изъ самыхъ старыхъ документовъ о немъ, изъ его устава 1834 г., мы знаемъ, что одной изъ главныхъ цѣлей его было соединеніе мѣстныхъ союзовъ въ одинъ, имѣющій общую организацію, союзъ, распадающійся, конечно, на мѣстныя вѣтви, которыя, по отношенію къ управленію и имуществу, были бы самостоятельнымъ органомъ. Является общее собраніе выборныхъ отъ вѣтвей; постановленіе его обязательно для всѣхъ членовъ союза. Исполнительная власть передается, съ согласія собранія, какой-либо одной изъ вѣтвей союза; всѣ ея распоряженія гласны,—они печатаются во всеобщее свѣдѣніе. По отношенію къ имуществу общее собраніе имѣетъ также власть распоряженія, а имущество вѣтви не считается ея частнымъ имуществомъ, но имуществомъ всего союза, и потому ни одна вѣтвь не имѣетъ права распоряжаться своимъ имуществомъ безъ согласія собранія. Организація вѣтви, подобно организаціи всего союза, и исполнительная власть вѣтви принадлежатъ выборному комитету. Постановленія собраній, какъ общаго союзнаго, такъ и вѣтви его, не обязательны, если не всѣ члены его были приглашены. Для вступленія въ члены требуются извѣстныя условія, напр. 21 лѣтній возрастъ, знаніе ремесла и взносъ извѣстной платы. Цѣль союза—помощь. Оставшіеся безъ работы члены получаютъ свидѣтельство въ своей добропорядочности отъ комитета своей вѣтви; это свидѣтельство даетъ имъ право на полученіе отъ общества путевыхъ издержекъ на дорогу въ ту или другую мѣстность для пріисканія себѣ работы. Союзъ также помогаетъ рабочимъ при стачкахъ, если находитъ, что послѣднія справедливы. Пособія, которыя даетъ союзъ своимъ членамъ, дѣлятся на обыкновенныя

Digitized by Google

и чрезвычайныя: первыя выдаются при болѣзни, смерти, при лишеніи работы, вторыя—въ случаѣ какого-либо особаго несчастія; членъ въ этомъ случаѣ часто получаетъ до 40 ф. стерл. Источникомъ такихъ чрезвычайныхъ пособій служатъ особые сборы. Обыкновенные постоянные сборы не всегда одинаковы; они возвышаются въ случаѣ благосостоянія членовъ, но вообще они не велики, такъ какъ большіе сборы тяжелы для членовъ. По уставу 1834 г. членскій взносъ былъ въ 6 шил., а нынѣ въ 1 шил. Уставы общества, кромѣ опредѣленій, касающихся его строя, содержатъ въ себѣ и другія, въ которыхъ слышатся стремленія возвысить нравственный уровень членовъ. Такъ, члены, лишившіеся работы вслѣдствіе пьянства, лѣности или нечестности, не получаютъ пособія. Также въ случаѣ смерти члена обращается вниманіе, при выдачѣ пособія, на то, жилъ ли онъ съ женой или съ конкубиной.

Уставы 1834 г. показываютъ, какое широкое развитіе получило общество: вліяніе его распространилось на всѣ мѣстныя общества; даже лондонскіе союзы желѣзныхъ механиковъ не были свободны отъ него. Между тѣмъ въ средѣ самого общества едва не произошелъ расколъ. Причиною его былъ вопросъ объ основаніи кассы для больныхъ членовъ общества. Касса была основана въ августѣ 1836 г. и отношенія вкладчиковъ въ кассу общества были такими же, какими были отношенія членовъ его, только члены имѣли право на пособіе изъ кассы; но такъ какъ общество въ свой уставъ не включило обязанности для своихъ членовъ быть вкладчиками кассы, то касса отдѣлилась отъ общества и образовала изъ себя самостоятельное учрежденіе. Оказалось, однако, что касса самостоятельно не могла существовать, и потому она скоро снова слилась съ обществомъ; на этотъ разъ уставъ общества требовалъ непремѣннымъ условіемъ для своихъ членовъ участія во взносѣ въ кассу.

1836 годъ былъ очень важнымъ годомъ въ исторіи развитія общества желѣзныхъ механиковъ: въ этомъ году общество впервые открыло протестъ противъ увеличенія рабочаго дня. Уменьшеніе его стало главною цѣлію общества. До 1836 года обыкновенно рабочіе на желѣзно-механическихъ заводахъ въ Англіи работали въ день $10^1/_2$ часовъ, плата же за лишніе рабочіе часы въ ночное время оставалась такая же, какая и въ денное. Рабочіе, наконецъ, пришли къ мысли о несправедливости такого порядка

Digitized by Google

и потому стали агитировать за уменьшеніе рабочихъ часовъ днемъ до 10 часовъ и за увеличеніе рабочей платы ночью. Хозяева отказались удовлетворить требованія рабочихъ, вслѣдствіе чего открылась борьба, которая тянулась около 8 мѣсяцевъ. Рабочіе оставили фабрики; общество израсходовало до 5.000 ф. стерлин. на помощь имъ. Со всѣхъ сторонъ, даже со стороны рабочихъ не механиковъ, шли вспоможенія и пожертвованія въ кассу общества. Хозяева, наконецъ, уступили. Эта борьба имѣла еще другое, болѣе важное значеніе, чѣмъ уступка хозяевъ: она сплотила тѣснѣе между собою всѣ мѣстныя общества рабочихъ-механиковъ, заставила ихъ забыть всѣ споры между собою, которые приносили пользу только однимъ фабрикантамъ, и доказала рабочимъ, что все ихъ спасеніе—въ самой крѣпкой солидарности.

Въ 1838 г. наступила тяжелая эпоха для общества желѣзныхъ механиковъ. Ему грозило почти распаденіе. Дѣло въ томъ, что, по англійскимъ законамъ, рабочія общества въ то время не были юридическими лицами; они были лишены нѣкоторыхъ имущественныхъ правъ: такъ, напр., недвижимыми имуществами, землею, домами, они не имѣли права владѣть: даже движимое имущество, напр. деньги или цѣнныя бумаги,—оставалось беззащитнымъ предъ судомъ: такъ, если кто-либо изъ выборныхъ общества, для веденія его дѣлъ, растратилъ деньги, то онъ не могъ быть привлеченъ къ суду, ибо не существовало субъекта преступленія. Правда, англійская законодательная власть иногда давала различнымъ обществамъ, напр. дружескому обществу, нѣкоторыя ограниченныя права, напр. право искать защиты суда, но, давая имъ эти права, власть требовала, какъ непремѣннаго условія, представленія обществомъ правительству на утвержденіе его уставы. Впослѣдствіи правительство впрочемъ отмѣнило эти ограниченія и стало давать право защиты всѣмъ обществамъ, которыхъ цѣль не была противозаконна. Общество желѣзныхъ механиковъ стало хлопотать о полученіи отъ правительства права защиты предъ судомъ; оно перемѣнило свое названіе и стало называться «дружескимъ союзомъ механиковъ»; наконецъ, даже рѣшилось измѣнить на общемъ собраніи депутатовъ 18 апрѣля 1838 г. свои уставы. По проекту новаго устава, всѣ вѣтви теряли свою самостоятельность и всѣ дѣла общества, вся власть законодательная сосредоточились въ рукахъ манчестерской вѣтви, какъ руководящей. Понятно, что многія вѣтви возставали противъ такого измѣненія устава. Во главѣ оппо-

Digitized by Google

зиціонныхъ вѣтвей стояла глазговская вѣтвь; начались переговоры между манчестерскою и глазговскою вѣтвями; наконецъ, на собраніи делегатовъ вѣтвей въ Лондонѣ, въ мартѣ 1839 г., состоялось столь желанное примиреніе: вѣтвь манчестерская взяла назадъ свой проектъ измѣненія устава; любовь къ самостоятельности взяла верхъ. Сдѣланы были однако нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ, въ смыслѣ большаго сплоченія вѣтвей между собою посредствомъ выбора должностныхъ лицъ, на которыхъ возложили обязанность управлять дѣлами всего общества. Такъ, былъ выбранъ генеральный секретарь. Онъ выбирался спеціальною, для его выбора созванною, коммиссіею вѣтвей; въ его рукахъ находились всѣ документы общества; онъ обязанъ былъ сообщать какъ обществу, такъ и частнымъ собраніямъ все, что касалось до общества или какой-либо вѣтви его. Этотъ секретарь получаетъ до 2 ф. стерл. въ недѣлю. На секретарѣ какъ всего общества, такъ и вѣтвей лежала также обязанность заботиться о пріисканіи мѣстъ для рабочихъ, случайно лишившихся работы.

Въ 1843 г. общество желѣзныхъ механиковъ сдѣлало еще важный шагъ къ организаціи своего строя, чѣмъ это было до сихъ поръ. До этого года исполнительная власть ввѣрялась какой-либо одной изъ вѣтвей, и такою вѣтвію всегда была манчестерская вѣтвь. Президентъ этой вѣтви считался президентомъ всего общества. Въ 1843 же году создался особый выборный комитетъ, которому ввѣрялась исполнительная власть по дѣламъ всего общества; онъ состоялъ изъ тридцати членовъ. Мѣстомъ постояннаго пребыванія ея долженъ быть Манчестеръ.

Во весь періодъ дѣятельности общества, отъ 1834 года до полнаго соединенія всѣхъ его группъ въ одно цѣлое, т. е. до 1852 г., оно имѣло въ виду не одно только созиданіе своего строя въ болѣе или менѣе лучшей формѣ, оно имѣло въ виду еще образованіе нравственнаго уровня своихъ членовъ... Это видно не только изъ того, что ея уставами запрещались всякаго рода напитки на собраніяхъ, но и изъ того, что общество вводило классы взаимнаго обученія и издавало журналъ отъ 1841—до 1847 г.—«Журналъ механиковъ».

Послѣ того, какъ образовался особый комитетъ, дѣятельность общества по отношенію къ управленію своими дѣлами приняло троякое направленіе: во-первыхъ, улучшеніе финансовъ, во-вторыхъ, установленіе порядка въ занятіяхъ ремесломъ, въ инте-

Digitized by Google

ресахъ самихъ рабочихъ, и въ-третьихъ, наконецъ, свое собственное расширеніе.

1. Общество поняло, что дѣло не въ возвышеніи взносовъ, а въ ихъ правильности, послѣдняя же достигается не иначе, какъ уменьшеніемъ количества той части взносовъ, которая приходится на долю каждаго члена, и вотъ общество на одномъ изъ своихъ собраній ввело это уменьшеніе. Каждый членъ платилъ отъ 1-го до 10 шиллинговъ, смотря потому, сколько дивиденда приносило ему общественное имущество. Вслѣдстіе заботъ общества объ улучшеніи своихъ финансовыхъ дѣлъ, оно могло въ теченіи шести лѣтъ собрать однихъ взносовъ до 26.000 ф. стерлинговъ.

2. Общество старалось ввести такія правила, которыя служили бы рабочимъ гарантіей отъ произвола фабрикантовъ. Съ этою цѣлью общество требовало отъ своихъ членовъ соблюденія того, чтобы никто, не пробывшій извѣстнаго числа лѣтъ въ ученьи, не становился работникомъ. Здѣсь мы видимъ какъ бы возвращеніе къ цеховымъ порядкамъ. Да, рабочій классъ увидалъ, что *полная свобода труда и промысла полезна была только капиталистамъ*, что для своего спасенія необходимо ввести хотя какую-нибудь регламентацію въ ремеслѣ.—Затѣмъ общество старалось объ установленіи правильнаго отношенія числа учениковъ къ числу рабочихъ. Хозяева или фабриканты мало-по-малу ввели обычай держать, вмѣсто кончившихъ ученіе работниковъ, неученыхъ работниковъ и учениковъ. Этотъ обычай полезенъ имъ былъ потому, что давалъ имъ возможность сбавлять плату. Ученые же работники оставались безъ работы. Установляя нѣкоторую регламентацію въ ремеслѣ своихъ членовъ, общество также вело упорную борьбу за отмѣну поштучной платы и за уменьшеніе рабочихъ часовъ. Мы говоримъ упорную, потому что фабриканты употребляли всѣ свои усилія, чтобъ оставить за собой поле побѣды: такъ, во время спора рабочихъ съ одною изъ фирмъ, фирмой Jones and Pottes,—во время спора, тянувшагося 14 дней и близившагося къ своему концу, благопріятному рабочимъ,—неожиданно ночью были арестованы на своихъ постеляхъ нѣкоторые изъ членовъ общества и въ Манчестерѣ секретарь его. Ихъ обвиняли въ заговорѣ нротивъ собственности и жизни своихъ хозяевъ. Начался процессъ. Жалоба многихъ, поданная суду, заключала въ себѣ 4.914 пунктовъ и была длиною въ 57 англійскихъ метровъ.

Digitized by Google

Несмотря однако на такую жалобу, судъ не нашелъ арестованныхъ работниковъ виновными и оправдалъ ихъ. Обществу стоилъ этотъ процессъ до 1.800 фун. стерл. Вслѣдстіе этого общество, на общемъ своемъ собраніи въ 1847 г., постановило, чтобы ни исполнительный комитетъ, ни секретарь не вмѣшивались бы въ столкновенія рабочихъ съ хозяевами, такъ какъ подобное вмѣшательство вредитъ интересамъ рабочихъ, и что въ случаѣ стачки необходимо выбрать особый комитетъ для правильнаго веденія ея.—Борьба рабочихъ съ хозяевами за уменьшеніе часовъ работы привела къ благопріятному для первыхъ исходу: на лондонскихъ желѣзныхъ заводахъ и на нѣкоторыхъ изъ провинціальныхъ число рабочихъ часовъ въ недѣлю сократилось съ 60 на $57^1/_2$ часовъ.

Общество особенно хлопотало объ уменьшеніи числа часовъ работы потому, что имѣло въ виду доставить рабочимъ болѣе свободнаго времени для умственнаго развитія. Перейдемъ теперь къ заботамъ общества о своемъ расширеніи.

3. Общество задало себѣ задачу расширить свой кругъ на столько, чтобы въ него входили всѣ мѣстные механики. Цѣль его понятна: чѣмъ шире основаніе какого-либо общества, тѣмъ вѣрнѣе его существованіе, тѣмъ крѣпче связь всего его зданія; кромѣ того, съ того момента, какъ въ составъ общества войдутъ всѣ занимающіеся желѣзнымъ производствомъ, станутъ невозможными споры и раздоры различныхъ союзовъ и корпорацій между собой. А эти раздоры были такъ велики, что членъ какого-либо союза скорѣе могъ терпѣть близь себя не принадлежащаго ни къ какому союзу, чѣмъ члена другаго, не его союза. Такіе раздоры сильно вредили дѣлу рабочихъ. И вотъ общество задалось плодотворною мыслію замирить рабочихъ посредствомъ соединенія всѣхъ союзовъ въ одинъ общій цѣлый союзъ. Въ этомъ случаѣ общество желѣзныхъ механиковъ слѣдовало тому же направленію, какому слѣдовали когда-то гильдіи. Въ ту эпоху, какъ мы уже знаемъ, подлѣ старыхъ гильдій образовались новыя, между ними шла продолжительная борьба, но тѣ и другія, наконецъ, поняли, что все ихъ спасеніе заключается въ болѣе или менѣе крѣпкой связи между собою, и потому-то старыя и новыя гильдіи стали соединяться въ большіе городскіе союзы. То же самое мы видѣли и въ исторіи развитія цеховъ.

Дѣлу расширенія общества или, лучше сказать, соединенію нѣсколькихъ различныхъ союзовъ въ одно общее цѣлое содѣй-

Digitized by Google

ствовалъ больше всѣхъ одинъ молодой работникъ, Уильямъ Ньютонъ. Дѣло соединенія шло такъ успѣшно, что въ 1847 году, на общемъ собраніи, манчестерское общество поручило своему секретарю войти въ сношеніе съ прочими обществами относительно соединенія ихъ съ нимъ. На собраніи 1850 года во Уорингтонѣ опредѣлены были первыя основанія образованія одного общаго союза изъ нѣсколькихъ обществъ. «Мы находимъ, говорится въ первомъ изъ этихъ опредѣленій, что для успѣха дѣла рабочихъ, а именно для устраненія обычая поштучной платы и еще больше лишнихъ рабочихъ часовъ, необходимъ сколь возможно крѣпкій союзъ между рабочими, послѣдній же можетъ быть достигнутъ не иначе, какъ соединеніемъ всѣхъ принадлежащихъ къ нашему ремеслу рабочихъ союзовъ въ одну общую организацію». Въ этотъ союзъ должны были войти и тѣ рабочіе, которые до сего времени не принадлежали ни къ какимъ союзамъ. На этомъ же собраніи предложено было: во-первыхъ, учредить постоянную кассу вспомоществованія гревистамъ (до этого времени гревисты получали помощь отъ особыхъ, добровольно жертвованныхъ, взносовъ); во-вторыхъ, организовать областные комитеты, которые должны были зорко слѣдить за интересами рабочихъ и во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ обращаться за совѣтомъ къ главному исполнительному комитету. На областныхъ комитетахъ лежала, между прочимъ, забота о томъ, чтобъ имъ подвѣдомыя области не переполнялись слишкомъ рабочими и черезъ это не уменьшалась бы рабочая плата. Въ случаѣ большаго скученія рабочихъ въ какой-либо области, комитетъ даетъ опредѣленному главнымъ исполнительнымъ комитетомъ числу рабочихъ средства выѣхать въ другія мѣстности, гдѣ оказывается нужда въ рабочихъ.

Прошло три мѣсяца съ собранія въ Уорингтонѣ. 9 сентября 1850 года 44 депутата, отъ семи различныхъ обществъ, собрались въ Бермингэмъ. Эти представители 10.500 рабочихъ рѣшили положить начало соединенію уже въ формѣ закона. Послѣ продолжительныхъ преній уставыноваго соединеннаго общества механиковъ были, наконецъ, приняты. Исполнительная власть или главный комитетъ долженъ былъ перенести свое мѣстопребываніе въ Лондонъ. Три главныя цѣли поставило себѣ выполнять новое общество: 1) установить правильное отношеніе между числомъ учениковъ и ученыхъ рабочихъ, 2) установить равномѣрность въ числѣ рабочихъ по областямъ и 3) заставить хозяевъ отказаться отъ

Digitized by Google

обычая поштучной платы и отъ требованія лишнихъ рабочихъ часовъ за ту же плату. Новое организованное общество приняло имя «Соединеннаго общества инженеровъ-механиковъ». Вначалѣ не всѣ общества вступили въ него, и число членовъ его въ январѣ 1851 года было не больше 5.000, но въ декабрѣ этого же года въ немъ считалось уже до 11.829 членовъ. Съ этого момента организація общества закончилась; началась его дѣятельность въ новой, лучшей формѣ, и къ этой-то дѣятельности мы теперь переходимъ.

VI.

Едва только организовался соединенный союзъ ассоціацій желѣзныхъ механиковъ, какъ онъ уже выразилъ свою дѣятельность борьбой противъ заводчиковъ; и на этотъ разъ борьба стала вестись съ бо̀льшимъ тактомъ и благоразуміемъ. Въ случаѣ какого-либо неудовольствія, выбирались отъ той или другой ассоціаціи депутаты, или исполнительная коммиссія поручала кому-либо изъ своихъ членовъ вести переговоры съ хозяевами. Сознаніе союза о своемъ значеніи давало его требованіямъ силу. Хозяева почти всегда уступали послѣ нѣсколькихъ дней колебанія. «Успокоеніе своею силой и значеніемъ», говоритъ одна газета того времени, «у союза такъ велико, что слѣдуетъ опасаться какого-либо ложнаго шага съ его стороны. Но, къ счастію его, лица, составлявшія исполнительную коммиссію, владѣли свѣтлою головой и понимали положеніе дѣла».

Дѣятельность членовъ союза приняла какъ бы два совершенно различныя направленія, хотя въ своей идеѣ эти направленія были однородны: оба они имѣли въ виду—ввести, посредствомъ хорошей организаціи труда, возможную точность и правильность въ занятіяхъ рабочихъ, отличались же они только въ пониманіи средствъ къ достиженію этой цѣли. Одно направленіе стало на почвѣ фактическихъ отношеній между рабочими и хозяевами, которое имѣло въ виду отмѣну произвольно введеннаго послѣдними обычая поштучной платы и лишнихъ рабочихъ часовъ. Другое же—уничтоженіе сословія фабрикантовъ, возможность коего члены видѣли въ организаціи производительныхъ обществъ. Идея объ организаціи послѣднихъ обществъ была, впрочемъ, не всѣмъ рабочимъ понятна: многіе считали ее созданіемъ фантазіи нѣкоторыхъ теоретическихъ головъ. Рабочіе считали за лучшее имѣть

Digitized by Google

деньги, какъ средство помощи во время стачекъ, чѣмъ употреблять ихъ на производство.

Распространеніе идей о производительныхъ ассоціаціяхъ между англійскими рабочими прежде всего слѣдуетъ приписать обществу для распространенія идей о рабочихъ союзахъ. Это общество сильно вліяло на рабочее движеніе въ Англіи и особенно на вожаковъ соединеннаго союза. Идея объ организаціи производительныхъ обществъ, какъ о наилучшемъ способѣ уменьшить число фабрикантовъ, мало-по-малу получила право гражданства. Въ іюлѣ 1851 г. исполнительная коммиссія приглашала членовъ союза подписаться на акціи для покупки одного завода въ Ливерпулѣ. Но неожиданное событіе сдѣлало невозможнымъ такое предпріятіе.

Мы уже знаемъ изъ предыдущей главы, что собраніе депутатовъ въ Бермингэмѣ въ 1850 г. поручило исполнительной коммиссіи принять возможныя мѣры къ отмѣнѣ поштучной платы и лишнихъ рабочихъ часовъ. Съ организаціи же соединеннаго союза желѣзныхъ механиковъ стремленіе къ отмѣнѣ какъ того, такъ и другаго приняло сильные размѣры. Агитація въ пользу отмѣны все больше и больше распространялась между рабочими. Но прежде всего она имѣла мѣсто въ Ольдгамѣ. Здѣсь рабочіе одной фирмы составили стачку, требуя отмѣны лишнихъ часовъ и замѣны не ученыхъ рабочихъ при машинахъ учеными. Хозяева не уступали; ольдгамскіе рабочіе написали въ Лондонъ, прося прислать члена коммиссіи, уже извѣстнаго намъ Ньютона, для примиренія ихъ съ хозяевами. Ньютонъ отправился въ Ольдгамъ; депутація, имѣя его во главѣ, ходила къ хозяевамъ фирмы. Ньютонъ успѣлъ дѣло кончить такъ, что хозяева согласились на требованіе рабочихъ: они обѣщали, во-первыхъ, что съ Троицина дня 1852 г. работа на фирмѣ перейдетъ къ ученымъ работникамъ, и, во-вторыхъ, что лишніе часы не будутъ вводимы безъ согласія рабочихъ. Казалось бы, что рабочіе должны снова приняться за работу, но они объявили Ньютону свое нежеланіе работать на фирмѣ, такъ какъ они не вѣрятъ слову хозяевъ. Всѣ попытки Ньютона убѣдить рабочихъ приняться снова за работу не привели ни къ чему,—рабочіе остались при своемъ рѣшеніи. Тогда исполнительная коммиссія постановила рѣшеніе, на основаніи котораго ольдгамскіе рабочіе должны были снова приняться за работу, иначе имъ отказывалось въ помощи во время стачки, и чтобъ убѣдить рабочихъ подчиниться этому рѣ-

Digitized by Google

шенію, коммиссія послала депутацію въ Ольдгамъ, которая предложила передать фирмѣ многихъ ученыхъ работниковъ не около Троицы 1852, а предъ Рождествомъ 1851 г. Фирма приняла предложеніе, рабочіе же и на этотъ разъ не подчинились рѣшенію.

Побѣда, одержанная ольдгамскими рабочими, вскружила головы членамъ соединеннаго союза и создала въ ихъ умахъ много надеждъ. Но, какъ мы уже сказали, исполнительная коммиссія состояла изъ людей разумныхъ и хладнокровныхъ. Она занялась теперь собираніемъ статистическихъ фактовъ о рабочихъ союзахъ и ихъ количественной силѣ и, наконецъ, изслѣдованіемъ того, какъ велика солидарность между членами союзовъ въ вопросахъ такой важности, какъ вопросы о лишнихъ рабочихъ часахъ или поштучной платѣ. Послѣднее изслѣдованіе сдѣлала исполнительная коммиссія съ цѣлію взять въ свои руки движеніе рабочихъ союзовъ по поводу этихъ вопросовъ. Въ октябрѣ 1851 г. вышло въ свѣтъ изслѣдованіе коммиссіи, изъ котораго увидали интересующіеся дѣломъ рабочихъ, что въ вопросѣ объ отмѣнѣ лишнихъ часовъ и поштучной платы почти всѣ члены были единодушны: 5.709 были *за* въ первомъ случаѣ и 16 *противъ*; во второмъ случаѣ 5.297 были за и 18 противъ.

Время, между тѣмъ, проходило въ собираніи статистическихъ фактовъ, очень интересныхъ для исторіи развитія рабочихъ союзовъ. вопросъ же объ отмѣнѣ лишнихъ часовъ все-таки оставался открытымъ; вездѣ почти, кромѣ ольдгамскихъ заводовъ, рабочіе принуждены были работать лишніе часы: исполнительная коммиссія только собиралась, приготовлялась вести систематическую борьбу, но не начинала еще. Рабочіе были недовольны медленностью коммиссіи, и тогда-то манчестерская вѣтвь взяла въ свои руки веденіе борьбы за отмѣну лишнихъ часовъ. Общее собраніе въ октябрѣ 1851 г. постановило слѣдующее рѣшеніе: «такъ какъ обычай заставлять работать лишніе часы есть зло, то съ 1 ноября этого года мы обязуемся не работать больше въ не указанные часы». Всѣ рабочіе единодушно приняли такое рѣшеніе, и это единодушіе привело къ тому, что многіе заводы, числомъ 25, вынуждены были подчиниться рѣшенію вѣтви. Наконецъ, 24 ноября 1851, исполнительная коммиссія приступила къ дѣйствію и издала два посланія: одно къ рабочимъ, не только принадлежащимъ къ союзу, но ко всѣмъ, какого бы рода ни было ихъ ремесло. Въ немъ совѣтуется рабочимъ совершенно отказаться отъ обычая работать лишніе часы, исключая тѣхъ случаевъ,

Digitized by Google

когда лишніе часы требуются крайнею необходимостью, напр., при сломкѣ машинъ, и тутъ работать не иначе, какъ за двойную плату. Время послѣ шести часовъ вечера и до шести часовъ утра признается лишними часами. Другое посланіе было написано къ хозяевамъ: въ этомъ посланіи коммиссія почтительнымъ, но полнымъ достоинства тономъ убѣждаетъ хозяевъ отмѣнить обычай лишнихъ часовъ, доказываетъ имъ все то зло, которое возникаетъ отъ него для рабочихъ какъ въ нравственномъ, умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи.

Рабочіе были увѣрены въ побѣдѣ; «наша побѣда будетъ легка», говорилъ тогдашній органъ рабочихъ «Operative» (29 ноября 1851); всѣ принадлежащіе къ союзу рабочіе думали, что немного хозяевъ рѣшатся на противодѣйствіе такому единодушному рѣшенію. «Мы довольно сильны для того, чтобы выдержать бурю», говоритъ посланіе коммиссіи къ рабочимъ союза. Но наступившія затѣмъ событія разсѣяли мечты рабочихъ.

Владѣтель одной изъ манчестерскихъ фирмъ, Потти, сталъ агитировать за образованіе союза хозяевъ противъ возрастающей силы рабочихъ. Въ «Times», этомъ вѣрномъ слугѣ англійской буржуазіи, появились статьи, рѣзко порицающія движеніе рабочихъ союзовъ и обзывающія лондонскую исполнительную коммиссію шайкой агитаторовъ. «Извѣстно, говоритъ статья, что эта шайка готова потребовать введенія равной платы и всего того, что проповѣдуетъ теорія Луи Блана». Статья «Times'а» для всѣхъ знающихъ дѣло людей была крайне несправедлива: во-первыхъ, членамъ союза была ненавистна мысль о равной платѣ и, во-вторыхъ, имя Луи Блана едва ли было извѣстно между англійскими рабочими. Союзъ хозяевъ употребилъ все свое вліяніе на печать, чтобы заставить ее склонить публику на свою сторону; онъ даже подговорилъ одного писателя, нѣкоего Сиднея Смита, который сталъ главой агитаціи противъ требованія соединеннаго союза рабочихъ механиковъ: не было той лжи, которую бы не распространяли въ публикѣ посредствомъ печати. Такое отношеніе печати къ рабочимъ еще разъ убѣдило ихъ въ томъ, что они не найдутъ справедливости въ ней, пока она будетъ органомъ интересовъ буржуазіи.

Рабочіе во время сатурналіи буржуазной прессы вели себя чрезвычайно сдержанно; они только буквально слѣдовали рѣшенію исполнительной коммисіи не работать лишнихъ часовъ; они являлись въ шесть утра на работу и уходили въ шесть съ половиною

Digitized by Google

часовъ вечера. Но, чтобы покончить недоразумѣнія, они предложили хозяевамъ образовать смѣшанную коммиссію изъ себя и рабочихъ для рѣшенія вопроса о лишнихъ часахъ и поштучной платѣ, и если коммиссія признаетъ правильною поштучную плату, то они подчинятся ея рѣшенію. Но хозяева, изъ коихъ многіе были членами основанной Кобдэномъ лиги мира, находили невозможнымъ мирный исходъ спора съ своими рабочими; на предложеніе рабочихъ они отвѣтили тѣмъ, что 10 января 1852 года закрыли свои заводы, и 45.000 лицъ, включая въ это число женщинъ и дѣтей, остались безъ всякихъ средствъ для существованія.

Друзья рабочихъ изъ аристократическаго класса, члены общества распространенія рабочихъ союзовъ, лордъ Годрихъ, Thomas Hughes и Vonsittart, явились посредниками спора между рабочими и хозяевами; они просили лорда Эсбортона стать третейскимъ судьей въ этомъ дѣлѣ. Но благородный лордъ нашелъ невозможнымъ принять предложеніе. Въ письмѣ своимъ въ «Times» онъ говоритъ, что рѣшить споръ между рабочими и хозяевами нельзя, такъ какъ нѣтъ средствъ заставить послѣднихъ подчиниться рѣшенію третейскаго суда. Такой отвѣтъ лорда оставлялъ рабочимъ одно средство— защищаться собственными силами и продолжать сколь возможно стачку.

Кассовыя книги союза показывали къ концу 1851 года 21.000 фунтовъ стерлиновъ. Сумма была велика, однако не на столько, чтобы могла поддерживать такое громадное число гревистовъ, какое тогда находилось на рукахъ общества. Хозяева были убѣждены, что стачка не продержится дольше мѣсяца. Но касса и не помогала рабочимъ только изъ своихъ средствъ: союзъ обратился къ рабочимъ другихъ ремеслъ, прося помощи для бойцовъ, и пособія потекли щедро: каждый изъ занятыхъ рабочихъ отдавалъ еженедѣльно день рабочей платы. Свои же собственныя деньги союзъ старался обратить на основаніе производительныхъ обществъ, и дѣйствительно, нѣкоторыя изъ этихъ обществъ просуществовали долго. Союзъ серьезно приступилъ къ покупкѣ литейнаго завода въ Ливерпулѣ; на общемъ собраніи члены союза рѣшили 10.000 фун. стерл. употребить на покупку завода. Планъ покупки снова не удался, и деньги союза пошли на другое дѣло.

Тяжело и непріятно было фабрикантамъ и заводчикамъ видѣть, какъ занятые рабочіе оказываютъ свою великодушную по-

Digitized by Google

мощь гревистамъ и тѣмъ поддерживаютъ стачку. Хозяева механическихъ и желѣзныхъ заводовъ отправили отъ себя депутацію къ фабрикантамъ другихъ производствъ съ просьбой остановить на время работу и лишить рабочихъ средствъ поддерживать стачку. Просьба была уважена: рабочимъ было объявлено, что если они не прекратятъ пособія, то лишатся работы; кромѣ того, имъ предлагали подписать обѣщаніе—не принадлежать ни къ какимъ рабочимъ союзамъ; дѣти гревистовъ, работавшія на фабрикахъ и заводахъ, были отосланы къ своимъ родителямъ. Такія дѣйствія хозяевъ, въ которыхъ выразилась безсильная злоба мстить ничѣмъ неповиннымъ людямъ, возбудили негодованіе въ рабочемъ классѣ; рабочіе составляли сходы, собранія по всей странѣ; индустріи угрожалъ неизбѣжный кризисъ. Хозяева ничего не хотѣли уступать; мало того, они выпустили брошюру, которая имѣла цѣлью выставить въ самомъ дурномъ свѣтѣ соединенный союзъ механиковъ. На этотъ разъ даже печать не сочла возможнымъ принять открыто сторону хозяевъ. Одна изъ газетъ: «Weekly Dupatch», враждебная направленію союза, по поводу требованія хозяевами отъ рабочихъ, чтобъ они подписали обѣщаніе никогда не принимать никакого участія въ какомъ-либо рабочемъ союзѣ, говоритъ: «еслибъ авторъ, ученый механикъ, былъ рабочимъ, то онъ скорѣе сталъ бы бить камни на мостовой, чѣмъ подписать такое обѣщаніе». Эта борьба, полная великодушія и стойкости съ одной стороны и хитрости, коварства и лжи съ другой, кончилась въ апрѣлѣ 1852 года. Многіе изъ рабочихъ оставили родину и эмигрировали въ Австралію; средства союза истощились: онъ во время этой борьбы потерялъ до 40.000 фун. стер. Союзъ, наконецъ, рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки: на собраніи депутатовъ отъ вѣтвей союза въ Гласговѣ, въ іюнѣ 1852 года, исключены были изъ устава союза 22 и 23 параграфы, заключавшіе въ себѣ постановленія противъ поштучной платы и лишнихъ часовъ; слѣдовательно, главный предметъ борьбы былъ на время устраненъ и миръ заключенъ. Съ этого момента дѣятельность союза приняла мирный характеръ. Въ своей правильной, мирной дѣятельности союзъ сталъ образцомъ и типомъ, какъ мы уже сказали, современныхъ западныхъ ассоціацій.

Прежде, чѣмъ говорить о внутренней дѣятельности союза, скажемъ объ его величинѣ; послѣдняя покажетъ намъ лучше всякаго разсужденія, какъ велико его значеніе въ средѣ рабочаго клас-

Digitized by Google

са не только Англіи, но и другихъ странъ. Изъ таблицъ, приложенныхъ къ книгѣ Брентано,—таблицъ, составленныхъ на основаніи изслѣдованія лондонской королевской коммиссіи о положеніи рабочаго класса,—мы видимъ постепенное возрастаніе союза съ 1852 по 1869 годъ. Въ моментъ замиренія 1852 года союзъ считалъ въ своей средѣ 9.737 членовъ, распредѣленныхъ по 129 вѣтвямъ; въ концѣ же 1869 года онъ считалъ въ своей средѣ до 33.915 членовъ и 316 вѣтвей; слѣдовательно, ежегодно число членовъ союза увеличивалось на 3.000 человѣкъ. Изъ 316 вѣтвей 7 было въ Австраліи, одно въ Новой-Зеландіи, 4 въ Канадѣ, 1 въ Мальтѣ, 1 въ Константинополѣ и 13 въ Соединенныхъ Штатахъ.

Тѣ внутреннія реформы, которыя произвелъ въ своей организаціи союзъ, коснулись прежде всего собранія депутатовъ: съ расширеніемъ союза, это собраніе стало слишкомъ многочисленно (въ 1864 г. въ немъ засѣдало до 260 депутатовъ) и потому неудобно для выработки основательныхъ законовъ. Депутатское собраніе было замѣнено коммиссіей, которая въ извѣстные сроки возобновляется; эта коммиссія—родъ небольшаго парламента—состоитъ изъ 37 членовъ. Одиннадцать изъ нихъ представляютъ мѣстныя коммиссіи лондонскихъ вѣтвей, а остальные 26 членовъ являются представителями вѣтвей всей страны. Всѣ эти 37 членовъ образуютъ изъ себя генеральную коммиссію. Она обладаетъ правомъ издавать тѣ или другія постановленія, облагать членовъ союза налогами, и въ то же время эта коммиссія есть апелляціонная инстанція, которой можно приносить апелляціи на рѣшенія мѣстныхъ коммиссій. Чтобы сдѣлаться членомъ такой полновластной коммиссіи, нужно пять лѣтъ пробыть членомъ союза.

Юридически вся сила, вся власть союза сосредоточена въ генеральной коммиссіи, фактически же въ рукахъ ея секретаря. По смыслу устава союза, секретарь не больше какъ отвѣтственный исполнитель предписаній коммиссіи; въ дѣйствительности же онъ—самое вліятельное лицо въ союзѣ; такое вліяніе онъ пріобрѣтаетъ черезъ знаніе положенія ремеслъ и интересовъ общества. Если союзъ достигъ такого блестящаго положенія, что онъ признанъ всѣми за типъ современныхъ союзовъ, то онъ обязанъ этимъ своему энергичному, преданному дѣлу рабочихъ, секретарю *Аллену*. Онъ, при своемъ значеніи, получаетъ слишкомъ умѣренное вознагражденіе: что значатъ 3 ф. ст. 10 шил. въ недѣлю для общества изъ 40.000 человѣкъ съ 200.000 ф. стерл. оборотнаго капитала?..

Digitized by Google

Одной изъ серьезныхъ задачъ, поставленныхъ для своего рѣшенія союзомъ, есть собираніе статистическихъ свѣдѣній о желаніяхъ своихъ членовъ и положеніи ремеслъ. Въ многихъ мѣстахъ союзъ учредилъ статистическія бюро. Статистическіе факты, собранные этими бюро, чрезвычайно интересны для изученія рабочаго вопроса; они даже часто служатъ матеріаломъ для оффиціальныхъ лицъ: не рѣдко министры для своихъ парламентскихъ рѣчей заимствуютъ тѣ или другіе факты о положеніи рабочаго класса изъ статистическихъ свѣдѣній, публикуемыхъ союзомъ.—Съ великой борьбы 1852 г. союзъ избѣгаетъ вести подобную борьбу и ищетъ мирныхъ средствъ для соглашенія хозяевъ съ рабочими. Отношенія союза къ хозяевамъ служатъ яснымъ доказательствомъ того, что развитіе ассоціацій не опасно для общества, что, напротивъ, оно скорѣе можетъ повести мирнымъ путемъ къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, а не наоборотъ. «Члены союза, говоритъ Алленъ въ своемъ показаніи предъ королевскою коммиссіей, имѣютъ отвращеніе къ стачкамъ, тѣмъ болѣе, что они владѣютъ слишкомъ большими средствами, чтобы подвергаться опасности потерять ихъ». Въ случаѣ недоразумѣній или спора между хозяевами и рабочими, союзъ посылаетъ для переговоровъ съ первыми кого-либо изъ членовъ, и часто случается, что рабочіе получаютъ желаемое. Генеральная коммиссія ввела обычай между членами союза не начинать стачекъ безъ ея согласія; если же какая-либо вѣтвь начнетъ самостоятельно стачку, то подвергается порицанію. Вообще генеральная коммиссія не вмѣшивается въ стачку до того момента, пока хозяева не закроютъ своихъ фабрикъ. Тогда коммиссія считаетъ своимъ долгомъ помогать гревистамъ. Коммиссіи союза желѣзныхъ механиковъ рабочій классъ обязанъ тѣмъ, что такъ-называемый законъ о дѣтяхъ въ 1867 г. прошелъ въ парламентѣ. Незамѣтно ввелся обычай употреблять на работу на фабрикахъ и желѣзныхъ заводахъ дѣтей съ шестилѣтняго возраста. Когда былъ внесенъ въ 1867 г. билль о запрещеніи употреблять на фабричныя работы дѣтей такого ранняго возраста, то желѣзные заводчики отправили къ министру внутреннихъ дѣлъ депутацію съ просьбой не распространять дѣйствія закона на желѣзные заводы; союзъ же съ своей стороны отправилъ депутацію въ министерство и парламентъ, которая доказала ясными статистическими данными весь нравственный и физическій вредъ для дѣтей. Доказательства ея были сильны, и законъ прошелъ.

Digitized by Google

Союзъ оказываетъ помощь своимъ членамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ ихъ жизни, въ которыхъ требуется помощь, подобно тому, какъ это дѣлали гильдіи и цехи. Онъ помогаетъ имъ не только денежными средствами, но также и тѣмъ, что отыскиваетъ работу остающимся не по своей волѣ безъ работы работникамъ; съ этою цѣлью онъ учреждаетъ бюро, которыя должны собирать свѣдѣнія объ открывающихся на фабрикахъ и заводахъ вакантныхъ мѣстахъ. Сумма вспоможеній, данныхъ союзомъ своимъ членамъ въ теченіи 18 лѣтъ, отъ 1852 по 1868 г., простирается до 71,655 ф. стерл.—Источниками такихъ вспоможеній служатъ правильные и чрезвычайные взносы членовъ союза.

Рабочія общества или союзы не считались до 1864 г. юридическими обществами, и потому они оставались беззащитными предъ судомъ въ случаѣ, еслибы, какъ мы говорили, кто-либо изъ служащихъ въ обществѣ вздумалъ обокрасть его; мало того, правительство, въ случаѣ иска, могло конфисковать деньги союза, какъ не признаннаго закономъ общества. Но, благодаря *Гладстону*, въ 1869 г. въ парламентѣ прошелъ билль, которымъ предоставлено обществамъ рабочихъ право защиты предъ судомъ.

Если мы отъ внутренней дѣятельности союза обратимся къ его отношенію къ вопросамъ внѣшнимъ,—къ вопросамъ, которые затрогиваютъ его, такъ-сказать, извнѣ, напр. въ политикѣ, то увидимъ, съ какой осторожностью союзъ относится къ нимъ. Онъ своею главной цѣлью считаетъ установленіе правильныхъ отношеній въ ремеслѣ, улучшеніе рабочаго класса. Поэтому союзъ почти не принималъ никакого участія въ политическихъ агитаціяхъ. Впрочемъ, въ большой демонстраціи за билль о реформѣ приняли участіе многія изъ вѣтвей союза. Эти вѣтви съ развѣвающимися знаменами прошли по улицамъ Лондона. Принятіе участія въ агитаціи за реформу объясняется тѣмъ, что союзъ смотрѣлъ на нее какъ на индустріальную, ибо эта реформа помогала только уничтоженію неравенства между работниками и хозяевами.

Мы представили читателямъ историческій очеркъ развитія рабочихъ союзовъ отъ темной эпохи среднихъ вѣковъ до настоящаго момента европейской исторіи; мы видѣли, какъ зарождались и достигали полнаго развитія средневѣковыя формы защиты труда, какъ онѣ разлагались и замѣнялись новыми

Digitized by Google

формами, и, наконецъ, мы видѣли образованіе новыхъ формъ. Послѣднія еще не достигли своего полнаго развитія; онѣ, подобно гильдіямъ и цехамъ, встрѣчаютъ препятствія, полагаемыя имъ со стороны законодательной или исполнительной власти, но эти препятствія не въ силахъ помѣшать, задержать или остановить ихъ ростъ и развитіе. Рабочіе союзы сильны своею внутреннею жизненностью, представляя собою, такъ-сказать, роновую, необходимую форму общественной жизни и дѣятельности при современномъ строѣ общественной жизни. Будущее принадлежитъ рабочимъ союзамъ.

Дрезденъ. 27 мая.

Н. Лыоцовъ.

Digitized by Google

ЗАМѢТКА

на статью г. Д. Миропольскаго: «Раздробительная продажа вина какъ источникъ земскихъ и городскихъ средствъ» («Бесѣда» № V, стр. 217—236).

Не безъ искренняго сочувствія прочли мы статью г. Миропольскаго о передачѣ раздробительной винной торговли въ руки земства и городовъ. Въ этой статьѣ такъ много благонамѣренности, теплоты и чувства справедливости, что такъ бы и хотѣлось видѣть многое изъ предположеній автора осуществленнымъ на дѣлѣ. Мы вполнѣ сознаемъ необходимость положенія границъ усиливающемуся у насъ пьянству и кабачному грабежу; вполнѣ согласны, что взиманіе землевладѣльцами и обществами, вопреки закону, болѣе или менѣе значительныхъ платежей за дозволеніе торговать виномъ на ихъ землѣ должно быть прекращено, и что всѣ юридическія возраженія противъ этой отмѣны основаны не на настоящемъ, а ложномъ понятіи о правѣ собственности, а потому и не имѣютъ никакой силы; вполнѣ раздѣляемъ желаніе автора устроить винную торговлю на началахъ полезныхъ не для нѣсколькихъ лицъ, а для совокупности обывателей и въ особенности для народной нравственности. А потому въ этой замѣткѣ мы предполагаемъ возражать не противъ основныхъ мнѣній г. Д. Миропольскаго, а противъ мѣръ къ приведенію въ дѣйствіе благихъ его намѣреній. Иногда и самое лучшее, самое справедливое предположеніе приходится устранить потому, что при его исполненіи встрѣчаются препятствія непреодолимыя. Часто должно предпочитать и менѣе хорошее тому, что, съ перваго взгляда, кажется превосходнымъ.

Digitized by Google

Земству и городскому управленію, конечно, не трудно опредѣлить какъ количество питейныхъ домовъ, потребныхъ въ ихъ вѣдомствѣ, такъ и мѣстности, гдѣ таковые могли бы быть устроены. Земство и города не затруднятся также въ наймѣ, покупкѣ или постройкѣ помѣщеній для питейной торговли. Пожалуй, земству и городскому обществу удобнѣе, чѣмъ кому-либо, выработать правила и условія, на основаніи которыхъ должны быть открываемы и содержимы питейныя заведенія. Но затѣмъ остается къ разрѣшенію самый трудный, самый сложный вопросъ: могутъ ли земства и города, чрезъ свои управленія, сами содержать питейные дома, какъ устроить такое содержаніе и какъ наблюдать за правильнымъ его ходомъ? Для того, чтобъ отвѣчать положительно или отрицательно на первую часть этого вопроса, необходимо разсмотрѣть остальныя его части. Тутъ суть—корень самого дѣла.

Если земства или города будутъ содержать питейные дома, то они должны или имѣть свои собственные склады, или покупать вино у заводчиковъ съ тѣмъ, чтобъ они отпускали его отъ себя въ питейные дома, или дозволить самимъ раздробительнымъ торговцамъ покупать вино, по своему усмотрѣнію, у заводчиковъ.

Въ первомъ случаѣ, т. е. при содержаніи земствомъ или городомъ собственныхъ оптовыхъ складовъ, на управѣ или думѣ будутъ лежать обязанности: а) покупать вино у заводчиковъ или съ торговъ (что обойдется дорого и сопряжено съ разными затрудненіями *), или заготовлять его хозяйственнымъ образомъ (что выгоднѣе, но легко можетъ быть поводомъ къ злоупотребленіямъ и еще легче подвергать подозрѣніямъ людей честнѣйшихъ и дѣйствія самыя безукоризненныя **); б) очищать вино, на-

*) При торгахъ необходимо требовать залоги, и въ количествахъ довольно значительныхъ, что сократитъ число конкурентовъ, возвыситъ цѣну на вино и установитъ нѣкотораго рода привилегію въ пользу заводчиковъ-капиталистовъ.

**) При хозяйственной закупкѣ вина могутъ встрѣтиться разные случаи. Члены управы или думы считаютъ благонадежными заводчиками А и Б; но заводчиковъ въ уѣздѣ 5 или 10 человѣкъ, которые всѣ считаютъ себя благонадежными. Родственники и пріятели этихъ заводчиковъ раздѣляютъ это мнѣніе. Управа или дума не покупаетъ у нихъ вино, а отдаетъ предпочтеніе заводчикамъ А и Б и даже даетъ имъ высшія цѣны противъ другихъ конкурентовъ. Сколько изъ этого возникнетъ неудовольствій, жалобъ, толковъ, по-

Digitized by Google

блюдать за его храненіемъ, за усышкою, утечкою и утратою, при его очисткѣ и стояніи; и в) распускать его въ питейные дома въ количествахъ то большихъ, то меньшихъ, смотря по временамъ года, по наступающимъ праздникамъ, ярмаркамъ, свадьбамъ и другимъ обстоятельствамъ. Тутъ — хлопоты и работа не малыя, знанія не всѣми обладаемыя и отвѣтственность огромная.

Во второмъ случаѣ, т. е. при покупкѣ вина у заводчиковъ съ тѣмъ, чтобъ они его очищали и распускали по питейнымъ домамъ, могутъ встрѣчаться разныя обстоятельства. Безъ задатковъ, и довольно значительныхъ, не многіе заводчики въ состояніи запродать вино; при задаткахъ всего сходнѣе продадутъ вино заводчики малонадежные; требованіе залоговъ возвыситъ цѣну на вино, нетребованіе же ихъ оставляетъ земство или городъ въ совершенно необезпеченномъ положеніи. На что рѣшиться: на покупку ли вина у благонадежныхъ заводчиковъ по цѣнамъ нѣсколько возвышеннымъ, или предпочесть дешевизну благонадежности? Къ тому же благонадежность заводчика не есть ли данная, подлежащая различнымъ оцѣнкамъ? Въ собственномъ дѣлѣ не трудно и рѣшиться, и рисковать; но въ дѣлѣ земскомъ или городскомъ, т. е. общественномъ, эта задача не легкая. А что дѣлать управѣ въ случаѣ несостоятельности заводчика и невозможности тотчасъ купить вина въ замѣну не постановленнаго и въ удовлетвореніе требованій раздробительныхъ виноторговцевъ? Придется предсѣдателю или члену управы скакать по заводамъ, а иногда и за границу уѣзда или губерніи, за нѣсколько сотенъ верстъ, для покупки и перевозки вина. А куда его поставить, какъ его разсортировать, очистить и откуда его распускать?

Въ третьемъ случаѣ, т. е. при предоставленіи самимъ раздробительнымъ виноторговцамъ закупки потребнаго для нихъ вина, многія затрудненія и хлопоты отпадаютъ, но взамѣнъ ихъ являются новыя и разнаго рода опасности. Возможно ли набрать, въ уѣздѣ или городѣ, 50 и болѣе человѣкъ на столько благо-

---

дозрѣній и обвиненій. Знаемъ не одного, а нѣсколькихъ содержателей оптовыхъ складовъ, которые покупаютъ у благонадежныхъ заводчиковъ вино съ передачею 5 и болѣе копѣекъ на ведро и находятъ въ этомъ выгоду, потому что они вполнѣ обезпечены насчетъ исправной поставки вина. Если управа или дума такъ поступитъ, то не будетъ ли она заподозрѣна въ несоблюденіи земскаго интереса или въ чемъ-либо еще худшемъ?

Digitized by Google

надежныхъ, чтобы можно было довѣрить имъ закупку вина? Правда, при этомъ не нужно земству или городу имѣть свои оптовые подвалы; но какъ положиться, относительно пріобрѣтенія вина, на мелочныхъ торговцевъ? Правда, всякій изъ нихъ пріищетъ себѣ продавца по сосѣдству, и тѣмъ значительно сократится расходъ на перевозку; но какъ устроить при этомъ отчетность и учеты? При этомъ злоупотребленія и обманы такъ легки и такъ трудно уловимы, что рѣдкій изъ виноторговцевъ на нихъ не польстится. А образовать, такъ-сказать создать классъ честныхъ виноторговцевъ—развѣ это дѣло легкое, даже возможное?

Впрочемъ, при содержаніи питейныхъ домовъ, выставленныя нами затрудненія суть только цвѣточки, а ягодки еще впереди.

Раздробительная продажа вина и наблюденіе за нею представляютъ несравненно болѣе затрудненій, чѣмъ его оптовая покупка, храненіе и роспускъ.

Ведерная продажа вина доставляетъ мало выгодъ виноторговцамъ, потому что оно продается крупными мѣрами почти по тѣмъ же цѣнамъ, по какимъ покупается у заводчиковъ. Послѣдніе не имѣютъ права отпускать въ продажу менѣе 3-хъ ведеръ; но крестьяне и мѣщане, желающіе купить ведро, полъ-или четверть ведра, дѣлаютъ складчину, отправляютъ одного изъ своей среды для покупки 3-хъ ведеръ и затѣмъ дѣлятъ вино между собою. Поэтому на ведерной продажѣ питейные дома почти ничего не зарабатываютъ. Главный, почти весь, ихъ барышъ сосредоточивается на мелкой винной торговлѣ. А потому необходимо строгое, самое бдительное, почти безпрестанное наблюденіе за тѣмъ, чтобы виноторговцы не выказывали крупною продажею мелкую. Это было главною заботою откупщиковъ и такою трудностью, которую немногіе изъ нихъ удовлетворительно побѣждали. Какъ же эту задачу возложить на управы и думы? Если же пустить вино въ продажу по одной цѣнѣ и крупными, и мелкими мѣрами, то, при низкихъ цѣнахъ, расходы по винной торговлѣ не покроются, а при высокихъ вся крупная продажа, т. е. ведрами, полъ-и четверть ведрами, отойдетъ отъ питейныхъ домовъ. Въ обоихъ случаяхъ отъ винной торговли не только не будетъ барыша, но какъ бы не былъ убытокъ, который земству или городу придется покрывать изъ своихъ собственныхъ суммъ и который заставитъ ихъ отказаться отъ этой торговли, и тѣмъ, въ глазахъ всего народа, оказаться несостоятельнымъ, т. е. прослыть человѣкомъ, который сунулся въ воду, не спросясь броду.

Digitized by Google

А выборъ людей въ виноторговцы развѣ вещь легкая? Люди нѣсколько образованные, даже мало просвѣщенные, но тихіе и добросовѣстные едва ли пойдутъ торговать въ питейные дома, гдѣ бываютъ драки, брани и всякаго рода непріятности, которыя если не навсегда, то еще надолго будутъ принадлежностью этого рода торговли. Выбрать для уѣзда или города полсотни или, пожалуй, даже цѣлую сотню людей благонадежныхъ, добросовѣстныхъ—это легко сказать, но исполнить болѣе чѣмъ трудно. А между тѣмъ такую-то задачу предполагается взвалить на земскія и городскія управы.

Но выборъ людей составляетъ только часть дѣла, поручаемаго этимъ учрежденіямъ. И за самыми добросовѣстными людьми необходимъ надзоръ, наблюденіе, и ихъ надобно подвергать строгой и обстоятельной отчетности. Кто содержалъ откупа или кто теперь содержитъ болѣе или менѣе значительное число питейныхъ домовъ, тотъ, конечно, не скажетъ, что въ этомъ отношеніи питейную торговлю легко устроить, и что это можетъ занимать членовъ управъ такъ, второстепенно, между дѣлъ. Нѣтъ, веденіе питейнаго дѣла требуетъ всего человѣка, и притомъ такого, который имѣетъ особаго рода способности.

Едва ли во многихъ уѣздахъ или городахъ между земскими людьми или горожанами найдутся люди, которые пойдутъ на службу въ управы или думы, обязанныя покупать вино, назначать людей въ виноторговцы, наблюдать за правильнымъ ходомъ распродажи вина и вести надлежащую по этой операціи отчетность. Если такіе люди найдутся, то надобно ихъ озолотить или, что вѣрнѣе, не довѣрять имъ земскихъ интересовъ. На исключеніяхъ не слѣдуетъ основывать никакого дѣла. Да и земскія и городскія собранія, едва управляющіяся съ нынѣшнею своею отчетностью, которая относится только къ десяткамъ тысячъ рублей и къ расходамъ болѣе или менѣе всякому извѣстнымъ, будутъ поставлены въ крайне затруднительное положеніе, когда имъ придется учитывать сотни тысячъ рублей, милліоны градусовъ и приходо-расходы по предметамъ спеціальнымъ.

Наши земскія и городскія собранія, управы и думы ведутъ теперь ввѣренныя имъ дѣла—сносно. Только въ исключительныхъ случаяхъ, они оказываются или превосходными, или порицанія достойными. Въ земствѣ и въ городахъ всего чаще и всего болѣе жалуются на недостатокъ въ людяхъ не только

Digitized by Google

для замѣщенія постоянныхъ должностей — участковыхъ мировыхъ судей, членовъ управъ и думъ, но даже при выборѣ гласныхъ. Благоразумно ли, возможно ли взваливать на эти учрежденія дѣло новое, многосложное, трудное, въ высшей степени отвѣтственное и могущее подвергнуть подозрѣнію людей честнѣйшихъ, выгородить отъ всякой отвѣтственности людей ловкихъ и удалить изъ управъ и думъ лучшихъ, самыхъ добросовѣстныхъ общественныхъ дѣятелей? Такое усложненіе и пуще всего постановка земскаго дѣла на такую зыбкую, опасную почву—болѣе чѣмъ не желательны.

Сверхъ того, возникаетъ еще сомнѣніе. Въ прежнія времена содержаніе питейныхъ домовъ было правительственною регаліею. Но вскорѣ убѣдились, что такъ дѣло идти не можетъ, и устранили откупа. Общія на нихъ жалобы вызвали учрежденіе коммиссіонеровъ, т. е. тѣхъ же откупщиковъ, но только въ иномъ видѣ. И коммиссіонерство оказалось мало пригоднымъ; и затѣмъ провозглашено было въ 1862 году новое начало для винной торговли: «Продажа вина составляетъ предметъ вольнаго промысла». Нельзя не сознаться, что это начало есть настоящее и имѣющее права на будущность. Если мы передадимъ земствамъ и городамъ исключительное право на винную торговлю, то не отступимъ ли мы отъ великаго начала, нами провозглашеннаго, не установимъ ли мы привилегію, не воскресимъ ли, хотя въ измѣненномъ видѣ, казенную винную торговлю, не подготовимъ ли мы почву для новыхъ—не казенныхъ, а земскихъ и городскихъ откуповъ, и не вызывемъ ли мы вновь всѣ тѣ злоупотребленія и жалобы, которыя сопровождали откупа и которымъ положенъ былъ конецъ провозвѣщеніемъ вышеупомянутаго начала? Не будемъ защищать нынѣшней акцизной системы, которая особенно грѣшитъ тѣмъ, что она не осталась вѣрною своимъ главнымъ основаніямъ, что она вздумала чиновничьимъ надзоромъ замѣнять надзоръ общественный, что установленіемъ законной крѣпости вызвала легіонъ обмановъ и что обставила свободу торговли такъ, что отъ свободы осталось одно имя безъ всякой сущности; но нельзя осуждать эту систему вообще и еще менѣе имѣть въ виду замѣнить ее системою родственною казенному содержанію питейной торговли, подготовительною къ откупамъ и основанною не на началахъ свободы, а на привилегіяхъ и ограниченіяхъ.

Сверхъ того, не можемъ согласиться съ авторомъ разсматри-

Digitized by Google

ваемой нами статьи и насчетъ того, что эта торговля можетъ быть обильнымъ источникомъ земскихъ и городскихъ доходовъ. Нынѣшніе кабатчики получаютъ большіе барыши (хотя далеко и не столь огромные, какими они кажутся многимъ *), но какими средствами? На ведерной продажѣ, какъ мы выше указали, прибыли виноторговцевъ почти ничтожны. Да и раздробительно въ питейныхъ домахъ нельзя продавать вино по цѣнамъ слишкомъ возвышеннымъ. Вино, купленное изъ складовъ по 3 р.—по 3 р. 50 к. за ведро, продается мелкими мѣрами по 5 руб. Прибыль по этой статьѣ едва покрываетъ расходы по патенту, по найму, отопленію и освѣщенію питейнаго дома, по привозу вина и по содержанію сидѣльца, почти всегда семейнаго **). Барыши настоящіе происходятъ отъ продажи вина въ

*) Кабатчики, конечно, не берутъ, а дерутъ съ народа деньги. Но не мѣшало бы справиться: сколько у нихъ изъ долговыхъ суммъ пропадаетъ, и сколько изъ этихъ спекулянтовъ разживается? Увѣрены, что если первая цифра поразитъ своею огромностью, то послѣдняя—своею ничтожностію. Правда, не то было въ блаженныя времена откуповъ, когда, на большомъ пространствѣ, торговалъ одинъ привилегированный сидѣлецъ; а теперь почти на каждомъ шагу питейный домъ и сидѣльцы прикованы къ своему ремеслу менѣе большими барышами, чѣмъ надеждою пособрать распущенныя ими въ долгъ деньги. Да и вдоволь грабить нельзя: народъ пойдетъ въ сосѣдній кабакъ, гдѣ сидѣлецъ пообходительнѣе.

**) При многочисленности питейныхъ домовъ (ихъ въ имперіи, за исключеніемъ Привислянскаго края и Финляндіи, было въ 1869 году около 150 т.), рѣдкій изъ нихъ продастъ болѣе 300 или 400 ведеръ. Есть и такіе, которые во весь годъ едва сбываютъ 150 ведеръ. Примемъ среднею цифрою 300 ведеръ. Принять эту цифру считаемъ себя въ правѣ не только по свѣдѣніямъ, лично нами собраннымъ, но и потому, что въ имперіи (на основаніи «Ежегодника» министерства финансовъ) потребляется вина около 60.000.000 ведеръ полугара. Если раздѣлить это количество на число питейныхъ домовъ, то придется на каждый изъ нихъ по 413 ведеръ... Изъ этой цифры надо выключить то вино, которое отпускается изъ оптовыхъ складовъ прямо въ народное потребленіе, въ аптеки, на лаковыя и другія производства и пр.; тогда придется на каждый питейный домъ, среднимъ числомъ, не болѣе 300 ведръ. Изъ этого количества около одной трети продается крупными мѣрами и 200 ведеръ мелкими. Отъ крупной продажи сидѣлецъ получаетъ около 50 р. барыша (по 50 к. на ведро), а отъ раздробительной продажи отъ 300 до 350 р. (по 1 р. 50 к. на ведро), а всего около 350 или 400 р.—Патентъ сидѣльцу стоитъ около 100 руб. (въ мѣстностяхъ 1-го разряда за патентъ платятъ въ казну и земство 468 р. 75 к., а въ мѣстностяхъ 3-го разряда 87 р. 50 к.). За наемъ помѣщенія, на отопленіе и освѣщеніе его, на провозъ вина и разныя издержки израсходуется не менѣе 150 руб., и остается сидѣльцу на

Digitized by Google

долгъ, отъ обмѣровъ и обчетовъ и въ особенности отъ разсчетовъ съ пьяными потребителями: тутъ гривны превращаются въ рубли. Пройдите всю землю Русскую, и вы не найдете ни одного питейнаго дома, не торгующаго въ кредитъ. Побесѣдуйте съ кабатчиками, вызовите ихъ на откровенный разговоръ, и они вамъ несомнѣнно докажутъ, что живутъ одними незаконными барышами. Конечно, не такія прибыли желаетъ г. Д. Мирольскій предоставить земству и городамъ, а другихъ никакихъ нѣтъ. Большинство людей привлекается къ винной торговлѣ надеждою жить и не работать, пить вино и не платить за него денегъ, и ловить рыбу въ мутной водѣ. Вслѣдствіе того хороши и люди, посвящающіе себя этому промыслу. Конечно, желательно преобразовать эту торговлю и этотъ классъ людей; но, ради Бога, не навязывайте этой задачи ни земствамъ, ни городамъ, потому что у нихъ и безъ того дѣла много. Не сулите имъ журавля въ небѣ, а лучше оставьте синицу въ рукахъ. Чужими деньгами мы не разживемся; лучше свое будемъ употреблять разумнѣе, и тогда скорѣе мы разбогатѣемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нужно что-нибудь сдѣлать къ обузданію пьянства и кабачнаго грабежа; но воздержимся отъ передачи питейнаго дѣла земству и городамъ. Побережемъ эти наши сокровища; не дадимъ къ нимъ прикасаться тлетворному вліянію духа снекуляціи и кабаковъ. Свободная Англія, страна самоуправленія по преимуществу, устанавливаетъ строгія правила по предмету винной торговли къ обузданію усиливающагося пьянства; но она не помышляетъ о передачѣ въ руки земства этой отрасли торговли и даже прямаго за нею наблюденія. Въ этомъ отношеніи примѣръ ея достоинъ подражанія.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ «Бесѣды» мы попросимъ редакцію помѣстить наши соображенія насчетъ мѣръ къ ограниченію какъ пьянства, такъ и кабачнаго грабежа.

А. К.

20 іюля 1872.

собственное содержаніе около 150 р., т. е. по 12 руб. въ мѣсяцъ. Очевидно, что всѣ «великіе барыши» сидѣльцевъ имѣютъ источникомъ продажу вина въ кредитъ и другія, еще худшія, нарушенія законовъ.

Digitized by Google

НАШИ МОНАСТЫРИ

XI.

О внѣшней обстановкѣ жизни монашествующей братіи и ея настоятелей и о доходахъ нѣкоторыхъ монастырей.

Независимо отъ пожертвованій, сдѣланныхъ монастырями, и отъ драгоцѣнностей, въ нихъ хранящихся, мы можемъ судить объ ихъ богатствѣ по другимъ признакамъ. Начнемъ съ жизненной обстановки монашествующей братіи.

Нынѣ уже, конечно, никто не думаетъ, что монашествующая братія бѣдствуетъ въ матеріальномъ отношеніи, *алчетъ*, *жаждетъ и нагствуетъ*, какъ она обѣщалась при своемъ постриженіи. Есть, конечно, монастыри, въ которыхъ монахи не живутъ въ полномъ довольствѣ и роскоши, но нигдѣ они не безпокоятся о томъ, что завтра нечего имъ будетъ покушать, какъ это было при преподобномъ Ѳеодосіи въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Даже послушники во многихъ обителяхъ цвѣтутъ здоровьемъ, разумѣется, не отъ голода и изнуренія, одѣваются лучше, нежели наибольшая часть причетниковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно замѣтить на нихъ подрясники изъ цѣнныхъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, сшитыхъ на деньги, получаемыя отъ раздѣла монастырскихъ доходовъ. Іеродіаконы и іеромонахи, можетъ-быть, не вездѣ *блаженствуютъ*, но почти нигдѣ и не бѣдствуютъ, находятъ возможность не только угостить своихъ пріятелей у себя въ кельяхъ, но и помочь *малою толикою* своимъ роднымъ, запасаются *пѣнязями про черный день*, рѣшаются иногда довѣрять ихъ кредитнымъ учрежденіямъ и получаютъ от-

Digitized by Google

туда проценты, но частенько держатъ у себя дома. Міряне любятъ разсказывать разныя интересныя или курьезныя событія относительно такой бережливости. Вотъ одно изъ нихъ. Не очень давно скончавшійся іерархъ, любившій простирать свои руки къ деньгамъ другихъ людей, узнаетъ по слуху, что экономъ его дома носитъ очень большую (до 15.000 р. асс.) сумму, зашитую въ клобукѣ, съ которымъ никогда и не разстается. Однажды владыка, принявшись благодарить отца-экопома за отлично-усердную службу и благочестивую жизнь, сказалъ: «мнѣ давно хотѣлось выразить къ тебѣ мое благорасположеніе; помѣняемся съ тобою клобуками: ты возьми мой совершенно новый, а мнѣ отдай свой, который уже и постарѣлъ». Подчиненный не нашелся, снялъ клобукъ, надѣлъ вмѣсто него подарокъ, но... *поторопился умереть не въ очередь*. Впрочемъ не будемъ настаивать на вѣрности этого и другихъ подобныхъ ему разсказовъ, а обратимся къ самой братіи. Дородность и, такъ-сказать, *полнотѣліе* ея въ нѣкоторыхъ богатѣйшихъ монастыряхъ даже сдѣлались, какъ говорятъ, *притчею во языцѣхъ*. Одежда ихъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ лаврахъ, отзывается частенько роскошью; *сандаліи* замѣняются сапогами опойковыми и козловыми; на подрясники и рясы покупаются шелковыя матеріи: вмѣсто ремня или веревки на *чреслахъ* можно видѣть широкій поясъ, богато вышитый не только шелкомъ, но и жемчугомъ.

Что же теперь сказать о настоятеляхъ? Для нихъ, по самымъ монастырскимъ уставамъ и обычаямъ, существовали и еще существуютъ разныя привилегіи, очень завидныя для прочей братіи: напр., простой монахъ не могъ никому передавать свое имѣніе,—все оно послѣ его смерти поступало въ собственность монастыря, какъ, впрочемъ, и слѣдуетъ на основаніи каноническихъ правилъ. Но до 1869 г. это правило признано было не обязательнымъ для отцовъ-настоятелей: все ихъ имущество могло быть передаваемо по завѣщанію, кому они находили нужнымъ подарить его, а если не было завѣщанія, то доставалось наслѣдникамъ. Такимъ образомъ отцы-настоятели могли заботиться не только объ удобствахъ своей жизни, но и о благосостояніи своихъ родныхъ, знакомыхъ и друзей. Потомъ они получаютъ въ штатныхъ монастыряхъ довольно порядочное жалованье въ сравненіи, по крайней мѣрѣ, съ своими подчиненными. Изъ доходовъ монастырскихъ, идущихъ въ раздѣлъ между всею

Digitized by Google

братіей, имъ, какъ мы слышали, отдѣляется третья часть. Затѣмъ относительно собранной казны монастырской, вновь собираемыхъ доходовъ и особенно при употребленіи той и другихъ— настоятель можетъ на многомъ *настоять* не безъ выгодъ для себя самого. Злоупотребленія по этой части давно были извѣстны; для предотвращенія и искорененія ихъ, еще при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ въ Московской лаврѣ велѣно было перемѣнить одноличное управленіе на коллегіальное: 12 соборныхъ іеромонаховъ вмѣстѣ съ архимандритомъ составили правленіе монастыря и рѣшали дѣла на письмѣ, и всѣ подписывались, какъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ. А чтобы соборные іеромонахи не были притѣсняемы настоятелемъ, онъ не могъ ихъ перемѣнять безъ общаго суда (20 т. «Ист. Рус. гос.», Соловьева, стр. 299). И нынѣ въ каждомъ монастырѣ два-три, а иногда и болѣе монаховъ, извѣстные подъ названіемъ *собора* или *старшей братіи*, тоже, повидимому, составляютъ коллегіальное управленіе обители, но они плохо гарантированы противъ власти настоятеля, который на самомъ дѣлѣ является почти безконтрольнымъ распорядителемъ монастырскихъ доходовъ и казны. Братія часто знаетъ кое-что, но помалчиваетъ и развѣ при какомъ-либо случаѣ вступаетъ въ борьбу съ настоятелемъ.

По всѣмъ изложеннымъ здѣсь обстоятельствамъ вовсе не нужно удивляться огромности доходовъ настоятельскихъ. Они, по № 283 «Голоса» 1865 г., простираются въ монастыряхъ: а) 1-го класса до 10.000—30.000, б) 2-го кл. до 5.000—10.000 и в) 3-го кл. до 1.000—5.000 руб. Впрочемъ эти цифры преувеличены, а главное—не могутъ быть прилагаемы, такъ-сказать, *валовымъ образомъ* ко всѣмъ монастырямъ. Есть и первоклассные монастыри не очень богатые, но есть и третьеклассные и даже заштатные, которымъ позавидуютъ первоклассные. Но вообще говоръ о богатствѣ настоятелей справедливъ. Онъ иногда принимаетъ даже піитическій характеръ въ родѣ балладъ Жуковскаго. Намъ въ 1871 г. разсказывали, что въ К—ой епархіи очень недавно умеръ настоятель одного изъ тамошнихъ монастырей, о. игуменъ Г—нъ. При жизни, его считали большимъ богачемъ, но по смерти оказалось у него самое незначительное количество денегъ. Вскорѣ возвратился въ монастырь послушникъ, ходившій въ Іерусалимъ на поклоненіе тамошней святынѣ, и услыхавъ, что послѣ настоятеля осталась ничтожная сумма, спросилъ: «а въ какомъ клобукѣ вы положили его въ гробъ», и услы-

Digitized by Google

хавши, что въ такомъ-то, и притомъ по его приказанію, сказалъ, что въ немъ-то и припрятаны деньги. Разсказывавшій намъ объ этомъ, человѣкъ весьма солиднаго характера, правдивый и образованный, добавилъ, что нѣкоторые изъ смѣльчаковъ рѣшились-было откопать могилу и поживиться тѣмъ, что она сокрыла; но струсили, увидавши у трупа множество червей. Отъ этого полупіитическаго разсказа перейдемъ къ болѣе положительнымъ фактамъ. Въ олонецкихъ судебныхъ мѣстахъ уже болѣе 15 лѣтъ производится дѣло объ имѣніи, оставшемся послѣ умершаго настоятеля Александро-свирскаго монастыря, архимандрита Варсанофія. Изъ дѣла оказывается, что еще при жизни о. архимандрита управляемая имъ обитель заняла у него въ долгъ 3.559 р. 30 коп. Затѣмъ остался капиталъ, кажется, въ 3.500 р., лежащій въ банкѣ съ тридцатыхъ годовъ. Цифры, конечно, не очень большія, но и не малыя для человѣка, давшаго обѣтъ нищеты. Но дѣло замѣчательно тѣмъ, что племянникъ-наслѣдникъ о. Варсанофія до сихъ поръ не получаетъ своего наслѣдства изъ монастырскихъ кладовыхъ. Сначала обитель представила завѣщаніе покойника, скоропостижно впрочемъ скончавшагося. Оно олонецкимъ уѣзднымъ судомъ не признано законнымъ, потому что свидѣтелями оказались монахи Александро-свирскаго же монастыря; они, по своей невинности, не знали, что ихъ свидѣтельства на завѣщаніяхъ не имѣютъ никакого значенія. Потомъ, когда уѣздный судъ призналъ права законнаго наслѣдника, монастырь такъ ловко повелъ дѣло, что капиталъ до сихъ поръ никакъ не можетъ вырваться изъ его сундуковъ. Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ только, какъ велика сумма, которую иногда оставляютъ въ наслѣдство люди, отказавшіеся отъ всѣхъ благъ земныхъ и давшіе Богу обѣтъ проводить жизнь въ нищетѣ и наготѣ; но не видимъ того, сколько денегъ кто-либо изъ нихъ получаетъ ежегодно на свою особу, и потому надобны примѣры цифръ настоятельскихъ ежегодныхъ доходовъ. Въ Соловецкомъ монастырѣ, по словамъ Диксона, настоятель получаетъ въ каждый годъ по 4.000 р. Извѣстію этому безусловно вѣрить не рѣшаемся, потому что Соловецкій монастырь есть общежительный, въ которыхъ у братіи не должно быть поручныхъ доходовъ. Но вотъ перечень настоятельскихъ доходовъ, въ которомъ мы не можемъ подозрѣвать преувеличенія. Въ № 96 «Современныхъ Изв.» 1872 г. напечатано письмо о. Евстафія, архимандрита московскаго Симонова монастыря, члена московской консисто-

Digitized by Google

ріи и благочиннаго надъ монастырями,—напечатано въ опроверженіе толковъ «о безмѣрномъ богатствѣ монастырей въ Россіи и баснословныхъ доходахъ въ пользу лично настоятелей ихъ». Въ статьяхъ подобнаго рода любятъ уменьшать и богатства и доходы, но ни въ какомъ случаѣ не преувеличиваютъ ихъ. Высокопочтеннѣйшій о. архимандритъ Евстафій касается только 22-хъ не общежительныхъ мужскихъ монастырей Московской епархіи. По его словамъ, «въ Донскомъ монастырѣ достается на долю настоятеля съ чѣмъ-нибудь небольшимъ 5.000 р. Изъ прочихъ московскихъ, кромѣ Покровскаго, не доходитъ доходъ настоятеля и до половины, въ четырехъ же московскихъ не получаютъ настоятели и по 1.000 р. Въ Воскресенскомъ-Новоіерусалимскомъ доля настоятеля въ половину противъ Донскаго, а по Саввинскому едва и по 1.000 р. Изъ шести остальныхъ внѣ-московскихъ: въ двухъ, можетъ-быть, придетъ по 1.000 р., въ Дмитровскомъ едва доходитъ до 400 р., а въ остальныхъ трехъ колеблется между 600—800 р.» Здѣсь нужно помнить, что отцы-настоятели монастырей, при малыхъ и большихъ доходахъ, пользуются даровыми квартирою, отопленіемъ, освѣщеніемъ, пищею, прислугою и экипажемъ съ лошадьми. При такихъ условіяхъ для одинокаго человѣка ежегодный доходъ даже въ 400 р. не можетъ назваться маленькимъ, ничтожнымъ; съ доходомъ въ 1.000 р. можно позволить себѣ роскошь; доходомъ въ 2.500 р. удовольствовались бы губернаторы, а доходъ въ 5.000 р. слѣдуетъ назвать *безмѣрнымъ*, почти что *баснословнымъ*, если взять во вниманіе, что онъ достается одинокимъ людямъ, которымъ внушалось при постриженіи, что имъ должно будетъ, по самому званію своему, *алкати, жаждати и наготствовати*.

Далѣе, въ богатствѣ монастырей можно убѣдиться по обстановкѣ жизни отцовъ-настоятелей. Для рѣдкаго изъ нихъ нѣтъ пары или тройки лошадей съ приличнымъ экипажемъ, часто даже коляскою, каретою, чтобы изъ монастыря съѣздить куда-нибудь. Намѣстникъ одной изъ богатѣйшихъ обителей любилъ выѣзжать на четвернѣ лошадей, запряженныхъ въ карету цугомъ; такъ парадно онъ являлся даже на пожары, случавшіеся не далеко отъ монастыря. Убранству комнатъ настоятельскихъ не рѣдко могутъ позавидовать даже богатые міряне; паркетные полы, дорогіе ковры, мебель изъ краснаго или орѣховаго дерева, обитая цѣнными шерстяными или шелковыми матеріями, подушки на диванахъ, вышитыя шелкомъ, бисеромъ и пр., могли бы считаться

Digitized by Google

доказательствомъ довольства у зажиточнаго помѣщика, у богатаго купца. Вмѣсто власяницы или веригъ, къ тѣлу непосредственно касается бѣлье изъ тонкаго голландскаго полотна. Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ одинъ ректоръ семинаріи и вмѣстѣ архимандритъ и настоятель монастыря, проѣзжая чрезъ Кіевъ въ к—ую семинарію, удивилъ всѣхъ даже монашествующихъ тѣмъ, что везъ нѣсколько сундуковъ, наполненныхъ бѣльемъ изъ лучшаго голландскаго полотна. На новомъ мѣстѣ почтенный о. архимандритъ едва нашелъ прачку, которая была бы достойна мыть его бѣлье. О подрясникахъ и рясахъ нечего и говорить. Первые большею частью шьются изъ шелковыхъ и шерстяныхъ богатыхъ матерій уже не чернаго, а другихъ, болѣе яркихъ цвѣтовъ; рисунки на нихъ частенько бываютъ затѣйливѣе, нежели на платьяхъ барынь-щеголихъ. Для парадныхъ рясъ произведенія русской мануфактурной промышленности не считаются уже годными.

Отъ братіи и настоятелей перейдемъ теперь къ итогамъ доходовъ нѣкоторыхъ монастырей. Но тутъ встрѣтимся съ разными затрудненіями, потому что, какъ мы уже говорили, монашествующая братія любитъ помалчивать о своихъ доходахъ. Начнемъ свои замѣтки съ Угрѣшскаго монастыря, Московской лавры и Симонова монастыря, такъ какъ перечни ихъ доходовъ уже напечатаны въ газетахъ.

I. *Угрѣшскій монастырь*. Выше въ нашей статьѣ мы уже сказали о 14.950 р., которые этотъ монастырь получаетъ отъ продажи просфоръ, образовъ и свѣчъ, отъ кошельковаго сбора, проскомидіи и молебновъ. Остальные его доходы состоятъ изъ: а) 30.000 р., получаемыхъ съ кредитовъ и подворьевъ, б) 2.500 р. за нумера въ гостиницѣ, в) 2.000 р. за порціи, г) 100 р. отъ хлѣбной лавки, д) 800 р. отъ кружки на колоколъ, е) 450 р. отъ кружекъ со странниковъ—у часовни, воротъ, сосны и колодца, ж) 1.000 р. за хлѣбъ съ учениковъ, з) 500 р. за сѣнокосъ, и) 600 р. за овесъ и сѣно и і) 150 р. штрафныхъ съ братіи, всего же 53.050 р. И этотъ перечень, при всей своей подробности, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ доходовъ; напр., въ немъ опущены 811 р. 72 к., получаемыхъ изъ казны.

II. *Московская лавра*. По огромности своихъ доходовъ она занимаетъ если не первое, то одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ между нашими монастырями. И потому о бюджетѣ ея надобно составить правильное, по возможности, понятіе; будь онъ из-

Digitized by Google

лишне преувеличенъ или уменьшенъ, тогда почти неизбѣжно придется бюджеты и другихъ монастырей представлять себѣ также въ преувеличенныхъ или уменьшенныхъ размѣрахъ.

Еслибы помѣщенный въ № 332 «С.-Петерб. Вѣд.» 1871 г. перечень лаврскихъ доходовъ и расходовъ отличался полнотою и правильностію, то намъ бы слѣдовало ограничиться только указаніемъ на его цифры. Выше мы указывали на нѣкоторые его недостатки; при подробномъ же разсмотрѣніи его открывается ихъ еще болѣе. Отъ этого наше описаніе лаврскихъ доходовъ принимаетъ очень большіе размѣры. Безъ перечня мы стали бы руководствоваться одними своими соображеніями, основанными на извѣстныхъ намъ фактахъ, а теперь необходимость заставляетъ заниматься опроверженіемъ его; иначе наши слова были бы опровергаемы имъ, какъ оффиціальнымъ документомъ. Притомъ замѣтки наши па его ошибки, недомолвки и пр. не могли быть поверхностными; авторитетъ лицъ, подъ протекціей которыхъ онъ появился въ печати, требуетъ основательнаго разсмотрѣнія его. И потому мы вынуждены будемъ надолго остановиться на бюджетѣ Московской лавры.

По перечню, весь ея приходъ состоитъ изъ: а) 202.293 р. 49 к. такъ-называемыхъ церковныхъ и монастырскихъ доходовъ и б) 12.144 р. 73 к., получаемыхъ братіей отъ молебновъ преподобному Сергію, всего же изъ 214.438 р. 22 к. И эту цифру надобно назвать *почтенною;* объ ея *почтенствѣ* слѣдуетъ заключить изъ того, что мы насчитали 39 епархій, изъ которыхъ ни въ одной доходы всѣхъ соборныхъ и приходскихъ церквей въ 1870 г. не равнялись 214.000 р.; а между тѣмъ въ числѣ этихъ епархій находились Калужская, Курская, Нижегородская, Новгородская, Пензенская, Полтавская, Саратовская, Тульская, Черниговская и пр. (Табл. подъ № 27, прилож. къ отч. об.-прок. св. син. за 1870 г.).

Несмотря на такую громадность доходовъ лаврскихъ, они въ перечнѣ выставлены гораздо ниже дѣйствительной ихъ цифры. Для убѣжденія въ этомъ разсмотримъ тѣ статьи дохода, которыя или А) вовсе опущены, или Б) уменьшены лаврскими счетчиками.

А. 1) На содержаніе Московской лавры изъ казны ежегодно выдается 9.259 р. 8 к., но въ перечнѣ упоминается только о 4.000 р. на наемъ рабочихъ людей вмѣсто штатныхъ служителей, а о 5.259 р. 8 к. не говорится, какъ будто ихъ вовсе не было.

Digitized by Google

2) Выше мы уже видѣли, что въ перечнѣ опущены доходъ проскомидный и деньги, получаемыя за надпись именъ на просфорахъ; и обѣ эти доходныя статьи, по примѣру Угрѣшскаго монастыря, нужно полагать въ 30.765 р.

3) Изъ доходовъ съ такъ-называемыхъ угодьевъ въ перечнѣ сказано только о 340 р. за сѣнокосные луга и сѣно; кромѣ того, по всей вѣроятности, съ огромнаго количества луговъ собирается сѣно для лошадей, содержимыхъ на лаврскихъ конюшняхъ. Но угодья монастырскія состоятъ не изъ однихъ луговъ; къ нимъ принадлежатъ еще лѣса, рыбныя ловли, мельницы и пахатная земля. Относительно лѣсовъ въ перечнѣ сказано, что отъ нихъ «лавра еще не пользуется ничѣмъ и только тратитъ деньги на ихъ сбереженіе, при платѣ наемнымъ сторожамъ и на устройство избъ въ разныхъ мѣстахъ». *Разъ*ръ, *да и только!* Подумаешь, что правительство какъ будто насильно въ 1858 г. навязало лаврѣ 1.240 десятинъ дряннаго мелколѣсья, чтобъ она выростила его на свой счетъ. А между тѣмъ мы знаемъ, что сама святая обитель хлопотала объ этой *дряни*; потомъ въ отчетѣ об.-пр. св. син. за 1858 г. сказано, что лаврѣ дано 1.240 десятинъ не мелколѣсья или кустарника, а лѣса. Но пусть лѣсъ приноситъ одни убытки; неужели также убыточны рыбныя ловли, мельницы и земля разныхъ родовъ? Если Симоновъ монастырь получаетъ отъ своихъ угодьевъ 3.803 р., то неужели Московская лавра остается безъ всякаго дохода по всѣмъ этимъ статьямъ?

4) Въ 6-й главѣ статьи мы говорили о тѣхъ причинахъ, которыя заставляютъ насъ сомнѣваться въ томъ, что будто бы весь доходъ за молебны преподобному Сергію состоитъ изъ 12.144 р. 73 к. Но въ лаврѣ богомольцы просятъ служить не только еще молебны каждому изъ святыхъ, мощи которыхъ въ ней почиваютъ, а также нѣкоторымъ другимъ святымъ угодникамъ, напр. Николаю Чудотворцу, но и панихиды по Максимѣ Грекѣ и особенно покойномъ митрополитѣ Филаретѣ Дроздовѣ. Мы изъ достовѣрныхъ источниковъ знаемъ, что въ церкви, гдѣ погребенъ послѣдній, денегъ отъ панихидъ, продаваемыхъ свѣчъ и кружечнаго сбора собирается болѣе, нежели отъ молебновъ преподобному Сергію. Между тѣмъ лаврскіе счетчики почему-то ни слова не сказали о доходахъ какъ отъ молебновъ прочимъ святымъ, кромѣ преподобнаго Сергія, такъ и отъ панихидъ по Максимѣ Грекѣ и Филаретѣ Дроздовѣ.

Digitized by Google

5) Въ 9-й главѣ мы говорили, что лаврская братія ходитъ по окрестнымъ и даже дальнимъ селеніямъ съ своими иконами, беретъ за свой визитъ съ фабрикъ по 100 р. и соглашается останавливаться въ деревняхъ, лежащихъ на пути, для служенія молебновъ не иначе, какъ когда заплатятъ ей 10 р. за каждый. Доходъ этотъ долженъ состоять изъ нѣсколькихъ тысячъ рублей, потому что угрѣшская братія, обходя деревни съ своими менѣе чтимыми иконами, нежели икона преподобнаго Сергія, и совершая молебны за болѣе умѣренныя цѣны, нежели лаврская братія, все-таки получаетъ 1.000 р. И объ этой статьѣ дохода лаврскіе счетчики не говорятъ ни слова.

6) Точно такимъ же образомъ имъ не захотѣлось подѣлиться съ публикою свѣдѣніями о томъ, столько святая обитель получаетъ денегъ не только отъ своихъ домовъ и земли близь Бутырской заставы, но и отъ часовни близь Ильинскихъ воротъ. А дома съ землею не могутъ же, подобно лѣсамъ, приносить только убытки святой обители. Еще менѣе убыточна часовня, которая, какъ мы сказали, занимаетъ по крайней мѣрѣ третье мѣсто между московскими часовнями по своимъ доходамъ.

7) О.-намѣстникъ лавры въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» пишетъ, что кромѣ Стряпческаго подворья, о доходахъ съ котораго мы уже говорили въ 7-й главѣ, есть еще Троицкое въ Москвѣ и Троицкое въ Петербургѣ. О доходахъ съ того и другаго въ перечнѣ ничего не сказано, и судя по словамъ о. намѣстника, что «второе занимается митрополитомъ, когда онъ находится въ Петербургѣ для присутствованія въ св. синодѣ, а въ первомъ онъ всегдашнее имѣетъ жительство со свитою», слѣдуетъ заключить, что отъ нихъ даже и не можетъ быть никакихъ доходовъ. Но такое заключеніе несправедливо. Въ каждомъ изъ подворьевъ есть церковь, куда во время богослуженія приходитъ очень много народа, принося свои пожертвованія на свѣчи, въ кошелекъ, на просфоры, за молебны и пр. Церковь же петербургскаго подворья оказалась даже тѣсною; ее въ 1870 и 1871 гг. очень распространили, конечно, не для преосвященнаго митрополита и его свиты, а для того, чтобы дать возможность богомольцамъ собираться въ нее еще въ большемъ количествѣ и дѣлать гораздо болѣе приношеній, нежели какъ было доселѣ.

8) Петербургское подворье возбудило въ насъ недоумѣніе, для объясненія котораго намъ нужно сказать первоначально о лавр-

Digitized by Google

скихъ капиталахъ. Они, какъ пишутъ счетчики, состоятъ изъ 171.358 р. въ разныхъ банковыхъ билетахъ. Между тѣмъ, пересчитавъ ихъ по отдѣльнымъ шести статьямъ, напечатаннымъ въ 1-мъ столбцѣ 2-й стр. «С.-Петерб. Вѣд.» (№ 332-й 1871 г.) найдемъ, что они равняются 171.488 р.,—на 130 р. болѣе. Потомъ и проценты съ этихъ денегъ высчитаны неправильно, именно: а) съ 101.488 р., пожертвованныхъ Луниной, Татищевой и др., и б) съ 3.000 р. въ пятипроцентныхъ билетахъ государственнаго банка ежегодные проценты состоятъ изъ 4.059 р. 52 к. въ первомъ и изъ 150 р. во второмъ случаѣ, но лаврскіе счетчики насчитали тамъ 4.073 р. 87 коп., а здѣсь 125 р. Конечно, тутъ ошибки небольшія, но онѣ показываютъ не совсѣмъ извинительную небрежность, съ которою лаврскіе счетчики составляютъ отчеты, или списываютъ съ нихъ копіи. Далѣе, въ составъ 171.488 р. входятъ, главнымъ образомъ, капиталы, пожертвованные разными лицами: а) 57.000 р. графинею Орловой, б) 2.000 р. архіепископомъ Платономъ, в) 101.488 р. Татищевой, Луниной и др., всего 160.448 р. Остается только 11.000 р., которые не значатся пожертвованными кѣмъ-либо и, слѣдовательно, могутъ считаться составившимися изъ остаточныхъ суммъ самой святой обители. Неужели она во все продолжительное свое существованіе могла сберечь изъ своихъ громадныхъ доходовъ только 11.000 р., когда сами лаврскіе счетчики пишутъ, что въ одинъ 1871 г. составился остатокъ въ 14.421 р. 89¼ к.?

Недоумѣніе наше усиливается новымъ обстоятельствомъ. Въ петербургскомъ подворьи въ 1870 и 1871 гг. не только распространена церковь, но надстроенъ этажъ надъ домомъ на Фонтанку и выстроены новые пятиэтажные дома,—одинъ фасадомъ въ Троицкій переулокъ, съ 21-мъ окномъ въ каждомъ этажѣ, а другой на дворѣ, тоже не маленькій. Однимъ архитекторомъ новыя постройки оцѣнены не менѣе какъ въ 130.000 р. Откуда же взялись эти 130.000 р.? Капиталы въ билетахъ должны быть неприкосновенными, кромѣ развѣ 11.000 р., которые составились, по нашему предположенію, изъ лаврскихъ суммъ. Былъ еще въ лаврѣ остатокъ отъ 1869 г. къ 1870 г. въ 18.385 р. 8 к., но онъ, по крайней мѣрѣ, въ 1870 г. не только не израсходованъ, но къ нему еще прибавилось 14.421 р. 89¼ к. Притомъ въ перечнѣ нѣтъ никакихъ расходовъ на постройки въ петербургскомъ подворьѣ, хотя они значались въ 1870 г. На-

Digitized by Google

конецъ, даже и въ 1871 г. лавра могла располагать только 32.806 р. 92¾ к.—остаткомъ отъ предыдущихъ лѣтъ. Не странно ли начинать не какому-либо предпріимчивому купцу, а святой обители постройку не церкви, а промысловаго дома, имѣя только четвертую часть потребной на то суммы? Для избѣжанія этой странности не слѣдуетъ ли заключить, что или у самой лавры, или у петербургскаго ея подворья есть капиталы въ деньгахъ или банковыхъ билетахъ, о которыхъ счетчики не сказали ничего?

9) Независимо отъ высказанныхъ нами замѣчаній, перечень лаврскихъ доходовъ, разсматриваемый даже только по отношенію къ одной братіи, не могъ бы считаться вполнѣ удовлетворительнымъ для людей безпристрастныхъ. Въ монастыряхъ не общежительныхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Московская лавра, доходы бываютъ трехъ родовъ: 1) *общемонастырскіе*, собираемые въ кассу монастыря, 2) *братскіе*, которые раздѣляются между братіей, и 3) *поручные*, которые получаются каждымъ изъ братіи не отъ какого-либо рукодѣлья, а отъ исполненія тѣхъ или другихъ занятій по монастырю, напр. отъ служенія молебновъ, панихидъ, отъ исповѣди,—или выручаются и попридерживаются при продажѣ разныхъ предметовъ и пр. и пр. Міряне, говоря о громадности монастырскихъ доходовъ, разумѣютъ всѣ перечисленные нами три ихъ вида. Между тѣмъ лаврскіе счетчики занимаются почти только одними общемонастырскими доходами, слегка указали на братскіе и ни слова не сказали о поручныхъ. А между тѣмъ послѣдніе составляютъ очень немалую сумму. Знакомые съ внутреннимъ бытомъ лавры хорошо знаютъ, что въ ней многіе изъ братіи носятъ различныя наименованія, напр.: *духовниковъ*, которые исповѣдаютъ богомольцевъ, желающихъ пріобщиться во святой обители,—*молебниковъ*, которые служатъ молебны,—*гостинщиковъ*, завѣдывающихъ гостиницами. Есть въ ней *дежурные* при мощахъ, у часовенъ, колодцевъ и пр., *просфирники*, *ходебщики* съ кружками, тарелками и кошелькомъ по церкви, *свѣчники*, продающіе свѣчи внутри и внѣ церквей на прилавкахъ и въ лавочкѣ, *книжники*, *масляники*, *образники*, продающіе книги, деревянное масло и образа, *торгующіе* картинками, *записывающіе* имена для поминовъ за здравіе или за упокой и пр. и пр. Начнемъ же едва ли не съ самаго низшаго лица, именно съ послушника, стоящаго на второмъ этажѣ лаврской колокольни при той двери, чрезъ которую нужно проходить, чтобы подняться къ колоколамъ.

Digitized by Google

Въ 1868 г., пожелавши посмотрѣть механизмъ часовъ, устроенныхъ на лаврской колольнѣ, мы спросили внизу у одного послушника о томъ, можно ли взойти наверхъ. «Ступайте вотъ тутъ,—хозяинъ недавно пошелъ туда», сказалъ послушникъ. Поднимаясь по лѣстницамъ перваго этажа, мы задавали себѣ вопросъ: что это за хозяинъ колокольни? Взошедши на второй этажъ, мы увидѣли невзрачнаго послушника въ подрясникѣ и камилавкѣ. Онъ стоялъ у двери, чрезъ которую только и можно идти вверхъ. Увидавши насъ, онъ поспѣшилъ положить ладонь правой руки на скобу притворенной двери и былъ, такъ-сказать, *въ готовности* и попридержать, и отворить дверь, смотря по обстоятельствамъ. На нашъ вопросъ: «можно ли взойти» онъ отвѣчалъ: можно, но двери не отворялъ. «Что же, можно?» опять спросили мы и опять получили въ отвѣтъ: можно, но дверь по прежнему оставалась притворенною и правая рука *хозяина* продолжала лежать на скобѣ ея. Понявши, въ чемъ дѣло, мы дали пропускную монету, и дверь предъ нами отворилась; но не успѣли мы ступить на второй приступокъ, какъ она захлупнулась. Дѣло состояло въ томъ, что сзади насъ шелъ мѣщанинъ, который хотѣлъ было проскользнуть вмѣстѣ съ нами, ничего не заплативъ; но *хозяинъ*, захлопнувъ дверь, остановилъ его и только тогда пропустилъ, когда и отъ него получилъ пропускную монету.

Несмотря на то, что должность *хозяина* на колольнѣ есть самая скромная и менѣе другихъ доходная въ лаврѣ, но и онъ лѣтомъ, при множествѣ богомольцевъ, нерѣдко въ день набираетъ не гривны, а рубли. Изъ другихъ перечисленныхъ нами профессій нѣкоторыя съ перваго раза представляются доходными. Напр., духовники и молебники получаютъ вещественную благодарность отъ всякаго, кто у нихъ исповѣдается, или кто попроситъ ихъ отслужить молебенъ.

Переходя къ лаврскимъ продавцамъ деревяннаго масла, образовъ, картинъ, чотокъ, колецъ и пр., первоначально выслушаемъ то, что г. Максимовъ говоритъ объ одномъ классѣ этихъ торговцевъ. По его словамъ, въ Соловецкомъ монастырѣ картинки, стоющія 5, продаютъ за 20—25 копѣекъ и, разумѣется, не въ пользу святой обители. Боже сохрани насъ отъ того, чтобы всѣхъ, занимающихся подобными профессіями въ лаврѣ, подозрѣвать въ чемъ-нибудь. Но извѣстно, что, торгуя чѣмъ бы то ни было, развѣ рѣдкій кто не пріучивается позапрашивать и торговаться, что деньги имѣютъ какое-то еще неразъясненное свой-

Digitized by Google

ство *прилипать къ тѣмъ рукамъ*, чрезъ которыя переходятъ. Потомъ также извѣстно, что между братіей и особенно между послушниками слишкомъ мало найдется лицъ, которыя бы не пожелали заниматься тою или другою изъ перечисленныхъ выше профессій; вѣроятно, что есть какія-либо небезвыгодныя побужденія къ тому.—И между тѣмъ перечень не говоритъ ни слова о доходахъ отъ всѣхъ перечисленныхъ и не перечисленныхъ нами профессій.—Какъ велики поручные доходы братіи, мы выскажемъ свои соображенія ниже, а теперь перейдемъ къ тѣмъ доходнымъ статьямъ, которыя лаврскими счетчиками, какъ намъ кажется, представлены въ уменьшенномъ видѣ.

Б. Въ 6 и 7 главахъ своей статьи мы высказали причины, которыя заставляютъ насъ думать, что суммы просфорныхъ, свѣчныхъ и особенно кошельковыхъ доходовъ, внесенныхъ въ перечень лаврскими счетчиками, гораздо ниже тѣхъ суммъ, которыя дѣйствительно получаются по этимъ статьямъ. Не повторяя тамъ сказаннаго, мы теперь еще укажемъ на нѣсколько статей, гдѣ можно подозрѣвать также уменьшеніе.

1) Доходы отъ Стряпческаго подворья по перечню состоятъ изъ 14.445 р. Но въ 7-й главѣ мы представили поименный списокъ наемщиковъ квартиръ подворья; свѣдѣнія объ этомъ собраны, какъ говорится, *изъ первыхъ рукъ*. Изъ списка оказывается, что подворье приноситъ доходу 17.010 р.,—на 2.565 р. болѣе, нежели какъ пишутъ лаврскіе счетчики.

2) Въ той же главѣ доходъ отъ обѣихъ лаврскихъ гостиницъ въ Сергіевомъ посадѣ мы высчитали въ 36.700 р. Но по перечню этотъ доходъ равняется 23.760 р. 44 к.—на 12.936 р. 56 к. менѣе, нежели по нашему вычисленію. Конечно, и оно можетъ быть ошибочнымъ, но странно было бы признать справедливымъ вычисленіе лаврскихъ счетчиковъ. Мы предполагали, что каждый нумеръ гостиницы среднимъ числомъ занятъ бываетъ богомольцами только половину года. Вычислимъ теперь, сколько дней нумера должны бы быть заняты, если доходы отъ гостиницъ дѣйствительно состоятъ изъ 23.760 р. 44 к., какъ пишутъ лаврскіе счетчики. Изъ этой суммы первоначально нужно вычесть: а) 4.200 р., вносимыхъ въ кассу лавры буфетчиками, и б) 3.500 р., которые уплачиваются наемщиками разныхъ помѣщеній въ нижнемъ этажѣ того и другаго дома Такимъ образомъ останется 16.060 р. 54 коп.,—доходъ собственно отъ нумеровъ. Но выше мы высчитали, что всѣ вообще нумера обѣихъ

Digitized by Google

гостиницъ, будучи заняты постояльцами, приносили бы 160 р. 40 к. ежедневнаго дохода. Раздѣливъ 16.860 р. 54 к. на это число, получимъ почти 105; т. е. если итогъ доходовъ отъ гостиницъ, представленный лаврскими счетчиками, вѣренъ, то каждый нумеръ средпимъ числомъ занятъ бываетъ въ теченіе года 100 дней, а въ 265 дней остается не занятымъ. Какъ же можно этому повѣрить? При такомъ условіи не было бы разсчета ни лаврѣ строить, отапливать и поддерживать дома для гостиницъ, ни буфетчикамъ платить ежегодно 4.200 р. за право содержать буфетъ. Съ другой стороны, какъ извѣстно, съемщики гостиницъ, подворьевъ и т. п всегда разсчитываютъ на то, что нумера, отдаваемые подъ постой, будутъ заняты въ половину дней года. И потому съемщикъ, отдавая какой-либо нумеръ подъ постоянное жительство, беретъ съ постояльца нѣсколько поболѣе половины того, что можно было бы получить, еслибы нумеръ постояно былъ занятъ. Такъ, напр., въ гостиницѣ Еремеева въ Москвѣ на Моросѣйкѣ берется въ мѣсяцъ: а) 13 р. за № 47, б) 18 р. за № 59 и в) 10 р. за № 2; тогда какъ суточная плата за первый есть 75 к., за второй 1 руб., а за третій 2 руб.

3) Въ Московской лаврѣ всѣ *братскіе* доходы по перечню состоятъ только изъ 8.096 р. 49 к., раздѣляемыхъ на 370 человѣкъ, такъ что получаютъ іеромонахи по 50 р. 10 к., а простые монахи и послушники по 12 р. и менѣе въ цѣлый годъ. Чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить вѣрность такого разсчета, напомнимъ, что братія Московской лавры, какъ не общежительнаго монастыря, получаетъ отъ нея пищу, квартиру и отопленіе, а объ одеждѣ, обуви и пр. сама должна позаботиться, употребляя на то достающіеся ей братскіе или поручные доходы. Это подтверждаетъ и перечень, въ которомъ сказано, что только нѣкоторые изъ братіи получаютъ отъ монастыря одежду и обувь; слѣдовательно прочіе сами добываютъ ту и другую. Притомъ, получаемая отъ монастыря одежда шьется, конечно, не изъ шелковыхъ или богатыхъ шерстяныхъ матерій. Далѣе, всѣмъ извѣстно, что не только іеромонахи и іеродіаконы, но и послѣдніе изъ послушниковъ пьютъ чай по два раза въ день, многіе, даже очень многіе, находятъ возможность *стомаха ради и частыхъ недуговъ и ради труда бдѣннаго* подкрѣплять себя не одною водою и квасомъ, но и болѣе и быстрѣе *оживляющими питіями;* степенные же и экономные люди запасаются *пѣнязями на черный день* самимъ себѣ,

Digitized by Google

или для вспоможенія своимъ роднымъ. Кромѣ того не надобно забывать, что одежда на многихъ изъ братіи, даже на послушникахъ, не только не скудна, но и очень пышна, что шелковые или богатые шерстяные подрясники и рясы вовсе не рѣдкость въ лаврѣ. Прибавимъ сюда еще другіе факты. Въ 1868 г., осматривая лаврскія кладбища, мы нашли, что памятники надъ могилами многихъ лаврскихъ монаховъ богатѣе памятниковъ большей части мірянъ, тамъ же погребенныхъ. Сюда, напр., относятся памятники надъ могилами: а) отца Иларія, гробоваго монаха у раки преподобнаго Сергія; на двухъ сторонахъ монумента начерчены эпитафіи и послужной списокъ покойника въ 55 стракахъ, б) отца Товіи, эконома лавры, съ 22 строками эпитафіи и послужнаго списка, в) отцовъ Макарія, Іероѳея, Саввы и пр. Не думаемъ, чтобъ эти и другіе памятники воздвигнуты были на счетъ лаврской казны. Наконецъ, и сами счетчики говорятъ, что осталось по смерти іеромонаховъ: а) Нафанаила 764 р. 50 к. и б) Фотія 6.820 р. 31 к. Неужели всѣ перечисленные нами факты можно объяснить тѣмъ, что ежегодные доходы іеромонаха состоятъ изъ 50 р. 10 к., а послушника изъ 12 р.? Кто же этому повѣритъ?

Наше недоумѣніе не разъясняется тѣмъ по перечню, что расходуется: а) 1.140 р. на награды трудящимся при особыхъ послушаніяхъ и б) 3.898 р. 7¼ к. на жалованье братіи и на пѣвчихъ. Трудящихся при особыхъ послушаніяхъ, особенно же денегъ на награды имъ очень немного; жалованье же выдается однимъ монахамъ, а послушники въ немъ не участвуютъ; притомъ аристократія лаврская: намѣстникъ, казначей, экономъ, соборные старцы и пр. получаютъ гораздо болѣе не чиновныхъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и простыхъ монаховъ, на долю которыхъ такимъ образомъ изъ жалованья перепадетъ очень незначительная сумма, особенно за вычетомъ денегъ на пѣвчихъ. Даже отдѣльныя профессіи: духовниковъ, молебниковъ, ходебщиковъ, гостинщиковъ и пр. и пр. улучшаютъ финансовое положеніе не всѣхъ монаховъ и послушниковъ; между тѣмъ извѣстно, что вся вообще лаврская братія благоденствуетъ; пролетаріевъ въ средѣ ея нѣтъ. И потому опять спрашиваемъ: откуда наибольшая часть лаврскихъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ, простыхъ монаховъ и послушниковъ берутъ деньги на то, чтобы каждый день пить чай по два раза, покупать обувь, бѣлье и одежду для себя, шить шелковыя рясы (это къ послушникамъ не отно-

Digitized by Google

сится), щеголять подрясниками, имѣть возможность подкрѣплять себя живительными влагами и пр. и пр.? Какимъ образомъ іеромонахъ, при всѣхъ такихъ расходахъ, получая 50 и даже 100 р. въ годъ, можетъ оставить по смерти не только 764 р., но и 6.820 р.?

Чтобы пооблегчить разрѣшеніе этихъ вопросовъ, нужно ознакомиться съ поручными и братскими доходами нѣкоторыхъ другихъ монастырей. Для этого мы избрали рязанскій Спасскій и московскій Покровскій. Въ 1871 г. одинъ изъ послушниковъ перваго, пожилой, бывшій причетникъ, былъ приглашаемъ въ причетники въ церковь при рязанскомъ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія; ему обѣщали 35 руб. ежегоднаго жалованья, квартиру и столъ отъ училища. «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я и въ монастырѣ изъ кружки получаю въ годъ 35 р., да еще имѣю другихъ доходовъ до 15 р.; мнѣ въ монастырѣ быть выгоднѣе, нежели въ училищѣ». О финансовомъ положеніи братіи Покровскаго монастыря мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что іеромонахи въ немъ ежегодно получаютъ 500—600 р. Неужели же послушники рязанскаго Спасскаго монастыря получаютъ поручнаго и братскаго дохода вчетверо болѣе послушниковъ, а іеромонахи Покровскаго монастыря въ 10—12 разъ болѣе іеромонаховъ Московской лавры? Почему же поступить въ братство послѣдней составляетъ любимую мечту, pium desiderium, монашествующихъ наибольшей части нашихъ монастырей? И къ этой метчѣ располагаетъ ихъ не одно желаніе быть вблизи угодниковъ, почивающихъ въ лаврѣ, но и *житейскіе разсчетцы*.

Итакъ, сколько же денегъ получаетъ лаврская братія на свои собственные расходы? Въ основаніе своихъ вычисленій полагаемъ слѣдующія соображенія. Чтобы послушнику имѣть возможность ежедневно пить чай два раза, покупать для себя обувь и одежду, даже пощеголять ею и пользоваться многими принадлежностями жизненнаго комфорта, завидными для людей одинаковаго съ нимъ ранга, необходимо получать, по крайней мѣрѣ, 125 р. ежегоднаго дохода. Это только въ два съ половиною раза болѣе, нежели сколько достается послушнику рязанскаго Спасскаго монастыря. И такъ какъ іеромонахъ получаетъ вчетверо болѣе противъ послушника, то его доходы должны простираться до 500 р., столько же, сколько получаетъ іеромонахъ Покровскаго монастыря, а можетъ быть даже и менѣе. При такомъ предположеніи всѣ 280 послушниковъ получатъ 35 тысячъ рублей.

Digitized by Google

Чтобы вычислить деньги, достающіяся монахамъ, надобно бы знать число іеромонаховъ и число іеродіаконовъ, но оно намъ не извѣстно. Поэтому мы рѣшились положить доходы тѣхъ и другихъ одинаковыми; за то доходы чиновной братіи монастыря, не исключая самого отца-намѣстника, полагаемъ также равными іеромонашескимъ; тутъ излишекъ на одной сторонѣ выкупается недочетомъ на другой сторонѣ. Въ такомъ случаѣ для 90 человѣкъ нужно 45.000 р.; все же вмѣстѣ съ доходами послушниковъ и простыхъ монаховъ составитъ 80.000 руб. Считаемъ нужнымъ напомнить, что мы въ эти десятки тысячъ включаемъ все, получаемое братіей не изъ однихъ оффиціальныхъ кружекъ, но и отъ спеціальныхъ профессій; сюда включаются и рубли, получаемые духовниками и молебниками, и болѣе или менѣе крупныя *акциденціи*, которыя заставляютъ братію желать быть гостинщиками, продавать масло, картинки, чотки и пр. и пр.,— даже тѣ гроши и пятаки, которые попадаютъ въ карманъ хозяина колокольни,—словомъ, все, все, что такъ или иначе, прямо или косвенно, справа или слѣва, получается монашествующею братіей и послушниками. Если нашъ разсчетъ покажется произвольнымъ, то онъ все-таки много, очень много правдоподобнѣе счета лаврскихъ *подобныхъ* счетчиковъ, надѣлившихъ послушника только 12-ю, а іеромонаха 50-ю рублями ежегоднаго дохода.

4) Утверждая, что доходы 370 монаховъ и послушниковъ состоятъ изъ 8.096 р. 49 к., лаврскіе счетчики, разумѣется, должны были ограничить доходы и настоятеля своего. По ихъ словамъ, онъ въ три года получилъ 11.737 р. 62 к , т. е. по 3.912 р. 54 к. въ годъ среднимъ числомъ. Мы не говоримъ, что эта сумма мала сама по себѣ, но не можемъ умолчать о томъ, что достовѣрность ея слишкомъ сомнительна, если ее повѣрить доходами другихъ монастырей. Мы думаемъ, что доходы настоятеля, братіи и всего вообще не общежительнаго монастыря находятся въ самой тѣсной связи между собою и почти въ одинаковой пропорціи увеличиваются или уменьшаются. Поэтому узнавши, что монастырь А вдвое или втрое доходнѣе монастыря В, мы имѣемъ право думать, что доходы настоятеля и братіи перваго тоже вдвое, втрое превышаютъ доходы втораго. И наоборотъ, если настоятель получаетъ въ монастырѣ А вдвое, втрое болѣе, нежели настоятель монастыря В, то и монастырь В, равно какъ и братія его имѣютъ вдвое, втрое больше доходовъ, нежели мона-

Digitized by Google

стырь А съ своею братіей. Мы не говоримъ, чтобы предполагаемыя нами пропорціи были математически-вѣрны, чтобы произведенія крайнихъ членовъ ихъ равнялись произведенію среднихъ; тутъ не могутъ не быть нѣкоторыя разности въ пользу или монастыря, или настоятеля, или даже братіи. Но разности эти накакъ не могутъ быть не только вдвое, даже вполтора раза болѣе одна противъ другой. Послѣ этого замѣчанія обратимся къ лаврѣ и московскимъ монастырямъ. Мы уже видѣли, что о. архимандритъ Евстафій полагаетъ ежегодные доходы настоятеля Донскаго монастыря въ 5.000 р. съ небольшимъ. Конечно, Донской монастырь слѣдуетъ считать самымъ богатымъ изъ монастырей, находящихся въ Москвѣ, но, по всей вѣроятности, никому и въ голову не приходило ставить его по доходамъ выше Троице-Сергіевой лавры, даже хоть сколько нибудь приравнивать къ ней; а между тѣмъ оказывается, что настоятель Донскаго монастыря получаетъ дохода болѣе, нежели на одну пятую часть противъ настоятеля лавры. Далѣе, по словамъ о. Евстафія, въ Москвѣ есть восемь мужскихъ монастырей, которыхъ настоятели не получаютъ въ годъ даже половины 5.000 р., однако, значитъ, и не далеко отъ этой цифры. Опять нельзя не подивиться, что доходы настоятеля лавры только на три восьмыхъ части превышаютъ доходы настоятелей восьми московскихъ монастырей. Остается предположить, что или доходы настоятеля лавры въ перечнѣ лаврскихъ счетчиковъ очень уменьшены, или онъ не беретъ всѣхъ доходовъ ему принадлежащихъ, какъ и говаривали про покойнаго митрополита Филарета.

5) Изъ сказаннаго нами легко уже можно видѣть, до какой степени владѣла лаврскими счетчиками страсть уменьшать доходы братіи. Прибавимъ здѣсь еще одинъ довольно курьезный случай. Въ прибавленіи къ перечню пишется: «близь ограды лавры и на площади устроено *нѣсколько небольшихъ* лавокъ, которыя отдаются *бѣднымъ* торговцамъ за *небольшую цѣну*». Прочитавши эти строки, всякій подумаетъ, что тутъ, вѣроятно, идетъ дѣло о какомъ-либо *пяточкѣ* и много уже десяткѣ лавчонокъ, отдаваемыхъ въ наемъ сотни за двѣ или за три рублей,—вѣдь ихъ только *нѣсколько*, притомъ *небольшихъ*, нанимаемыхъ *бѣдными* торговцами за *небольшую* цѣну. А между тѣмъ всѣхъ лавокъ едва ли не болѣе 50, и доходъ отъ нихъ даже по перечню состоитъ изъ 3.192 р.

Digitized by Google

Но лаврскіе счетчики, такъ заботливо старавшіеся объ уменьшеніи доходовъ святой обители, не забыли, такъ-сказать, для контръ-баланса похлопотать о томъ, чтобы поуменьшить расходы ея не на самомъ, разумѣется. дѣлѣ, а на бумагѣ, въ своемъ перечнѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ этой хлопотливости:

1) При каждой литургіи необходимо такъ-называемое красное вино; потомъ не только во время литургій, но и въ вечерню, утреню и даже при всякой панихидѣ употребляется ладанъ. По перечню, и на красное вино, и на ладанъ израсходовано въ въ 1870 г. 75 р. 50 к. Посмотримъ теперь, можно ли на эти деньги купить необходимые для лавры красное вино и ладанъ. Отъ приходскихъ священниковъ и церковныхъ старостъ мы знаемъ, что полштофа кагора достаетъ на 3—4 литургіи, а фунта ладана на 10 литургій съ утренними и вечерними службами. Въ лаврѣ же, какъ пишетъ о. намѣстникъ, ежедневно богослуженіе совершается въ лѣтнее время въ 12-ти, а въ зимнее въ 8-ми церквахъ. Ограничивъ первое 150-ю днями, для втораго имѣемъ 215 дней. Поэтому въ теченіе года всѣхъ литургій въ лаврѣ совершается не менѣе 3.520, и слѣд. на нихъ потребуется до 880—1.176 полштофовъ краснаго вина и до 352 ф. ладана. Тотъ и другой расходъ увеличиваются еще отъ того, что употребляется красное вино во время всенощныхъ бдѣній, при такъ-называемомъ благословеніи хлѣба, вина и елея, а ладанъ при множествѣ панихидъ, совершаемыхъ въ лаврѣ. Но если ограничимъ расходъ краснаго вина 1.000-ю полштофовъ, а ладана 9-ю пудами, и положимъ, что полштофъ перваго стòитъ 35 к., а фунтъ втораго 40 коп., то получится почти 500 р. Этотъ итогъ долженъ значительно увеличиться отъ того, что лавра, по крайней мѣрѣ, въ большіе праздники, употребляетъ при соборномъ богослуженіи болѣе дорогой кагоръ, нежели какъ мы полагали, и потомъ во всѣ воскресные и праздничные дни не простой, а росной ладанъ, котораго фунтъ стòитъ болѣе двухъ рублей. Послѣ этого не странно ли слышать, что будто бы въ 1870 г. на красное вино и ладанъ израсходовано въ лаврѣ 75 р. 50 коп.? Когда мы объ этомъ спросили священника при одноштатной сельской церкви, то получили въ отвѣтъ: «помилуйте, какъ это возможно? Да у насъ выходитъ на ладанъ и красное вино 30—40 р., хотя у насъ не рѣдко въ недѣлю бываетъ служба только въ воскресенье».

2) Въ 6-й главѣ своей статьи мы сказали, что лавра про-

Digitized by Google

даетъ деревяннаго масла богомольцамъ на 3.846 р. 8 к. въ теченіе года. Мы полагаемъ, что это масло, точно также какъ восковыя свѣчи и просфоры, продается вдвое дороже противъ покупной цѣны; въ такомъ случаѣ расходъ на него долженъ состоять изъ 1.923 р. 4 к. Но по лаврскимъ церквамъ находится многое множество такъ-называемыхъ *неугасимыхъ* лампадъ; а изъ перечня мы узнаемъ, что на деревянное масло для неугасимой лампады въ теченіе года жертвуется 50 руб. Наконецъ, въ люстрахъ, какъ напр. въ Сергіевскомъ соборѣ въ праздничные дни за обѣднями и всенощными, вмѣсто свѣчъ горитъ деревянное масло въ очень большихъ стаканахъ. Между тѣмъ въ перечнѣ прямаго расхода собственно на деревянное масло нѣтъ. Правда, что есть расходъ въ 3.485 р. 96½ к. *на масла, краски для крышъ и пр.* Какъ угодно, а мы не осмѣливаемся думать, чтобы къ этимъ *масламъ* надобно причислить и деревянное масло; странно было бы его ставить въ одну статью съ матеріалами, необходимыми *для крышъ*. Притомъ, при множествѣ лаврскихъ зданій внутри и внѣ монастырской ограды и даже въ Москвѣ, большая часть указанныхъ денегъ должна употребляться на краски и простое масло для окрашенія крышъ, стѣнъ, половъ и пр. И потому на деревянное масло для неугасимыхъ лампадъ, люстръ и для продажи богомольцамъ останется развѣ очень небольшая сумма. А мы думаемъ, что необходимое на всѣ эти потребы масло едва ли не будетъ стоить болѣе 3.485 р. 96½ к.

3) Мы знаемъ, что самъ монастырь нанимаетъ прачекъ для мытья бѣлья всей вообще монашествующей братій и послушниковъ. Такъ впрочемъ и должно быть, иначе слишкомъ странно и отчасти не незазорно было бы, еслибы каждый не только молодой, цвѣтущій здоровьемъ послушникъ, но и начинающій сѣдѣть іеродіаконъ или іеромонахъ должны были частенько допускать въ свои кельи женщинъ для отдачи имъ грязнаго и полученія отъ нихъ вымытаго бѣлья. Это мытье бѣлья для 370 человѣкъ стоитъ не малыхъ денегъ. Но, независимо отъ этого, самъ монастырь долженъ нанимать прачекъ для мытья столоваго и кухоннаго бѣлья, а также для мытья тѣхъ утиральниковъ, которые ежедневно употребляются при богослуженіи зимою въ 8, а лѣтомъ въ 12-ти церквахъ. И между тѣмъ на эти расходы по перечню не тратится ни копѣйки.

4) Но вотъ расходъ, который хотя и внесенъ въ перечень, но, какъ надобно думать, очень уменьшенъ. Именно по перечню

Digitized by Google

«на покупку ржаной муки и прочей провизіи для содержанія лаврской братіи и странноприходящихъ» истрачивается будто бы 36.363 р. 12¼ к. Вычтя отсюда 18.000 р., которые, по сдѣланному нами разсчету въ 6-й главѣ, должны расходоваться на обѣды для богомольцевъ, мы въ остаткѣ получимъ 18.363 р. 12¼ к. Но и эти деньги употребляются на содержаніе не одной братіи: отецъ-намѣстникъ пишетъ, что всей братіи 370 человѣкъ, а между тѣмъ, по его же словамъ, лаврскимъ столомъ ежедневно пользуется болѣе 500 человѣкъ. Излишекъ, по крайней мѣрѣ, въ 130 человѣкъ состоитъ, вѣроятно, изъ прислуги и рабочаго люда въ лаврѣ. Такъ какъ этимъ людямъ нуженъ не одинъ обѣдъ, какъ богомольцамъ, но и ужинъ, завтракъ и, пожалуй, для нѣкоторыхъ полдникъ, то положить ежедневное содержаніе каждаго въ 15 коп. не будетъ излишне. Поэтому годовое содержаніе всѣхъ 130 человѣкъ будетъ стоить до 7.117 р. 50 к., и слѣд. 370 человѣкъ братіи останется немного болѣе 11.000 р.,—по 30 р. въ годъ, или 8 коп. въ день на каждое лицо. Ужь какъ угодно, а въ 1870 г. даже *при пищѣ св. Антонія* потребуется развѣ немного менѣе этого. Не лучше ли иначе разсчитать этотъ расходъ? Зная, какъ хороша пища въ лаврской трапезѣ даже въ будничные, какъ обильна въ воскресные и неважные праздничные, и какъ даже роскошна въ важные и важнѣйшіе праздничные дни, мы не считаемъ грѣхомъ положить на пищу каждаго изъ братіи среднимъ числомъ въ день по 20 к., или на всѣхъ въ годъ 27.010 р. Присоединивъ сюда 18.000 р. на богомольцевъ и 7.117 р. 50 к. на прислугу и рабочій людъ, мы получимъ болѣ 52.000 р. Это, какъ намъ кажется, будетъ ближе къ правдѣ, нежели цифра лаврскихъ счетчиковъ. Если кому-либо наши вычисленія покажутся преувеличенными, то замѣтимъ, что мы не брали во вниманіе еще другіе расходы на пищу. 1) Кромѣ обѣда для богомольцевъ, въ лаврѣ раздается еще по большому куску чернаго хлѣба нищимъ. Бывши 22-го октября прошедшаго года въ комнатахъ подъ братскою трапезою, мы видѣли болѣе 100 человѣкъ нищихъ, собравшихся для полученія хлѣбной милостыни; лѣтомъ ихъ бываетъ еще болѣе. Итакъ, сколько же всѣхъ нищихъ въ теченіе года получитъ отъ лавры по большому куску хлѣба? 2) Въ важнѣйшіе праздники, напр., въ Троицынъ и Духовъ день, въ дни посвящаемые памяти преподобнаго Сергія и пр., въ монастырскую трапезу, какъ мы слышали, приглашаются почет-

Digitized by Google

ные гости; въ эти дни не только для гостей, но и для всей вообще братіи готовится очень роскошный обѣдъ. 3) Сколько разъ мы ни бывали въ общей монастырской трапезѣ, никогда не имѣли удовольствія видѣть тамъ о. намѣстника; ему, очевидно, во многіе, если не во всѣ дни готовится особый столъ и уже, конечно, не изъ тѣхъ блюдъ, которыя предлагаются братіи. Такое отсутствіе о. намѣстника, какъ намъ объясняли, происходитъ часто потому, что у него кушаютъ почетные богомольцы, особенно духовныя особы въ санѣ архіерея, архимандрита, а также богатые благодѣтели—купцы и дворяне и пр. Разумѣется, что въ такихъ случаяхъ столъ готовится *не плохой*. И потому если наши вычисленія покажутся кому-либо преувеличенными, то излишекъ въ нихъ замѣнится другими перечисленными здѣсь расходами.

5) По перечню расходуется 6.713 р. 66¾ коп. на отопленіе церквей и службъ. Такъ какъ въ немъ еще нѣтъ ни одной расходной статьи на покупку дровъ, то мы имѣемъ право заключить, что монастырь на отопленіе всѣхъ зданій своихъ въ Сергіевомъ посадѣ и внутри и внѣ своей ограды, на всѣ кухни и пекарни истрачиваетъ въ годъ только означенные 6.713 р. 66¾ к. Припомните, что, по словамъ о. намѣстника, монастырь отъ своихъ лѣсовъ получаетъ одни убытки; затѣмъ во всемъ перечнѣ нѣтъ ни одной статьи расхода на рубку или привозку дровъ; слѣд. лавра всѣ дрова, нужныя для отопленія ея зданій, покупаетъ у промышленниковъ и расходуетъ только на это 6.713 р. 66¾ к. Ничтожность этого расхода насъ изумила особенно послѣ того, какъ мы узнали, что Екатерининская больница, на Страстномъ бульварѣ въ Москвѣ, расходуетъ въ годъ 1.300 саж. дровъ и платитъ за нихъ 8.450 р., по 6 р. 50 к. за саж. Не споримъ, что въ Сергіевомъ посадѣ сажень дровъ стоитъ дешевле, нежели въ Москвѣ, на треть и даже, можетъ-быть, болѣе. За то кубическій объемъ зданій больницы едва ли не въ 10 разъ будетъ менѣе, нежели кубическій объемъ всѣхъ отапливаемыхъ зданій въ лаврѣ. Въ ней, сколько мы знаемъ, до 350 такъ-называемыхъ *затоповъ*, въ числѣ которыхъ много амосовскихъ печей. И не удивительно. Вѣдь ей нужно отапливать: а) 8 церквей, въ которыхъ и въ зимнее время совершается богослуженіе, по словамъ о. намѣстника; б) двѣ гостиницы, въ которыхъ находится не менѣе 130 нумеровъ для постояльцевъ; в) комнаты для помѣщенія 370 монаховъ и послушниковъ, изъ

Digitized by Google

которыхъ каждый, по монашескимъ правиламъ, долженъ имѣть особую келью; г) комнаты, въ которыхъ живутъ 225 учениковъ и учениць въ училищахъ и учатся не только эти 225, но еще приходящихъ 125 человѣкъ; д) домъ для богадѣльни, гдѣ живутъ 150 призрѣваемыхъ женщинъ; е) двѣ больницы на 145 кроватей и ж) помѣщенія для всей вообще прислуги, число которой нужно полагать до 150 человѣкъ. Затѣмъ дрова нужны: а) на просфорню, въ которой въ теченіе года, по словамъ перечня, 879 мѣшковъ крупчатой муки превращаются въ просфоры, по 12 пудовъ въ день среднимъ числомъ; б) на ежедневное приготовленіе пищи почти для 900 человѣкъ монаховъ, послушниковъ, прислуги, учениковъ, учениць и богадѣленныхъ жилицъ; в) на приготовленіе пищи для богомольцевъ, которыхъ, по словамъ о. намѣстника, въ лѣтнее время бываютъ тысячи. Кромѣ того дрова нужны для приготовленія громаднаго количества восковыхъ свѣчъ и, если не ошибаемся, для паровой машины, при помощи которой лавра снабжается водою. Какимъ же образомъ ухитриться, чтобы всѣмъ перечисленнымъ потребностямъ можно было удовлетворить означенною выше суммою? Еслибы лаврскіе счетчики сказали, что у нихъ расходуется 6.713 саж. дровъ, то это было бы все-таки вѣроятнѣе, нежели то, что на отопленіе всѣхъ церквей и службъ тратится только 6.713 р. 66¾ к.

Можно бы еще сдѣлать замѣчанія на 23.382 руб. 45 коп.— расходъ на страннопріимныя больницы, домъ призрѣнія, училища, на одежду и обувь для нѣкоторыхъ изъ братіи; но, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности опредѣлить, сколько изъ этихъ денегъ употребляется собственно на одежду и обувь. Между тѣмъ и всей этой суммы едва ли достанетъ на больницы, домъ призрѣнія и училища. При этомъ надобно принять къ свѣдѣнію, что, по словамъ о.-намѣстника, а) въ 1870 г. больныхъ перебывало, лечилось и содержалось 1.419 человѣкъ; не нужно забывать и того, что въ числѣ ихъ находятся престарѣлые неизлѣчимые, которые, слѣдовательно, живутъ тамъ круглый годъ, и б) пользовались лаврскимъ содержаніемъ въ теченіе года 150 женщинъ, 200 учениковъ и 25 учениць. Кромѣ того для училищъ иконописи и ремеслъ сколько нужно матеріаловъ и учителей? Положимъ, что въ училищѣ грамотности обучаетъ сама братія, но нужны расходы на учебныя принадлежности, которыя доставляетъ все-таки монастырь.

Digitized by Google

Разсматривая перечень лаврскихъ доходовъ и расходовъ, можетъ-быть, мы сдѣлали нѣсколько ошибокъ, но, какъ намъ кажется, доказали, что онъ составленъ слишкомъ неудовлетворительно, что въ немъ далеко не всѣ перечислены доходныя и расходныя статьи монастыря и что по перечню вовсе нельзя судить объ огромности доходовъ лавры. Причины, почему не исполнена воля преосвященнаго митрополита, желавшаго, чтобъ указаны были всѣ статьи прихода и расхода, могли быть различныя: 1) Не малое число доходовъ, получаемыхъ братіей и послушниками, неизвѣстны оффиціальнымъ образомъ; о нихъ знаетъ совѣсть тѣхъ, кто ихъ получаетъ. Сюда особенно принадлежатъ тѣ доходы или, такъ-сказать, *акциндеціи*, которыя побуждаютъ братію хлопотать о занятіи должностей масляниковъ, свѣчниковъ, гостинщиковъ, образниковъ, дежурныхъ при мощахъ, у часовенъ, у колодцевъ и пр. О такихъ доходахъ можно составлять понятіе по жизненной обстановкѣ, одеждѣ и проч. тѣхъ, кто ихъ получаетъ. 2) О многихъ доходахъ, которыхъ уже нельзя назвать *акциденціями*, получающіе ихъ могли бы говорить, не стыдясь, не насилуя своей совѣсти; но, какъ мы слышали, они не очень-то откровенны на этотъ счетъ. Сюда, напр., относятся доходы духовниковъ и молебниковъ, если только это деньги за молебны, воспѣваемые другимъ святымъ угодникамъ, кромѣ преподобнаго Сергія, и за панихиды по Максимѣ Грекѣ, Филаретѣ Дроздовѣ и другимъ покойникамъ, погребеннымъ въ лаврѣ, идутъ не въ общую какую бы то ни было кружку, а въ собственность тѣхъ, кто ихъ служитъ. 3) Нѣтъ ли такихъ доходовъ, которые не вносятся въ общія приходо-расходныя монастырскія книги и раздѣляются между тою или другою частію братіи? Сюда, напр., не относятся ли доходы проскомидные, которые, можетъ-быть, идутъ въ раздѣлъ только между іеромонахами? 4) Нѣкоторыя ошибки могли произойти и отъ небрежности, хотя и не очень извинительной, когда объясненіе пишется для читающей публики съ цѣлію опровергнуть *подобныхъ наблюдателей*; сюда, напр., относятся ошибки въ итогѣ билетной суммы и въ счетѣ процентовъ. 5) Просимъ извинить насъ, если мы скажемъ, что опущеніе и уменьшеніе цифры очень многихъ доходныхъ и расходныхъ статей всего удобнѣе могутъ быть объясняемы желаніемъ показать, что лаврскіе доходы и расходы вовсе не такъ велики, какъ говорятъ міряне и особенно *подобные наблюдатели*. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не

Digitized by Google

полагать, чтобы въ оффиціальныхъ лаврскихъ документахъ не было свѣдѣній: а) о 5.259 р. 8 к., получаемыхъ изъ государственнаго казначейства, б) доходахъ часовни при Ильинскихъ воротахъ въ Москвѣ, петербургскаго подворья, домовъ близь Бутырской заставы, отъ мельницъ и пр. и пр., или о расходахъ на ладанъ, красное вино, деревянное масло, на содержаніе братіи пищею, на дрова и пр. И если такія и имъ подобныя статьи прихода и расхода не внесены въ перечень, или находятся въ немъ въ уменьшенномъ видѣ, то чѣмъ иначе объяснить это, какъ не вышеупомянутымъ желаніемъ? Для примѣра возьмемъ 5.259 р. 8 к., выдаваемыхъ лаврѣ казною. Были ли они внесены въ отчетъ? Если не были, то въ чьихъ же рукахъ они остались? Мы никакъ не можемъ представить возможности утаить эту сумму кому бы то ни было. Если же были въ отчетѣ, то какъ они не попали въ копію? По ошибкѣ, скажете; тогда приходъ съ расходомъ и остаткомъ не сошелся бы, а мы уже видѣли, что въ остаткѣ къ 1871 г. не забыта даже и $^1/_4$ к. Точно такое же замѣчаніе нужно сдѣлать и относительно каждой изъ опущенныхъ или уменьшенныхъ статей дохода и расхода.

Разсмотрѣвши недостатки перечня, мы должны что-либо сказать на вопросъ: сколько же лавра получаетъ всего въ годъ? По нашему мнѣнію, цифра, выставленная въ № 332 «Спб. Вѣд.» 1871 г., если, можетъ-быть, и не вполнѣ вѣрна, то гораздо ближе къ истинѣ, нежели цифра лаврскихъ счетчиковъ; только просимъ помнить, что мы къ доходамъ лавры относимъ все, попадающее въ лаврскія кружки и получаемое братіей не только изъ общихъ кружекъ, но и поручно, даже въ видѣ *акциденцій*. Но мы уже видѣли, что доходы лаврской братіи не могутъ же состоять съ небольшимъ изъ 8.000 руб. и что не только при 12, но и при 50 руб. нѣтъ возможности жить и одѣваться такъ, какъ живутъ и одѣваются въ лаврѣ, да кромѣ того запасать пѣнязи про черный день и оставлять по себѣ наслѣдства чуть не въ 7.000 руб.; что для объясненія этихъ явленій нужно доходы братіи и послушниковъ возвысить за 80.000 р. Вотъ такимъ образомъ и наберется вмѣстѣ съ деньгами, стоящими въ перечнѣ, до 300.000 р. Потомъ мы тоже видѣли, что лаврскіе счетчики опускали или уменьшали такія доходныя статьи, которыя шли не въ раздѣлъ между братіей, а въ общую монастырскую кассу, и что это сдѣлано съ намѣреніемъ поуменьшить въ глазахъ мірянъ цифру доходовъ, полу-

Digitized by Google

чаемыхъ лаврою. Но уменьшеніе это не могло же ограничиваться какими-либо двумя-тремя десятками тысячъ; тутъ и 50.000 мало, потому что такая прибавка къ 214.000 монастырскаго дохода по перечню увеличивала бы его на одну четвертую только часть, и вся цифра въ 264.000 р. все еще въ половину была бы менѣе, нежели какъ напечатано въ «Спб. Вѣдомостяхъ». Итакъ, *не за чѣмъ было и приниматься* за работу изъ-за 50.000 р. Ужь если понадобилось уменьшать лаврскіе доходы, то нужно было это уменьшеніе поднять до болѣе высокой цифры. Такимъ образомъ мы будемъ не очень далеко отъ 400.000 р. Но къ лаврѣ причисляются, въ качествѣ приписныхъ, Виѳанскій и Махришскій монастыри и Гевсиманскій скитъ. Доходы Виѳанскаго монастыря, который имѣетъ отдѣльнаго настоятеля и получаетъ, какъ штатный монастырь 2-го класса, 1.289 р. 37 к., мы не причисляемъ къ лаврѣ, но доходы отъ Махришскаго монастыря и Гевсиманскаго скита, равно какъ и петербургскаго подворья непремѣнно должны причисляться къ лаврскимъ; вѣдь они съ своею, такъ-сказать, alma mater составляютъ единое и въ управленіи зависятъ отъ лавры; такъ, напр., для содержанія богадѣльни въ селѣ Островѣ постановлено выдавать ежегодное пожертвованіе изъ Гевсиманскаго скита не самимъ скитомъ, а *учрежденнымъ соборомъ* лавры. Доходы всѣхъ поименованныхъ мѣстъ, особенно скита, очень велики. Вѣдь въ него чуть не всѣ богомольцы, приходящіе въ лавру, считаютъ нужнымъ сходить, посмотрѣть тамошнія пещеры, подивиться мнимымъ подвигамъ тамошнихъ не существовавшихъ подвижниковъ, повздохнуть о суетѣ мірской и оставить свои пятаки и гроши. А присоединивъ доходы монастырей Махришскаго, Гевсиманскаго скита и петербургскаго подворья къ доходамъ лаврскимъ, мы, по всей вѣроятности, должны будемъ общій итогъ ихъ поднять до 500.000 р., если не болѣе.

Повторяемъ опять, что мы при своихъ вычисленіяхъ принимали все,—все безъ исключенія, что братія и послушники такъ или иначе, прямо или косвенно, справа или слѣва, изъ кружекъ ли или при помощи *акциденцій*—получаютъ отъ богомольцевъ, а самъ монастырь кромѣ того отъ казны, угодьевъ, домовъ, подворьевъ, кладбищъ и пр. и пр.; повторяемъ также, что мы могли ошибаться и, по всей вѣроятности, ошибались въ частностяхъ, но увѣрены, что въ общемъ итогѣ доходовъ

Digitized by Google

лавры мы ближе къ истинѣ, нежели лаврскіе *подобные* счетчики.

III. *Симоновъ монастырь* (въ Москвѣ). Высокопочтеннѣйшій о. архимандритъ Евстафій въ своей статьѣ, напечатанной въ № 96 «Соврем. Извѣстій» 1872 г., сказавши о доходахъ настоятелей 22 московскихъ монастырей, дѣлаетъ затѣмъ перечень доходовъ и расходовъ управляемаго имъ Симонова монастыря. Доходъ состоитъ: 1) изъ 1.407 р., получаемыхъ изъ государственнаго казначейства (кромѣ жалованья настоятелю и братіи), 2) 1.420 р. съ капиталовъ, 3) 3.803 р. отъ мельницъ, рыбныхъ ловель и пр., 4) 1.300 р. церковныхъ доходовъ и 5) 1.000 р. отъ кладбища; всего же 8.930 руб. — Расходъ состоитъ: изъ 1) 300 р. на церковные предметы, 2) 2.300 р. на содержаніе 50 человѣкъ братіи и рабочихъ, 3) 2.000 р. на отопленіе, 4) болѣе нежели 1.000 р. на конюшню, 5) 1.000 р. на 14 человѣкъ рабочихъ, 6) 500 руб. по взносу въ колокольный капиталъ, на виѳанскую семинарію и училища, въ страховое общество, въ думу, въ земскую управу, 7) 174 р. на неугасимыя лампады и больничную братію, 8) 340 р. на Александровскую церковь, 9) 990 р. на ремонтъ монастыря со всѣми зданіями, ему принадлежащими,—всего же 8.930 р. При всемъ уваженіи къ о. архимандриту Евстафію, мы находимъ, что этотъ перечень доходовъ и расходовъ Симонова монастыря не отличается тою полнотою, которую желательно видѣть въ документахъ подобнаго рода.

1) О. архимандритъ пишетъ, что Симоновъ монастырь получаетъ изъ казны 1.407 руб., кромѣ жалованья пастоятелю и братіи, а о цифрѣ этого жалованья не говоритъ ни слова, между тѣмъ какъ она должна простираться до 744 руб. 79 коп. По крайней мѣрѣ въ 1868 г. монастырю казна выдавала 2.151 р. 79 к.; за вычетомъ отсюда 1.407 руб. получится остатокъ въ 744 руб. 79 к., которые не вошли въ разсматриваемый нами перечень.

2) Симоновъ монастырь принадлежитъ къ не общежительнымъ монастырямъ, въ которыхъ, по словамъ самого же о. архимандрита, братія отъ монастыря довольствуется только пищею и отопленіемъ. Поэтому послушники, іеродіаконы и іеромонахи сами на свои поручные доходы покупаютъ для себя обувь, одежду, свѣчи, чай, сахаръ и пр. и пр. Но о. архимандритъ ни слова не говоритъ о поручныхъ доходахъ братіи, какъ будто бы ихъ вовсе нѣтъ; а между тѣмъ они должны быть не ма-

Digitized by Google

ленькіе. Мы сдѣлаемъ имъ скромный разсчетъ, положивъ годовой поручный доходъ послушника въ 60 р., а каждаго изъ іеродіаконовъ и іеромонаховъ и отца-назначея среднимъ числомъ изъ 180 р. Въ 1869 г. въ Симоновомъ монастырѣ находилось 8 послушниковъ и 26 человѣкъ братіи, кромѣ о. настоятеля; поэтому годовой ихъ доходъ долженъ простираться до 5.160 р.

3) Высокопочтеннѣйшій о. архимандритъ Евстафій не сказалъ о цифрѣ своихъ доходовъ по званію настоятеля монастыря. Но, по его же словамъ, настоятели самыхъ бѣдныхъ монастырей, находящихся въ Москвѣ, не получаютъ и по 1.000 р. Едва ли насъ можно будетъ обвинять въ преувеличеніи, если мы ежегодный доходъ о. архимандрита положимъ въ 1.000 р. Такимъ образомъ по тремъ разсмотрѣннымъ здѣсь статьямъ перечень доходовъ Симонова монастыря умалчиваетъ о 6.904 р. 79 коп. Присоединивъ къ нимъ 8.930 р., мы увидимъ, что доходы монастыря должны простираться до 15.834 р. 79 к.

4) Весь церковный доходъ Симонова монастыря полагается въ 1.300 руб. Въ составъ этого дохода въ Московской лаврѣ вошло 13-ть статей (№ 332-й «Спб. Вѣдом.» 1871 года). Изъ нихъ мы исключаемъ пять, именно продажу стклянокъ, картинъ, образовъ, книгъ и деревяннаго масла; итогъ прочихъ восьми статей, именно прихода свѣчнаго, образнаго, просфорнаго, прикладнаго, кошельковаго, синодичнаго, сорокаустнаго и псалтырнаго состоитъ изъ 111.752 р. Не говоримъ о томъ, что, какъ нами объяснено, перечень лаврскихъ доходовъ страдаетъ неполнотою, мы, принявъ даже эту цифру за достовѣрную, увидимъ, что церковный доходъ Симонова монастыря почти въ 86 разъ менѣе такого же дохода лавры. Даже одинъ свѣчной доходъ послѣдней въ 34 раза болѣе всѣхъ вообще церковныхъ доходовъ Симонова монастыря. Конечно, въ лаврѣ бываетъ многое множество богомольцевъ, но и въ храмѣ Симонова монастыря во время богослуженія не только въ праздничные, но и въ будничные дни стоитъ не одна монастырская братія. Кромѣ окрестныхъ жителей, сколько въ монастырь приходитъ лицъ для помина погребенныхъ на его кладбищѣ покойниковъ и для присутствія при отпѣваніи вновь погребаемыхъ? И потому осмѣливаемся думать, что доходы Симонова монастыря превышаютъ не только 8.930 р., какъ пишетъ высокопочтеннѣйшій о. архимандритъ Евстафій, но и 15.834 р. 79 к., которые мы получили, присоединивъ къ 8.930 р. доходы братіи и настоятеля,

Digitized by Google

равно опущенную часть денегъ, выдаваемыхъ казною. Но, во избѣжаніе споровъ, мы полагаемъ всѣ доходы Симонова монастыря только въ 15.000 р., включая сюда все, что онъ получаетъ отъ правительства, отъ такъ-называемыхъ угодьевъ, отъ тѣхъ приношеній или пожертвованій, которыя дѣлаются богомольцами въ кружки, на свѣчи, просфоры, въ кошелекъ, за исправленіе церковныхъ требъ, напр., отпѣваніе покойниковъ, служеніе молебновъ, панихидъ, заупокойныхъ литургій и пр., или даже просто отъ *одного*, какъ говорятъ, *усердія*, изъ уваженія къ святой обители,— все, все, что ни попадаетъ или въ общую кассу монастыря, или въ руки его братіи.

Мы выражали свое сожалѣніе о томъ, что наши святыя обители не любятъ сообщать мірянамъ свѣдѣнія о своихъ доходахъ. Но, кажется, нѣтъ повода радоваться, когда эти свѣдѣнія сообщаются лицами, высокопоставленными въ монастыряхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ мы имѣемъ перечни доходовъ и расходовъ двухъ монастырей богатѣйшаго и не бѣднаго. «Одинъ напечатанъ для исполненія обязанности» сообщить, въ предотвращеніе разныхъ недоумѣній въ читающей публикѣ, вѣрныя ей свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ монастырей; другой—въ опроверженіе толковъ «о безмѣрномъ богатствѣ монастырей въ Россіи и баснословныхъ доходахъ въ пользу лично настоятелей ихъ». Оба они имѣютъ и несходство, и сходство между собою. Перечень лаврскій хочетъ удивить множествомъ и разнообразіемъ подробностей: тутъ встрѣчаются статьи прихода или расхода въ 39.000 или въ 44.000 р., а вмѣстѣ съ ними и ничтожныя суммы въ 33 р., 25 р. и даже 8 р.; тутъ, кромѣ расходовъ чисто-церковныхъ или монастырскихъ, попадаются статьи промышленнаго и торговаго характера, въ родѣ продажи оленьихъ овчинокъ, лошадей, или въ родѣ выручки отъ проданной рассады и капусты съ огородовъ. Напротивъ, симоновскій перечень очень краткокъ: въ немъ приходныхъ статей только пять, а расходныхъ восемь; притомъ самыя низшія въ немъ цифры 300 р. и 174 руб. Но нельзя не замѣтить и сходства между обоими перечнями. Составители обоихъ упрекаютъ мірянъ въ томъ, что они говорятъ о доходахъ и богатствахъ монастырей въ преувеличенномъ видѣ. За то оба, какъ бы въ вознагражденіе за такое преувеличеніе, уменьшаютъ доходы монастырей, *елико*, какъ говорится, *возможно*, умалчиваютъ о такихъ статьяхъ, которыхъ нельзя не знать не только настоятелямъ и братіи

Digitized by Google

монастырей, но и мірянамъ. Внимательно прочитавши и разсмотрѣвши оба перечня, мы какъ-то по-неволѣ пришли къ мысли: уже въ самомъ дѣлѣ не для того ли, какъ будто бы сказалъ Талейранъ, данъ намъ даръ слова, чтобы скрывать свои мысли? И не для того ли пишутся пространные и краткіе перечни, чтобы нельзя было узнать настоящихъ цифръ дохода и расхода? Иначе чѣмъ объяснить, что хоть, напр., перечень Симонова монастыря, ограничивши доходы его 8.930-ю рубл., умалчиваетъ болѣе нежели о 6.000 р. другихъ доходовъ? Если мірянъ упрекаютъ въ томъ, что они преувеличиваютъ монастырскіе доходы и баснословятъ о нихъ, то неужели составители обоихъ перечней выказали *умѣренность* и нерасположеніе къ баснословію, уменьшая тѣ же доходы? По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ міряне и бѣлое духовенство, основывая свои сужденія о богатствахъ монастырей не на приходо-расходныхъ книгахъ, которыхъ нѣтъ въ ихъ рукахъ, а на соображеніяхъ, извлекаемыхъ изъ наблюденій надъ монастырскою жизнію, ошибаются, конечно, но все-таки гораздо ближе къ истинѣ, нежели *подобные* счетчики. Вотъ почему мы, не имѣя еще печатныхъ отчетовъ о доходахъ другихъ монастырей, все-таки коснемся нѣкоторыхъ изъ нихъ, руководствуясь соображеніями, основанными на извѣстныхъ намъ данныхъ.

IV. *Кіевская лавра.* Трудно на основаніи однихъ соображеній рѣшать, въ которой изъ лавръ огромнѣе доходы—въ Московской или Кіевской. Главное преимущество Московской состоитъ въ томъ, что она очень близка къ одной изъ столицъ, да и отъ другой не очень отдалена, и затѣмъ имѣетъ въ сосѣдствѣ много населенныхъ губерній; такимъ образомъ въ нее могутъ являться, въ качествѣ богомольцевъ, много богатыхъ столичныхъ жителей и еще большее число бѣдныхъ, но благочестивыхъ и тароватыхъ людей изъ окрестныхъ губерній. Можетъ-быть, бѣдныхъ богомольцевъ болѣе бываетъ въ Московской, нежели въ Кіевской лаврѣ. Но за то послѣдняя привлекаетъ къ себѣ большее число богатыхъ людей не только со всѣхъ концовъ Россіи, но и изъ славянскихъ областей, принадлежащихъ Австріи и Турціи. А это при обычаяхъ, соблюдаемыхъ въ лаврѣ, много увеличиваетъ ея доходы. Мы уже говорили, что одно посѣщеніе пещеръ, требующее отъ каждаго богомольца покупки восковой свѣчи, даетъ много свѣчнаго дохода, сдѣлавшагося извѣстнымъ Московской лаврѣ только при помощѣ Гевсиманскаго скита. Затѣмъ, ко-

Digitized by Google

нечно, и въ послѣдней много разставлено кружекъ и тарелокъ для собиранія копѣекъ, грошей и пр. отъ богомольцевъ, но въ Кіевской гораздо болѣе мѣстъ, гдѣ можно ставить тѣ и другія; а ни одна кружка или тарелка не остаются пустыми. Но, независимо отъ этого, у Кіевской лавры есть еще другія благопріятныя доходамъ обстоятельства: 1) Московская лавра нужный для восковыхъ свѣчъ воскъ покупаетъ у торговцевъ, тогда какъ Кіевская имѣетъ свои пчельники, которые доставляютъ ей не только воскъ, но и медъ; 2) избытки ли своего собственнаго воска, или возможность дешево пріобрѣтать его позволяютъ Кіевской лаврѣ заниматься продажею восковыхъ своихъ свѣчъ не только въ стѣнахъ монастыря, но и внѣ ихъ—въ трехъ лавкахъ, чего не дѣлаетъ Московская; 3) типографія, какъ мы выше сказали, приноситъ Кіевской лаврѣ богатые доходы,—можетъ-быть, не одинъ десятокъ тысячъ рублей, тогда какъ въ Московской нѣтъ ни одного даже небольшаго печатнаго станка. Самыя фотографія и литографія кіевскія лучше московскихъ. Всѣ эти и другія обстоятельства даютъ право думать, что Кіевская лавра по доходамъ своимъ если не беретъ верхъ надъ Московскою, то развѣ немного ей уступаетъ. За это ручается также внѣшній видъ не только самихъ монастырей, но и братіи ихъ. Если дѣлать сравненіе обѣихъ лавръ другъ съ другомъ по многочисленности, обширности и красотѣ ихъ зданій, то Московская можетъ назваться хорошимъ уѣзднымъ, а Кіевская богатымъ губернскимъ городомъ. Что же касается до братіи, то она, конечно, и въ Московской лаврѣ не страдаетъ отъ изнуренія, но братія Кіевской, по своему дородству и полнотѣлію, уже издавна слыветъ *притчею во языцѣхъ* на святой Руси. А по дородству и полнотѣлію всегда можно безошибочно заключать къ богатству, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ классахъ общества.

V. *Александроневская лавра*. Она, не будучи посѣщаема сотнями тысячъ богомольцевъ, стекающихся со всѣхъ концовъ Россіи въ Кіевскую и Московскую, не можетъ соперничать съ ними по своимъ, такъ-сказать, *богомольческимъ* доходамъ, но тоже считаетъ всѣ вообще свои доходы сотнями тысячъ. Припомните, что она отъ 40 своихъ каменныхъ лабазовъ, 70 нумеровъ и деревянныхъ амбаровъ на правой сторонѣ Невы получаетъ до 130.000 руб. Потомъ доходы ея съ 30 петербургскихъ домовъ и огородовъ, конечно, менѣе, нежели съ предыдущей статьи, но не на половину же. Припомните, что 10 домовъ стоятъ на боевыхъ мѣ-

Digitized by Google

стахъ и нѣкоторые изъ нихъ очень огромны, и доходы со многихъ изъ нихъ, можетъ-быть, простираются до 10 тысячъ рублей. И потому будетъ очень скромный разсчетъ, если положимъ, что всѣ 30 домовъ и огородовъ доставляютъ 70—80 тысячъ рублей. Вотъ вамъ 200.000 руб. Ну, а если справедливо приведенное въ VII главѣ извѣстіе, что и нынѣ лавра еще имѣетъ доходъ съ хлѣбной пристани, котораго не захотѣла уступить городской думѣ за милліонъ рублей, то всѣ мірскіе доходы монастыря поднимутся повыше 250.000 рублей. Но и безъ этой прибавки могилы на кладбищахъ, отпѣваніе покойниковъ-богачей большими, средними и малыми соборами, поминовеніе ихъ какъ временное, такъ и вѣчное, доходы отъ разныхъ угодьевъ, особенно отъ мѣстъ для рыбной ловли на Ладожскомъ озерѣ, наконецъ, собственно церковные доходы: свѣчные, кошельковые, кружечные, молебные, просномидные—неужели могутъ быть менѣе 100.000 рублей? Вѣдь при помощи этихъ доходовъ и отчасти домовыхъ лавра прежде успѣла нажить тотъ громадный капиталъ, на который она построила два огромныхъ дома въ своей киновіи и свои хлѣбные лабазы, по крайней мѣрѣ первые два десятка ихъ, а также еще прежде, кажется, въ 1843 г. великолѣпнѣйшимъ образомъ отдѣлала митрополичьи комнаты. И потому не въ правѣ ли мы думать, что доходы и Александроневской лавры считаются сотнями тысячъ и простираются, по всей вѣроятности, далеко за 300.000 р.

VI. *Юрьевъ новгородскій монастырь*, въ которомъ почиваютъ мощи Ѳеоктиста, новгородскаго чудотворца. Но главнымъ образомъ монастырь обогащенъ былъ графинею Орловой, которая истратила на него баснословныя суммы. Лѣтъ за 30—40 насмѣшники надъ новгородцами говорили, что весь Новгородъ не стоитъ Волховскаго моста и *Фотіевой шапки* (т. е. митры Фотія, тогдашняго настоятеля монастыря); послѣдняя по своей цѣнѣ дѣйствительно едва ли не была первою въ Россіи. Но разумѣется, что не одна митра составляла богатство монастыря; покойная графиня не жалѣла своихъ денегъ на облаченія, сосуды, кресты, лампады, подсвѣчники, иконы и пр.; всѣ эти драгоцѣнныя и цѣнныя вещи стоили милліоновъ рублей. Но, не имѣя подробнаго ихъ описанія, мы не можемъ указывать на каждую изъ нихъ отдѣльно. Скажемъ только о денежныхъ доходахъ монастыря. Они состоятъ: 1) изъ процентовъ съ капитала въ 740.821 руб. (№ 23 «Дня» 1865 г.); нынѣ, по всей вѣроятности, онъ уже увеличился, но и при этой цифрѣ доставитъ ежегодныхъ процентовъ немного

Digitized by Google

менѣе 40.000 р., полагая по 5% на сто руб., и 2) изъ 3.064 руб., достающихся ему отъ казны. Кромѣ этого монастырь очень много получаетъ отъ посѣщающихъ его богомольцевъ, которыхъ число, какъ мы видѣли въ VI главѣ, только весною и осенью простирается до 24—30 тысячъ человѣкъ. И потому справедливо полагаютъ весь ежегодный доходъ монастыря не менѣе какъ въ 70 тысячъ рублей.

VII. *Соловецкій монастырь*. Диксонъ въ своей «Свободной Россіи» говоритъ, что доходы этого монастыря простираются до 40.000 руб. Но умному путешественнику едва ли удалось въ этомъ случаѣ узнать настоящую цифру. Развѣ можно допустить, чтобы доходы Соловецкаго монастыря уступали доходамъ Угрѣшскаго на 13.000 р.? А вотъ кстати послушаемъ, что г. Максимовъ въ книгѣ *Годъ на сѣверѣ* (стр. 115) пишетъ: «при легкомъ взглядѣ, монастырь поражаетъ необычайнымъ богатствомъ. Не заглядывая въ его сундуки, которыя, говорятъ, ломятся отъ избытка серебра, золота, жемчуговъ и другихъ драгоцѣнностей, легко видѣть, что сверхъ годичнаго расхода на братію у него остается еще огромный излишекъ, который пускается въ ростъ на проценты. При мнѣ высыпали изъ кружки богомольческихъ подаяній, скопившихся въ полтора почти мѣсяца, до 25.000 руб. асс., но нынѣшній годъ, говорили, одинъ изъ самыхъ *неурожайныхъ, въ урожайные же годы* вынимаютъ до 95.000 р. асс.; эту сумму монахи считаютъ среднею». Если навигація, а вмѣстѣ съ нею и приливъ богомольцевъ продолжаются только четыре мѣсяца въ годъ, то и тогда, полагая среднюю цифру доходовъ на $1^1/_2$ мѣсяца въ 95.000 руб. асс., мы за все время навигаціи получимъ 237.500 руб. асс., слишкомъ 67.000 руб. сереб. Притомъ мы никакъ не думаемъ, чтобы кружка, о которой говоритъ г. Максимовъ, совмѣщала всѣ доходы отъ богомольцевъ. Вѣдь доходы отъ нихъ очень разнообразны: кошельковые, свѣчные, просфорные, проскомидные, молебные, отъ продажи картинъ, четокъ, образовъ и проч., отъ платы, конечно, добровольной за гостиницу, отъ взносовъ на вѣчное поминовеніе и пр. и пр. Неужели всѣ они, такъ сказать, *сваливаются* полтора мѣсяца въ одну кружку? Потомъ, какъ угодно, нельзя же думать, чтобъ у святой обители не было капиталовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ; да и г. Максимовъ говоритъ объ огромныхъ ежегодныхъ остаткахъ, пускаемыхъ въ ростъ на проценты. Наконецъ, соловецкіе монахи трудами своихъ рукъ доставляютъ монастырю

Digitized by Google

тоже десятки тысячъ рублей; ихъ нельзя уже упрекнуть въ праздности. Послушаемъ, какъ о нихъ отзывается Диксонъ: «Ни одинъ монахъ не ведетъ праздной жизни въ этомъ святомъ мѣстѣ. Не только простые монахи, но даже іеромонахи приготовляютъ вещи, которыя могутъ быть полезными въ церкви, трапезѣ, кельѣ. Нѣкоторые изготовляютъ для продажи мірянамъ хлѣбъ, одежду, чотки и ложки. И внѣ и внутри монастырскихъ стѣнъ находится множество мастерскихъ, въ которыхъ работаютъ съ ранняго утра до поздняго вечера... Монахи приготовляютъ шапки и пояса изъ тюленьихъ шкуръ, рисуютъ масляными красками, занимаются разною работою изъ дерева, сушатъ и выдѣлываютъ кожи, вяжутъ шерстяные чулки и исподнее платье, выковываютъ желѣзные дротики, сучатъ нитки и прядутъ, полируютъ камни, приготовляютъ башмаки и войлочные штиблеты, отливаютъ оловянныя тарелки, сушатъ плоды, рубятъ деревья, вырѣзываютъ бумажные цвѣты, дѣлаютъ телѣги, сани и кирпичи, плетутъ карзины изъ древесной коры, разбиваютъ и обтесываютъ булыжникъ, раскрашиваютъ суповыя ложки, составляютъ рисунки запрестольныхъ образовъ, церквей и монастырей, очищаютъ воскъ, вьютъ канаты и веревки, куютъ якори... Многіе монахи занимаются земледѣліемъ, разводятъ картофель, косятъ сѣно, приготовляютъ масло и сыръ и пр. и пр.» Притомъ, добавляетъ Диксонъ: «все, что монахи ни дѣлаютъ, дѣлаютъ отлично. Нигдѣ не пекутъ такого бѣлаго хлѣба, не варятъ такого вкуснаго квасу, какъ въ Соловецкомъ монастырѣ. На первый разъ все кажется сновидѣніемъ; едва вѣришь себѣ, чтобы такія вещи приготовлялись корпораціей монаховъ на уединенномъ островѣ, которому въ теченіи осьми мѣсяцевъ мятели и льды не позволяютъ имѣть сношеній съ внѣшнимъ міромъ» (I т., стр. 138—140).

Отзывъ Диксона о соловецкихъ монахахъ не напоминаетъ ли приведенныхъ нами въ началѣ нашей статьи словъ Неандера о старинныхъ египетскихъ монахахъ? Если можно было удивляться ихъ трудолюбію, то нашимъ отшельникамъ еще болѣе надобно удивляться; египетскіе занимались почти однимъ только земледѣліемъ, а наши чего не дѣлаютъ? Мы еще забыли сказать, что они сами построили даже пароходъ. Очевидно, что эти трудолюбивые и благочестивые люди своими трудами не только могутъ содержать себя, но и доставляютъ монастырю доходъ. И потому какъ же можно полагать, чтобы весь доходъ монастыря и отъ бо-

Digitized by Google

гомольцевъ, и отъ капиталовъ, и отъ трудовъ братіи состоялъ только изъ какихъ-либо 40.000 рублей?

VIII. *Перервинскій монастырь*. О его доходахъ и капиталахъ мы уже говорили, когда (въ IX и X главахъ) шла рѣчь о часовнѣ Иверской Божіей Матери у Воскресенскихъ воротъ въ Москвѣ и о такъ-называемыхъ енархіальныхъ суммахъ московской каѳедры. Но сказанное нами тамъ мы считаемъ нужнымъ пополнить нѣкоторыми новыми свѣдѣніями, объясненіями и соображеніями. Высокопреподобнѣйшій отецъ-архимандритъ Антоній, намѣстникъ Московской лавры, послѣ перечня лаврскихъ доходовъ говоритъ также о доходахъ Иверской часовни, но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія, имъ сообщенныя, не отличаются полнотою. Не будучи, впрочемъ, настоятелемъ монастыря, онъ и не могъ знать его доходовъ и расходовъ и въ своей статьѣ помѣстилъ только то, что ему было сообщено другими. Прежде всего въ перечнѣ расходовъ этой часовни нѣтъ 100.000 руб., которые даны въ 1870 г. изъ ея доходовъ Угрѣшскому монастырю. О расходѣ или долгѣ въ 100.000 руб. забываютъ сказать, только говоря о бюджетѣ какого-либо милліонера, для котораго сто тысячъ—ничтожная сумма, или по неосмотрительности, недогадливости тѣмъ болѣе не извинительной, что перечень доходовъ и расходовъ составлялся въ опровержеиіе печатныхъ извѣстій; тутъ надобно избѣгать всякихъ недоразумѣній, которыя могутъ заставить сомнѣваться въ достовѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній. Далѣе, о. архимандритъ, сказавши о доходахъ часовни, прибавилъ въ скобкахъ слова: *кромѣ братскихъ*, не опредѣляя ихъ цифры. Между тѣмъ мы уже говорили, что братскіе доходы должны быть очень значительны и, по мнѣнію духовныхъ московскихъ, едва ли не болѣе оффиціальныхъ часовенныхъ. И теперь поговариваютъ объ одномъ отцѣ-казначеѣ, который не очень давно, состоя при Иверской часовнѣ, умѣлъ въ нѣсколько лѣтъ нажить громадный капиталъ. Потомъ мы, собирая свѣдѣнія, не отъ одного человѣка узнавали, что покойный митрополитъ Филаретъ любилъ очень часто перемѣнять братію и послушниковъ при часовнѣ. Этимъ онъ думалъ предотвратить накопленіе большихъ денегъ въ рукахъ немногихъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Нельзя также не вспомнить про тотъ слухъ, что еще во время счета денегъ на ассигнаціи послушники, состоявшіе при Иверской часовнѣ, заказывали въ одномъ изъ знаменитыхъ московскихъ трактировъ уху, которая обходилась по 60 р. ассиг. съ

Digitized by Google

человѣка. Какъ угодно, а братскіе доходы, поставленные въ скобки о. архимандритомъ, должны быть очень крупными. Затѣмъ въ октябрѣ 1871 г., бесѣдуя съ однимъ изъ духовныхъ московскихъ лицъ, которое пріобрѣло и заслуживаетъ общее уваженіе своимъ умомъ, честностію и дѣятельностію,—бесѣдуя о доходахъ Иверской часовни, мы узнали отъ него, что покойный митрополитъ Филаретъ бралъ изъ нихъ ежегодно по 12.000 рублей на содержаніе своей свиты и, кромѣ того, по мѣрѣ надобности, на тѣ оффиціальные богатые обѣды, которые ему приходилось устраивать у себя по какимъ-либо особеннымъ случаямъ, напр., при хиротоніи новыхъ епископовъ. Потомъ, при вычисленіи всѣхъ доходовъ Перервинскаго монастыря, не слѣдуетъ забывать, что ихъ есть не малое количество отъ угодьевъ, приношеній богомольцевъ, продажи свѣчъ и пр. Наконецъ, отецъ-архимандритъ Антоній очень не подробно упомянулъ о капиталахъ монастыря, сказавши, что «изъ прежде сбереженныхъ суммъ, сверхъ разныхъ пожертвованій на разные предметы, выдано на богадѣльню въ с. Островѣ 100.000 рублей», какъ мы уже и говорили. Эти сбереженныя суммы должны быть не маленькія, а если онѣ и истрачиваются на разныя пожертвованія по разнымъ предметамъ, то жертвователи могутъ надѣяться пополнить ихъ. Не угодно ли послушать, на чемъ мы основываемъ свое мнѣніе? Самъ о. архимандритъ, сказавши, что изъ десятилѣтняго дохода Иверской часовни въ 597.106 р. 48 к. истрачено на духовно-учебныя заведенія 369.696 р. 54 к., ничего не говоритъ объ остаткѣ въ 227.409 р. 94 к., между тѣмъ среднимъ числомъ на каждый годъ его приходится по 22.740 р. 99 к. На братію, кажется, этотъ остатокъ тратить нѣтъ нужды; она можетъ довольствоваться *братскими* доходами отъ часовни, доходами въ монастырѣ, отъ угодьевъ и пр.; расходы на перервинское духовное училище, вѣроятно, включены въ общій расходъ на духовно-учебныя заведенія; расходы на разныя пожертвованія взяты, по словамъ о. архимандрита, изъ суммъ, прежде сбереженныхъ. Такимъ образомъ, впредь до дальнѣйшаго разъясненія, мы имѣемъ право думать, что если не всѣ 227.409 р. 94 коп., то значительная часть ихъ присоединена къ капиталамъ монастыря. Но въ прежнія десятилѣтія не было такихъ расходовъ на духовно-учебныя заведенія, какъ въ послѣднее. Придерживаясь даже нашего разсчета, въ послѣднія шесть лѣтъ на этотъ предметъ изъ монастырскихъ суммъ

Digitized by Google

употреблено 215.463 р. 60 к. Но вѣдь никакъ нельзя сказать, чтобы въ предшествовавшія этимъ шесть лѣтъ доходы были менѣе, нежели нынѣ; напротивъ, всѣ почти монастыри жалуются, что теперь благочестіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приношенія въ святыя обители оскудѣли, и потому не имѣемъ ли права, впредь до дальнѣйшихъ разъясненій, думать, что въ каждое изъ шестилѣтій, предшествовавшихъ 1865 году, бывали въ Перервинскомъ монастырѣ остатки въ 215.463 р., если только не истрачивались на что-нибудь намъ неизвѣстное. Что̀ если мы возьмемъ нѣсколько шестилѣтій въ пятидесятыхъ, сороковыхъ, тридцатыхъ и т. д. годахъ, положивъ даже, что доходы въ то время были менѣе, нежели нынѣ? И тогда накопленіе капиталовъ въ монастырѣ должно было рости и рости. Но мы брали 215.463 р. по нашему счету; а если взять разсчетъ о. архимандрита въ 369.696 р. 54 к., даже уменьшивъ его на порядочную цифру для перервинскаго духовнаго училища, то остатки должны были быть еще болѣе, нежели по нашему счету. Итакъ, нужно предполагать, что въ Перервинскомъ монастырѣ есть еще большія сбереженныя деньги (если только онѣ въ недавнее время не истратились на какіе-либо расходы, о которыхъ о. архимандритъ не говоритъ); а нынѣ мертвые капиталы не въ модѣ даже въ монастыряхъ,—и здѣсь деньги любятъ отдавать въ ростъ, отъ чего является новый доходъ для монастыря. На основаніи всѣхъ высказанныхъ здѣсь замѣчаній мы осмѣливаемся думать, что всѣ доходы Перервинскаго монастыря вмѣстѣ съ доходами отъ Иверской часовни и съ общемонастырскими и братскими гораздо болѣе тѣхъ 59.710 р., которые о. архимандритъ разсчитываетъ на каждый годъ. Право, грѣха не будетъ, если ихъ, какъ молва давно говоритъ, считать выше 100.000 руб., и даже много выше.

IX. *Николаевскій Радовицкій монастырь* по своимъ доходамъ не можетъ считаться богатѣйшимъ монастыремъ въ Россіи. Но, говоря здѣсь о немъ, мы желали показать г. читателю, какъ и малоизвѣстные монастыри наживали въ недавнія времена большіе капиталы, да и теперь еще далеки отъ оскудѣнія. Разсказъ свой объ этомъ монастырѣ мы начнемъ съ событія, случившагося почти за сто лѣтъ тому назадъ. Въ 1778 году поступилъ въ Рязань архіереемъ Симонъ, человѣкъ замѣчательный по своей учености, въ тогдашнемъ теологико-философскомъ смыслѣ, и по благочестивой жизни, которую можно брать за обра-

Digitized by Google

зецъ во всѣ времена. Въ началѣ сентября 1778 г. онъ отправился въ Радовицкій монастырь. Не станемъ много говорить о томъ, что онъ нашелъ братію въ самомъ распущенномъ положеніи: пьянство было ужасное; настоятель и казначей, поклонившись новому владыкѣ, не могли приподняться съ пола. И дѣйствительно, было на что погулять. Преосвященный велѣлъ показать ему монастырское казнохранилище. Его, между прочимъ, привели въ какой-то чуланъ, гдѣ стояли кадки съ мѣдною монетою, лежали мѣшки съ тѣмъ же и проч. На вопросъ его: сколько тутъ денегъ? ему отвѣчали: «не знаемъ; мы беремъ по мѣрѣ надобности». Пробывши въ монастырѣ четыре дня, распросивши самъ, а также и разузнавши чрезъ свою походную контору о состояніи его, Симонъ возвратился въ Рязань и въ своемъ предложеніи рязанской консисторіи отъ 17 сентября 1778 г., между прочимъ, писалъ, что въ монастырѣ много уже лѣтъ нигдѣ не записывается приходъ церковной суммы, нѣтъ «порядочной записи и точнаго счета деньгамъ», что настоятель монастыря архимандритъ (Викентій) «съ нѣкоторою братіей издерживаютъ и болѣе гораздо тысячи рублей на свои потребы изъ церковной суммы, будучи сами снабжены штатнымъ жалованьемъ и не скуднымъ доходомъ», и пр. и пр. и пр. Вслѣдствіе этого, послана была изъ Рязани коммиссія, состоявшая изъ архимандрита, іеромонаха, священника и канцелярскаго чиновника, чтобы сосчитать монастырскія доньги, описать монастырское имѣніе, и пр. и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ именемъ преосвященнаго было объявлено архимандриту и казначею, чтобъ они изъ монастыря никуда не выѣзжали безъ дозволенія владыки и собираемую церковную сумму «записывали порядочно и хранили осторожнѣе, дабы за нерадивое въ томъ поступленіе не подпали тягчайшему истязанію». Но почтенный о. архимандритъ съ братіей не хотѣлъ разстаться съ усвоеными привычками или, по крайней мѣрѣ, скоро возвратился къ нимъ. Преосвященный въ предложеніи своемъ (8-го октября 1780 г.) консисторіи пишетъ: «какъ непрестанно почти слухъ нашъ наполняется отъ бывающихъ въ Николаевскомъ-Радовицкомъ монастырѣ богомольцевъ, что *братія онаго монастыря весьма неисправны въ своей должности по причинѣ ихъ нетрезвости*, и потому остановка бываетъ въ служеніи молебновъ; и около-де кружки церковной великое нерадѣніе примѣчается, такъ что наполненною видится чрезъ не малое время, однако же не высыпается, и можетъ-де

Digitized by Google

быть, что сверху прибавочное утаеваемо бываетъ» и пр. Владыка предписалъ немедленно отправить туда крестоваго іеромонаха Павла, которому предписывалось, чтобъ онъ «по силѣ своей и службу церковную отправлялъ, и кружекъ смотрѣлъ вѣрно, и высыпку дѣлать старался и надъ казною церковною особое наблюдательство имѣлъ, съ кѣмъ подлежитъ».

Мы не безъ цѣли такъ долго останавливались на описаніи экономической и иноческой дѣятельности братіи Радовицкаго монастыря при о. архимандритѣ Викентіи. Такъ какъ онъ управлялъ монастыремъ около 20 лѣтъ (1762—1780 г.), то слѣдовало бы, повидимому, ожидать, что при немъ трудно было монастырю наживать много лишнихъ денегъ. Такое предположеніе должно казаться тѣмъ справедливѣе, что при о. Викентіи въ теченіе 10-ти съ небольшимъ лѣтъ (1770—1780 г.) въ монастырѣ производились цѣнныя работы: устроенъ новый иконостасъ въ храмѣ Рождества Богородицы, возобновленъ придѣлъ св. Іоанна Предтечи, покрыты главы на тепломъ соборѣ бѣлымъ желѣзомъ, а кресты даже вызолочены и пр. Между тѣмъ еще въ первое посѣщеніе монастыря преосвященнымъ Симономъ оказалось тамъ очень много денегъ. Это видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Владыка посланной въ монастырь коммиссіи праказалъ отыскать «надежнѣйшее мѣсто» для казнохранилища и затѣмъ, снявъ печати, приложенныя имъ къ чулану и сундуку, гдѣ онъ видѣлъ деньги, «приступить къ счету мѣшковъ и самой денежной суммы». А чтобы, вѣроятно, не было толковъ о богатствѣ монастырскомъ, коммиссія получила приказъ «въ такое время счетъ и переносъ дѣлать, въ кое бы время постороннимъ людямъ и въ монастырѣ быть не слѣдовало,—и монастырь былъ бы запертъ». Денегъ оказалось такъ много, что владыка писалъ архимандриту Викентію: «усмотрѣли мы за благопотребное возобновить въ церкви св. Николая иконостасъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и паче, гдѣ старая колокольня еще стоитъ, церковный верхъ перестроить и колокольню оную сломить; такожъ внутри церкви окна поправить въ лучшую мѣру и ее самую штукомъ покрыть и въ приличныхъ мѣстахъ клейма хорошимъ мастерствомъ сдѣлать, и ризничную палату устроить, и братскія келліи каменныя создать, и все по монастырю нужное строеніе привести въ лучшій видъ, а худое и непотребное сломать, и ежели возможно будетъ по жидкости мѣста, то, конечно, нигдѣ деревяннаго строенія не оставлять, а стараться каменное завести». Приказаніе

Digitized by Google

владыки было, разумѣется, исполнено, хотя и не вдругъ; работы продолжались до 1800 г. О громадности издержекъ на все это можно судить по отзыву нынѣшняго намѣстника Радовицкаго монастыря, напечатанному въ № 13 «Рязанск. Епарх. Вѣд.» 1870 г., стр. 320. Сказавши только о постройкѣ двухъ-этажнаго дома для братскихъ келлій, а также намѣстническихъ келлій, ледниковъ, бани, кузницы, скотнаго двора, житницы и двухъ пекарней, онъ продолжаетъ: «Если принять во вниманіе то, что всѣ эти зданія (каменныя, со сводами, покрытыя желѣзомъ по желѣзнымъ стропиламъ), по жидкости почвы, основаны на сваяхъ; что для устроенія ихъ кирпичъ привозимъ былъ изъ-за 30 верстъ, бѣлый камень получаемъ былъ за 150, а желѣзо за 120 верстъ отъ монастыря»,—то *невольно скажешь: какихъ стоили трудовъ и издержекъ эти зданія!* Въ настоящее время, по нынѣшнимъ цѣнамъ на строительные матеріалы, на устроеніе этихъ зданій потребовалось бы не менѣе двухъ сотъ тысячъ рублей. Но и въ то время на это потребовалось до 100 тысячъ руб. асс.

Но у монастыря, кромѣ домашнихъ, внутреннихъ расходовъ были еще, такъ-сказать, внѣшніе—на консисторію, другіе монастыри, каѳедральный соборъ, архіерейскій домъ, семинарію и проч. Въ былыя, конечно, ужь не нынѣшнія, времена члены консисторіи, ея секретарь и другіе чиновники пріѣзжали въ Радовицкій монастырь запросто, безъ дѣла, для того только, чтобы тамъ въ сладость пожить и *поживиться малую-толику*. Ихъ угощали *елико возможно*, одаривали деньгами, давали имъ подводы до Рязани; еще и теперь, какъ слышно, цѣлы записки того, сколько на этихъ *милыхъ-немилыхъ* гостей истрачивалось водки и прочаго *съѣдомаго и піемаго*. Этотъ расходъ былъ, впрочемъ, не слишкомъ важенъ и обременителенъ для монастыря; по крайней мѣрѣ, валовая цифра его намъ не извѣстна. Для другихъ же расходовъ мы имѣемъ цифры.

Еще «въ 1780 г. Николае-Радовицкій монастырь, какъ пишетъ нынѣшній его намѣстникъ въ № 14 «Рязан. Епарх. Вѣдом.» 1870 г., зная скудное состояніе нѣкоторыхъ оставленныхъ за штатомъ монастырей въ Рязанской епархіи, заявилъ свое желаніе оказывать имъ свое вспомоществованіе, впредь до улучшенія ихъ состоянія». Такимъ образомъ въ 13 лѣтъ выдано было на пять монастырей *4.800 руб. асс.*

На каѳедральный соборъ пожертвовано монастыремъ: а) 5.500

Digitized by Google

руб. въ 1780 и 1781 гг. на произведеніе починокъ, б) 1.129 р. 35 к. въ 1787 г. на исправленіе ветхостей, в) 5.513 р. на соборную колокольню въ 1797—1798 г. и г) 20.220 р. на исправленіе собора; всего *32.362 р. 35 к. асс.*

При архимандритѣ Викентіи введено было въ обыкновеніе, чтобы настоятели Радовицкаго монастыря являлись въ извѣстные дни въ Рязань для сослуженія съ архіереемъ. Это почетное приглашеніе сопровождалось не однѣми издержками на проѣздъ взадъ и впередъ, но и другими расходцами. Есть преданіе, что настоятель, отправляясь въ Рязань къ назначенному сроку, бралъ съ собою въ подарокъ архіерейскому дому разныя вина, даже шампанское, и пр. Очевидно, что и эти путешествія обходились не дешево, потому что, напримѣръ, архимандритъ Викентій въ 1766 г. долженъ былъ 12-ть разъ съѣздить въ Рязань для сослуженія съ архіереемъ. Но, независимо отъ этого, монастырь дѣлалъ и денежныя приношенія архіерейскому дому. Такъ, напр., пожертвовано въ 1809 г. 2.000 р. на исправленіе ветхостей по архіерейскому дому. Кромѣ того съ 1808 по 1830 г. выдавалось изъ монастыря ежегодно по 300 руб. на содержаніе малыхъ пѣвчихъ архіерейскаго хора,—всего въ 22 года 6.600 р., а вмѣстѣ съ упомянутыми двумя тысячами *8.600 руб. асс.*

Съ того же 1808 г. и по 1830 г. отпускалось ежегодно по 150 р. на бѣдныхъ учениковъ; всего въ 22 года 3.300 р. Затѣмъ въ 1811—1813 гг. пожертвовано на построеніе новаго семинарскаго дома 44.550 р.; слѣдовательно, всего на семинарію употреблено *47.850 руб. асс.*

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ здѣсь, у монастыря было еще взято *25.683 руб. 60 коп. асс.* на исправленіе консисторскаго дома, на удовлетвореніе купца Рюмина за поставленныя имъ свѣчи въ разныя церкви, на устроеніе богадѣльни и больницы и на нужды отечества въ отечественную и крымскую войны. Такимъ образомъ всѣхъ внѣшнихъ расходовъ набирается до *119.295 р. 95 к. асс.*

При всѣхъ своихъ внѣшнихъ расходахъ, Радовицкій монастырь сдѣлалъ въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣсколько капитальныхъ построекъ. Въ 1828 г. выстроилъ три гостиницы, стоившія *12.882* р. и, главное, огромный соборъ, постройка котораго (съ 1816 по 1837 г.) обошлась въ *175.000* руб. асс.

Но мы говорили только о тѣхъ деньгахъ, которыя истрачены

Digitized by Google

были на внѣшніе и домашніе расходы изъ церковной монастырской суммы. Между тѣмъ поручные доходы братіи и настоятеля, доходы и расходы на содержаніе ихъ пищею шли своимъ чередомъ и, по всей вѣроятности, если не были такъ велики, какъ церковные, то все-таки составляли очень большую сумму, такъ что лѣтъ 30-ть тому назадъ настоятель получалъ ежегодно до 3.000 р. сер. на свою особу поручнаго дохода. Такая, такъ-сказать, доходность была причиною того, что рязанскій архіепископъ Гавріилъ Городковъ выпросилъ у св. Синода себѣ и своимъ преемникамъ настоятельство надъ монастыремъ. Онъ и его преемникъ получали ежегодно по 3—2 тысячи рублей сер., но потомъ доходы стали уменьшаться; нынѣ, по слухамъ, настоятелю достается будто бы не болѣе 1.000 руб. сер. Но, несмотря на такое, повидимому, оскудѣніе, несмотря даже на нѣкоторые непредвидѣнные расходы, монастырь въ послѣдніе уже годы почти совсѣмъ заново перестроилъ зимній свой соборъ. Что ни говорите, а у монастыря были и есть большія денежныя средства; чудотворная икона Святителя Николая привлекала, привлекаетъ и будетъ долго привлекать въ него благочестивыхъ богомольцевъ съ ихъ приношеніями.

Digitized by Google

ПѢСНЯ ФРАНЦУЗСКИХЪ РАБОТНИКОВЪ.

(Изъ Дюпона).

Мы, чьи огни до зари зажигаются,
Только лишь крикнетъ пѣтухъ въ ночь безсонную,
Чьи истомленныя спины сгибаются
Предъ наковальней, въ огнѣ раскаленною;
Мы, у которыхъ работа гнетущая
Съ дѣтства замучила живость природную,
А впереди посулило грядущее
Холодъ, недуги, да старость голодную,—

Братья! добытый тяжелымъ трудомъ
Весь заработокъ, все наше богатство
Вмѣстѣ пропьемъ,
Вмѣстѣ пропьемъ—за свободу и братство!

*
* *

Доля работника—чѣмъ не счастливая?!
Въ грубыхъ рукахъ его—перлы да золото;
Онъ снаряжаетъ все барство спѣсивое
Силою мышцъ да желѣзнаго молота.
Выхолитъ въ полѣ онъ рожь золотистую,
Пóтомъ его вся земля обливается....
Добрыя овцы! ихъ шкурой волнистою
Сытая праздность вездѣ одѣвается.

*
* *

Трудъ завѣщалъ намъ тоску безысходную,
Чахлыя груди да слезы горючія;
Словно какъ мàшину, въ дѣлѣ негодную,
Терпятъ всѣхъ насъ лишь до перваго случая.

Digitized by Google

Нашей рукой чудеса совершаются,
Словно у пчелъ—наша участь суровая:
Пчелы снесутъ только дани медовыя
И, безпріютныя, вновь разлетаются....

*
* *

Дѣти вельможъ, худосочныя, блѣдныя,
Женъ нашихъ грудью здоровой питаются;
Если же выростутъ лбы эти мѣдные,—
Съ краской стыда съ ними послѣ встрѣчаются.
Насъ стерегутъ всюду—наглость безчестная,
Брань да пинки отъ любаго привратника;
У дочерей нашихъ.... доля извѣстная—
Доля наложницъ въ хоромахъ развратника.

*
* *

Въ темныхъ подвалахъ, полуобнаженные,
Гдѣ лишь лохмотья намъ служатъ обновами,
Тянемъ мы жизнь, даже солнца лишенные,
Словно родились ворами иль сòвами.
Словно въ насъ кровь не играетъ кипучая,
Словно туда наше сердце не просится,
Гдѣ разрастаются рощи дремучія,
Гдѣ благовонное лѣто проносится....

*
* *

Много ужь лѣтъ наша кровь проливалася
Лишь по шальному капризу тиранами;
Но еще силы довольно осталося
Въ тѣлѣ, измученномъ тайными ранами.
Будемъ же силу беречь мы могучую,
Сладкой надеждой пусть сердце согрѣется:
Солнце свободы—за черною тучею,
Вѣтеръ подуетъ—и туча разсѣется....

*
* *

Братья! добытый тяжелымъ трудомъ
Весь заработокъ, все наше богатство
Вмѣстѣ пропьемъ,
Вмѣстѣ пропьемъ—за свободу и братство!

Digitized by Google

О СТАРОМЪ и НОВОМЪ ПУТЯХЪ

ВЪ СРЕДНЮЮ АЗІЮ *).

(По поводу брошюръ «Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ»).

I.

Вопросъ о путяхъ къ средне-азіатскимъ рынкамъ, поднятый недавно въ собраніи «Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», разрѣшился изданіемъ брошюръ того общества—о торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію.

Вопросъ этотъ, составляя животрепещущій интересъ большинства торговаго класса въ Россіи, представляется намъ на столько

*) Матеріалами для настоящей статьи послужили данныя, доставленныя торговыми домами, издавна ведущими торговлю съ Средней Азіей, каковы: домъ Дюковыхъ и Весниныхъ, С. Я. Ключарева и орскихъ купцовъ Назаровыхъ; сюда также вошли свѣдѣнія, почерпнутыя изъ статьи г. Л. М—ра въ «Вѣстникѣ Европы», іюнь 1870 г.: *Новый шагъ въ Средней Азіи*, и въ «Воен. Сборникѣ» за май 1871 г. изъ статьи: *Нѣсколько словъ по поводу послѣдняго возстанія киргизовъ на Мангышлакѣ*. Два года тому назадъ въ «Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» были напечатаны извлеченія изъ настоящей статьи, но, къ сожалѣнію, они не дошли до тѣхъ, кому надлежало съ нимъ познакомиться поближе, и вопросъ о торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію остался разработаннымъ одною стороной, ибо другая сторона хотя и высказалась, но гласъ ея былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Нынѣ, пересмотрѣвъ и значительно дополнивъ эту статью, мы рѣшились помѣстить ее въ болѣе популярномъ органѣ и надѣемся, что удостоимся отвѣта.

Digitized by Google

важнымъ, что, требуя самаго серьезнаго и многосторонняго обсужденія, долженъ быть поставленъ прямо, во всей наготѣ, внѣ всякихъ увлеченій, въ пользу того или другаго теоретическаго мнѣнія. Поэтому-то намъ кажется, что голосъ оренбургскаго купечества, такъ давно и практически знакомаго съ торговлею, путями и производительностью Средней Азіи, долженъ имѣть вѣсъ и значеніе у людей, дѣйствительно интересующихся преуспѣяніемъ нашей торговли въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Тѣмъ болѣе голосъ этотъ долженъ имѣть мѣсто въ этомъ вопросѣ, что на сторонѣ его—преимущественно *практическій* выводъ, основанный почти на вѣковомъ знакомствѣ съ дѣломъ, тогда какъ разсужденія, недавно происходившія въ собраніи «Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», основаны, въ большинствѣ, на теоретическихъ мнѣніяхъ, въ основаніи которыхъ легло весьма поверхностное, такъ-сказать, туристское знакомство, и то только съ частью Средней Азіи, съ нашимъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ и близкими къ нему окрестностями.

Еслибы наше предположеніе было ошибочнымъ, то тогда чѣмъ бы пришлось объяснить себѣ тѣ крупныя ошибки, которыя встрѣчаются въ приведенной запискѣ—въ исчисленіи протяженія теперь существующаго пути, провозной платы и въ другихъ не менѣе важныхъ данныхъ, приводимыхъ въ пользу проложенія новаго пути черезъ Астрахань къ средне-азіатскимъ рынкамъ, въ ущербъ сейчасъ существующаго тракта на Оренбургъ.

Главный торговый рынокъ въ Средней Азіи—Бухара; это значеніе Бухары не отвергается и запискою «Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ». Слѣдовательно, прежде всего надлежитъ указать на цифру торговыхъ оборотовъ нашихъ на этомъ рынкѣ и разсмотрѣть выгодность стараго пути на Казалинскъ предъ вновь проектируемымъ на Астрахань, Красноводскій заливъ и Хиву, съ которою торговые обороты наши весьма незначительны.

Признавая важное торговое значеніе за Бухарой, нельзя не придти къ убѣжденію, что всѣ усилія наши, если мы желаемъ развитія нашей торговлѣ, должны быть устремлены къ тому, чтобы найдти кратчайшій и выгодный, по дешевизнѣ перевозки, путь къ этому рынку.

Digitized by Google

Итакъ, опредѣлимъ сначала цифру торговыхъ оборотовъ нашихъ со всѣми средне-азіатскими владѣніями и затѣмъ перейдемъ уже къ путямъ и цѣнамъ доставки товаровъ на рынки тѣхъ владѣній. Главное производство Бухары, Хивы и части Кокана заключается въ сбытѣ хлопка, наибольшею производительницей котораго является опять-таки Бухара; затѣмъ, какъ на предметъ вывоза, можно указать на шелкъ, но нельзя не замѣтить, что шелковичное производство Кокана, вообще говоря, находится въ младенческомъ состояніи, да и шелкъ бухарскій цѣнится покупателями много выше коканскаго: такъ, въ концѣ 1869 года бухарскій шелкъ стоилъ 220 р. за пудъ, тогда какъ коканскій можно было купить за 100 рублей.

Если возьмемъ, для наглядности, главныя цифры ввоза къ намъ и вывоза отъ насъ товаровъ на рынки Средней Азіи, то получатся слѣдующіе выводы:

Цифры ввоза въ Россію товаровъ въ 1869 г.:

	Число п. хлопка.	Стоимость.	Число п. шелку.	Стоимость.
Изъ Бухары	350.000 *)	3.500.000	5.000	1.000.000
— Хивы	прихода каравановъ не было.			
— Ташкента и Кокана .	48.000	480.000	—	—
Итого . . .	398.000	3.980.000	5.000	1.000.000

Вывозъ изъ Россіи:

Въ Бухару	25.000	мѣстъ разнаго товара.
» Хиву	отправки не было.	
» Коканъ и Ташкентъ до	4.000 **).	» » »
Итого . . .	29.000	мѣстъ разнаго товара.

Приведенные выводы еще болѣе ясно указываютъ, что первое мѣсто, по сравнительно крупной цифрѣ торговыхъ оборотовъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Бухарѣ. Слѣдовательно, какъ замѣчено выше, всѣ усилія наши должны быть направлены къ одной цѣли—занять первенствующее мѣсто на средне-азіатскихъ рынкахъ и, притомъ, преимущественно на бухарскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что хорошіе торговые кратчайшіе пути, въ этомъ

*) Мы нарочно взяли приводимыя цифры за 1869 годъ, такъ какъ въ этомъ году были изданы «Обществомъ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ» брошюры, возбуждавшія вопросъ о проложеніи новаго тракта на Красноводскъ.

**) Кромѣ того, въ 1869 г. изъ Бухары же привезено до 7.000 мѣстъ разнаго рода товара, изъ котораго наиболѣе цѣнный заключался въ каратулѣ, продававшейся по 30 р. за десятокъ, и въ дандарѣ, стоившей 20 р. десятокъ

Digitized by Google

случаѣ, могутъ служить намъ главнымъ подспорьемъ къ упроченію нашей торговли на помянутыхъ выше рынкахъ.

Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ, и «Общество содѣйствія русской промышленности и торговлѣ» обратило прежде всего свое просвѣщенное вниманіе на торговые тракты, ведущіе въ центральную Азію.

II.

Существующій теперь трактъ чрезъ г. Оренбургъ обществу кажется неудобнымъ: во-первыхъ, по большому количеству верстъ, во-вторыхъ, по продолжительности нахожденія въ дорогѣ; въ-третьихъ, по дороговизнѣ провозной платы и, въ-четвертыхъ, вообще по малоудобности отправки товаровъ по этому пути. Поэтому общество старалось найдти лучшіе тракты, которые бы могли способствовать къ усиленію и прогрессивному развитію нашей торговли на средне-азіатскихъ рынкахъ, и пришло къ убѣжденію, что наилучшій трактъ долженъ былъ бы пролегать: черезъ Волгу, Каспій, Красноводскій заливъ и по старому руслу Аму-Дарьи, которую для этого надлежитъ повернуть изъ Аральскаго моря въ Каспійское. Сравнительно же съ теперешнимъ путемъ черезъ Киргизскія степи и Сыръ-Дарьинскій бассейнъ выгоды пути отъ Каспійскаго моря, по мнѣнію, выраженному въ брошюрахъ, столь же очевидны, какъ и громадны: 1) отъ Самары, какъ раздѣльнаго пункта, отъ котораго путь идетъ или сухой, черезъ Оренбургъ, или водный, по Волгѣ,— разстоянія черезъ Оренбургъ до Ташкента 2.520 верстъ, а до Бухары 3.250. Водный же путь идетъ: отъ Самары Волгою и Каспійскимъ моремъ до Красноводскаго залива, отсюда до Аму-Дарьи сухимъ путемъ 600 верстъ, потомъ по этой же рѣкѣ до пристани Чарджуй 450 верстъ и, наконецъ, отъ этой пристани до Бухары, сухимъ путемъ, 100 верстъ. Слѣдовательно, по этому направленію всего сухаго пути 700 верстъ. 2) По старому руслу Аму-Дарьи вездѣ найдется прѣсная вода, тогда какъ безводная степь по теперешнему пути, чрезъ пески Каракумъ, простирается на 1.000 верстъ. 3) Открытіе теченія Аму-Дарьи по старому руслу, хотя бы только для орошенія, оплодотворитъ Туркменскую степь на значительное разстояніе по берегамъ сего русла, что также расположитъ къ намъ туркменовъ, которые уже давно просятъ насъ объ этомъ. 4) По мѣрѣ распространенія

Digitized by Google

осѣдлости по этой линіи, вьючный способъ перевозки будетъ замѣняться колеснымъ. 5) По заявленному еще въ 1864 г. въ Географическомъ Обществѣ мнѣнію г. тайнаго совѣтника Григорьева, теоретически и практически знакомаго съ природою средне-азіатскихъ степей и тамошнихъ рѣкъ, Аму-Дарья можетъ сдѣлаться судоходною до Каспійскаго моря съ весьма небольшими издержками на расчистку стараго русла, если только умѣть воспользоваться дешевизною туземной работы и искусствомъ туземцевъ въ прорытіи каналовъ. Самое существованіе на Аму-Дарьѣ плотинъ, не допускающихъ ее течь по старому руслу, доказываетъ, что это ея естественное направленіе; иначе, говоритъ Григорьевъ, къ чему бы плотины? И теперь, при сильныхъ разливахъ, Аму-Дарья течетъ черезъ плотины, около 150 верстъ, по старому руслу. Что вообще мѣстность понижается къ Каспійскому морю, доказывается тѣмъ, что всѣ каналы для орошенія полей проведены изъ Аму-Дарьи въ эту сторону, и что вода имѣетъ по нимъ быстрое теченіе. Уже Петръ I, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, считалъ возможнымъ повернуть эту рѣку въ старое ея русло. 6) То же самое видно изъ свѣдѣній, собранныхъ генераломъ Муравьевымъ. Онъ говоритъ, что старое русло Аму-Дарьи имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 15 саж. глубины и 100 саж. ширины, а г. Голубковъ называетъ его даже мнимо-высохшимъ. 7) Но еслибы ожиданіе сдѣлать Аму-Дарью судоходною по старому руслу и не сбылось, то несомнѣнно, что, вслѣдствіе краткости разстоянія, не превышающаго по прямой линіи 450 верстъ, здѣсь современемъ проведется желѣзная дорога, которая, начинаясь отъ морскаго берега и примыкая къ почти не замерзающей рѣкѣ, представитъ открытый путь во всякое время года, да и не вовлечетъ въ необыкновенные расходы на устройство, такъ какъ матеріалы будутъ доставляемы по Волгѣ и Каспійскому морю *), а земляныя работы въ этомъ краю очень дешевы. 8) Торговля наша на Аму-Дарьѣ найдетъ готовое судоходство, которое на Сыръ-Дарьѣ приходится еще заводить съ большими издержками. 9) Развитіе нашей торговли по Аму-Дарьѣ можетъ увеличиваться, главнымъ образомъ, по гораздо большему изобилію хлопка въ бассейнѣ этой рѣки, чѣмъ въ мѣстности, прилегающей къ Сыръ-Дарьѣ, и

*) Борисъ говоритъ, что лѣсъ имѣется по всему теченію Аму-Дарьи.

Примѣч. Общества.

Digitized by Google

потому, что по Аму-Дарьинскому бассейну расположено густое народонаселеніе, особенно по долинѣ Зарявшанской и вокругъ Бухары и Хивы. 10) Цѣна провоза, вмѣсто 3 и 4 р. съ пуда, платимыхъ теперь отъ Москвы до Ташкента, обойдется въ 1 р. 20 к. до Аму-Дарьи и 1 р. 45 к. до Бухары съ пуда *). 11) Отвлеченіемъ большей части грузовъ отъ теперешней дороги понизятся и на ней цѣны провоза кладей какъ торговыхъ, такъ и казенныхъ. 12) Вмѣсто одного оборота въ годъ, русское купечество получитъ возможность сдѣлать, по крайней мѣрѣ, два съ однимъ и тѣмъ же капиталомъ. 13) Легкость сообщенія, дешевизна провоза, краткость и удобство сухаго пути умножатъ въ нѣсколько разъ количество доставляемаго намъ изъ Средней Азіи хлопка. 14) Самое количество средне-азіатскихъ хлопковъ можетъ значительно улучшиться, какъ скоро этотъ край будетъ болѣе доступенъ для посѣщеній его нашимъ купечествомъ, потому что тогда будетъ возможно, безъ большаго риска, затрачивать для этого нѣкоторый капиталъ. Въ доказательство возможности такого улучшенія, можно привести въ примѣръ остъ-индскій хлопокъ, который, лѣтъ 15 тому назадъ, былъ хуже бухарскаго, а при недостаткѣ хорошихъ сортовъ во время американской междоусобицы такъ улучшился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при помощи капиталовъ и отъ введенія нѣкоторыхъ простыхъ машинъ англійскими капиталистами, что мало уступалъ невысокимъ сортамъ американскаго. 15) Даже для Ташкента путь черезъ Аму-Дарьинскій бассейнъ будетъ гораздо выгоднѣе: предполагая даже, что товары пошли бы по Сыръ-Дарьѣ частію на пароходахъ, хотя о заведеніи ихъ только еще думаютъ, все же сухаго пути до Ташкента черезъ Аму-Дарью будетъ только на 120 верстъ болѣе, за то весь сухой путь пойдетъ не по безводнымъ пескамъ, а по заселенной мѣстности; рѣчной же путь по Аму-Дарьѣ былъ бы вдвое короче. 16) Не менѣе важно то обстоятельство, что при возможности открыть по предполагаемому пути перевозку на телѣгахъ, хлопокъ будетъ доставляться въ прессованныхъ кипахъ, а не просто накладываться въ мѣшки, какъ это дѣлается теперь, потому что твердыя прессованныя кипы портятъ спины верблюдовъ; въ не

*) А именно: отъ Москвы до Красноводска 80 к. съ пуда, отъ Красноводска до Аму-Дарьи 40 к. и отъ пристани на Аму-Дарьи до Бухары 30 к.

Примѣч. Общества.

Digitized by Google

прессованномъ же видѣ хлопокъ чрезвычайно легко принимаетъ сырость и подвергается порчѣ, которая лишаетъ его значительной части цѣнности. Притомъ же, при колесномъ перевозѣ на арбахъ, кладется тяжести на одну лошадь до 30 пуд., между тѣмъ какъ верблюдъ несетъ только 16 пуд. Наконецъ, 17) при теперешнихъ путяхъ въ Среднюю Азію, количество вывозимыхъ нами оттуда яичекъ шелковичнаго червя ничтожно, вслѣдствіе дальняго сухопутнаго провоза, отъ котораго они портятся; но какъ скоро этотъ путь сократится, то это препятствіе исчезнетъ, и торговля шелковичными яичками приметъ значительные размѣры. Европейскіе производители шелка выписываютъ ежегодно на большія суммы этого товара изъ Японіи, и тогда имъ, конечно, будетъ ближе и дешевле получать его чрезъ насъ изъ Средней Азіи, гдѣ яички шелковичнаго червя добываются въ большемъ количествѣ.

III.

Вотъ всѣ тѣ данныя, которыя приводитъ «общество» въ пользу предпочтенія проектируемаго пути предъ старымъ. При поверхностномъ взглядѣ, данныя эти могутъ, пожалуй, показаться и убѣдительными; но если мы дадимъ себѣ трудъ внимательно и серьезно вглядѣться въ нихъ, то въ результатѣ получится убѣжденіе скорѣе отрицательное.

Постараемся доказать эту мысль фактами, не вдаваясь притомъ въ безполезное и ни къ чему не ведущее опроверженіе выгодъ, прозрѣваемыхъ «обществомъ» въ будущемъ для нашей торговли отъ проложенія новаго пути. Поэтому, мы укажемъ на несостоятельность и невѣрность лишь тѣхъ данныхъ, которыя приводятся въ брошюрахъ, какъ аксіомы, говорящія въ пользу проложенія тракта на Красноводскій заливъ и далѣе до Бухары.

Прежде всего, при внимательномъ анализѣ сути дѣла, заключающагося на страницахъ изданій «Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», нельзя не видѣть усилія лицъ, ради какихъ-то непонятныхъ или имъ однимъ извѣстныхъ цѣлей, создать искусственный торговый авторитетъ Ташкенту, который, какъ мы увидимъ ниже, осужденъ своимъ положеніемъ стоять поодаль отъ нашихъ торговыхъ путей къ бухарскимъ рынкамъ. Если составители брошюръ (руководясь какими-либо

Digitized by Google

антипатіями къ Оренбургу или къ населенію края), въ ущербъ не искусственно проложенному самими средне-азіатскими караванами пути и признанному ими же складу въ Оренбургѣ продуктовъ своей промышленности, хотѣли создать чисто-сочиненное значеніе, какъ торговаго пункта, Ташкенту [1]), то пришлось бы допустить весьма невѣроятную и даже невозможную мысль, что «общество», существующее для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, дѣйствуетъ прямо въ ущербъ интересамъ этой торговлѣ и промышленности. Очевидно, что «общество» впало въ противорѣчіе съ цѣлію его учрежденія отъ тѣхъ неумышленныхъ, хотя и серьезныхъ, ошибокъ, которыя вкрались въ имѣвшіеся подъ рукой «общества» матеріалы. Начнемъ, однако, наше опроверженіе:

1. Всего краснорѣчивѣе, по нашему убѣжденію, говоритъ въ пользу предпочтенія стараго пути предъ вновь проектированнымъ на Астрахань и Красноводскъ историческая сторона спорнаго вопроса, къ которой мы теперь обращаемся.—Какъ извѣстно, Петръ Великій, будучи именно въ Астрахани (починный пунктъ новаго пути въ Среднюю Азію), по свидѣтельству Тевкелева, пришелъ къ заключенію о необходимости присоединить Киргизскія степи къ Россіи, именно въ виду того обстоятельства, что степь Кайсацкая представлялась ему «ключомъ и вратами ко всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ». Геніальный умъ Петра не обманулъ великаго реформатора, и едва возникъ Оренбургъ,—возникъ какъ пунктъ скорѣе чисто-стратегическій, для наблюденія за башкирами и киргизами, чѣмъ торговый,—какъ уже третій оренбургскій губернаторъ, Неплюевъ, просилъ объ учрежденіи почтоваго тракта изъ Оренбурга во внутрь имперіи въ томъ вниманіи, что въ Оренбургѣ завязалась оживленная торговля съ средне-азіатскими ханствами [2]). Наши торговые обороты уже въ прошломъ столѣтіи простирались отъ 1 милліона до 2.840.000 рублей въ годъ, а въ 1867 году достигли до 20 милліоновъ рублей серебромъ [3]). Между тѣмъ какъ Астрахань, существуя далеко ранѣе Оренбурга, не привлекла однакожь къ себѣ торговцевъ Средней Азіи, за исключеніемъ хивинцевъ, которые вели

---

[1]) Т. е. устроить изъ Ташкента родъ воротъ, чрезъ которыя долженъ былъ бы слѣдовать товаръ на рынки Средней Азіи.

[2]) См. «Оренбург. Губерн. Вѣдом.» за 1869 г., №№ 37 и 42.

[3]) См. тѣ же «Вѣдомости» № 24 за 1871 г.

Digitized by Google

незначительный торгъ съ калмыками и киргизами, кочевавшими тогда близь Астрахани. Ниже мы указываемъ на этотъ торгъ и его значеніе, а теперь позволяемъ себѣ возвратиться къ пути на Оренбургъ.

Обращаясь затѣмъ къ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ о сравнительной выгодности стараго пути предъ новымъ, мы находимъ весьма вѣскія доказательства въ пользу предпочтенія стараго пути въ статьѣ г. Л. М—ра, помѣщенной имъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 г. (іюнь): *Новый шагъ въ Средней Азіи* (по поводу занятія Красноводска) и въ «Военномъ Сборникѣ» за 1871 г. (май), въ статьѣ: *Нѣсколько словъ по поводу послѣдняго возстанія киргизовъ на Мангышлакѣ*. Г. Л. М—ръ—хорошій знатокъ степи *), и вотъ что онъ высказываетъ по поводу занятія Красноводска, развивая вопросъ о значеніи этого пункта, какъ пункта торговаго, въ виду проектируемаго чрезъ Красноводскъ торговаго тракта къ средне-азіатскимъ рынкамъ:

« ...Предположимъ, опять вышеупомянутые два случая, говоритъ г. Л. М—ръ: первый—Аму-Дарья будетъ впадать въ Каспій, и второй—Красноводскій заливъ будетъ только складочнымъ пунктомъ, а товары пойдутъ далѣе сухимъ путемъ. Первое изъ предположеній, какъ весьма невѣроятное, слѣдовало бы оставить совсѣмъ безъ вниманія; но скажемъ нѣсколько словъ и о немъ. Если рѣка Аму-Дарья, которая въ бо́льшей части своего теченія судоходна, дойдетъ до берега Каспійскаго моря, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы морскія суда могли ходить безпрепятственно и по рѣкѣ; по всей вѣроятности, низовье ея будетъ не очень многоводно, потому что отъ хивинскихъ предѣловъ ей придется пробѣжать все разстояніе по глинисто-песчаной пустынѣ, поглощающей огромное количество водяныхъ паровъ; притоковъ же она, конечно, здѣсь принимать не будетъ. По меньшей мѣрѣ, должно предполагать, что при устьѣ ея образуется отъ ила постоянный баръ, который, во всякомъ случаѣ, по причинѣ удлиненія теченія рѣки, будетъ значительнѣе бара ея при впаденіи въ настоящее время въ Аральское море, а на этомъ послѣднемъ вода, какъ извѣстно, не превышаетъ двухъ съ половиною футовъ глубины. Другими словами, мы увидимъ здѣсь въ такомъ случаѣ то же, что въ Астрахани, т. е. что суда рѣчныя не будутъ

*) Г. Л. М ръ—авторъ извѣстнаго сочиненія о Киргизскихъ степяхъ оренбургскаго вѣдомства.

Digitized by Google

выходить въ море, и потребуется перегрузка. Это обстоятельство, какъ извѣстно, значительно уменьшаетъ *достоинства водянаго пути*, тѣмъ болѣе, что для товаровъ, идущихъ изъ Россіи, безразлично—водою или по будущимъ желѣзнымъ дорогамъ чрезъ Кавказъ, потребуется перегрузка два раза: въ Астрахани или Баку и въ Красноводскомъ заливѣ. Но главное дѣло въ томъ, что обращеніе Аму-Дарьи въ Каспійское море есть, конечно, только мечта; равнымъ образомъ и паровые желѣзные пути въ Средней Азіи останутся еще долгое время въ области желаній, на самомъ же дѣлѣ здѣсь мы будемъ имѣть дѣло пока съ верблюдомъ. Принимая же этотъ способъ перевозки, т. е. вьючный, за преобладающій, и сравнивая удобства его на пути изъ Красноводскаго залива въ Бухару съ удобствами отправленія товаровъ чрезъ Оренбургскую и Сибирскую степи, мы, кажется, должны придти къ заключенію, что новое наше пріобрѣтеніе особыхъ, *весьма важныхъ, коммерческихъ выгодъ не представляетъ*. Изъ Россіи товары, конечно, могутъ быть доставляемы за меньшую плату въ Астрахань, чѣмъ въ Оренбургъ, Троицкъ или Петропавловскъ, но за то въ Астрахани предстоитъ перегрузка, потомъ фрахтъ моремъ, хотя современемъ будетъ, конечно, дешевый, но за то страховая премія уравновѣситъ часть этой дешевизны; наконецъ, предстоитъ вновь перегрузка. На степномъ пути товаръ отъ воротъ русскихъ городовъ перевозится однимъ способомъ до мѣста назначенія. Особенно невыгодна для новаго пути необходимость направлять караваны изъ Красноводска почти исключительно по одной дорогѣ, тогда какъ степями они идутъ по множеству направленій, и недостатка корму для вьючныхъ животныхъ не предвидится, что непремѣнно должно случиться при слѣдованіи большаго количества тяжестей по одной линіи; несмотря на неразборчивость и неприхотливость верблюда, извѣстное количество растительности ему однако необходимо. *Это обстоятельство всегда будетъ ограничивать развитіе торговли по пути изъ Красноводска*. Возможность увеличенія числа верблюдовъ на этой линіи весьма скоро достигнетъ своего предѣла и остановитъ дальнѣйшее развитіе торговли, еслибы даже другія обстоятельства ей благопріятствовали» *).

«Путь, искусственно создаваемый изъ Красноводска въ Хиву, говоритъ другой авторъ, имѣетъ за собою огромныя невыгоды; безво-

*) «Вѣстн. Европы», іюнь 1870 г., стр. 809 и 810.

Digitized by Google

діе будетъ служить всегда значительнымъ препятствіемъ къ его осуществленію, *и мы, по многимъ даннымъ, положительно сомнѣваемся въ успѣхѣ этого предпріятія*. Въ доказательство можемъ привести слѣдующее: въ прежніе годы, когда Мангышлакъ былъ еще занятъ туркменами, хивинская торговля направлялась на Тюбь-Караганскую бухту; когда же киргизы оттѣснили туркменовъ болѣе къ югу, и движеніе каравановъ по этому пути стало опасно, то торговый путь подвинулся также къ югу и направился сперва на бухту Александръ-Бай и потомъ, по тѣмъ же причинамъ, на Карабугазъ. Когда же киргизы окончательно вытѣснили туркменовъ и распространились по всему полуострову, то торговля почти прекратилась; *но она, по причинѣ безводія*, а слѣдовательно и невозможности посылать даже незначительные караваны, *не направлялась на Красноводскъ*. Намъ кажется, что, принимая во вниманіе совершенную неизвѣстность края, вообще было бы полезнѣе, не предпринимая никакихъ издержекъ для Красноводска, сперва изслѣдовать всѣ пути и остановиться на томъ, который дѣйствительно окажется наивыгоднѣйшимъ». Такъ говоритъ авторъ статьи, помѣщенной въ майской книжкѣ «Воен. Сборника» за прошлый годъ.

Мы нарочно привели здѣсь оба эти свидѣтельства, чтобы не быть заподозрѣнными въ пристрастіи и чтобъ очевидность выгодъ «стараго пути предъ новымъ» была доказана не нами, а свидѣтельствомъ такихъ лицъ, которыя не могутъ быть заподозрѣны, живя внѣ Оренбурга, и притомъ въ мѣстностяхъ удаленныхъ другъ отъ друга, какъ Казань, гдѣ живетъ Л. М—ръ, и Кавказъ, или даже Мангышлакъ, гдѣ служилъ неизвѣстный авторъ второй, приведенной нами, замѣтки. Высказываясь же совершенно солидарно относительно невыгодныхъ сторонъ проектируемаго пути, авторы названныхъ статей, конечно, не могли согласиться заранѣе на этотъ счетъ между собою, а пришли къ одинаковому заключенію лишь по близкому знакомству съ краемъ, черезъ который долженъ пролегать новый торговый трактъ.

Теперь мы позволяемъ себѣ возвратиться къ брошюрѣ «общества» и по пунктамъ разобрать вкравшіяся въ нее ошибки, приведшія «общество» къ ложному заключенію о предпочтеніи пути на Красноводскъ предъ трактомъ на Оренбургъ.

2. Въ запискѣ «общества» сказано, что отъ Самары, какъ раздѣльнаго пункта, отъ котораго идетъ сухой путь черезъ Оренбургъ, разстояніе до Ташкента 2.520 верстъ, а до Бухары 3.250 верстъ. Въ дѣйствительности же отъ Самары до Бухары считается

Digitized by Google

2.180 вер., а именно: отъ Самары до Оренбурга 420 верстъ, изъ Оренбурга въ Орскъ 260, изъ Орска до Казалинска 760 и изъ Казалы въ Бухару 740 верстъ; слѣдовательно, въ исчисленіе разстоянія въ запискахъ «общества» вкралась ошибка на 730 верстъ. Ошибка эта объясняется тѣмъ, что «общество» направляетъ наши торговые караваны на Ташкентъ, куда они не приходятъ, а идутъ всегда по прямому пути изъ Казалинска прямо въ Бухару, оставляя Ташкентъ въ сторонѣ. Значитъ, придавъ Ташкенту значеніе торговаго пункта на пути къ средне-азіатскимъ рынкамъ вообще и къ бухарскимъ въ частности, пришлось бы удлинить караванный путь почти на 1.000 верстъ.

3. Провозная плата исчислена «обществомъ» такъ же неправильно, какъ и поверстное разстояніе до Бухары и самое время нахожденія каравановъ въ пути. Такъ, «общество» считаетъ, что на доставку изъ Москвы товаровъ требуется не менѣе 3—5-ти мѣсяцевъ, съ платою за провозъ отъ 3-хъ до 4-хъ руб. съ пуда. И здѣсь опять главная ошибка въ томъ же, что «общество» направляетъ клади на Ташкентъ, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ идутъ прямо въ Бухару. Ниже приведенная таблица легко можетъ убѣдить всякаго въ тѣхъ грубыхъ ошибкахъ, которыя вкрались въ изданія «общества».

Вотъ эта табличка:

	Число дней лѣтомъ.	Цѣна провоза	число дней зимою.	Цѣна провоза.	Разстояніе.
Изъ Москвы до Самары при благопріятныхъ условіяхъ. .	6	На всемъ протяженіи лѣтомъ отъ Москвы до Бухары 1 р. 91 коп. съ пуда.	—	Зимою отъ Москвы до Бухары 2 р. 10 к. съ пуда.	—
Изъ Москвы до Оренбурга зимою.	—		30		—
Изъ Самары до Оренбурга . .	10		10		420
Изъ Оренбурга въ Орскъ	6		6		260
Изъ Орска до Казалы.	25		25		760
Изъ Казалы до Бухары.	20		20		740
Итого. . .	67	1 р. 91 к.	81	2 р. 10 к. *)	2.180

*) Табличка цѣнности отъ Н. А. Дюкова и С. Ив. Назарова доставлена за 1864—1869 годы.

Digitized by Google

Слѣдовательно, товары находятся въ пути не отъ 3-хъ до 5-ти мѣсяцевъ, какъ исчислено «обществомъ», а всего лѣтомъ 67 дней, т. е. 2 мѣсяца съ недѣлей, платя за провозъ 1 руб. 91 коп. съ пуда на всемъ разстояніи отъ Москвы до Бухары; а зимой 81 день, тоже менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, платя съ пуда не отъ 3-хъ до 4-хъ руб., какъ говорится въ запискѣ, а всего 2 руб. 10 коп.

Если намъ нѣтъ надобности въ дѣйствительности считать Ташкентъ важнымъ торговымъ пунктомъ, лежащимъ на пути къ рынкамъ центральной Азіи, то, по сравненію протяженій вновь проектируемаго тракта со старымъ, окажется, что игра не стоитъ свѣчъ: поверстная разница въ ихъ протяженіяхъ ничтожна; что же касается другихъ мечтательныхъ выводовъ и гадательныхъ выгодъ будущаго, то и они разбиваются совершенно о живую дѣйствительность. Прожектеры новаго пути трактуютъ о томъ, что, при осуществленіи ихъ предначертаній, провозная плата удешевится до 1 руб. 50 коп.; но какъ дошли они до такого сомнительнаго вывода, не объясняется въ запискѣ. Положимъ, что до Красноводска они могли имѣть весьма вѣрныя цифры, но далѣе, отъ Красноводска до Бухары, откуда могли получить они точныя свѣдѣнія, что провозъ товаровъ обойдется имъ не свыше 70 коп. съ пуда? Положительно не объяснимо!

Если «общество» предполагаетъ отъ залива Болханскаго съ грузами идти на пароходахъ по повернутой въ Каспій Аму, то оно само не увѣренно, во-первыхъ, въ томъ, что Аму-Дарья, пущенная по старому руслу, дойдетъ до моря, а не потеряется близь морскаго берега въ пескахъ и будетъ на всемъ протяженіи стараго русла судоходна. Во-вторыхъ, еслибы случилось и такъ, то, намъ кажется, и здѣсь есть небольшое препятствіе къ дешевой перевозкѣ грузовъ, а именно: затративъ значительные капиталы на проведеніе рѣки Окса въ Каспій и на очищеніе его стараго русла, чтобы сдѣлать его судоходнымъ, нельзя же не имѣть въ виду, пролагая торговый путь, что издержки на его сооруженіе,—кѣмъ бы онѣ сдѣланы ни были, правительствомъ или частною компаніей,—должны быть покрыты платою съ провозимыхъ грузовъ. Поэтому было бы странно утверждать, что провозная плата съ пуда не превыситъ 40 коп., исчисленныхъ «обществомъ». Еще менѣе вѣроятія заслуживаетъ цифра 30 коп. въ провозѣ отъ пристани Чарджуй до Бухары, ибо, вѣроятно, никто изъ составителей брошюры не

Digitized by Google

имѣетъ вполнѣ точнаго понятія объ удобствѣ тракта, пролегающаго отъ пристани на Аму до Бухары, о перевозочныхъ средствахъ туземцевъ и тѣмъ менѣе о провозной платѣ съ пуда, какую выпросили бы себѣ туземные возчики. Не имѣя же данныхъ, нельзя положительно утверждать, что перевозка на этомъ пространствѣ не превыситъ 30 коп. съ пуда.

Если же «общество» разсчитываетъ, основываясь на одномъ мнѣніи г. Голубкова, что туркмены «склонны къ извозничеству», а хивинцы—къ рѣчному плаванію «на своей флотиліи», то эти теоретическія соображенія разбиваются практическими выводами людей, близко знакомыхъ и съ «извозничествомъ туркменъ» и съ «судоходствомъ хивинцевъ». Постараемся же доказать нашу мысль сколь можно нагляднѣе.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ водный путь отъ Красноводскаго залива до Аму, займемся разсмотрѣніемъ того обстоятельства, на сколько возможно осуществленіе сухопутнаго тракта на этомъ протяженіи.

Прежде всего, не въ пользу этого проекта говоритъ то, что трактъ этотъ, *естественность* котораго признается «обществомъ», не былъ избранъ средне-азіатскими торговцами для отправки по немъ своихъ товаровъ къ намъ. Казалось бы, самая очевидная выгода упомянутыхъ торговцевъ руководила бы ихъ избрать вышесказанный путь; но очевидно, что эта же выгода и заставила ихъ выбрать трактъ на Оренбургъ. Послѣднее обстоятельство съ достаточною ясностью указываетъ на то, что туркмены, во-первыхъ, никогда не имѣли наклонности и средствъ къ извозничеству, но, напротивъ, всегда промышляли однимъ грабежомъ *), а во-вторыхъ, значитъ, и самый путь къ Красноводску не представлялъ достаточныхъ удобствъ, чтобы быть караванною дорогой, несмотря на то, что хивинцы, по словамъ брошюры, будучи склонны къ судоходству, могли бы «на судахъ своей флотиліи» перевозить хотя бы одни хивинскіе грузы до Астрахани. Если же этого до сихъ поръ въ дѣйствительности не существовало и не существуетъ, то потому, что туркмены, во-пер-

*) Послѣднія событія въ Киргизскихъ степяхъ убѣдительно для всякаго, не предубѣжденнаго человѣка, свидѣтельствуютъ, что Усть-Уртъ и его южный склонъ всегда были гнѣздомъ разбойническихъ шаекъ, присутствіе которыхъ гибельно для торговаго тракта; здѣсь, кромѣ того, неплодородіе и пустынность Туркменскихъ степей лишаютъ туркменъ всякой возможности имѣть табуны и даже верблюдовъ.

Digitized by Google

выхъ, никогда не имѣли склонности и средствъ, приписываемыхъ имъ г. Голубковымъ и «обществомъ», и къ вьючной перевозкѣ груза, а ужь тѣмъ менѣе къ гужевой, которую прозрѣваетъ записка «общества», а во-вторыхъ потому, что «хивинская флотилія» въ сущности есть плодъ одной фантазіи, какъ и тотъ лѣсъ, который, по словамъ записки, изобильно произрастаетъ по обоимъ берегамъ рѣки Окса.

Вотъ что разсказываетъ оренбургскій купецъ и почетный гражданинъ Семенъ Яковлевичъ Ключаревъ, неоднократно посѣщавшій, по своимъ торговымъ дѣламъ, рынки Средней Азіи съ 1841 по 1853 годъ:

«Въ 1846 г. я ѣздилъ съ караваномъ изъ Астрахани водою черезъ Каспійское море и сухопутно чрезъ Усть-Уртъ въ Хиву близь того пути, который предполагается открыть чрезъ Красноводскій заливъ. Потомъ нѣсколько разъ ходилъ съ караванами изъ Оренбурга въ Хиву и Бухару, причемъ одинъ разъ изъ Хивы ѣздилъ въ Бухару; затѣмъ три раза съ караванами путешествовалъ изъ Троицка и Петропавловска въ Ташкентъ.—Путешествуя неоднократно въ средне-азіатскія владѣнія (говоритъ г. Ключаревъ), я довольно *хорошо изучилъ* и практически изслѣдовалъ всѣ пути, ведущіе въ центральную Азію еще въ сороковыхъ годахъ,—и я, какъ очевидецъ и какъ купецъ, соблюдающій свои интересы, *пришелъ къ тому заключенію*, что самый кратчайшій, самый удобный и выгодный путь въ Бухару для торговли съ Азіею лежитъ чрезъ Оренбургъ и Казалинскъ, и что ради 300 верстъ водою по Аму-Дарьѣ едва ли стòитъ дѣлать дорогу на Красноводскій заливъ, тѣмъ болѣе, что въ точности не извѣстно даже и составителямъ записки: на сколько во всякое время года можетъ представлять удобствъ путь, пролегающій по степи отъ Каспія до Аму, судоходна ли Аму-Дарья и на какое именно протяженіе».

Далѣе, г. Ключаревъ переходитъ къ хивинскому судоходству и лѣсамъ, растущимъ по обоимъ берегамъ рѣкѣ Аму, и говоритъ:

«Въ запискѣ «общества» говорится, что Аму-Дарья изобилуетъ лѣсомъ. Я, *какъ очевидецъ, утверждаю*, что это—*грустная ошибка:* какъ на рѣкѣ Сырѣ, такъ и на Аму нѣтъ никакого лѣса—не только годнаго для необходимыхъ подѣлокъ, но даже и для топлива; слѣдовательно, какихъ издержекъ будетъ стоить проектируемое судоходство по рѣкѣ, еще не изслѣдованной на

Digitized by Google

всемъ ея протяженіи? Что же касается до хивинскаго судоходства, то, прежде чѣмъ говорить о немъ, *слѣдовало бы* познакомиться съ этими «*готовыми судами*», которыя есть не что иное, какъ кое-какъ сколоченные, на подобіе нашихъ плоскодонныхъ паромовъ, *изъ мелкихъ брусьевъ фруктовыхъ деревьевъ*— плоты, на которыхъ съ опасностью можно перевозить развѣ только самые дешевые товары, какъ-то: соль и желѣзо,—и то небольшими партіями.

«По свидѣтельству бухарцевъ и хивинцевъ, разстояніе по Аму-Дарьѣ до пристани Чарджуй будетъ не менѣе 650, а не 450 вер., а отъ сей послѣдней до Бухары сухимъ путемъ считается 150, а не 100 верстъ; причемъ путь этотъ, по разсказамъ очевидцевъ, крайне песчаный, и провозная плата далеко не дешева».

Относительно торговаго значенія города Ташкента г. Ключаревъ замѣчаетъ, что Ташкентъ не есть рынокъ сбыта нашихъ товаровъ, и что мы, владѣя имъ четыре года, могли на опытѣ убѣдиться въ томъ; центромъ же нашей торговли г. Ключаревъ признаетъ Бухару, для прохода куда нашимъ караванамъ нѣтъ надобности заходить въ Ташкентъ.

Надѣясь, что свидѣтельство г. Ключарева, какъ лица, давно ведущаго торговлю съ Среднею Азіею, въ особенности взятое съ мнѣніемъ, напр., торговаго дома Дюковыхъ, должно имѣть мѣсто и значеніе въ вопросѣ о выгодности того или другаго пути, ведущаго къ средне-азіатскимъ рынкамъ,—намъ кажется, что мы съ достаточною ясностью и фактически доказали неудобоисполнимость проектируемаго пути водою на «хивинскихъ судахъ», или сухимъ путемъ, гужевой или вьючною перевозкой грузовъ съ помощію туркменъ.

Къ этому остается прибавить еще одно обстоятельство, которое, повидимому, было пропущено вниманіемъ «общества», что какъ Волга, такъ и самое Каспійское море у береговъ замерзаютъ зимою, и, слѣдовательно, даже при устраненіи выше изложенныхъ неудобствъ вновь проектируемаго пути, сообщеніе по нимъ возможно только во время лѣтней навигаціи. Тогда какъ по существующему теперь тракту караваны ходятъ круглый годъ безъ всякой задержки.

Теперь перейдемъ къ проекту желѣзной дороги отъ Красноводска до первой пристани на Аму-Дарьѣ.

Не отрицая стратегическихъ выгодъ этой дороги, въ военномъ тоношеніи несомнѣнныхъ, мы тѣмъ не менѣе должны замѣтить,

Digitized by Google

что она представитъ болѣе выгодъ для англійской торговли, чѣмъ для нашей; такъ какъ, во-первыхъ, какъ бы ни былъ высокъ тарифъ, установленный для этой дороги, онъ падаетъ только нѣсколькими копѣйками на аршинъ мануфактурныхъ товаровъ, что не составитъ особенной цѣнности для англичанъ и ни въ какомъ случаѣ не удержитъ ихъ отъ провоза товаровъ на средне-азіатскіе рынки. Во-вторыхъ, наша торговля ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи будетъ соперничать съ англійскою *). Намъ, впрочемъ, могутъ возразить, что англичане и сейчасъ торгуютъ въ Средней Азіи безпрепятственно, но мы предвидѣли это возраженіе и потому у насъ готовъ отвѣтъ: теперь, въ виду неудобныхъ путей, Англія чрезъ Авганистанъ и Персію посылаетъ на средне-азіатскіе рынки лишь небольшое количество мануфактурныхъ товаровъ, доброкачественностью своихъ красокъ уступающихъ нашимъ, и потому не можетъ конкуррировать съ нашими торговцами, у которыхъ азіатцы охотнѣе покупаютъ товаръ, чѣмъ у англичанъ. Это происходитъ потому, что англичане, *при настоящихъ путяхъ сообщенія*, лишены возможности вывозить что-либо съ средне-азіатскихъ рынковъ, кромѣ русскаго золота; съ осуществленіемъ же желѣзной дороги они значительно увеличатъ ввозъ своихъ товаровъ на рынки Средней Азіи, получивъ возможность взамѣнъ ихъ вывозить оттуда (кромѣ русскаго золота) бухарскій, хивинскій, коканскій и даже ташкентскій хлопокъ и шелкъ въ большихъ размѣрахъ, а улучшивъ выборъ своихъ товаровъ, убьютъ окончательно нашу торговлю, какъ убили ее въ Персіи и Китаѣ.

IV.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что желаемое «Обществомъ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ» разрѣшеніе продавать яички шелковыхъ червей, при значительномъ вывозѣ

*) Проведеніе желѣзной дороги отъ Красноводска дастъ Англіи возможность круглый годъ имѣть сообщенія съ Средней Азіей чрезъ Черное море; затѣмъ по желѣзному пути, проектируемому отъ Поти къ Баку, далѣе Каспіемъ и потомъ по желѣзной дорогѣ отъ Красноводска, въ то время, когда мы будемъ сообщаться съ рынками Средней Азіи только въ періодъ лѣтней навигаціи. Послѣднее обстоятельство несомнѣнно повліяетъ на то, что вся производительность средне-азіатскихъ владѣній будетъ отвлечена на европейскіе рынки, а намъ выпадетъ на долю подбирать крохи господъ нашихъ, для выгоды которыхъ мы устроили новый и удобный путь.

Digitized by Google

таковыхъ, можетъ въ конецъ убить наше шелковичное производство. Примѣромъ гибельности подобной торговли можетъ служить Японія; еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было встрѣтить въ газетахъ, что въ Англію привезено изъ Японіи нѣсколько тысячъ пудовъ шелку, тогда какъ теперь на британскихъ рынкахъ не встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ по газетамъ, въ привозѣ ни одного фунта японскаго шелка. Изъ торговой практики извѣстно, что время отъ времени на шелковичномъ червѣ появляется болѣзнь, вслѣдствіе которой онъ совершенно пропадаетъ. Въ виду этой болѣзни, иностранцы, занимающіеся шелковичнымъ производствомъ, старались по возможности въ большемъ количествѣ вывозить шелковичный червь изъ Японіи, такъ, что когда тамъ появилась болѣзнь на шелковичнаго червя, то страна эта поставлена была обстоятельствами въ необходимость почти прекратить шелководство. То же можетъ случиться и съ нами; или, можетъ-быть, наше мѣсто свято?...

Во всякомъ случаѣ, радость, высказанная одною изъ лондонскихъ газетъ по поводу проекта желѣзной дороги отъ Красноводска къ Аму-Дарьѣ, достаточно краснорѣчиво говоритъ, лучше всякихъ коментаріевъ, въ чью пользу должно послужить осуществленіе упомянутой дороги.

Къ числу также важныхъ неудобствъ новаго торговаго тракта слѣдуетъ отнести необходимость нѣсколькихъ перегрузокъ товаровъ въ пути ихъ слѣдованія; такъ, по проектируемому тракту предвидятся четыре перегрузки, а именно: въ Нижнемъ на пароходы, въ Астрахани съ рѣчныхъ пароходовъ на морскіе, въ Красноводскѣ—на пароходы по Аму-Дарьѣ, или на хивинскія лодки, до пристани Чарджуй, гдѣ опять перегрузка для отправки въ Бухару. Не менѣе трудно разсчитывать, чтобы хивинскій ханъ согласился на безпрепятственное путешествіе нашихъ каравановъ чрезъ его владѣнія. Если же мы уничтожимъ самостоятельность Хивы, то врядъ ли пріобрѣтенная область въ состояніи будетъ, своими доходами, вознаградить издержки, употребленныя на ея пріобрѣтеніе, и покрыть изъ мѣстныхъ источниковъ ежегодные расходы на содержаніе войскъ и организацію новаго края. Туркестанская область да послужитъ тому примѣромъ.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ выгодамъ, которыя представляетъ для нашей торговли существующій трактъ:

1) Если выбросить излишне насчитанное чрезъ Ташкентъ количество верстъ, то разница протяженія становится на столько

Digitized by Google

ничтожною, что не можетъ служить препятствіемъ къ оставленію существующаго тракта торговымъ путемъ въ центральную Азію.

2) Перегрузка товаровъ по этому пути совершается только два раза, а именно: изъ Самары до Оренбурга, а отсюда товары идутъ вплоть до Бухары, перегружаясь иногда въ Казани

3) Цѣна провоза, какъ мы видѣли выше, не превышаетъ въ шестилѣтней сложности отъ Москвы до Бухары—лѣтомъ 1 р. 98 к. и зимою 2 р. 10 к. съ пуда.

4) Въ то время, когда «общество» еще только мечтаетъ создать въ будущемъ гужевую перевозку на новомъ трактѣ у туркменъ, полагая, вѣроятно, что телѣга и въ самомъ дѣлѣ есть главный рычагъ цивилизаціи,—прилинейные оренбургскіе киргизы уже давнымъ давно существуютъ этимъ промысломъ, имѣя къ тому всѣ средства,—возятъ гужомъ товары до Казалы, и есть надежда, что гужевая перевозка въ скоромъ времени привьется и далѣе, отъ Казалинска до Бухары.

5) Открытіе почтоваго сообщенія по теперь существующему тракту, долженствовавшее начаться съ 1870 года, несомнѣнно подѣйствуетъ на колонизацію этого пути.

6) Сооруженіе желѣзной дороги отъ Самары до Оренбурга значительно удешевитъ цѣну провоза по этому пути и, кромѣ того, еще разовьетъ торговлю Оренбургскаго края, давъ возможность сбыта, въ большихъ размѣрахъ, хлѣба, илецкой соли и сырыхъ продуктовъ Киргизской степи.

7) Дальнѣйшее существованіе торговаго пути по теперешнему направленію лишитъ англичанъ возможности не только убить нашу торговлю, но даже конкуррировать съ нами на *единственно* свободныхъ для нашей торговли средне-азіатскихъ рынкахъ.

Смѣемъ думать, что приведенныхъ доказательствъ совершенно достаточно для предпочтенія стараго пути предъ вновь проектируемымъ трактомъ «Обществомъ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ».

Въ заключеніе позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ о той торговлѣ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ производилась, и то преимущественно одними хивинцами, съ Астраханью, и о вышедшемъ туда, минувшимъ лѣтомъ, хивинскомъ караванѣ.

Прекратившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, караванная торговля хивинцевъ съ Астраханью заключалась главнымъ образомъ въ сбытѣ кочевымъ народамъ, кочевавшимъ въ окрестно-

Digitized by Google

стяхъ астраханскихъ, какъ, напримѣръ, калмыкамъ,—хивинскихъ кушаковъ, халатовъ и бязи и т. п. предметовъ, но никогда хлопка или шелка.

За симъ, не лишнимъ считаемъ замѣтить, что караваны эти ходили чрезъ Усть-Уртъ, на полуостровъ Мангышлакъ, оставляя въ сторонѣ вновь проектируемый трактъ, который хивинцы. «будучи склонны къ судоходству», конечно, избрали бы какъ выгоднѣйшій и кратчайшій для нихъ путь.

Относительно вышедшаго на Астрахань каравана, на основаніи вѣрныхъ источниковъ, мы можемъ сообщить слѣдующія не безъинтересныя, *для кого слѣдуетъ*, данныя. Караванъ этотъ, запрещеніемъ хивинскаго хана идти въ Оренбургъ, вынужденъ былъ идти на Астрахань; такъ какъ хозяинъ его, имѣющій торговыя дѣла съ Оренбургомъ, въ Нижегородской ярмаркѣ долженъ былъ имѣть разсчетъ, то, подъ предлогомъ отправленія своего каравана въ Персію, чтобъ обмануть своего властителя, онъ направилъ караванъ свой на Астрахань,—и не будь этого запрещенія, караванъ, навѣрное, пришелъ бы обычнымъ путемъ въ Оренбургъ.

Что же касается торговли съ Ташкентомъ, то она, во-первыхъ, имѣетъ свой путь на Троицкъ и, во-вторыхъ, на столько ничтожна, что жертвовать въ пользу ея всею русскою торговлей съ Средней Азіей и пролагать новый путь, по меньшей мѣрѣ, было бы если не нераціонально, то, во всякомъ случаѣ, преждевременно и опасно.

Намъ выпала неблагодарная роль говорить въ пользу предпочтенія *стараго* пути предъ *новымъ*,—уже по этому одному статья наша возбудитъ противъ насъ гоненія со стороны любителей всякихъ новинокъ, хотя бы эти новинки и отозвались впослѣдствіи очень невыгодно на нашихъ финансахъ. Но мы не смущаемся этимъ негодованіемъ, утѣшая себя мыслію, что люди безпристрастные, честно и серьезно смотрящіе на дѣло и не предубѣжденные оцѣнятъ нашъ трудъ по достоинству,—трудъ, цѣль котораго—*предостеречь* нашихъ торговцевъ отъ новыхъ увлеченій, которыя гибельно могутъ отразиться на нашей торговлѣ Пора же, наконецъ, намъ быть взрослыми и въ дѣлахъ серьезныхъ не страдать дѣтскими опасеніями, что насъ сопричтутъ къ старовѣрамъ.

Н. Середа.

Іюнь 1872 г.
Дер. Темясова.

Digitized by Google

КТО БЫЛЪ ВИНОВНИКОМЪ ПЕРВАГО РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ?

(Голосъ поляковъ—современниковъ событія).

5 августа 1872 года исполнилось *) столѣтіе со времени подписанія представителями Россіи, Австріи и Пруссіи договора о первомъ раздѣлѣ Польши,—договора, бывшаго началомъ конца политическаго существованія Рѣчи-Посполитой. Конечно, представители польской государственной идеи не замедлятъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы снова протестовать противъ этого, какъ они говорятъ, величайшаго беззаконія всѣхъ временъ: манифестаціямъ, рѣчамъ и газетнымъ воплямъ, навѣрно, не будетъ конца. Можно также предвидѣть, что громы польско-шляхетнаго краснорѣчія по-прежнему обрушатся всею силою на наше бѣдное отечество, какъ на истиннаго-де виновника означеннаго беззаконія, слегка лишь и только для вида коснувшись другихъ участниковъ въ раздѣлѣ Польши. Въ глазахъ завзятыхъ поляковъ, Россія всегда была и будетъ кругомъ виновата; въ этомъ не разубѣдишь ихъ и открытіями Шмита, сдѣланными на основаніи подлинныхъ дипломатическихъ актовъ, касающихся перваго раздѣла Польши. Нѣмцы, съ своей стороны, тоже позаботятся, конечно, лицемѣрно умыть руки и оправдать своихъ предковъ, сваливъ всю вину на Россію, какъ на козла отпущенія; вѣдь даже такой добросовѣстный и тщательный въ изслѣдованіяхъ нѣмецкій историкъ, каковъ Ранке,

*) Статья написана ранѣе годовщины раздѣла Польши.

Digitized by Google

въ новомъ своемъ сочиненіи, касающемся той эпохи (Die deutschen Mächte und der Fürstenbund. Deutsche Geschichte von 1780 bis 1790 jah.), забылъ же объ упомянутыхъ нами открытіяхъ Шмита. Въ интересѣ нѣмцевъ—поддерживать старыя недоразумѣнія между двумя сильнѣйшими славянскими племенами и раздувать пламя вражды между ними, которая, особенно теперь, такъ на руку нѣмцамъ, въ виду неизбѣжнаго въ недалекомъ будущемъ размежеванія, по всей вѣроятности, силою меча славянской и нѣмецкой расъ *).

Нужно ли говорить о томъ, на сколько эта вражда вредна для славянскаго дѣла, на сколько въ частности она стѣсняетъ русскій народъ и въ служеніи внѣшнимъ задачамъ нашего отечества и на пути внутренняго развитія, улучшенія своихъ учреж-

*) Хотѣлось бы мечтать, что этотъ вопросъ, висящій бѣдою надъ средней и восточной Европой и угрожающій залить ее потоками крови, разрѣшится мирно и безобидно для обѣихъ расъ. Но, увы, многое заставляетъ думать, что народы еще слишкомъ мало понимаютъ правду въ отношеніяхъ другъ къ другу и не научились еще на столько уважать права другихъ, чтобы не желать жить на счетъ слабѣйшихъ. Особенно трудно полюбовное соглашеніе народовъ насчетъ «моего» и «твоего» въ тѣхъ случаяхъ, когда историческія обстоятельства дали и преобладающей сторонѣ нѣкоторыя основанія заявлять свои права на спорный предметъ, какими бы путями ни были пріобрѣтены эти права въ прошедшемъ. Добровольный, во имя правды, отказъ потомковъ отъ правъ, пріобрѣтенныхъ предками путемъ насилія или обмана, въ настоящую пору еще едва ли вѣроятенъ. Мало того, чѣмъ болѣе совершено при этомъ преступленій, тѣмъ ненавистнѣе становится требованіе со стороны обиженныхъ возстановленія правды. Зачѣмъ же, спрашиваютъ себя люди, столько грѣха принято на душу, если цѣль, для которой совѣсть принесена въ жертву, не достигнута, если со стыдомъ приходится отказываться отъ давнихъ надеждъ, чуть-чуть было не осуществившихся,—отъ правъ, стоившихъ такъ дорого? Нѣтъ, или—все, или—ничего. Притомъ обидчикамъ постоянно мерещится месть со стороны обиженныхъ, какъ бы въ дѣйствительности ни были миролюбивы послѣдніе. Отсюда-то и происходитъ то явленіе, что самая сильная ненависть въ свѣтѣ—это ненависть сильной стороны къ угнетеннымъ ею, сохраняющимъ надежду возрожденія и возстановленія своихъ правъ. Въ такомъ положеніи находилась до послѣдняго времени польская шляхта по отношенію къ западной вѣтви русскаго народа, и здѣсь-то, конечно, скрывается причина ожесточенной вражды ея къ русскому народу, которая намъ представляется незаслуженнымъ нами и непонятнымъ явленіемъ. Подобное же видимъ отношеніе нѣмцевъ къ западнымъ славянамъ, надъ которыми они успѣли-было, въ вѣка варварства и кулачнаго права, захватить политическую власть, а теперь обстоятельства заставляютъ отказаться отъ нея. Поэтому-то и трудно надѣяться на мирное возстановленіе правъ славянскихъ племенъ. Недавній опытъ не удавшагося соглашенія съ чехами служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Digitized by Google

деній и возвышенія своего благосостоянія, что, наконецъ, самимъ полякамъ она угрожаетъ конечною гибелью? Не пора ли междоусобной, брато-убійственной борьбѣ замѣниться общимъ дружнымъ отпоромъ вторженію чужеземца, болѣе чѣмъ когда-либо угрожающаго общему достоянію славянскихъ племенъ? Въ такія ли времена, каково настоящее, поддерживать старыя недоразумѣнія, когда и дѣйствительныхъ причинъ розни между нами и поляками и безъ того было достаточно до сихъ поръ? Не должны ли современные представители интересовъ обоихъ племенъ позаботиться объ устраненіи по крайней мѣрѣ тѣхъ нареканій, которыя не имѣютъ подъ собой дѣйствительной почвы, которыя произошли въ пору слѣпаго ожесточенія и возращены усиліями общихъ недруговъ? Къ числу такихъ именно нареканій и принадлежитъ распространенное между поляками мнѣніе, представляющее Россію главною виновницей перваго раздѣла Польши. Должно ли оно существовать вопреки исторической правдѣ?

Россія, скажемъ не обинуясь, сдѣлала много для разсѣянія этого заблужденія; но успѣхъ, надобно сознаться, далеко не соотвѣтствовалъ ея усиліямъ. Открытія Шмита въ области дипломатіи прошлаго вѣка не разубѣдили, какъ мы уже сказали, завзятыхъ польскихъ патріотовъ въ ложности указаннаго мнѣнія. Что же, оставить ли намъ свои хлопоты о возстановленіи въ данномъ случаѣ исторической истины, въ виду практической безполезности ихъ, предоставивъ поляковъ ихъ заблужденіямъ? Нѣтъ, надо, для уничтоженія ихъ, испробовать рѣшительно всѣ средства. Долженъ же мракъ лжи рано или поздно разсѣяться предъ свѣтомъ истины. Въ виду несправедливости къ намъ настоящаго поколѣнія поляковъ, апеллируемъ къ прошедшему и его голосъ призовемъ въ доказательство нашей правды. Авось не всѣ польскіе патріоты будутъ закрывать глаза передъ дѣйствительностію, и если они не вѣрятъ оффиціальнымъ актамъ сосѣднихъ государствъ, то авось повѣрятъ свидѣтельству своихъ предковъ—современниковъ событія, не имѣвшихъ, какъ они должны сознаться, причины представлять дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Въ случаѣ же неуспѣха, намъ, во всякомъ случаѣ, останется утѣшеніе, что мы сдѣлали все возможное, чтобы доставить торжество правдѣ и уничтожить хоть одно изъ старыхъ недоразумѣній, раздѣляющихъ насъ и поляковъ.

Эти-то соображенія и побудили меня разсмотрѣть содержаніе польскихъ политическихъ памфлетовъ конца прошедшаго вѣка,

Digitized by Google

особенно же ближайшихъ, по времени своего происхожденія, къ первому раздѣлу Польши. Въ нихъ я ждалъ встрѣтить подлинный, не предубѣжденный взглядъ на это событіе современныхъ ему поляковъ; въ нихъ я надѣялся найти самое сильное, документальное опроверженіе ложныхъ мнѣній теперешнихъ польскихъ патріотовъ и лучшее оправданіе политики Россіи въ этомъ дѣлѣ. И надежды мои, думаю, не оказались напрасными.

I.

Въ современной политической жизни европейскихъ народовъ памфлеты играютъ важную роль. Не происходило въ послѣднее время въ Европѣ ни одного важнаго событія, которое бы не предварялось и не предсказывалось появленіемъ памфлета. Большею частію происхожденіе ихъ тщательно скрывалось,—они являлись въ свѣтъ дѣтьми тайны, безъ имени ихъ родителей; замаскировывалась и ихъ практическая цѣль,—они казались невинными созданіями досужей фантазіи, праздными мечтаніями не призванныхъ политиковъ. Между тѣмъ, кто не знаетъ, какую тревогу возбуждало появленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ европейскомъ мірѣ—въ дипломатическихъ кругахъ, на биржахъ и во всемъ образованномъ обществѣ, какіе толки вызывали они въ газетахъ и журналахъ всѣхъ европейскихъ народовъ? Всѣ старались угадать, откуда явились они и куда они метятъ. Въ нихъ видѣли взглядъ на современные политическіе вопросы лицъ или партій, располагающихъ политическими силами Европы, а подъ часъ программу ихъ дѣйствій въ извѣстномъ вопросѣ. Подъ ихъ невинною физіономіей усматривали предзнаменованія будущихъ важныхъ политическихъ событій, для однихъ народовъ радостныхъ, для другихъ грозныхъ и страшныхъ. И памфлеты заслуживаютъ этого вниманія, этихъ тревогъ и опасеній: это—предвѣстники бурь и грозъ въ политическомъ мірѣ; это—кометы новаго міра, встрѣчаемыя современными народами съ тѣмъ же тайнымъ трепетомъ и опасеніями за будущее, съ какими встрѣчались древними небесныя кометы.

Дѣйствительно, большая часть памфлетовъ—дѣло лицъ или партій вліятельныхъ въ политическомъ мірѣ, въ рукахъ коихъ они служатъ могучимъ орудіемъ успѣха. Посредствомъ памфлетовъ предпріимчивые политики пробуютъ общественное мнѣніе

Digitized by Google

Европы, вызнаютъ друзей и недруговъ. Въ памфлетахъ стараются привлечь сочувствіе народовъ къ извѣстному дѣлу, оправдать въ глазахъ ихъ ту или другую систему политическихъ дѣйствій. Памфлеты, такимъ образомъ, даютъ политикамъ средства вѣрнѣе разсчитать свои силы для выполненія своихъ плановъ и замысловъ и служатъ могучимъ орудіемъ нравственной побѣды извѣстнаго дѣла, которая въ настоящее время стоитъ выиграннаго генеральнаго сраженія.

Имѣя назначеніемъ служить интересамъ одной политической силы, памфлеты не могутъ претендовать на безпристрастіе и точность въ изображеніи событій. Политики стараются распространить въ европейской публикѣ свой взглядъ на событія, только представить его вѣрнымъ; взглядъ же одной политической стороны всегда, по меньшей мѣрѣ, одностороненъ. Онъ опредѣляется интересами одной націи или партіи, а въ интересахъ націй и партій къ самымъ справедливымъ желаніямъ непремѣнно примѣшиваются и неблаговидныя цѣли—желаніе мести, преобладанія и т. д., которыя однакожъ для успѣха дѣла должны быть прикрыты побужденіями справедливости. Въ подобныхъ видахъ кое о чемъ умалчивается, ничтожному придается особенная важность, у важнаго отнимается его значеніе,—словомъ, событія представляются въ болѣе или менѣе ложномъ свѣтѣ. Памфлетъ—рѣчь адвоката, имѣющаго цѣлію, во что бы то ни стало, оправдать одну сторону.

Не отличаясь ни полнотою и точностію изображенія событій, ни безпристрастіемъ и справедливостію въ оцѣнкѣ лицъ и дѣйствій, памфлеты, конечно, не имѣютъ значенія достовѣрнаго историческаго матеріала. Кто захотѣлъ бы по однимъ памфлетамъ изучить ходъ политическихъ событій любаго времени, тотъ рисковалъ бы не только придти къ ложнымъ выводамъ, но и представить самыя событія далеко не такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. Для историка имѣютъ гораздо болѣе значенія не только государственныя граматы и оффиціальные документы, но и записки частныхъ лицъ, несмотря даже на то, что авторы ихъ, не всегда посвященные въ тайны дѣлъ, которыя они описываютъ, легко могутъ ошибаться въ изображеніи и оцѣнкѣ событій.

Но и памфлеты, какъ второстепенный историческій матеріалъ, въ рукахъ опытнаго изслѣдователя могутъ дать важныя и любопытныя свѣдѣнія для вѣрнаго пониманія извѣстнаго времени. Они не только сообщаютъ о событіяхъ, но и передаютъ взглядъ

Digitized by Google

на нихъ современниковъ, и такимъ образомъ даютъ имъ цвѣтъ и форму—оживотворяютъ ихъ. Они раскрываютъ убѣжденія и интересы, управляющіе дѣйствіями лицъ или партій—дѣятелей политической исторіи того времени, и тѣмъ самымъ даютъ возможность вѣрнѣе охарактеризовать ихъ. Они иногда пролагаютъ пути къ возстановленію исторической истины, когда страсти слѣдующихъ поколѣній, недовольныхъ прошедшимъ, систематически извратили смыслъ событій, создавшихъ непріятный для нихъ порядокъ вещей,—напр., въ интересующемъ насъ вопросѣ. Нужно лишь наблюдать то простое правило, чтобы событія, о которыхъ говорится въ памфлетахъ, повѣрять данными оффиціальнаго свойства и достовѣрными документами, взгляду же ихъ на событія противопоставлять взгляды лицъ или партій, враждебныхъ защищаемому ими дѣлу.

Приведенныя соображенія, полагаю, достаточно выясняютъ важность для нашей цѣли польскихъ политическихъ памфлетовъ конца прошлаго вѣка, къ разбору коихъ мы и приступимъ.

Самый ранній изъ этихъ памфлетовъ относится ко времени самаго раздѣла и носитъ названіе: «Раздѣлъ Польши». Онъ изданъ въ 1774 году въ Лейпцигѣ, въ переводѣ (будто бы) съ французскаго языка *). Эпиграфомъ его выбраны слова Ювенала и Виргилія:

«Cantabit vacuus coram latrone viator» (Juven).
«Troianas ut opes et lamentabile Regnum
Erevrint Danai» (Virg).

Памфлетъ имѣетъ форму комедіи въ семи дѣйствіяхъ или разговорахъ между императрицей австрійской, императрицей русской, королемъ прусскимъ, Евфраимомъ, барономъ яффинскимъ (министромъ финансовъ короля прусскаго—анонимъ), Вискерфельдомъ (тоже анонимъ), сержантомъ (посломъ короля въ Данцигѣ),

*) Это обычный пріемъ польскихъ памфлетовъ вѣка Екатерины II, имѣвшій, конечно, цѣлью скрыть дѣйствительныхъ авторовъ ихъ, а можетъ-быть и произвести болѣе сильное впечатлѣніе на публику, увлекавшуюся въ ту пору французскою литературой. Впрочемъ, многіе памфлеты дѣйствительно написаны были на французскомъ языкѣ и только впослѣдствіи переводились на польскій языкъ. Въ разбираемомъ нами памфлетѣ есть фразы, какъ будто указывающія на французское происхожденіе его; напр.: для меня больше значитъ одно имѣешь, чѣмъ два будешь имѣть (въ 7 разговорѣ; по-франц.—un je le tiens vaut deux tu l'auras); но французскій подлинникъ мнѣ не встрѣчался.

Digitized by Google

философомъ и географомъ. Изрѣдка вставляетъ слово и польскій король, закулисный слушатель всѣхъ разговоровъ, имѣя въ комедіи то значеніе, какое занималъ хоръ въ древне-греческихъ трагедіяхъ. Главныя лица комедіи, конечно, первыя три.

Кто былъ авторомъ памфлета, съ достовѣрностію сказать нельзя. Видно, однакожь, что онъ хорошо былъ знакомъ съ политическимъ состояніемъ Европы въ то время и съ личнымъ характеромъ, склонностями, убѣжденіями и планами трехъ государей, сосѣдей Польши,—явный признакъ, что онъ вращался въ высшихъ политическихъ кругахъ Польши.

Несомнѣнно также горячее патріотическое настроеніе автора: онъ осмѣиваетъ слабодушіе данцигскаго магистрата предъ угрозами прусскаго короля, продажность и трусость знатнѣйшихъ польскихъ пановъ, бискуповъ и шляхты, между коими въ одномъ мѣстѣ указываетъ, какъ на сторонника Пруссіи, на бискупа куявскаго (стр. 44 и 61). Несмотря на то, что обвиненія автора направлены главнымъ образомъ на Фридриха Великаго, сильно достается отъ него и другимъ участникамъ въ раздѣлѣ—Екатеринѣ II и Маріи-Терезіи: поэтому онъ не могъ быть сторонникомъ какого-либо чужеземнаго двора и проводить его взгляды. Онъ относится съ уваженіемъ къ польскому королю Станиславу-Августу. Ко всему этому нужно прибавить, что авторъ является въ памфлетѣ человѣкомъ образованнымъ, столь же хорошо знакомымъ съ іезуитскими доктринами нравственности и схоластикой, какъ и съ ученіемъ и правилами современныхъ ему германскихъ и французскихъ философовъ, начиная съ Вольфа. Судя по ироніи, съ какою онъ говоритъ о тѣхъ и другихъ, можно думать, что онъ не принадлежалъ ни къ партіи завзятыхъ папистовъ, ни къ числу послѣдователей философіи XVIII вѣка. Наблюдательность составителя памфлета, остроуміе и авторскій талантъ—внѣ всякаго сомнѣнія. Особенно мѣтко и комично обнаруживаетъ онъ странность и неестественность союза между тремя государями, отличавшимися и характеромъ, и убѣжденіями, и цѣлями,—государями, не могшими во время самыхъ задушевныхъ разговоровъ воздержаться отъ взаимныхъ упрековъ и колкостей. Прочитавши памфлетъ, согласишься съ словами, вложенными авторомъ въ уста польскаго короля: «какими судьбами они сошлись вмѣстѣ? Глядя на нихъ, можно диву даться. По правдѣ сказать, это настоящее смѣшеніе симпатіи съ антипатіей, которое могло бы возбудить всеобщее удивленіе, еслибы

Digitized by Google

мы не дожили до такого времени, когда не приходится уже ничему удивляться» (стр. 3). Комична также роль профессора и истолкователя современной философіи предъ царственными ученицами, навязанная въ памфлетѣ прусскому королю. По всѣмъ этимъ даннымъ, автора памфлета всего скорѣе нужно искать среди той плеяды молодыхъ ученыхъ, аббатовъ, профессоровъ, которые, въ качествѣ частныхъ секретарей, наполняли дворъ короля Станислава-Августа, извѣстнаго покровителя наукъ, къ коимъ, между прочимъ, принадлежалъ и знаменитый польскій историкъ—Нарушевичъ.

Авторъ памфлета, очевидно, желалъ доказать вопіющую и неслыханную, по его словамъ, несправедливость и беззаконность раздѣла Польши, особенно же осмѣять старанія сосѣдей, подѣлившихъ области Польши, придать этому дѣлу въ глазахъ Европы видъ законности. Съ этою цѣлію онъ заставляетъ ихъ разсуждать о томъ, кому поручить составленіе манифеста о раздѣлѣ Польши и какъ его написать. Разсужденія объ этомъ предметѣ составляютъ содержаніе перваго и четвертаго разговоровъ. Около составленія манифеста, долженствующаго доказать справедливость раздѣла, сосредоточиваются всѣ эпизоды комедіи: наставленія, преподанныя королемъ-философомъ своимъ царственнымъ собесѣдницамъ насчетъ правилъ новой философіи, которая оправдываетъ всякія беззаконія сильныхъ міра (содержаніе перваго и четвертаго разговоровъ); разсужденія двухъ императрицъ о существѣ новой философіи, въ которыхъ послѣдняя, между прочимъ, чрезвычайно удачно сопоставлена съ іезуитскими правилами нравственности (содержаніе втораго разговора); практическое примѣненіе новой философіи королемъ-философомъ въ его внѣшней и внутренней политикѣ (содержаніе третьяго разговора короля съ Евфраимомъ, барономъ яффинскимъ, и пятаго—его же съ Вискерфельдомъ, сержантомъ и посломъ короля въ Данцигѣ); изложеніе основаній политики трехъ царственныхъ собесѣдниковъ, которыя, несмотря на свое различіе, вели однакожъ къ одной цѣли (содержаніе шестаго разговора). Комедія достойно заканчивается раздѣломъ Польши по картѣ, гдѣ окончательно дорисовывается личность короля, успѣвшаго провесть всѣхъ (содержаніе седьмаго разговора *). Авторъ, какъ видно, ста-

*) Въ экземплярѣ памфлета, которымъ я пользовался, недоставало одного или двухъ листиковъ въ концѣ; памфлетъ найденъ былъ мною въ библіотекѣ черниговской духовной семинаріи, между книгами преосвященнаго Виктора Садковскаго.

Digitized by Google

рался съ особымъ тщаніемъ обрисовать прусскаго короля, и успѣлъ въ этомъ вполнѣ.

Не буду излагать подробности разговоровъ, передавать остроты автора, по всей вѣроятности, не мало забавлявшія современныхъ читателей памфлета, а постараюсь извлечь изъ него только то, что можетъ служить къ разъясненію событій того времени и обнаружить взглядъ современниковъ поляковъ на виновниковъ перваго раздѣла Польши и на самый раздѣлъ.

Изъ не политической же части памфлета я считаю не лишнимъ привесть сужденія автора о философіи и философахъ XVIII вѣка и объ іезуитско-папистическихъ доктринахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что въ изображеніи состоянія Европы и въ политическихъ взглядахъ автора, современника перваго раздѣла, поражаетъ насъ трезвость мысли и отсутствіе слѣпаго ожесточенія, столь несвойственныя всѣмъ почти польскимъ писателямъ позднѣйшаго времени, когда они касаются этого событія. Конечно, авторъ почитаетъ раздѣлъ Польши величайшимъ, неслыханнымъ преступленіемъ, пожраніемъ частей тѣла, имѣющихъ въ себѣ духъ жизни. По его понятіямъ, союзники не имѣли ни малѣйшихъ правъ на присвояемыя ими области, за исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій въ старыхъ, не доѣденныхъ мышами, пергаментахъ и претензій, отъ которыхъ притомъ они не задолго передъ тѣмъ торжественно отреклись. Проектъ раздѣла Польши хуже всѣхъ дѣяній Александра Македонскаго, Помпея и Цезаря, почитаемыхъ всѣми народами позоромъ человѣческаго рода. «Проектъ нашъ», заставляетъ онъ говорить прусскаго короля, «исторгаетъ съ корнемъ и топчетъ въ грязь всѣ, вкорененные въ насъ воспитаніемъ, предразсудки (добродѣтель, честь, справедливость и др.), всѣ общепризнанные законы человѣчности и общественную правду, насмѣхается надъ терпѣніемъ людей. Даже, на первый взглядъ, что можетъ быть гнуснѣе, какъ отнять у какого-либо монарха не малую часть его владѣній, безъ всякаго иного предлога, кромѣ нѣкоторыхъ *темныхъ и двусмысленныхъ выраженій* *) въ старыхъ, не доѣден-

*) Въ этихъ, повидимому, невинныхъ словахъ можно не безъ основанія видѣть первые ростки пріемовъ позднѣйшей польской публицистики, основанныхъ на беззастѣнчивой лжи съ своей стороны, на заподозриваніи и отрицаніи историческихъ доказательствъ противной стороны. Эта система много напоминаетъ намъ образъ дѣйствій учителей польской шляхты—іезуитовъ. Не имѣя, напр., возможности прямо отвергать подлинность какого-нибудь документа, они

Digitized by Google

ныхъ мышами, пергаментахъ и сомнительныхъ претензій, отъ которыхъ притомъ мы торжественно и рѣшительно отреклись въ послѣднихъ трактатахъ» (стр. 10—11). «Проектъ нашъ совершенно *новый*. До сихъ поръ еще не было ему подобнаго въ нашей части свѣта, между просвѣщенными народами и государями. Александъ, отнимая владѣнія у Пора, Помпей и Цезарь, низлагая съ престола азіатскихъ царей, облекли свои грабежи нѣкоторымъ покровомъ благородства, котораго нѣтъ и слѣда въ нашемъ поступкѣ. Чтобы легче осуществить свои планы, они напередъ не завѣряли въ своей пріязни и въ искренней готовности къ услугамъ, что на самомъ дѣлѣ было лишь обманомъ и уловкой; не заключали торжественныхъ трактатовъ, въ которыхъ бы отрекались отъ своихъ замысловъ, въ то самое время, когда приняли рѣшеніе выполнить ихъ. Однакожъ, Александръ, Помпей и Цезарь потомствомъ считаются позоромъ человѣческаго рода» (стр. 6—7). По представленію автора, вложенному въ уста прусскаго короля, въ томъ и состояла вся трудность составленія манифеста, что необходимо было «прикрасить въ глазахъ свѣта цвѣтомъ справедливости поступокъ, не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ тому, что люди называютъ справедливостію».—«Манифестъ этого рода», говоритъ король, «вовсе не такое легкое дѣло, какъ вамъ (императрицамъ) можетъ казаться. Онъ требуетъ творческаго таланта; только насильственные эксперименты политической химіи могутъ согласить столь разительныя противорѣчія. Весьма кстати было бы здѣсь то чародѣйное искусство, при помощи котораго оптика перемѣной цвѣтовъ обманываетъ глазъ и даетъ жизнь и тѣло призракамъ. Не думаю, чтобы свѣтъ (хотя онъ и большой сдѣлалъ шагъ къ прогрессу въ нашъ золотой вѣкъ философіи и свободы) былъ уже на столько просвѣщенъ, чтобы сколько-нибудь терпѣливо выслушать искреннее и полное изложеніе побужденій, управляющихъ нами, и нашихъ плановъ. Хотя добродѣтель по отношенію къ королямъ давно уже обратилась въ призракъ воображенія, который скоро и совсѣмъ пропадетъ, но народъ еще зараженъ предразсудками, и еще не вполнѣ уничтоженъ обычай приносить

сначала стороной набрасывали на него тѣнь сомнѣнія, чтобы потомъ, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, на этомъ основаніи смѣло доказывать его подложность. Такъ, напр., польскіе публицисты и политики поступили съ извѣстнымъ гржимультовскимъ или московскимъ трактатомъ.

Digitized by Google

кое-какія жертвы этой старой богинѣ, которая давно уже утратила свою силу и значеніе. Выполняя наши замыслы, мы дѣйствовали прямо, но здѣсь нужно большое искусство; излагая наши побужденія, мы не должны оставлять мѣста и малѣйшему сомнѣнію въ справедливости ихъ. Поэтому мы не можемъ не воспользоваться старыми выраженіями, какъ-то: справедливость, свобода, гуманность, гражданственность, хотя эти воображаемыя существа и будутъ играть, говоря по правдѣ, послѣднюю (нѣмую) роль въ нашей траги-комедіи, которую мы представимъ свѣту» (стр. 1—2). Авторъ памфлета однакожь не отвергаетъ существованія старыхъ трактатовъ, которые могли служить основаніемъ для претензій сосѣдей Польши, а только опровергаетъ ихъ значеніе силою новыхъ договоровъ *).

Вмѣстѣ со многими изъ своихъ современниковъ **), въ несчастіяхъ Польши авторъ памфлета обвиняетъ не только сосѣдей, но и самихъ поляковъ, порицая въ нихъ отсутствіе патріотизма, ихъ малодушіе и трусость. Вотъ какъ разсказываетъ Вискерфельдъ, посолъ короля въ Данцигѣ, о своихъ переговорахъ съ данцигскимъ магистратомъ, положившихъ начало тѣмъ стѣсненіямъ польской торговли, которыя впослѣдствіи тяжело отозвались на благосостояніи Польши. «Передалъ приказанія вашего величества данцигскому магистрату. Вызвали сильный ропотъ. Многіе изъ присутствующихъ поблѣднѣли. Видѣлъ трехъ, кусающихъ свои усы, что мнѣ очень не понравилось. Старый глупецъ бурмистръ осмѣлился даже безстыдно то морщить лобъ, то смѣяться, пристально присматриваясь къ моей вытертой и заплатанной одежѣ и глядя на меня съ презрѣніемъ. Потомъ онъ спросилъ меня: «давно ли я сталъ оффиціальнымъ лицомъ, какого я чина и званія», прибавивъ: «я думаю, что вы должны быть чрезвычайнымъ посломъ, а не резидентомъ».—Братъ, отвѣчалъ я ему, я полномочный посолъ, но безъ оффиціальнаго характера.—Затѣмъ, желая показать ему свое полномочіе, я выхва-

*) Въ наше время поляки, наоборотъ, обѣими руками держатся за свои старыя права и знать не хотятъ трактатовъ, уничтожившихъ ихъ.

**) Того же убѣжденія былъ, напр., Нарушевичъ и открыто высказывалъ его въ своихъ стихотвореніяхъ. См. «Dzieła Naruszewicza» к. 1., оды XXIV и XXVI. Къ Россіи Нарушевичъ относился благосклонно: прославлялъ Петра Великаго, величалъ Екатерину II, воспѣвалъ побѣды русскихъ войскъ надъ турками въ первую турецкую войну. См. ту же книгу, соч. Нарушевича, въ началѣ.

Digitized by Google

тилъ свой пистолетъ и выбилъ ему зубы, чтобы нисколько не сомнѣвался въ немъ. Тотчасъ весь магистратъ воскликнулъ: «да здравствуетъ Фридрихъ, полночный Соломонъ! Его воля будетъ исполнена. Наши граждане съ удовольствіемъ соглашаются принять его новые червонные золотые и сердечно благодарятъ его за уменьшеніе ихъ вѣса. Капитаны кораблей будутъ выплачивать новыя пошлины. Наши предмѣстья считаютъ себѣ за честь дать квартиры его солдатамъ (штиблёвымъ законодателямъ). Даже жены и дочери наши были бы къ его услугамъ, еслибъ его королевское величество не имѣлъ иныхъ вкусовъ» (стр. 43—44). Нельзя также не видѣть упрека представителямъ Польши въ изображеніи безцеремонности, съ какой обращается съ ними прусскій король. Посылая Евфраима, барона яффинскаго, въ Варшаву распространять свою новую монету и обѣщаясь для лучшаго успѣха дать въ его распоряженіе нѣсколько эскадроновъ своихъ гусаръ, король присовокупляетъ: «уже сдѣлано распоряженіе, чтобы тебя приняли въ пышномъ домѣ куявскаго бискупа. Что за картина: жидъ на подушкѣ у одного изъ знатнѣйшихъ галилейскихъ сановниковъ! Это не мало позабавитъ все твое племя и понастращаетъ нѣкоторыхъ язычниковъ. Можешь плюнуть на круцификсъ въ каплицѣ бискупа, а потомъ перельешь его въ монету» (стр. 25). Или: король предлагаетъ Екатеринѣ II слѣдующій способъ для сохраненія согласія и единодушія на польскомъ сеймѣ, утвержденіе коихъ составляетъ, по его словамъ, искреннее его желаніе: «Единственный способъ исполнить это похвальное намѣреніе—это держаться системы, о которой я уже упоминалъ. Главнѣйшія правила ея слѣдующія: привлечь на свою сторону какимъ-нибудь приличнымъ способомъ или деньгами вліятельнѣйшихъ между польскими панами, бискупами и шляхтой; угрозой конфискаціи имѣній или военной экзекуціи склонить ихъ къ созванію народнаго сейма; одѣть всѣхъ пословъ (депутаты на сеймѣ) въ униформу или какую-нибудь ливрею, чтобы поднять ихъ на смѣхъ, а для соглашенія ихъ на одну мысль окружить Варшаву войскомъ. Вотъ предлагаемый мною образъ дѣйствій» (стр. 61).

Авторъ памфлета не слишкомъ увлекался и надеждою на помощь Европы. Правда, онъ поднималъ на весь свѣтъ крикъ объ обидѣ и несправедливости, учиненной Польшѣ, и надѣялся, что этотъ крикъ пробудитъ спавшую безмятежнымъ сномъ Европу. Онъ думалъ, что «не всегда же будетъ спать Европа,

Digitized by Google

а минута пробужденія бываетъ нерѣдко бурлива». Раздѣлъ Польши, по его мнѣнію, вложенному въ уста Екатеринѣ, «подвергаетъ сомнѣнію безопасность и самое существованіе всѣхъ государствъ, особенно малыхъ; поэтому, въ интересахъ соблюденія мира и взаимнаго довѣрія въ европейскомъ мірѣ, Европа не можетъ отнестись равнодушно къ этому событію. Онъ съ корнемъ ниспровергаетъ весь политическій укладъ Европы и топчетъ ногами равновѣсіе, которое, хотя многими и признается неважнымъ, основывается однакожь на самыхъ мудрыхъ правилахъ политическаго искусства» (стр. 33—34). Привычка искать политической безопасности не въ собственныхъ силахъ, а въ помощи другихъ, — въ необходимости будто бы Польши для политическаго равновѣсія Европы,—у поляковъ, какъ извѣстно, всегда составляла наслѣдственную болѣзнь, своего рода пунктъ помѣшательства. Тѣмъ не менѣе авторъ видѣлъ, что въ его время Европа крѣпко спала и ни мало не заботилась о судьбѣ Польши. Онъ, какъ мы уже сказали, хорошо понималъ политическое состояніе Европы въ свое время. Вотъ какія слова онъ влагаетъ въ уста Фридриху, въ отвѣтъ на просьбу Маріи-Терезіи—вмѣшать въ манифестъ маленькую щепотку усыпляющаго зелья для всѣхъ европейскихъ государствъ, чтобы во время общаго сна можно было спокойно и безбоязненно совершить раздѣлъ: «Не безпокойтесь, всѣ европейскія государства и безъ того спятъ крѣпко; по крайней мѣрѣ самыя чуткія изъ нихъ, кажется, задремали. Можно бы подумать, что на всѣхъ напала спячка. Сонъ ихъ спокойный и беззаботный. Даже тотъ народъ, который мечталъ о всемірной монархіи и котораго гордость такъ долго безпокоила Европу (французы), спокойно смотритъ на наши претензіи и дѣйствія. Что барыня о семи головахъ (Голландія), видя наши стремленія, не показываетъ и признаковъ безпокойства, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: торговля—ея пружина, а миръ—ея безопасность. Не менѣе естественно и то, что король заморскихъ царствъ (англійскій) не мѣшается въ это дѣло: его корабли не могутъ добраться до Польши. Что же касается Бурбонскаго дома, впавшаго въ старческое безсиліе, или причудливаго мадридскаго двора, то это такіе союзники, на которыхъ ни въ чемъ нельзя положиться. Видите, ваши величества, что около насъ все засыпаетъ крѣпкимъ сномъ». На боязливое замѣчаніе Екатерины, что государства могутъ проснуться и обрушиться на союзниковъ, Фридрихъ спокойно отвѣ-

Digitized by Google

чаетъ: «воспользуемся же обстоятельствами, пока еще есть время, и обработаемъ наши дѣла, пока всѣ спятъ. Когда проснутся, все найдутъ поконченнымъ. Могутъ тогда перевернуться на другой бокъ, если захотятъ. Важнѣйшій шагъ уже сдѣланъ. Мы овладѣли областями нашего сосѣда; недостаетъ только манифеста, который бы доказалъ всѣмъ, что мы хорошо сдѣлали, захвативши ихъ себѣ» (стр. 32—34).

Въ частности о Франціи того времени Марія-Терезія говоритъ Екатеринѣ: «Признаюсь в. в-ству, я уже давно думала разойтись съ этимъ домомъ, приближающимся къ паденію. Какой помощи при выполненіи моихъ замысловъ я могла ждать отъ народа, управляемаго впадшимъ въ ребячество старикомъ, все занятіе котораго состоитъ въ приготовленіи пуддинга, между тѣмъ какъ его фаворитки и министры тѣмъ временемъ обираютъ казну и пресыщаются угнетеніемъ и кровью его подданныхъ? На что можетъ пригодиться союзникъ, не имѣющій ни денегъ, ни кредита? Въ его совѣтѣ едва можно указать одного способнаго министра и немногихъ достойныхъ офицеровъ въ войскѣ» (стр. 25). Судя по отвѣту Екатерины: «Безъ сомнѣнія, эти же причины заставили в. в-ство заключить договоръ съ турками, которымъ вы обязались прогнать мои войска съ Дуная, и вслѣдъ затѣмъ нарушили его, получивъ, впрочемъ, отъ турокъ слѣдующія по договору субсидіи» (стр. 26),—можно думать, что мнѣніе автора о Турціи также не высокое. Послѣ недавнихъ пораженій, нанесенныхъ туркамъ русскими войсками, конечно, онъ не могъ видѣть въ Турціи надежду спасенія Польши, какъ думаютъ теперь иные поляки, ослѣпленные враждой къ Россіи. Правда, неудачи малочисленной русской арміи на Дунаѣ въ 1773 году, представленныя, конечно, въ преувеличенномъ видѣ, и бездѣйствіе русскаго флота на Архипелагѣ пробудили въ авторѣ затаенную надежду на большія затрудненія для Россіи съ этой стороны, но все это представляется скорѣе слѣдствіемъ малочисленности русской арміи и неспособности командовавшихъ флотомъ, чѣмъ могущества Турціи *). Авторъ

*) Любопытно его мнѣніе о командующихъ флотами на Архипелагѣ. Курьеръ доноситъ Екатеринѣ: «флоты в. в-ства разсѣяны на Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, не видавши непріятелей. Адмиралы всѣ въ летаргіи, которую доктора признаютъ неизлечимою. Одинъ Грейтъ не вполнѣ безъ движенія: можетъ до половины раскрыть одинъ глазъ. Графъ Орловъ цѣлыхъ 3 мѣсяца употребилъ на то, чтобы посадить на коня в. в-ство въ видѣ Амфитриды. Два

Digitized by Google

памфлета даже намекаетъ на стремленіе Екатерины разрушить и покорить турецкое царство, влагая свой намекъ въ уста Фридриха: «Но в. в-ство желаете быть слишкомъ могущественной,— задумываете нарушить равновѣсіе въ Европѣ. Присмотритесь, в. в-ство, къ картѣ и обратите вниманіе на страшную обширность своихъ владѣній, въ какомъ видѣ они уже теперь.... Потомъ.... если вы присоедините къ нимъ еще Черное и Средиземное моря, Архипелагъ, Греческіе острова, Малую Азію, Сирію, Египетъ....» (стр. 72—73).

Но истинное политическое предвѣдѣніе оказываетъ нашъ авторъ, когда говоритъ о Пруссіи, какъ о новомъ солнцѣ на политическомъ небѣ, которое со временемъ обратитъ своихъ сосѣдей въ блистающіе воздушные призраки. Тѣмъ болѣе удивительно встрѣтить подобное предвѣдѣніе, что многіе въ ту пору почитали возвышеніе Пруссіи при Фридрихѣ II минутнымъ блескомъ, не имѣющимъ прочной основы. Но приведемъ цѣликомъ разговоръ Фридриха съ Екатериной, въ которомъ высказались эти взгляды.

Екатерина. Ваше в-ство не имѣетъ иного намѣренія, какъ только разорять, убожить и угнетать новыхъ прусаковъ для поддержанія блеска *губительнаго воздушнаго явленія*, которое своимъ пламеннымъ и кровавымъ свѣтомъ такъ долго устрашало его сосѣдей.

Фридрихъ. Не гнѣвайтесь, в. в-ство. Не будемъ ссориться прежде времени. Но что в. в-ство понимаете подъ этимъ своимъ губительнымъ воздушнымъ явленіемъ?

Екатерина. Я думаю и говорю, что в. в-ство, при всемъ великолѣпномъ сіяніи побѣдъ, которое такъ удивляетъ многихъ, въ глазахъ просвѣщенныхъ людей не болѣе, какъ призрачное могущество, которое имѣетъ больше блеска, чѣмъ прочности. Многочисленныя войска в. в-ства и рядъ вашихъ побѣдъ и удачъ дѣйствительно могли обольстить и оглушить, но тотчасъ же всѣ догадались, что этотъ блескъ—минутное явленіе, такъ какъ в. в-ство до сихъ поръ не имѣете средствъ поддерживать блистаніе своей силы и величія. Хищничества и грабежи могли дать

морскихъ коня уже готовы; готовы также три Тритона, за исключеніемъ трубъ. Все изъ лучшаго паросскаго мрамора». Напротивъ, авторъ хвалитъ отважность Вейссмана (стр. 73—74).

Digitized by Google

в. в-ству минутный блескъ, но никогда не сдѣлаютъ послѣдній прочнымъ и продолжительнымъ.

Фридрихъ. Согласитесь однакожь, в. в-ство, что этотъ Бранденбургскій метеоръ блистаетъ теперь, подобно солнцу, на политическомъ небѣ и когда-нибудь онъ съумѣетъ обратить своихъ сосѣдей въ блистающіе воздушные призраки.

Король польскій. Ей Богу, очень вѣроятно; можетъ-быть, я первый буду обращенъ въ такой призракъ.

Екатерина. Правда; на несчастіе человѣчества, в. в-ство набрались силъ и могущества.

Обѣ императрицы. О, небо! Онъ и въ самомъ дѣлѣ сталъ солнцемъ (стр. 64—65).

Современники приписывали Фридриху самые широкіе присоединительные планы. Въ разговорѣ о раздѣлѣ Польши Фридрихъ, первый заявляя свои претензіи, беретъ себѣ, какъ прилежащія его владѣніямъ: «польскую Пруссію, Померанію, оба берега Вислы, восемьдесятъ селъ Куявской епархіи и воеводства Познанское и Сѣрадзское, которыя принадлежали когда-то *предкамъ* моимъ (говоритъ король) — маркграфамъ силезскимъ. Когда же овладѣю всѣмъ этимъ, желаю еще.... Но еще не время о томъ говорить». Его глаза пожирали на картѣ все,—что и замѣтила Екатерина Маріи-Терезіи, высказавъ опасеніе, чтобъ онъ не захотѣлъ еще Курляндіи и Лифляндія (стр. 69). Что не досказалъ король, то нѣсколько прежде высказалъ его сержантъ. Притащивъ за шиворотъ географа, онъ приноситъ на него слѣдующую жалобу: «в. в-ство, этотъ трутень въ своей новой картѣ Европы не хочетъ помѣстить въ границахъ новой Пруссіи ни Данцига, ни Эльбинга, ни Торна, ни Познани, ни Варшавы, ни Курляндіи, ни Гамбурга, ни Бремена, ни Любека». Король замѣтилъ на это, обращаясь къ собесѣдницамъ: «Справедливо вы думаете, в. в-ства, что потребуется довольно времени на приготовленіе карты, прежде чѣмъ она будетъ напечатана, что въ это время могутъ произойти большія измѣненія. Карта, составленная сообразно теперешнему состоянію Европы, въ будущемъ году также мало годилась бы для насъ, какъ календарь на настоящій годъ чрезъ столѣтіе впередъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего, что бы могло причинить безпокойство в. в-ствамъ. Все затрудненіе въ томъ, чтобы не потревожить другихъ государствъ. Раздѣлъ Польши—дѣло важное, такое, о которомъ нужно извѣстить географа» (стр. 66—67). Нельзя не ви-

Digitized by Google

дѣть, что присоединительные планы позднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Пруссіи составляютъ лишь осуществленіе и развитіе преданій, ведущихъ начало отъ Фридриха Великаго.

Современниковъ удивлялъ союзъ Пруссіи, Австріи и Россіи, заключенный на счетъ Польши. Союзниковъ раздѣляли старыя и новыя обиды и непріязненные поступки. Австрія не могла простить Пруссіи завоеваніе Силезіи; Россія помнила недавній трактатъ Австріи съ Турціею, которымъ она обязалась прогнать русскія войска съ Дуная. И Россія и Австрія не забыли своей неудачной семилѣтней войны съ Пруссіей и досадовали на то обстоятельство, что курфирстъ бранденбургскій возвысился на одну степень съ ними и подчасъ управлялъ ихъ политикой. Даже личные взгляды и вкусы государей были различны. Авторъ памфлета очень искусно воспользовался этими счетами союзниковъ, чтобы придать болѣе комизма своему произведенію. Во время самыхъ задушевныхъ разговоровъ союзниковъ, онъ заставляетъ ихъ дѣлать другъ другу упреки и колкости, невольно высказывать непріязненные другъ другу планы. Во второмъ разговорѣ Марія-Терезія размечталась о своихъ правахъ на польскія области. «*Ересь* (курсивъ въ подлинникѣ) польскихъ диссидентовъ, болѣе нежели *сомнительное правовѣріе* короля Понятовскаго, бѣдственное положеніе народа подъ властію такого правительства, близость Кракова къ моимъ австрійскимъ владѣніямъ—всѣ эти обстоятельства и соображенія даютъ мнѣ болѣе чѣмъ вѣроятное (доводное) право на области, отходящія по раздѣлу къ Австріи. Могла бы также, какъ *апостольская королева*, прибѣгнуть къ своему *апостольскому* праву, въ силу коего я обязана обращать или искоренять отщепенцевъ; исполнить же это нельзя, не подчинивъ сначала эти области своей власти». Екатерина замѣтила на это: «На основаніи такихъ доводовъ, вы, в. в-ство, могли бы предъявить свои притязанія и на мои владѣнія; но я постараюсь, во что бы то ни стало, отнять у васъ всякое основаніе и даже возможность питать подобные замыслы». Далѣе Марія-Терезія сообщаетъ Екатеринѣ о своемъ намѣреніи навсегда разойтись съ обезсиленной Франціей, такъ какъ союзъ съ нею былъ бы безполезенъ для Австріи; въ отвѣтъ на это Екатерина не упустила случая кольнуть ее недавнимъ союзнымъ трактатомъ ея съ Турціей противъ Россіи, немедленно однакожъ нарушеннымъ Австріей (стр. 24—26). Въ четвертомъ разговорѣ Марія-Терезія, поучаясь у

Digitized by Google

Фридриха Великаго новой философіи, оправдывающей всякое нарушеніе трактатовъ, высказываетъ слѣдующее соображеніе: «Не говорите, в. в-ство, такъ смѣло, потому что, на основаніи этого способа мышленія, я могла бы, не обращая вниманія на трактаты, когда захочу, возвратить отъ в. в-ства Силезію». Фридрихъ, нисколько не смутившись, отвѣчаетъ: «Извините, в. в-ство: не *когда вы захотѣли бы, а когда были бы въ силахъ это сдѣлать*. На послѣднее согласенъ; но постараюсь избавить в. в-ство отъ всякаго искушенія послѣдовать моимъ правиламъ и взглядамъ» (стр. 39). Въ пятомъ разговорѣ Фридрихъ Великій, расхваливая передъ Маріей-Терезіей образъ дѣйствій Вискерфельда въ Данцигѣ, невольно высказываетъ свои виды на Моравію: «Ха, ха, ха! сержантъ поступилъ очень разумно. Любезный кумъ могъ бы быть превосходнымъ комендантомъ въ *Ольмюцѣ*. Извините, ошибся, хотѣлъ сказать въ Швейдницѣ» (стр. 45). Въ разговорѣ шестомъ Фридрихъ, наставляя своихъ собесѣдницъ въ новой философіи, столь полезной въ политикѣ, прибавилъ: «Не люблю полубезбожниковъ». Марія-Терезія не утерпѣла, чтобы не сказать: «И я не люблю полувѣровъ. (Въ сторону) Проклятый еретикъ!»(стр.52—53). Въ томъ же разговорѣ Екатерина II смѣется надъ Маріей-Терезіей, вздыхающей о небесной славѣ, а между тѣмъ показывающей сильную жадность къ чужимъ владѣніямъ (стр. 57). О пререканіяхъ между Фридрихомъ Великимъ и Екатериною II насчетъ политическаго возвышенія Пруссіи мы уже говорили. Къ сказанному остается прибавить угрожающія рѣчи Екатерины, высказанныя ею въ порывѣ негодованія на Фридриха за то, что онъ своею хитростію увлекъ ее на дорогу, на которую она не хотѣла вступать: «Нѣтъ, я болѣе не потерплю этого. Или я напрасно занимаю тронъ Петра Великаго? И какой-нибудь бранденбургскій маркграфъ, вчерашній князекъ, будетъ предписывать мнѣ законы,—мнѣ, которая, благодаря своему великому уму и обширности своего государства, сама должна предписывать ихъ Европѣ? Нѣтъ, нѣтъ, я не перенесу этого! (Король по памяти наигрываетъ арію). И что за ровня, прошу подумать!... Но не хочу вдаваться въ подробныя объясненія. Ваше в-ство уже не разъ чувствовали силу моей руки, узнаете ее и еще» (Король прусскій не перестаетъ играть, но выраженіе его физіономіи измѣняется и начинаетъ обнаруживать принужденность и смущеніе). Вотъ, наконецъ, сцена изъ послѣдняго раз-

Digitized by Google

говора, наглядно показывающая, какъ мало союзники, несмотря на взаимныя обѣщанія, готовы были помогать другъ другу въ нуждѣ. Во время спора о дѣлежѣ вдругъ являются къ Екатеринѣ нѣсколько курьеровъ. Одинъ докладываетъ, что въ Египтѣ «Али-бей разбитъ и убитъ, а русскій отрядъ, помогавшій ему, истребленъ». Другой сообщаетъ неблагопріятныя свѣдѣнія о состояніи и дѣйствіяхъ русскаго флота на Средиземномъ морѣ. Третій извѣщаетъ, что «главная русская армія перешла было Дунай, но была отражена турками. Напрасно нѣсколько разъ покушались овладѣть Силистріей,—принуждены были переправиться назадъ, потерявъ лучшихъ генераловъ. Двѣсти лучшихъ офицеровъ съ храбрымъ генераломъ Вейссманомъ погибли въ этомъ несчастномъ походѣ». Екатерина (стараясь скрыть овладѣвшее ею сильное смущеніе) говоритъ: «Вотъ непредвиденныя обстоятельства! Но не измѣнятъ они нашихъ уложеній»?

Фридрихъ. Нисколько.

Марія-Терезія. Ни чуть.

Екатерина. Примите во вниманіе, в. в-ства, что моя армія на Дунаѣ слишкомъ малочисленна; что она уменьшилась болѣе, чѣмъ на половину; что пополнить ее въ скоромъ времени нельзя и не легко это сдѣлать; что турки, возгордившись успѣхами, навѣрно будутъ дѣйствовать смѣлѣе. Все это требуетъ немедленной помощи со стороны моихъ благородныхъ союзниковъ (Тутъ Фридрихъ и Марія-Терезія переглянулись, желая проникнуть мысли другъ друга, затѣмъ опустили глаза). Что это никто мнѣ не отвѣчаетъ ни слова?

Фридрихъ. Ахъ, в. в-ство не можетъ же сомнѣваться въ моей вѣрности! Но мое положеніе для подачи вамъ помощи не такъ счастливо, какъ положеніе моей венгерской сестры, владѣнія которой граничатъ съ турецкими и которая кромѣ безкорыстной привязанности къ в. в-ству имѣетъ и другія важныя причины воспрепятствовать успѣху турецкаго оружія.

Марія-Терезія. Но если я ослаблю свои силы отдѣленіемъ части ихъ противъ турокъ, какъ же я могу поддержать свои претензіи въ Польшѣ?

Фридрихъ. Предоставьте это, в. в-ство, моему попеченію; подражайте довѣрію вашего достойнаго сына къ искренней и безкорыстной моей дружбѣ.

Екатерина. Я на минуту выйду сдѣлать нѣкоторыя распо-

Digitized by Google

ражения не армія. Надѣюсь, что имена Петра и Екатерины могутъ возбудить такую же отвагу и мужество, какъ и видъ Магометова знамени (уходитъ) (стр. 73—76).

Современники поляки считали прусскаго короля главнымъ виновникомъ раздѣла Польши, творцомъ проекта о раздѣлѣ. Въ нашемъ памфлетѣ онъ успокоиваетъ сомнѣнія своихъ собесѣдницъ касательно справедливости замышленнаго дѣла и возможности привести его въ исполненіе; онъ указываетъ, какъ лучше обмануть общественное мнѣніе Европы; онъ, наконецъ, распредѣляетъ, что долженъ взять себѣ каждый изъ участниковъ раздѣла. Весь четвертый и значительная часть шестаго разговора посвящены изображенію этой роли короля. Въ началѣ четвертаго разговора онъ увѣряетъ, что раздѣлъ Польши, хотя онъ и «нарушаетъ миръ, союзъ и взаимное довѣріе въ федераціи европейскихъ государствъ, низвергаетъ съ корнемъ политическій строй всей Европы и уничтожаетъ *равновѣсіе*, которое хотя и почитается многими неважнымъ, основывается и зиждется однакожь на самыхъ мудрыхъ правилахъ политическаго искусства», не вызоветъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ сопротивленія и мести Европы, тѣмъ болѣе, что онъ уже совершился и что дѣло идетъ только о манифестѣ. Затѣмъ король продолжаетъ: «Я уже докладывалъ в. в-вамъ, что онъ (манифестъ) долженъ быть основанъ на правилахъ новой философіи, потому что одна она можетъ устранить препятствія, которыя старое суевѣріе привыкло ставить гордости, не знающей границъ и мѣры».

Екатерина. Однакожь, в. в-ство не уничтожили христіанства въ своемъ государствѣ, какъ обѣщались Вольтеру. Знаю, что онъ часто упрекаетъ в. в-ство въ неисполненіи даннаго слова.

Фридрихъ. То—вѣрно, что я оффиціально не уничтожилъ его, но я лишилъ его своего покровительства и защиты. Я всѣми способами возбуждалъ и поддерживалъ враговъ его; даже самъ преслѣдовалъ его въ своихъ сочиненіяхъ; поднялъ на смѣхъ его священниковъ, ученіе и заповѣди; оставилъ только голыя стѣны этого зданія. И оно теперь похоже на старый, развалившійся домъ, съ умысломъ оставленный подлѣ новаго великолѣпнаго зданія, чтобы тѣмъ рельефнѣе выдавались красота и великолѣпіе послѣдняго.

Екатерина. Но, мой братъ, хотя бы вы и освободили насъ отъ христіанства, еще останется на землѣ законъ природы. Вольтеръ самъ говоритъ о красотѣ добродѣтели, о необходимо-

Digitized by Google

сти и пользѣ поступать по правдѣ, о высокомъ достоинствѣ гуманности и человѣколюбія. Наконецъ, онъ признаетъ Высшее Существо, которое вовсе не равнодушно къ людскимъ дѣламъ.

Фридрихъ. Поэтому-то я и не считаю его способнымъ написать нашъ манифестъ. Для этого намъ нуженъ настоящій мудрецъ, а не полу-философъ, подобный Вольтеру. Здѣсь дѣло идетъ объ уничтоженіи *стараго* закона природы и объ утвержденіи на его мѣстѣ *новаго*. Напримѣръ, сама природа устроила такъ, что нѣкоторыя существа не могутъ поддерживать свою жизнь иначе, какъ умерщвляя другихъ. Природа побуждаетъ людей охотиться на звѣрей, чтобы питаться ими. Она же заставляетъ звѣрей пожирать другъ друга. Что же касается насъ, то и мы руководимся побужденіями природы, захватывая и раздирая въ куски нашими королевскими, императорскими и императорсно-королевсно-апостольскими когтями владѣнія звѣрей, нашихъ сосѣдей. Если в. в-ства захотите посмотрѣть на дѣло и съ иной точки зрѣнія,—придете къ тому же выводу. Страсти, говоритъ великій философъ нашего времени *), суть первоначальный источникъ всѣхъ великихъ и богатырскихъ дѣлъ и руководитель величайшихъ изобрѣтателей. *Жадность* создала торговлю. *Гордость* построила египетскія пирамиды. *Любовь* оживила кисть перваго живописца. *Славолюбіе* завело парижскаго астронома въ Сибирь и Калифорнію для наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ дискъ солнца. *Честолюбіе и жадность* побудили насъ къ раздѣлу Польши.

Польскій король (за кулисами). О, Боже! Какихъ несчастій я и народъ мой не должны ожидать отъ человѣка, который имѣетъ голову Макіавелли, а сердце Аттилы!

Екатерина. Вотъ что называется—смотрѣть въ самую суть дѣла.... Какъ въ прежнихъ моихъ предпріятіяхъ всегда было что-то такое, что смущало меня, такъ и въ этомъ общемъ нашемъ дѣлѣ есть нѣчто, что отнимаетъ у меня веселость и спокойствіе.

Марія-Терезія. И я также не вполнѣ довольна собой. Примите во вниманіе, в. в-ство, что намъ никогда не удастся придать нашему дѣлу видъ справедливости въ глазахъ свѣта, такъ какъ права, на которыхъ мы могли бы основывать свои пре-

*) De l'esprit, Гольбаха.

Digitized by Google

тензіи, уничтожены нашими торжественными отреченіями въ позднѣйшихъ трактатахъ, изъ которыхъ иные были составлены очень недавно. Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ (если не нѣсколькихъ мѣсяцевъ), какъ в. в-ство торжественно отреклись отъ всѣхъ притязаній на владѣнія Польши. Моя сестра и я сдѣлали то же самое.

Фридрихъ. О, в. в-ства! Если вы чѣмъ дальше, тѣмъ больше будете придумывать подобныхъ затрудненій, то мы никогда не кончимъ. Припомните, что я сказалъ въ моихъ запискахъ о Бранденбургскомъ домѣ: «Политики въ своихъ общественныхъ поступкахъ не знаютъ искренности и прямодушія, признаютъ себя выше всѣхъ законовъ, которые они предписываютъ для другихъ, и руководятся исключительно порочными наклонностями своего сердца». Эти слова тогда сочтены были за пасквиль на государей и ихъ министровъ, тогда какъ въ дѣйствительности они заключаютъ основныя правила, которыми я тогда уже рѣшился руководиться въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Поэтому я смѣло утверждаю, что клочокъ бумаги и долгое владѣніе ничего не значатъ противъ *давней претензіи*, если ее можно поддержать силою, и старое право не можетъ быть уничтожено никакимъ позднѣйшимъ трактатомъ, если онъ можетъ быть безнаказанно нарушенъ.... Чтобы лучше узнать впечатлѣніе, какое можетъ произвесть манифестъ, написанный въ духѣ указанныхъ началъ, я поручилъ одному философу, члену моей академіи, приготовить проектъ его. Если будетъ угодно в. в-ствамъ, я пошлю за нимъ, тѣмъ болѣе, что и мнѣ самому очень любопытно послушать его. (Къ пажу) Прошу васъ, позовите сюда философа (Послѣдній входитъ). Г. Штрейтенрейцеръ! приготовили вы проектъ манифеста?

Философъ. Приготовилъ, в. в-ство! Всѣ побужденія и причины взяты изъ чистѣйшихъ источниковъ современной философіи.

Фридрихъ. Читайте его, только выразительнѣе.

Философъ. Такъ какъ новый свѣтъ современной философіи (которая сама есть слѣдствіе случая, соединившаго такъ, а не иначе атомы и явленія славнаго нашего вѣка) ясно показалъ: что добродѣтель есть плодъ политики, основанной на суевѣріи или невѣжествѣ; что въ сущности нѣтъ ни малѣйшаго различія между справедливостію и несправедливостію, изъ которыхъ первая тогда только обязательна, когда послѣдняя почему-либо невозможна; что нравственное добро исключительно состо-

Digitized by Google

итъ въ пріобрѣтеніи и удовольствіяхъ (при послѣднемъ словѣ обѣ императрицы усмѣхнулись, а король задумался), а зло моральное—въ утратѣ и болѣзни; что гуманность есть только пріятное расположеніе духа, текущее въ крови, умѣренность—слабый голосъ проигрывающей стороны, великодушіе—или хитро придуманныя путы, или дымъ фанатизма; что старый сборникъ законовъ, извѣстный подъ именемъ *десяти заповѣдей*, данъ для одного только невѣжественнаго и не философскаго народа, который не умѣлъ своимъ грабежамъ придать видъ величія.... Всѣмъ, кому надлежитъ, пусть будетъ извѣстно, что я—Фридрихъ, который по милости побѣдоноснаго Марса (выраженіе это показалось Фридриху слишкомъ школьнымъ) обладаю гораздо обширнѣйшимъ государствомъ, чѣмъ всѣ мои предшественники, и желаю еще увеличить его,—уговорился съ двумя государынями о раздѣлѣ между собою, сообразно наиточнѣйшимъ правиламъ и предписаніямъ новой философіи, владѣній одного изъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей, которому мы имѣемъ и имѣть обѣщаемъ (каждый по-своему) искреннюю и сердечную привязанность....

Марія-Терезія (прерывая). Однако такъ писать манифестъ нельзя. Въ немъ не упоминается ни о какомъ правѣ. Мнѣ онъ не нравится.

Екатерина. Это болѣе похоже на академическую рѣчь, чѣмъ на манифестъ. Вѣроятно, оно вышло изъ сокровищницы Дидрò.

Фридрихъ. И мнѣ самому этотъ манифестъ не нравится,—слишкомъ хитро написанъ. Все-таки онъ пригодится для разсѣянія сомнѣній (стр. 34—42).

Въ шестомъ разговорѣ Фридрихъ уже сердится, встрѣчая совѣстливость со стороны Екатерины. Покончивъ разговоръ съ Вискерфельдомъ, онъ обращается къ Екатеринѣ:

Я вижу, в. в-ство чѣмъ-то смущены. Что такое?

Екатерина. Нѣтъ.

Фридрихъ. Не скрывайтесь; что-то причиняетъ в. в-ству сильное безпокойство....

Екатерина. Да: съ нѣкотораго времени я недовольна собой. Не говорю уже объ оскорбительныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ на мой счетъ, которыхъ я довольно выслушала отъ в. в-ства, безъ всякаго съ моей стороны повода. Не знаю сама, что это значитъ, но по временамъ я чувствую, что во мнѣ что-то воз-

Digitized by Google

стаетъ противъ нашихъ поступковъ. Я слышу голосъ моей совѣсти.

Фридрихъ. Вотъ неразумная женщина! Или в. в-ство не знаете, что совѣсть, съ точки зрѣнія новой философіи, не болѣе какъ пароксизмъ или нѣкоторая внутренняя слабость, происходящая отъ горячки или отъ страха меча и висѣлицы. Изъ столь частыхъ проявленій смущенія я вывожу, что в. в-ство, хотя и хвалились, будто вполнѣ освободились отъ всякихъ предразсудковъ и старыхъ взглядовъ,—не достигли однакожъ высшей степени современной философіи. Кто дойдетъ до послѣдней, тотъ пріобрѣтаетъ такое безстрашіе и спокойствіе духа, что не только не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на нравственное добро или зло, на справедливость или несправедливость, но и умѣетъ пользоваться ими по своему вкусу и желанію. Надѣюсь, что Дидро успокоитъ сомнѣнія в. в-ства. Не люблю полубезбожниковъ.

Марія-Терезія. И я не люблю полувѣровъ... (Въ сторону) Проклятый еретикъ!

Екатерина. Великій Фридрихъ! То было минутное колебаніе и теперь.... ей-ей!... меня оставило. Не повѣрите, в. в-ство, какъ я тверда и непоколебима въ моихъ основныхъ политическихъ правилахъ. И думаю, что въ прежнихъ моихъ поступкахъ я дала не одно доказательство совершенства моей философіи. Но искренно признаюсь, что не могу ни изгладить, ни умѣрить въ себѣ непобѣдимой любви къ славѣ (стр. 51—53).

Далѣе, Фридрихъ дѣйствуетъ на славолюбіе Екатерины—наиболѣе чувствительную струну ея сердца: «Знаю ваши намѣренія, но избѣгаю говорить о нихъ, потому что это никому не можетъ быть пріятно. В. в-ство безпокоитесь о томъ, что о васъ скажутъ. А я вамъ скажу, что васъ всѣ будутъ презирать, если, поступивши такъ рѣшительно, не докончите начатаго нами дѣла. Уже в. в-ство утратили славу великодушія и безкорыстія, но за то пріобрѣли иную—императрицы гордой и мужественной. Если же теперь на полпути отступите,—утратите разомъ и ту и другую и напомните басню о собакѣ и ея тѣни». На это Екатерина отвѣтила, что подобная откровенность рѣчи ей не нравится (стр. 60—61).

Современники поляки мало того, что не признавали Екатерину виновницей раздѣла, какъ это утверждаютъ нынѣшніе польскіе публицисты, но считали ее даже менѣе другихъ участни-

Digitized by Google

ковъ въ раздѣлѣ виновною въ этомъ дѣлѣ, согласившеюся на него съ меньшею противъ нихъ охотой, даже увлеченною къ тому обманомъ. Они готовы были согласиться, что до самаго раздѣла Екатерина II по отношенію къ Польшѣ дѣйствовала по чистѣйшимъ побужденіямъ дружеской предупредительности. Войска, которыя она держала въ Польшѣ, были слишкомъ слабы для поддержанія какихъ-либо горделивыхъ замысловъ, но достаточны однакожъ для возведенія на престолъ одного изъ гражданъ и сохраненія на сеймѣ согласія и единодушія (стр. 60). Они вѣрили, что Екатерина искренно желала послѣдняго, хотя, можетъ-быть, и находили, что ея благодѣянія истекали изъ желанія славы и похвалъ. Они не сомнѣвались, что въ душѣ своей она сильно жалѣла о своемъ участіи въ раздѣлѣ. Вотъ что авторъ памфлета влагаетъ въ уста Екатерины въ интимномъ разговорѣ ея съ Маріей-Терезіей: «Признаюсь в.-ству, что я не вполнѣ спокойна. Много дурнаго въ теперешнемъ моемъ поступкѣ, который, правда, не очень безпокоитъ мою совѣсть, но заставляетъ меня крѣпко побаиваться за свою славу. Сравните только, в. в-ство, мою теперешнюю роль съ прежними моими взглядами и образомъ дѣйствій.... Прежде я объявила себя *протекторшей* польской Рѣчи Посполитой; обязалась, какъ истинный другъ Польши, исключительно изъ гуманныхъ побужденій, прекратить ея смуты, уничтожить раздоры и возвратить ей общее спокойствіе и счастіе. Теперь я сдѣлалась однимъ изъ коршуновъ, пожирающихъ ее даже въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ есть еще духъ жизни. Я равнодушно и безъ содроганія приняла участіе въ дѣлежѣ добычи. Хорошо ли это?—Конечно, нѣтъ. Поэтому-то, несмотря на всю мою новую философію, совѣсть моя чувствуетъ нѣкоторыя угрызенія» (стр. 17).

Современники поляки не скрывали, что о предварительныхъ сношеніяхъ между Берлиномъ и Петербургомъ имъ было извѣстно. «В.-вство, говоритъ Екатерина Фридриху Великому, прислали къ моему двору своего брата, съ цѣлію обмануть меня; но и тогда, не покидая своего молчаливаго характера и задумчивой мины, вы лишь на столько развязали свой языкъ, на сколько это было нужно для того, чтобы легче уловить меня въ разставленныя сѣти. Теперь, когда я запуталась въ нихъ, вы же смѣетесь надо мною. Вы втянули меня въ самыя недостойныя дѣла. Обманомъ заставили меня принять вашу сторону въ спорѣ съ угнетеннымъ Данцигомъ, возникшемъ но весьма смѣшнымъ пре-

Digitized by Google

тензіямъ. И чѣмъ болѣе я позволяла вамъ, тѣмъ ненасытнѣе вы дѣлались. Но знайте, в. в-ство, что съ этого дня этотъ признакъ вашего превосходства надо мною исчезнетъ; я не буду долѣе терпѣть его» (Тутъ Екатерина стала быстро махать своимъ вѣеромъ; Фридрихъ досталъ изъ кармана флейту, а Марія-Терезія, не желая терять времени понапрасну, стала читать по служебнику молитвы) (стр. 62—63). Марія-Терезія далеко меньше упорствовала противъ раздѣла Польши и даже постаралась подыскать религіозныя права на нее, которыя будто бы имѣла она, какъ апостольская королева, обязанная обращать польскихъ схизматиковъ въ католичество, чего не можетъ сдѣлать, не имѣя ихъ подъ своею властію (стр. 24). Современники поляки, впрочемъ, обѣихъ императрицъ считали жертвами обмана хитраго Фридриха. По ихъ понятіямъ, онъ обѣихъ водилъ за носъ, заставляя ихъ быть участницами его плановъ, главныя выгоды которыхъ приходились на его долю. Эту мысль авторъ памфлета настойчиво высказываетъ нѣсколько разъ. Вотъ Екатерина въ интимной бесѣдѣ съ Маріей-Терезіей высказываетъ опасеніе, что въ цѣлой Европѣ ихъ считаютъ глупыми и обманутыми. «Оскорбительно будетъ для нашей чести, продолжаетъ она, если будутъ смотрѣть на насъ какъ на ничтожныхъ и слабыхъ монархинь; если же избѣгнемъ этого, то навѣрно сдѣлаемся жертвами еще большихъ нареканій и безславія. Словомъ, насъ ожидаетъ одно изъ двухъ: быть или посмѣшищемъ, или предметомъ ненависти всего свѣта» (стр. 16). То же повторяетъ самъ Фридрихъ (въ сторону): «Жалкая женщина! Кто не видитъ, что надъ нею вмѣстѣ съ возлюбленною венгерскою сестрой смѣются въ цѣлой Европѣ, что всѣ считаютъ ихъ дѣтьми, которыя съ своими императорскими и императорско-королевско-апостольскими игрушками бѣгаютъ за человѣкомъ, котораго въ утѣшеніе себѣ называютъ бранденбургскимъ маркграфомъ» (стр. 63—64). То же, наконецъ, говоритъ сторонній свидѣтель сцены дѣлежа, польскій король: «Прежде чѣмъ раскроется все дѣло, можетъ-быть, всѣ узнаютъ, что не я одинъ обманутъ» (стр. 76). Но особенно ясно выражаетъ эту мысль сцена раздѣла, которую я и приведу вполнѣ (на сколько позволяетъ состояніе находящагося подъ рукою экземпляра памфлета). Первый держитъ рѣчь Фридрихъ.

Фридрихъ. Очевидно, для порядка въ дѣлежѣ каждый изъ насъ долженъ брать то, что кому ближе. Поэтому я начну съ того, что возьму себѣ польскую Пруссію, Померанію, оба бере-

Digitized by Google

га Вислы, восемьдесятъ селъ Куявской епархіи и воеводства Познанское и Сѣрадзское, которыя когда-то принадлежали моимъ *предкамъ*, силезскимъ маркграфамъ. Когда завладѣю всѣмъ этимъ, я желаю еще... Но еще не время говорить о томъ.

Марія-Терезія. О, Боже! Посмотри, моя сестра, какъ его глаза пожираютъ все! (Въ сторону) Пожалуй, захочетъ Курляндію, Лифляндію.

Фридрихъ. На долю в. в-ства, моя россійская сестра, естественно должны достаться наилучшіе края сѣверной Литвы *); а благочестивая венгерская сестра, мой сердечный другъ, можетъ обратить свои святыя очи на Краковское воеводство, соляныя копи Велицкія, Бохнескія и Самборскія; можетъ съ удовольствіемъ провесть ихъ по берегамъ Вислы отъ Силезіи до Сендоміра, и съ радостію увидитъ границу новаго государства, пріобрѣтеннаго столь похвальными средствами, очерченную болотами, Днѣстромъ, Буковиной и Молдавіей.

Екатерина. В. в-ство, очевидно, не забыли о себѣ.

Фридрихъ. Это было моимъ задушевнымъ желаніемъ. Я не имѣю привычки забывать о себѣ.

Екатерина. Польская Пруссія одна лучше обѣихъ нашихъ долей: она и плодороднѣе, и населеннѣе; населеніе ея промышленнѣе. Одна десятина тамъ принесетъ болѣе дохода, чѣмъ сто въ лѣсахъ и болотахъ литовскихъ. Въ воеводствахъ Краковскомъ, Русскомъ, Витебскомъ и Полоцкомъ нужно пройти шестьдесятъ миль, чтобы встрѣтить два или три городка, населенныхъ большею частію жидами; тогда какъ въ польской Пруссіи на этомъ самомъ пространствѣ находится девять или десять (такъ по крайней мѣрѣ теперь) цвѣтущихъ городовъ, обитаемыхъ ремесленниками или богатыми купцами.

Фридрихъ. Тѣмъ лучше для меня... Да и не могу же я потрясти землю, чтобъ эти страны перемѣнили свои мѣста. Смежность— лучшее основаніе для дѣлежа. Впрочемъ, чтобъ успокоить в. в-ство, мы можемъ вознаградить *обширностію*, чего не достаетъ *въ качествѣ*: я готовъ уступить вамъ втрое большій край, чѣмъ какой достался мнѣ.

Екатерина. Да будетъ ли это вознагражденіемъ? Страна безъ жителей и рукъ, которыя бы воздѣлывали ее, какъ бы ни была она обширна, вездѣ и всегда останется бѣдною.

---

*) Екатерина же будто бы хотѣла получить всю Литву и свободное судоходство по Двинѣ (sic) и Виліи (стр. 67).

Digitized by Google

Фридрихъ. Имѣйте, в. в-ство, нѣсколько терпѣнія: въ двѣнадцать или тринадцать столѣтій населеніе значительно увеличится и на Литвѣ, и на Руси. А такъ какъ в. в-ство имѣете сильную любовь къ славѣ и жаждете трудиться для потомства, то и эта надежда, хоть и очень отдаленная, можетъ доставить удовлетвореніе вашимъ великодушнымъ наклонностямъ. Что касается меня, то я желаю настоящаго; для меня лучше синица въ рукѣ, чѣмъ журавль въ небѣ (въ подлинникѣ: больше значитъ одно *имѣешь*, чѣмъ два *будешь имѣть*). Довольствуюсь страной людной, богатой, промышленной и торговой въ настоящую пору. В. в-ство имѣете въ Литвѣ неизмѣримые лѣса. Если вѣрить тому, что говорятъ иные, такъ какъ самъ я тамъ не былъ,—нѣкоторые изъ этихъ лѣсовъ имѣютъ до семидесяти миль въ окружности.

Екатерина. Лѣсу-то, положимъ, и много, да лучшія деревья вездѣ вырублены.

Фридрихъ. О, это не бѣда! Въ пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ вырастутъ другія; а тѣмъ временемъ в. в-ство можете лакомиться медомъ, не доѣденнымъ медвѣдями.

Екатерина. Хорошо вамъ шутить, получивъ на свою долю богатый кушъ; что же касается меня,—эти шутки для меня ни чуть не забавны.

Фридрихъ. Шутки въ сторону. Лѣса в.в-ства навѣрно вырастутъ. Вашимъ внукамъ и правнукамъ будетъ изъ чего строить корабли, если только неудачи ваши на морѣ не отобьютъ у нихъ охоты. Но в. в-ство хотите быть слишкомъ сильною, замышляете ниспровергнуть европейское равновѣсіе. Присмотритесь, в. в-ство, на картѣ къ страшной обширности уже вашихъ настоящихъ владѣній. Что же будетъ, если присоедините къ нимъ Черное и Средиземное моря, Архипелагъ, Греческіе острова, Анатолію, Сирію, Египетъ?...

Не довольна своею долей и Марія-Терезія и въ отвѣтъ на свои жалобы получаетъ тѣ же ироническія утѣшенія со стороны Фридриха.

Марія-Терезія. Не могу сказать, чтобъ я была очень довольна своимъ участкомъ. При первомъ взглядѣ, обширность приходящейся на мою долю страны обманула меня; когда я разсчитывала мнимыя выгоды моего пріобрѣтенія, мысль моя не была достаточно спокойна, чтобы сообразить существенныя невыгоды его.

Digitized by Google

Фридрихъ. Что-жь такое?

Марія-Терезія. Со всѣхъ сторонъ я стѣснена. В. в-ство такъ искусно завладѣли Вислой, что я не могу ничего провезти въ море изъ моихъ новыхъ (польскихъ) земель, не проходя чрезъ ваши владѣнія и не дѣлаясь жертвою грабежей таможенныхъ коммиссаровъ, что сильно уменьшитъ мои доходы.

Фридрихъ. Что съ этимъ дѣлать, я и самъ не знаю.

Марія-Терезія. И мой доходъ съ соляныхъ копей уменьшится на двѣ трети, когда в. в-ство будете провозить Балтійскимъ моремъ въ Литву морскую соль.

Фридрихъ. Нужно было в. в-ству сообразить это прежде.

Марія-Терезія. Новые подданные в. в-ства въ польской Пруссіи и Помераніи гораздо смирнѣе краковскихъ обитателей. Первые, за исключеніемъ немногихъ шляхтичей, такіе же добрые нѣмцы, какъ и старые ваши подданные; они имѣютъ тѣ же самые обычаи и нравы, управляются по городамъ тѣми же самыми законами. А могу ли я утѣшать себя надеждой, что укрощу независимый духъ краковской шляхты? Изглажу ли также изъ ихъ памяти воспоминаніе своего происхожденія и привилегій, которыми пользовались ихъ предки, налагавшіе на своихъ данниковъ то самое иго, какое я думаю наложить на ихъ потомковъ? Цѣлые вѣка пройдутъ, пока краковцы сдѣлаются похожи на теперешнихъ упрямыхъ венгровъ.

Фридрихъ. Все это правда. Вотъ что значитъ смотрѣть въ корень вещей. Но въ этомъ дѣлѣ есть кое-что и похуже сказаннаго, то-есть: такъ какъ духъ гордости и независимости всегда заразителенъ, то краковцы и венгры могутъ взаимно поддерживать другъ въ другѣ наклонность къ бунту. Но я и самъ не знаю, что тутъ дѣлать. Впрочемъ, теперь уже поздно переноряться. Какъ есть, такъ пусть и будетъ. Уже собрались послы великой конфедераціи въ своей униформѣ померанцеваго цвѣта, чтобы съ ропотомъ согласиться на наши претензіи (стр. 69—78) (Конца этого разговора въ нашемъ экземплярѣ не было).

Не безынтересенъ, конечно, будетъ для историковъ взглядъ современниковъ поляковъ на характеры и склонности государей, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, и на основныя начала ихъ политики.

Авторъ памфлета изобразилъ ихъ мастерски; особенно рельефно представлена политическая система Фридриха Великаго, которая, мимоходомъ сказать, подчасъ напоминаетъ образъ дѣйствій современнаго намъ прусскаго политика, Бисмарка. Со-

Digitized by Google

временники, какъ сказано выше, удивлялись, какъ могли сойтись на одномъ проектѣ лица столь противоположныхъ убѣжденій и характеровъ. Конечно, они сошлись на проектѣ совмѣстнаго захвата владѣній сосѣда, на чемъ вообще политики легко сходятся. Помимо же этого въ характерахъ ихъ встрѣчается гораздо болѣе чертъ противоположности, чѣмъ сходства. Что можетъ быть общаго между фанатическою католичкой, святошей и ханжой Маріей-Терезіей, вѣрующею въ папу и іезуитовъ, вздыхающей о царствѣ небесномъ, не пренебрегая однакожь и благами сего міра, и либеральными послѣдователями философіи XVIII вѣка—Фридрихомъ и Екатериной II? Далѣе, что общаго, кромѣ этой философіи, между Фридрихомъ, сухимъ эгоистомъ, неспособнымъ даже къ любви, атеистомъ и матеріалистомъ не по убѣжденіямъ только, но по самой природѣ своей, любившимъ только побѣды, захваты и деньги,—«человѣкомъ съ головой Макіавелли и сердцемъ Аттилы», и Екатериной Великой, славолюбивой государыней, гордой своимъ трономъ и своимъ умомъ, жаждущей похвалъ, мечтающей о славѣ благодѣтельницы людей, желающей, чтобъ ее любили и вмѣстѣ боялись? Очевидно, что современники поляки въ характерѣ Екатерины II находили гораздо болѣе свѣтлыхъ сторонъ, чѣмъ у двухъ остальныхъ союзниковъ. Рисуемый ими нравственный обликъ Екатерины Великой нерѣдко напоминаетъ портретъ ея, мастерски, яркими красками изображенный Державинымъ въ его «Фелицѣ», приводившій въ восторгъ нашихъ предковъ. Единственный недостатокъ, приписываемый ими Екатеринѣ, котораго нельзя и отрицать въ ней,—пристрастіе къ показности и внѣшнему блеску, вслѣдствіе чего она слишкомъ много гонялась за пустою молвой, слишкомъ много заботилась о томъ, что скажутъ о ней въ Европѣ, особенно же философы, что подумаютъ, и подчасъ довольствовалась видимостію дѣла, а не сущностію его. Въ отношеніи же къ философскому просвѣщенію, они считали ее не достигшею еще высшей ступени философіи, полу-атеистомъ, по выраженію Фридриха (стр. 52), годившеюся только въ ученицы Фридриха—истиннаго мудреца своего времени.

Изображеніе противоположностей въ характерѣ и политикѣ дѣйствующихъ лицъ составляетъ сюжетъ шестаго разговора. Получивъ выговоръ отъ Фридриха за излишнюю совѣстливость, Екатерина II говоритъ, что не совѣсть ее мучитъ, а любовь къ славѣ. Фридрихъ тотчасъ же подхватилъ: «Что же? Слава—и мое

Digitized by Google

божество. Когда же труба славы звучала громче, чѣмъ въ ту пору, когда она меня восхваляла? Конечно, тотъ долженъ пріобрѣсти себѣ безсмертное имя, кто при Мольвицѣ, Прагѣ, Росбахѣ и Лиссѣ предводительствовалъ побѣдоносною прусской арміей, опустошилъ плодоносныя поля Саксоніи, сравнялъ съ землею гордые замки князей, въ виду ихъ самихъ, и обратилъ славный и богатый Дрезденъ въ кучу мусора и развалинъ. Нѣтъ нужды объ этомъ и распространяться. Эти событія хорошо извѣсны в. в-ству; нѣкоторыя касаются даже васъ самихъ. Безъ сомнѣнія, бранденбургскій курфирстъ, воевавшій разомъ съ тремя могущественнѣйшими государствами и вышедшій изъ войны побѣдителемъ, не можетъ играть *двусмысленной* роли въ лѣтописяхъ безсмертной славы».

Екатерина. И я не сомнѣваюсь въ томъ, что в. в-ство не будете играть у потомства *двусмысленной* роли. Вы выше даже того, который, желая пріобрѣсти себѣ безсмертное имя, сжегъ храмъ Діаны; хотя въ иныхъ отношеніяхъ дѣла в. в-ства представляютъ съ этимъ поступкомъ много сходства. В. в-ство дѣйствительно славитесь своимъ умомъ и мужествомъ; но, говоря по правдѣ, никто вамъ не служитъ по привязанности. Васъ всѣ боятся, но никто не уважаетъ. Что же касается меня,—этотъ родъ славы не въ моемъ вкусѣ. Я всегда признавала и теперь признаю,—можете, пожалуй, если хотите, называть это слабостію,—пріятнымъ тотъ голосъ славы, который оцѣниваетъ людей по *внутреннему ихъ величію*, по *убѣжденію въ ихъ гуманности и великодушіи*. Я думаю, что истинная слава составляетъ удѣлъ только милостиваго и гуманнаго государя.

Фридрихъ. Да, такъ и видна женщина! Ей нравится сахарная слава—слава во французскомъ вкусѣ. Такъ, такъ! Людовикъ возлюбленный! Ха, ха, ха! Нѣтъ, в. в-ство, нѣтъ; хотя бы даже подобныя стремленія и не были радикально противоположны моимъ наклонностямъ, во всякомъ случаѣ, я желалъ бы скорѣе быть похожимъ на того, если не ошибаюсь, эпирскаго короля, который говаривалъ: *пусть меня ненавидятъ, только бы боялись*. Это по-мужски и основательно. Оставляю Людовику и всѣмъ ему подобнымъ прозвище *возлюбленнаго*.

Екатерина. Дѣйствительно, Людовикъ возлюбленный—смѣшное прозвище, похожее на шутку, которую однакожъ хотѣли выдать за правду. Подобныя похвалы и не смѣшны даже, но низки и непріятны. Кромѣ того, слава еще не утвердила это про-

Digitized by Google

звище своею печатью. Это выраженіе—вымышленное низкою лестью придворныхъ и подхваченное нѣкоторыми голодными писателями и поэтами *). Но вы, конечно, не будете отрицать, что прозваніе *Великій*, соединенное съ именемъ Генриха IV, производитъ пріятное чувство удивленія и уваженія, исполненная коимъ душа ощущаетъ сладость истинной славы. Этотъ герой, котораго чужіе народы называли *Генрихомъ Великимъ*, а подданные—*Добрымъ Генрихомъ*, былъ истиннымъ героемъ. Послѣднее выраженіе также имѣетъ нѣчто пріятное для слуха; нельзя о немъ вспомнить, не ощущая врутренняго удовольствія. Самое отдаленное потомство будетъ поминать имя Генриха съ сочувствіемъ и уваженіемъ; тогда какъ о Карлѣ V, также названномъ исторіей гордости и лести *Великимъ*, никто не вспомнитъ иначе, какъ съ равнодушіемъ, если не со страхомъ и отвращеніемъ.

Марія-Терезія. Прошу, моя сестра, не слишкомъ сурово отзываться о моемъ, столь почтенномъ, предшественникѣ. Онъ былъ равно великъ какъ въ благочестіи и религіи, такъ и въ политикѣ и военномъ искусствѣ. В. в-ство забыли, что онъ удалился въ монастырь и покинулъ суету міра, чтобы *пещись объ одной небесной славѣ*, въ сравненіи съ которою вся слава земная—вѣтеръ и дымъ.

Фридрихъ. Ха, ха, ха!...

Екатерина. Небесная слава!... Пусть она ею тѣшится! Должно-быть, в. в-ство только и думаете объ этой славѣ, потому что, какъ я вижу, вы не очень заботитесь о земной славѣ; и въ тайныхъ своихъ трактатахъ, которые однакожъ для меня не составляютъ тайны, показываете большую жадность къ увеличенію своихъ владѣній.

Марія-Терезія. То правда, моя сестра, что я заботусь только о небесной славѣ. Но, признаюсь в. в-ству, не хотѣла бы разстаться съ этимъ свѣтомъ, несмотря на все мое стремленіе къ жизни будущей. Я нашла способъ служенія *двумъ господамъ*, попеченія разомъ о землѣ и небѣ, привязанности въ одно время къ *благамъ небеснымъ и земнымъ*. Я соглашаю эти противорѣчія при помощи разныхъ толкованій ксендзомъ Бузенбаумомъ тѣхъ мѣстъ св. Писанія, которыя говорятъ будто бы, что *нельзя служить въ одно время и Богу и мамонѣ*.

Фридрихъ. Браво! На этомъ основаніи и я, пожалуй, не дол-

*) Возлюбленнымъ, какъ извѣстно, прозывался Людовикъ XV.

Digitized by Google

жемъ отчаяваться въ надеждѣ сдѣлаться когда-нибудь святымъ, такъ какъ для этого не требуется ни умерщвленія плоти, ни самоотреченія. А я думалъ, что для достиженія небесной славы, о которой в. в-ство говорите, государи должны любить миръ, употреблять мечъ и армію только для защиты своей страны, свято соблюдать клятвы, обѣщанія и трактаты, заботиться только объ успѣхахъ религіи, правды и промышленности въ своемъ государствѣ и объ изобиліи всего, отрекься отъ любви къ войнѣ и не захватывать владѣній своихъ сосѣдей.

Марія-Терезія. Нѣтъ, нѣтъ! Этого вовсе ненужно. Путь къ небу былъ бы слишкомъ тѣсенъ. Мой способъ не такъ труденъ: я вѣрю св. Писанію и св. преданію, папѣ и іезуитамъ. А чтобы съ настоящей же поры быть обладательницей и того свѣта, моя гробница уже приготовлена, надгробная надпись написана, мое тѣло изваяно изъ мрамора, рядомъ съ моимъ милымъ мужемъ, комната обита чернымъ сукномъ и, для пущаго страха, уставлена распятіями и черепами, такъ что нѣтъ недостатка ни въ чемъ, что могло бы умертвить меня и приготовить въ дорогу на тотъ свѣтъ, когда я не буду въ состояніи долѣе оставаться на этомъ свѣтѣ.

Фридрихъ (въ сторону). Что за глупыя женщины! (Къ Екатеринѣ) Мы, какъ вижу, не одного мнѣнія о славѣ: наша вестерская сестра вздыхаетъ о *небесной славѣ*, в. в-ство уноситесь мыслію къ чистотѣ нравственной славы, а я свою славу, какой желаю и о какой всегда забочусь, основываю на томъ, чтобы предо мной дрожала вся Европа.

Екатерина. Да, мы руководимся разными цѣлями: в. в-ство желаете только того, чтобы васъ боялись, а я хочу, чтобы меня вмѣстѣ и боялись, и любили.

Фридрихъ. Мы уже знаемъ обо всемъ этомъ...

Екатерина. Могу сказать, что всегдашнее мое желаніе—быть любимой всѣми, возбуждать равно уваженіе и боязнь. Поэтому я и безпокоюсь о томъ, что обо мнѣ скажутъ. Я уже испытала *сладость доброй славы*. Меня почитали *покровительницей наукъ и искусствъ*. Предпринятое мною составленіе законовъ дало мнѣ славу мудрости и справедливости, которая заставляла забывать мои маленькія слабости. И въ отношеніи къ Польшѣ я руководилась чистѣйшими побужденіями дружеской предупредительности. Войска, которыя я держала въ ней, были слишкомъ слабы для выполненія какихъ-либо горделивыхъ за-

Digitized by Google

мысловъ, но достаточны однакожь для возведенія на престолъ одного изъ гражданъ и сохраненія на сеймѣ согласія и единодушія.

Фридрихъ. Знаю ваши намѣренія, но избѣгаю говорить о нихъ, потому что это никому не можетъ быть пріятно. В. в-ство безпокоитесь о томъ, что о васъ скажутъ. А я вамъ скажу, что васъ всѣ будутъ презирать, если, поступивши такъ рѣшительно, не докончите начатаго нами дѣла. Уже в. в-ство утратили славу великодушія и безкорыстія, но за то пріобрѣли иную— императрицы гордой и мужественной. Если же теперь отступите на полпути, то утратите разомъ и ту и другую и напомните басню о собакѣ и ея тѣни.

Екатерина. Въ вашихъ рѣчахъ слишкомъ много откровенности, которая мнѣ вовсе не по сердцу. Я уже сказала в. в-ству, что я желала только сохранить согласіе и единодушіе на польскомъ сеймѣ.

Фридрихъ. Того же и я желаю. Вопросъ только въ томъ, какими средствами привести ихъ къ единодушію и согласію. Единственный, по моему мнѣнію, способъ привести въ исполненіе нашъ проектъ—держаться тѣхъ пріемовъ, о которыхъ я уже упомянулъ, а именно: склонить на свою сторону, какимъ-нибудь приличнымъ способомъ или деньгами, лучшихъ между польскими панами, бискупами и шляхтой, угрозой конфискаціи имѣній или военной экзекуціи побудить ихъ къ собранію національнаго сейма; одѣть всѣхъ пословъ въ униформу или ливрею, чтобы поднять ихъ на смѣхъ; а для лучшаго соглашенія ихъ окружить Варшаву войскомъ. Вотъ мой образъ дѣйствій (Въ это время Марія-Терезія молится по чоткамъ и шепчетъ что-то изъ ксендза Бузенбаума).—Конечно, в. в-ство поступите такъ, какъ вамъ будетъ угодно. Я предвидѣлъ всѣ случайности и принялъ всѣ мѣры предосторожности противъ всякихъ измѣненій, къ которымъ могли бы повести врожденное непостоянство и слабость вашего пола.

Екатерина. Непостоянство и слабость!... Это ужь слишкомъ! Ваши рѣчи начинаютъ принимать слишкомъ оскорбительный для меня характеръ... (Далѣе слѣдуетъ исполненная негодованія на интриги Фридриха рѣчь Екатерины, которую мы привели выше). Поэтому я намѣрена возвратить Литвѣ свободу и сдѣлать ее счастливой. Я хочу имѣть славу *благодѣтельствующей, гуманной* монархини. Желаніе же в. в-ства убожить и отягощать но-

Digitized by Google

выхъ прусаковъ для поддержанія того зловреднаго воздушнаго марева, которое своимъ пламеннымъ и кровавымъ цвѣтомъ такъ долго устрашало сосѣдей (стр. 53—64).

Противоположность въ убѣжденіяхъ Фридриха и Екатерины съ одной стороны и Маріи-Терезіи съ другой—искусно выяснена во второмъ разговорѣ; но мы оставляемъ его до той поры, когда будемъ проводить параллель между практическими выводами философіи атеизма и іезуитовъ. Здѣсь же дорисуемъ портретъ Фридриха Великаго, какъ его понимали современники, и особенно остановимся на пріемахъ и средствахъ его политики.

Несмотря на то, что Фридрихъ считался истиннымъ мудрецомъ во вкусѣ своего времени, королемъ-философомъ, современники скептически относились къ его авторскому таланту. Вотъ что говоритъ Фридрихъ въ отвѣтъ на мнѣніе Екатерины, что не можетъ быть лучшаго пера для объясненія претензій союзниковъ и оправданія ихъ поступка, какъ перо самого Фридриха, занимающаго очень видное мѣсто между государями-писателями: «Слишкомъ много чести для меня. Искренно признаюсь в. в-ству, что мой авторскій талантъ очень ослабѣлъ по удаленіи отъ меня ученыхъ людей. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось. Своими разговорами и нѣкоторыми иными средствами (объяснять которыя нѣтъ нужды) они поддерживали во мнѣ авторскую способность. Въ ихъ кругу я сдѣлался, самъ не знаю какъ, историкомъ, поэтомъ и философомъ. Но теперь я принадлежу къ числу самыхъ посредственныхъ сочинителей. Умѣю только, и то плоховато, говорить по-французски (потому что я не люблю своего роднаго языка; въ языкѣ, какъ и въ владѣніяхъ, мнѣ болѣе всего нравится чужое); однакожь, произнесъ въ академіи двѣ рѣчи: одну—объ эгоизмѣ, какъ единственномъ основаніи нравственности; другую—о пользѣ наукъ и искусствъ,—во время которыхъ все почтенное собраніе спало». Марія-Терезія замѣтила на это: «И отлично! Того-то намъ теперь и нужно. Еслибы в. в-ство съумѣли примѣшать къ нашему манифесту щепотку усыпляющаго порошка для европейскихъ государствъ, мы могли бы совершить нашъ раздѣлъ спокойно и безъ всякаго опасенія.

Фридрихъ, какъ мы уже видѣли, любилъ славу, но славу кровавую; онъ желалъ, чтобъ его пусть бы ненавидѣли, лишь бы боялись. Во внѣшней политикѣ онъ не показывалъ никакого уваженія къ трактатамъ, зналъ только право сильнаго, которымъ и пользовался вполнѣ беззастѣнчиво, достигая своихъ цѣлей вся-

Digitized by Google

кими путями; во внутренней политикѣ онъ заботился болѣе всего о выгодахъ казны,—о деньгахъ, какъ пружинѣ войны и мира. Правда, онъ усердно заботился объ увеличеніи населенія и даже объ обогащеніи подданныхъ, но только въ качествѣ плательщиковъ податей, чтобъ обезпечить исправное поступленіе въ казну послѣднихъ. Ему обязана началомъ финансовая система Пруссіи, умѣющая съ малыми средствами достигать многаго, а также при всякомъ удобномъ случаѣ слагать свои тяжести на плеча другихъ. Отъ него же идетъ и та своеобразная мирная политика Пруссіи въ отношеніи къ сосѣдямъ, которая руководится правиломъ: лишь бы мнѣ было хорошо, и которая въ недавнее время дала себя знать Россіи обширною контрабандой. Выпишемъ тѣ сцены, въ которыхъ изображается эта политика.

Уже въ первомъ разговорѣ Фридрихъ такъ выхваляетъ своего банкира Евфраима, барона яффинскаго *): «Евфраимъ напрасно не приходитъ.... Дѣло идетъ о деньгахъ, а деньги—главная пружина войны и мира. Вы, моя россійская сестра, обладаете дивнымъ, непостижимымъ для всѣхъ секретомъ добыванія денегъ; иные, пожалуй, скажутъ, что вы употребляете въ дѣло розги. Можно бы подумать, что судьба только вамъ открыла секретъ приготовленія философскаго камня. Я же долженъ выдумывать разныя средства. Евфраимъ—моя *волшебная розга*, мой *философскій камень*. Этотъ дивный израильтянинъ имѣетъ какую-то особенную способность обрѣзывать затрудненія и золото. Между прочимъ, онъ придумалъ такую штуку, что одинъ и тотъ же золотой идетъ *за одинъ*, когда получаетъ его моя казна, и *за два*, когда она выдаетъ его. Изъ него вышелъ бы превосходный казначей, еслибы только по временамъ онъ не впадалъ въ сомнѣнія.... Но меня онъ ждетъ, а, можетъ-быть, время для него дорого. Прошу пообождать... Немедленно вернусь... (стр. 13—14). И вотъ какой разговоръ происходитъ между королемъ и Евфраимомъ.

Фридрихъ. Евфраимъ! вотъ мое рѣшеніе.... 400.000 золотыхъ я закупилъ въ Голландіи. Ты ихъ перечеканишь, но такъ, чтобы на каждомъ изъ нихъ мы имѣли въ барышахъ 25 сереб. грошей. Напишешь къ графу Мальсъ (если только онъ не слишкомъ занятъ барышничествомъ), чтобъ онъ досталъ намъ *гиней*, съ которыми сдѣлаешь то же самое. Какъ узнаетъ, для чего

*) Не нужно забывать, что всѣ имена лицъ, кромѣ главныхъ, вымышленныя.

Digitized by Google

онѣ нужны намъ, съ большою охотою исполнитъ данное ему порученіе. Въ послѣднее время онъ показалъ удивительный фокусъ своего искусства: распустивъ слухъ о своемъ отозваніи съ поста посланника, онъ поступилъ съ своими векселями такъ, какъ будто имѣлъ намѣреніе уѣхать, и все это сдѣлалъ въ тѣхъ видахъ, чтобы, понизивъ курсъ векселей, въ мутной водѣ ловить рыбу. Роль свою онъ будетъ играть на-диво. Хотя ты и не читалъ евангелія, знаешь однакожь, что есть *орудія чести и безчестія*. Въ политикѣ есть вещи, приносящія вмѣстѣ и *стыдъ, и утѣху*, скрывать которыя, однакожь, заставляетъ и приличіе, и общій обычай.

Евфраимъ. В. в-ство, порученіе ваше не можетъ быть исполнено,—оно противно здравому смыслу. Ради чести синагоги я не хочу мѣшаться въ это дѣло,—оно противно Гемарѣ и всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ.

Фридрихъ. Ты всегда съ своими законами!... Знай, что, какъ *христіанскій государь*, я не обязанъ уважать *ваши законы*, а какъ король-философъ не знаю *никакого иного закона*, кромѣ одного великаго закона—*приличія и собственной выгоды*.

Евфраимъ. О, дай Боже, чтобы в. в-ство сдѣлались жидовскимъ королемъ! Вы были бы превосходнымъ мессіей въ нашемъ вкусѣ. Вы вполнѣ осуществили бы пророчества, *полагая узы на ноги языческикъ князей и кандалы на руки ихъ вельможъ*. Я не думаю, чтобы Варкохебъ или Кромвель имѣли достоинства, которыя бы такъ шли къ нашему идеалу мессіи.

Фридрихъ. Можетъ-быть. Но теперь дѣло идетъ объ исполненіи моего рѣшенія, цѣль котораго—не возстановленіе царства израильскаго, а употребленіе одного израильтянина для пополненія моей казны. Поэтому я хочу, чтобы ты теперь же и безъ всякаго отлагательства начеканилъ червонныхъ золотыхъ и талеровъ. Исполнивши это, возьмешь свою черную бархатную одежду, черный трехъ-ярусный парикъ, желтый атласный камзолъ и твои кресты изъ брюссельскихъ коронъ, и поѣдешь въ Варшаву. Тамъ пустишь въ обращеніе эту новую монету; для удобнѣйшаго же исполненія порученія, я дамъ тебѣ нѣсколько эскадроновъ моихъ гусаръ. Уже сдѣлано распоряженіе о пріемѣ тебя въ роскошномъ дворцѣ куявскаго бискупа. Что за картина: жидъ на подушкахъ у одного изъ знатнѣйшихъ галилейскихъ прелатовъ! Это доставитъ не мало удовольствія всему твоему племени и понастращаетъ нѣкоторыхъ язычниковъ. Можешь плю-

Digitized by Google

нуть на круцификсъ въ капищѣ бискупа, а потомъ перельешь его въ деньги. Еслибы въ Варшавѣ стали говорить тебѣ о данцигскомъ дѣлѣ,—и на этотъ счетъ дамъ тебѣ тайное порученіе. Позволяю тебѣ отъ моего имени дѣлать наивыгоднѣйшія и наилучшія обѣщанія, ибо можешь быть увѣренъ, что они никогда не обязываютъ меня. Мы теперь поступаемъ на основаніи того правила, которое одинъ англійскій поэтъ превосходно выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «обѣщанія—слова, слова же—вѣтеръ, а вѣтеръ не можетъ никого обязывать».

Евфраимъ. В. в-ство, пожалуй, и меня уговорите сдѣлаться философомъ.

Фридрихъ. Эти взгляды для тебя были бы не совсѣмъ безопасны, особенно еслибы ты захотѣлъ осуществить ихъ на дѣлѣ, такъ какъ ничто не защититъ тебя отъ гражданскихъ законовъ и отъ наказаній, установленныхъ ими. Государь же самъ владѣетъ закономъ. Философія—вещь прекрасная въ томъ лишь случаѣ, если съумѣешь спастись отъ кары закона (стр. 27—30).

Не менѣе любопытенъ разговоръ Фридриха съ Вискерфельдомъ, сержантомъ, докладывавшимъ о своемъ посольствѣ въ Данцигъ. Изъ него можно видѣть, съ одной стороны, правила, которыми руководился Фридрихъ при выборѣ исполнителей своей воли, съ другой — порядки, заведенные Фридрихомъ въ новыхъ своихъ владѣніяхъ. Сержантъ докладываетъ: «Передалъ приказанія в. в-ства данцигскому магистрату. Вызвали сильный ропотъ. Многіе изъ присутствовавшихъ поблѣднѣли. Видѣлъ трехъ, кусающихъ свои усы, что мнѣ очень не понравилось. Старый глупецъ — бурмистръ осмѣлился даже безстыдно то морщить лобъ, то посмѣиваться, пристально присматриваясь къ моей вытертой и заплатанной одежѣ и глядя на меня съ презрѣніемъ. Потомъ онъ спросилъ меня: «давно ли я сталъ оффиціальнымъ лицомъ, какого чина и званія», прибавивъ: «я думаю, что вы должны быть чрезвычайнымъ посломъ, а не резидентомъ».

Фридрихъ. Что за глупая дерзость! Свобода и богатство этихъ денежныхъ князей сдѣлали ихъ своевольными. Но пусть будетъ такъ. Постараюсь, уничтоживъ причину, изгладить послѣдствія этого безпорядка. Я увѣренъ, Вискерфельдъ, что въ этомъ случаѣ ты съ достоинствомъ поддержалъ свой санъ.

Сержантъ. О! кончено, в. в-ство. Братъ, отвѣчалъ я прези-

Digitized by Google

денту магистрата, я—полномочный посолъ, но безъ оффиціальнаго характера. Затѣмъ, желая показать ему свое полномочіе, я выхватилъ свой пистолетъ и выбилъ ему зубы, чтобы нисколько не сомнѣвался въ немъ. Тотчасъ весь магистратъ воскликнулъ: «Да здравствуетъ Фридрихъ, полночный Соломонъ! Его воля будетъ исполнена. Наши граждане съ удовольствіемъ соглашаются принять его новые червонные золотые и сердечно благодарятъ за уменьшеніе ихъ вѣса. Капитаны кораблей будутъ выплачивать новыя пошлины. Наши предмѣстья считаютъ себѣ за честь дать квартиры его солдатамъ (штиблёвымъ законодателямъ). Даже наши жены и дочери были бы къ его услугамъ, еслибъ его величество не имѣлъ иныхъ вкусовъ» (Обѣ императрицы, взглянувъ другъ на друга, достали табакерки, чтобы скрыть свое смущеніе).

Фридрихъ. Ха, ха, ха, ха!.... (Маріи-Терезіи) Не правда ли, сержантъ поступилъ очень умно? Любезный кумъ могъ бы быть превосходнымъ комендантомъ въ Ольмюцѣ... Виноватъ, ошибся, хотѣлъ сказать—въ Швейдницѣ. Видите, в. в-ства, какъ превосходно Вискерфельдъ обдѣлалъ дѣло, и безъ большихъ издержекъ... В. в-ства назначаете послами при чужихъ дворахъ князей, графовъ или бароновъ, украшенныхъ лентой какого-нибудь ордена. Посолъ и отправляется въ путь со всѣми этими титулами; нанимаетъ великолѣпный дворецъ, ѣздитъ въ щегольскомъ экипажѣ, даетъ обѣды и балы, проигрываетъ ваши деньги и свои (если есть). Все это они соблюдаютъ въ точности; что же касается вашихъ интересовъ, нельзя съ увѣренностію поручиться, чтобы не забыли ихъ. Посмотрите, в. в-ства, на Вискерфельда: это—одинъ изъ лучшихъ пословъ; а между тѣмъ посольство его стоило мнѣ не дороже 27 польскихъ злотыхъ, считая въ томъ числѣ расходъ на табакъ и водку (При этихъ словахъ всѣ три коронованныя особы начали смѣяться, но смѣхъ ихъ былъ различенъ).

Екатерина. Однакожь и вы, в. в-ство, иногда назначаете послами графовъ и бароновъ, по примѣру другихъ дворовъ. Графъ де-Мальсъ въ Лондонѣ равно отличается и въ средѣ придворныхъ, и на биржѣ между перекупщиками векселей.

Фридрихъ. Правда, иногда я посылаю въ оффиціальномъ санѣ графовъ и бароновъ, но очень рѣдко и только для виду. Ежели они желаютъ поддержать свое достоинство,—они должны сами, какъ знаютъ, удовлетворять своимъ потребностямъ, такъ

Digitized by Google

какъ самые важные изъ нихъ получаютъ капитанское жалованье, или немного болѣе. Для важныхъ же дѣлъ я имѣю особыхъ пословъ. Они съ кошачьими глазами, чтобъ и безъ свѣта видѣть; все устраиваютъ такъ тихо и незамѣтно, что ихъ работа открывается лишь въ ту минуту, когда ее менѣе всего ожидаютъ. Самымъ лучшимъ изъ подобныхъ пословъ былъ швейцарецъ, — если не ошибаюсь, посолъ въ Англіи, который жилъ когда-то довольно низкою торговлей и, обанкротившись, хотѣлъ поступить въ гвардію англійскаго короля. Ему было отказано въ пріемѣ не только потому, что онъ не имѣлъ нужнаго роста, ибо на свое несчастіе былъ больше въ толщину, чѣмъ въ высоту, но и потому, что имѣлъ непредставительный видъ и такую отвратительную физіономію, что всѣхъ пугалъ. Я обратилъ его въ посла, и онъ такъ хорошо служилъ мнѣ по трактирамъ, шинкамъ, публичнымъ домамъ и въ другихъ мѣстахъ, что я въ награду назначилъ его губернаторомъ въ Невштатель. Тамъ онъ вполнѣ выказалъ свой характеръ и сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ въ подобномъ положеніи. Хотѣлось бы покончить съ моимъ почтеннымъ посломъ. Дамъ ему только нѣсколько вопросовъ. (Сержанту въ сторону) Что подѣлываетъ тамъ генералъ Беллингъ?

Сержантъ. Дѣлаетъ то же самое, что когда-то дѣлали в. в-ство, занявъ Саксонію. Когда бѣдные люди, исполняя приказанія в. в-ства, приносятъ присягу въ своей вѣрности, повергаютъ къ вашимъ стопамъ свои привилегіи, права свободы и священныя права собственности,—онъ на это только усмѣхается. Когда родители, видя своихъ дочерей жертвами распутства своевольной солдатчины и хлѣбъ отнятымъ у ихъ голодныхъ дѣтей, наполняютъ воздухъ стонами и воплями отчаянія,—генералъ приказываетъ своимъ музыкантамъ играть, чтобы ничего не было слышно. Данцигъ уже со всѣхъ сторонъ окруженъ таможенными коммиссарами, которые, по праву большей силы в. в-ства, увеличиваютъ доходы. Двѣ трети жителей по Вислѣ и обитатели окрестностей города сдѣлались сборщиками податей. Въ продолженіе 15 дней они собрали 80.000 талеровъ въ Данцигскомъ портѣ, 500 въ Грауденцѣ и 3.000 въ Мальборгѣ. Все идетъ такъ хорошо, что одна французская компанія предлагаетъ в. в-ству нѣсколько милліоновъ, чтобъ имѣть честь арендовать ваши доходы на Вислѣ (Въ это время обѣ императрицы,

Digitized by Google

нѣчто заслышавъ, поднявши глаза къ небу, многозначительно пожимаютъ плечами).

Фридрихъ. Г. Вискерфельдъ, разскажите мнѣ, пожалуста, какъ идетъ заселеніе страны. Мнѣ почему-то кажется, что когда увеличиваются мои владѣнія, количество моихъ подданныхъ уменьшается.

Сержантъ Что-жь, и увеличеніе народонаселенія въ краѣ идетъ такъ хорошо, какъ только можно желать. Одно плохо, что наши сильно забираютъ много дѣвушекъ (При этихъ словахъ императрицы искоса посмотрѣли другъ на друга, хмурясь; видно было, что имъ не до смѣху). Кажется, генералъ едва ли понимаетъ, что этотъ способъ увеличенія народонаселенія не самый лучшій и не самый гуманный; иначе онъ установилъ бы порядокъ. Какой-то сержантъ нагло ворвался въ домъ одного пастора и изнасиловалъ его дочь, не обращая вниманія на ея крикъ и вопли всего семейства. Когда же тотъ несчастный человѣкъ явился къ генералу съ жалобой,—генералъ прехладнокровно отвѣчалъ ему: «Король нуждается въ солдатахъ и подданныхъ, а тѣ, которые желали бы трудиться для увеличенія народонаселенія, не всегда имѣютъ возможность ждать свадьбы. Находя однакожь, что вкусъ солдата къ запрещенному плоду черезчуръ уже насильственнаго характера, посадилъ его на 24 часа на хлѣбъ и воду.

Фридрихъ. Не люблю я тѣхъ насилій, которыя не достигаютъ даже предположенной цѣли. Лучше бы исполнять то, что я предписалъ въ моемъ указѣ о бракахъ. Что съ нимъ?

Сержантъ. Все хорошо, в. в-ство. Между Мальборгомъ и Плоцкомъ я встрѣтилъ 40 повозокъ дѣвицъ, годныхъ къ замужству, которыя всѣ получили приданое по указу в. в-ства. Нѣкоторыя были не веселы; но это у нихъ обычное дѣло, когда идутъ къ вѣнцу. Солдаты, конвоировавшіе дѣвицъ, увеселяли ихъ разговорами объ ожидающемъ ихъ впереди счастіи и утѣхахъ.

Фридрихъ. Прекрасно, Вискерфельдъ! Будь же на-готовѣ. Кажется, я не замедлю поссориться съ Торномъ или Гамбургомъ. Мнѣ чрезвычайно нравится твой способъ переговоровъ. Скажи адъютанту Беутеншвейцеру, что я перемѣнилъ свое рѣшеніе относительно его посольства въ Версаль. Слишкомъ хорошъ для подобнаго порученія. Пошлю туда моего кандитера или придворнаго танцмейстера.

Digitized by Google

Много остроумія показываетъ авторъ памфлета при оцѣнкѣ практическихъ выводовъ философіи XVIII вѣка и при характеризованіи знаменитѣйшихъ философовъ того времени; особенно искусно онъ проводитъ параллель между практическими выводами философіи XVIII вѣка и ученіемъ іезуитовъ, обличающую въ немъ человѣка съ умѣренно-либеральными взглядами. Конечно, для политической исторіи своего вѣка эта часть памфлета не имѣетъ большаго значенія, также какъ можетъ-быть и для исторіи мысли. Тѣмъ не менѣе, исторія просвѣщенія не можетъ не принять къ свѣдѣнію взгляды и показанія современника, человѣка не дюжиннаго, отличавшагося остроуміемъ и философскимъ образованіемъ, хорошо знакомаго съ тогдашнимъ положеніемъ философіи и философовъ.

Взглядъ автора на философію XVIII вѣка одностороненъ; повидимому, онъ не признаетъ въ ней иныхъ началъ, кромѣ тѣхъ, которыя оправдывали низкіе поступки и нечестный образъ дѣйствій, давали полный просторъ дурнымъ страстямъ человѣка. Кто не знаетъ, что въ ней дѣйствительно было довольно этого душку? Но рядомъ съ нимъ въ ней существовали такія начала, которыя распространили болѣе свѣтлыя понятія объ естественныхъ правахъ человѣческой личности и вызвали прогрессивное, гуманное движеніе въ сферѣ всѣхъ общественныхъ отношеній европейскаго населенія, въ какомъ смыслѣ она и называется, по всей справедливости, просвѣтительною. И ходъ исторіи показалъ, что первый, наконецъ, разлетѣлся по вѣтру; благодѣтельными же послѣдствіями послѣднихъ мы наслаждаемся въ настоящее время. Но не будемъ притязательны къ автору; изложимъ его взгляды такъ, какъ они есть.

Въ первомъ разговорѣ Фридрихъ спрашиваетъ, гдѣ найти человѣка, способнаго составить манифестъ, который долженъ былъ примирить непримиримыя противорѣчія,—согласить правду съ неправеднымъ захватомъ польскихъ областей, такъ какъ онъ не знаетъ ни одного, годнаго для этого дѣла? Екатерина Великая отвѣчаетъ: «Какъ такъ? И вы, в. в-ство, не находите средствъ представить наше дѣло въ благопріятномъ свѣтѣ и пера, способнаго придать важность нашимъ претензіямъ? Развѣ Берлинъ не считается гнѣздомъ *новой философіи?* Или академія в. в-ства не имѣетъ искусныхъ софистовъ, которые бы могли перомъ привлечь людей на сторону своихъ началъ и взглядовъ, въ то время какъ мы съ своей стороны употребимъ силу оружія, чтобы принудить ихъ войти въ наши интересы?»

Фридрихъ. Ахъ, в. в-ство! Берлинъ въ настоящую пору не то, чѣмъ былъ даже недавно. Въ немъ уже нѣтъ ни прежнихъ талантовъ, ни прежнихъ философовъ. Смертность, война и голодъ поморили всѣхъ; другіе же, которые при моемъ дворѣ теряли здоровье, а можетъ-быть и разумъ, удалились въ иныя страны.—*Мопертюи* болѣе не призидентъ академіи. А въ настоящемъ случаѣ онъ много бы помогъ намъ. Онъ имѣлъ удивительный талантъ соглашать противоположные и непримиримые взгляды. Началъ-было изъ наблюденій надъ дѣйствіемъ опіума на человѣка строить соображенія о природѣ нашей души; можетъ-быть, ему удалось бы на этомъ основаніи открыть и новую теорію *правды и несправедливости*, которая пригодилась бы намъ въ настоящемъ случаѣ. Но бѣдняжка захворалъ въ Базелѣ и тамъ по-христіански померъ, т. е. (вы конечно понимаете меня) *умеръ въ шляхмыцѣ* (sic!). Вольфъ, многотомная философія котораго заключаетъ въ себѣ такъ много предметовъ и такъ мало объясняетъ ихъ, который излагалъ геометрическимъ методомъ какъ высочайшіе законы *нравственности*, такъ и самые низкіе и мелкіе процессы природы, — Вольфъ, говорю, въ одну минуту придумалъ бы пятьдесятъ тысячъ тезисовъ для убѣжденія поляковъ въ томъ, что *все—хорошо*. Я этого многотомнаго философа сдѣлалъ барономъ.... Но и его ужь нѣтъ,—обратился въ монаду.

Марія-Терезія. Что это онъ говоритъ? Объясни мнѣ, пожалуста, моя россійская сестра, что такое монада?

Екатерина. Право, сестрица, и сама не знаю. Подобныхъ вещей нѣтъ въ Петербургѣ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не извѣстно, чтобъ онѣ были у насъ.

Фридрихъ. Я вполнѣ тому вѣрю. Эта вещь слишкомъ деликатна для вашего холоднаго края. Притомъ же монады — не матерія и не духъ, не имѣютъ протяженія и не могутъ быть дѣлимы; поэтому, не думаю, чтобы стоило в. в-ствамъ много задумываться надъ ними. Но шутки въ сторону.... Кого же мы выберемъ для составленія манифеста?

Екатерина. Вотъ, еслибъ в. в-ство имѣли подъ рукой графа Альгаротти или маркграфа д'Аржансъ, они....

Фридрихъ. Ахъ! и они ужь обратились въ монады и, что то же, соединились со всеобщею сущностію. Труба славы прозвучала въ честь ихъ нѣсколько похвалъ; но можетъ ли это услышать прахъ ихъ?.... Не будемъ долго останавливаться

Digitized by Google

надъ этою мыслію; бываетъ въ жизни пора, когда и слава перестаетъ быть милой. Кромѣ того, хотя бы эти великіе умы и жили въ настоящее время, намъ было бы мало толку изъ нихъ. Они были проникнуты тѣми старыми понятіями о *чести*, *добродѣтели*, *благоприличіи*, которыя въ настоящемъ случаѣ только ослабили бы силу ихъ рѣчи и быстроту ихъ соображенія.... Забываете, в. в-ство, что нашъ *проектъ совершенно новый* (и т. д. Продолженіе рѣчи Фридриха не помѣщено здѣсь, такъ какъ она приведена была выше)....

Екатерина. Вольтеръ еще живъ.

Фридрихъ. Да, живъ; но и онъ не больше пригодился бы для насъ въ настоящемъ случаѣ. Навѣрно, съ нашимъ *манифестомъ* онъ сдѣлалъ бы то же самое, что сдѣлалъ съ вашей исторіей Россіи. Не замедлилъ бы, по своему обыкновенію, набрать въ него кучу ложныхъ ссылокъ и доказательствъ, и мы стали бы невинною жертвой толковъ критиковъ и ропота поляковъ. Намъ теперь нужно только извѣстное число темныхъ мѣстъ, взятыхъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ книгъ старины, которыя мы пересыплемъ кое-какими правилами *новой философіи*. Наибольшую услугу Вольтеръ оказалъ бы намъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ, еслибы придумалъ какую-нибудь веселую шутку.... Прогналъ бы забавною, остроумною выдумкой угрюмое и мрачное расположеніе духа у смотрящихъ на эту ужасную сцену. Мнѣ весьма нравится изреченіе одного англійскаго философа: *смѣхъ и шутка суть пробный камень правды;* каждое дѣло, которое имѣетъ на своей сторонѣ улыбающихся, можно считать выиграннымъ въ мнѣніи людей. Но и Вольтеръ больше не смѣшитъ, и смѣхъ, иногда еще возбуждаемый имъ, уже не слѣдствіе того, что онъ говоритъ, но скорѣе изъявленіе людской благодарности за то, что онъ прежде смѣшилъ ихъ. Онъ уже пережилъ свой золотой вѣкъ. Книжные магазины завалены не обработанными, обнаруживающими слабѣющій уже разумъ, его сочиненіями, которыя расходятся лишь по старой памяти. Уже наскучили столько разъ повторяемыя имъ насмѣшки надъ жидами, монахами, предразсудками, фанатизмомъ, Промысломъ и т. п. вещами. Кромѣ того, онъ слишкомъ гордъ; съ нѣкотораго времени онъ выказываетъ чувства гуманности и человѣколюбія, которыя навѣрно не позволили бы ему оправдать раздѣлъ владѣній нашего брата, Понятовскаго.

Обѣ императрицы (вмѣстѣ). Неужели же этотъ раздѣлъ такое большое преступленіе?

Digitized by Google

Фридрихъ. И преступленіе, и не преступленіе.... смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на дѣло. Онъ—преступленіе, если будемъ смотрѣть на вещи съ *старой точки зрѣнія*; но и не преступленіе, если глядѣть на него сквозь *телескопъ новой философіи*.

Обѣ императрицы (вмѣстѣ). Чрезвычайно обяжете насъ, в. в-ство, если потрудитесь обстоятельнѣе объяснить это намъ. (Въ сторону) Что за удивительный человѣкъ!

Фридрихъ. В. в-ства, какъ вижу, удаляетесь отъ сущности дѣла. Дѣло идетъ о захватѣ того, что намъ не принадлежитъ,—о захватѣ *силою* и *принужденіемъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о сохраненіи *призрака правды*, получивъ одобреніе своихъ дѣйствій отъ *тѣни національнаго сейма* Польши. Мы, конечно, сумѣемъ скоро согласить и укрѣпить на немъ мнѣнія, окруживъ его войсками и угрожая присутствующимъ на немъ голодомъ, заключеніемъ въ тюрьму и даже смертію, еслибъ это понадобилось. Я уже докладывалъ в. в-ствамъ, что нашъ проектъ *совершенно новый*. Но такъ какъ онъ очень выгоденъ для насъ, вся же моя *нравственность* основывается исключительно на *моей личной пользѣ*, то я вполнѣ увѣренъ, что мы осуществимъ его. Правда, съ точки зрѣнія *старыхъ предразсудковъ*, проектъ нашъ несправедливъ, *безчеловѣченъ* и *гнусенъ*; правда и то, что эти *предразсудки* въ наше время еще не легко могутъ быть изглажены и уничтожены. Даже я, съ давнихъ поръ освободившійся изъ-подъ ярма ихъ, зачастую еще чувствую нѣкоторые уколы въ той деликатной жилкѣ, на которую обыкновенно дѣйствовали моя мамка и духовникъ, и которую они называютъ совѣстію. Но когда я приму нѣкоторую дозу *новой философіи*, по рецепту *Юма* и *Гельвеція* или *Дидро*, моя слабость проходитъ. Проектъ нашъ вырываетъ съ корнемъ и немилосердно топчетъ въ грязь всѣ вкорененные воспитаніемъ *предразсудки*, всѣ общепринятые законы человѣчности и общественную правду, насмѣхается надъ терпѣніемъ людей. Даже, на первый взглядъ, что можетъ быть гнуснѣе, какъ отнять у какого-нибудь монарха не малую часть его владѣній, безъ всякаго иного предлога, кромѣ нѣкоторыхъ темныхъ и двусмысленныхъ выраженій въ старыхъ, не доѣденныхъ мышами, пергаментахъ и сомнительныхъ претензій, отъ которыхъ, притомъ, мы торжественно и рѣшительно отреклись въ послѣднихъ трактатахъ? Пренебреженіе къ тому, что фанатизмъ называетъ *небомъ*, правдой,—

Digitized by Google

этому воображаемому существу, которое еще болѣе или менѣе почитается людьми, и къ чувствамъ, силу которыхъ темная толпа всегда ощущала и признавала, — пренебреженіе это, говорю, тѣмъ важнѣе и оскорбительнѣе, чѣмъ торжественнѣе мы всѣ заявили, что не имѣемъ никакихъ претензій на владѣнія нашего брата, Понятовскаго, и ни малѣйшаго желанія присвоить себѣ что-либо изъ его государства. А.... вы дрожите! Я самъ бы задрожалъ подобно вамъ, еслибы не пришла мнѣ на помощь *новая философія*. Хорошо ли вы понимаете ее? Какъ жаль, что мы, въ нашемъ манифестѣ, не можемъ воспользоваться превосходными и обстоятельными ея выраженіями и должны непремѣнно обратиться къ обычному, школьному, скучному и непріятному способу изложенія.

Марія-Терезія. Признаюсь в. в-ству, что я совершенно не знаю этой *новой философіи*. Мои *ученые* держатся еще философіи XIV вѣка, которая имѣетъ то достоинство, что она—философія святыхъ мучениковъ и монаховъ. Самая темнота, покрывающая всѣ ея положенія, придаетъ ей не мало важности и достоинства и дѣлаетъ ее святою, достойною, въ глазахъ людей, всякаго почтенія и общаго уваженія. Оба мои сына—императоръ и великій герцогъ тосканскій—изъ нея научились искусству царствовать. Имъ дѣлали оффиціальное испытаніе въ ней, въ присутствіи двора и иностранныхъ пословъ, во время котораго (испытанія) достопочтенный отецъ Пагенстекеръ спрашивалъ ихъ о *сущностяхъ*, *качествахъ*, *количествахъ*, *количественностяхъ* *), *существѣ*, *правдѣ*, *единствѣ и существенныхъ образахъ*. В. в-ство сами видите слѣдствія столь счастливаго воспитанія.

Фридрихъ. Въ чемъ? (стр. 3—12).

Обращаюсь, наконецъ, къ сопоставленію практическихъ слѣдствій матеріалистической философіи XVIII вѣка и ученія іезуитовъ.

Свой взглядъ авторъ памфлета изложилъ въ формѣ интимнаго разговора между Екатериной Великой и Маріей-Терезіей, причемъ первая объясняетъ, что такое новая философія, а послѣдняя припоминаетъ взгляды, внушенные ей ея духовниками, и открываетъ въ нихъ значительное сходство съ правилами новой философіи.

*) Польскій подлинникъ гораздо выразительнѣе и комичнѣе говоритъ о носцяхъ, якосцяхъ, ілосцяхъ, якосцяхъ и т. д.

Digitized by Google

Марія-Терезія. Милая сестрица! что это такое за *новая философія*, о которой такъ много говорятъ? Если не ошибаюсь, она нѣсколько походитъ на *атеизмъ*.

Екатерина. Какъ такъ? А впрочемъ.... правда.... нѣчто въ родѣ того. Но *атеизмъ*—старое выраженіе, ненавистное и мерзкое для темной толпы, хотя въ сущности оно означаетъ только *свободный образъ мышленія, не знающій никакого принужденія или ограниченія*.

Марія-Терезія. Все это для меня не мало удивительно, милая сестрица; я была бы очень рада, еслибы вы обстоятельнѣе разъяснили мнѣ эту новую философію.

Екатерина. Я сама еще слишкомъ мало знаю ее для того, чтобъ обстоятельно разъяснить ее, какъ вы того желаете. Больше узнаю, когда Дидрò пріѣдетъ въ Петербургъ. Нашъ братъ, прусскій король, между новыми философами, безспорно, одинъ изъ смѣлѣйшихъ въ *мышленіи* и искуснѣйшихъ въ *выполненіи*; поэтому, вѣроятно, онъ съумѣетъ дать вамъ болѣе полныя свѣдѣнія о *новой философіи*. И теперь онъ съ Евфраимомъ занятъ выполненіемъ одного изъ своихъ важнѣйшихъ правилъ. Этой-то философіи, подкрѣпленной, правда, военнымъ геніемъ и великимъ умомъ, онъ и обязанъ столь быстрымъ возрастаніемъ могущества своей державы, такъ что теперь боятся его даже тѣ государства, предъ которыми прежде дрожала вся Европа.

Марія-Терезія. Вы, милая сестрица, вмѣсто удовлетворенія, только раздражаете мое любопытство. Я не могу преодолѣть своего нетерпѣнія и чувствую чрезвычайное желаніе поучиться нѣсколько этой философіи, производящей такія чудеса.

Екатерина. Я могу, милая сестрица, представить вамъ одинъ обращикъ ея въ письмѣ, которое я получила отъ одного изъ посланныхъ мною въ чужіе края собирать свѣдѣнія и новости о способѣ *просвѣщенія людей и о политической экономіи*. Онъ мнѣ доноситъ, что одинъ изъ славнѣйшихъ современныхъ философовъ окончилъ книжку, въ которой усиливается доказать, что поступки людей, собственно говоря,—«ни *добры*, ни *злы*»; что дурной поступокъ имѣетъ въ себѣ не болѣе *нравственнаго* несовершенства, какъ и *сломанная нога*; что нѣтъ никакой заслуги въ *благочестіи* и *набожности*; что вообще вѣра—*глупость*, что божество есть только *пустой звукъ, на воздухъ сказанное слово безъ всякаго значенія*; что о будущей жизни мы ничего не

Digitized by Google

знаемъ; что *правда*, наконецъ, есть *вымышленная добродѣтель*, не имѣющая иного основанія, кромѣ нѣкоторыхъ общественныхъ требованій и произвольныхъ законовъ, въ свою очередь основанныхъ на страхѣ кары». Это послѣднее правило особенно благопріятно нашему политическому намѣренію. А такъ какъ, кромѣ того, мы не можемъ ни ожидать, ни опасаться какого бы то ни было возмездія со стороны нашего брата, Понятовскаго, то справедливость, эта вымышленная добродѣтель, нисколько не можетъ связывать насъ нашими трактатами, и раздѣлъ Польши нисколько не долженъ оскорблять ее.

Императрица австрійская припоминаетъ, по поводу этихъ словъ, одинъ случай,— какъ слуга одного изъ ея придворныхъ, наслушавшись новой философіи, обокралъ своего господина, но былъ схваченъ и попалъ на висѣлицу, получивъ въ утѣшеніе себѣ лишь слѣдующія назиданія изъ евангелія новой философіи: «что онъ долженъ быть осторожнымъ; что въ его положеніи онъ долженъ геройски перенести всѣ муки, презирая настоящую жизнь и не опасаясь никакой иной; что, *все равно*, и безъ этого несчастія онъ скоро обратился бы въ ничто». Екатерина на это снова замѣчаетъ, что *новая философія* опасна для простыхъ людей, но государствамъ, кромѣ выгодъ, ничего не можетъ принесть.

Марія-Терезія. По правдѣ сказать, я ненавижу эту *новую философію*, ибо, помимо того, что противорѣчитъ св. Писанію, она,—что за мерзость!—уничтожаетъ вѣру въ *чистилище*, отвергаетъ важность *церковнаго преданія* и непогрѣшимость *римской каѳедры*. Кромѣ того, я могу легко обойтись и безъ нея, потому что и помимо ея я имѣю средства оправдать свой поступокъ: іезуиты такъ же превосходно, какъ и ваши философы, умѣютъ успокоить боязнь совѣсти, смущенной и встревоженной представленіями *правды* и *справедливости*. Еслибы какимъ-нибудь образомъ неблагоразумная политика уничтожила ихъ орденъ,—я уже рѣшилась нѣкоторыхъ изъ достойнѣйшихъ членовъ его удержать при себѣ, чтобъ они руководили моею совѣстію. Ихъ теорія *пробабилизма* или *вѣроятности*,—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется,—имѣетъ много сходства съ теперешнимъ *скептицизмомъ* или *сомнѣніемъ* во всемъ. Не далѣе, какъ поутру, одинъ изъ этихъ достопочтенныхъ ксендзовъ сказалъ мнѣ (смиренно сложивъ на груди руки), что нѣтъ ни одного вопроса въ богословіи и въ политикѣ, который не представ-

Digitized by Google

лялъ бы доказательствъ за и противъ себя и который не могъ бы быть рѣшенъ и такъ, и иначе, и что этого вполнѣ достаточно для сохраненія полной свободы совѣсти, за исключеніемъ только (прибавилъ онъ) слѣдующихъ членовъ вѣры: *непогрѣшимости* папы [1]) и *божественнаго происхожденія іезуитскаго ордена*». Что можетъ быть легче, какъ примѣнить къ нашему дѣлу эту теорію? *Ересь* польскихъ диссидентовъ, болѣе нежели *сомнительное правовѣріе* короля Понятовскаго, бѣдственное положеніе народа подъ властію такого правительства, близость Кракова къ моимъ австрійскимъ владѣніямъ— всѣ эти обстоятельства и соображенія даютъ мнѣ болѣе нежели *вѣроятное* (доводное) право на области, отходящія по раздѣлу къ Австріи; могла бы также, какъ *апостольская королева*, прибѣгнуть къ своему *апостольскому* праву, въ силу котораго я обязана обращать или искоренять отщепенцевъ; исполнить же это нельзя, не подчинивъ прежде эти области своей власти.

Екатерина. На основаніи такихъ доводовъ, вы могли бы, в. в-ство, предъявить свои притязанія и на мои владѣнія; но я постараюсь, во что бы то ни стало, отнять у васъ всякое основаніе и даже возможность питать подобные замыслы.

Марія-Терезія. Не прерывайте меня, в. в-ство; я хотѣла только передать вамъ о святыхъ и благодѣтельныхъ совѣтахъ, которые мнѣ дали многоуважаемые руководители моей совѣсти, на основаніи теоріи *пробабилизма*. Благодаря снисходительности ихъ во всѣхъ случаяхъ, я нисколько не задумалась надъ разрывомъ дружественнаго союза съ Англіей, хотя еще и сохранилось въ моемъ сердцѣ живое воспоминаніе о великодушныхъ услугахъ, недавно оказанныхъ ею мнѣ, хотя также я вполнѣ понимала обязанности свои къ этому, столь тѣсно связанному со мною, государству. По тѣмъ же побужденіямъ я не посовѣстилась пустить въ ходъ интриги, увертки, измѣну и даже плутни (какъ говоритъ простонародье), чтобъ обмануть Францію; потому что, признаюсь в. в-ству, я давно уже думала разойтись съ этимъ приближающимся къ паденію домомъ. Какой помощи при выпол-

*) Нужно ли лучшаго доказательства той мысли, что провозглашенный недавно въ католической церкви догматъ непогрѣшимости папы вовсе не составляетъ новоизмышленія; напротивъ, онъ есть естественное послѣдствіе папской доктрины и давнымъ-давно молча признавался всякимъ истинно-вѣрующимъ католикомъ.

Digitized by Google

неніи моихъ плановъ я могла бы ждать отъ народа, управляемаго впадшимъ въ ребячество старикомъ, все занятіе котораго состоитъ въ приготовленіи пуддинга, между тѣмъ какъ его фаворитки и министры обираютъ тѣмъ временемъ казну и пресыщаются угнетеніемъ и кровью его подданныхъ? На что можетъ пригодиться союзникъ, не имѣющій ни денегъ, ни кредита? Въ его совѣтѣ едва можно указать одного способнаго министра и нѣсколько достойныхъ офицеровъ въ войскѣ.

Екатерина. Безъ сомнѣнія, тѣ же причины заставили в. в-ство заключить договоръ съ турками, которымъ вы обязались прогнать мои войска съ Дуная, и въ слѣдъ затѣмъ нарушить его, получивъ, впрочемъ, отъ турокъ слѣдующія по договору субсидіи.

Намекъ этотъ, какъ видно, не понравился Маріи-Терезіи.

Марія-Терезія. Оставимъ это, пожалуста; не нужно объ этомъ и вспоминать. Теперь мы—добрыя пріятельницы. Наши интересы сходны. Мы вмѣстѣ ловимъ въ одномъ омутѣ, съ одинаковымъ успѣхомъ и счастіемъ (стр. 17—26).

Такимъ образомъ современники поляки истинною виновницей раздѣла Польши признавали Пруссію, а никакъ не Россію, несмотря даже на то, что Россію, повидимому, ненавидѣли болѣе, чѣмъ другихъ участницъ въ раздѣлѣ *). Очевидно, для современ-

*) Тотъ же взглядъ господствовалъ въ ту пору и въ западной Европѣ. Это доказываютъ соображенія графа де-Брольи, представленныя Людовику XV, 16 апрѣля 1773 г., въ свою пору не напечатанныя и сдѣлавшіяся извѣстными публикѣ уже много времени спустя. Вотъ въ какихъ словахъ характеризуетъ онъ политику прускаго кабинета (приводимъ ихъ по сочиненію Лобажевскаго «Respect dû à la tête couronnée» стр. 201—3): «Истинный виновникъ всѣхъ смятеній въ Польшѣ, онъ умѣлъ, дѣйствуя изподтишка и безъ всякихъ издержекъ съ своей стороны, такъ поставить дѣло, что вынудилъ Вѣнскій и Петербургскій дворы раздѣлить съ нимъ это королевство. Онъ обольстилъ молодаго государя, жаждавшаго военной славы, и государыню, увлеченную философіей и законодательными работами; онъ сталъ посредникомъ между ними и связью этого новаго соглашенія, чтобъ обоихъ сдѣлать орудіями своихъ видовъ и проектовъ». Тотъ же графъ де-Брольи говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Нужно думать, что на нейштадтскихъ конференціяхъ 1770 года между императоромъ (Іосифомъ II) и королемъ прусскимъ была уже рѣчь объ этомъ раздѣлѣ, и что австрійскій министръ долгое время потомъ былъ занятъ посвященіемъ въ этотъ планъ императрицъ». Или вотъ что мы читаемъ въ секретной депешѣ герцога де-Рогана, французскаго посланника въ Вѣнѣ, отъ 4 іюля 1774 года: «Я имѣю въ рукахъ секретные документы, которые просвѣщаютъ насъ насчетъ приватныхъ, очень интимныхъ отношеній императора къ прусскому королю и насчетъ побужденій, вызвавшихъ нейсское и нейштадтское свиданіе. Этотъ союзъ

Digitized by Google

никовъ дѣло было такъ ясно, что приписать Россіи проектъ раздѣла было невозможно. Поляки корили Россію только нарушеніемъ не задолго предъ раздѣломъ даннаго обѣщанія—сохранить цѣлость Польши. Что это мнѣніе памфлета, содержаніе котораго мы изложили, не было одиночнымъ и исключительнымъ, но, напротивъ, составляло общее убѣжденіе поляковъ современниковъ перваго раздѣла, это лучше всего доказывается свидѣтельствами враждебныхъ Россіи памфлетовъ 1790 г. Щедро расточая всевозможныя клеветы на Россію и, между прочимъ, прямо обвиняя ее въ первомъ раздѣлѣ Польши, они при этомъ сознаются, что о подобной роли Россіи въ этомъ событіи полякамъ сдѣлалось извѣстнымъ лишь въ недавнее время, прежде же говорили объ этомъ различно *). Теперь спрашивается: кто же и когда пустилъ въ ходъ мнѣніе, будто Россія устроила первый раздѣлъ Польши,—мнѣніе, имѣющее у теперешнихъ польскихъ патріотовъ характеръ аксіомы? Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ позднѣйшимъ польскимъ памфлетамъ прошедшаго вѣка, на сколько они касаются перваго раздѣла Польши.

А. Розовъ.

чувствъ и интересовъ, гибельныя послѣдствія котораго мы уже видѣли въ Польшѣ, несомнѣнно принесетъ и другіе результаты, еще болѣе опасные для свободы имперіи и для общаго спокойствія». Въ другомъ мѣстѣ: «Вотъ резюме частной корреспонденціи прусскаго короля съ своимъ посломъ въ Вѣнѣ. Этимъ путемъ мы пріобрѣтаемъ истинныя, очень интересныя свѣдѣнія о политикѣ двухъ дворовъ, соединенныхъ узами дружбы, объ ихъ сокровенныхъ планахъ, о тайнахъ ихъ сближенія съ Петербургскимъ дворомъ, о рѣчи и дѣйствіяхъ монарха, который своимъ извѣстнымъ честолюбіемъ и презрѣніемъ къ законамъ, связывающимъ государей и государства, неизбѣжно долженъ обезпокоивать державы, озабоченныя болѣе всего утвержденіемъ равновѣсія и спокойствія».

*) Памфлеты: «Портретъ Москвы», «Объ опасномъ положеніи политическаго равновѣсія» и «Петербургскій курьеръ».

Digitized by Google

ИЗЪ „L'ANNÉE TERRIBLE."

(В. Гюго.)

На баррикадѣ, кровью залитой,
Ребенка лѣтъ двѣнадцати съ толпой
Другихъ бойцовъ солдаты захватили.

— И ты былъ съ ними?—«Да, мы вмѣстѣ были».
— Ну, такъ, тебя мы разстрѣлять должны.
Жди свой чередъ.

Стволы поднялись рядомъ,
Сверкнулъ огонь, и пали у стѣны
Товарищи его по баррикадамъ.

— «Позвольте мнѣ», сказалъ онъ, обратясь
Къ начальнику, «пойти домой, проститься
Съ моею матерью: я ворочусь сейчасъ».
— А кто тебя заставитъ воротиться?
Ты хочешь улизнуть?—«Нѣтъ, капитанъ».
— А гдѣ живешь ты?—«Тамъ вонъ, у фонтана».
— Ну, хорошо, ступай....

— «Эхъ, капитана
Надулъ мальчишка,—ловокъ на обманъ!»
Смѣялися солдаты межъ собою;
И смѣшивался этотъ грубый смѣхъ
Съ предсмертнымъ стономъ и храпѣньемъ тѣхъ,
Кто умиралъ, валяясь предъ стѣною....

Digitized by Google

Вдругъ шутки смолкли. Весь отрядъ
Глядитъ, не вѣря: къ нимъ назадъ
Ребенокъ осужденный смѣло
Идетъ, приблизился и сталъ
Къ стѣнѣ и гордо имъ сказалъ
— «Вотъ я—стрѣляйте!»

Пожалѣла
Смерть злая мальчика въ тотъ часъ,
Безумья своего стыдясь,
И онъ прощенъ былъ капитаномъ.

Дитя! ужаснымъ ураганомъ,
Который налетѣлъ на насъ,
Перемѣшавши все: героя
Съ разбойникомъ, добро со зломъ,
Тебя толкнуло въ бездну боя—
Зачѣмъ?... Не знаю я о томъ,
Но говорю я: ты душою
Младенческою былъ великъ
Въ тотъ роковой и страшный мигъ,
Когда ты съ матерью родною
Простился и пошелъ опять
Туда, гдѣ долженъ былъ принять
Ты смерть съ погибшею толпою
Товарищей. Ты отвѣчать
Не могъ за то, что люди эти
Тебя заставили въ бою
Участвовать; но, на разсвѣтѣ
Дней рѣзвыхъ дѣтства, жизнь свою
Ты былъ готовъ отдать за дѣло
Твоихъ друзей и у стѣны,
Гдѣ были пулей сражены
Бойцы свободы, сталъ ты смѣло!

Да, слава шлетъ тебѣ привѣтъ
И на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Вѣнчаетъ лаврами героя.
Когда-бъ дѣяніе такое
Ты въ древней Греціи свершилъ,

Digitized by Google

Тебя воспѣли бы Эсхилъ
И пламенный Тиртей. Преданье
О дивной доблести твоей
Жило бы въ памяти людей....
И въ тихій часъ, когда сіянье
Послѣднихъ вечера лучей
Лилося въ вышинѣ лазурной,
И юная гречанка съ урной
Шла къ водоему, гдѣ, склонясь,
Дремали ивы,—въ этотъ часъ
Ей вспоминались бы напѣвы,
Въ которыхъ былъ прославленъ ты,
И пробуждались въ сердцѣ дѣвы
Свободы и любви мечты....

В. Буренинъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА

ВЪ ДЕРЕВНѢ КОНОХОВѢ (ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ).

У насъ принято постоянно указывать, какъ на причину крестьянской бѣдности, между прочимъ, на чрезмѣрные и неравномѣрные налоги. Нельзя, конечно, отрицать справедливости подобныхъ указаній, но рядомъ съ этимъ имѣются въ иныхъ мѣстахъ и другія причины, существенно вліяющія на степень благосостоянія крестьянъ. Къ числу этихъ послѣднихъ причинъ слѣдуетъ отнести несоотвѣтствіе выкупныхъ платежей съ дѣйствительною стоимостью крестьянскихъ надѣловъ, или, говоря вообще, неправильное разрѣшеніе крестьянскаго дѣла. До какихъ размѣровъ можетъ доходить подобная неправильность въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, съ которымъ намъ совершенно случайно удалось недавно познакомиться и изучить его по достовѣрнымъ источникамъ. Фактъ этотъ — болѣе чѣмъ грустная исторія крестьянъ деревни Конохова, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи, за послѣднее десятилѣтіе. Желая послѣдовательно передать эту во многихъ отношеніяхъ любопытную и поучительную исторію, я долженъ обратиться къ недалекому прошлому.

1-го мая 1862 г. въ части деревни Конохова, принадлежащей артиллеріи капитану А. С. И...ву, была составлена уставная грамата кандидатомъ мироваго посредника 3-го участка Шуйскаго уѣзда, г. Ш...нымъ. Коноховскіе крестьяне, признавая, вѣроятно, уставную грамату неправильною, не приняли ея. Проходитъ три роковыхъ мѣсяца, крестьяне никуда не жалуются, и уставная грамата входитъ въ свою законную силу. Это, повидимому, невинное начало той драмы, которая съ

Digitized by Google

1862 г. вплоть до настоящаго времени разыгрывается въ деревнѣ Коноховѣ. По уставной граматѣ коноховскіе крестьяне обязаны были платить въ пользу помѣщика ежегоднаго оброка 423 р., за 47 ревизскихъ мужскаго пола душъ, что составитъ на каждый душевой надѣлъ по 9 рублей. Хотя, какъ мы видѣли, коноховскіе крестьяне отказались отъ принятія уставной граматы, но тѣмъ не менѣе въ первое время по ея объявленіи они платили своему бывшему владѣльцу оброки,— платили по мѣрѣ силъ и возможности. Но съ 1863 г. за коноховскими крестьянами начинаетъ накапливаться недоимка, первоначально въ 200 р., затѣмъ въ слѣдующемъ 1864 г. недоимка увеличивается и достигаетъ цифры 500 р. Съ этого времени со стороны г. И....ва подается цѣлый рядъ жалобъ на коноховскихъ крестьянъ—то мѣстному мировому посреднику г. О...ну, то владимірскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Начинается переписка, заводятся цѣлыя дѣла въ разныхъ учрежденіяхъ по взысканію съ временно-обязанныхъ крестьянъ 2-го коноховскаго сельскаго общества *) оброчныхъ недоимокъ, и все это кончается предписаніями и подтвержденіями шуйскому полицейскому управленію о продажѣ крестьянскаго имущества. Пока шуйская полиція собиралась привести въ исполненіе данныя ей порученія по продажѣ имущества коноховскихъ крестьянъ, въ деревнѣ Коноховѣ, 25-го августа 1864 г., произошелъ, какъ выражается одинъ оффиціальный документъ, «опустошительный» пожаръ, отъ котораго сгорѣли у 16 хозяевъ дома съ надворными строеніями, разными постройками и всѣмъ имуществомъ, имущество же остальныхъ 5 домохозяевъ, которые не погорѣли, оказалось на столько незначительнымъ, что, по продажѣ, не покрыло и причитавшейся собственно на ихъ долю недоимки.

Г. И...въ вновь начинаетъ писать на коноховскихъ крестьянъ жалобы разнымъ лицамъ и учрежденіямъ; но, оставаясь по-прежнему неумолимъ въ этихъ жалобахъ и дѣйствуя въ нихъ съ тою же настойчивостью, онъ нѣсколько измѣняетъ свою прежнюю систему личныхъ отношеній къ крестьянамъ, по крайней мѣрѣ дѣлаетъ видъ, что желаетъ быть болѣе уступчивымъ. Прежде, напримѣръ, г. И...въ на всѣ просьбы крестьянъ разсрочить имъ уплату оброковъ отвѣчалъ отказомъ, теперь же онъ соглашается на подобную разсрочку. Но какой смыслъ могла имѣть для крестьянъ эта великодушная снисходительность г. И...ва послѣ бывшаго у нихъ пожара и продажи затѣмъ всего уцѣлѣвшаго имущества на пополненіе все той же оброчной недоимки? Коноховскіе крестьяне, не отличавшіеся и прежде благосостояніемъ, пришли

*) Деревня Конохово состоитъ изъ 2-хъ сельскихъ обществъ, въ составъ 2-го общества вошли бывшіе крестьяне г. И...ва, а въ составъ 1-го общества—крестьяне г. Лаврова; нашъ разсказъ касается исключительно крестьянъ г. И...ва.

Digitized by Google

послѣ пожара въ такое положеніе, что дѣлу аккуратнаго взноса ими оброковъ не могли помочь никакія разсрочки. Изъ разныхъ оффиціальныхъ сношеній этого времени выяснилось, что бытъ коноховскихъ крестьянъ особенно ухудшился въ послѣднее время, когда это имѣніе еще во времена крѣпостнаго права перешло къ настоящему владѣльцу, г. И...ву, увеличившему повинности крестьянъ противъ тѣхъ, которыя они платили его предшественнику. Выяснилось также оффиціально и то, что крестьяне вовсе не упорствуютъ въ платежѣ текущихъ оброковъ и недоимокъ, а не платятъ единственно въ виду своей крайней нищеты и бѣдности.

Противъ недоимщиковъ законъ разрѣшаетъ употреблять нѣсколько мѣръ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Всѣ эти мѣры изложены въ ст. 262 и 263 «Мѣстнаго Положенія» для губерній великороссійскихъ, малороссійскихъ и бѣлорусскихъ. Первая изъ нихъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, что членамъ несостоятельнаго сельскаго общества прекращаются выдача и возобновленіе паспортовъ на отлучки изъ мѣста жительства; во-вторыхъ, избранныя обществомъ должностныя сельскія лица смѣняются и замѣняются другими, по усмотрѣнію мѣстнаго мироваго посредника; въ-третьихъ, неисправные въ платежахъ крестьяне отдаются въ заработки, по контрактамъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ, указанныхъ въ Положеніи, условій; въ-четвертыхъ, дѣлается опись всего крестьянскаго имущества и, за исключеніемъ самаго необходимаго, оно продается, и, наконецъ, въ-пятыхъ, отъ крестьянъ отбирается временно, на три года, часть земель, состоящихъ въ постоянномъ ихъ пользованіи, и отдается въ арендное содержаніе съ торговъ или обращается подъ общественную мірскую запашку, или же отдается во временное распоряженіе самого помѣщика. Затѣмъ, если всѣ эти мѣры не приведутъ ни къ чему и недоимка останется не пополненною, тогда губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе входитъ въ подробное разсмотрѣніе причинъ несостоятельности крестьянъ и или испрашиваетъ имъ пособіе отъ правительства, или же постановляетъ заключеніе о возможныхъ мѣрахъ къ пополненію недоимки. Вотъ всѣ тѣ законоположенія, которыя гарантируютъ исправное поступленіе оброковъ въ пользу помѣщика. Посмотримъ же, какія изъ перечисленныхъ нами мѣръ могли быть примѣнены къ коноховскимъ крестьянамъ.

Мировой посредникъ г. О...нъ, вслѣдствіе требованій губернскаго присутствія, въ это время писалъ, что противъ коноховскихъ крестьянъ остается принять только ту мѣру, которая указана въ 5 пунк. 262 ст. Мѣстнаго Положенія, т. е. изъять изъ крестьянскаго надѣла часть земли и отдать ее въ пользованіе помѣщика. Но указывая на эту, по мнѣнію его, единственно примѣнимую къ коноховскимъ крестьянамъ мѣру, г. О...нъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что и эта мѣра неудобна и едва ли выгодна для помѣщика. Дѣйствительно, вскорѣ самъ г. И...въ удосто-

Digitized by Google

вѣрилъ справедливость этого послѣдняго заявленія г. О...на. Когда губернскимъ присутствіемъ было все-таки предписано посреднику непремѣнно отрѣзать отъ крестьянъ часть надѣла въ пользованіе помѣщика, г. И...въ просилъ не примѣнять эту мѣру, такъ какъ она, по его мнѣнію, будто бы, можетъ еще болѣе укрѣпить крестьянъ въ *упорствѣ* платежа ему оброковъ.... Такъ смотрѣлъ въ это время г. И...въ на своихъ бывшихъ коноховскихъ крестьянъ, забывая при этомъ и о бывшемъ у нихъ пожарѣ, и о продажѣ за оброчную недоимку уцѣлѣвшаго у нихъ имущества, и о возвышеніи имъ оброковъ при пріобрѣтеніи имѣнія отъ прежняго владѣльца, и о своемъ несогласіи въ первое время разсрочить недоимку, и о многомъ другомъ, еще болѣе существенномъ, что для насъ вполнѣ выяснится только впослѣдствіи.

1865 и 1866 гг. проходятъ въ перепискѣ. Г. И...въ по-прежнему пишетъ на коноховскихъ крестьянъ жалобы и письма къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ и въ томъ числѣ къ губернскому предводителю дворянства. Въ этихъ письмахъ и жалобахъ онъ по-прежнему настаиваетъ, что коноховскіе крестьяне упорствуютъ въ платежѣ оброковъ, живутъ безбѣдно и, сверхъ земледѣльчества, имѣютъ большіе заработки на фабрикахъ Шуйскаго уѣзда. Г. И...въ указываетъ на одного крестьянина, кажется, Сидорова, который проживаетъ по паспорту въ Петербургѣ и получаетъ большое вознагражденіе. Всѣ эти жалобы и письма опять стекаются въ губернское присутствіе; вновь шлются бумаги и мировому посреднику, и полиціи.

Изъ представленныхъ губернскому присутствію объясненій мироваго посредника г. О...на мы уже видѣли выше, что противъ коноховскихъ крестьянъ невозможно было принять ни одной мѣры, указанной въ Положеніи, для успѣшнаго взысканія съ нихъ оброковъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же можно было сдѣлать съ ними? Оказывается, что на заработки на сторону, въ другія губерніи они не ходили, исключая одного крестьянина Сидорова, проживавшаго по паспорту въ Петербургѣ. Затѣмъ сельскія выборныя должностныя лица были смѣнены и на ихъ мѣсто назначены новыя; но такъ какъ цѣлое общество являлось несостоятельнымъ, то все же изъ числа этихъ несостоятельныхъ приходилось назначать старосту и прочихъ должностныхъ лицъ. Далѣе, можно было коноховскихъ крестьянъ, согласно Положенію, отдать въ заработки, но въ Шуйскомъ уѣздѣ, какъ свидѣтельствуетъ одинъ оффиціальный документъ, никто не возьметъ къ себѣ на работу человѣка, поставленнаго насильно, по приказу властей. Продавать у крестьянъ, какъ мы видѣли, было нечего и все оставшееся послѣ пожара имущество уже было давно продано. Наконецъ, часть земельнаго надѣла отрѣзать у нихъ было можно, но опять-таки, по свидѣтельству того же оффиціальнаго документа, никто не возьметъ въ Шуйскомъ уѣздѣ землю въ аренду на короткое время, такъ какъ земля въ этомъ уѣздѣ, безъ

Digitized by Google

постояннаго удобренія, не возвращаетъ даже обыкновенно сѣмянъ, а отдать землю, на основаніи Положенія, можно было только на три года—не болѣе. Мірскую запашку тоже нельзя было завести, потому что у крестьянъ не было ни лошадей, ни рабочихъ инструментовъ; помѣщикъ же, г. И...въ, самъ не соглашался взять землю въ свое распоряженіе. Такимъ образомъ только къ Сидорову могла быть примѣнена тяжелая мѣра о невыдачѣ ему паспорта. Остальнымъ крестьянамъ можно было развѣ не выдавать свидѣтельствъ, дозволяющихъ отходъ на заработки на кратчайшія разстоянія отъ мѣста жительства, т. е. лишить ихъ возможности имѣть хоть какія-нибудь работы на фабрикахъ Шуйскаго уѣзда. Такъ именно и было сдѣлано.

Въ подобномъ тяжеломъ положеніи застаетъ коноховскихъ крестьянъ 1868 г. Чѣмъ и какъ жили и питались они въ это время—мы не знаемъ, но можемъ на основаніи уже изложенныхъ данныхъ предполагать, что они, конечно, не благоденствовали. Имъ были отрѣзаны всѣ пути къ тому, чтобы кормиться трудомъ, значитъ, оставалось одно—нищенствовать. Такъ, безъ сомнѣнія, и было въ дѣйствительности.... Но г. И...въ снова увѣряетъ насъ въ противномъ. Оставаясь при томъ убѣжденіи, что коноховскіе крестьяне упорствуютъ въ платежѣ оброковъ, и видя, что всѣ жалобы его мѣстнымъ уѣзднымъ и губернскимъ властямъ не приводятъ къ удовлетворительнымъ для него результатамъ, и недоимка не только не погашается, но все болѣе и болѣе возрастаетъ, г. И...въ пишетъ жалобу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ этой жалобѣ, повторяя всѣ прежнія свои соображенія о коноховскихъ крестьянахъ, о ихъ систематическомъ упорствѣ, о ихъ заработкахъ, о ихъ благосостояніи и пр., онъ, между прочимъ, проситъ удалить совершенно крестьянъ съ его земли, т. е., какъ надо догадываться, выгнать ихъ изъ ихъ же домовъ.... Изъ Петербурга пишется запросъ во Владиміръ съ препровожденіемъ прошенія г. И...ва, изъ Владиміра, въ свою очередь, пишутъ запросъ мѣстному мировому посреднику г. Б...ну, заступившему мѣсто г. О...на. Начинаютъ вновь собирать разныя свѣдѣнія и въ концѣ концовъ оказывается то, что уже намъ извѣстно, т. е. что продавать у коноховскихъ крестьянъ рѣшительно нечего, выдача паспортовъ и свидѣтельствъ на отлучки имъ прекращена, сельскіе начальники, заподозрѣвавшіеся въ покровительствѣ недоимщикамъ, смѣнены,—словомъ, употреблены всѣ мѣры взысканія, которыя указаны въ Мѣстномъ Положеніи, за исключеніемъ отрѣзки части крестьянскаго надѣла. Впрочемъ, изъ этихъ сношеній мы также узнаемъ, что отъ продажи крестьянскаго имущества усердіемъ полиціи выручено-таки 151 руб., и эти деньги, конечно, поступили бывшему владѣльцу, г. И...ву.

Что же оставалось за симъ предпринять и чѣмъ могли удовлетворить мѣстныя власти г. И...ва? Быть можетъ, исполнить его требо-

Digitized by Google

ваніе относительно выселенія крестьянъ съ его земли? Но это требованіе губернское присутствіе нашло не подлежащимъ удовлетворенію, на томъ простомъ основаніи, что въ нашемъ законодательствѣ не указано подобной мѣры взысканія оброковъ и недоимокъ.

Между тѣмъ мировой посредникъ г. Б...нъ, отвѣчая на запросъ губернскаго присутствія о мѣрахъ къ пополненію оброчной недоимки коноховскихъ крестьянъ, тоже начинаетъ приписывать ихъ *упорству* неплатежъ ими оброковъ. Онъ прямо, подобно г. И...ву, указываетъ на эту *единственную*, по его мнѣнію, причину. Онъ даже идетъ далѣе г. И...ва и, въ качествѣ оффиціальнаго лица, по должности мироваго посредника, проситъ губернское присутствіе довести объ этомъ упорствѣ коноховскихъ крестьянъ до свѣдѣнія высшаго правительства....

Вновь проходятъ два томительныхъ года, и положеніе дѣлъ за это время остается все въ томъ же видѣ. Но въ 1870 г. И...въ опять пишетъ жалобу въ министерство внутреннихъ дѣлъ; министерство обращается съ требованіемъ во владимірское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе о скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла по взысканію съ коноховскихъ крестьянъ оброковъ. Присутствіе шлетъ бумагу мировому посреднику, назначаетъ ему двухъ-недѣльный срокъ на представленіе свѣдѣній по этому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ—немедленно принять всѣ мѣры ко взысканію оброковъ въ пользу г. И...ва. Получается отвѣтъ отъ мироваго посредника г. Б...на,—отвѣтъ замѣчательный по своимъ подробностямъ. На сценѣ опять фигурируетъ все то же упорство крестьянъ, подкрѣпляемое увѣреніемъ, что ему, мировому посреднику, какъ лицу, хорошо знакомому съ разными случаями неплатежа крестьянами помѣщикамъ оброковъ, остается, въ виду *явнаго неповиновенія* коноховскихъ крестьянъ установленнымъ правительственнымъ властямъ, предложить одно послѣднее средство. Средство это заключается ни болѣе, ни менѣе какъ въ томъ, чтобы правительство взяло на себя обязанность уплатить помѣщику всю оброчную крестьянскую недоимку, а крестьянъ, со всѣми семействами, съ женами и дѣтьми, выслало на какіе-нибудь казенные заводы, гдѣ они могли бы заработать уплаченную за нихъ правительствомъ помѣщику сумму. Затѣмъ крестьяне 2-го коноховскаго общества, бывшіе г. И...ва, могли бы быть поселены гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ губерніяхъ на вѣчныя времена. Земля, отведенная въ надѣлъ крестьянамъ по уставной граматѣ, по проекту г. Б..на, возвращается помѣщику. Для цѣлаго края, восклицаетъ въ заключеніе г. Б...нъ, было бы полезно, еслибы правительство согласилось принять противъ коноховскихъ крестьянъ подобную мѣру...

Этотъ въ своемъ родѣ оригинальный проектъ, долженствовавшій, по мнѣнію г. Б...на, облагодѣтельствовать цѣлый край, губернское присутствіе встрѣтило, однако, равнодушно. Даже болѣе—оно нашло, что ни въ Положеніи 19-го февраля, ни въ дальнѣйшихъ правительствен-

Digitized by Google

ныхъ распоряженіяхъ не указано мѣры, предлагаемой г. Б...нымъ, а потому примѣненіе ея было бы совершенно противозаконно. Хотя губернское присутствіе отнеслось столь неодобрительно къ произведенію г. Б...на, но оно заслуживаетъ общественнаго вниманія, какъ документъ, исходящій отъ оффиціальнаго лица къ оффиціальному учрежденію. Г. Б...нъ, какъ видѣли читатели выше, заимствовалъ главную мысль своего проекта у г. И...ва, ходатайствовавшаго въ своемъ прошеніи въ министерство внутреннихъ дѣлъ о выселеніи крестьянъ съ его земли. Но если главная мысль этого проекта принадлежитъ г. И...ву, то частности его, характеръ самаго выполненія—всецѣло должны быть приписаны г. Б...ну и его изобрѣтательности. Г. Б...нъ, какъ лицо оффиціальное, не могъ, подобно г. И...ву, ограничиться однимъ только указаніемъ на необходимость выселенія крестьянъ. Онъ долженъ былъ представить свои соображенія въ такомъ видѣ, чтобъ они обнимали собою всѣ подробности предлагаемой имъ мѣры и указывали на средства къ ея выполненію. Дѣйствительно, своимъ проектомъ г. Б...нъ пытается достигнуть многихъ цѣлей: и удовлетворенія всѣхъ претензій г. И...ва, и блага цѣлаго края, и заселенія необитаемыхъ, отдаленныхъ мѣстностей, забывая только объ одномъ, о самомъ, вѣроятно, ничтожномъ, по его мнѣнію,—о коноховскихъ крестьянахъ и ихъ участи... Еслибы проектъ г.Б...на примѣнить къ коноховскимъ крестьянамъ и къ другимъ недоимщикамъ, которыхъ, по словамъ г. Б...на, не мало, то намъ пришлось бы присутствовать при замѣчательномъ зрѣлищѣ. Мы были бы свидѣтелями чего-то въ родѣ переселенія народовъ, когда цѣлыя голодныя массы населенія перегонялись бы куда-то на заводы, потомъ куда-то въ отдаленныя губерніи, гдѣ и заселяли бы необитаемыя тундры и пустыни. Тогда, конечно, пришлось бы дѣйствительно облагодѣтельствовать тотъ край, объ участи котораго считаютъ почему-то нужнымъ заботиться господа подобные г. Б...ну... Но неблагодарность и равнодушіе владимірскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія не ограничились только тѣмъ, что оно не приняло проекта, созданнаго г. Б...нымъ для счастія цѣлаго края. Губернское присутствіе пошло далѣе и вновь предписало г. Б...ну принять немедленно всѣ мѣры, указанныя въ Положеніи, къ пополненію недоимки. На это распоряженіе г. Б...нъ отвѣчаетъ, что съ коноховскихъ крестьянъ не только нѣтъ возможности взыскать огромную накопившуюся за ними съ 1862 года недоимку, но даже и текущихъ оброковъ; что можно только, по его мнѣнію, отдѣлить часть земли отъ крестьянскаго надѣла въ пользу помѣщика, но этой мѣры не желаетъ самъ владѣлецъ, г. И...въ. Затѣмъ г. Б...нъ, желая, вѣроятно, поквитаться съ губернскимъ присутствіемъ за непринятіе предложеннаго имъ проекта, не безъ юмора спрашиваетъ это присутствіе: какія же мѣры онъ можетъ принять противъ коноховскихъ крестьянъ, если всѣ, указанныя въ Положеніи, не достигаютъ цѣли?

Digitized by Google

Губернское присутствіе отвѣчаетъ ему, что такъ какъ на отрѣзку отъ крестьянъ земли согласія помѣщика не требуется, то онъ долженъ немедленно привести эту мѣру въ исполненіе. О бездѣйствіи же г. Б...на и о неисполненіи имъ требованій губернскаго присутствія оно представило правительствующему сенату и сообщило министру внутреннихъ дѣлъ. Эти событія совершаются уже въ 1871 г.

Передъ нами вновь мелькаетъ цѣлый рядъ отношеній, предложеній, писемъ и пр. Мы не будемъ касаться всей этой канцелярской переписки, не сообщающей новыхъ данныхъ по коноховскому дѣлу, а укажемъ лишь на нѣкоторые факты. Такъ, напримѣръ, г. Б...нъ сообщаетъ губернскому присутствію, что имъ былъ назначенъ срокъ для бытности г. И...ва или его повѣреннаго при производствѣ отрѣзки земли отъ крестьянъ, но г. И...въ прислалъ письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что вовсе не пріѣдетъ къ назначенному сроку и вообще не желаетъ брать землю въ свое пользованіе. Приблизительно въ это же время изъ сената былъ полученъ отвѣтъ на представленіе губернскаго присутствія по поводу бездѣйствія г. Б...на, причемъ послѣднему было поставлено сенатомъ на видъ медленное исполненіе требованій присутствія. Г. И...въ, совершенно не желяя отрѣзки отъ крестьянъ земли во временное свое пользованіе и видя настойчивость присутствія въ приведеніи этой мѣры въ исполненіе, тоже около этого времени подалъ на это постановленіе присутствія жалобу.

Но драма, начавшаяся въ 1862 году въ деревнѣ Коноховѣ, приближается къ концу. Изъ министерства внутреннихъ дѣлъ получается во владимірскомъ губернскомъ присутствіи обширная бумага, въ которой, послѣ обстоятельнаго обзора всего дѣла по взысканію съ коноховскихъ крестьянъ оброковъ, поручается присутствію командировать одного изъ своихъ членовъ для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ накопленія недоимокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для собранія свѣдѣній, дѣйствительно ли принимались всѣ мѣры къ ихъ взысканію. Это распоряженіе министерства послѣдовало въ концѣ прошлаго 1871 года, и вотъ въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года членъ владимірскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, А. А. Макаровъ, ѣздилъ на мѣсто, въ деревню Конохово. Личнымъ изслѣдованіемъ дѣла г. Макаровымъ губернское присутствіе добыло чрезвычайно любопытныя данныя по коноховскому дѣлу. Приступая къ передачѣ этихъ данныхъ, мы будемъ пользоваться также и свѣдѣніями, доставленными намъ однимъ лицомъ, проживающимъ въ Шуйскомъ уѣздѣ. Впрочемъ, эти послѣднія свѣдѣнія *не касаются фактической* стороны коноховскаго дѣла и только передаютъ намъ личныя впечатлѣнія этого лица, посѣтившаго деревню Конохово и заинтересовавшагося участью бывшихъ крестьянъ г. И...ва.

Деревня Конохово, какъ я уже замѣтилъ въ началѣ статьи, въ крѣпостное время принадлежала двумъ владѣльцамъ: гг. И...ву и Лавро-

Digitized by Google

ву. При въѣздѣ въ эту деревню вамъ сразу бросается въ глаза рѣзкое различіе между благосостояніемъ крестьянъ гг. И... ва и Лаврова. Крестьяне г. Лаврова, повидимому, живутъ такъ, какъ живетъ вообще наше крестьянство, хотя и не пользующееся особеннымъ благосостояніемъ, но имѣющее и скотъ, и хозяйственныя постройки, и кое-какой домашній скарбъ. Далеко не то представляетъ та часть деревни, составляющая 2-е коноховское сельское общество, гдѣ обитаютъ крестьяне бывшіе г. И....ва. Крестьянскіе дома хотя сравнительно и новые, построенные послѣ бывшаго въ концѣ 1864 года пожара, стоятъ совершенно одиноко: нѣтъ при нихъ ни обгороженныхъ дворовъ, ни сараевъ, ни амбаровъ,—словомъ, никакихъ хозяйственныхъ построекъ. Всѣ эти постройки, частію оставшіяся послѣ пожара, частію вновь выстроенныя, проданы, по словамъ крестьянъ, за оброчныя недоимки, и вырученныя за нихъ деньги поступили помѣщику, г. И....ву. Конечно, нѣтъ надобности говорить, что у крестьянъ нѣтъ лошадей и никакого скота; исключеніе составляетъ одинъ староста 2-го коноховскаго общества, имѣющій — козу... Хозяйственныхъ инструментовъ у крестьянъ тоже никакихъ не имѣется: они проданы, какъ и весь скотъ, за оброчныя недоимки, и вырученныя деньги тоже переданы владѣльцу, г. И...ву. Въ крестьянскихъ избахъ никакого имущества не имѣется, и все то, что годно было къ продажѣ по этой части, давно уже продано, и деньги опять-таки поступили г. И...ву. Такимъ образомъ, кромѣ *избъ*, *одной ковы* и *нищенскаго носильнаго платья*, крестьяне 2-го коноховскаго сельскаго общества, бывшіе г. И... ва, ровно ничего не имѣютъ. Между тѣмъ, какъ видѣли уже читатели, въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ г. И... въ постоянно и настойчиво увѣрялъ, что бывшіе его крестьяне *благоденствуютъ* и не платятъ оброковъ единственно по своему *упорству*. Конечно, благоденствіе—понятіе условное, но несомнѣнно, что мѣриломъ его въ данномъ случаѣ, по отношенію къ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ, г. И...въ принималъ такой minimum, которымъ едва ли можно мѣрить благосостояніе самаго отчаяннаго пролетарія западной Европы, бросающаго свою родину и бѣгущаго искать счастья за океанъ, въ Америку.

Но, помимо этихъ указанныхъ обстоятельствъ, есть еще и другія причины ужасающей бѣдности крестьянъ 2-го коноховскаго общества. Причинъ этихъ нѣсколько и онѣ слѣдующія. Со времени введенія уставной граматы въ деревнѣ Коноховѣ, т. е. съ 1-го мая 1862 года, крестьяне *не пользуются* отведенной имъ землею. Такъ показали сами крестьяне бывшіе г. И... ва, и это подтвердили крестьяне сосѣднихъ деревень. Разъ отказавшись отъ принятія уставной граматы и признавая ее составленною неправильно, противозаконно, съ явною для себя обидою, крестьяне съ тѣхъ поръ не прикасаются къ землѣ; но, несмотря однако на это, платили г. И...ву въ первое время оброки,—

Digitized by Google

платили за землю, которою не пользовались. При введеніи уставной граматы крестьянамъ никто не потрудился объяснить ихъ правъ,—имъ говорили только объ ихъ обязанностяхъ. Только поэтому, безъ сомнѣнія, уставная грамата и не была ими обжалована въ установленный срокъ и вошла въ законную силу. Земля крестьянамъ отведена *худаго качества* и, какъ оказывается, не та, которую имъ слѣдовало отвести согласно Мѣстному Положенію. Именно, часть присельной земли, окружающую крестьянскія избы, г. И...въ взялъ въ свое владѣніе, а имъ, крестьянамъ Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи, взамѣнъ этой земли, отвелъ дополнительные надѣлы — гдѣ бы вы думали? — въ *Костромской губерніи*, за 5 верстъ отъ деревни Конохова, т. е. отъ мѣста жительства крестьянъ, въ пустошахъ. Въ самой же деревнѣ Коноховѣ крестьяне имѣютъ только *однѣ избы*, такъ что даже кабакъ, находящійся среди ихъ жилищъ, выстроенъ на землѣ не крестьянъ, а г. И...ва и имъ сданъ въ аренду за деньги. Точно также бывшій крестьянскій хлѣбный магазинъ, въ которомъ, конечно, въ настоящее время нѣтъ ни зерна хлѣба, помѣщающійся позади крестьянскихъ избъ, очутился на землѣ, поступившей во владѣніе г. И... ва. Между тѣмъ оказывается по справкамъ, что при деревнѣ Коноховѣ г. И... въ *никогда не владѣлъ землею*, такъ что вся земля, какъ присельная, такъ и пустошная, была въ постоянномъ пользованіи крестьянъ и только послѣ составленія уставной граматы неожиданно очутилась во владѣніи г. И...ва. Такимъ образомъ въ деревнѣ Коноховѣ крестьяне имѣютъ однѣ только избы, затѣмъ въ окружности идетъ земля, бывшая прежде во владѣніи крестьянъ и отрѣзанная по уставной граматѣ г. И...ву; далѣе слѣдуютъ крестьянскіе надѣлы, сообщеніе съ которыми возможно для крестьянъ только черезъ прогоны. Надѣлы же дополнительные взамѣнъ той земли, которую взялъ г. И...въ въ свое пользованіе при деревнѣ Коноховѣ, отведены крестьянамъ въ Костромской губерніи. Въ уставной граматѣ, составленной, какъ мы видѣли, кандидатомъ мироваго посредника, г. Ш...мъ, все время хранившейся при дѣлахъ волостнаго правленія, о надѣлѣ крестьянъ говорится глухо, неясно и вовсе не упоминается о томъ, кто изъ крестьянъ находились въ качествѣ понятыхъ при введеніи уставной граматы. Только теперь для насъ становится совершенно ясно, вслѣдствіе какихъ причинъ крестьяне отказывались отъ принятія уставной граматы и въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ не пользовались землею. Могли ли крестьяне, послѣ подобныхъ вопіющихъ неправильностей, допущенныхъ при составленіи уставной граматы, принять въ свое пользованіе землю худаго качества, да еще отведенную имъ не при селеніи и частію въ Костромской губерніи. Отъ принятія подобнаго земельнаго надѣла они, понятно, ничего не могли выиграть въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія, и въ данномъ случаѣ имъ не предстояло иного исхода, какъ глухо проте-

Digitized by Google

стовать противъ неправильныхъ дѣйствій мѣстныхъ мировыхъ учрежденій. Только теперь намъ дѣлаются понятны отказы г. И...ва отъ отрѣзки отъ крестьянъ одной трети надѣла земли въ его пользованіе,— отказы, начинающіеся съ 1864 года и побудившіе даже г. И...ва жаловаться въ министерство внутреннихъ дѣлъ на распоряженіе губернскаго присутствія о производствѣ этой отрѣзки. Конечно, г. И...ву не разсчетъ было принимать въ свое пользованіе землю худаго качества, отведенную имъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ, тогда какъ въ тѣхъ мѣстахъ, какъ увѣрялъ въ одной изъ своихъ оффиціальныхъ бумагъ бывшій мировой посредникъ О...нъ, нынѣ умершій, даже обыкновенная, средняя по качеству, земля безъ особаго удобренія не возвращаетъ сѣмянъ, а земля, отведенная бывшимъ крестьянамъ г. И...ва, стало-быть, совсѣмъ никуда не годится. Ясно, что г. И...ву было не выгодно брать въ свое пользованіе никуда негодную землю и, не получая отъ нея никакихъ доходовъ, засчитывать арендную стоимость этой земли въ счетъ оброчной недоимки.

Но этимъ еще не исчерпываются всѣ причины полной нищеты коноховскихъ крестьянъ. Далѣе оказывается, что послѣ бывшаго въ деревнѣ Коноховѣ пожара, когда крестьянамъ были ассигнованы правительствомъ деньги на возстановленіе ихъ хозяйствъ, разстроенныхъ этимъ пожаромъ, помѣщикъ, г. И...въ, потребовалъ выдачи ему этихъ денегъ въ уплату оброчной недоимки, и деньги были ему выданы по распоряженію бывшаго мироваго посредника, г. О...на. Всѣхъ денегъ было ассигновано крестьянамъ около 1.000 руб., изъ коихъ крестьяне бывшіе г. И...ва какимъ-то образомъ получили на руки 15 р. 75 к., остальныя же деньги частію были удержаны въ счетъ оброчной недоимки, частію выданы другимъ коноховскимъ погорѣльцамъ, бывшимъ крестьянамъ г. Лаврова. Эта болѣе чѣмъ противозаконная мѣра окончательно подорвала хозяйственный бытъ крестьянъ 2-го коноховскаго общества и отняла у нихъ всякую возможность устроиться послѣ пожара. Затѣмъ продажа оставшагося послѣ пожара имущества крестьянъ на пополненіе все той же оброчной недоимки, невыдача паспортовъ и свидѣтельствъ на временныя отлучки, лишившая ихъ возможности имѣть заработки даже на сторонѣ, на фабрикахъ Шуйскаго уѣзда и г. Иваново-Вознесенска, поставили въ совершенно безвыходное положеніе крестьянъ и, какъ говорится, окончательно доконали ихъ....

Вотъ что, между прочимъ, разсказываютъ сами крестьяне о претерпѣнныхъ ими несчастіяхъ: «Что помѣщикъ отвелъ намъ худую землю, вдали отъ нашей деревни, а не ту, которою мы владѣли прежде,— это еще куда бы ни шло.... Во всякомъ случаѣ, мы платили ему въ первое время оброки, хотя и съ недоимками, но по мѣрѣ нашихъ достатковъ; хотя мы данною намъ землею и не пользовались, но не отказывались и впредь платить ему оброки, лишь бы только онъ не требо-

Digitized by Google

валъ ихъ сразу, пообождалъ и далъ бы намъ возможность имѣть заработки на сторонѣ. Но послѣ пожара, отъ котораго мы сгорѣли до тла, насъ помѣщикъ обидѣлъ во второй разъ и не только не помогъ намъ, но даже выданную намъ изъ казны ссуду по пожару удержалъ въ свою пользу. Послѣ этого намъ ничего не оставалось дѣлать: мы были совсѣмъ разорены». Крестьяне такъ кончали свой разсказъ: «У насъ все продано, работать намъ не позволяютъ, мы стали нищими и одного желаемъ и просимъ, чтобы высшее правительство насъ скорѣе куда-нибудь порѣшило»....

Этотъ безыскусственный разсказъ крестьянъ, изъ котораго мы сочли возможнымъ привести только краткую выдержку, рисуетъ намъ ихъ бѣдственное положеніе съ достаточною ясностью. Мнѣ для полноты картины остается прибавить весьма немногое. Въ послѣднее время крестьяне, лишенные возможности работать даже на фабрикахъ своего уѣзда, по невыдачѣ имъ свидѣтельствъ на отлучки, пришли въ нищету. Они всѣ живутъ дома, занимаются только поденною работою, преимущественно пилкою и рубкою дровъ, и то по большей части *по ночамъ*, не смѣя дѣлать этого днемъ.... Питаются они Богъ знаетъ чѣмъ, какими-то похлебками съ отвратительнымъ запахомъ, причемъ единственная коза старосты приноситъ большую пользу, давая возможность крестьянамъ 2-го коноховскаго общества забѣливать свои похлебки козьимъ молокомъ... Можно думать, что смертность среди крестьянъ значительная; всѣ взрослые имѣютъ изнуренный видъ, не говоря уже про дѣтей. Но главное средство къ пропитанію крестьянъ—нищенство. Они бродятъ по селеніямъ, просятъ милостыню и этимъ живутъ. Что же имъ остается дѣлать, когда они лишены даже возможности трудиться и работаютъ украдкою по ночамъ?!...

Лицо, передавшее намъ нѣкоторыя подробности быта коноховскихъ крестьянъ, посѣтило деревню Конохово рано утромъ. Заѣхавши въ избу старосты, оно было не мало удивлено, когда на вопросъ, гдѣ староста и прочіе мужики, получило отвѣтъ, что они еще не вернулись съ работы. Оказалось, по простодушному разъясненію одной изъ крестьянокъ, что мужики, изъ боязни, отправляются обыкновенно на работу съ вечера, работаютъ цѣлую ночь, а утромъ возвращаются домой, и уже цѣлый день пребываютъ дома, на-лицо, на случай прибытія начальства....

Во время пребыванія моего въ мѣстахъ постоянной еврейской осѣдлости, когда бывало мнѣ приходилось видѣть страшную нищету еврейской массы, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы подобная бѣдность могла существовать въ губерніяхъ великороссійскихъ,—въ уѣздѣ, богатомъ фабричною промышленностью,—въ деревнѣ, отстоящей отъ г. Иваново-Вознесенска только въ 8 верстахъ. Тамъ, на нашихъ окраинахъ, при скученности еврейскаго населенія, при самой ничтожной платѣ за трудъ, уменьшаемой главнымъ образомъ излишкомъ предложенія надъ

Digitized by Google

спросомъ, это явленіе до нѣкоторой степени понятно. Но въ данномъ случаѣ, въ исторіи коноховскихъ крестьянъ, намъ представляется совершенно иная картина. Работа есть въ мѣстѣ жительства крестьянъ, но они лишены права пропитывать себя трудомъ, работаютъ ночью, украдкою, по большей же части обречены на нищенство. Положеніе ужасное!....

Припоминая всѣ увѣренія г. И...ва объ упорствѣ бывшихъ его крѣпостныхъ крестьянъ, удостовѣреніе мироваго посредника г. Б...на, нынѣ занимающаго, если мы не ошибаемся, должность мироваго судьи въ томъ же Шуйскомъ уѣздѣ,—что крестьяне оказываютъ, будто бы, упорное сопротивленіе правительственнымъ властямъ,—мы рѣшительно недоумѣваемъ. Если гг. И...въ и Б...нъ пассивное смиреніе коноховскихъ крестьянъ, которое способно лишь производить тяжелое, непріятное чувство, называютъ упорствомъ, то они или не понимаютъ значенія этого слова, или желаютъ насъ увѣрить въ томъ, чему сами не вѣрятъ. Крестьяне, изволите ли видѣть, не принимаютъ отведенную имъ дрянную землю,—не ту, которою они владѣли прежде,—и это гг. И...въ и Б...нъ приписываютъ ихъ упорству.... Крестьяне не пользуются этою отведенною имъ землею, какъ потому, что не ѣхать же имъ въ самомъ дѣлѣ пахать землю въ Костромскую губернію, такъ и вслѣдствіе того, что съ отведенною имъ при деревнѣ Коноховѣ землею они могутъ сообщаться только черезъ землю помѣщика, посредствомъ прогоновъ, а случись потрава, тогда при подобныхъ, какъ мы видѣли, порядкахъ имъ не сдобровать,—и это гг. И...въ и Б...нъ считаютъ упорствомъ.... Крестьяне не получаютъ выданную имъ пожарную ссуду,—и это какимъ-то образомъ гг. И...въ и Б...нъ все относятъ къ упорству.... Крестьянамъ не выдаютъ паспортовъ и свидѣтельствъ на отлучки,—и это все ихъ же, крестьянъ, упорство.... Крестьяне стоически молчатъ на всѣ дѣлаемыя имъ притѣсненія, они мрутъ, голодаютъ, побираются милостынею, ходятъ въ рубищахъ и, только во избѣжаніе голодной смерти, работаютъ воровски, по ночамъ,—и это, по мнѣнію г. И...ва, упорство, а по мнѣнію г. Б...на—даже «явное упорство установленнымъ правительственнымъ властямъ».... Но гдѣ же конецъ этому зловѣщему упорству, по мнѣнію гг. И...ва и Б...на?... Гдѣ конецъ, спросимъ мы въ свою очередь, той неправдѣ, которая на несчастіи людей—на ихъ смерти, голодѣ, болѣзняхъ и нищетѣ всевозможныхъ видовъ—воздвигаетъ свое собственное благосостояніе?...

Вмѣсто того, чтобы, занимая должность мироваго посредника и получая за это 1.500 руб., вникнуть въ причины нищеты коноховскихъ крестьянъ, г. Б...нъ изобрѣтаетъ проекты, толкуетъ объ упорствѣ крестьянъ, о ихъ неповиновеніи и пр. Конечно, если г. Б...нъ, какъ мировой посредникъ, снисходилъ до того, чтобы разговаривать съ нищенствующими коноховскими крестьянами о причинахъ неплатежа ими

Digitized by Google

оброковъ, то не могъ же онъ не слышать отъ нихъ, что имъ отведена земля не при деревнѣ Коноховѣ, а въ Костромской губерніи, что у нихъ удержаны пожарныя деньги и пр. А если онъ зналъ объ этомъ, то почему же, на постоянныя требованія владимірскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, отдѣлывался только фантастическими проектами и толками о неповиновеніи, упорствѣ и тому подобномъ? Почему именно, начиная съ 1862 г., въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ, мы слышимъ и со стороны г. И...ва, и со стороны мировыхъ посредниковъ, гг. О...на и Б...на, только одни и тѣ же вопли, повторяемые ими изъ года въ годъ, чуть ли не въ каждой оффиціальной бумагѣ? Всѣ эти вопросы и многіе другіе являются прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя были допущены кандидатомъ мироваго посредника г. Ш...нымъ и мировыми посредниками гг. О...нымъ и Б...нымъ.

Въ своемъ изслѣдованіи коноховскаго дѣла членъ губернскаго присутствія, г. Макаровъ, пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что всѣ мѣры по взысканію съ коноховскихъ крестьянъ текущихъ оброковъ и недоимокъ принимались *слишкомъ энергично* и *разорили окончательно крестьянъ*. Въ настоящее время крестьяне потеряли всякую надежду уплатить огромную недоимку, достигающую цифры 2.500 р. Вообще теперь слѣдуетъ, по мнѣнію г. Макарова, отложить въ сторону всякія помышленія объ уплатѣ крестьянами недоимки и необходимо лишь озаботиться объ ихъ *пропитаніи*. Оброчная же недоимка, какъ происшедшая отъ неправильныхъ дѣйствій мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, должна быть взыскана съ сихъ послѣднихъ, а не съ крестьянъ.

Въ свою очередь владимірское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, пришло къ слѣдующему заключенію: Оброчная недоимка за коноховскими крестьянами накопилась по причинѣ ихъ *нищеты*, а никакъ не отъ упорства. Нищета же крестьянъ есть прямое слѣдствіе *противозаконнаго* составленія уставной граматы и *незаконнаго* удержанія ассигнованной правительствомъ пожарной ссуды. Поэтому губернское присутствіе находитъ необходимымъ: 1) Прежде всего подвергнуть пересмотру уставную грамату коноховскихъ крестьянъ, какъ составленную неправильно, хотя и вошедшую въ законную силу по необжалованію ея крестьянами. Мѣра эта предлагается въ виду особаго, исключительнаго случая, какимъ, по мнѣнію присутствія, представляется настоящее дѣло. 2) Возвратить крестьянамъ пожарную ссуду, неправильно удержанную въ пользу помѣщика, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о выдачѣ крестьянамъ нѣкотораго вспомоществованія отъ правительства, для возстановленія хозяйственнаго ихъ быта. 3) Просить губернскую земскую управу выдать крестьянамъ 2-го коноховскаго общества изъ продовольственнаго капитала ссуду на покупку сѣмянъ и обсѣмененіе полей. 4) Немедленно распорядиться о выдачѣ крестьянамъ паспортовъ и свидѣтельствъ на отлучки для заработковъ, такъ какъ

Digitized by Google

1-й пун. 262 ст. Мѣстнаго Положенія въ данномъ случаѣ не достигаетъ своей цѣли.

Въ заключеніе губернское присутствіе такимъ образомъ резюмируетъ свой взглядъ на коноховское дѣло: Въ настоящемъ случаѣ *нѣтъ* никакихъ *упущеній* со стороны сельскихъ и волостныхъ начальствъ, а также *упорства* крестьянъ; накопленіе же недоимки произошло отъ *неблагопріятнаго устройства* экономическаго быта крестьянъ, *тягостныхъ* требованій помѣщика и *неблагоразумныхъ и противозаконныхъ* дѣйствій мировыхъ посредниковъ и полиціи. Поэтому оброчная недоимка, по мнѣнію присутствія, подлежитъ сложенію съ крестьянъ.

Какъ г. Макаровъ, такъ и владимірское губернское присутствіе, по нашему мнѣнію, весьма снисходительно смотрятъ на допущенныя мировыми крестьянскими учрежденіями неправильности въ коноховскомъ дѣлѣ. Мы думаемъ, что не только слѣдуетъ взыскать съ нихъ оброчную недоимку, или вообще избавить крестьянъ отъ уплаты этой недоимки, но необходимо взыскать и всѣ тѣ деньги, которыя крестьяне уплатили уже въ счетъ оброковъ. Эти уплаченныя оброчныя деньги подлежатъ возврату крестьянамъ такъ же, какъ и правительственная пожарная ссуда, неправильно удержанная. Дѣйствительно, если присутствіе признаетъ, что при составленіи уставной граматы были допущены неправильности, если оно допускаетъ, что крестьяне, вслѣдствіе этой неправильности, не только не могли пользоваться землею, но даже окончательно разорились, то за что же они платили оброки помѣщику? Ясно, что платить имъ было не за что. Губернское присутствіе въ своемъ постановленіи остановилось на половинѣ дороги: оно признаетъ, что недоимка должна быть сложена, но умалчиваетъ о тѣхъ деньгахъ, которыя уже заплачены. Если можно, по мнѣнію присутствія, сложить недоимку, то не только можно, но даже должно возвратить крестьянамъ уже уплаченные ими оброки. Затѣмъ, конечно, мировыя крестьянскія учрежденія и полиція подлежатъ суду за допущенныя ими неправильныя дѣйствія по должности. Но въ состояніи ли эти мѣры вознаградить крестьянъ за всѣ тѣ бѣдствія, которыя они претерпѣли: за голодъ, болѣзни, смертность, не говоря уже о нравственныхъ испытаніяхъ? По уставу уголовнаго судопроизводства, всякое должностное лицо, помимо отвѣтственности передъ судомъ уголовнымъ за неправильныя служебныя дѣйствія, несетъ отвѣтственность и въ гражданскомъ порядкѣ, вознаграждая потерпѣвшихъ лицъ за причиненные служебными дѣйствіями вредъ и убытки. Мы полагаемъ поэтому, что коноховскимъ крестьянамъ должно быть кромѣ того предоставлено право искать гражданскимъ порядкомъ убытки съ шуйскихъ мировыхъ учрежденій и полиціи.

Въ настоящее время уже сдѣлано распоряженіе, согласно постановленію губернскаго присутствія, о выдачѣ крестьянамъ паспортовъ и свидѣтельствъ на отлучки, а также губернская земская управа ассигнова-

Digitized by Google

ла имъ ссуду на покупку сѣмянъ. По остальнымъ пунктамъ губернское присутствіе вошло съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Мы думаемъ, что министерство окажетъ свое содѣйствіе къ возстановленію попранныхъ правъ коноховскихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря только его вмѣшательству о командированіи члена присутствія для производства дознанія, коноховское дѣло разъяснилось въ настоящемъ своемъ видѣ.

Мы кончили нашъ разсказъ. Намъ остается прибавить къ сказанному весьма немногое. Читая эту грустную исторію, припоминая всѣ ея возмутительныя подробности, при передачѣ которыхъ мы старались держаться одной фактической стороны, опуская многія любопытныя частности,—припоминая, наконецъ, что коноховское дѣло всплыло наружу благодаря только простой случайности,—мы невольно задаемся тревожнымъ вопросомъ: не повторяются ли гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ губерніи исторіи въ родѣ коноховской? Быть-можетъ, тамъ, въ этихъ другихъ исторіяхъ, остающихся для насъ неизвѣстными, только подробности сложились нѣсколько иначе, не такъ рѣзко и рельефно выступаютъ всѣ возмутительныя частности насилія и произвола, апатіи и холодности, допущенныя тѣми или другими лицами,—но самая сущность дѣла остается тою же, какъ и въ коноховской исторіи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать категорическаго отвѣта на эти вопросы за неимѣніемъ данныхъ для оцѣнки выполненія крестьянской реформы во Владимірской губерніи. Но если мы, съ одной стороны, не можемъ сказать ни да, ни нѣтъ, то, съ другой, мы считаемъ себя не въ правѣ скрыть одинъ любопытный документъ, въ которомъ говорится по поводу крестьянскаго дѣла въ губерніи. Документъ этотъ—заявленіе бывшаго владимірскаго губернскаго предводителя дворянства, М. И. Огарева, обращенное къ дворянамъ губерніи. Оно было сдѣлано Огаревымъ 23 іюня 1867 г. по поводу всѣмъ извѣстной растраты дворянскихъ суммъ, и никакихъ возраженій на него со стороны дворянства Владимірской губерніи, сколько мы знаемъ, не послѣдовало. Значитъ, это заявленіе получило какъ бы нѣкоторую санкцію со стороны дворянъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ. Огаревъ въ одномъ мѣстѣ своего заявленія *) по поводу крестьянскаго дѣла въ губерніи:

«Припомните, господа (ссылаюсь на г. ковровскаго предводителя, И. С. Безобразова **) какъ я отказывался отъ чести быть избраннымъ въ губернскіе предводители, какъ я откровенно сознавался гг. дворя-

*) Мы имѣли подъ руками копію съ заявленія г. Огарева, засвидѣтельствованную нынѣшнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, г. Кожинымъ, и выпускаемъ изъ дѣлаемой нами выписки только фамилію одного лица.

**) Г. Безобразовъ и въ настоящее время занимаетъ должность предводителя дворянства.

Digitized by Google

намъ, что не имѣю никакого состоянія, что мнѣ нечѣмъ будетъ жить. Тогда самимъ гг. дворянамъ угодно было увѣрить меня, чтобъ я не безпокоился о средствахъ, но только непремѣнно шелъ бы на эту должность, потому что я необходимъ, какъ человѣкъ, близко знающій крестьянское дѣло. Выбранъ я былъ предводителемъ во время назначенной изъ Петербурга ревизіи губерніи, а эта ревизія, какъ вамъ извѣстно, грозила непріятными послѣдствіями не только гг. мировымъ посредникамъ, но и самимъ предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ. Исходъ ея могъ быть весьма неблагопріятенъ по крестьянскимъ дѣламъ. Хлопоты по разъясненію хода этой ревизіи потребовали частыхъ поѣздокъ въ Петербургъ, которыя стоили мнѣ не мало денегъ».

Эти слова, произнесенныя г. Огаревымъ, какъ его считаютъ во Владимірской губерніи, спеціалистомъ крестьянскаго дѣла, бывшимъ членомъ владимірскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, бывшимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, по нашему мнѣнію, имѣютъ нѣкоторое значеніе. Кому было знать, какъ не г. Огареву, всѣ подробности разрѣшенія крестьянскаго дѣла въ губерніи! Конечно, г. Огаревъ выражается неопредѣленно: онъ не указываетъ категорически, въ чемъ именно могъ заключаться неблагопріятный исходъ по крестьянскимъ дѣламъ и какія именно грозили непріятныя послѣдствія не только гг. мировымъ посредникамъ, но и самимъ предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ Владимірской губерніи. Но г. Огареву не было ни надобности, ни цѣли указывать точно на всѣ эти послѣдствія. Ему только необходимо было намекнуть на тѣ услуги, которыя онъ оказалъ дворянству губерніи въ критическую для него минуту. Ему было необходимо во что бы то ни стало побудить дворянъ изречь прощеніе за растрату, и вотъ онъ касается весьма щекотливаго вопроса, но касается—не задѣвая никого лично и указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на грозный призракъ тѣхъ дѣлъ, которыя будто бы совершались во имя общихъ цѣлей. Наконецъ, г. Огаревъ, употребляя въ своемъ заявленіи выраженіе: «какъ вамъ извѣстно», считаетъ всѣ обстоятельства этого дѣла дѣйствительно извѣстными всѣмъ и каждому и отнюдь не требующими объясненій. Но, несмотря на эту неточность выраженій г. Огарева, не трудно догадаться, что̀ именно онъ разумѣетъ подъ тѣми послѣдствіями, которыя грозили и крестьянскому дѣлу въ губерніи, и мировымъ учрежденіямъ. Эти догадки возможны даже для людей, не знающихъ ни причинъ, вызвавшихъ означенную ревизію, ни разныхъ ходящихъ на мѣстѣ разсказовъ о характерѣ разрѣшенія крестьянскаго дѣла во Владимірской губерніи и о тѣхъ пріемахъ, которые при этомъ употреблялись. Такимъ образомъ коноховская исторія, въ связи съ заявленіемъ г. Огарева, получаетъ для насъ особенное, весьма серьезное значеніе, и если мы не позволимъ себѣ дѣлать обобщеній, то по крайней мѣрѣ найдемъ удовлетворительное объясненіе причинъ коноховской

Digitized by Google

исторіи. При этомъ мы не можемъ не припомнить многознаменательныхъ словъ манифеста 19-го февраля 1861 г. Дворянство этимъ манифестомъ призывалось совершить «великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ»; дворянство призывалось тѣмъ же манифестомъ «дать сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій». Въ общемъ ходѣ крестьянской реформы дворянство русское выполнило свою роль желаннымъ образомъ. Его благородныя жертвы и усилія оцѣнены по достоинству современниками и еще полнѣе будутъ оцѣнены потомствомъ, которое произнесетъ свой безпристрастный приговоръ. Но, въ виду изложеннаго факта, позволительно спросить, какой же гражданскій подвигъ совершили нѣкоторые изъ владимірскихъ дворянъ, какой же примѣръ дали они крестьянскому населенію своей родной губерніи?... Какъ поняли и отнеслись къ призыву царя-освободителя?...

Д. Миропольскій.

19-го мая 1872 г.

СЛАВЯНСКІЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ.

Славянскій благотворительный комитетъ въ Москвѣ основанъ былъ съ троякою цѣлью: 1) доставлять южнымъ славянамъ денежныя средства на пользу церквей, училищъ и др. истинно полезныхъ учрежденій, каковы: общество болгарской письменности въ Цареградѣ и народныя читалища; 2) доставлять имъ пособія книгами, утварью и всѣмъ тѣмъ, что можетъ способствовать къ поддержанію православія въ отношеніи къ церквамъ и училищамъ; 3) вспомоществовать въ Москвѣ молодымъ славянамъ, пріѣзжающимъ образоваться. Болгарское же настоятельство въ Одессѣ учреждено было первоначально съ цѣлью сбора добровольныхъ пожертвованій для тѣхъ изъ болгаръ, которые пострадали во время послѣдней восточной войны. Впослѣдствіи оно было нѣсколько преобразовано; съ 1858 года оно состоитъ изъ 4-хъ настоятелей, избранныхъ изъ среды одесскихъ болгаръ, и попечителя—преосвященнаго архіепископа херсонскаго. Цѣль настоятельства—способствовать образованію болгаръ и поддержанію въ нихъ православія. Средства настоятельства относительно довольно значительны: такъ, со времени своего преобразованія до 1871 года оно израсходовало приблизительно 56.000 руб. сер. Хотя болгарское настоятельство и имѣетъ нѣкоторые весьма существенные недостатки, такъ, напр., малое участіе болгарскаго общества въ стараніи о дѣлахъ настоятельства, и недостатокъ разнообразія въ средствахъ

Digitized by Google

къ достиженію поставленныхъ цѣлей,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать за нимъ громадныхъ услугъ славянскому дѣлу. Слишкомъ строго относиться къ дѣятельности настоятельства нельзя, потому что значительная часть средствъ его получается отъ самихъ болгаръ, а не идетъ изъ Россіи. Настоятели выбраны тоже самими болгарами, слѣдовательно это дѣло почти исключительно болгарское, и разсматривать дѣятельность одесскаго болгарскаго настоятельства съ той точки зрѣнія, съ которой должно разсматривать дѣятельность русскихъ благотворителей въ славянскихъ земляхъ, положительно невозможно.

До послѣдняго времени только одна Москва заботилась объ улучшеніи быта славянъ; недавно лишь въ Петербургѣ и Кіевѣ открыты были отдѣлы «московскаго славянскаго благотворительнаго комитета». Что же сдѣлано было комитетомъ для поддержанія славянскихъ племенъ? Московскій комитетъ, при самомъ началѣ своей дѣятельности, отправилъ агента въ Болгарію для доставленія ему свѣдѣній о положеніи края. Конечно, имѣть въ славянскихъ земляхъ своихъ агентовъ, которые сообщали бы о положеніи края и о нуждахъ жителей, было бы очень полезно, но при тѣхъ незначительныхъ средствахъ, которыми обладаетъ комитетъ, это врядъ ли возможно, поэтому только исключительныя условія могутъ заставить его прибѣгнуть къ этому средству.— Вниманіе, которое оказывалъ комитетъ греко-болгарскому вопросу, состоянію промышленности въ славянскихъ земляхъ и торговлѣ Россіи съ Болгаріей указываетъ первоначально на стремленіе къ болѣе разнообразной дѣятельности на пользу славянъ. Именно въ такихъ-то условіяхъ и находился «московскій славянскій благотворительный комитетъ» при самомъ началѣ своей благотворительной дѣятельности, поэтому нельзя не одобрить этого перваго его шага, тѣмъ болѣе, что есть русскіе оффиціальные агенты во многихъ городахъ Турціи, которые могли бы быть агентами и славянскаго комитета. Впослѣдствіи, къ сожалѣнію, комитетъ принялъ слишкомъ исключительное направленіе,— оказаніе пособія славянамъ, обучающимся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, и выдачу вспомоществованія возвращающимся на родину славянамъ. Въ первый годъ своего существованія комитетъ имѣлъ уже 16 стипендіатовъ, но, несмотря на значительное для перваго года число стипендіатовъ, комитетъ сдѣлалъ, напр., еще слѣдующія выдачи: для филиппопольскаго училища 300 руб. сер.; на путешествіе Чолокову въ Солунь, Константинополь, Кукумъ и т. д. 150 руб. сер.; на книги для болгаръ 107 руб. 55 коп. сер.; въ пособіе по изданію «Болгарскихъ Книжицъ» 300 руб.; въ пособіе болгарской типографіи въ Константинополѣ 800 руб. Всего въ первые три года своего существованія «московскій славянскій комитетъ» израсходовалъ свыше 10.000 руб., причемъ значительная часть изъ этой суммы пошла на выдачу пособій стипендіатамъ. Съ 1861 года исключительность направленія комитета становится

Digitized by Google

крайне рѣзкою; такъ, въ 1861 году получено было всего 3.208 р сер. и изъ нихъ израсходовано комитетомъ на воспитанниковъ 2.932 р. сер. Цифры сами за себя говорятъ. Не перечисляя болѣе расходовъ комитета, скажу только, что на 1867 годъ вся полученная въ этомъ году комитетомъ сумма была израсходована на стипендіатовъ. Что же это показываетъ намъ? Чѣмъ можно объяснить себѣ это явленіе? Неужели же нѣтъ другихъ средствъ для поддержанія славянъ? Причина, кажется, совершенно проста: для того, чтобы средства комитета расходовались болѣе разнообразно и шли бы болѣе производительно, надобно дѣятелей, а въ нихъ-то и чувствуется у насъ недостатокъ; одинъ или два человѣка не въ состояніи вынести весь трудъ на себѣ, а раздѣлить трудъ положительно не съ кѣмъ и приходится волею-неволею расходовать деньги менѣе производительно, чѣмъ можетъ-быть это желательно бы было. Надо замѣтить при этомъ, что рѣдко происходящія въ Москвѣ засѣданія комитета дѣлаютъ затруднительнымъ для лицъ, желавшихъ принять участіе въ дѣлѣ, возможность достичь этого.

Петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета болѣе разнообразитъ свою дѣятельность, что можно приписать отчасти большему числу дѣятелей въ Петербургѣ по славянскому дѣлу, гдѣ поэтому и трудъ болѣе равномѣрно распредѣленъ,—отчасти же болѣе частому сближенію ихъ между собой. Впрочемъ и петербургскій отдѣлъ славянскаго комитета расходуетъ на стипендіатовъ и на возвращеніе славянъ на родину слишкомъ значительную сумму. Польза, получаемая отъ этого расхода, весьма незначительна. Для примѣра выпишу расходъ петербургскаго отдѣла за 1869—70 годъ:

На содержаніе стипендіатовъ.	1.995 р.	68 к.
» выдачу заимообразно стипенд. и др. лицамъ .	320 »	
» воспитаніе двухъ стипенд. въ Николаевѣ. . .	437 »	
» пособіе школѣ въ Константинополѣ.	300 »	
» школу въ Сараевѣ.	750 »	
» церкви въ славянскихъ земляхъ.	500 »	
» изданіе брошюры Гильфердинга объ общеславянской азбукѣ	300 »	
» посохъ сербскому митрополиту	310 »	
» премію за сочиненіе азбукъ.	500 »	
По I отдѣлу издательскаго фонда.	100 »	
На покупку книгъ для загран. славянъ.	82 »	48 »
» литературныя цѣли.	1.030 »	
» литературное предпріятіе (заимообр.).	200 »	
Г-жѣ Зубрицкой на изданіе сочиненій ея отца . .	50 »	
На разсылку евангелій въ русскія села.	388 »	
» русскій театръ въ Галиціи.	470 »	

Digitized by Google

Въ распоряженіе одного изъ дѣят. комитета. . .	125 р.	
На изданіе сербско-лужицкой газеты	300 »	
» расходы по прочимъ дѣйствіямъ комитета. . .	287 »	60 к.
» канцелярскіе расходы.	375 »	
Итого. . .	8.820 р.	76 к. с.

Если изъ итога расхода исключить 388 руб., израсходованные на евангеліе и собранные съ спеціальною цѣлью, 310 руб. на посохъ митрополиту сербскому и 662 руб. 60 коп., израсходованные на разныя дѣйствія комитета, то выйдетъ, что почти $^2/_5$ всего дохода петербургскаго отдѣла комитета расходуются тоже на стипендіатовъ. Въ дѣятельности славянскаго комитета, какъ я сказалъ уже выше, есть одинъ очень большой недостатотъ—это почти совершенное отсутствіе дѣятелей, что часто придаетъ комитетамъ какой-то безжизненный видъ. Недавно Н. А. Поповъ въ своей брошюрѣ: «Очеркъ религіозной и національной благотворительности на востокѣ и среди славянъ», представилъ весьма жалкую картину дѣятельности въ славянскихъ земляхъ.

Не дурно бы было, еслибы наши члены славянскихъ комитетовъ, прочтя брошюру Н. А. Попова, кое-что позаимствовали бы изъ нея,—ну, хоть отъ членовъ общества Густава Адольфа. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что дѣятельность большинства членовъ славянскихъ комитетовъ ограничивается взносомъ денегъ. Въ этомъ впрочемъ нельзя не винить отчасти и нашихъ передовыхъ славянскихъ дѣятелей: надо къ великому дѣлу съумѣть привлечь людей, выбрать изъ толпы будущихъ передовыхъ дѣятелей и подготовлять ихъ себѣ въ преемники. Всякій великій ученый всегда оставляетъ послѣ себя учениковъ-послѣдователей,—для подготовки-то ихъ и должна быть положена нѣкоторая доля труда. Правда, у насъ есть два-три лица вполнѣ достойныя вниманія и благодарности общества за ихъ дѣятельность въ общеславянскомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, Н. А. Поповъ; но, къ сожалѣнію, число ихъ весьма ограничено; не будь этихъ личностей, Богъ знаетъ, что сталось бы съ славянскими благотворительными комитетами. Другая причина нѣсколько неправильнаго положенія комитетовъ — это слишкомъ русофильское, а не всеславянское направленіе нѣкоторыхъ изъ передовыхъ нашихъ славянскихъ дѣятелей. Желаніе *подчинить* себѣ славянъ, выказываемое нѣкоторыми лицами, какъ-то поражаетъ посторонняго человѣка, и поэтому-то многіе сторонятся славянскаго дѣла и комитетовъ, находя намѣреніе подчинить славянъ не только вреднымъ, но и противоестественнымъ; да и само правительство наше не раздѣляетъ этого взгляда на славянскій вопросъ. Несмотря, впрочемъ, на все вышесказанное, въ послѣднее время благотворительная дѣятельность начинаетъ увеличиваться, что можно приписать отчасти жизненной силѣ, которая заключается въ славянскомъ вопросѣ, отчасти пріѣзду славянъ въ Россію на этнографи-

Digitized by Google

ческую выставку, которая значительно пробудила въ Россіи славянское стремленіе въ обществѣ. Многія лица, которыя и не подозрѣвали о существованіи славянскаго вопроса, невольно знакомились съ нимъ, а въ нѣкоторыхъ пробудился и интересъ къ этому дѣлу. Еслибы подобныя явленія чаще повторялись, то славянскій вопросъ сдѣлалъ бы быстрые успѣхи. Правда, между нѣкоторыми изъ нашихъ панрусистовъ и славянскими гостями происходили недоразумѣнія, но вѣдь ни одно дѣло не устраивается безъ столкновеній болѣе или менѣе значительныхъ. Намъ не надо ни отворачиваться отъ славянъ, ни стремиться подчинить ихъ себѣ. Наша задача въ этомъ отношеніи—внутреннее единеніе и солидарность нравственныхъ и интеллектуальныхъ интересовъ для обоюдной крѣпости и силы. Объ этомъ говорили славяне на этнографической выставкѣ, и это должно быть основнымъ началомъ всякаго русскаго, понимающаго тѣ отношенія, какія должны существовать между славянами и Россіей.

(Къ статьѣ: «Восточный вопросъ и Россія», Владимірова. «Бесѣда» № II-й 1872 г.).

О НЕОБХОДИМОСТИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НА УРАЛѢ.

Полоса земли, занятая центральною цѣпью уральскихъ горъ и холмовъ, неудобна для земледѣлія. Здѣсь, и особенно на восточномъ склонѣ средняго Урала, преобладаетъ дѣятельность промышленная, горнозаводская. Почти каждая рѣка и рѣчка или составляетъ движущую силу заводскихъ машинъ, или служитъ для промывки золотосодержащихъ песковъ. Масса народа занята обработкою металловъ, добычею рудъ, приготовленіемъ и доставкою на заводы дровъ и угля. По умственному развитію рабочее населеніе заводовъ стоитъ вообще выше земледѣльческихъ населеній Россіи. Къ сожалѣнію, непосредственные руководители народнаго труда отличаются отъ массы только тѣмъ, что механически, наглядно переняли отъ своихъ предшественниковъ пріемы, употребляемые въ техникѣ горнаго дѣла. И теперь такъ же, какъ за 100 лѣтъ тому назадъ, заводскіе мастера, управляя сложными металлургическими процессами, не понимаютъ сущности происходящихъ предъ ихъ глазами химическихъ реакцій, и потому не только не способны дѣлать какія-либо усовершенствованія, но боятся всякихъ нововведеній или измѣненій въ пріемахъ, унаслѣдованныхъ ими отъ предковъ. А между тѣмъ они-то именно, т. е. эти мастера, какъ люди всю свою жизнь наблюдающіе за ходомъ плавильныхъ печей, за дѣйствіемъ

Digitized by Google

горновъ и машинъ, и могли бы дѣлать усовершенствованія; отъ нихъ-то и зависитъ прогрессъ или застой въ техникѣ горнаго дѣла.

Владѣльцы уральскихъ заводовъ живутъ или въ столицахъ, или за границею; до освобожденія крѣпостныхъ они не имѣли никакихъ побужденій заботиться объ образованіи народа; они знали, что, благодаря щедрости правительства, у нихъ на Уралѣ есть цѣлыя горы богатѣйшихъ рудъ, сотни тысячъ десятинъ лѣсовъ, тысячи пудовъ золота въ россыпяхъ и тысячи людей, въ потѣ лица и почти даромъ работающихъ на нихъ,—имъ оставалось только пользоваться этими благами и заботиться о разнообразіи и прогрессѣ въ наслажденіяхъ. Освобожденіе крѣпостныхъ, возвысивъ цѣну труда, измѣнило положеніе многихъ заводовладѣльцевъ, но никого изъ нихъ не образумило, не сдѣлало предусмотрительнѣе; они не поняли, что имъ давно слѣдовало соединиться между собою и общими силами принять мѣры къ улучшенію техники на заводахъ путемъ образованія мастеровъ. Притомъ же вскорѣ оказалось, что существованіе заводовъ пока еще возможно и при вольномъ трудѣ и при рутинныхъ пріемахъ производства. Быстро возрастающая въ Россіи потребность въ желѣзѣ возвысила цѣну этого металла, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилась и доходность желѣзныхъ заводовъ. Но именно это, повидимому, благопріятное для заводовъ возвышеніе цѣны на желѣзо должно или вызвать существованіе желѣзныхъ заводовъ въ другихъ мѣстахъ имперіи, или распространить въ народѣ употребленіе желѣза иностраннаго—хотя и худшаго по качеству, но болѣе доступнаго по цѣнѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ цѣны на уральское желѣзо должны опять понизиться. Съ другой стороны, независимо отъ пониженія цѣны на желѣзо, доходность многихъ уральскихъ заводовъ должна уменьшиться вслѣдствіе предстоящаго имъ сокращенія производства отъ истощенія лѣсовъ. Это невыгодное для заводовладѣльцевъ сокращеніе производства тяжело отзовется и на рабочемъ народонаселеніи заводовъ. Люди, давно свыкшіеся съ работами въ рудникахъ, куреняхъ, у заводскихъ машинъ и горновъ, не могутъ быстро и легко измѣнить свой бытъ и перейдти въ земледѣльческое состояніе; да и земель, удобныхъ для пашни, въ окрестностяхъ заводовъ нѣтъ; для переселенія же на новыя пустынныя земли, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины, нужны средства не такія, какими могутъ располагать заводскіе рабочіе люди.

Чтобъ обезпечить доходность заводовъ на случай пониженія цѣны на уральское желѣзо и отдалить на болѣе или менѣе продолжительное время сокращеніе производства вслѣдствіе истощенія лѣсовъ, заводовладѣльцы должны: 1) ввести на заводахъ такія улучшенія и усовершенствованія въ техникѣ, которыя давали бы значительную экономію въ горючемъ матеріалѣ; 2) устроить фабрики для передѣлки желѣза въ издѣлія (земледѣльческія орудія, гвозди, подковы и т. п.), необходимыя

Digitized by Google

для народа. Но такъ какъ улучшенія въ существующей техникѣ и устройства новыхъ фабрикъ для издѣлій будетъ возможно достигнуть только тогда, когда на Уралѣ будетъ существовать хорошая школа для образованія техниковъ и мастеровъ, обладающихъ научными знаніями, а также и мастеровъ по ремесламъ то, 3) владѣльцы заводовъ должны позаботиться объ устройствѣ на Уралѣ технической школы.

Необходимость образованія вообще сознается нынѣ всѣми слоями русскаго народа; всюду дѣлаются пожертвованія на основаніе школъ и въ пользу учащихся; но между именами: Нарышкиныхъ, Галагана, Милютиныхъ, Губониныхъ и друг., нѣтъ ни одного изъ уральскихъ заводчиковъ, т. е. нѣтъ именно тѣхъ, чьи личные интересы больше всего зависятъ отъ образованія народа. По какому-то непонятному ослѣпленію, не сочувствіе и содѣйствіе дѣлу народнаго образованія, а энергическое противодѣйствіе выказали съ своей стороны заводовладѣльцы въ екатеринбургскомъ земскомъ собраніи, при обсужденіи доклада управы объ устройствѣ сельскихъ школъ. Докладъ этотъ утвержденъ—только благодаря горячей защитѣ его со стороны представителя казенныхъ заводовъ (полковника Штейнфельда) и тому обстоятельству, что большинство собранія состояло изъ крестьянъ, единодушно поддерживавшихъ въ этомъ дѣлѣ г. Штейнфельда.

Сельскія школы, увеличивъ число грамотныхъ, распространятъ и въ средѣ народа идею о необходимости научнаго образованія, такъ какъ грамотные яснѣе сознаютъ эту необходимость, чѣмъ безграмотные. Что касается до образованныхъ сословій на Уралѣ, то всѣ мѣстные дѣятели какъ по горному дѣлу, такъ и по золотопромышленности давно уже сознаютъ недостатокъ спеціалистовъ и вообще людей образованныхъ; всѣ жалуются на безлюдье, какъ на причину неудовлетворительнаго хода дѣлъ; всѣ убѣждены въ томъ, что пріемы и способы обработки рудъ и металловъ необходимо улучшить, удешевить, но, по недостатку образованныхъ техниковъ, это сдѣлать невозможно. Множество матеріаловъ, труда, времени и денегъ тратится непроизводительно именно вслѣдствіе невѣжества руководителей работъ; вообще промышленность края страдаетъ отъ недостатка знаній или, что все равно, отъ умственнаго безсилія и безпомощности. Между бывшими заводскими крѣпостными множество людей грамотныхъ; встрѣчаются люди дѣльные, но мало людей образованныхъ, еще менѣе людей честныхъ. Высшая спеціальная школа для приготовленія горныхъ техниковъ находится за 2.400 в. отъ Урала (въ С.-Петербургѣ) и едва удовлетворяетъ только потребностямъ казенныхъ заводовъ; въ ней воспитываются на счетъ правительства дѣти горныхъ инженеровъ, для частныхъ же людей она недоступна по отдаленности, по дороговизнѣ столичной жизни, по аристократичности обстановки ея. Собственно для казенныхъ же заводовъ существуетъ въ Екатеринбургѣ уральское училище—школа для приготовленія мастеровъ и уставщиковъ

Digitized by Google

работъ; но, по объему курса, по средствамъ, ассигнуемымъ на нее, и по числу учащихся (всего около 50 чел.), она не соотвѣтствуетъ потребностямъ одной даже казенной промышленности. Затѣмъ большинству народонаселенія Уральской горной области, волею или неволею, приходится отдавать дѣтей въ классическія гимназіи.

Изъ екатеринбургской гимназіи ежегодно выходитъ около 80 челов., не окончившихъ въ ней курса, и они-то именно, т. е. эти не подготовленные ни къ какой дѣятельности люди, эти невѣжды и будутъ составлять нѣкогда интеллигенцію края, большинство дѣятелей въ государственной службѣ, въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, во всѣхъ сферахъ промышленной дѣятельности. Наиболѣе любознательные изъ нихъ постараются довершить свое образованіе чтеніемъ популярныхъ сочиненій по естествознанію, безъ всякой пользы собственно для дѣла. Объ оканчивающихъ же курсъ въ классической гимназіи можно сказать, что они систематически подготовляются для филологіи, а не для практическихъ работъ по горнозаводству. Долгое и прилежное изученіе древнихъ языковъ дастъ имъ, наконецъ, возможность постигнуть изящество формъ рѣчи древнихъ грековъ и строго-логичныя формы латинскаго языка, но не дастъ ни знанія Уральскаго края, ни умѣнья воспользоваться его богатствами, ни желанія и симпатій къ этому серьезному, богатому результатами дѣлу. Между тѣмъ существующая гимназія, вслѣдствіе весьма серьезныхъ своихъ недостатковъ и въ личномъ составѣ, и въ постановкѣ дѣла, не можетъ дать даже и «классическихъ» результатовъ *). Но какова бы

*) А недостатки эти не маловажны, что, напр., видно изъ слѣдующаго: въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года священникъ Знаменскій подалъ директору екатеринбургской гимназіи рапортъ о томъ, что *всѣ* ученики 6-го класса гимназіи скептически относятся къ ученію церкви, что обнаружили вопросами о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры. Очевидно, что г. Знаменскій въ теченіе 6 или 7 лѣтъ не умѣлъ внушить мальчикамъ уваженія ни къ предмету, имъ преподаваемому, ни къ своей личности. Чтобъ оправдать сколько-нибудь свою несостоятельность, онъ объявилъ, что виновнымъ въ этомъ дѣлѣ считаетъ учителя математики, г. Обреимова. Г. Обреимовъ подалъ въ отставку, а вслѣдъ затѣмъ и всѣ ученики 6-го класса объявили, что, лишившись уроковъ, которыми наиболѣе дорожили, они не считаютъ нужнымъ оставаться въ гимназіи. Педагогическій совѣтъ гимназіи (самый вліятельный членъ котораго, г. Юшкевичъ, давно уже не сходился въ мнѣніяхъ съ г. Обреимовымъ) принялъ сторону законоучителя, и г. Обреимовъ, по приказу попечителя казанск. учебн. округа, уволенъ отъ службы безъ прошенія, а директоръ гимназіи воспретилъ ему даже частные уроки. Благодаря участію, совѣтамъ и вліянію жандармскаго штабъ-офицера, ученики возвратились въ гимназію, но шестеро изъ нихъ все-таки выключены педагогическимъ совѣтомъ, а г. Обреимовъ—человѣкъ, по признанію самого директора гимназіи, безукоризненно-честный, отличный педагогъ, болѣе всѣхъ другихъ преподавателей любимый учениками—остался безъ средствъ къ существованію. Священникъ же Знаменскій, противъ котораго слышатся рѣзкія обвиненія въ средѣ общества и даже духовенства, о которомъ распространено въ

Digitized by Google

ни была гимназія, какъ филологическая университетская школа, она здѣсь неумѣстна. Это—роскошь, введенная прежде удовлетворенія настоятельныхъ, насущныхъ потребностей. Для губерніи достаточно бы одной такой школы. Здѣсь же, т. е. собственно въ Екатеринбургѣ, какъ центрѣ горной промышленности, необходимо прежде всего высшее техническое училище, по образцу московскаго, но съ особымъ развитіемъ спеціальныхъ курсовъ по минералогіи и металлургіи. Средства для существованія такого училища должна дать горная промышленность. Если большая часть золотопромышленниковъ дѣлала значительныя пожертвованія въ пользу оренбургскаго кадетскаго корпуса, то, безъ сомнѣнія, всѣ, и охотнѣе, чѣмъ на корпусъ, согласятся удѣлять часть своихъ прибылей на екатеринбургское техническое училище. Владѣльцамъ заводовъ стыдно будетъ отказаться отъ ежегоднаго пожертвованія по одной копѣйки съ пуда, проданнаго на Нижегородской ярмаркѣ, желѣза. Въ настоящее время особенно это нисколько не стѣснитъ ихъ, такъ какъ цѣна на желѣзо ежегодно повышается по нѣскольку копѣекъ на пудъ; слѣдовательно, и прибыли заводовладѣльцевъ, даже за отчисленіемъ суммъ въ пользу училища, все-таки будутъ увеличиваться. Если же владѣльцы уральскихъ заводовъ окажутся неспособными понять свои собственныя выгоды въ этомъ дѣлѣ и сами не изъявятъ готовности къ пожертвованію, то не будетъ несправедливостію, если правительство обяжетъ ихъ къ тому. Наступила пора, когда крестьяне считаютъ себя обязанными жертвовать на школы; но жертвовать отъ нужды не такъ легко, какъ удѣлять какую-либо часть изъ колоссальнаго богатства, изъ десятковъ и сотенъ тысячъ рублей годоваго дохода, который получаютъ съ Урала заводовладѣльцы. Пора бы этимъ господамъ, создавъ школу для народа, тѣмъ самымъ выразить ему свое спасибо за вѣковой трудъ въ пользу ихъ, господъ; пора бы имъ заслужить предъ государствомъ тѣ привилегіи, льготы и субсидіи, которыми они щедро пользовались отъ него и пользуются по настоящее время и благодаря которымъ многіе изъ нихъ утопали среди безумной роскоши, доводили мотовство до баснословныхъ размѣровъ, чѣмъ и прославились въ Россіи и заслужили европейскую извѣстность. Сдѣлавъ достойное ихъ, какъ просвѣщенныхъ вельможъ, пожертвованіе на школу, они исполнили бы свой долгъ, пріобрѣли бы общее уваженіе, возбудили бы въ работающемъ на нихъ народѣ чувство благодарности и въ то же время прочно обезпечили бы и свои матеріальные интересы.

городѣ нѣсколько пасквилей,—продолжаетъ свое законоучительство. Обо всемъ этомъ сообщено въ с.-петербургскія газеты гг. Казанцевымъ и Клепининымъ. Директоръ гимназіи, по приказанію г. министра, уже подалъ въ отставку. Учитель Юшкевичъ готовится къ тому же. Ждутъ коммиссію. Но священникъ Знаменскій, обязанный внушать любовь къ ближнему и между тѣмъ внушившій только ненависть къ себѣ, можетъ-быть останется!

Digitized by Google

Если необходимость въ высшей технической школѣ на Уралѣ будетъ признана правительствомъ и окажется возможнымъ ограничиться одною классическою школою для всей губерніи, то суммы, ассигнуемыя на существующія теперь въ Екатеринбургѣ: классическую гимназію, уральское уѣздное и духовное училища, на окружную приходскую и заводскую школы, могутъ быть обращены на техническое училище съ общими при немъ классами. Сосредоточеніе всѣхъ учебныхъ средствъ для одной цѣли было бы полезно во всѣхъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, этимъ достигалась бы экономія въ расходахъ на надзоръ и содержаніе учащихся; съ другой стороны, соединеніе всѣхъ дѣтей въ одной школѣ способствовало бы сліянію сословій, уничтоженію розни въ обществѣ, зараждающейся еще въ дѣтствѣ, въ видѣ антагонизма между учащимися въ различныхъ школахъ. Школьная связь есть почти такая же крѣпкая связь, какъ связи родственныя, и потому желательно, чтобы сколько возможно большее число лицъ было соединено этою связью.

Въ интересахъ образованія необходимо, чтобъ обученіе въ школѣ было для всѣхъ доступное и безплатное. Для усиленія же средствъ школы полезно было бы каждаго поступающаго на спеціальный курсъ пансіонера или получающаго пособіе обязывать подпискою, по выходѣ изъ школы, въ теченіе 15 или 20 лѣтъ возвратить школѣ всю сумму, на содержаніе его затраченную, что и вносить въ аттестатъ.

Въ виду громадной и самой настоятельной потребности въ техникахъ для горнаго вѣдомства, для частной горной промышленности на Уралѣ и въ Сибири, для телеграфнаго вѣдомства и желѣзно-дорожныхъ компаній, а также принимая въ разсчетъ число учащихся въ екатеринбургскихъ школахъ (около 1.500 чел.) и быстро возрастающее во всемъ народонаселеніи края стремленіе къ образованію дѣтей,—екатеринбургская техническая школа должна быть устроена не менѣе какъ на 1.500 человѣкъ, а сообразуясь со средствами большинства семей, въ ней должно быть, по крайней мѣрѣ, 500 полныхъ пансіонеровъ (для заводовъ *) и хотя 500 же приходящихъ, но пользующихся пособіемъ на содержаніе (для бѣдныхъ изъ жителей города Екатеринбурга). По дешевизнѣ содержанія въ Екатеринбургѣ, расходъ на каждаго пансіонера можно опредѣлить по 80 р. въ годъ **), а размѣръ пособія для приходящихъ по 36 р. въ годъ. Необходимо, чтобы пища и одежда учащихся были просты, вполнѣ сообразны съ пищею и одеждою народа. Научное образованіе тогда только будетъ дѣломъ въ высшей степени плодотворнымъ,

*) Принимая въ разсчетъ число всѣхъ дѣйствующихъ на Уралѣ заводовъ и число ученыхъ мастеровъ, необходимыхъ для каждаго завода, цифра 500 слишкомъ мала; но лучше немного, чѣмъ ничего.

**) Въ уральскомъ училищѣ содержаніе каждаго пансіонера обходится въ 72 р. въ годъ, считая тутъ пищу, одежду, отопленіе и освѣщеніе зданія и учебныя пособія.

Digitized by Google

когда дѣти народа будутъ возвращаться въ свои семьи развитыми умственно и обогащенными знаніями и притомъ усвоившими образъ жизни и привычки, сколько возможно ближе подходящія къ быту народа. Образованіе не должно разъединять членовъ семьи, ни отчуждать отъ народа какими бы то ни было внѣшними отличіями и преимуществами или правами тѣхъ, которые выдѣлились изъ массы, только на время, для пріобрѣтенія знаній, и, войдя снова въ ту же массу, должны опять слиться съ нею. Всевозможная роскошь и разнообразіе желательны только относительно учебныхъ пособій и средствъ для умственнаго развитія, для практическаго изученія минералогіи, металлургіи, горнаго дѣла и механики. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи школа въ Екатеринбургѣ будетъ находиться въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. Городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ каменоломнями, рудниками, пріисками и заводами; въ самомъ городѣ есть музеумъ, библіотека, двѣ лабораторіи, монетный дворъ, механическая фабрика, много частныхъ мастерскихъ и фабрикъ. Къ числу благопріятныхъ же условій слѣдуетъ отнести и то, что въ Екатеринбургѣ, какъ уѣздномъ и, сравнительно, бѣдномъ городкѣ, нѣтъ того блеска, шума, роскоши и соблазновъ, которые въ столицахъ встрѣчаются почти на каждомъ шагу, и привычка къ которымъ отравляетъ потомъ надолго жизнь молодыхъ людей, по возвращеніи ихъ на родину, въ глушь.

Для поддержанія и развитія горнаго дѣла на Уралѣ правительство въ недавніе годы потеряло милліоны рублей въ видѣ ссудъ и субсидій заводовладѣльцамъ, на постройку оружейныхъ заводовъ, на посылку за границу горныхъ инженеровъ, на покупку за границею же машинъ для заводовъ; въ ущербъ массѣ потребителей и развитію всѣхъ отраслей промышленности, кромѣ горной, оно поддерживаетъ высокія пошлины на ввозное желѣзо. Но всѣ эти жертвы не подняли горнаго дѣла на Уралѣ, и не поднимется оно у насъ до тѣхъ поръ, пока будетъ находиться въ рукахъ невѣжественныхъ мастеровъ; пока процессами выдѣленія желѣза изъ окисловъ и силикатовъ, насыщенія его углеродомъ, потомъ выдѣленія углерода и новаго соединенія съ нимъ—будутъ управлять темные люди, не имѣющіе никакого понятія о томъ, что такое кислородъ и углеродъ, при какихъ условіяхъ соединяются они съ металломъ и выдѣляются изъ него, какое вліяніе имѣютъ на качество желѣза и проч.... Только высшая техническая школа можетъ дать Уралу людей способныхъ дѣлать улучшенія и усовершенствованія въ техникѣ; только при существованіи такой школы можно разсчитывать на появленіе у насъ своихъ Стефенсоновъ, Несмитовъ, которые поднимутъ дѣло. Какъ бы ни былъ великъ природный умъ заводскаго мастера, онъ поневолѣ безъ научнаго развитія остается бездѣйствующимъ, неразвитымъ, неспособнымъ ни къ чему, кромѣ слѣпаго подражанія. Ученый же металлургъ, поступивъ на то же самое мѣсто, будетъ считать себя

Digitized by Google

обязаннымъ,—уже потому только, что онъ ученый,—ввести улучшенія въ дѣлѣ. Школа и наука сообщили его уму пытливость, стремленіе къ прогрессу—качества, которыя онъ внесетъ и въ свою практическую дѣятельность на заводѣ.

Вопросъ объ упроченіи желѣзнаго дѣла на Уралѣ есть вопросъ государственный, такъ какъ потребители уральскаго желѣза—весь русскій народъ. Поэтому, съ существованіемъ здѣсь высшей технической школы связаны не одни только мѣстные интересы, но и общіе интересы государства и всѣхъ отраслей промышленности.

А. О.

12 апрѣля 1872 г.
Екатеринбургъ.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

Самаркандъ.

III.

Я далеко не могу похвастаться серьезнымъ, многостороннимъ знакомствомъ съ внутреннею жизнью туземцевъ. Мы, русскіе, обреченные говорить съ ними только черезъ переводчиковъ (а сами едва умѣющіе переговорить о самыхъ обыденныхъ предметахъ), играть съ ними въ оффиціальные гости, говорить любезности и никоимъ образомъ не намекать даже въ разговорахъ объ ихъ семейномъ бытѣ,—стоимъ, конечно, очень далеко отъ нихъ и только воровски, украдкой, стороной можемъ узнавать кое-какіе отрывки изъ ихъ домашней жизни. И потому я не смѣю претендовать на большую полноту и даже на безукоризненную точность тамъ, гдѣ въ этомъ бѣгломъ очеркѣ мнѣ придется пробираться на задніе дворы самаркандцевъ и подглядывать ихъ закулисную обстановку. Я даже считаю нужнымъ сказать откровенно впередъ, что въ этомъ случаѣ будетъ много недосказаннаго, въ виду избѣжанія большихъ ошибокъ.

Число жителей въ Самаркандѣ до сихъ поръ не извѣстно съ точностью. Цифра 30.000 выведена гипотетически, разсчитывая на каждый дворъ (число которыхъ тоже положительно еще не извѣстно) извѣстное число жителей. Такимъ образомъ, принимая настоящую, гипотетичную цифру жителей города за меньшую дѣйствительной, можно допустить, не боясь ошибиться, что число всѣхъ жителей по крайней мѣрѣ 35—40 тысячъ.

Изъ народностей, живущихъ въ городѣ, мы укажемъ на двѣ главныхъ преобладающихъ группы: таджиковъ и узбековъ,—затѣмъ евреевъ,

Digitized by Google

индѣйцевъ и авганъ. Намъ здѣсь не слѣдъ вдаваться въ тонкости раздѣленія этихъ народностей на роды и ихъ особенности; это предоставляется знатокамъ-спеціалистамъ, которые еще не скоро, навѣрное, порѣшатъ это дѣло и кончатъ свои споры.

Наше дѣло взглянуть съ простой, не мудрой стороны на туземца и показать, какимъ онъ кажется для обыкновеннаго наблюдателя, не задавшагося какими-либо учеными вопросами.

Главную массу коренныхъ жителей составляютъ, какъ я сказалъ, двѣ народности: таджики и узбеки.

Таджикъ—родня перса, тогда какъ узбекъ—братъ тюрка. Отсюда и основная разница въ типахъ, характерѣ и складѣ ума. Первый говоритъ смѣшаннымъ, нѣсколько изломаннымъ персидскимъ языкомъ; второй—тюркскимъ нарѣчіемъ, принявшимъ въ себя много словъ изъ персидскаго лексикона и смягчившимъ, сократившимъ много звуковъ въ словахъ тюркскаго языка. Физіономія узбека во всемъ напоминаетъ туранскій типъ: небольшой лобъ, развитыя скулы, острый подбородокъ, узкіе глаза, красивая бровь, негустая, часто жалкая борода, преимущественно растущая на подбородкѣ; цвѣтъ волосъ часто попадается близкій къ темнорусому. У таджика болѣе правильности въ лицѣ и черты не такъ угловаты, тонки. Продолговатое лицо съ круглымъ, широкимъ лбомъ, сплюснутымъ нѣсколько на вискахъ, черные глаза, подбородокъ довольно круглый, бровь часто густая и нависшая, черные волосы на головѣ и окладистой бородѣ. Нравственныя качества той и другой народности въ главныхъ чертахъ таковы: въ узбекѣ много прямодушія, честности, но въ то же время онъ неповоротливъ, консервативенъ, тупо воспріимчивъ. Въ немъ много еще проглядываетъ тѣхъ чертъ, которыя главнымъ образомъ характеризуютъ кочеваго жителя. Уже сдѣлавшись осѣдлымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не любитъ города, а больше держится деревни, гдѣ какъ-то просторнѣе, проще живется. Напротивъ, подвижная, предпріимчивая, юркая, нѣсколько плутовская натура таджика тянетъ его въ городъ, гдѣ онъ принимается за ремесло, торговлю и промышленныя предпріятія. Таджикъ хитеръ и развитъ гораздо болѣе узбека, хотя въ то же время и трусливѣе его.

Но какъ типы, такъ и характеры, въ силу давнишняго смѣшенія этихъ двухъ племенъ посредствомъ браковъ, жизни бокъ-о бокъ, общности интересовъ, понятій, религіи и, вообще, одинаковыхъ условій ихъ существованія, уже успѣли до извѣстной степени сгладиться, равно какъ исчезли и нѣкоторыя рѣзкія особенности, свойственныя исключительно каждой изъ этихъ народностей, не говоря уже о томъ, что въ крови ихъ много прибавковъ и отъ другихъ народовъ Средней Азіи.

Чтобы закончить описаніе племенныхъ особенностей главныхъ группъ жителей Самарканда, набросимъ типы еврея и индійца.

Физіономія здѣшняго еврея сильно типична: продолговатое, съ

Digitized by Google

острымъ подбородкомъ лицо; великолѣпная черная бровь дугой; сильный, открытый, прекрасный черный глазъ; носъ острый, съ мягкою горбиной; небольшая, опушающая лицо, курчавая, черная, какъ смоль, борода и густые волосы на головѣ, изъ которыхъ они оставляютъ два большихъ, длинныхъ пейса на вискахъ, — все это не вызываетъ никогда вопроса относительно опредѣленія народности туземнаго еврея.

Лицо индійца характерно въ высшей степени: широкій лобъ, впалые, круглые, черные глаза, съ сверкающими бѣлками; широкія скулы и развитыя челюсти; носъ съ рѣзкою горбиной, или приподнятый толстый, круглый, съ расширенными ноздрями; толстыя выпяченныя губы, великолѣпные зубы и не очень курчавая борода. Цвѣтъ лица—особенно смуглый.

Этимъ мы и ограничимся относительно племенныхъ отличій туземцевъ и перейдемъ къ болѣе подробному описанію жизни самаркандскихъ жителей, причемъ главное вниманіе будетъ обращено на обычаи и нравы магометанскаго населенія города, какъ составляющаго главную массу, и коренныхъ обитателей страны, тогда какъ остальныя народности представляютъ отдѣльныя, замкнутыя, незначительныя группы и потому не могутъ быть причислены къ коренному составу жителей г. Самарканда. Эта оговорка сдѣлана для того, чтобъ яснѣе дать понятіе о томъ, что̀ и какъ нужно подразумѣвать подъ словами *туземецъ* или *самаркандецъ*.

Одежда туземца незамысловата и однообразна въ своемъ покроѣ до педантизма. Мужчины ходятъ въ рубахѣ немного длиннѣе колѣнъ, съ открытымъ воротомъ, безъ воротника и съ прорѣхой спереди, завязывающейся тесемками. Воротъ обшивается цвѣтною тесемкой; рукава обыкновенной длины и ширины. Шаровары не длинны, широкія, на очкурѣ, въ большинствѣ случаевъ, дѣлаются изъ мѣстной бумажной матеріи. Затѣмъ надѣтъ легкій халатъ на холодной подкладкѣ, потомъ ваточный халатъ, подпоясанный поясомъ и кушакомъ, и сверху еще халатъ, исправляющій должность шинели. Фасонъ всѣхъ халатовъ одинаковъ: длины небольшой, безъ таліи, съ рукавами, широчайшими у плечъ и узкими на концахъ до того, что едва проходитъ кисть руки; длина ихъ больше длины руки четверти на полторы, такъ что когда рука высунута изъ рукава, то послѣдній весь собирается во множество мелкихъ складокъ. Воротникъ у халата не откидной, высотой пальца въ три, соединенъ съ съуживающимися лацканами, при окончаніи которыхъ на срединѣ груди пришиты тесемочныя завязки. Въ подолѣ по бокамъ сдѣланы небольшіе прорѣзы. Поясъ, которымъ подпоясывается второй халатъ, уже описанъ нами. Онъ состоитъ изъ широкаго ремня или ковровой тесьмы, съ бляхами, застежками и часто шелковымъ шитьемъ. На лѣвомъ боку надѣвается кожаная петля, съ навѣшенными на нее ножами въ чехлахъ,

Digitized by Google

мѣшечкомъ для денегъ и огнивомъ. Кушакъ, въ нѣсколько саженъ длины, дѣлается или изъ бумажной, или шерстяной ткани, обхватывающей нѣсколько разъ талію сарта. Верхній халатъ не подпоясывается, а только завязывается на тесемки. Въ большинствѣ случаевъ верхній халатъ дѣлается изъ сукна; впрочемъ, при важныхъ выѣздахъ, онъ долженъ быть самый шикарный, и потому его часто шьютъ изъ яркихъ шелковыхъ матерій, бархата и т. п. Обувь состоитъ изъ сапоговъ уже извѣстнаго покроя, съ острыми желѣзными коблуками, или сшитыхъ изъ мягкой козловой кожи съ мягкою же и тонкою подошвой—«массы», и калошъ. Голова украшена тюбетейкой (ермолкой), на которую наверченъ тюрбанъ изъ длиннѣйшей матеріи бѣлаго, пестраго и иногда краснаго цвѣтовъ.

Вотъ и весь костюмъ. Разница бываетъ только въ матеріалахъ одежды, въ величинѣ чалмы, да въ обуви. Конечно, тамъ, гдѣ бѣднякъ носитъ простой туземный тикъ, бязь или алачу,—богатый употребляетъ ситецъ, адрясъ, шелкъ; грубое армячное сукно халата простолюдина у важнаго туземца замѣняется тонкимъ, съ золотымъ шитьемъ на спинѣ и воротникѣ; чалму богачи носятъ кисейную, необычайной бѣлизны и огромныхъ размѣровъ. Наконецъ, вмѣсто сапоговъ изъ простой кожи или однѣхъ калошъ на босую ногу, состоятельный туземецъ надѣваетъ шагреневый сапогъ или козловый съ туфлей. Въ этомъ только вся и разница. Цвѣта костюмовъ болѣе нравятся яркіе, пестрые, въ родѣ желтыхъ съ синими цвѣтами, красныхъ, голубыхъ, синихъ. Съ наступленіемъ лѣта число халатовъ сокращается до двухъ, а у простонародья доходитъ до одного. Рубаха рабочими рѣдко надѣвается, и они тогда щеголяютъ въ однихъ шароварахъ, распахнутомъ халатѣ и босикомъ.

Женскій костюмъ тоже однообразенъ и не представляетъ никакихъ видоизмѣненій, кромѣ матеріаловъ, изъ которыхъ сшито платье. Но женщина одѣта уже роскошнѣе; въ ея убранствѣ много украшеній; маломальски состоятельный мужъ старается сдѣлать своей женѣ нѣсколько паръ платья, болѣе или менѣе щеголеватыхъ. Длинныя, широкія на очкурѣ шаровары дѣлаются въ большинствѣ случаевъ изъ канауса, шитыя въ узоръ шелками; рубашка, гораздо длиннѣе, чѣмъ у мущинъ,—изъ ситцу, кисеи или канаусу. Воротъ у дѣвушки открытый и широкій на столько, что рубашка спадаетъ съ плечъ, и завязки у него дѣлаются на плечахъ; у женщины же дѣлается большая прорѣха на груди. Рукава широкіе и длинные, такъ что висятъ почти до щиколокъ. Сверху подобной рубахи надѣвается бешметъ—коротенькій халатъ съ высокою таліей и не длинными рукавами, отчего изъ нихъ высовываются широкіе и длинные рукава рубашки. Бешметъ сдѣланъ съ открытою грудью и запахивается только на таліи. Ноги женщины обуваются или въ тонкія массы, или въ шерстяные чулки и калоши. Голова убирается слѣдующимъ образомъ: проборомъ по срединѣ головы волосы дѣлятся на двѣ

Digitized by Google

боковыя части, которыя заплетаются во множество тоненькихъ косъ; сзади же дѣлается одна толстая коса. Косы оканчиваются разноцвѣтными кисточками косниковъ. Спереди волосы чешутся гладко, низкимъ полукругомъ. На вискахъ небольшая прядь волосъ обрѣзывается коротко и изъ нея дѣлается височикъ, плотно приклееваемый къ кожѣ виска. Точно такъ же подрѣзается прядка волосъ на лбу противъ пробора. Этотъ вихорокъ спускается на лобъ. Косы висятъ—боковыя спереди, вдоль груди, а заднія вдоль спины; длина, густота и число косъ входятъ въ признаки женской красоты, а потому не обладающія такими сокровищами прибѣгаютъ къ косамъ накладнымъ. Въ уши вдѣваются серьги, съ подвѣсками въ нѣсколько этажей, до того широкія и массивныя, что уху становится трудно выдержать долго ихъ вѣсъ.—почему отъ серегъ идутъ тесемки, прячущіяся подъ головнымъ платкомъ и передающія часть тяжести ихъ головѣ. Затѣмъ голова покрывается не свернутымъ платкомъ, а сверху другой, сложенный какъ галстукъ, повязывается такимъ образомъ, что средина ёго прилегаетъ ко лбу, а концы завязываются, или, вѣрнѣе, просто затягиваются на затылкѣ. При этомъ послѣдній платокъ повязанъ на столько высоко, что изъ-подъ него видны боковые приглаженные волосы и высовываются кудерьки обрѣзаннаго вихра; на лобъ иногда надѣваются украшенія изъ бисера и золота, въ родѣ бахромы. На шею надѣвается нѣсколько нитокъ бусъ съ серебряными и золотыми украшеніями на груди. Большинство этихъ брелокъ похожи на четыреугольникъ, убранный бирюзой и камнями, съ болтающимися на немъ привѣсками. Руки убираются кольцами и браслетами.

Но этимъ туалетъ еще не кончился. Нужно привести въ должный, форменный видъ физіономію, для чего она натирается свинцовыми бѣлилами, а на щекахъ наводится румянецъ *); сурмятся брови и красятся черною краской края верхнихъ и нижнихъ вѣкъ, отъ чего глазъ кажется продолговатѣе и у́же, но за то бьетъ предполагаемой густотою рѣсницъ. Собственно говоря, эта незамысловатая гримировка, не отличающаяся ни ловкостью, ни деликатностью пріемовъ и средствъ, непріятно бросается въ глаза европейцу и представляетъ нѣчто въ родѣ маски, аляповато разрисованной,—но требованія утонченнаго вкуса среднеазіатца совершенно удовлетворяются подобною красотой.

Въ этомъ убранствѣ женщина является только дома, при своихъ. Чтобы выйти на улицу, она должна надѣть на лицо волосяную сѣтку и халатъ особаго покроя (паранджа). Халатъ этотъ по формѣ близко подходить къ мужскому, дѣлается необычайной ширины, а длины такой, чтобы, надѣтый на голову, доходилъ до земли. Рукава халата закидываются назадъ и сшиваются концами вмѣстѣ. Этотъ халатъ жен-

*) Румянецъ наводится ватой, окрашенною въ краску, по цвѣту похожую на баканъ.

Digitized by Google

щина надѣваетъ на голову и запахивается имъ, оставляя только открытымъ лицо, которое закрывается частою, черною волосяною сѣткой, такъ что женщина на улицѣ является какою-то куклой, завернутою въ безобразный халатъ, съ черною занавѣскою на физіономіи. Впрочемъ послѣдняя не всегда бываетъ черная волосяная. У дѣвушекъ она бѣлая кисейная, а у молодухъ—цвѣтная фуляровая. Старухи вдовы рѣдко носятъ сѣтку, а прямо прикрываютъ лицо халатомъ; но это уже такія, которыя отжили совершенно свой вѣкъ и считаются прабабушками.

Домъ самаркандца уже описанъ. Остается сказать только объ его внутреннемъ убранствѣ. Пріемная комната или, какъ они ее называютъ—«гостиная», не имѣетъ въ себѣ ничего, кромѣ кошмы или паласса, постланныхъ на полъ, да иногда табурета съ одѣяломъ для грѣнья ногъ. На болѣе видныхъ мѣстахъ, гдѣ должны сидѣть почетные гости, стелютъ коврики, бѣлыя кашгарскія кошемки, или ситцевые тонкіе тюфяки и кладутся нѣсколько продолговатыхъ подушекъ. Но это все растилается, когда являются гости. Комнаты въ женскомъ отдѣленіи уже убираются иначе. Табуретъ съ теплымъ одѣяломъ во все время зимы не убирается и угли подъ нимъ не тушатся даже на ночь, ибо хозяева располагаются спать вокругъ него, пряча ноги подъ одѣяло, а днемъ собираются къ нему грѣться, а также и обѣдать. Въ большихъ нишахъ, сдѣланныхъ на самомъ видномъ мѣстѣ (обыкновенно въ стѣнѣ, противоположной входной двери), помѣщаются всѣ богатства хозяина, именно сундуки, халаты, ковры, одѣяла. Складывается весь этотъ скарбъ такимъ манеромъ: внизу ставится разрисованный, низенькій, продолговатый шкапчикъ, съ очень небольшою лазейкой въ него; на шкапчикъ ставится обитый желѣзомъ сундукъ, русскаго производства, а на этотъ послѣдній укладываются одѣяла, ковры и т. п. прелести рядами, достигающими иногда почти до потолка ниши. Вся эта роскошь свернута наружною стороной, чтобы можно было ею любоваться. Въ болѣе мелкихъ нишахъ стоятъ шкатулки, бурачки, посуда. По стѣнамъ виситъ обыденное платье—платки, халаты, полотенца, шапки и т. под. Въ этихъ же комнатахъ стоятъ люльки, устройство которыхъ отличается большой оригинальностью. Люлька состоитъ изъ продолговатаго ящика, съ невысокими боками; въ головахъ и ногахъ прикрѣплено по точеной стойкѣ, на которыхъ положена точеная же перекладина. Ножки люльки оканчиваются двумя горбылевидными брусками, отъ чего люлька можетъ легонько качаться въ боковомъ направленіи. Въ деревянномъ днѣ люльки сдѣланъ четыреугольный прорѣзъ, подъ который ставится глиняный горшокъ для испражненій ребенка. Тюфяки дѣлаются съ подобными же прорѣзями. Въ головы ребенку кладутъ небольшую четыреугольную подушку. На стойку съ перекладиной надѣвается пологъ, закрывающій люльку со всѣхъ сторонъ. Ребенокъ кладется въ эту постель и затѣмъ накрывается поперекъ двумя ваточными одѣяльцами, которыя

Digitized by Google

посредствомъ шнурковъ, привязанныхъ къ нимъ и къ люлькѣ, притягиваются къ послѣдней и, такъ сказать, прижимаютъ ребенка къ тюфяку, не позволяя ему ворочаться. Сверху люлька красится яркими красками, а балясинки покрываются сусальнымъ серебромъ.

Но кромѣ этого женскаго помѣщенія у большинства хозяевъ есть еще комнаты для женскихъ работъ. Тамъ, съ помощью вырытыхъ въ полу ямъ, приспособлены ткацкіе станки, стоятъ прялки, моталки; стѣны увѣшаны принадлежностями этихъ работъ; на полу. въ нишахъ, стоятъ коробки съ веретенами, шпульками и т. п.

Лѣтомъ хозяева спятъ или на крышахъ домовъ, или на дворѣ, гдѣ у многихъ ставятся кровати—широкія и низенькія, на которыхъ покоются мужья вмѣстѣ съ дѣтьми и женами. Мужчины, ложась спать, почти всегда снимаютъ съ себя совершенно все платье.

Прибавимъ къ описанной уже обстановкѣ житья самаркандца кухню, съ нѣсколькими котлами, кувшинами, плошками, подносами, чашками и съ прочею поварской утварью; нѣколько куръ на дворѣ, да въ клѣти или подъ навѣсомъ домашнюю скотину, т. е. корову, лошадь и ишака, и передъ нами будетъ все его несложное хозяйство, богатство.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о коровѣ и ишакѣ, какъ необходимыхъ принадлежностяхъ всякаго мало-мальски сноснаго хозяйства. Порода здѣшнихъ коровъ самая жалкая, мелкая, забитая и дающая чрезвычайно немного молока. Отсутствіе всякаго ухода, дрянной кормъ,—да и тотъ въ недостаточномъ количествѣ,—истощаютъ, обезсиливаютъ и безъ того немудрящую, хилую скотину горожанъ.

Если только справедливо ругаютъ европейскаго осла за его непоколебимое упрямство и глупость, то здѣшній ишакъ совсѣмъ не похожъ по своимъ нравственнымъ качествамъ на своего западнаго собрата: во-первыхъ, онъ вовсе не упрямъ, но, напротивъ, самое покорное и послушное животное; во-вторыхъ, онъ очень смышленъ. Это животное въ жизни туземца играетъ не маловажную роль и распространено здѣсь всюду. Ишакъ—безотвѣтный работникъ, не требующій никакого ухода и часто никакого корма. Выносливость его удивительна. Онъ цѣлый день въ гоньбѣ—то подъ тяжестями вьюковъ, то замѣняя верховую лошадь для цѣлой семьи во всѣхъ ея поѣздкахъ. Искусственно выработанная у него «проѣздь» очень быстра и спокойна; спина его выдерживаетъ двухъ взрослыхъ мужчинъ. Ишакъ здѣсь почти исключительное животное, употребляющееся для перевозки большинства тяжелыхъ предметовъ, какъ кирпичи, земля, навозъ, дрова, колючка, сѣно, вода и т. п. Для этого здѣсь образуются цѣлые караваны изъ ишаковъ, штукъ до 15—20. Нагруженные, съ помощью особыхъ сѣделъ, ишаки двигаются цѣлымъ табуномъ одинъ за другимъ или нѣсколько въ рядъ, управляемые однимъ погонщикомъ, который то покрикиваетъ на нихъ, то щелкаетъ языкомъ. Для остановки ишака стоитъ ему только издать звукъ шш.., для понуканья же употребляется

Digitized by Google

особый горловой звукъ, вродѣ *кх*.... Если ишакъ съ вьюкомъ пущенъ по знакомому мѣсту, то онъ самымъ благополучнымъ образомъ доберется куда нужно, нигдѣ не остановясь, и, самымъ внимательнымъ глазомъ слѣдя за проходящими и проѣзжающими, осторожно обходитъ все, что можетъ задѣть за его вьюкъ. Хозяинъ, отправясь на ишакѣ куда-нибудь, нисколько не заботится привязывать его, а бросаетъ около дома, въ который ему нужно зайдти. Ишакъ смиренно становится около стѣнки и дремлетъ, въ ожиданіи хозяина. Управленіе верховымъ ишакомъ не требуетъ ничего кромѣ палки, которой его тычутъ въ шею съ противоположной стороны, куда нужно сдѣлать поворотъ. Наконецъ, ишакъ, измученный работой и гоньбой, возвратясь домой, опять не требуетъ никакого ухода, присмотра. Его хозяинъ просто выгоняетъ со двора въ пустой огородъ или прямо на улицу, предоставляя самому промыслить себѣ кормъ. Только зимой ишакъ удостоивается получить клочокъ убогаго сѣна, голой соломы, пожевать мякины. Такимъ образомъ, ишакъ, представляя изъ себя самаго дорогаго батрака для хозяина, не стоитъ ничего по его прокорму. Съ породой ишаковъ дѣлается тоже, что съ лошадью и коровой: она мельчаетъ съ каждымъ годомъ и дѣлается слабѣе, преимущественно отъ сильнаго загона въ самые молодые годы.

Складъ жизни туземца, его понятія и характеръ выработались подъ двоякимъ гнетомъ—правительственнаго деспотизма и закона Магомета. Его давилъ эмиръ, бекъ, аксакалы, грабили сборщики, казы (судья) и аминъ (старшій аксакалъ), притѣсняли баи (богачи), выдавливали изъ его головы всякій здравый смыслъ муллы (духовенство). Страхъ былъ отовсюду: здѣсь грозили висѣлицей и палками, тамъ—тюрьмой и штрафомъ, тутъ—муками ада и отреченіемъ отъ правовѣрныхъ,—словомъ, вездѣ слышались однѣ угрозы и строгія рамки корана. Бѣднягѣ приходилось только сгибаться, да безсознательно исполнять приказанія, отдавая себя и свою собственность въ полное вѣдѣніе сильныхъ міра. Понятно, каковы общія черты должны были выработаться подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ—деспотизма и ислама. Деспотизмъ принципомъ самодурства убилъ въ народѣ всякое понятіе о человѣческихъ правахъ, уничтоживъ его личность, забилъ всякое проявленіе индивидуальности, выучилъ лгать, кланяться, льстить, подобострастно угождать силѣ, низводя свою личность до нуля. Отсюда—отсутствіе въ мѣстномъ жителѣ понятія о человѣческихъ обязанностяхъ и деспотизмъ относительно меньшихъ, въ семьѣ. Деспотизмъ почиталъ богатство, потому что оно платило ему; отсюда бай—властелинъ, человѣкъ, могущій все дѣлать безнаказанно, и бѣднякъ—ничтожество, безсловесное животное, не имѣющее никакихъ правъ. «Минъ байгушъ!» (я бѣднякъ!)—стонетъ туземецъ, характери-

Digitized by Google

зуя послѣднюю степень своего убожества. Это же превознесеніе богатства развило алчность къ деньгамъ и взяточничество.—Религія сжала умъ и нравственныя качества туземца; она вмѣшалась во все, проникла во всѣ мелочи его жизни, наложила клеймо вѣчной неподвижности, запретивъ переступать черезъ черту, указанную кораномъ; обставила все обрядностью, сказками, побасенками. Отсюда въ немъ всюду наружныя церемоніи, религіозные обряды и ложь вмѣстѣ съ тѣмъ,—поученія изъ корана и рядомъ грубое невѣжество, подобострастіе передъ муллами. Полнѣйшее незнаніе того, что существуетъ за линіей шаригата, выработало фанатизмъ, развило невѣжественную фантазію, любовь къ чудесному. Наконецъ, религія закрыла женщину,—явился ужасный развратъ, сластолюбіе, опіумъ, гашишъ.

Туземецъ отупѣлъ подъ этими ударами и вошелъ въ жалкую бѣдность. Понятія о послѣднемъ состояніи здѣсь доведены до крайности. Тотъ не бѣденъ, у кого есть только рубаха, халатъ, избенка и нѣсколько лепешекъ въ день. «Байгушъ» (бѣднякъ) въ полномъ смыслѣ—пролетарій: у него нѣтъ рубахи, калошъ; вмѣсто халата—какія-то отрепья, нѣтъ крова и ни куска хлѣба. Не далеко то время, когда рабочая поденная плата была въ нѣсколько лепешекъ. При заселеніи края русскими и при огромномъ спѣшномъ спросѣ на трудъ, рабочая плата дошла только до 20—25 коп. въ день. Но въ то же время была масса людей, работавшихъ частно солдатамъ изъ-за куска чернаго хлѣба.

И такъ-то туземецъ облѣнился, стерпѣлся съ своею бѣдностью, привычно, индифферентно сталъ смотрѣть на обиды и притѣсненія, на свою неумѣлость. «Бельмаймынъ» (не умѣю) — прибавляетъ хладнокровно онъ, щелкая какъ-то особенно при этомъ языкомъ, когда ему приходится признаваться въ своемъ незнаніи самыхъ обыкновенныхъ вещей. Жизнь его не вызывала на энергическій трудъ, не подталкивала надежда на самостоятельность съ пріобрѣтеніемъ капитальца; онъ зналъ, что это такъ трудно, что почти невозможно; что его во всякій моментъ могли обобрать, загнать, уничтожить. И вотъ онъ выработалъ себѣ потребности согласно этого безнадежнаго, тупаго назначенія и тянулъ день за днемъ, безразлично относясь ко всѣмъ событіямъ, совершающимся вокругъ него, пассивно смотря на перемѣняющихся чуть не каждый мѣсяцъ правителей, безучастно-спокойно глядя на нечеловѣчески-жестокія казни и наказанія, производившіяся сотни разъ на его глазахъ.

Взглянемъ на его жизнь въ томъ уголкѣ, гдѣ, кажется, должно бы существовать примиреніе со всѣмъ,—въ семьѣ, гдѣ онъ самъ себѣ хозяинъ. Что же оказывается? И тутъ тѣ же силы наложили свои цѣпи, забили душу человѣка.

Женскій дворъ сообщается съ переднимъ маленькою калиточкой, передъ которой всегда выстроена стѣнка, не позволяющая видѣть что-

Digitized by Google

либо черезъ калитку. Бабьи дворы сосѣдей обыкновенно строются рядомъ и имѣютъ между собою сообщенія, въ большинствѣ случаевъ—просто дыры въ заборахъ. Такимъ образомъ, районъ женщинъ обыкновенно приходится въ срединѣ другихъ построекъ дворовъ и представляетъ совершенно замкнутую часть. И только единственно тутъ, въ этомъ загороженномъ со всѣхъ сторонъ помѣщеніи, женщина ходитъ не закрывшись, не задыхаясь подъ густою сѣткой, ведетъ громкій разговоръ, поетъ пѣсню и ходитъ безъ уродскаго халата на головѣ.

Женщина совершенно исключена изъ общества мущинъ; даже старухи не присутствуютъ въ мужскихъ сборищахъ; словомъ, гдѣ собрались посторонніе мущины, тамъ не должно быть помину о женщинахъ. (Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ, что мущина не выдержалъ этого искуса и не обошелся безъ образа женщины въ своихъ общественныхъ увеселеніяхъ). У женщинъ свой міръ на своихъ дворахъ, своя замкнутая, закупоренная, монотонная жизнь, полная своихъ интересовъ, страшныхъ аномалій, болѣзненныхъ проявленій стѣсненныхъ человѣческихъ инстинктовъ; она вся набита тяжелыми заботами о хозяйствѣ, которое лежитъ единственно на рухахъ женщинъ и до котораго нѣтъ дѣла ихъ мужьямъ.

Ясно, какъ должна была развиться нравственная и умственная стороны женщины. Изгнанная изъ общества, зашитая въ своемъ несчастномъ дворѣ, съизмала веденная подъ строгимъ надзоромъ и колотушками старшихъ, не имѣвшая никакой воли, ни малѣйшей самостоятельности, и затѣмъ вдругъ, невѣдомо для нея, попавшая подъ деспотическую руку мужа, часто ей до того совершенно неизвѣстнаго, для котораго она должна была или играть роль забавы, или быть безотвѣтною работницей,—женщина должна была изуродоваться. Ея пылкому, извращенному воображенію рисовались наслажденія невѣдомаго ей міра въ грандіозныхъ, увлекательныхъ размѣрахъ; фантазія уносила ее въ нечеловѣческій міръ; понятія складывались дико, безобразно, узко, неестественно; интересы мельчали. И вотъ въ этихъ-то дворахъ предполагаемаго цѣломудрія и высокой нравственности придумываются тысячи сказокъ, объясняющихъ дѣла міра; вырабатывается самая затѣйливая и многосложная сплетня о сосѣднихъ дворахъ; изобрѣтаются хитрости, прикрывающія любовныя связи на сторонѣ, и наконецъ является та болѣзненная раздражительность, которая прибѣгаетъ къ дикому искусству неестественнаго удовлетворенія половыхъ инстинктовъ. Женщина преслѣдуется, наказывается за всякую попытку быть хоть немного самостоятельной, и поэтому она выучивается лжи, коварству, лицемѣрію; должна стоять вѣчно на-сторожѣ, если въ ней осталось хоть малѣйшее желаніе быть свободной; должна тщательно прятать часть тайкомъ заработанныхъ и тайкомъ же вырученныхъ ею денегъ и т. д.,—словомъ, въ ней являются всѣ тѣ пороки, которые неминуемы при такой системѣ замкнутости и забитости.

Digitized by Google

Жизнь туземца въ такой семьѣ является ему до того закупоренной, уединенной отъ всего, представляетъ до того монотонную, не сложную обстановку, что, конечно, становится для него скучной, томительно-однообразной; она ничѣмъ не удовлетворяетъ его любви къ развлеченіямъ, обществу, угощеньямъ и тому подобнымъ соблазнамъ свѣта, которыми избаловалъ его городъ. Сознательный, систематическій, упорный трудъ ему не дался; онъ, напротивъ, всѣми силами заботится о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ труда, пожить бариномъ. Есть у него нѣсколько кокановъ, и этого ему довольно, чтобъ уже отказаться отъ всякихъ трудовъ и томиться въ бездѣятельности цѣлые дни, полеживая гдѣ-нибудь на крышѣ, да лѣниво, изрѣдка, запуская глаза на улицу. И эта-то лѣнь, тоска, бездѣтельность гонятъ его изъ дому, заставляя скитаться цѣлые дни гдѣ попало и заворачивать домой только по необходимости. Вырвавшись, при первой возможности, изъ душнаго угла — семьи, онъ ѣдетъ, куда глаза глядятъ, останавливается при первомъ случаѣ помозолить глаза; онъ то помогаетъ поднять упавшій съ воза мѣшокъ, то подержитъ коверъ для покупателя и послушаетъ, какъ торгуются и т. п., — интересуясь, повидимому, всѣмъ, но на самомъ дѣлѣ просто отъ скуки, отъ незнанья что дѣлать. Пойдетъ на базаръ за пустяками—и цѣлый день просидитъ около чьей-нибудь лавки, глазѣя на проходящихъ, или, сидя на лошади верхомъ, стоитъ среди улицы въ толпѣ такихъ же зѣвакъ и даже часто не смотритъ никуда. Ему нравится стоять въ этой толпѣ, когда всѣ какъ-то дремлютъ—и лошади, и люди.

Общественная жизнь самаркандца проходитъ на улицѣ, на базарѣ, въ харчевнѣ и въ гостяхъ. Тутъ онъ отводитъ душу въ средѣ такихъ же личностей, какъ онъ самъ, слушаетъ новости, любуется сценами, потѣшается угощеньями, болтаетъ, о чемъ въ голову придетъ, или же просто дремлетъ,—но только не одинъ, а въ кучѣ, на людяхъ. Тутъ скорѣе можно разсчитывать на «тамашу». Самое близкое русское слово, которымъ можно перевести только-что упомянутое, это—«потѣха». Поэтому все забавное, все веселое, всякое занятное зрѣлище, происшествіе — тамаша; ученье солдадъ, пляска мальчиковъ, ломанье фокусника, веселая компанія съ кутежкой, тріумфальная арка, фейерверкъ, драка на улицѣ, музыка, скачка, даже такія вещи, какъ картины,—все это сливается въ одномъ словѣ тамаша. Тамаша тамъ, гдѣ собралась куча народу поглазѣть на-что нибудь Какъ будто для самаркандца не существуетъ разницы между «потѣхами», а была бы *просто* какая-нибудь потѣха, развлеченіе, глазенье—все равно, онъ назоветъ ее однимъ словомъ — тамаша. И вотъ именно къ этимъ-то тамашамъ и имѣетъ непреодолимую слабость сердце самаркандца; они-то его и прельщаютъ, заставляя бросать дамъ, гдѣ, конечно, рѣдко дождешься тамаши.

Играть въ гости — страсть самаркандца. Но странно мѣняется при этомъ его манера держать себя, смотря по тому, къ кому онъ явился.

Digitized by Google

Переступая порогъ начальника, или вообще важнаго человѣка, онъ сгибается, прижимаетъ руки къ животу и, не сводя глазъ съ того, къ кому онъ пришелъ, частыми, быстрыми шагами приближается къ нему въ этой позѣ, постоянно кланяясь, что выходитъ похоже на присѣданье. Со стороны подобная манера поклоновъ кажется уморительной, ибо напоминаетъ человѣка, который подхватилъ животъ отъ боли и не можетъ выпрямиться. — Дотронувшись пальцами обѣихъ рукъ до руки хозяина, онъ отступаетъ задомъ, не мѣняя позы, и садится на полу, непремѣнно на колѣни. Сѣсть по обыкновенному способу, т. е. свернувъ ноги калачомъ, считается вольнодумствомъ. Въ такихъ домахъ туземецъ почти никогда не позволитъ себѣ начать разговоръ первый, а чутко выжидаетъ, когда хозяинъ обратится къ нему самъ. Тогда у него готова уже сейчасъ въ отвѣтъ фраза, въ которой онъ считаетъ своей обязанностью ввернуть самую приторную лесть спрашивающему; онъ доволенъ неимовѣрно, если на него обратятъ хоть какое-нибудь вниманіе. Въ разговорѣ съ подобными господами въ его рѣчи постоянно слышится слово «таксыръ» (государь), какъ у оторопѣвшаго солдата «ваше бродіе», въ разговорѣ его съ офицеромъ. Вообще, жалкое существо представляетъ тогда изъ себя туземецъ; тутъ-то видна вся его забитость, запуганность, привычка къ отвратительной лести начальнику, къ низкому подобострастію. Прощанье сопровождается такими же церемоніями, какъ и встрѣча.

Являясь къ лицу болѣе или менѣе равному себѣ, здѣшній житель держитъ себя иначе,—важно, степенно, нѣсколько надуто, — сознавая, что здѣсь онъ, какъ гость, долженъ пользоваться почтеніемъ, уваженіемъ хозяевъ.

Гостей, болѣе почетныхъ, обыкновенно встрѣчаетъ хозяинъ у порога, здороваясь съ ними или взаимнымъ пожатіемъ рукъ, причемъ, впрочемъ, происходитъ не пожатіе, а прикосновеніе вытянутыхъ пальцевъ, — или производитъ форменныя объятія. Говорю—форменныя, потому что они, дѣйствительно, не имѣютъ никакого смысла, кромѣ формы: встрѣтившіеся становятся одинъ противъ другаго такъ, чтобы лицо каждаго приходилось надъ плечомъ другаго; затѣмъ оба берутся правыми руками за лѣвые бока другаго, а лѣвыми за правыя плечи, — потомъ дѣло идетъ въ обратномъ порядкѣ, и церемонія объятій кончается. Обмѣнявшись подобными привѣтствіями, гости важно усаживаются кружкомъ, складывая ноги калачомъ, и начинаютъ перебрасываться фразами о здоровьѣ и счастьѣ другъ друга. Во всѣхъ движеніяхъ ихъ замѣчается степенность, сдержанность. Болтавня не допускается; говорить можно только сдержаннымъ голосомъ, рѣдко, съ передышками и не долго за одинъ разъ. Вообще, бесѣда ведется не особенно оживленно и бьется больше на молчаливую важность. Прежде всего гости обносятся работникомъ или сыномъ хозяина кальяномъ, который гости курятъ поочe-

Digitized by Google

редно, наблюдая при этомъ порядокъ въ важности лицъ. Затѣмъ подается чай, въ большинствѣ случаевъ безъ сахару или же, наоборотъ, съ огромнымъ кускомъ его, положеннымъ въ чашку. На средину между гостями становится подносъ съ 2—3 лепешками. Сколько намъ приводилось видѣть, рѣдко является чай сразу для всѣхъ гостей: обыкновенно наливается одна-двѣ чашки и подается болѣе важнымъ гостямъ; эти медленно, важно, дуя на чай, потягиваютъ деликатными глотками этотъ напитокъ, съ большими ростановками. Затѣмъ наливаются чашки снова и подаются слѣдующимъ гостямъ и хозяину. Когда, такимъ образомъ, всѣ выпьютъ по чашкѣ, чай снова начинаетъ обходить прежнимъ путемъ кругъ. За чаемъ слѣдуетъ кальянъ, требуемый уже прямо у слуги самими гостями. Посѣтители важно, по-прежнему сидятъ и въ полголоса ведутъ разговоры о послѣднихъ новостяхъ, передаютъ другъ другу сплетни или мѣняются приторными любезностями. Въ этихъ разговорахъ сартъ, если разсказываетъ что-нибудь о себѣ, очень любитъ приврать, похвастать, хоть напр. о своихъ связяхъ съ важными лицами, ихъ дружбой къ нему, похвалится полученными подарками, угощеньями. Послѣдняя черта въ характерѣ туземца—хвастливость—развита въ высшей степени. Его, что называется, хлѣбомъ не корми, только дай почваниться, похвалиться. Унижаясь, какъ мы видѣли, до послѣдней крайности передъ важнымъ человѣкомъ, не смѣя даже разогнуться и довольный уже тѣмъ, что его допустили къ нему,—онъ, когда станетъ разсказывать объ этомъ визитѣ, будетъ самымъ нахально-самодовольнымъ тономъ передавать слушателямъ, что былъ принятъ какъ другъ, говорилъ откровенно обо всемъ, былъ угощенъ на славу, наслушался любезностей и обѣщаній, и, наконецъ, закончитъ тирадой, какъ хорошо быть въ такихъ отношеніяхъ съ сильными міра. При этомъ онъ иногда даже наглядно покажетъ тѣсную дружбу, сцѣпивъ мизинцы рукъ на крестъ и сжавъ остальные пальцы въ кулакъ, и скажетъ: «мы съ нимъ—вотъ такъ!» И все это говорится съ той увѣренностью, съ тѣмъ невозмутимымъ нахальствомъ и даже увлеченіемъ, что человѣку, незнакомому съ этою чертой характера туземца, покажется истинною правдой. Намъ приходилось слышать разсказъ далеко не мудрящаго и не высокаго по своему положенію самаркандца объ его пріемѣ у эмира и разговорахъ съ нимъ, причемъ разсказчикъ наивно увѣрялъ, что онъ давалъ совѣты эмиру, т. е. лицу, предъ которымъ они могутъ только ползать на колѣняхъ, да робко отвѣчать на его вопросы, помня постоянно, что неловкій отвѣтъ можетъ Богъ знаетъ чѣмъ кончиться! Многіе изъ туземцевъ любятъ хвастаться своей ученостью и поэтому не пропустятъ удобнаго случая разсказать, какъ они, препираясь съ великими учеными муллами въ разрѣшеніи теологическихъ загадокъ, которыхъ, сказать кстати, великое множество въ ходу, загоняли этихъ ученыхъ такъ, что тѣ не могли рѣшительно разрѣшить предложенныхъ имъ

Digitized by Google

вопросовъ. Въ этихъ разсказахъ только и слышатся громкія фразы у говоруна: «я сказалъ», «я спросилъ», «я разрѣшилъ» и т. п. Но зная замашку ихъ ужь очень часто ввертывать красное словцо, что-то плохо вѣрится такимъ разсказамъ.

Въ такихъ-то или подобныхъ разговорахъ проходитъ время въ гостиной, въ ожиданіи когда подадутъ въ кругъ подносы съ кусками дыни, арбуза, яблоками, виноградомъ, фисташками, леденцомъ, рустой и тому подобными угощеніями. При этомъ хозяинъ для особенно уважаемыхъ гостей самъ нарѣжетъ дыню на мелкіе кусочки, очиститъ яблоко. Все это завершается закуской изъ паляу (кушанье, извѣстное въ нашей кухнѣ подъ именемъ «пилава», приготовляемаго изъ рису съ изюмомъ, бараньимъ саломъ, морковью и жаренымъ мясомъ), жаркимъ изъ баранины, куръ, пельменей. Въ этихъ несложныхъ кушаньяхъ нужно отдать справедливость туземцамъ, что ихъ умѣнье готовить отличается знаніемъ своего дѣла и не испорченнымъ вкусомъ. Ихъ паляу, и въ особенности жаркое изъ цѣлаго барана приготовляется съ большимъ искусствомъ *). По приглашенію хозяина, гости придвигаютъ къ себѣ поближе чашки съ кушаньями и начинаютъ ѣсть, тоже не торопясь и важно, какъ и предыдущія угощенія, употребляя вмѣсто вилокъ пальцы.

Почти такую же обстановку и порядокъ имѣютъ вообще праздники самаркандцевъ (мы будемъ называть ихъ просто тамашами), съ тою только разницей, что почти всегда на званыхъ гулянкахъ являются «бачи», («бача»—ребенокъ; этимъ именемъ называютъ плясуновъ-мальчиковъ), съ тамбуристами, и открывается пляска съ пѣніемъ и музыкой **).

Продолжая общую характеристику туземца, мы должны еще остановиться на нѣкоторыхъ рѣзко выдающихся чертахъ склада его характера.

Странно сочетаются въ немъ два качества, двѣ черты, рекомендующія его неразвитость, дѣтскую наивность,—это довѣрчивость и недовѣрчивость въ одно и то же время. Часто нужно какое-нибудь ласковое слово, увѣренное восклицаніе, подарокъ нѣсколькихъ копѣекъ, чтобы совершенно обворожить здѣшняго жителя, росположить его къ себѣ, взять у него товару въ кредитъ, лошадь—покататься, заставить сдѣлать какую-нибудь нелегкую услугу и т. п., т. е. сдѣлаться въ полномъ смыслѣ пріятелями (Этою чертой часто пользовались плутоватыя личности изъ русскихъ, и самаркандцы нерѣдко платились за подобную довѣрчивость). И рядомъ съ этимъ простодушіемъ живетъ въ туземцѣ убійственная скрытность, недовѣріе, взглядъ изъ подлобья; тогда вы

*) Впрочемъ, этими двумя кушаньями только и ограничивается ихъ кулинарное искусство; остальныя далеко не привлекательны.

**) Объ этихъ пляскахъ будетъ сказано впослѣдствіи подробно.

Digitized by Google

ничѣмъ не вызовете, не выжмете его откровенности, прямоты. Онъ будетъ или врать на-обумъ, или упорно отвѣчать «не знаю». Вранье вошло у нихъ въ обычай. Во всякомъ распросѣ они видятъ развѣдки фискаловъ, тонкую интригу противъ ихъ благосостоянія. Особенно намъ, русскимъ, приходилось и приходится чувствовать всю горечь этой подозрительности туземца. Уличенный въ явной, несообразной лжи, онъ еще болѣе спрячется и, склонивъ покорно голову на бокъ, отвѣтитъ односложно «хай», какъ будто это до него не касается. Я не могу не остановиться на этомъ полусловѣ, на этомъ полубезсмысленномъ восклицаніи, столь любимомъ туземнымъ населеніемъ—«хай» *). Для туземца это слово такъ же характерно, какъ характерны безсмысленно затверженные отвѣты солдата: «точно такъ-съ», «слушаю-съ», тогда какъ онъ не понимаетъ вовсе той рѣчи и тѣхъ вопросовъ, съ которыми къ нему обращаются. Подъ «хай», также какъ и подъ приведенными отвѣтами солдата, скрывается многое: прежде всего—своего рода отвѣтъ, т. е. разговоръ съ нимъ не остался, повидимому, погибшимъ, а кромѣ того отвѣтъ, который еще понимай, какъ знаешь: въ немъ есть и согласіе, и одобреніе, и утвержденіе, а вмѣстѣ и сомнѣніе съ непониманіемъ и покорностью,—словомъ, куча смысловъ, изъ которыхъ можно выбирать любой. Я не шутя придаю этому слову не маленькое значеніе и вижу въ немъ частицу натуры туземца. Его вели такъ, чтобъ онъ зналъ своего рода дисциплину, чтобы въ немъ не смѣло явно проявляться оппозиціонное, рѣзкое мнѣніе людямъ сильнымъ, — и вотъ эта наука выразилась чрезвычайно удачно въ гибкомъ «хай». Впослѣдствіи жизнь придала ему бо́льшее значеніе, и теперь оно щеголяетъ постоянно въ рѣчи туземца. благо имъ такъ ловко отдѣлываться отъ докучныхъ развѣдокъ. Въ этой скрытности обитателя Самарканда мы видимъ опять отпечатокъ той системы управленія имъ, подъ которой онъ воспитался. Ему, при страхѣ отовсюду, казались вездѣ развѣдчики, доносчики, желаніе побольше вытянуть изъ него доходовъ, и поэтому-то ему приходилось постоянно скрывать все свое отъ взоровъ постороннихъ, боясь попасть въ просакъ, пріобрѣталась привычка больше молчать, а при случаѣ и врать о многомъ. Но къ чести туземца нужно сказать, что въ его натурѣ еще много осталось не забитыхъ, хорошихъ чертъ. Простотой, мягкостью и дѣльностью можно вызвать его на полную откровенность и честныя отношенія.

Любовь къ деньгамъ развита страшно. Деньги опьяняютъ такую неразвитую личность, какъ здѣшній житель; за деньги его можно заставить сдѣлать многое. Скряжничество, попрошайничанье и взяточничество—въ ходу до крайности. Человѣкъ съ деньгами можетъ сдѣлать все, всюду отплатиться, дать взятку. Каждое должностное лицо, какъ бы

*) «Хай» есть сокращенное «хайръ»—хорошо, ладно.

Digitized by Google

оно ни было далеко отъ непосредственныхъ сношеній съ народомъ, уже пріобрѣтаетъ непремѣнное право брать взятки, давая въ то же время само лицамъ высшимъ его. Взятка сдѣлалась чуть не оффиціальной.

Заговоривъ объ этой страсти самаркандца къ деньгамъ и попрошайничеству, нельзя еще разъ не привести одно туземное слово—«силяу» и не поговорить о немъ подробно. Это слово, любезное сердцу каждаго туземца, имѣетъ обширнѣйшее значеніе и примѣненіе. Беки дарятъ другъ друга дорогими халатами, шашками, конями—это силяу; нищій-увѣчный сидитъ съ чашкой на дорогѣ и со всякими причитаньями и пѣснями конючитъ чеку—силяу; мальчикъ подержалъ вамъ лошадь и проситъ силяу; торговецъ, отдавая вамъ сдачу, прижимаетъ не доданныя имъ 3—4 чеки къ груди и съ сладкой, умоляющей улыбкой тянетъ—силяу; надбавляетъ вамъ ягодку похода на 1 фунтъ винограду и заявляетъ съ самодовольною любезностью, что это—силяу; мулла той мечети, которую вы зашли посмотрѣть, только и бормочетъ, что силяу; самаркандецъ является къ начальнику со взяткой въ видѣ какого-либо подарка, тоже объявляетъ, что принесъ силяу; наконецъ, житель, стоящій у воротъ гдѣ попало, вдругъ ни съ того, ни съ сего крикнетъ вамъ—силяу. Словомъ, вездѣ силяу, словно полжизни ихъ сложилось съ этимъ словомъ. И дѣйствительно, любовь къ этимъ подаркамъ, подачкамъ, «на чаекъ», страсть къ попрошайничанью до безобразія велика. Предложите, напримѣръ, торговцу не бѣдной лавки, у котораго вы купили на нѣсколько рублей товару, 2 коп. силяу,—онъ возьметъ съ благодарностью, а о коканѣ и говорить нечего. Уморительны вышли эти силяу самаркандцевъ въ отношеніи ко многимъ изъ русскихъ. Является онъ, напримѣръ, къ «тюрѣ», какъ они называютъ всякаго офицера и чиновника, и приноситъ подносъ яблоковъ, платокъ изюму или что-нибудь въ этомъ родѣ, заявляя, что это—силяу, т. е. принесено въ подарокъ. «Тюря» на первый разъ остается очень доволенъ такою любезностью и отдариваетъ нѣсколькими серебряными монетами за подарокъ, стоющій нѣсколько копѣекъ. На другой или на третій день опять является его знакомый съ подобнымъ же силяу. Тюря, которому уже не совсѣмъ пріятны эти частыя посѣщенія, заявляетъ, что не хочетъ силяу, а купить можетъ. Принесшій не назначаетъ цѣны своему подарку и повторяетъ любимое силяу.

— Ну, а если я тебѣ дамъ за твой подарокъ чеку? спрашиваетъ тюря.

— Хай! смиренно отвѣчаетъ тотъ, опять напоминая о своемъ силяу.

Чтобъ отвязаться отъ докучливаго любезника, тюря даетъ ему денегъ и они растаются.

Но черезъ два дня дверь опять отворяется въ комнату тюри и показывается неотвязчивый, разохоченный хорошею платой самаркандецъ,

Digitized by Google

пріятель, съ узломъ фруктовъ. Тюря, наконецъ, теряетъ всякое терпѣніе и, взявъ фрукты, кладетъ ихъ на столъ съ благодарностью за силяу и даетъ принесшему 1 коп. Послѣдній уже самъ тогда заявляетъ, что ему нужно не 1 коп., а 20; при непреклонности тюри онъ сбавляетъ на 10, 8, 5 коп. и, наконецъ, отобравъ со стола назадъ принесенное силяу, уходитъ огорченный.—Только такою забавною тактикой удавалось отваживать надолго непрошеныхъ гостей, съ непрошеными подарками.

Ругательства у туземцевъ доведены до совершенства, огромнаго числа и самыхъ ужасныхъ выраженій. Вмѣстѣ съ развитіемъ и употребленіемъ они утрачивали значеніе и превращались въ поговорку. Теперь всѣ ругаются самымъ отчаяннымъ, безнравственнымъ образомъ, но на это не обращается вниманія. Ругаются мужчины, ругаются женщины, дѣти; ругаются высшіе сановники и несчастный байгушъ,—словомъ, всѣ безъ исключенія, и, повидимому, смыслъ ругательствъ исчезъ совершенно, осталась одна форма, изображающая недовольство человѣка чѣмъ-нибудь. Ругательства самыя страшныя превратились у нихъ въ такія выраженія, какъ: ахъ, ты шельма! Ахъ, шутъ-те! и проч. Многіе туземцы трудно понимали даже, отчего неприлично ругаться. Ругать нельзя только тѣхъ, къ кому вообще нельзя относиться непочтительно: отца, мать, начальство, хозяина. Остальные всѣ подлежатъ безшабашной ругани—на улицѣ, въ домѣ, на базарѣ, гдѣ попало. Съ знакомствомъ съ русскими, самаркандцы побратались ругательствами, и первое, чему выучились въ русскомъ языкѣ, такъ это крѣпкимъ словцамъ, чѣмъ, конечно, расширили свой лексиконъ ругательствъ. И теперь не рѣдкость слышать брань самаркандца, пересыпанную русскими ругательствами; въ свою очередь, въ этомъ взаимномъ самообученіи и русскіе не были непонятливыми учениками.

Заканчивая общую характеристику мѣстныхъ жителей, необходимо прибавить, что очерченный нами типъ есть типъ исключительно туземца горожанина. Сельскій житель хотя и имѣетъ много сходныхъ чертъ съ городскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разнится съ нимъ нѣкоторыми особенностями. Разница обстановки и условій создала разницу и во многихъ привычкахъ. Земледѣлецъ, какъ и вездѣ, занятъ не шуточнымъ, усиленнымъ трудомъ и несетъ массу общественныхъ и государственныхъ повинностей и податей. На спинѣ его лежитъ тяжелая, упорная работа по обработкѣ своей полосы и выполненію всѣхъ земледѣльческихъ заботъ,—работа, не дающая много времени на гулянки и лежанье на боку. Это привело къ привычкѣ къ тяжелому труду, къ извѣстной простотѣ нравовъ, ограниченнымъ потребностямъ. Горожанинъ, занимаясь какимъ-либо ремесломъ, промысломъ или торговлей, прежде всего не платитъ никакихъ податей *) (если, конечно, не имѣетъ

*) Закетъ, т. е. торговая пошлина, конечно, не можетъ считаться податью,

Digitized by Google

при этомъ фруктоваго сада или огорода). Если онъ занятъ промышленнымъ или ремесленнымъ дѣломъ, то, уже не говоря о томъ, что трудъ его легче труда земледѣльца, онъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается ролью хозяина, эксплуатирующаго урочный трудъ работниковъ—своего рода пролетаріевъ. Если онъ купецъ, то его дѣятельность далеко не сложна и не хлопотлива, такъ какъ большинство торговцевъ торгуютъ не каждый день, да и лавку открываютъ поздно (часовъ въ 9—10). Эта легкость добыванья денегъ, избытокъ свободнаго времени и, наконецъ, та куча соблазновъ, которые имѣются въ городѣ всегда подъ рукой, и избаловали, испортили горожанина, пріучили его къ удовольствіямъ, развили любовь къ барству, праздности и порокамъ.

Заговоривъ объ общественной жизни въ Самаркандѣ, стóитъ привести нѣкоторые отрывки изъ Вамбери («Очерки Средней Азіи». Столичная жизнь въ Бухарѣ), какъ прекрасную характеристику городской жизни туземцевъ. При этомъ мы сдѣлаемъ незначительныя измѣненія и пропуски всего, что не относится до Самарканда:

«Утромъ, до солнечнаго восхода, такъ какъ религіозныя обязанности заставляютъ вставать рано, на улицахъ встрѣчаются по одиночкѣ бѣгущіе, полузаспанные, полуумытые, полуодѣтые люди, спѣшащіе въ мечеть, ибо опоздать считается стыдомъ, да и можетъ повлечь за собою наказаніе. Бѣготня эта подымаетъ на ноги всѣхъ собакъ, спящихъ на улицахъ гдѣ-нибудь въ уголкахъ, или на навозныхъ кучахъ. Когда солнце достаточно освѣтитъ городъ, онъ начинаетъ понемногу оживляться. Народъ толпами возвращается изъ мечетей; по узкимъ, кривымъ улицамъ начинаютъ встрѣчаться пестрыя толпы ишаковъ, навьюченныхъ дровами, хлѣбомъ, травой, землей, навозомъ, сосудами съ водой и т. п. Громкіе крики погонщиковъ, продавцовъ и покупателей смѣшиваются со страшнымъ ревомъ ишаковъ. Какъ взглянешь на эту суматоху, такъ и кажется, что все сейчасъ полетитъ на землю и щепы смѣшаются съ молокомъ, трава со сливками, уголья съ хлѣбомъ, шелковичные коконы съ навозомъ; но ничто не падаетъ, ничто не проливается. Погонщики совершенно братски колотятъ другъ друга, тычутъ ужаснѣйшимъ образомъ палками своихъ ишаковъ; но, несмотря на это, товары достигаютъ благополучно мѣста своего назначенія.

«Часъ спустя послѣ восхода солнца, самаркандецъ обыкновенно сидитъ уже за чашкою чая, послѣ котораго начинаются уже обыкновенныя дневныя занятія. На улицахъ становится оживленнѣе: носильщики спѣшатъ на базаръ съ огромными тюками—это товары мелочныхъ торговцевъ, которые

такъ какъ это есть уплата % со стоимости товара, а не процентъ съ прибыли, который именно берутъ съ земледѣльца. Уплаченный торговцемъ закетъ раскладывается на товаръ, обращаясь такимъ образомъ въ косвенный налогъ на покупщиковъ.

Digitized by Google

ежедневно на ночь уносятъ домой все содержимое своихъ лавокъ; овощныя и мясныя лавки начинаютъ отпираться; въ съѣстныхъ рядахъ уже горитъ въ печахъ огонь; въ кузницахъ и другихъ мастерскихъ уже раздаются звуки молотка, пилы и т. п. Тамъ ведутъ въ караванъ-сарай длинную вереницу верблюдовъ; проѣзжаютъ арбы съ товарами, трусятъ верховые на своихъ исхудалыхъ, тонкошеихъ лошадяхъ, или катятъ мелкой, частой иноходью на лохматыхъ ишакахъ. Число открытыхъ лавокъ все увеличивается, караванъ-сараи становятся полнѣе народомъ, на улицахъ базара дѣлается все тѣснѣе и тѣснѣе.

«Пока базаръ въ полномъ разгарѣ и оглашается крикомъ, стукомъ, бранью, доходящею до драки, жадная къ познаніямъ молодежь осаждаетъ многочисленныя мадрессе и школы. Около полудня базары и улицы немного стихаютъ; на берегахъ водохранилищъ и каналовъ правовѣрные занимаются священными омовеніями; одинъ моетъ свои потныя, грязныя ноги, другой, рядомъ съ нимъ, тою же водою полощетъ ротъ, а третій ею же утоляетъ свою жажду. По опредѣленію ислама, вода, состоящая больше чѣмъ изъ 120 половинъ, слѣпа, т. е. грязь и нечистоты пропадаютъ въ ней, и поэтому правовѣрные имѣютъ привилегію всякую гадость считать чистою. Послѣ полуденной молитвы въ мечети городъ опять оживаетъ; всѣ вторично принимаются за дневную работу, но уже не такъ усиленно и не надолго: мусульмане шабашуютъ рано; долѣе всѣхъ работаютъ жиды и индусы.

«Не успѣютъ послѣдніе лучи солнца скрыться на западѣ, какъ городъ уже начинаетъ отдыхать. Съ наступающею прохладой улегаются и облака удушливой пыли; предъ многими домами и лавками улицы поливаются и выметаются; жители садятся въ тѣни, ожидая призыва къ вечерней молитвѣ. Послѣ нея на улицахъ воцаряется совершеннѣйшая тишина. Сквозь щели запертыхъ дверей лавокъ и дыръ въ стѣнахъ домовъ просвѣчиваютъ огоньки: у туземцевъ ужинаютъ и слышатся отрывочные, не громкіе разговоры. Два часа по закатѣ солнца городъ кажется точно вымершимъ. Только глухіе, рѣдкіе удары огромныхъ барабановъ караульщиковъ на базарѣ разносятся далеко по городу».

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Предшественники Шекспира. Эпизодъ изъ исторіи англійской драмы въ эпоху Елизаветы. Сочиненіе Николая Стороженка. Томъ I. Спб. 1872.

Изученіе исторіи стараго англійскаго театра и Шекспира въ особенности занимало въ русской литературѣ до послѣдняго времени самое скудное мѣсто, несмотря на пламенное сочувствіе къ Шекспиру, отличавшее собою періодъ сороковыхъ годовъ и вызванное мастерскимъ исполненіемъ лучшихъ его трагедій на столичныхъ сценахъ; оно не отразилось ни на одномъ фундаментальномъ трудѣ о жизни и дѣйствіяхъ геніальнаго писателя. Даже собранію его сочиненій въ русскомъ переводѣ суждено было явиться лишь въ недавнее время, хотя и это собраніе далеко не безукоризненно, а предпосланная ему біографія Шекспира есть не что иное, какъ весьма слабая компиляція. Сочиненіе Гервинуса о Шекспирѣ было многократно переводимо по частямъ, какъ переводились кое-гдѣ въ журналахъ статьи другихъ шекспировскихъ критиковъ, но предпринятое-было г. К. Тимоѳеевымъ изданіе полнаго перевода Гервинуса, послѣ медленнаго выхода нѣсколькихъ выпусковъ, снова пріостановилось. При такомъ мало поощряющемъ примѣрѣ, при такомъ отсутствіи сколько-нибудь сносныхъ русскихъ работъ по данному вопросу, нужна была особая любовь къ Шекспиру, искреннее увлеченіе его геніальнымъ творчествомъ, чтобы посвятить себя всецѣло его изученію и разработывать почти не поднятое еще у насъ никѣмъ поле. Этою-то глубокою любовью къ своему предмету, безъ которой въ сущности немыслимо никакое серьезное изученіе, какъ видно, одаренъ г. Стороженко. Уже давно видимъ мы его за разработкой различныхъ вопросовъ, относящихся къ Шекспиру. Восемь лѣтъ тому назадъ изложилъ онъ въ мастерскихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Москвѣ,

Digitized by Google

сущность своихъ взглядовъ на развитіе шекспировскаго творчества. Затѣмъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1869 годъ появились двѣ статьи его подъ заглавіемъ *Шекспировская критика въ Германіи*, гдѣ критически разсмотрѣны были всѣ разнообразныя толкованія Шекспира, предпринятыя въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій различными нѣмецкими философами и критиками и безпристрастно указаны какъ ничтожности идеалистской школы Гервинуса или Ульрици, подгоняющихъ всѣ объясненія подъ одну, ими самими измышленную, философскую систему, которую они часто навязываютъ Шекспиру,—такъ и промахи критиковъ-реалистовъ, зачастую скептически стирающихъ или искажающихъ драгоцѣннѣйшія особенности шекспировскаго творчества. Занимаясь изученіемъ періода процвѣтанія англійской драмы, г. Стороженко работалъ въ англійскихъ архивахъ и въ теченіи этихъ изысканій приходилъ иногда къ открытіямъ, которыя обнародовалъ въ критическихъ журналахъ лондонскихъ, въ «Notes and queries» и другихъ.

Съ такимъ богатымъ запасомъ подготовительнаго матеріала, г. Стороженко былъ въ правѣ приступить къ большому труду о занимающей его эпохѣ. Въ настоящее время уже появился первый томъ его *Предшественниковъ Шекспира*, безъ изученія чьихъ произведеній,—какъ съ каждымъ годомъ это становится яснѣе,—невозможно и серьезное изученіе самого Шекспира. Въ вышедшемъ томѣ, послѣ подробнаго обзора развитія ранней англійской драмы, авторъ очерчиваетъ дѣятельность двухъ драматурговъ, сладкогласнаго, расплывчатаго Лилли и высокодаровитаго Марло, одареннаго смѣлою, неудержимою фантазіей и глубокимъ поэтическимъ талантомъ и истиннаго провозвѣстника Шекспира. Слѣдующій томъ, который, какъ узнаемъ изъ предисловія, появится въ скоромъ времени, посвященъ будетъ прочимъ драматическимъ писателямъ той эпохи—Грину, Пилю и Лоджу.

Пріемы, употребляемые авторомъ для изображенія эпохи или для характеристики писателя, заслуживаютъ полнаго одобренія. Онъ знакомитъ съ личностью писателя, пересказываетъ содержаніе лучшихъ его произведеній, переводитъ избранныя сцены изъ нихъ, подвергая затѣмъ всю піесу строгому критическому разбору. Масса примѣчаній и цитатъ, отнесенныхъ въ конецъ книги, показываютъ, что авторъ овладѣлъ всѣмъ значительнымъ матеріаломъ, который ему дало усилившееся въ послѣднія десятилѣтія изученіе стараго англійскаго театра. Литературное движеніе не представляется читателю чѣмъ-то оторваннымъ отъ жизни, но изучается наравнѣ съ ея живымъ ростомъ. Такъ, прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ дѣятельности Марло, сдѣланъ очеркъ англійской жизни въ золотой вѣкъ Елизаветы, и мы видимъ, что *такимъ* именно и должно было сдѣлаться развитіе англійской драмы, какимъ мы видимъ его вслѣдъ затѣмъ. Съ тою же обстоятельностью сдѣланъ обзоръ до-Елизаветинскаго періода англійскаго театра, когда старинныя формы

Digitized by Google

мистеріи, моралитé и народнаго фарса только-что уступили мѣсто болѣе художественнымъ формамъ, которыя все еще далеки отъ совершенства, отзываются нетвердостью и неопытностью авторовъ, хотя часто драгоцѣнны по отношенію къ быту и запросамъ жизни. На этотъ періодъ, предшествовавшій разцвѣту до-шекспировской драматургіи, вообще весьма мало обращалось вниманія, пока новѣйшія изданія піесъ Гейвуда, Юдолля и друг. пролили на него новый свѣтъ. Не менѣе любопытны въ книгѣ г. Стороженко свѣдѣнія о борьбѣ изъ-за театра между пуританами и сторонниками классическаго направленія съ одной стороны, и смѣлыми новаторами, обвиняемыми въ развращеніи народной нравственности и въ искаженіи литературнаго вкуса—съ другой. Мы желали бы большей подробности въ очеркѣ первоначальнаго періода англійскаго театра и постепеннаго выдѣленія различныхъ видовъ драмы; имѣя въ виду скудость свѣдѣній нашей публики объ исторіи театра вообще и въ особенности театра англійскаго, раннее развитіе котораго шло своеобразнымъ путемъ, полезно было-бы войти въ нѣкоторое разъясненіе постепеннаго зарожденія народной комедіи и на половину—бытовой моралитé. Мы упоминаемъ здѣсь объ удовлетвореніи ожиданій публики, потому что книга г. Стороженко, написанная чрезвычайно изящнымъ слогомъ, составляетъ рѣдкое исключеніе въ ряду ученыхъ сочиненій, обыкновенно отпугивающихъ отъ себя неспеціалиста своимъ тяжелымъ изложеніемъ и неисходною сухостью.—Мы растаемся съ трудомъ г. Стороженко, признавая въ немъ одно изъ цѣнныхъ пріобрѣтеній по исторіи иностранныхъ литературъ и желая автору, покончивъ съ предшественниками Шекспира, разъяснивъ ихъ вліяніе на него, предпринять спеціальное изслѣдованіе о немъ самомъ и его сочиненіяхъ, столь недостающее въ нашей литературѣ.

W.

Исторія революціи 18-го марта. Соч. *Поля Ланжалэ и Поля Корье* Ч. 1-ая. Спб. 1872 г.

Время такъ еще мало отдалило насъ отъ событій парижской революціи и ея кровавыхъ призраковъ, что писать исторію ея теперь, когда читатель такъ склоненъ вносить въ оцѣнку изображаемой эпохи свои личныя симпатіи и антипатіи и на этомъ основаніи готовъ каждую минуту обвинить автора въ пристрастіи, есть до нѣкоторой степени подвигъ гражданскаго мужества и личнаго самоотверженія. Конечно, авторъ и самъ, описывая современныя ему событія, способенъ дать волю личнымъ ощущеніямъ и затемнить историческую правду порывами близорукаго чувства или узкимъ партіоннымъ принципомъ. Но все это только увеличиваетъ трудности писателя, который хочетъ говорить о дѣяніяхъ

Digitized by Google

пережитой имъ эпохи,—дѣяніяхъ, непосредственно касающихся судебъ его отечества. Къ счастію, авторы «Исторіи революціи 18-го марта» избѣгли этой опасности и сдѣлали все, что было возможно въ ихъ положеніи, для того, чтобъ отклонить отъ себя упрекъ въ пристрастіи или субъективной оцѣнкѣ описываемой эпохи. «Исторія революціи 18-го марта» представляетъ весьма любопытный сборникъ документовъ, которые знакомятъ съ фактическими подробностями и событіями, ознаменовавшими парижскую революцію 18-го марта и послѣдующее ея развитіе до прекращенія междоусобной войны между національною гвардіей и версальскимъ правительствомъ. Впрочемъ трудъ составителей этой «Исторіи» идетъ нѣсколько далѣе простаго собиранія историческаго матеріала. Они ограничились, правда, лишь самыми необходимыми коментаріями и, на сколько возможно, старались скрыть свое «я» за массой достовѣрнѣйшихъ документовъ и неопровержимыхъ фактовъ. Вмѣсто себя они заставляли говорить событія, располагая ихъ въ извѣстной послѣдовательности, обнаруживавшей вмѣстѣ съ тѣмъ и причины, подготовившія эту величайшую историческую драму, которую когда-либо переживалъ со временъ революціи 1892 года французскій народъ или созерцала по его милости Европа.

Въ первомъ томѣ «Исторіи революціи» подробно разъясняются отношенія Парижа и національной гвардіи къ версальскому правительству, послѣ того, какъ состоялись выборы въ національное собраніе. Этотъ роковой періодъ, исполненный непростительныхъ ошибокъ, преступленій и дикаго самоуправства со стороны Фавровъ, Пикаровъ и многихъ другихъ дѣятелей 4-го сентября, вполнѣ опредѣлилъ тотъ несчастный путь, на который вступила революція 18-го марта. Судя по общему ходу дѣлъ, можно думать, что она произошла бы, несмотря ни на какое вмѣшательство; но нѣтъ также сомнѣнія, что она осложнилась убійствами и междоусобною войною только благодаря безтактности версальскаго правительства. Когда національная гвардія организовала изъ среды своей знаменитый центральный комитетъ, ставшій впослѣдствіи душою парижской революціи, правительство не позаботилось даже о томъ, чтобы разузнать въ точности его цѣли и намѣренія, что было вовсе нетрудно, потому что комитетъ не скрывалъ своихъ дѣйствій, хотя правительство и называло его почему-то «тайною организаціей, образованною невѣдомымъ путемъ изъ темныхъ элементовъ». Ланжалэ и Корье доказываютъ весьма убѣдительно, что въ этомъ случаѣ оно дѣйствовало точь въ точь, какъ наша харьковская полиція. Ближайшимъ поводомъ къ волненіямъ 18-го марта было положительно недоразумѣніе, за которое вся вина падаетъ на правительство. Ланжалэ и Корье разсказываютъ, что это случилось такимъ образомъ. Наканунѣ вступленія прусаковъ въ Парижъ (послѣ капитуляціи), между населеніемъ его распространился слухъ, что въ нѣкоторыхъ парижскихъ фортахъ, которые на

Digitized by Google

другой день должны быть заняты прусаками, оставлено по забывчивости множество пушекъ. Правительство не позаботилось перевезти ихъ въ арсеналъ, и весьма вѣроятно, что онѣ попали бы въ руки прусаковъ, еслибы центральный комитетъ не распорядился поскорѣе убрать ихъ оттуда. Онъ приказалъ ударить въ набатъ, поднялъ на ноги всю національную гвардію, и въ нѣсколько часовъ, среди весьма естественнаго въ такомъ переполохѣ смятенія, шума и крика, пушки были перетащены въ городъ и разставлены въ различныхъ его частяхъ, но преимущественно въ Бельвилѣ и Монмартрѣ. Нѣтъ никакихъ причинъ думать, что національная гвардія удержала бы за собой эти пушки и не возвратила бы ихъ правительству, власть котораго она все-таки признавала при всемъ своемъ нерасположеніи къ нему за его образъ дѣйствій во время осады. Но правительство не заявило даже никакихъ требованій на этотъ счетъ. Съ перепуга оно рѣшительно потеряло голову и сочло фактъ перенесенія пушекъ въ Парижъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Вечеромъ 17-го марта, къ общему удивленію всего населенія, на Монмартрскихъ высотахъ появились правительственныя войска и открыли огонь по караулу, сторожившему спасенныя отъ прусаковъ пушки. Замѣтьте, что это нападеніе было сдѣлано безъ всякаго предупрежденія, такъ что мишенью для выстрѣловъ служили не только національные гвардейцы, но и мирные граждане, которые случайно находились въ то время на Монмартрѣ. Къ счастью, однако, столкновеніе продолжалось не долго, благодаря тому, что весь отрядъ генерала Леконта, приказывавшаго стрѣлять въ народъ и національную гвардію, перешелъ на сторону послѣдней, за исключеніемъ жандармовъ, которые первые открыли пальбу. Генералъ Леконтъ три раза повторялъ свое приказаніе и грозилъ застрѣлить всякаго какъ собаку, кто ослушается его, но эти угрозы не произвели никакого дѣйствія. «Такъ сдавайтесь!» воскликнулъ онъ, обращаясь къ солдатамъ. «Мы только этого и желаемъ», отвѣчаютъ они и, побросавъ свои ружья, братаются съ народомъ и національною гвардіей. Генералъ Леконтъ въ этотъ же день былъ разстрѣлянъ разъяренною толпой, несмотря на энергическія сопротивленія центральнаго комитета. Той же участи подвергся и генералъ Томасъ.

Вотъ событія, которыя послужили исходною точкой дальнѣйшаго движенія и открыли собой царство террора, убійствъ и насилій. Неопровержимые факты доказываютъ, что виновато тутъ одно лишь правительство. Когда парижскіе мэры, встревоженные событіями 18 марта, отправились въ тотъ же вечеръ за объясненіемъ къ Тьеру, онъ отказался принять ихъ, а Пикаръ отдѣлался такими темными и двусмысленными фразами, что не удовлетворенные мэры пошли къ генералу Орелю, который въ то время былъ, какъ извѣстно, главнымъ щитомъ правительства. Сначала Орель положительно отказывался говорить по

Digitized by Google

поводу ночнаго нападенія правительственныхъ войскъ на Монмартръ, но потомъ онъ сказалъ: «*этого хотѣли адвокаты*, хотя я имъ говорилъ, что такъ кончится. Они разсчитывали на армію, а армія братается съ мятежниками. Соберитесь, господа, и рѣшайте. Участь Парижа,—что я говорю!—участь всей Франціи въ вашихъ рукахъ».—«Это заявленіе генерала Ореля, прибавляютъ отъ себя Ланжалэ и Корье, чрезвычайно драгоцѣнно и должно быть сохранено для исторіи. Изъ него мы видимъ, что адвокаты правительства, подъ которыми, очевидно, Орель подразумѣвалъ Пикара и Фавра, посовѣтовали вмѣстѣ съ генераломъ Винуа предпринять ночное нападеніе на Монмартръ» (стр. 52). Первый призывъ къ междоусобной войнѣ исходилъ отъ Жюля Фавра, который до того напугалъ своею рѣчью большинство національнаго собранія, что даже Тьеру, по внушенію котораго онъ дѣйствовалъ, показалось, что его почтенный collega хватилъ черезъ край, и президентъ всѣми силами старался смягчить вліяніе безумнаго краснорѣчія Фавра. Вслѣдъ за нимъ адмиралъ Сесеэ говорилъ въ томъ же тонѣ, въ концѣ своей рѣчи воскликнувъ: «Призовемъ провинціи и, если надо, пойдемъ на Парижъ. Пора съ нимъ покончить!»—Эта рѣчь была напечатана на другой же день въ «Оффиціальной Газетѣ», которую редактировалъ центральный комитетъ, но «Rappel» помѣстилъ по поводу этой рѣчи замѣтку, гласившую, что адмиралъ Сесеэ проситъ редакцію напечатать, что онъ никогда не произносилъ фразы:—«Призовемъ провинціи и, если надо, пойдемъ на Парижъ».—«Но намъ трудно не вѣрить собственнымъ ушамъ, говорятъ Ланжалэ и Корье. Мы какъ теперь видимъ предъ собою адмирала Сесеэ, стоящаго направо отъ трибуны, занимаемой Жюлемъ Фавромъ, и слышимъ изъ его устъ эту несчастную фразу» (стр. 113). Затѣмъ Ланжалэ и Корье разсказываютъ о дѣятельности центральнаго комитета и его миролюбивыхъ попыткахъ достигнуть соглашенія съ версальскимъ правительствомъ и національнымъ собраніемъ и убѣдить ихъ въ необходимости удовлетворить какъ можно скорѣе общему желанію парижанъ имѣть свое особое общинное управленіе, — право, которымъ пользовались всѣ города, за исключеніемъ Парижа. Правительство не давало рѣшительнаго отвѣта, а между тѣмъ народъ все громче и громче требовалъ муниципальныхъ выборовъ, которые, наконецъ, и состоялись, несмотря на то, что національное собраніе не дало на это формальнаго согласія. Общинные выборы повели къ окончательному разрыву Парижа съ Версалемъ; избиратели дѣйствовали подъ впечатлѣніемъ злобы къ правительству и такъ-сказать перелили всю свою ненависть къ нему—въ избранную ими общину. Съ этой поры центральный комитетъ уступаетъ свою власть общинѣ, которая уже вступила въ открытую вражду съ правительствомъ. Эти выборы, безъ сомнѣнія, навсегда останутся въ памяти французскаго народа, какъ вѣчный, не смываемый

Digitized by Google

укоръ правительственнымъ дѣятелямъ 18-го марта. Выборы, которыхъ добивалось парижское населеніе, были единственнымъ и самымъ лучшимъ средствомъ въ рукахъ правительства достигнуть полнаго примиренія съ Парижемъ и успокоить волненія, вызванныя прежними ошибками администраціи, но вышло какъ разъ наоборотъ: выборами началась междоусобная война между общиной и Версалемъ. Быть-можетъ, читатель подумаетъ, что правительство въ принципѣ не соглашалось дать Парижу муниципальное управленіе; нѣтъ, въ томъ-то и состояли вся безтакность и близорукость версальскихъ властей, что, соглашаясь съ необходимостью произвести общинные выборы, онѣ въ то же время обнаружили постыдную нерѣшительность и колебались дать на нихъ свое согласіе. Правительство знало, что вызванное имъ недовольство въ средѣ парижскаго населенія принимало довольно грозные размѣры, но оно не знало, что главною причиной этого недовольства были именно тѣ отсрочки выборовъ, которыми пробавлялъ Тьеръ парижскихъ мэровъ. Разъ обманутое населеніе, съ которымъ, къ тому же, правительство такъ безцеремонно обошлось 18-го марта, не могло питать къ власти никакого довѣрія; оно видѣло въ проволочкахъ Тьера косвенный отказъ признать за Парижемъ право на общинное самоуправленіе, и потому рѣшилось завоевать себѣ это право силой. Тьеръ же, съ своей стороны, полагалъ, что выборы сами по себѣ могли бы легко состояться; но эта несчастная дипломатическая тонкость подсказала ему, что они были бы опасны (конечно, для власти) въ то тревожное время, которое переживалъ тогда Парижъ. Вотъ это и была капитальная ошибка, за которую потомъ такъ дорого поплатился несчастный Парижъ. Именно въ то тревожное время выборы были необходимы больше, чѣмъ когда-нибудь. Населеніе было безспорно враждебно настроено по отношенію къ версальскому правительству за его прежній безтактный образъ дѣйствій, но въ этомъ же населеніи, какъ видно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ, не ослабѣвало ни на минуту стремленіе достигнуть соглашенія съ правительствомъ и національнымъ собраніемъ. Такія же чувства одушевляли центральный комитетъ и національную гвардію. Всѣ смотрѣли на выборы какъ на единственный спасительный исходъ изъ возникавшихъ затрудненій, всѣ ожидали ихъ съ нетерпѣніемъ и лелѣяли надежду на миръ, какъ единственный залогъ прочнаго спокойствія. Но судьба рѣшила иначе, и Парижъ до сихъ поръ еще продолжаетъ искупать своею кровью ошибки своего правительства. Во власти Тьера и національнаго собранія были всѣ средства предотвратить мирнымъ путемъ кровопролитіе и бѣдствія, которыми сопровождалось парижское движеніе. Но не объ этомъ помышляло правительство: оно изыскивало способы подавить вооруженною силой тотъ порядокъ дѣлъ, который вытекалъ какъ ясный и неопровержимый выводъ изъ его же посылокъ. Вотъ что говорилъ, напр., Тьеръ

Digitized by Google

послѣ того, какъ организовалась коммуна, въ своей прокламаціи, обращенной къ департаментамъ: «Національное собраніе, тѣсно соединенное съ правительствомъ, спокойно засѣдаетъ въ Версали, *гдѣ приводится въ окончательное устройство одна изъ лучшихъ армій, когда-либо существовавшихъ во Франціи*» (стр. 232). Какъ вамъ нравится, читатель, эта фраза? Послѣ того, какъ ушли прусаки, вдругъ явилась «*одна изъ лучшихъ армій, когда-либо существовавшихъ во Франціи!*» Да, это было бы смѣшно, еслибы не было такъ грустно.

Первый томъ «Исторіи революціи» заканчивается описаніемъ военныхъ дѣйствій въ началѣ войны между Версалемъ и Парижемъ,—описаніемъ столь же правдивымъ и безпристрастнымъ, какъ и вся книга Ланжалэ и Корье. Изложеніе вполнѣ безукоризненно, живо и не лишено изящества, чему способствовалъ очень удачный переводъ книги. Содержаніемъ втораго тома должны служить событія въ высшей степени интересныя, составляющія кровавую развязку этой великой трагической борьбы, и мы ожидаемъ его съ большимъ нетерпѣніемъ.

НАШЕ ТОРГОВОЕ СЧЕТОВОДСТВО.

«Общепонятная двойная бухгалтерія», перев. съ 38-го нѣмецкаго изд. Москва. 1872 г.

«Самоучитель торговой бухгалтеріи», Сергѣя *Иванова*. Москва. 1872 г.

Исторія нашего торговаго счетоводства начинается только съ тридцатыхъ годовъ, когда впервые издана была *) гг. Кларкомъ и Нѣмчиновымъ книга подъ заглавіемъ: «Счетная наука». Книга эта, для начала нашей бухгалтерской литературы, составлена была очень разнообразно и могла считаться весьма полезною; но затѣмъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, если и появлялись новыя сочиненія по счетоводству, то всѣ они, благодаря неясному изложенію, пріучили только образованныхъ людей смотрѣть на двойную бухгалтерію какъ на мастерство, узнать которое возможно усиленнымъ трудомъ, за одною лишь конторкой.

Переводная же наша литература по этой части наполнялась по преимуществу солидными сочиненіями (какъ, напр., «Банки» Курсель-Сенеля, переводъ В. Безобразова, 1862 г.); но труды эти, заботясь о высшихъ задачахъ, были въ сущности экономическими трактатами и весьма въ слабой степени знакомили съ общими началами двойной бухгалтеріи. Такимъ образомъ наша читающая публика мало-по-малу отстала отъ этой науки и, несмотря на позднѣйшія, изданныя въ шестидесятыхъ

*) Кажется, въ 1831 г.

Digitized by Google

годахъ, толковыя сочиненія гг. Фонъ-деръ-Зее, Добролюбова и др., не обращала ни малѣйшаго вниманія на изученіе счетоводства, между тѣмъ какъ польза или, лучше сказать, необходимость его для торговли и промышленности признана была Европою уже болѣе трехъ столѣтій. Обстоятельство это было одной изъ причинъ, что въ Европѣ торговыя дѣла стояли на извѣстной высотѣ, а у насъ въ то же время коммерческая дѣятельность двигалась вяло и притомъ наугадъ, кредитъ развивался туго, а зачастую его и совсѣмъ не было, несостоятельность богатыхъ торговыхъ домовъ дѣлалась обычнымъ явленіемъ и пр. и пр. въ томъ же родѣ. Напримѣръ, весьма многіе, вѣроятно, помнятъ, какъ у насъ въ Москвѣ оказалась несостоятельною одна богатая фирма, которая, при безграничномъ почти довѣріи общества, вела обороты на десятки милліоновъ,—вела ихъ, повидимому, умно, честно,—и вдругъ, ни съ того, ни съ сего прекратила платежи, обанкротилась... Послѣдствія, между прочимъ, показали, что распорядители, не понимая бухгалтеріи и считая ее за пустую формальность, представляли обыкновенно диктатуру надъ книгами спеціалистамъ, а сами вели дѣло на глазомѣръ. Подобные примѣры, конечно, не прошли даромъ, и наши торговые люди стали серьезно заботиться о заведеніи у себя правильнаго счетоводства. Но и тутъ бѣда: оказалось, что у насъ очень мало людей, знающихъ эту часть основательно. Какъ бы, казалось, въ виду большаго спроса, не найтись людямъ; однако нѣтъ ихъ—да и только. Оно, впрочемъ, и понятно: образованное общество не интересовалось этимъ знаніемъ, литература молчала о двойной бухгалтеріи, и наука эта стала особнякомъ, пріютившись въ двухъ-трехъ спеціальныхъ училищахъ. Тогда какъ за границей шло дѣло совсѣмъ наоборотъ: тамъ торговое счетоводство считалось предметомъ общаго образованія и въ нѣкоторыхъ государствахъ введена была въ программы первоначальныхъ училищъ. Вотъ, въ виду этого-то, и было бы желательно, чтобъ и наше общество не пренебрегало, въ свою очередь, двойною бухгалтеріей, убѣдившись въ томъ, что изучить ее возможно по книгамъ и даже по однимъ русскимъ. Къ этому должно еще прибавить, что и само законодательство наше *) придаетъ большое значеніе торговому счетоводству: купеческія книги, по закону, замѣняютъ во многихъ случаяхъ долговые документы и всегда служатъ неопровержимымъ указаніемъ причинъ торговой несостоятельности. И это въ высшей степени справедливо, такъ какъ правильно заведенное счетоводство по двойной системѣ, по своимъ точнымъ, совершенно сходнымъ съ математическими, пріемамъ, способно *цифрами* доказать и происхожденіе каждаго не оплаченнаго долга, и причину несостоятельности торговаго дома. Эта авторитетность двойной системы передъ всякою другою происхо-

*) Т. XI, ч. 2, Св. Зак., ст. 1620—1630.

Digitized by Google

дитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что каждая сумма денегъ, каждая цифра имущества, записываясь въ приходъ или расходъ по одному счету, непремѣнно записываются въ обратномъ порядкѣ и по другому; слѣдовательно всякое передвиженіе имущества или денегъ отъ одного лица къ другому представляется очень наглядно и исключаетъ возможность ошибаться, или, по крайней мѣрѣ, если ошибка и возможна, то она тотчасъ же и обнаруживается сама собою, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Основаніемъ къ такого рода двойнымъ записямъ служитъ то соображеніе, что каждый предметъ, поступая къ одному лицу на приходъ, неминуемо долженъ выбывать у другаго лица въ расходъ, или, замѣняя лицъ имуществомъ, т. е. открывая особый счетъ каждому разряду вещей, происходитъ тотъ же самый обмѣнъ между вещами, какой происходилъ между лицами, то-есть если однихъ предметовъ прибудетъ, то другихъ вмѣсто ихъ неминуемо убудетъ. Напр., получивъ отъ портнаго платье, мы должны по счету платья записать его на приходъ, а по счету денегъ выписать уплаченныя деньги въ расходъ; если же портной отдалъ намъ это платье въ долгъ, то по счету платья мы опять-таки запишемъ его на приходъ, а въ расходъ занесемъ уже не деньги, а стоимость платья по счету портнаго, что и покажетъ нашъ долгъ ему. Такимъ образомъ, записывая каждую цифру вдвойнѣ, очевидно, получится у насъ приходъ равный расходу, и малѣйшее неравенство этихъ итоговъ уже будетъ доказывать какой-либо пропускъ и выдастъ ошибку, которую и можно, вслѣдствіе сего, немедленно отыскать, исправить; та же самая ошибка (не говоря о злоупотребленіяхъ) въ простой бухгалтеріи обнаруживается или случайно, или такъ поздно, что исправленіе ея, при значительности оборотовъ, почти уже невозможно. Кромѣ того, такъ какъ всякая торговая дѣятельность влечетъ за собою или барышъ или убытокъ, знать которые во всей подробности не только любопытно, но и необходимо для распорядителя дѣломъ, то въ торговомъ счетоводствѣ открывается для этого особый счетъ—«счетъ убытка и прибыли», выясняющій причины того и другаго и указывающій, какія распоряженія принесли пользу, а какія—одинъ убытокъ. Вотъ собственно сущность счетоводства по двойной системѣ, уяснивъ которую въ общихъ чертахъ, можно уже перейти къ разбору названныхъ въ заглавіи сочиненій.

«Самоучитель торговой бухгалтеріи» составленъ, какъ сказано на оберткѣ, въ «руководство для купеческихъ прикащиковъ, конторщиковъ и бухгалтеровъ»; причемъ, по словамъ предисловія, переведенъ съ 38 нѣмецкаго изданія именно потому, что наша литература, небогатая сочиненіями по части бухгалтеріи, нуждалась въ такомъ пополненіи. Далѣе, издатель русскаго перевода прибавляетъ, что «изложеніе книги въ вопросахъ, въ формѣ катехизиса, отличается простотой и ясностію; а потому, несмотря на небольшой объемъ, ею можетъ пользоваться

Digitized by Google

съ довѣріемъ не только новичокъ, но и опытный бухгалтеръ». Все это, можно сказать, не столько справедливо, сколько внушительно; въ доказательство чего, не выбирая долго, позволимъ себѣ выписать, на выдержку, по одному вопросу и отвѣту изъ каждой части.

Начинаемъ, по порядку, съ такъ-называемыхъ «Общихъ изъясненій».

В. 30. «Что выражаетъ законъ подъ опредѣленіемъ торговой бухгалтеріи»?

О. «Указаніе на то, что ничего не можетъ быть пріобрѣтено безъ того, чтобы за это не было дано подлежащаго удовлетворенія».

Ни вопроса, ни отвѣта понять нельзя, и потому, безъ разсужденій, перейдемъ ко второй части сей книги, озаглавленной такъ: «Простая или одинаковая бухгалтерія».

В. 124. «Всѣ изложенные вносы представятъ общее обозрѣніе хода торговли какъ вообще, такъ и въ частностяхъ; но чтобъ узнать результатъ всего этого, необходимъ новый инвентарь; какъ сдѣлать это заключеніе»?

О. «По окончаніи подготовительныхъ работъ, желательно, заключеніемъ въ родѣ представленнаго на стр. 40—42, опредѣлить имущество и долги и такимъ образомъ приготовить инвентарь».

Тутъ какъ будто и можно понять, *что* хотѣли спросить и *что* желали отвѣтить. Но, скажите по правдѣ, можно ли болѣе путаться въ словахъ и выдавать эти фразы за простыя и ясныя?

Наконецъ, выписываемъ еще вопросъ съ отвѣтомъ изъ третьей части, изъ «Двойной бухгалтеріи».

В. 217. «Какая обыкновенно разница между статьями исходящаго и входящаго баланса»?

О. «Первый состоитъ изъ простыхъ журнальныхъ статей, чтобы, такъ-сказать, дополнить заключеніе обзора книгъ, тогда какъ для втораго употребляются сложныя статьи (счетъ баланса, или за разныхъ)».

И такъ далѣе, и такъ далѣе въ томъ же родѣ, избавляющемъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ объ этой книжонкѣ, которая стóитъ, по мнѣнію издателя, очень дешево,—всего полтинникъ; а по-нашему цѣна эта совсѣмъ неподходящая, ибо подобныя брошюры въ 136 страничекъ продаются на Никольской по 10 к., а не то и по 5 к.

Теперь о второмъ учебникѣ.

«Общепонятная двойная бухгалтерія», по бѣглому просмотру, можетъ произвести на читателя не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, книга эта раздроблена на множество разныхъ подраздѣленій, именуемыхъ предисловіемъ, введеніемъ, приложеніемъ, заключеніемъ и пр., и пр., отъ чего одни и тѣ же предметы, безъ всякой надобности, повторяются въ ней безпрестанно и, конечно, не уясняютъ дѣла. Во-вторыхъ, все сочиненіе написано въ полемическомъ тонѣ: то тутъ, то тамъ, нѣтъ-нѣтъ да и прорвется у автора либо колкое сло-

Digitized by Google

во, либо обидное сравненіе или некрасивый эпитетъ о всѣхъ безъ изъятія практически и теоретически занимающихся бухгалтеріею. Быть можетъ, въ частности, эти мнѣнія и не лишены основанія,—быть-можетъ, и на дѣлѣ еще много найдется практиковъ-бухгалтеровъ, творящихъ по невѣдѣнію странныя вещи, но современные теоретики тутъ ни при чемъ; да и вдобавокъ, мѣсто подобнымъ обличеніямъ, конечно, не въ учебникѣ и тѣмъ болѣе въ такомъ серьезномъ, какимъ желательно считать «Общепонятную двойную бухгалтерію».

Г. Ивановъ, опредѣляя бухгалтерію, какъ науку, которая должна учить «составлять и вести книги всякаго торговаго и промышленнаго дѣла такъ, чтобъ изъ нихъ, по желанію, во всякое время можно было видѣть и общее состояніе дѣла, и ходъ каждой его части», всячески постарался оправдать это опредѣленіе и уяснить читателю общія, основныя, такъ-сказать, правила счетоводства. Для этого, прежде всего, замѣнилъ онъ сбивчивыя по понятіямъ слова: *дебетъ* и *кредитъ*,—довольно подходящими русскими: *приходъ* и *расходъ*. Это нововведеніе, незначительное само по себѣ, сразу облегчаетъ непривычнаго читателя и даетъ ему возможность освоиться съ чуждымъ для него предметомъ. Тутъ, кстати, выпишу цѣликомъ слѣдующее мѣсто изъ книги г. Иванова *): «чтобы показать, до какой нелѣпости можно дойти, усиливаясь сохранить эти рутинные термины, мы приведемъ такой примѣръ. Должникъ нашъ Петровъ умеръ, не оставивъ послѣ себя ничего, такъ что нѣтъ никакой надежды на полученіе съ него должныхъ намъ 100 рублей. По принятому нами способу, обстоятельство это мы запишемъ въ журналѣ такъ:

На счетъ убытка и прибыли
со счета Петрова (сносимъ):

Безвозвратно потерянные для насъ . . . . . 100 руб.

Употребляя же слова дебетъ и кредитъ, должны сказать:

Счетъ убытка и прибыли (долженъ)
счету Петрова:

Безвозвратно потерянные для насъ . . . . . 100 руб.

«Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, оказалось, что счетъ убытка долженъ, а счетъ Петрова отдалъ, тогда какъ въ дѣйствительности ничего подобнаго не было».

Примѣръ этотъ очень характеристиченъ, и нельзя не согласиться съ г. Ивановымъ, что его запись: занести «на счетъ», «со счета»—и понятнѣе, и болѣе по-русски, нежели вторая: долженъ «счетъ»—«счету», напоминающая какую-то смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Кстати замѣтимъ, что и г. Фонъ-деръ Зее въ извѣстной своей книгѣ «Руководство къ изученію двойной бухгалтеріи», изданной въ 1866 г., упо-

*) Стр. 172—173.

Digitized by Google

требляетъ для главной книги тѣ же выраженія: «на счетъ» и «со счета»; но въ журналѣ придерживается прежней терминологіи.

За симъ, просматривая далѣе книгу г. Иванова, нельзя не обратить особаго вниманія на то обстоятельное разъясненіе общихъ началъ веденія счетоводства, какими должно руководиться при открытіи счетовъ по всякому сложному торговому дѣлу, гдѣ кромѣ капитала и обмѣна цѣнностей участвуетъ еще и производство. Тутъ *) подробно показано, какимъ образомъ счетоводство можетъ идти по пятамъ за дѣломъ, чтобы каждый счетъ логически вытекалъ изъ предыдущаго, показывая всѣ видоизмѣненія, происходящія съ матеріалами. Для нагляднаго же примѣненія теоретическихъ объясненій, авторъ съ большою подробностью разобралъ и разнесъ по счетамъ сложное сахаро-заводское производство, прослѣдивъ его отъ добыванія сырыхъ матеріаловъ вплоть до продажи выдѣланныхъ издѣлій. Все это разсказано, повторяемъ, очень понятно, и книга г. Иванова можетъ считаться полезнымъ вкладомъ въ нашу бухгалтерскую литературу. Но такъ какъ «Общепонятная двойная бухгалтерія» не очень богата практическими примѣрами на частные случаи, весьма разнообразные въ каждомъ торговомъ дѣлѣ, то, ознакомившись по ней съ неизмѣнными правилами счетоводства вообще, слѣдуетъ переходить къ сочиненіямъ болѣе разнообразнымъ съ практической стороны, какъ, напр. «Руководство» фонъ-деръ Зее, а ужь отъ этой послѣдней можно перейти и къ частнымъ бухгалтеріямъ, какова, напр., «Банковая» г. Добролюбова.

Такимъ образомъ, постепенно переходя отъ общаго къ частному, можно, какъ замѣчено выше, узнать торговое счетоводство по нашимъ русскимъ учебникамъ, даже безъ помощи учителя и сравнительно не въ долгій срокъ, что весьма важно, такъ какъ, при быстромъ развитіи у насъ торговой и промышленной дѣятельности, знаніе двойной бухгалтеріи потребуется очень многимъ: богатому землевладѣльцу или фабриканту, чтобы самому хоть издали слѣдить за своимъ дѣломъ,—акціонеру, чтобы повѣрять дѣла общества,—небогатому человѣку, чтобъ имѣть заработокъ,—наконецъ, всякому образованному человѣку, чтобы понимать то коммерческое движеніе, которое кругомъ его совершается.

А гдѣ, въ какомъ, спрашивается, движеніи нѣтъ нынче присутствія коммерческаго элемента?! Наше время именно этимъ-то элементомъ и отличается отъ прошлаго; стало-быть, всякое знаніе, выясняющее намъ съ какой-либо стороны существующіе порядки, и любопытно, и сухимъ быть не можетъ. Говоримъ это въ виду того, что счетоводство считается у насъ такою сушью, такою чисто-механическою работою, которая одна способна внушить отвращеніе къ этому полезному, отнюдь не безсмысленному и удобоприложимому въ жизни предмету. Конечно, одна

*) Стр. 119—130 и 233—246.

Digitized by Google

бухгалтерія, взятая совсѣмъ отдѣльно, не дастъ многаго; но отъ какой же прикладной науки можно это требовать?! Каждая изъ нихъ есть необходимое звено въ ряду другихъ наукъ, и временное выключеніе бухгалтеріи доказало это.

В. Сафоновъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

L'homme-femme. Par mr. Alexandre Dumas-fils. Vingt-troisième édition. P. 1872.

Въ послѣдніе годы Александръ Дюма-сынъ рѣшительно желаетъ сдѣлаться моралистомъ и все чаще покидаетъ свой привычный стиль для поученій и проповѣдей. Со времени его извѣстнаго письма Sur les choses du jour, которое мы разобрали въ минувшемъ году, онъ еще разъ вернулся къ тому же предмету въ новомъ письмѣ, не имѣвшемъ однако столь же сильнаго успѣха. Теперь онъ выступаетъ съ брошюрой надъ страннымъ заглавіемъ *Мужчина-женщина* и отъ вопросовъ политическихъ переходитъ къ одной изъ тѣхъ роковыхъ задачъ, которымъ суждено еще волновать родъ человѣческій,—къ отношенію обоихъ половъ между собою. Авторъ снова пожинаетъ лавры, на этотъ разъ превзошедшія его ожиданія: передъ нами *двадцать третье* изданіе его книги и, сколько намъ извѣстно, одинъ изъ послѣднихъ экземпляровъ этого изданія, за которымъ должно послѣдовать слѣдующее, и такъ далѣе,— и все это въ короткое время. Эта жадность, съ которою публика отнеслась къ памфлету, говоритъ сама за себя; очевидно, либо въ самомъ сюжетѣ, либо въ мысляхъ автора о занимающемъ его вопросѣ есть что-нибудь особенно новое, привлекательное или отталкивающее, но во всякомъ случаѣ волнующее. Любопытство ваше возрастетъ, когда вы узнаете, что брошюра Дюма уже успѣла породить цѣлую литературу, что нѣсколько писателей, въ томъ числѣ Эмиль де-Жирарденъ, поспѣшили напечатать свои замѣчанія на нее въ видѣ писемъ къ автору, и что эти замѣчанія также выдержали нѣсколько изданій. Что же сказалъ новаго Дюма о женщинѣ, какъ отнесся онъ къ проблематическому еще рѣшенію ея судьбы?

Читателю, быть-можетъ, памятенъ недавній процессъ, разыгравшійся передъ парижскимъ судомъ,—процессъ Дюбура (Dubourg), убившаго жену, которую засталъ en flagrant délit,—процессъ, показавшій въ самомъ печальномъ, но правдивомъ свѣтѣ и брачную и семейную жизнь во Франціи, и поверхность женскаго образованія, и бездѣятельность женщины, заставляющая ее часто отъ скуки вовлекаться въ интриги, гдѣ

Digitized by Google

сердце молчитъ и говоритъ лишь чувственность,—и, наконецъ, грубость и казарменность нравовъ мужчинъ. По поводу этого процесса одинъ молодой фельетонистъ, Анри д'Идевилль, напечаталъ въ газетѣ «Soir» статью, гдѣ, поставивъ вопросъ: нужно ли убить невѣрную жену, или нужно простить ее,—онъ, взвѣшивая всѣ пагубныя вліянія, давящія женщину, настаиваетъ на необходимости прощенія. Александръ Дюма, считающій себя, какъ видно изъ его книги, великимъ спеціалистомъ по женскому вопросу, не могъ пропустить такого удобнаго случая, чтобы не высказать всего того, что накопилось у него на душѣ. Онъ обратился къ д'Идевиллю, не зная его лично, съ открытымъ посланіемъ,—и такимъ образомъ возникла настоящая книга.

Книга эта—смѣшеніе меткихъ и правдивыхъ мыслей съ странными парадоксами и даже нелѣпостями. Въ концѣ ея у автора вырывается признаніе, что онъ учился тоже «чему-нибудь и какъ-нибудь», и его брошюра вполнѣ это подтверждаетъ. Для него нѣтъ женскаго вопроса въ томъ видѣ, какимъ онъ представляется лучшимъ умамъ нашего времени, онъ не заботится о правѣ женщины на трудъ, на самостоятельность,—онъ видитъ всюду одно лишь половое отношеніе. Женскій элементъ населенія земнаго шара въ глазахъ его является чѣмъ-то въ родѣ змѣинаго отродья, ласкающагося, соблазняющаго, вкрадчиваго и губительнаго. Онъ даже обращается къ библіи, чтобы примѣромъ искусительницы Евы подтвердить свой взглядъ. Въ его глазахъ нѣтъ равноправности обоихъ половъ, но есть вѣчная борьба ихъ за господство, и всѣ усилія мужской половины должны быть сознательно направлены къ укрѣпленію своего господства. Не можетъ быть рѣчи о равныхъ правахъ мужчины и женщины, говоритъ авторъ, потому что женщина ни въ чемъ не равна мужчинѣ; не то, чтобъ она была ниже его, но она—*что-то совершенно другое*. Какъ Спаситель на брачномъ празднествѣ въ Канѣ Галилейской сказалъ своей матери: «что общаго между Мною и тобою», такъ должны быть произнесены, по мнѣнію Дюма, завѣтныя слова ко всѣмъ женщинамъ. Ничего общаго у насъ съ ними нѣтъ и быть не можетъ. Поэтому, допустивъ всяческое превосходство на сторонѣ мужчины, авторъ старается внушить намъ необходимость всецѣло руководить жизнію женщины, направлять ея развитіе такъ, какъ намъ того хочется, требовать отъ нея безупречности, но быть самому безупречнымъ,—словомъ, сдѣлаться ея стойкимъ, но великодушнымъ властелиномъ. Если же, несмотря на всѣ предосторожности, на всѣ знанія мужемъ людей и свѣта, на всю его добродѣтель, онъ увидитъ себя обманутымъ,—о, тогда прочь великодушіе и гармонія! На мѣсто добраго господина является мститель и (какъ говоритъ Дюма въ воображаемой рѣчи къ своему сыну, наставляя его, какъ жить въ бракѣ) во имя Господа онъ долженъ стать судьею и палачомъ этого презрѣннаго созданія (cette créature). Это уже не женщина, говоритъ онъ сыну,—это животное, это самка Каина,—иди *и убей ее*....

Digitized by Google

Наряду съ этою возмутительно-эгоистическою моралью, которая такъ странно уживается съ цитатами изъ словъ Спасителя, то и дѣло здѣсь приводимыми и дышащими прощеніемъ и любовью, встрѣчается, какъ мы уже сказали, много дѣльныхъ и, что естественно у такого стилиста, какъ Дюма, горячо переданныхъ мыслей. Безотрадное чувство возбуждаетъ набросанная имъ живая картина современныхъ семейныхъ нравовъ: воспитаніе дѣвушекъ для одного замужства, которое превращается такъ часто въ аукціонъ; равнодушіе и пошлость, царящія во многомъ множествѣ семей, которыя тянутъ жизнь изо дня въ день, вѣрныя старымъ предразсудкамъ, душащимъ и гнетущимъ всякое живое существо, попавшее въ ихъ среду; загрубѣлость туповатыхъ инстинктовъ въ молодыхъ людяхъ, приносящихъ съ собою въ бракъ истасканныя силы и опошлѣвшій отъ уличныхъ интригъ и кутежа умъ,— всюду одна пошлость, одно безконечное общее мѣсто, одно и то же отсутствіе всякихъ высшихъ интересовъ и честнаго взгляда на жизнь. Столь же живо та часть книги, въ которой авторъ, подраздѣляя женщинъ на три главные класса: на женщинъ храма (du temple, т. е. какъ бы преданныхъ божественному призванію, высшихъ натуръ, истинно дѣвственныхъ), на женщинъ домашняго очага и на женщинъ улицы,— указываетъ, какъ часто современный общественный порядокъ, смѣшивая насильственно всѣ эти дѣленія, порождаетъ тяжелыя и излишнія драмы. Натуръ, склонныхъ къ семейной жизни, онъ обрекаетъ на вѣчное дѣвство и, наоборотъ, подводитъ къ семейному очагу женщинъ, въ которыхъ ключомъ бьютъ всѣ свойства *женщины улицы* (femme de la rue). Во всѣхъ подобныхъ замѣчаніяхъ много вѣрнаго, но не тамъ нужно искать средствъ спасенія, гдѣ ихъ ищетъ нашъ авторъ, одна парадоксальность мнѣній котораго могла въ такой степени привлечь общее вниманіе.

Am Denkmal Stein's. Festrede gehalten zu Nassau, 9 Iuli 1872, von Heinrich von Siebel. Bonn. 1872.

Три недѣли тому назадъ, въ живописную мѣстность у рѣки Лана, въ горы, гдѣ высится до сихъ поръ ветхій нассаускій замокъ, родовое гнѣздо бывшихъ герцоговъ, собралась большая толпа сановниковъ, политиковъ и ученыхъ чествовать день открытія памятника знаменитому Штейну. Этому съѣзду, этому празднеству постарались придать видъ политической демонстраціи; но это стремленіе не удалось: праздникъ вышелъ вялъ и безцвѣтенъ, и изъ всего сказаннаго на немъ сколько-нибудь выдается лишь рѣчь извѣстнаго историка Зибеля, появившаяся нынѣ отдѣльно. Она задумана съ извѣстной ораторскою ловкостью и принаровлена къ современнымъ нѣмецкимъ интересамъ. Понятно, что можно сказать въ настоящее время въ память о Штейнѣ нѣмецкому оратору. Онъ долженъ помянуть добромъ его горячій патріотизмъ, его ненависть къ францу-

Digitized by Google

замъ, стремленія къ объединенію Германіи при содѣйствіи Пруссіи, преданность прусскому королевскому дому, не остывавшую, несмотря на двукратную немилость. Все это найдемъ мы въ рѣчи Зибеля, гдѣ на этотъ разъ безъ преувеличенія выставлено все благородство искренно-патріотической натуры Штейна. Но въ рѣчи этой есть нѣкоторыя частности, которыя обращаютъ на себя вниманіе и должны быть указаны. Зибель старается именно указать на живую связь, соединяющую стремленія и дѣятельность Штейна съ новѣйшими дѣяніями нѣмецкихъ государственныхъ людей. Если онъ хочетъ сказать этимъ, что связующимъ звеномъ въ обоихъ случаяхъ служилъ принципъ объединенія Германіи Пруссіею, то это не встрѣтитъ возраженія; но коль скоро коснулся онъ единства культурныхъ началъ, къ которымъ шли, которыя призывали въ обѣ названныя эпохи,—сравненіе выйдетъ не въ пользу бисмаркизма. Самъ же ораторъ приводитъ собственныя слова Штейна, заключающія его взглядъ на сущность свободы: это такое широкое пониманіе ея, котораго не встрѣтишь у многихъ дѣятелей болѣе радикальнаго закала, чѣмъ монархистъ Штейнъ. Въ параллель съ самоуправленіемъ, котораго требовалъ для областей и городовъ Штейнъ, Зибель ставитъ новѣйшій окружной уставъ (Kreisordnung), какъ извѣстно, сохранившій великую долю аристократическихъ привилегій, — и это сопоставленіе является горькой ироніей.

Не къ лицу теперешнимъ передовымъ нѣмцамъ тягаться за честнымъ идеалистомъ, правдивая оцѣнка котораго, видно, еще не наступила. Они не сумѣли даже съ честью вспомянуть его, и самый памятникъ, ими воздвигнутый, какъ будто свидѣтельствуетъ объ этомъ жалкомъ безсиліи, совмѣщающемся съ великими претензіями. Пишущему эти строки пришлось быть черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго празднества въ Нассау. Все ближе и ближе подъѣзжая къ мѣсту, гдѣ воздвигнутъ памятникъ, онъ ждалъ чего-то грандіознаго, что̀ бы гармонировало съ горами вокругъ и говорило о величіи замысловъ героя. И вотъ на верху скалы завиднѣлась крохотная статуетка, накрытая узорчатымъ балдахинчикомъ въ псевдо-готическомъ стилѣ,—и жалкою, безпомощною, какъ-то неумѣстною затерялась она среди величаваго ландшафта. Народъ не нашелъ въ себѣ умѣнья воздать великому великимъ же, и природа жестоко подшутила надъ крохотными его поползновеніями. Пусть же вѣковые, естественные законы восторжествуютъ надъ мелкой исключительностью въ самой жизни этого народа, и пусть осуществится въ ней та свобода, которая грезилась Штейну.

Molière. Eine Ergänzung der Biographie des Dichters aus seinen Werken. Von Paul Lindau. Leipzig. 1872.

Настоящая книга, задающаяся весьма обширными и трудными цѣлями, даетъ несравненно менѣе, чѣмъ обѣщаетъ. Біографическія данныя о

Digitized by Google

Мольерѣ дѣйствительно весьма скудны, и поэтому всякое приращеніе къ нимъ является вполнѣ желательнымъ. Г. Линдау, обратившись за пополненіемъ этихъ свѣдѣній къ произведеніямъ самого Мольера, старался отыскать въ нихъ намеки и указанія на различные факты изъ частной семейной или общественной жизни его. Но для подобной работы нужно имѣть болѣе подготовки и глубокихъ знаній, чѣмъ имѣетъ г. Линдау, составившій себѣ въ нѣмецкой литературѣ незавидную извѣстность писателя, принимающагося съ необыкновенною легкостью за всевозможные роды литературы, отъ повѣсти до ученой книги. Поэтому его сочиненіе о Мольерѣ является перечнемъ мелкихъ фактовъ, подобранныхъ тамъ и сямъ въ комедіяхъ Мольера, собранныхъ вмѣстѣ безъ особой связи и мало говорящихъ новаго. Несравненно болѣе пользы можно ожидать отъ серьезныхъ изслѣдователей, разработывающихъ мольеровскій періодъ на основаніи все еще ростущей массы новыхъ документовъ (въ минувшемъ году еще издано въ Парижѣ Э. Кампардономъ нѣсколько отысканныхъ имъ въ архивахъ документовъ, относящихся къ мольеровской театральной труппѣ) и въ связи съ прочими явленіями тогдашней жизни и литературы, какъ, напр., отъ нѣмецкаго ученаго Гумберта, или редакціи новѣйшаго полнаго собранія сочиненій Мольера, обставленнаго всевозможными коментаріями. Книга Линдау, написанная довольно легко, можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ для занимающихся, но во всякомъ случаѣ будетъ употреблена мимоходомъ, послѣ многаго другаго. Изданіе ея изящно и къ ней приложенъ портретъ Мольера, исполненный на основаніи извѣстнаго бюста Гудона.

Göthe's Briefe an Eichstädt. Mit Erläuterungen herausgegeben von Woldemar Frhr. v. Biedermann. Berlin. 1872.

Литература, посвященная Гёте, является гораздо обширнѣе и полнѣе посвященной Мольеру уже потому, что при большей близости къ намъ періода, отмѣченнаго дѣятельностью Гёте и Шиллера, всякая неточность, всякій пробѣлъ можетъ быть всегда скоро разъясненъ и пополненъ, такъ какъ много еще въ живыхъ современниковъ и друзей Гёте, одинъ за другимъ выходящихъ изъ своей безмолвной роли и дѣлящихся съ читателемъ своими воспоминаніями или своею перепиской. Послѣдніе три года въ этомъ отношеніи особенно счастливы. Воспоминаніе англичанина Крабба Робинзона познакомили насъ съ старцемъ Гёте въ его веймарской обстановкѣ, ввели въ то знаменитое жилище поэта, въ которомъ все дышало преданностью поэзіи и знанію, показали намъ Гёте въ его многостороннихъ и увлекательныхъ бесѣдахъ. Воспоминанія Штара дополнили эту картину очеркомъ придворной жизни и театральной дѣятельности Гёте, а нѣсколько біографическихъ матеріаловъ, появившихся въ мелкихъ нѣмецкихъ изданіяхъ, полнѣе и явственнѣе изобра-

Digitized by Google

зили сердечныя привязанности поэта, столь часто смѣнявшія одна другую въ ранніе, юношескіе его годы. Изданная нынѣ переписка Гёте съ профессоромъ Эйхштедтомъ изображаетъ намъ великаго поэта съ другой, гораздо менѣе разъясненной, стороны, которая столько же важна и любопытна, какъ и поэтическая его дѣятельность и постепенное развитіе его убѣжденій. Эйхштедтъ былъ однимъ изъ издателей газеты «Ienaische Allgemeine Literatur-Zeitung», которая въ ту пору возрожденія нѣмецкой литературы стремилась быть однимъ изъ передовыхъ критическихъ органовъ, воспитывающихъ вкусъ публики; кромѣ того онъ отличался тою же многосторонностію знаній, которая составляла отличительную черту и въ характерѣ Гёте, который, стало-быть, чуялъ. что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, равнымъ ему по интересамъ. Сознавая это, онъ въ перепискѣ съ нимъ затрогиваетъ всѣ интересующіе его вопросы, сообщаетъ ему свои сомнѣнія и догадки, вызванныя научными и литературными занятіями, горячо сочувствуетъ различнымъ новымъ начинаніямъ и открытіямъ и, забывая по временамъ свою роль придворнаго человѣка и министра, является энтузіастомъ-ученымъ. Онъ принимаетъ большое участіе въ успѣхѣ іенской газеты, отыскиваетъ для нея сотрудниковъ, отражаетъ удары критики, падающіе на нее, разбираетъ вновь выходящія книги и критическія статьи,—словомъ, показывается намъ здѣсь такимъ, какимъ онъ былъ у себя въ кабинетѣ, наединѣ съ своими бумагами и библіотекой и вдали отъ дворцоваго этикета. Съ этой стороны изданныя нынѣ письма поэта представляютъ живой интересъ и способствуютъ уразумѣнію умственнаго склада Гёте на склонѣ его дней. Примѣчанія издателя, барона Бергмана, составлены довольно обстоятельно.

Tevt. Ein Scherzspiel in zwei Akten, von Robert Hamerling. Hamburg. 1872.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ намъ приходилось уже, по поводу трагедіи Роберта Гамерлинга, Danton und Robespierre, говорить о дѣятельности этого новаго писателя, быстро завоевавшаго себѣ видное мѣсто въ литературныхъ сферахъ. Трагедія была, какъ мы видѣли, піесой для чтенія, но не для игры на сценѣ, хотя авторъ и считалъ постановку ея вполнѣ возможною и желательною. То же можно сказать и объ оригинальной шуткѣ, изданной имъ теперь. Повидимому, молодой талантъ еще пробуетъ свои силы и не остановился еще предпочтительно ни на одномъ литературномъ родѣ. Поэма, трагедія, фарсъ — все для него доступно, на все онъ смѣло рѣшается. Въ настоящемъ случаѣ онъ захотѣлъ испытать счастья въ томъ особенномъ, легкомъ и тонко-насмѣшливомъ родѣ комедіи или фарса, который впервые созданъ былъ Аристофаномъ и потомъ на мгновеніе возрожденъ Карломъ Гацци. Облечь

Digitized by Google

современную сатиру, относящуюся къ политикѣ минуты, въ прозрачныя формы аристофановской комедіи, понятной лишь въ античной обстановкѣ и относящейся, во всякомъ случаѣ, къ дѣтскому періоду искусства, было дѣломъ весьма труднымъ: Аѳины и Берлинъ, Периклъ и Бисмаркъ такъ мало имѣютъ общаго другъ съ другомъ! Тѣмъ не менѣе нашъ авторъ рѣшился на подобную старую погудку на новый ладъ, не видя впередъ, что она будетъ неудачна, а напротивъ, заявляя въ предисловіи снова свою увѣренность въ возможности ея постановки. Вотъ въ чемъ состоитъ сюжетъ его піесы. Мѣсто дѣйствія и время сказочное; главный герой—Тевтъ, родоначальникъ нѣмцевъ или тевтоновъ. Почтенному этому человѣку пришлось какъ-то разъ, по разсѣянности, обронить связку, въ которой находились весьма важныя бумаги,—такія важныя, что разгадавшій ихъ смыслъ могъ совершить великія дѣла и возвеличить все тевтонское племя. Бѣдный родоначалькъ вскорѣ убѣждается въ невознаградимости потери,—что не мудрено, такъ какъ въ дѣло вмѣшалась божественная сила. Одинъ посылаетъ своего вѣщаго орла исхитить оброненный пакетъ, что̀ умная птица исполняетъ въ совершенствѣ и уноситъ его далеко, далеко, къ самому морю, гдѣ и оставляетъ въ зыбучихъ прибрежныхъ пескахъ. Долго суждено лежать тамъ этой новой «Голубиной Книгѣ», пока не народится мудрецъ, который прочтетъ ее и совершитъ предписанное въ ней. А рожденія этого мудреца нужно ждать долго, побольше тысячи лѣтъ. Но онъ, наконецъ, родился, онъ пришелъ на пустынный морской берегъ, онъ разгадалъ вѣчную тайну, онъ исполнилъ божественное завѣщаніе.... Нужно ли разъяснять, что загадочное море—есть Балтійское море, зыбучіе пески—померанскій берегъ, мѣсто, гдѣ выпустила изъ когтей своихъ кладъ лукавая птица—то самое, гдѣ стоитъ нынѣ за̀мокъ Фарцинъ, а мужъ, великій истолкователь премудрости—самъ Бисмаркъ?.. Вотъ до какого заигрыванія съ сильными міра сего доводитъ желаніе остроумничать во что бы то ни стало. Независимый писатель, унижающійся до того, что, хоть и не открыто, сплетаетъ похвалы человѣку успѣха, объединителю его родины, но утѣснителю народа,—какое печальное зрѣлище! Одинъ за другимъ идутъ на этотъ скользкій путь лучшія нѣмецкія литературныя силы, наводя тѣмъ грусть на безпристрастнаго наблюдателя. Что пользы въ томъ, что въ фарсѣ Гамерлинга разбросано много удачныхъ и остроумныхъ стиховъ, тонко намекающихъ на различные политическіе вопросы современной Германіи, если на первомъ планѣ у него стоитъ личность врага свободы не только нѣмецкой, но и европейской! Остается надѣяться, что эта попытка талантливаго автора будетъ мимолетнымъ капризомъ, и что онъ оставитъ этотъ, недостойный его, жанръ для художественныхъ созданій, которыхъ мы въ правѣ ожидать отъ него.

А. В.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

9-го августа.

(Всеобщіе толки о берлинскомъ съѣздѣ.—Избѣгая коментаріевъ, мы переходимъ на нейтральную почву.—Положеніе славянъ въ виду съѣзда.—Отчаяніе поляковъ и признанія «Края».—Тяжкое положеніе чеховъ и «Московскія Вѣдомости», читающія имъ урокъ о политической несостоятельности. — Мнѣніе «Голоса» о благихъ послѣдствіяхъ съѣзда для славянъ. — Факты, говорящіе противное: угроза распустить хорватскій сеймъ; запрещеніе депутацій въ Бѣлградъ; арестъ Скрейшовскаго; мѣры противъ австрійскихъ сербовъ.—Отношенія Австріи къ Сербскому княжеству и значеніе бѣлградскихъ празднествъ.—Хорваты устраиваютъ на свои средства университетъ.—Проектъ раздѣленія пражскаго университета по національностямъ.—Разоблаченіе шпіонства Карла Сабины и добрыя послѣдствія этого открытія. — Вѣсти съ запада: сближеніе Франціи съ Англіей; письмо Тьера къ Амедею; демонстрація Антонелли; возможность распущенія французскаго національнаго собранія.)

Политическій міръ въ данную минуту не живетъ настоящимъ; онъ весь поглощенъ заботой о недалекомъ уже будущемъ и колеблется между оптимистскими надеждами и опасеніями ожидающихъ его невзгодъ. Трудно было бы перечислить всѣ безконечно-разнообразные оттѣнки догадокъ, коментаріевъ, успокоеній и устрашеній, которыми отразился въ европейской печати слухъ о сентябрскомъ съѣздѣ въ Берлинѣ. Съ нашей стороны предаваться преждевременнымъ догадкамъ и разъяснять то, что задумано государственными людьми Берлина (ибо имъ принадлежитъ первая мысль о съѣздѣ) было бы излишне и, вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, неудобно. Есть вопросы, о которыхъ нужно или говорить много и разъяснять весь смыслъ подготовляющагося факта во всемъ его истинномъ значеніи, или не касаться его вовсе. Въ данномъ случаѣ фактъ однако такого рода, что, несмотря на какое бы то ни было воздержаніе, невозможно пройти молча мимо него. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о послѣдствіяхъ сближенія нашего съ Пруссіей и Австріей (въ прежнее время подобное сближеніе отражалось у насъ на усиленіи охра-

Digitized by Google

нительной политики, и, какъ извѣстно, названныя державы дарили насъ новѣйшими своими консервативными системами), мы коснемся болѣе нейтральной почвы, именно вліянія будущаго съѣзда на славянъ. Легко представить себѣ, какое уныніе возбудила въ славянской печати вѣсть о сближеніи австрійскаго правительства съ кабинетомъ желѣзнаго графа,—вѣсть, равносильная усиленію германизма и централизаціи въ ущербъ остаткамъ свободы и національной равноправности. Первые, и больнѣе прочихъ, ощутили это поляки, все еще съ довѣрчивостью взиравшіе на Вѣну, ожидая давно обѣщаннаго соглашенія и вѣря въ твердость даннаго имъ слова. Отнынѣ не можетъ быть и рѣчи объ удовлетвореніи галицко-польскихъ требованій, и все долгое униженіе, заискиваніе и выпрашиваніе, оттолкнувшее отъ поляковъ прочихъ славянъ, пропало даромъ. Поздними угрызеніями совѣсти отозвалось это тяжелое разочарованіе на умахъ польскихъ, и краковскій «Край» съ рѣдкой откровенностью и правдивостью сдѣлался выразителемъ этого тяжелаго самообличенія. Къ великому негодованію старопольскихъ газетъ, въ родѣ «Газеты Народовой», онъ выставилъ на позоръ всю бездѣятельность своихъ соотечественниковъ, прикрываемую лишь суетнымъ метаніемъ отъ одного правительства къ другому, всю инерцію ихъ, благодаря которой, всѣ либеральныя мѣры въ польскихъ земляхъ (освобожденіе крестьянъ въ Царствѣ, конституціонныя льготы въ Галиціи, умноженіе школъ въ Познани и т. д.) были проведены и задуманы не поляками, а тѣми же враждебными имъ правительствами. Эта-то слабость довела ихъ теперь, по мнѣнію краковской газеты, до тяжкаго и вполнѣ предвидѣннаго пораженія. Ими пользовались нѣкоторое время, какъ полезнымъ орудіемъ, и потомъ съ презрѣніемъ бросаютъ, какъ негодную ветошь.—Еще печальнѣе положеніе прочихъ цислейтанскихъ славянъ; правительство считало нужнымъ заигрывать съ поляками и дѣлать имъ изрѣдка легкія уступки, но для чеховъ, словенцевъ и друг. оно было неприступно и безпощадно,—чего же ждать имъ теперь отъ него, когда оно вступаетъ въ періодъ полной реакціи? Чешскіе органы вначалѣ утѣшали себя слухами, пришедшими къ нимъ изъ Вѣны, которые утверждали, будто бы берлинскій съѣздъ будетъ началомъ паденія нѣмецкой партіи въ Цислейтаніи, такъ какъ берлинскому кабинету, вступающему въ дружескія сношенія съ вѣнскимъ правительствомъ, нѣтъ болѣе нужды поддерживать германофильскія стремленія австрійскихъ нѣмцевъ, а напротивъ есть интересъ заботиться о прочности государственной связи у своего союзника. Въ Вѣнѣ понимаютъ это, утверждали пражане, и положатъ конецъ оргіямъ онѣмеченія, водворивъ новую политику, династически-консервативную; настоящее министерство падетъ, и славянамъ станетъ легче жить. Бѣдные славяне!... Они должны радоваться даже водворенію консерватизма, если онъ обѣщаетъ имъ хотя нѣкоторое облегченіе ихъ доли! Какое печальное положеніе, а вмѣстѣ

Digitized by Google

съ тѣмъ и какая обманчивая надежда! Еслибы даже и пріостановилось на время бѣшеное онѣмеченіе славянъ, то развѣ новая политика, съ ея консервативными принципами, не отниметъ у чеховъ всѣхъ тѣхъ небольшихъ вольностей, которыя все-таки гарантировала имъ настоящая конституція,—развѣ не лишатся они тѣхъ правъ сходокъ, ассоціацій, устройства митинговъ, возможности иной разъ свободно обсуждать національные вопросы въ печати, не подвергаясь преслѣдованію? Не станетъ нѣмецкаго натиска,—наступитъ старо-австрійская, радовитая, черно-желтая реакція. Что изъ двухъ хуже, трудно рѣшить.

Чехи пытаются даже возложить послѣднюю надежду на поляковъ, полагая, что они перейдутъ, наконецъ, въ ряды федералистовъ и тѣмъ дадутъ иной оборотъ цислейтанскимъ дѣламъ. «Московскія Вѣдомости» воспользовались этимъ, чтобы прочесть чехамъ рѣзкій урокъ за политическую несостоятельность и грозно напоминаютъ имъ о томъ, что сочувствіе Россіи къ нимъ будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока они будутъ стоять за русскій элементъ въ Галиціи противъ польскихъ притязаній. Совѣтъ не дурный, хотя совершенно несвоевременный. Поучать людей, стоящихъ на краю гибели, и грозить лишить ихъ своего сочувствія—не трудно. Но какъ же было не понять, что въ критическую минуту даже и къ несбыточному обращаются за помощью, что чехи не забыли славянскихъ связей, соединяющихъ ихъ съ поляками столько же, какъ и съ русскими, что, наконецъ, угроза лишить сочувствія просто смѣшна, потому что это сочувствіе ровно ничего не сдѣлало для облегченія чешской доли, да и теперь не только спокойно смотритъ на готовящееся закланіе, но еще берется читать въ такую пору нравоученія.

Другой русскій органъ, «Голосъ», обсуждая вѣроятныя послѣдствія берлинскаго съѣзда, высказываетъ убѣжденіе, что вслѣдъ за нимъ произойдетъ измѣненіе въ отношеніи Австріи къ славянамъ, и это измѣненіе является, по мнѣнію названной газеты, какъ бы неизбѣжнымъ условіемъ сближенія съ Россіей. Факты однако утверждаютъ насъ въ сосовершенно противоположномъ мнѣніи. Идя на сближеніе, обстановленное такими заранѣе предвидѣнными условіями, естественно было бы теперь же выказать нѣкоторое смягченіе, нѣкоторую умѣренность. Напротивъ того, давно австро-венгерское правительство не выказывало такой безпощадной строгости къ славянамъ, какъ въ настоящую минуту. Такъ, оно заподозрило бѣлградскія празднества въ честь совершеннолѣтія князя Милана въ тайныхъ демонстративныхъ цѣляхъ и строго воспретило сначала пражской думѣ, а затѣмъ и цѣлому ряду городскихъ представительствъ въ Венгріи, въ особенности въ мѣстностяхъ съ сербскимъ населеніемъ, высылать депутатовъ въ Бѣлградъ. Когда же, нарушивъ первоначальное рѣшеніе не вдаваться въ полемику по этому вопросу, пражская «Politik» напечатала довольно рѣзкую статью про-

Digitized by Google

тивъ правительственнаго произвола, издатель «Politik», Скрейшовскій, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Но не только по отношенію къ славянамъ Австрія является болѣе чѣмъ когда-нибудь подозрительною, придирчивою и мстительною, но и въ чистосердечности ея сближенія съ Россіей есть все больше и больше основаній сомнѣваться. Въ прошломъ обозрѣніи мы имѣли уже случай, со словъ «Wanderer», указать на продолжающіяся фортификаціонныя работы въ Галиціи передъ самою русскою границей. «Wanderer» еще можно было бы заподозрить въ невѣрномъ изложеніи факта, такъ какъ эта газета послѣ долголѣтняго служенія нѣмецкимъ интересамъ перешла нынѣ въ славянскія руки и защищаетъ совершенно иную политику. Но на дняхъ «Neue Freie Presse» сообщила подробности о производимомъ укрѣпленіи Перемышля. Противъ кого же направлены эти укрѣпленія, повторяемъ мы,— кто тотъ врагъ, на котораго смотрятъ съ нихъ пушечныя жерла? Не Франція и не Римъ, два врага Германіи, для одолѣнія которыхъ она хотѣла бы заручиться постороннею помощью,—такъ неужели это дружественная Россія, сближеніе съ которой еще истолковывается понынѣ въ оффиціозныхъ австрійскихъ газетахъ какъ прочный залогъ европейскаго мира? Іезуитизмъ никогда не покидалъ вѣнской политики и ни при какихъ обстоятельствахъ отъ нея нельзя ожидать свѣта для славянъ. Развѣ въ годину сильнаго погрома она согласится на многое, отступится отъ многаго въ пользу славянъ,—но лишь только минуетъ невзгода и силы начнутъ возвращаться, она же первая отниметъ все, щедро ею данное. Славяне австрійскіе стоятъ теперь на распутьи—роковомъ и гибельномъ; не возрожденіе, а послѣдняя борьба ждетъ ихъ, и она уже не за горами.

Само хорватское соглашеніе, съ такимъ усиліемъ и съ столькими жертвами начинавшееся установляться,—это соглашеніе оказывается снова непрочнымъ. Очевидно, что въ воздухѣ вѣетъ не примирительнымъ духомъ. Серьезнаго обсужденія началъ соглашенія въ сеймовыхъ депутаціяхъ до сихъ поръ не было или, лучше сказать, оно оттягивалось подъ разными предлогами. Теперь же приходитъ извѣстіе, что такъ какъ хорватскій сеймъ, послѣ долгихъ преній, отказался разсматривать бюджетъ Бѣловарскаго комитата, находя, что правительственные чиновники, составившіе его, дѣйствовали неправильно, то правительство по этой, во всякомъ случаѣ маловажной, причинѣ намѣрено *закрыть сеймъ*. Еще рѣшительнѣе намѣрено оно дѣйствовать противъ сербовъ въ Банатѣ и Воеводинѣ, среди которыхъ такъ сильна радикальная партія, слѣдующая за высоко-даровитымъ Милетичемъ и имѣющая живыя связи въ Сербскомъ княжествѣ. Православные австрійскіе сербы сохранили еще драгоцѣнный для нихъ остатокъ автономіи въ дѣлахъ церковныхъ и школьныхъ и, высылая депутатовъ въ Карловицъ на церковно-народный сербскій конгрессъ, имѣютъ право вѣдать сами свои національныя дѣла, избирать своего церковнаго главу, но-

Digitized by Google

сящаго имя патріарха, и т. д. Давно уже эта автономія была не по сердцу пештскимъ господамъ, и уже не разъ возбуждали они своею придирчивостью столкновенія съ сербами. Одинъ вопросъ, доселѣ еще не разрѣшенный, давалъ всегда обильную пищу для раздоровъ,—именно замѣщеніе вакантнаго патріаршаго престола. Послѣ смерти патріарха Маширевича мадьяры уже выразили-было желаніе *назначить* на его мѣсто свою креатуру; оппозиція, встрѣченная ими тогда, заставила ихъ на время отступиться отъ своего плана, и патріаршество было ввѣрено во временное управленіе епископу Стойковичу, получившему званіе администратора патріаршества. Нынѣ этотъ вопросъ снова на очереди, такъ какъ возобновленіе сессіи карловицкаго конгресса предстоитъ весьма скоро. Правительству не желательно вовсе допустить еще разъ автономическому учрежденію этому собраться и обсуждать народные вопросы; оно объявило, что позволитъ конгрессъ лишь на томъ условіи, чтобы вся его дѣятельность ограничилась избраніемъ патріарха; при этомъ былъ выставленъ и свой, приручeнный въ Пештѣ, кандидатъ на это званіе. Десятками посыпались формальные протесты различныхъ сербскихъ городовъ и общинъ противъ этого деспотизма; рѣшимость сербовъ не допускать законной организаціи такого конгресса и во всякомъ случаѣ не принимать навязываемаго имъ мадьярскаго клеврета—высказана была повсюду съ особою силой. Нѣсколько времени длилась нѣкоторая нерѣшительность правительства; теперь же, когда рѣшена берлинская поѣздка Франца-Іосифа, въ Пештѣ рѣшили дѣйствовать круто и напрямикъ. Конгресъ долженъ состояться во что бы то ни стало, правительственный кандидатъ долженъ быть избранъ, а для того, чтобы все это было исполнено въ точности, на конгрессъ будетъ отряженъ, въ качествѣ королевскаго комиссара, *генералъ* Моллинари....

Надѣемся, что изъ этой картины положенія австрійскихъ славянъ въ данное время, для которой такъ легко было бы собрать еще болѣе матеріала, видно, чего могутъ славяне ждать въ близкомъ будущемъ. Но не одни лишь славяне, подвластные Габсбургамъ, но и прочіе ихъ соплеменники находятся въ столь же опасномъ положеніи. Сербское княжество, которое давно уже сдѣлалось предметомъ мадьярскихъ властолюбивыхъ поползновеній, сознаетъ, что и для него кризисъ быстро приближается. Бѣлградскія празднества могутъ считаться манифестаціей славянской солидарности въ отвѣтъ на враждебные замыслы; поэтому нельзя не пожелать, чтобы русскіе представители на этотъ съѣздѣ сумѣли достойно истолковать тѣ чувства и стремленія, которыя воодушевляютъ русское общество. Запретъ, преградившій путь въ Бѣлградъ представителямъ австрійскихъ славянъ, показываетъ, что правительство не сочло даже нужнымъ сдѣлать исключеніе, хотя бы изъ приличія, ради торжественнаго вступленія на престолъ молодаго князя, на дальнѣйшія дѣйствія котораго не можетъ не имѣть вліянія это открыто выраженное въ первыя же минуты его царствованія рѣзкое недоброжелательство.

Digitized by Google

Наканунѣ важныхъ событій, славяне не теряютъ времени для бо̀льшаго упроченія своего національнаго развитія. Такъ, хорваты собрали уже значительныя суммы для основанія національнаго университета въ Загребѣ, и открытіе этого учрежденія, для котораго пріисканы уже надежныя научныя силы, предстоитъ въ скоромъ времени. Новый университетъ вмѣстѣ съ пріобрѣвшей уже почетную репутацію харватской академіей и загребскимъ музеемъ, служа поучительнымъ примѣромъ того, что можетъ собственными силами создать народъ, политически созрѣвшій и сознающій свои силы, сослужатъ, конечно, не малую службу хорватскому народному дѣлу.—Въ то же время въ Прагѣ возбужденъ снова давно уже поднятый вопросъ о раздѣленіи мѣстнаго университета на двѣ половины—чешскую и нѣмецкую, изъ которыхъ каждая представляла бы самостоятельное учрежденіе съ своими учебными пособіями, музеями, кибинетами и т. д. Вопросъ этотъ, поставленный въ этомъ видѣ, былъ возбужденъ депутатомъ Цейтгаммеромъ въ пражской городской думѣ, встрѣтилъ живое сочувствіе и вызвалъ постановленіе думы о посылкѣ въ Вѣну особой депутаціи для ходатайства о раздѣленіи университета. Хотя въ ультра-нѣмецкихъ органахъ предположеніе это вызвало сильное неудовольствіе, но въ сферахъ, болѣе близкихъ къ правительству, проектъ этотъ встрѣтилъ даже нѣсколько сочувственный пріемъ. Это отношеніе цислейтанскаго министерства къ замыслу, столь противорѣчащему, повидимому, его основнымъ стремленіямъ, покажется страннымъ лишь съ перваго взгляда. Между тѣмъ на дѣлѣ сцѣпленіе идей здѣсь представляется слѣдующее: допуская раздвоеніе университета, чехи, стало-быть, отказываются отъ агитаціи за *одинъ* университетъ съ чешскимъ преподавательнымъ языкомъ,—это уже одна побѣда для нѣмцевъ; быть-можетъ, они захотятъ изъ своего новаго учрежденія сдѣлать разсадникъ своихъ сепаратистскихъ происковъ,—пускай они попробуютъ это; но кто имъ дастъ средства обставить свой университетъ такъ, чтобы преподаваніе въ немъ было сколько-нибудь успѣшно? Мы не уступимъ имъ ни библіотеки, ни какихъ бы то ни было собраній; пусть устраиваются какъ знаютъ, а намъ они не могутъ отказать въ либерализмѣ,—это ли не національная равноправность, обезпеченная нашею достославною конституціей?! Таково отношеніе министерства къ вопросу первой важности для чеховъ; какъ слышно, допуская раздѣленіе въ принципѣ, оно старается подкосить его въ зародышѣ, возбуждая вопросъ о недостаточности средствъ и о невозможности лишить теперешній университетъ его ученыхъ сокровищъ. Чехамъ остается показать, что заявленное ими требованіе было не простою демонстраціей, а серьезнымъ дѣломъ—напрячь всѣ усилія, чтобы воспользоваться удобною минутой и завоевать себѣ драгоцѣнную возможность высшаго образованія въ національномъ духѣ. «Собрали же мы громадныя суммы для основанія своего народнаго театра, сказалъ Цейтгаммеръ въ своей рѣчи въ думѣ,—

Digitized by Google

неужели же мы не можемъ своими же руками создать себѣ университетъ, столь же драгоцѣнный для развитія нашей народности?» Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на всѣ невзгоды, на тяжкое разореніе, причиненное странѣ недавнимъ наводненіемъ, повсюду пронесется благородный порывъ, и чехи, подобно хорватамъ, покажутъ намъ новый примѣръ истиннаго патріотизма, который возбуждается и поддерживается не одною военною славой или завоевательною похотью, а иными, болѣе высшими интересами.

Чешскую партію постигла тяжкая невзгода, лишивъ ее одного изъ талантливѣйшихъ дѣятелей, на котораго возлагалось такъ много надеждъ и который оказался предателемъ. Мы говоримъ о Карлѣ Сабинѣ, одномъ изъ лучшихъ историковъ чешской литературы, талантливомъ романистѣ и драматургѣ и, какъ оказывается нынѣ, австрійскомъ шпіонѣ. Только случайность открыла на это глаза чешскимъ вождямъ. Одинъ изъ тайныхъ агентовъ австрійской полиціи, возстановленный противъ своего начальства преслѣдованіями и несправедливостью, въ порывѣ мести, вызвался передать чехамъ важныя данныя, если только ему обезпеченъ будетъ кусокъ хлѣба. Получивъ на это согласіе, онъ укралъ изъ прежняго мѣста служенія кипу бумагъ, заключавшую въ себѣ неопровержимыя доказательства участія Сабины въ тайномъ надзорѣ за дѣйствіями главнѣйшихъ чешскихъ дѣятелей. Всѣ ихъ сношенія, всѣ секретнѣйшіе планы были одинъ за другимъ съ тщательною подробностью сообщаемы Сабиной куда слѣдуетъ; каждый шагъ, каждый помыселъ чешскаго клуба былъ извѣстенъ полиціи. Мало того,—и это, быть-можетъ, самое ужасное изъ всѣхъ разоблаченій,—оказывается, что Сабина былъ ревностнѣйшій agent provocateur, что ему принадлежитъ первая мысль тѣхъ нелѣпыхъ, никѣмъ не одобряемыхъ и только вредившихъ чешскому дѣлу попытокъ, каковы, напр., были: дѣло о взрывѣ гранаты передъ домомъ полицейской дирекціи, надѣлавшее столько шуму три года тому назадъ; дѣло о тайномъ обществѣ *Бланикъ*, разбрасывавшемъ дѣтскія прокламаціи; наконецъ, и тотъ пресловутый заговоръ, имѣвшій цѣлью покушеніе на жизнь генерала Коллера,—заговоръ, о несостоятельности коего мы уже говорили прежде. Сабина задумывалъ эти дикія предпріятія, вовлекалъ въ нихъ наиболѣе горячія головы изъ молодежи, самъ былъ всегда во главѣ, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, и только искалъ случая быть схваченнымъ съ поличнымъ. Но прежде, чѣмъ какое-либо дѣло разыгрывалось вполнѣ, полиціи все уже было извѣстно, бѣдняки, обманутые Сабиной, подвергались тяжкимъ наказаніямъ за государственную измѣну, а самъ подстрекатель оставался безнаказаннымъ, продолжая въ другихъ сферахъ свое предательское ремесло. Уже не разъ странная роль Сабины обращала на себя подозрительное вниманіе его друзей, но онъ всегда умѣлъ отклонить всякое подозрѣніе и продолжалъ бы и теперь пользоваться репутаціей пламеннаго патріота, еслибы совершенно не-

Digitized by Google

чаянное никѣмъ разоблаченіе не открыло всѣмъ глаза. Затруднительное финансовое положеніе побудило Сабину измѣнить отечеству, и онъ не задумался предпочесть роль доносчика любому, хотя бы скромному, но честному занятію, которое при его извѣстности онъ легко бы могъ получить. Потерянный, униженный, опустивъ отъ гнетущаго стыда голову, стоялъ онъ передъ своими прежними собратьями, вызвавшими его на объясненіе въ собраніе чешской партіи. У него не могло быть ни отговорокъ, ни отнѣкиванья,—факты были на-лицо и оставалось лишь сознаваться во всемъ. Ему дали на выборъ: или лишить себя жизни, или на вѣки отправиться въ изгнаніе. Натура слабая, онъ предпочелъ послѣднее и ночью бѣжалъ изъ Праги, выбравъ себѣ убѣжищемъ—Россію. Плохой выборъ, дѣлающій мало чести сообразительности бывшаго агента!

Разоблаченіе измѣны Сабины имѣетъ, впрочемъ, свою хорошую сторону, какъ ни глубоко-печально такое, по-истинѣ трагическое разочарованіе. Не говоря уже о томъ, что для молодежи этотъ примѣръ послужитъ урокомъ въ необходимости большей вдумчивости, большей осторожности и серьезности въ политическихъ начинаніяхъ и отучитъ ее вѣрить на слово искателямъ несбыточнѣйшихъ приключеній,—онъ точно также покажетъ, что національная партія была всегда чужда тѣхъ ребяческихъ затѣй, которыя ей ставились въ вину врагами, что она никогда не дѣйствовала изъ-за угла, но предпочитала идти къ цѣли прямо, стойко, пробивая себѣ путь тѣми средствами, въ пользованіи которыхъ никто не вправѣ отказать гражданину.

Въ остальной Европѣ мы не найдемъ за послѣднее время ни одного событія, которое обращало бы на себя особое вниманіе. Всѣ глаза устремлены на Берлинъ, всюду въ большей или меньшей степени возбуждены тревожныя ожиданія и начинаютъ уже замѣчаться признаки комбинацій, долженствующихъ противодѣйствовать восточной коалиціи. Естественно, что въ подобной комбинаціи болѣе, чѣмъ какая-либо держава, заинтересована Франція. Англійскія газеты утверждаютъ, что въ Берлинѣ германское правительство предложитъ гарантировать сдѣланныя имъ въ минувшую войну земельныя пріобрѣтенія. Обезопасить себя отъ случайностей, могущихъ послѣдовать за подобнымъ договоромъ, сдѣлалось, очевидно, неотступною мыслію правительства г. Тьера. Прежде всего взглядъ его, конечно, обратился къ Англіи, оставленной въ сторонѣ договаривающимися государствами; сближеніе Франціи съ Англіей было всегда отвѣтомъ на коалиціи, заключаемыя на восточной окраинѣ, и это сближеніе становится съ каждымъ днемъ все вѣроятнѣе. Уже англійскія газеты, первоначально относившіяся равнодушно къ съѣзду и принимавшія на вѣру его мирныя цѣли, мѣняютъ теперь тонъ и, находя, что упрочивать миръ въ настоящее и, безъ того спокойное, время, когда не сгладились еще тяжкія послѣдствія великой войны, совершенно излишне, — онѣ угадываютъ иныя, скрытыя цѣли,

Digitized by Google

вызывающія въ нихъ крайнюю подозрительность и неудовольствіе. Кромѣ сношеній съ Англіей, г. Тьеръ ищетъ себѣ опоры даже у такого не-установившагося еще правительства, каково испанское. Онъ написалъ собственноручное письмо къ королю Амедею съ выраженіемъ искренней дружественности и желаніемъ скораго умиротворенія страны, упроченія его власти и добрыхъ отношеній къ Франціи. Это письмо, не безъ намѣренія получившее гласность, имѣетъ, конечно, цѣлію оживить племенныя романскія связи и опереться на нихъ въ будущемъ. Еслибъ италіанское правительство не шло нынѣ послушно за указкой берлинскаго кабинета, отъ котораго оно ждетъ упроченія присоединенія Рима, то сталъ бы возможнымъ столь сильный союзъ четырехъ государствъ, въ виду котораго дѣйствія Бисмарка стали бы значительно осторожнѣе. Быть-можетъ, римскія затрудненія будутъ улажены и безъ берлинской помощи. Новѣйшія телеграммы говорятъ, что кардиналъ Антонелли, донынѣ заклятой врагъ новой Италіи, грозитъ папѣ своею отставкой, если онъ, переставъ слѣдовать внушеніямъ іезуитовъ, не пойметъ необходимости добраго согласія съ италіанскимъ правительствомъ и не приметъ мѣръ къ установленію соглашенія. Рѣшеніе папы, если оно будетъ сочувственно этому предложенію, уничтожитъ само собою тотъ единственный корень раздора между Италіей и Франціей, который разъединяетъ въ настоящее время оба народа, гораздо болѣе близкіе во всемъ другъ къ другу, чѣмъ суровая нѣмецкая монархія и пылкая, почти республиканская, Италія.

Но для большей свободы дѣйствій г. Тьеру необходимо тѣснѣе сблизиться съ требованіями страны и, насколько онъ въ состояніи это сдѣлать, отвѣчать на нихъ. Пріостановка сессіи національнаго собранія оживила снова требованія распущенія его и избранія новаго представительства. Агитація въ пользу этого распущенія, предпринятая радикалами, становится все серьезнѣе и успѣшнѣе. Если принять въ разсчетъ раздоръ, уже возникшій между президентомъ республики и консервативною партіей, и сопоставить его съ упомянутою агитаціей, то распущеніе собранія явится дѣломъ не невозможнымъ. Бываютъ историческія минуты, когда сцѣпленіе обстоятельствъ прямо предписываетъ ту или другую крайнюю мѣру, какъ бы она ни противорѣчила первоначальнымъ предположеніямъ политическаго дѣятеля. Поэтому есть основаніе предполагать, что Тьеръ рѣшится на требуемое страною распущеніе собранія, какъ онъ рѣшился, какъ слышно, настоять на перенесеніи наступающей осенью столицы въ Парижъ, какъ ни былъ онъ самъ еще недавно противникомъ такой уступки народу.

Редакторъ-издатель С. А. Юрьевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google